

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1968 ГОД

Основан в 1957 г. академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 7 0

«Археографический ежегодник за 1968 год» состоит из тех же разделов, что предыдущие тома. В разделе «Статьи и сообщения» публикуются материалы по археографии, архивоведению и источниковедению. Группа материалов раздела посвящена вопросам собирания и обработки ленинских документов, а также воспоминаниям о вожде Великой Октябрьской социалистической революции. Особое внимание уделено историографии археографической деятельности и обзорам **ФОНДОВ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ.**

Выделены материалы пленарного заседания Археографической комиссии («Тихомировские чтения»), посвященного 75-летию со дня рождения основателя комиссии М. Н. Тихомирова.

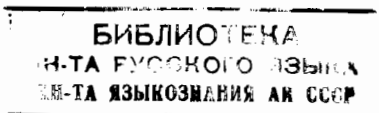
Редакционная коллегия выражает благодарность всем, кто взял на себя труд по рецензированию статей, помещенных в «Ежегоднике». В подготовке к печати «Археографического ежегодника за 1968 год» принимали участие сотрудники комиссии: Ю. В. Андрияшайтите, Р. В. Костина, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм. Общее наблюдение над изданием «Ежегодника» вела Н. А. Долдобанова.

Редакционная коллегия:

С. О. Шмидт (ответственный редактор),
Ю. В. Андрияшайтите, С. Н. Валк,
Н. А. Долдобанова (ответственный секретарь),
Р. В. Костина, Б. Г. Литвак

8/п/

А-87

65084

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. И. Кузьмин

РОЗЫСК ДОКУМЕНТОВ В. И. ЛЕНИНА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ СССР (1923—1967 гг.)

Владимир Ильич Ленин, основатель и руководитель первого в мире социалистического государства, оставил великое литературное наследие, являющееся неоценимым достоянием советского народа, мирового коммунистического движения, всего прогрессивного человечества.

Уже в первые годы Советской власти перед нашей партией, перед историками и всем народом нашей страны встала задача огромной важности: собрать, сохранить и изучить все документы Владимира Ильича. Однако концентрация документов В. И. Ленина оказалась очень трудоемким процессом.

Фонд В. И. Ленина (ф. 2) в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) сложился в основном из пяти частей: а) архива В. И. Ленина, отложившегося в Совнарком РСФСР; б) документов, переданных Н. К. Крупской, М. И. и А. И. Ульяновыми; в) документов, собранных Истпартом и Институтом Ленина в стране и за границей; г) документов В. И. Ленина, переданных отдельными деятелями партии и государства; д) документов В. И. Ленина, поступивших из фондов центральных и местных государственных архивов СССР.

25 сентября 1920 г. было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР, подписанное В. И. Лениным, об учреждении Комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (большевиков) (Истпарт).

Истпарт и его местные отделы развернули активную работу. Вначале Истпарт своего архива не имел. «В конце 1922 года по предложению Секретаря ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева было разработано специальное положение о Государственном архиве Октябрьской революции, как документальной базе Истпарта»¹.

В 1920—1923 гг. началась работа по розыску ленинских документальных материалов и концентрации их в Истпарте. В связи с этим был образован архив Истпарта, который стал с апреля 1924 г. функционировать как самостоятельная структурная часть на правах подотдела. До 1923 г. Истпарт был основным центром по собиранию и публикации документов В. И. Ленина и о нем.

Уже в то время возникла необходимость создания специального научно-исследовательского и издательского института, который бы занимался вопросами собирания, научной обработки, хранения и издания

¹ Н. Р. Прокопенко, А. А. Соловьев. Государственные и партийные архивы — хранители документальных источников по истории Великого Октября и строительства коммунизма в СССР. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 97.

литературного наследия В. И. Ленина. Таким учреждением явился созданный в 1923 г. Институт Ленина (впоследствии ИМЭЛ, ИМЛ).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 февраля 1924 г. Институт Ленина в Москве был признан «единственным государственным хранилищем всех рукописей Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к его деятельности...»² Все архивы, библиотеки, историко-революционные музеи и другие учреждения, а также частные лица, хранящие ленинские документы или бумаги с его пометками, были обязаны сдать их в Институт Ленина.

Решения Советского правительства создали необходимые условия для того, чтобы Институт Ленина смог в короткий срок собрать основную массу ленинских документов и других материалов, необходимых для издания литературного наследия В. И. Ленина и его биографии.

С образованием Института Ленина началась работа по выявлению ленинских документов в государственных архивах. Уже в 1923 г. Архив Октябрьской революции и социалистического строительства (АОР, впоследствии ЦГАОР СССР) приступил к регулярной и организованной передаче в Институт Ленина документов Владимира Ильича³. Главное внимание архивных учреждений в этот период было обращено на выявление документов В. И. Ленина, находящихся в фондах высших и центральных органов Советской власти (съездов Советов, СНК, ВЦИК, наркоматов и др.), характеризующих его как организатора и руководителя Советского государства.

Стали поступать ленинские документы и из других государственных архивов. Уже в 1924 г. Архив Красной Армии (АКА, впоследствии ЦГАКА, ЦГАСА) передал в Институт Ленина ряд автографов и копий ленинских документов. Начался розыск ленинских документов и в местных архивных учреждениях (Самарское, Новгородское, Ленинградское, Иркутское, Ульяновское, Московское и другие губернские архивные бюро). Некоторые выявленные документы для определения места хранения направлялись в центральный архивный орган (Центрархив, впоследствии ЦАУ, ГАУ), который передавал их в хранилище ленинских рукописей.

Особенно успешно проводил выявление документов В. И. Ленина АОР. Однако в целом в 20-х годах в этой работе государственных архивов отсутствовал широкий охват фондов. Мало внимания уделялось поискам ленинских документов в фондах центральных правительственных учреждений дореволюционной России в Архиве революции и внешней политики и в Ленинградском отделении Центрального исторического архива.

Систематическое выявление стало проводиться лишь в 30-х годах преимущественно в связи с запросами Института Ленина, юбилейными датами революционных событий, изданием Сочинений В. И. Ленина и сборников документов на историко-революционные темы. Так, в Архиве революции и внешней политики в 1930—1934 гг. организованно выявлялись документы В. И. Ленина в связи с подготовкой его научной биографии. Именно отсюда больше всего поступило в Институт Ленина документов Владимира Ильича за ранний период его жизни и деятельности. Письма, статьи и другие материалы, написанные В. И. Лениным во время его пребывания за границей и по каким-либо причинам потом утраченные, обнаруживались в этом архиве, в делах Департамента полиции в виде подлинников или копий, в основном перлюстрированных.

² «Отчет XIV партийному съезду Института Ленина». М., 1925, стр. 81.

³ ЦПА ИМЛ, Секция учета и комплектования. Журнал-каталог, т. II, лл. 14, 15—34, 37—52.

Вначале перлюстрации передавались в виде фотографических или машинописных копий. В различные годы Институт Ленина в связи с подготовкой изданий Сочинений В. И. Ленина после анализа копий перлюстраций запрашивал подлинные перлюстрации писем и включал их в тома Сочинений.

В 30-х годах огромную работу по выявлению и передаче документов В. И. Ленина вели и местные госархивы, причем круг их значительно расширился. Однако эту работу существенно затрудняли недостатки в архивном деле, отставание научно-исследовательской работы и неупорядоченность архивных фондов⁴.

В 1940 г. ЦК партии принял решение о подготовке четвертого издания Собрания сочинений В. И. Ленина. В связи с этим выявление ленинского документального наследия стало проводиться более организованно и систематически.

Всего за 1923—1941 гг. из центральных и местных государственных архивов в Институт Ленина — ИМЭЛ было передано 4800 подлинных документов В. И. Ленина (из них 4693 автографа), 1603 различные копии и 10 764 документа, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича или имеющих отношение к переданным документам⁵.

Основная масса документов поступала из АОР — ЦГАОР СССР, из фондов центральных правительственных учреждений и высших органов государственной власти (СНК, ВЦИК СССР и народных комиссариатов), там было выявлено 3538 подлинных документов (из них 3507 автографов), 513 копий и 7909 документов о В. И. Ленине.

Через Центрархив — ГАУ — ЦАУ СССР за это же время поступило в Институт Ленина — ИМЭЛ 1059 подлинников (1025 автографов), 663 копии и 303 документа о В. И. Ленине; из АКА — ЦГАКА — 61 подлинник (52 автографа), 155 копий и 48 документов о В. И. Ленине.

В период Великой Отечественной войны ИМЭЛ был эвакуирован в Уфу, и работа по собиранию документов В. И. Ленина фактически прекратилась. И только в 1944 г., в соответствии с запросами ИМЭЛ ЦГАОР СССР передал в Центральный партийный архив (ЦПА) 10 фотокопий документов В. И. Ленина, выявленных в фондах СНК, ВЦИК, Наркомпрода, Наркомфина и других наркоматов.

После окончания войны собрание ленинских документов было возобновлено и развернулось в более широком масштабе во всех государственных архивах.

Необходимо подчеркнуть, что к этому времени в ИМЭЛ в основном уже были собраны из госархивов те ленинские документы, местонахождение которых было известно и концентрация их, как правило, не представляла особых трудностей. Теперь же предстояло вести кропотливую исследовательскую работу по выявлению документов. Надо было по листно просматривать десятки тысяч архивных дел, привлекать к этой работе большое количество квалифицированных научных сотрудников государственных архивов и ИМЭЛ.

Работники ИМЭЛ и центральных госархивов начали просмотр фондов центральных государственных архивов СССР с целью выявления документов для четвертого издания Собрания сочинений В. И. Ленина. ГАУ СССР совместно с ИМЭЛ был определен круг фондов центральных советских, хозяйственных и военных учреждений, в материалах которых, по предположениям ИМЭЛ, должны быть документы В. И. Ленина. Однако в этой работе с первых же дней встретились объективные затруднения — многих единиц хранения вследствие нарушенного в годы войны учета не оказалось на месте⁶.

⁴ «Архивное дело», 1939, № 2 (50), стр. 2—3; 1940, № 2 (54), стр. 3—4.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 55, д. 2424, л. 34.

⁶ Там же, д. 2689, л. 89.

В январе 1947 г. дирекция ИМЭЛ обратилась к ГАУ СССР с письмом, в котором содержалась просьба о совместной работе по розыску ленинских документов в центральных госархивах СССР. После уточнения объема этой работы ГАУ дало распоряжение о проведении выявления ленинских документов в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА⁷.

Организационные формы и характер работы центральных государственных архивов СССР по выявлению документов В. И. Ленина продолжали совершенствоваться; поиск ленинских документов начал приобретать более самостоятельное направление в деятельности центральных государственных архивов СССР. ИМЭЛ совместно с ГАУ СССР на основе уже накопленного за предыдущие годы опыта в марте 1948 г. составил рабочую инструкцию по учету документов В. И. Ленина и документов, относящихся к его жизни и деятельности, выявленных в центральных государственных архивах⁸, которая способствовала лучшей организации работы госархивов по выявлению ленинских документов и внесла в нее определенную научно обоснованную методику. Вскоре был составлен план совместных мероприятий ГАУ и ИМЭЛ на 1948 г. по выявлению в центральных государственных архивах, расположенных в Москве, документов В. И. Ленина⁹. План предусматривал работу по выявлению ленинских документов лишь в ЦГАОР СССР и ЦГАСА, в нем давался перечень фондов, в делах которых предполагалось наличие документов В. И. Ленина, раскрывался и уточнялся порядок работы по розыску ленинских документов. В ЦГАОР СССР и ЦГАСА с помощью работников ИМЭЛ начался полистный просмотр многих тысяч единиц хранения. В результате этой кропотливой работы были обнаружены новые документы В. И. Ленина.

Однако и после полистного просмотра документальных материалов ЦГАОР СССР, ЦГАСА и других архивов в Москве в 1947—1948 гг. в тех же фондах осталось много невыявленных документов В. И. Ленина. Это случилось потому, что, во-первых, после эвакуации материалов многих дел не оказалось на месте. Во-вторых, сотрудники, которым была поручена работа, не всегда хорошо знали ленинский почерк, они выявляли, как правило, только документы с подписью В. И. Ленина, а его документы без подписи (пометки, резолюции, записки и т. д.) пропускали. Не брались на учет и различные копии ленинских документов, тогда как многие из них представляли единственные сохранившиеся экземпляры некоторых документов В. И. Ленина. Кроме того, в государственных архивах еще не все дела были приведены в порядок, значительные группы документов находились в россыпи и не были просмотрены.

Более широкий размах, плановый и систематический характер работа по выявлению документальных материалов В. И. Ленина в центральных и местных государственных архивах страны получила после директивного письма ГАУ СССР республиканским, краевым и областным архивным учреждениям страны от 28 февраля 1949 г. В нем всем архивным учреждениям страны предлагалось организовать выявление и взятие на учет документов В. И. Ленина и документов, относящихся к его жизни и деятельности¹⁰.

Но в эти годы в госархивах с целью выявления ленинских документов изучались только основные фонды; материалы различных комиссий, комитетов, совещаний и другие еще не просматривались (позднее, в 1955—1963 гг., именно из них было извлечено большое количество новых документов).

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 55, д. 2058, лл. 7, 137.

⁸ Там же, д. 2689, лл. 94—101.

⁹ Там же, д. 2445, л. 78; д. 2689, лл. 116—118.

¹⁰ Там же, д. 3080, лл. 24—27.

Плановая работа центральных и местных государственных архивов по полному просмотру фондов с целью выявления ленинских документов к концу 1952 г. в основном была закончена. Несмотря на недостатки в организации и методике розыска ленинских документов, проведенная архивами в 1945—1952 гг. работа дала замечательные результаты: были обнаружены 901 подлинник (из них 806 автографов), 504 копии и 112 документов, содержащих сведения о жизни и деятельности В. И. Ленина или относящихся к переданным в ЦПА ленинским документам. Но и после 1952 г. поступление документов В. И. Ленина из госархивов в ЦПА ИМЛ не прекратилось.

С 1953 г. государственные и партийные архивы совместно с заинтересованными научными учреждениями начали большую работу по публикации документальных материалов. В процессе выявления материалов для различных сборников обнаруживались, зачастую случайно, ленинские документы.

Особый размах публикация ленинского литературного наследия приобрела после XX съезда КПСС. В январе 1957 г. состоялось решение ЦК КПСС об издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах, которое явилось новым ярким проявлением заботы Коммунистической партии Советского Союза о сохранении и широкой пропаганде великого ленинского наследия.

Важным начинанием ИМЛ при ЦК КПСС и центральных государственных архивов СССР (ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАСА и др.) явилось собирание с конца 1960 г. документальных материалов для научной биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина с 1917 по 1924 г. Одним из источников для установления ранее не известных событий и фактов из жизни В. И. Ленина послужили обнаруженные в процессе поисков новые документы.

Особенность организации плановой работы по выявлению документальных материалов в связи с подготовкой к изданию Полного собрания сочинений В. И. Ленина и научной биографической хроники его жизни и деятельности заключалась в том, что наряду с выявлением документов В. И. Ленина было обращено внимание на группу документов, написанных и присланных по поручениям и просьбам Владимира Ильича. Брались на учет и отпуски документов за подписью В. И. Ленина, а также все документы, характеризующие в какой-то мере жизнь и деятельность вождя.

В 1965—1967 гг. к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина центральные и местные государственные и партийные архивы шире стали развертывать научно-исследовательскую работу по изучению документальных материалов, и были обнаружены новые документы В. И. Ленина и ценные материалы, обогащающие наши знания о Владимире Ильиче.

Всего за 1945—1967 гг. в государственных архивах СССР были выявлены и переданы на постоянное хранение в ЦПА ИМЛ 1601 подлинный ленинский документ (в том числе 1348 автографов), 802 копии документов В. И. Ленина и 229 документов о его жизни и деятельности.

Таким образом, с тех пор, как государственные архивы начали работу по выявлению ленинских документов (1923 г.), по 1967 г. в фонд В. И. Ленина ЦПА ИМЛ были переданы 6401 подлинный ленинский документ (в том числе 6041 автограф) и 2416 различного вида копий документов В. И. Ленина, 10 993 документа, связанных по содержанию с переданными документами В. И. Ленина или характеризующих его жизнь и деятельность.

В настоящее время в фонде В. И. Ленина хранится более 31 тыс. ленинских документов. Сюда не входит значительное количество произве-

дений В. И. Ленина за дооктябрьский период, дошедших до нас только в виде печатных изданий.

Среди хранящихся в ЦПА ленинских документов не менее 28 тыс. автографов и авторизованных документов и почти 3 тыс. документов в виде машинописных текстов, телеграфных бланков и лент, фотокопий и документов, написанных под диктовку Ленина или напечатанных на множительных аппаратах и типографским способом¹¹.

Огромное количество тем и вопросов охватывают выявленные в центральных и местных госархивах СССР документы Владимира Ильича. Бесконечно разнообразен характер сохранившихся рукописей. Среди них встречаются рукописи крупных произведений, статей и подготовительные, черновые записи, материалы и выписки для написания статей, планы и конспекты речей, докладов, произнесенных на различных заседаниях, конференциях, съездах и собраниях и т. д.

Имеются написанные рукой В. И. Ленина проекты постановлений, решений или только подписанные им государственные документы: декреты, постановления СНК, СТО и иногда даже отдельные приказы народных комиссариатов, утвержденные В. И. Лениным.

Важное место в литературном наследии В. И. Ленина занимают его письма, большое количество которых было выявлено в госархивах; они являются органической частью всего идейного наследия В. И. Ленина. Во многих письмах содержатся важные теоретические положения, которые в его произведениях получили дальнейшее развитие. Для В. И. Ленина, который многие годы находился в эмиграции, переписка была одним из основных средств связи с Россией, с местными партийными организациями и отдельными работниками партии. Письма являлись не только источником взаимной информации, но и средством идейного и организационного руководства со стороны В. И. Ленина революционным движением в России.

Особенностью переписки В. И. Ленина советского периода, обнаруженной в фондах центральных (ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАСА) и местных госархивов, является то, что помимо писем она включает в себя и небольшие ленинские записки, его распоряжения, телеграммы, резолюции, а иногда и отдельные пометки на документах. Привлекают внимание разнообразные ленинские резолюции, надписи и пометки на служебных бумагах, посланных с мест и поступивших в СНК и СТО.

Все эти документы уникальные, они ярко отражают деятельность партии, ее Центрального Комитета, В. И. Ленина в первые годы Советской власти.

Следует отметить, что много документов дошло до нас лишь в виде различного рода делопроизводственных и архивных копий того времени, стенограмм и протокольных записей выступлений В. И. Ленина.

В последние годы среди документальных материалов государственных архивов часто обнаруживаются рукописи В. И. Ленина без его подписи, оставшиеся многие годы неизвестными. К сожалению, работа по выявлению документов В. И. Ленина в большинстве архивов по различным причинам ограничивалась поисками только в фондах СНК, ВЦИК, ВСНХ, Госплана, Реввоенсовета республики и наркоматов. Другие же фонды со специальной целью выявления документов В. И. Ленина просмотру почти не подвергались. Между тем опыт показывает, что многие новые ленинские документы были обнаружены именно в тех структурных частях, которые раньше не просматривались или просматривались частично.

Прилагаемая к статье таблица (см. стр. 12) показывает динамику розыска ленинских документов в архивах, характеризует объем и виды

¹¹ А. А. Стручков. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 193.

выявленных и переданных в Институт Ленина — ИМЭЛ — ИМЛ ленинских документов из различных архивных учреждений СССР с 1923 по 1967 г. Таблица составлена прежде всего на основе актов и описей на сданные в ЦПА ИМЛ документы В. И. Ленина. За 1923—1947 гг. эти материалы в ЦГА СССР сохранились частично и не дают общей картины выявления и передачи документов В. И. Ленина. Сохранившиеся же акты и описи содержат лишь отрывочные сведения об обнаруженных ленинских документах. К тому же государственные архивы в течение многих лет, особенно в 30-е годы, передавали подлинники документов В. И. Ленина без оставления в единицах хранения копий с них. В связи с этим установить, какие ленинские документы, их количество, из каких фондов и когда передавались, чрезвычайно трудно.

С организацией с 1947—1948 гг. в ЦГА СССР планового выявления документов В. И. Ленина улучшилась и документация по этому вопросу. Однако и здесь пришлось столкнуться с существенными трудностями в определении количества и содержания переданных документов в ЦПА, так как не все выявленные документы в конечном счете были приняты, некоторые из них после установления авторства, как не принадлежавшие В. И. Ленину, возвращались в госархивы.

В ЦПА ИМЛ наибольшее количество сведений было взято из документов секции учета и комплектования за 1922—1967 гг., особенно по фонду В. И. Ленина.

Книги учета поступлений в архив за начальный период существования Института Ленина зачастую содержали лишь глухие сведения. Это объяснялось тем, что над большинством поступавших в Институт ленинских документов, особенно дореволюционного периода и первых дней Советского государства, предостояла большая работа, так как часто они представляли собой отрывки писем без подписи, дат и точных адресов, отдельные записки, документы с выцветавшим, а иногда и с зашифрованным текстом. Другие учетные материалы за эти годы сохранились лишь частично.

Для того чтобы установить, когда, от какого архивного учреждения и какие документы В. И. Ленина поступили в архив Института Ленина — ИМЭЛ — ИМЛ, в первую очередь были изучены регистрационные журналы-каталоги (1923—1967 гг., тт. I—XIX), в которых содержались, в основном, акты передачи в ЦПА документов В. И. Ленина из различных учреждений, в том числе из государственных архивов, а также от частных лиц (иногда к ним были приложены описи документов). В журналах-каталогах сохранилось большинство актов и описей, но им присущи те же недостатки, которые имели подобные материалы центральных госархивов. Кроме того, сюда попали акты и описи только на документы, поступившие в большом количестве. Малочисленные поступления отражения в журналах-каталогах, как правило, не нашли. Часть актов и описей госархивов оказалась в делах фонда 2 (папки 2, 6, 7). Здесь же отложилась переписка о розыске документов В. И. Ленина.

Все материалы, связанные с поисками и поступлением в фонд 2 какого-либо ленинского документа, в секции учета и комплектования, как правило, вкладывались в специальное дело под тем номером, под которым этот документ находился в фонде В. И. Ленина. Исследование этих дел позволило существенно дополнить, а зачастую заново установить когда, от какого архивного учреждения и какие документы В. И. Ленина поступили в ЦПА ИМЛ. Однако и здесь сохранились не все сведения о поступивших документах. Часть материалов, по-видимому, отложилась в других делах или была утрачена. Имеющаяся в делах система отсылок усложнила процесс изучения, но позволила привлечь другие источники, которые дополнили дела документов фонда В. И. Ленина. Учетная картошка учреждений, организаций и лиц, сдавших документы в ЦПА ИМЛ,

содержащая лишь цифровые данные (притом не очень точные) о поступлении ленинских документов, ничего нового не дала. Поэтому все данные, собранные в результате анализа документов секции учета и комплектования, были сопоставлены с книгами поступлений документов в ЦПА ИМЛ № 1—32 и другими источниками.

Таким образом, материалы секции учета и комплектования, особенно за первые годы существования Института Ленина, содержат отрывочные, глухие сведения и не в полной мере отвечают на поставленные вопросы. Данные о поступлении ленинских документов не выделены, многие из них были извлечены из массы документов с большим трудом. Сопоставляя, анализируя материалы и секции учета и комплектования ЦПА, и ГАУ, и ЦГА СССР, удалось проследить многообразную деятельность государственных архивов по выявлению ленинского документального наследия, точно установить, какие документы, их количество, когда и от какого государственного архива поступили в ЦПА ИМЛ в 1923—1967 гг.

Данные таблицы свидетельствуют об огромной работе, проделанной государственными архивами СССР по розыску бесценного ленинского наследия. В результате совместных усилий научных работников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и госархивов СССР удалось выявить в различных архивохранилищах пятую часть всех ленинских документов, сконцентрированных в настоящее время в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС.

Существующая методика еще не в полной мере отвечает задачам этой работы, а госархивы страны далеко не исчерпали всех возможностей по выявлению документов В. И. Ленина. Эту работу необходимо продолжать с тем, чтобы разыскать все документы В. И. Ленина, хранящиеся в госархивах СССР.

А. М. Володарская

В ПОИСКАХ ЛЕНИНСКОГО НАСЛЕДИЯ

(Из опыта работы по установлению авторства статей
В. И. Ленина)

Разными путями происходит пополнение драгоценного наследия В. И. Ленина. Новые ленинские документы обнаруживаются в архивах, библиотеках, у частных лиц, в Советском Союзе, а иной раз и за рубежом. Сообщения об этих замечательных находках и поступлениях в нашей прессе вызывают большой интерес у читателей.

Новые произведения В. И. Ленина удастся разыскать также в дореволюционной большевистской периодической печати, являющейся богатейшим источником, в недрах которого хранится еще немало неизвестных ленинских работ. Однако выявить их нелегко. Печатались они зачастую без подписи или подписаны неизвестными нам псевдонимами. Чтобы установить принадлежность их перу В. И. Ленина нужно проделать кропотливую источниковедческую и текстологическую работу.

Автору данной статьи довелось работать ряд лет над изучением деятельности В. И. Ленина, большевистской партии в период революционного подъема накануне первой мировой войны. Настоящая статья ставит задачей обобщить небольшой опыт поисков ленинского наследия. В исследовании наряду с архивными материалами одним из важнейших источников была ежедневная большевистская газета «Правда», издававшаяся легально в Петербурге с апреля 1912 г. по июль 1914 г.

В «Правде» печаталось большинство ленинских статей того времени. Впоследствии, в 1917 г., В. И. Ленин писал: «Фактически эта газета была органом *Центрального Комитета* нашей партии, Российской социал-демократической рабочей партии. Я писал в эту газету почти ежедневно из Кракова, где я в это время жил в качестве политического эмигранта»¹.

В настоящее время известно 285 статей, корреспонденций и заметок В. И. Ленина, опубликованных в дореволюционной «Правде». Но нет сомнения в том, что этот источник далеко не исчерпан. Он таит в себе еще немало ленинских статей, до сего времени не выявленных. Это признают и другие исследователи, много лет изучавшие период революционного подъема и уделявшие большое внимание газете «Правда». Ими установлена принадлежность перу Ленина некоторых статей из «Правды»².

Наши поиски в этом направлении оказались не безуспешными. Простатривая комплекты «Правды», вчитываясь в опубликованные там материалы, удалось разыскать среди них неизвестные ленинские статьи. Впоследствии они были включены в Полное собрание сочинений В. И. Ленина: «Капиталисты и вооружение» (т. 23, стр. 253—254), «О „юбилее

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 79—80.

² В. Т. Логинов. О принадлежности В. И. Ленину некоторых статей, опубликованных в «Правде» (1912—1914 гг.). — «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 164—169; Т. В. Шепелева. Научная обработка и хранение документов В. И. Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Там же, стр. 178—179 и др.

русской интеллигенции“», «Нищета народных учителей», «О наших школах» (т. 24, стр. 76—77, 195—197, 239—240).

Какие же данные позволили прийти к выводу о принадлежности упомянутых статей Ленину? В каждом отдельном случае эти данные различны по своему характеру. В одном случае авторство Ленина удалось установить с помощью ленинского документа, найденного в архиве. В другом случае решающую роль сыграли высказывания о П. Г. Виноградове, содержащиеся в одной из исследуемых статей (подобные мысли уже были высказаны В. И. Лениным в ранее написанных им произведениях).

Общим для всех случаев является характерный ленинский стиль, употребление специфических оборотов речи, выражений, словечек, свойственных языку Ленина и не встречающихся у других авторов, чьи статьи печатались в тогдашней большевистской печати.

Рассмотрим, как была установлена принадлежность В. И. Ленину двух статей — «Нищета народных учителей» и «О наших школах», близких по содержанию и по времени написания. Существенную роль при этом сыграла таблица, составленная В. И. Лениным в 1913 г., которая привлекла внимание при просмотре фотокопий ленинских рукописей 1912—1914 гг., хранящихся в Центральном партийном архиве. Таблица была озаглавлена Лениным «Народные школы в СПб. учебном округе (18.1.1911)». Цифровые данные для нее были отобраны из статистического сборника «Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года» (вып. 1, ч. 2. С.-Петербургский учебный округ, 1913). В таблице собраны сведения о средней заработной плате учителей и учительниц начальных школ, об уровне их образования, а также о величине школьных помещений, о соотношении между площадью пола и световой площадью окон в них и др.

Можно было предположить, что таблица подготовлена Лениным для задуманной им работы о состоянии народных школ в России и о положении народных учителей. Между тем в сочинениях В. И. Ленина не нашлось ни одной статьи, в которой использовались бы цифры из этой таблицы.

Необходимо было тщательно обследовать большевистскую печать за 1913 и начало 1914 г., особенно «Правду» за последние месяцы 1913 г., когда в газете отводилось много места предстоящему в конце года Всероссийскому съезду народных учителей. Эти поиски увенчались успехом. В декабрьских номерах «Правды» оказались две статьи, написанные на основе цифровых данных ленинской таблицы, — «Нищета народных учителей»³ и «О наших школах»⁴.

Обе статьи напечатаны без подписи, и автор их не был известен. Текстологический анализ статей полностью исключил предположение о возможности использования цифр из ленинской таблицы каким-либо другим автором и позволил прийти к неоспоримому выводу, что автором их является В. И. Ленин.

В обеих статьях критикуется казенная, а также либеральная статистика. Особое внимание в них обращено на «плохую обработку» статистического материала, на злоупотребление средними цифрами, что дает возможность «прикрыть неприятную правду», на неудовлетворительный характер самой программы переписи школ, который назван «казенным и чиновничьим». Аналогичные критические замечания находим в ряде работ В. И. Ленина, написанных на основе статистических источников⁵.

³ «За правду», 4 декабря 1913 г.

⁴ «Пролетарская правда», 18 декабря 1913 г.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 197, 199, 356; т. 24, стр. 276 и др.

Обе статьи написаны характерным ленинским стилем — кратко, выразительно, политически остро. В них встречаются типичные для ленинских работ обороты речи и приемы изложения. Так, в статье «Нищета народных учителей» есть такая фраза: «Важно знать, *сколько* именно учителей и учительниц получают отчаянно низкую, самую низкую, очень низкую, вообще низкую и т. д. плату»⁶. Ленинскому стилю свойственны несколько определений одного предмета или явления для более глубокой и всесторонней их характеристики. В статье «О наших школах» читаем: «Министерство изо всех сил постаралось, чтобы подробных, точных, полных данных о нищенском положении наших школ *не* было собираемо».

И все же жалкое, нищенское положение церковно-приходских школ выступает даже из неполных, казенно-урезанных, плохо обработанных данных»⁷.

Более подробно обоснование принадлежности В. И. Ленину рассматриваемых работ о школах изложено в нашей статье «Из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина»⁸.

Из сказанного видно, какую значительную роль в установлении авторства В. И. Ленина сыграла таблица, хранящаяся в Центральном партийном архиве, оказавшаяся подготовительным материалом к статьям о школах. К сожалению, такого рода документы удается найти не так часто. Ленинский архив 1912—1914 гг. (так называемый Краковско-Пороницкий архив) дошел до нас лишь частично. Недостаток архивных материалов серьезно затрудняет исследовательскую работу по розыску неизвестных произведений В. И. Ленина. В ряде случаев приходится строить догадки и предположения, а затем и доказательства, исходя лишь из текста самих статей, сопоставляя их с известными работами Ленина. Таким путем была установлена принадлежность Ленину других статей, о чем речь пойдет ниже.

Статья «О „юбилее русской интеллигенции“», опубликованная без подписи в газете «За правду» от 15 октября 1913 г., обратила на себя внимание не только ярко выраженным ленинским стилем, но и тем, что в ней критикуется статья либерального профессора П. Г. Виноградова «Политические письма», которой В. И. Ленин придал большое политическое значение еще в 1905 г. Эту статью, напечатанную в «Русских ведомостях» 5 августа 1905 г., Ленин взял под обстрел сразу же по ее выходу в свет, так как в ней, писал он, «г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии...»⁹

Основная мысль либерала Виноградова, которую подметил В. И. Ленин, — это предостережение против вступления России на путь Франции 1789 г.; нужно употребить все усилия, чтобы у нас движение пошло по пути Германии 1848 г., т. е. чтобы революция не была доведена до конца. Ленин так охарактеризовал это рассуждение Виноградова: «Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься»¹⁰.

На протяжении ряда лет (1905—1907 гг.) В. И. Ленин использует «Политические письма» Виноградова для разоблачения контрреволюционности либеральной буржуазии. Статья «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?»¹¹ (сентябрь 1905 г.) целиком посвящена разбору высказываний Виноградова из его «Политических писем». В «Докладе об объединительном съезде РСДРП» и в «Докладе об отношении к буржуаз-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 196.

⁷ Там же, стр. 240.

⁸ «Проблемы источниковедения», т. VII, 1959, стр. 3—12.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 225—226.

¹⁰ Там же, стр. 226.

¹¹ Там же, стр. 225—230.

ным партиям»¹² на V съезде РСДРП Ленин снова и снова обращается к этим высказываниям.

Проходит несколько лет. Период жесточайшей политической реакции и подавления революционных сил царизмом сменяется новым революционным подъемом. Растет политическая активность рабочего класса. Обостряется борьба между революционным и оппортунистическим течениями в рабочем движении, в частности и по вопросу об отношении к либеральной буржуазии и о правильном понимании ее тактики. Эта проблема становится все более животрепещущей.

И вот в июне 1913 г. в «Правде» появляется статья В. И. Ленина «Откровенные речи либерала», в которой он вновь возвращается к «Политическим письмам» Виноградова, отмечая, что опубликовали их «Русские ведомости» — орган либералов. На этом факте Ленин показывает контрреволюционное отношение «Русских ведомостей» к событиям 1905 г.

А через несколько месяцев, в октябре 1913 г., когда отмечался 50-летний юбилей «Русских ведомостей», в газете «За правду» печатается статья «О „юбилее русской интеллигенции“», в которой снова использованы для показа контрреволюционности «Русских ведомостей» «Политические письма» Виноградова. Причем отдельные формулировки в этой статье очень близки тем, которые употреблены Лениным в упомянутых выше статьях и докладах. Например, о Виноградове в статье говорится: «Звезда либеральной науки и либеральной публицистики, господин профессор Виноградов, историк, поместил тогда в „Русских Ведомостях“ знаменательную, незабвенную, забываемую, „историческую“ статью»¹³. «Звездой либеральной науки» Виноградов назван и в статье «Откровенные речи либерала»¹⁴ и в «Докладе об отношении к буржуазным партиям»¹⁵ на V съезде РСДРП.

Критика в статье «О „юбилее русской интеллигенции“» высказываний Виноградова, к которым, как известно, Ленин неоднократно обращался в своих работах, является существенным аргументом в пользу того, что автор данной статьи — В. И. Ленин. Конечно, этот аргумент действителен при том непереносимом условии, что рассматриваемая нами статья по своему стилю и языку — ленинская. В данном случае это не вызвало никаких сомнений. В этом можно легко убедиться, прочитав статью.

Опубликованная в «Правде» от 12 июня 1913 г. статья «Капиталисты и вооружение» (без подписи) тесно связана по содержанию со статьей В. И. Ленина «Вооружения и капитализм», появившейся в «Правде» незадолго до этого, 21 мая 1913 г., за подписью «Фр.»¹⁶

Обе они написаны на основе одних и тех же источников, материалов из английских рабочих газет и прежде всего из газеты «The Labour Leader». Статья «Капиталисты и вооружение» представляет собой прямое продолжение ленинской статьи «Вооружения и капитализм», где разоблачается милитаристская политика капиталистов. Об этом говорится в первой же фразе рассматриваемой нами статьи: «Английская рабочая печать продолжает свою интересную и поучительную кампанию разоблачений по поводу того, как синдикаты интернационально объединенных капиталистов толкают народы на войну»¹⁷.

Нельзя не обратить внимание и на заголовки обеих статей. Они почти идентичны, что также является доказательством общности их происхождения, принадлежности одному автору — В. И. Ленину.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 21; т. 15, стр. 336.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 77.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 194.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 336.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 175—176.

¹⁷ Там же, стр. 253.

Стоит отметить, что вскоре после статьи «Капиталисты и вооружение» в «Правде» публикуется статья Ленина «Буржуазные дельцы-финансисты и политики», написанная также на материалах газеты «The Labour Leader». Статья начинается словами: «Английская рабочая печать продолжает свои разоблачения о связи финансовых „операций“ с высшей политикой»¹⁸. Тем самым устанавливается связь с предыдущими двумя статьями и дополнительно подтверждается принадлежность Ленину статьи «Капиталисты и вооружение».

Перейдем к рассмотрению статьи «Откровенное рассуждение либерала», напечатанной без подписи в газете «Трудовая правда» от 10 июня 1914 г.¹⁹ Эта статья числится в списке работ, автором которых, возможно, является В. И. Ленин, опубликованном в приложениях к XVII тому 2-го и 3-го изданий Сочинений В. И. Ленина. Однако ни в 4-е, ни в 5-е издания Сочинений она не была включена.

Проведенное исследование статьи «Откровенное рассуждение либерала» привело к твердому убеждению, что ее автор — В. И. Ленин. Каковы же основания для такого утверждения?

Статья появилась в «Трудовой правде» в июне 1914 г. Это было время назревания в России революционного кризиса. В стране резко обострились классовые противоречия, высоко поднималась волна революционного стачечного движения, демонстраций и других форм открытой борьбы масс. В этой обстановке усилились разногласия между правящей верхушкой и представителями буржуазии по вопросу о том, как предотвратить надвигающуюся революцию.

В кругах либеральной буржуазии росли оппозиционные настроения, недовольство правительством, наблюдался процесс ее «левения» в целях завоевания доверия масс и отвлечения их от революционной борьбы. И в то же время сквозь пелену оппозиционных выступлений либералов проглядывали боязнь революции, постоянный страх перед растущим движением рабочего класса.

Большевистская партия, ведя работу в массах за расширение своего влияния, ставила задачу повседневно разоблачать антидемократическое существо либерализма, используя различные факты и события политической жизни страны. «Правда» уделяла много внимания этой теме.

Статья «Откровенное рассуждение либерала» посвящена как раз вопросу об отношении либерализма к демократии, которому В. И. Ленин придавал большое значение и систематически освещал в своих работах. В статье разбираются рассуждения левого октябриста, члена Государственной думы барона Мейендорфа, опубликованные в газете «Речь» от 1 июня 1914 г. под заглавием «Депутаты о политическом положении». Мейендорф откровенно говорит о вражде либерализма к демократии.

Подобные откровенные признания представителей враждебных партий в том, что старались скрыть их лидеры, В. И. Ленин обычно использовал для разоблачения истинной природы этих партий. Известны многие статьи В. И. Ленина, в которых применен этот полемический прием: например, «Откровенно», «Благодарим за откровенность», «Откровенные речи либерала», «Заметки публициста», «Спасибо за откровенность»²⁰ и другие. В. И. Ленин нередко иронически благодарит своих противников за откровенность, что находит отражение в тексте и в заголовках некоторых статей. В рассматриваемой нами статье также выражена благодарность «Мейендорфу за то, что он откровенно раскрывает вражду либерализма к демократии».

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 258.

¹⁹ Статья «Откровенное рассуждение либерала» опубликована в журнале «Вопросы истории КПСС», 1970, № 4, стр. 3—5, как принадлежащая В. И. Ленину.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 295—296, 359—360; т. 23, стр. 193—194; т. 24, стр. 11—15; т. 27, стр. 24—25.

В статье «Откровенное рассуждение либерала» дана четкая характеристика отношения либералов к демократии и к реакции: «Кадеты и все либералы боятся демократии больше, чем реакции... Либералы боятся выступления на политическую авансцену широких масс». Этот тезис встречается у Ленина почти дословно во многих его работах: «Либерализм боится демократии больше, чем реакции»²¹; «Но буржуазия боится народной активности больше, чем реакции»²²; «Это — одна политика одного и того же класса, который больше боится революции, чем реакции»²³; «Это — разные крылья или представители разных оттенков либеральной буржуазии, которая больше боится демократии, чем Пуришкевичей»²⁴; «Суть дела в том, что эта буржуазия больше боится народа, чем реакции»²⁵; «... буржуазия боится „бури“ больше, чем реакции»²⁶.

Обращает на себя внимание разоблачение автором статьи «Откровенное рассуждение либерала» уверенный либералов в том, «что мы-де тоже демократы». Это типично для Ленина, не упускавшего случая раскрыть обман либералов, показать их антидемократическую суть. Данному вопросу посвящена статья «О „юбилее русской интеллигенции“»²⁷ и ряд других статей и отдельных высказываний: «А кадеты также длительно „соглашаются“ с друзьями октябристов, прогрессистами, уверяя народ в своем, простите за выражение, демократизме»²⁸. В. И. Ленин пишет о кадетях, «которые хотят, чтобы их считали демократами»²⁹. Примеров можно привести еще много.

Больше всего убеждает в том, что автором статьи «Откровенное рассуждение либерала» является Ленин, следующее обстоятельство. В статье содержится оригинальная мысль, появляющаяся в некоторых работах В. И. Ленина с осени 1913 г., когда он много занимался национальным вопросом, читал рефераты, писал статьи, готовил резолюцию по национальному вопросу для Поронинского совещания ЦК РСДРП. Ленин в это время приходит к выводу, что наряду с национал-реакционерами и национал-либералами в России нарождаются и национал-демократы и что пролетариат должен вести борьбу со всяким национализмом, в том числе давать «отпор национализму русского мужика»³⁰.

Наиболее полно это положение изложено в известном произведении Ленина «О праве наций на самоопределение». «До 1905 года, — пишет Владимир Ильич, — мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились национал-либералы... А дальше неизбежно рождение великорусских национал-демократов... С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго»³¹.

Отдельные стороны этого вопроса В. И. Ленин изложил в «Наброске резолюции по национальному вопросу» и в «Тезисах реферата по национальному вопросу»³², а также в статьях «Кадеты и „право народов на самоопределение“» и «О национальной программе РСДРП»³³. О том, что «нац[ионали]зм рус[ского] мужика — темн[ая] сила» и что необходима

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 63.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 78.

²³ Там же, стр. 372.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 183.

²⁵ Там же, стр. 347.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 164.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 76—77.

²⁸ Там же, стр. 75.

²⁹ Там же, стр. 373.

³⁰ Там же, стр. 391.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 318—319; см. также «Планы статьи „О праве наций на самоопределение“». — Там же, стр. 438.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 378, 391.

³³ Там же, стр. 210, 229.

«б[орь]ба с ней», Ленин говорит в добавлении к плану реферата «Национальный вопрос»³⁴.

Ни у одного другого автора, чьи статьи публиковались в тогдашней большевистской печати, аналогичных высказываний мы не находим. Лишь в статье «Откровенное рассуждение либерала» полностью сформулирована эта ленинская мысль. В полемике с Мейендорфом, объясняющим свою боязнь выступлений масс, боязнь демократии тем, что широкие массы чрезвычайно восприимчивы «к узко-национальным и шовинистическим настроениям и деяниям», автор пишет:

«Нам, марксистам, прекрасно известно, что кроме националистов-реакционеров бывают и националисты-либералы (или национал-либералы, — октябристы и кадеты именно таковы), бывают, наконец, и национал-демократы.

Что же отсюда вытекает? То ли, что надо „опасаться“ перехода от крепостнической России к буржуазно-демократической? Или то, что надо всем поддерживать такой переход и помогать ему, ни на минуту не забывая о пролетарской классовой борьбе против всякой буржуазии, хотя бы демократической, против всякого национализма, хотя бы мужицкого?» И в заключительной фразе снова повторяется: «с буржуазной демократией против крепостников, в союзе рабочих всех наций против всякого, в том числе и великорусского, и крестьянского, и демократического, национализма».

Наличие в рассматриваемой нами статье этой мысли по национальному вопросу является весьма убедительным доказательством того, что не кто иной, как Ленин, написал ее.

Статья «Откровенное рассуждение либерала» написана характерным ленинским стилем, в ней встречаются специфические ленинские выражения, обороты речи, отдельные слова.

Например, «в этом гвоздь». Это выражение часто встречается у В. И. Ленина — т. 23, стр. 70: «Здесь — гвоздь вопроса...»; т. 24, стр. 84: «А между тем в этом гвоздь всего»; стр. 182: «Но в чем же тут гвоздь?»; стр. 228: «В том-то и гвоздь смешной ошибки Розы Люксембург...»; т. 25, стр. 197: «Гвоздь этих советов — следующая фраза...»; стр. 343: «В этом же весь гвоздь дела» и др.

«С биением себя в грудь» — т. 16, стр. 161: «...воскликнул, бия себя в грудь, г. Тучкин»; т. 19, стр. 85: «Мы не „экономисты“, — восклицали, бия себя в грудь, рабочедельцы...»; т. 24, стр. 260: «Не всякий, кто кричит, бия себя в грудь, о единстве и единстве, на деле работает в пользу единства»; т. 25, стр. 192: «И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность...»

«Они угощают публику песочком в глаза» — т. 20, стр. 197—198: «Его ссылка на „политические условия“ есть бросание песку в глаза читателю»; т. 21, стр. 31: «Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим»; т. 25, стр. 157: «Левонародники пускают песок в глаза „мужичку“»; стр. 194: «...„возражатели“ просто бросают публике песок в глаза».

«Божба» — т. 24, стр. 26: «Встречая у ликвидаторов защиту и превознесение подобных элементов наряду с клятвами и божбой...»; т. 25, стр. 28: «...то, что ликвидаторы с клятвами и с божбой... отрицали...»

Типичный стилистический прием Ленина — несколько эпитетов к одному предмету или явлению — находим в статье «Откровенное рассуждение либерала». Так, о демократии в статье сказано, что она «делает возможною свободную, открытую, широкую *классовую борьбу*». И еще: «Ибо только социал-демократия борется последовательно, ре-

³⁴ «Ленинский сборник», XXX, стр. 56.

пительно, бесповоротно за культуру...» У других авторов, писавших в «Правду», подобный прием не встречается.

Характеристика буржуазной демократии в рассматриваемой статье сходна с характеристикой демократии в статье В. И. Ленина «Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих».

«Откровенное рассуждение
либерала»

«Приемы борьбы буржуазной
интеллигенции против рабочих»

Мы знаем, что демократия есть наиболее совершенный и наиболее свободный от крепостничества строй *буржуазного* общества. От отрицательных сторон демократия не избавляет капитализма, она лишь делает возможною свободную, открытую, широкую *классовую* борьбу.

Ибо демократический строй есть один из буржуазных порядков, наиболее чистый и совершенный буржуазный порядок, где наряду с максимальной свободой, широтой, ясностью классовой борьбы наблюдается максимум хитрости, уловок, ухищрений...³⁵

Характерен для ленинского стиля последний абзац статьи, в котором противопоставляется позиция Мейендорфа точке зрения рабочих: «Г. Мейендорф из страха перед демократией ищет спасения у крепостников. А рабочие говорят: с буржуазной демократией против крепостников, в союзе рабочих всех наций против всякого, в том числе и великорусского, и крестьянского, и демократического, национализма».

По такому же принципу построен заключительный абзац в ленинской статье «Тоже-„объединители“». В. И. Ленин пишет: «А русские рабочие скажут: единство создадим *мы* сами в своих русских рабочих организациях. А над бессильными интригами мы только посмеемся»³⁶.

Таким образом, анализ статьи «Откровенное рассуждение либерала» по содержанию и по стилю, сопоставление ее с рядом ленинских статей позволили с достаточным основанием утверждать, что ее автором является В. И. Ленин.

Обобщая сказанное выше, отметим, что в работе по установлению принадлежности В. И. Ленину того или иного произведения необходимо учитывать многие данные. Следует изучить идейное содержание рассматриваемой нами работы, сопоставить мысли, изложенные в ней, с высказываниями В. И. Ленина в уже известных его произведениях, исследовать документальные материалы, связанные с его жизнью и деятельностью, хранящиеся в архивах, а также печатные источники. Все это должно сочетаться с кропотливым анализом языка данного произведения, стилистических его особенностей, ибо своеобразие литературного языка Ленина, ленинского стиля зачастую являются тем ключом, который помогает открыть неизвестные до сего времени его работы.

Совокупность всех полученных при этом данных дает серьезные основания для решения вопроса об авторстве В. И. Ленина.

Наш долг расширить поиски произведений В. И. Ленина, публиковавшихся в дореволюционной большевистской периодической печати.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 321.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 172. См. также концовки к статьям «Ликвидаторы и латышское рабочее движение», «Народники и „фракционное насилие“», «Об единстве» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 89, 142—143, 179).

С. Н. Валк

РЕГЕСТЫ В ИХ ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В нашей археографической литературе последних лет оживленно обсуждается вопрос о возможных приемах сокращенного издания документов. Обычно мнения об этом сводятся к суждениям о достоинствах или недостатках трех видов таких изданий, именно: изданий путем извлечений из полного текста определенных его частей, при помощи составления регест, а также таблиц.

Регесты, которым посвящено дальнейшее изложение, давным-давно вошли в число распространенных пособий для научных занятий историков-исследователей. Кажется поэтому бесполезно взглянуть на значение, которое им придавалось в прошлом, и на значение, придаваемое им в современной исторической и археографической литературе.

1

Средневековая историография и на Западе и у нас представлена анналами и летописями, охватывавшими то явления отечественной истории, а то всемирной, какими у нас явились хронографы. Существенно для всех этих видов историографических трудов, что основным, а часто единственным источником для каждого из подобных трудов являлись такого же рода предшествующие им летописные произведения. Актовый материал мы найдем в их составе редко в ранние времена (как, например, в Повести временных лет договоры с греками); в позднейшие времена, когда летописная историография уже клонится к упадку, состав летописных источников все более начинает пополняться актовым материалом, но акты эти оказываются почерпнутыми из архивов самих инициаторов или вдохновителей составления того или иного нового летописного свода¹. Однако в XVII в. значение, придаваемое актовому материалу, возрастает в такой мере, что знаменитый разносторонний немецкий «полигистор» Герман Конринг мог писать (1672 г.) о превосходстве показаний актов сравнительно с показаниями произведений анналистического порядка².

В Германии этому способствовали разгоревшиеся на исходе Тридцатилетней войны и особенно после Вестфальского мира споры вокруг прав на титулы и владения. Решать эти споры возможно было лишь привлекая в качестве убедительнейших доказательств именно древние акты. Но среди них оказывались как подлинные, так и поддельные. Таким образом, в силу этих, как их называли тогда, «дипломатических войн» (*bella diplomatica*) возгорелся интерес к акту и к неизбежному при этих спорах критическому его изучению³.

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 354—374 (глава 19: «Архивы и летопись»).

² См. F. Wegele. Geschichte der Deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München und Leipzig, 1885, S. 546.

³ H. Bresslau. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. В. I. Leipzig, 1912, S. 21.

Аналогичное пробуждение интереса к акту наблюдаем и во Франции. И там возникает полемика вокруг вопроса о подлинности древних актов. Противником крайностей, допущенных в этой критике иезуитом Папebroхом (1637—1707), выступил знаменитый член конгрегации св. Мавра Жан Мабильон (1632—1707), изумительное трудолюбие которого позволило ему собрать огромный материал древних дипломов и благодаря выдающемуся дарованию стать основателем новой науки об акте, названной по имени его основного труда дипломатикой. Разыскивать необходимый для исследования материал Мабильону пришлось не только в родном для него богатейшем архиве Сен-Жерменского аббатства, но и во многих других хранилищах Франции и Италии. Биограф Мабильона отмечает те неимоверные трудности, которые стояли тогда на пути исследователя актового материала, разбросанного по многочисленным тогдашним монастырям; путешествуя, частью даже пешком, от монастыря к монастырю, питаясь иной раз подаянием, бенедиктинец на деле испытывал, по выражению того же биографа, ту бедность, одеяние которой он на себе носил⁴. Одновременно с архивными розысками актового материала шло и довольно беспорядочное его обильное издание. Уже Мабильону приписывают мысль о необходимости издания каталога напечатанных актов, без наличия которого последующие архивные разыскания становятся затруднительными⁵.

В Германии к таким же мыслям о значении актов пришел в своих занятиях знаменитый немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц, совмещавший свои философские труды с исполнением должности брауншвейгского придворного историографа (Hofhistoriograph). Он теперь считал, что «таблицы публичных актов являются надежнейшею частью истории» (*pars historiae certissima*). Немецкий историограф Вегеле отмечал, что до половины XVII в. «едва ли можно было говорить» о сборниках актов, но затем акты стали предметом такого большого интереса, что время начиная с 1700 г. можно назвать «*aevum diplomaticum*»⁶.

Наконец, в 1740 г. вышел соответствующий ученый пожеланиям труд дрезденского архивариса Петра Георгиша, название которого — «регесты» — утвердилось в исторической науке для обозначения особого приема сокращенного издания документов⁷. В открывающем его книгу обращении «к благосклонному читателю» Георгиш прежде всего отмечает, что Лейбниц и Людевитг⁸ уже до него «прекрасно» разъяснили значение дипломов и других публичных документов для исторического исследования. «Гений нашего века», по его словам, нашел свое выражение в том, что теперь уже не довольствуются, как это было ранее, «простыми повествованиями», если они не подтверждены никакими документами. Далее Георгиш более подробно развивает эту мысль, отмечая, что «во времена наши и отцов наших» «ученнейшие мужи» с рвением принялись за архивные разыскания и в «короткое время» открыли безграничную массу древних документов; в течение столетия было из-

⁴ E. de Broglie. Mabillon et la Société de l'Abbaye de Saint Germain des Près, t. I. Paris, 1888, p. 268, 272.

⁵ A. Hessel. Zur Geschichte der Regesten. — «Archiv für Urkundenforschung». Bd. X (1928), S. 217—218.

⁶ F. Wegeler. Op. cit., S. 551.

⁷ «Regesta chronologico-diplomatica in quibus recensentur omnis generis monumenta et documenta publica uti sunt... et quae sunt alia publico nomine ac solenniter acta litterisque consignata rerum praecipue germanicarum praesidia omnia in summas suas contraxit, iuxta annorum dierumque, quos praeferunt, serium digessit, temporisque subnotationes medii aevi more expressas cum nostro computandi more composuit Petrus Georgisch». Phil. et Jur. utr. doct., Francofurti et Lipsiae. Anno MDCCXXXIX — Anno MDCCXXXIV, 4 vol.

⁸ Иоган Петер Людевитг (1668—1743) — «неутомимый» «знаменитый канцлер» университета в Галле, издал 12 томов «дипломов и памятников» по истории Германии (F. Wegeler. Op. cit., S. 573—574).

дано «неизмеримое» количество томов документов. Теперь, по словам Георгиша, оказывается уже невозможным просто по памяти установить, напечатан ли вообще или где именно напечатан тот или иной документ. Указывая на затруднения, созданные этой обратной стороной актового изобилия, Георгиш отмечал, что и до него некоторые выдающиеся ученые чувствовали потребность в составлении каталогов и указателей документов; они и пытались это делать в своих трудах, но разные обстоятельства мешали им в этом деле. Предпринимая свое издание, Георгиш надеялся, что он «заслужит благодарность у всех благоразумных ценителей такого рода произведений».

Приемам своей работы Георгиш отвел небольшой абзац. Он указал, что в своих регестах он сжато изложил содержание документов (*in summas et argumenta contraxi*); отметил особенности употребляемого ими обозначения даты; не нашел, однако, нужным отмечать в предисловии «того, что, конечно, всякий раз им указаны местонахождения тех документов, регесты которых им составлены».

Почти одновременно с работой Георгиша появляются первые подобные работы и во Франции. Брекиньи, член французской Королевской Академии надписей и литературы (*Academie Royale des inscriptions et belles-lettres*) явился автором такой работы⁹. В своем предисловии Брекиньи изложил историю ее возникновения. Французские аналогии регест возникли без какого-либо воздействия со стороны немецкого начинания и даже без какого-либо знакомства их инициаторов с трудом Георгиша; если отмечать здесь воздействие чьего-либо опыта, то сам Брекиньи упоминает лишь об английских изданиях того времени, именно о работах Рупер'а. Тем показательнее, что появление регест являлось и здесь как следствие перелома, переживаемого в своем развитии ее национальной исторической школой.

Согласно разъяснениям Брекиньи, французские историки «длгое время» пользовались одними повествованиями («*les écrits historiques*»), не прибегая к дипломам и тому подобным памятникам. Однако когда в 20—30 годах XVI в. появились первые исторические труды, основанные на данных дипломов, тотчас в архивы в поисках материала направлялись и ученые, и юристы, и антиквари и другие «неутомимые люди». В итоге Франция обогатилась «объемистыми» (*volumineuses*) собраниями хартий. В начале XVIII в., когда, опять-таки по примеру Англии, правительство решило содействовать этим архивным разысканиям, то оказалось необходимым иметь при определении новых находок указатель (*table*) того, что уже издадо. Проект такого указателя был предложен уже в 1746 г., но составление его задерживалось, переходя от лица к лицу, а также из-за следовавших изменений самих приемов издания, и только в 1769 г. такой том, законченный уже Брекиньи, вышел в свет.

Внимание Брекиньи, которому пришлось пересмотреть, по его признанию, все ранее сделанное, было главным образом направлено на возможно большую точность изложения содержания диплома, а также на особенности датировки его; все это с целью возможно более верного установления, не издад ли ранее вновь обнаруживаемый диплом.

Георгиш не нашел себе должных продолжателей, хотя некоторые опыты аналогичных работ и были сделаны германскими историками второй половины XVIII в. Издание исторических документов шло в те

---

⁹ M. de Brequigny. *Table chronologique des chartes, titres et actes imprimés concernant l'histoire de France*, v. I—III. Paris, 1769—1783. Характеризуя Брекиньи, Моно пишет, что он «действительно был человеком исключительного ума и деятельности, достойным сравнения с Джоканжем или с Мабильоном» (*G. Monod. Du progrès des études historiques en France depuis le XVI-e siècle. — «Revue historique», 1876, t. I, p. 24.*)

годы в виде отдельных появившихся то здесь, то там сборников, составители которых не придавали особого значения розыскам, что и где было ранее напечатано.

Положение резко изменилось, когда в итоге крупнейших исторических событий, потрясших Европу в конце XVIII—начале XIX в., начиная с Французской революции и последовавших за ней событий, наступили времена подъема национальных движений. В Германии после унижений, испытанных ею в годы наполеоновских войн, такой национальный подъем сказался с особой силой и нашел яркое отражение также в историографии; последнее сказалось и на судьбе занимающих нас регест. В 1819 г. здесь было создано при ближайшем участии виднейшего германского политического деятеля барона Карла фон Штейна Общество для изучения ранней немецкой истории. Основной задачей Общества явилось издание исторических памятников этой эпохи. Так возникло знаменитое собрание документов германского средневековья и до сих пор продолжающейся серии Monumenta Germaniae Historica.

В 1823 г. к работе в Обществе был привлечен Георгом Генрихом Пертцем, ближайшим тогда сотрудником Штейна, лишь недавно (1817 г.) кончивший университет доктор прав Иоганн Фридрих Бемер (1795—1863), выходец из среды высшей бюрократии, жившей прочно в традициях старого быта и взглядов.

Первой работой Пертца явилась подготовка к изданию древнейшей группы дипломов вплоть до конца правления Каролингов. С этой целью он принялся прежде всего за составление перечня подлежащих изданию дипломов. По его примеру за аналогичную работу по составлению перечня актов (в их переписке того времени он так и назван: «Urkundenverzeichniss») принялся и Бемер. Несмотря на постоянно связывавшие их дружеские отношения, вскоре взгляды их на предпринятую работу коренным образом разошлись. Пертц видел в своей работе над составлением перечня актов лишь подготовительную ступень к последующему изданию задуманного им дипломатия, т. е. полного издания всех поименованных в составленном им перечне актов. Бемер же усвоил себе взгляд, согласно которому перечень становился в известной мере самостоятельным научным предприятием¹⁰.

Когда Бемер приступал к работе над задуманным перечнем, он был полон преклонения, вслед за Лейбницем, перед значением для исторического исследования именно актов, которые «освещают события так, как их тогда наблюдали, а не так, как о них позднее думали». Вместе с тем, наблюдая над скопившейся в течение более чем двух столетий в беспорядочно и случайно предпринимаемых изданиях массой актов, он видел такой здесь «хаос», что ответ на вопрос, издан или не издан такой текст, может быть «делом в большей степени божественного всеведения, чем человеческого знания». Перечень изданных актов и должен был явиться средством избежать «хаоса».

Бемер повел работу над составлением перечня с необычайным трудолюбием и успехом. В течение двух лет им был приготовлен первый том, обнимающий акты времен правления римских королей и императоров за 911—1313 гг. Как объяснял Бемер «друзьям немецкой истории» в своем предисловии к издаваемому тому, он дал этому перечню название «Хронологическо-дипломатических регест», следуя в этом своему предшественнику по аналогичному труду — Георгишу¹¹. Работа над со-

¹⁰ См. Н. Bresslau. Geschichte der Monumenta Germaniae Historica (Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. 42). Hannover, 1921, S. 121, 171—172, 212.

¹¹ «Regesta chronologico-diplomatica regum atque imperatorum Romanorum inde a Conrado I usque ad Heinricum VII. Die Urkunden der Römischen Könige und Kaiser von Conrad I bis Heinrich VII. 911—1313. In kurzen Auszügen mit Nachwei-

ставлением уже теперь «регест» стала предметом неустанного и беззаветного труда всей последующей жизни Бемера. Он не раз имел возможность изложить свои взгляды на задачи и приемы составленных им регест¹². Тринадцать лет спустя после выхода первого тома в предисловии к тому регест 1246—1313 г. Бемер писал, что это издание является «не только улучшенным и увеличенным изданием прежнего, но и совершенно новой работой». Основным вопросом для Бемера должен был оказаться и оказался вопрос, каков должен быть состав каждого отдельного регеста. Установив составные части регеста, Бемер построил таблицу, разграфленную вертикальными линиями. В каждом из образовавшихся таким образом столбцов Бемером были размещены последовательно: порядковый номер, годы правления данного короля, календарная дата и место, где был совершен акт, изложение содержания акта и издание (или архив), где находится сам акт.

Самым трудным был, конечно, вопрос о передаче содержания акта, и решение его Бемером претерпело существенные изменения. В издании 1833 г. Бемер писал, что выдержки из актов, основанные на собственном прочтении им акта, так точны, что не могли бы никак быть поняты иначе или же быть смешаны с текстом другого акта. В упомянутой выше статье Бемер писал о передаче в регестах существенного содержания акта, которая, однако, не должна быть слишком пространной, что затруднило бы доступность обозрения регест, а последнее, писал Бемер, является «свойственным их преимуществом». Наконец, еще позднее (1844 г.) в предисловии к изданию регест 1246—1313 гг. Бемер писал о нем как об издании не только улучшенном, но и как о «совершенно новом». Он считал, что в теперешнем изложении его регесты стали столь исчерпывающими, что в большинстве случаев могут заменить полный текст соответствующего акта; вместе с тем и примечания здесь стали иногда небольшими исследованиями. Именно в последних нашли свое отражение и реакционно-консервативные взгляды Бемера, особенно сказавшиеся в характеристике Фридриха II; в отличие от Пертца, Бемер отрицательно относился и к Пруссии, от которой, как он писал Пертцу, приглашавшему его переехать в Берлин, не ждет ничего хорошего.

Уже при первом своем появлении регесты Бемера произвели, в первую очередь на Пертца, чрезвычайно сильное впечатление по той массе материала, которая теперь была извлечена из забвения и становилась известной исследователям. Биограф Бемера, известный деятель тех же *Monumenta Germaniae Historica* В. Ваттенбах, писал, что регесты Бемера «создали эпоху»¹³. То же писал о них и историк дипломатики Р. Розенмунд, отмечая, кстати, как парадокс, что Бемер, пренебрежительно относившийся к тогдашней дипломатике, считая, что она занята несущественными пустяками, именно своими регестами дал сильный толчок ее дальнейшему развитию¹⁴. О значении регест Бемера для будущего науки можно судить и по совершенно новым, переработанным их изданиям, как, например, по изданию Е. Мюльбахером регест 715—

---

sung der Bücher wo solche abgedruckt sind». Von Dr. Johann Friedrich Böhmer. Frankfurt am Main. 1831.

¹² Помимо уже упомянутого предисловия к первому тому, Бемер излагал свои взгляды в предисловии к следующему тому (1833 г.) и особенно к тому регест 1246—1313 г. (оно было перепечатано О. Редлихом в издании: J. F. Böhmer. *Regesta Imperii* VI. Innsbruck, 1898), а также в статье: J. F. Böhmer. *Ansichten über die Wiedergabe handschriftlicher Geschichtsquellen im Druck.* — *Zeitschrift für die Archive Deutschlands*. Bd. II, Heft I, 1850, S. 134—137.

¹³ *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1876, Bd. 3, S. 78.

¹⁴ R. Rosenmund. *Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon vornehmlich in Deutschland-Österreich.* München — Leipzig, 1897, S. 46.

918 г. Здесь от регест самого Бемера Мюльбахер оставил только внешний их распорядок, однако все же они перепечатывались как регесты Бемера и в издании на первом месте помещалось старое предисловие Бемера, а лишь затем второе предисловие нового издателя¹⁵.

В написанной в 1878 г. статье виднейший деятель все тех же *Monumenta Germaniae Historica* Г. Вайц (1813—1886) подвел некоторый итог изданиям регест за годы, протекшие со времени издания их первого тома в 1831 г. Бемером. Он отметил прежде всего «большой, почти необозримый» ряд изданий регест. Оказалось, что регесты пригодны при работе как над уже известным в печати материалом, так и при работе над неизданным еще, впервые вводимом при их помощи в научный оборот. Они могли быть применены при составлении сборника документов, относящихся к деятельности одного лица или одной местности; они явились пригодными при работе над актовым и над повествовательными текстами; можно было составить сборники регест однородных документов; можно было соединить документы различных разновидностей.

При всем этом разнообразии возможного использования регест некоторые случаи обратили особое внимание Вайца. Одним из возникших перед Вайцем вопросов был вопрос о приемах передачи содержания данного акта. Вайц ставил решение этого вопроса в зависимость от предназначения данных регест. Они могли бы быть составлены для занятий ученых-историков, но могли бы служить и для чтения широким кругам «друзей истории». Везде, конечно, условием составления регест должна была быть точность передачи содержания. Однако в вопросе о степени подробности этого точного изложения Вайц разошелся с другим знаменитым своим коллегой Т. Зиккелем, известнейшим автором дипломатических исследований. Именно Зиккель полагал, что подробность изложения содержания в регестах должна быть одинакова вне зависимости от того, составлены ли они для ученых или для любителей истории. Вайц же обосновывал противоположный взгляд тем, что самое подробное изложение все же не сможет заменить полного текста документа и что достоинством регест является именно то, что благодаря сжатости своего изложения они доставляют возможность удобнейшего обозрения содержания документа.

Вайц коснулся также вопроса о целесообразности сочетания в одном издании регест и целостного издания текста документа. Он основывал свои заключения на сделанных уже нескольких опытах такого сочетания: то регесты составляли основное содержание тома, а особо важные документы, хотя уже включенные в общий состав регест, печатались добавочно целиком в виде особого приложения; то, как это делал и Бемер, одни документы печатались полностью, а другие в виде регест, но размещались они все в общем хронологическом порядке, однако нумеровались только полностью издаваемые документы, а регесты печатались петитом и вне общей порядковой нумерации. Из таких и вообще всяких возможных других способов сочетания регест и полных текстов Вайц считал самым целесообразным издание в томе наряду с полным текстом также и регест с общим порядковым номерным обозначением и печатаемых тем же шрифтом, что и полностью издаваемые документы¹⁶.

В какой мере регесты вошли в обычный обиход немецкой источниковедческой литературы, можно судить и по тому вниманию, которое им уделил грейфсвальдский профессор Эрнст Бернгейм (1850—1942) в своем столь известном среди историков «Учебнике исторического метода» (он вышел в первом издании в 1889 г.). Бернгейм видел перемены, проис-

¹⁵ J. F. Böhm er. *Regesta Imperii I...* Neu bearbeitet von E. Mühlbacher Innsbruck, 1889 (2 Aufl., 1908).

¹⁶ G. Waitz. *Über die Herausgabe und Bearbeitung von Regesten.* — «Historische Zeitschrift», 1878, Bd. 40, S. 280—295.

шедшие вследствие перехода от изучения сравнительно доступного количества документов ранних времен к необъятному количеству документов нового времени, когда нет никакой возможности издать их полностью. Видел он и то, что возникло поэтому «настоятельнейшее требование» дать их исследователю в сокращенном виде извлечений или регест. Допустив происходящую при этом «известную обработку» материалов, Бернгейм отчетливо сознает «опасность, что этим будет введено в издание нечто субъективное», но успокаивает его лишь то, что другого средства преодолеть возникшие трудности, по его мнению, вообще не существует. Взглянув на регесты как исследователь-историк, Бернгейм оценил в них и то, что они сберегают ученому «длительнейший и утомительнейший» труд розыска документов, находящихся в разных хранилищах и рассеянных по разным изданиям.

Ценил, таким образом, регесты, Бернгейм, подобно Вайцу, подвел некоторый итог наметившимся типам регест: по составу источников, лежащих в их основе, ими оказывались только акты или акты, смешанные с извлечениями из повествовательных памятников; по изложению содержания — краткие или подробные; по данным «формалий» (т. е. заголовков и легенд) — обстоятельные или ограничивающиеся одной датой; по языку — приводимые выдержки оказывались сделанными на языке подлинника или же на современном, а также на латыни; наконец, регесты неподлинных актов помещались в порядке общей нумерации или же в особых приложениях. Бернгейм отметил, что, конечно, многое в выборе типа регест должно было зависеть от времени, к которому относились источники регест, а также и от задач, которые данное издание регест ставило перед собой¹⁷. Сам факт, а тем более эти итоги служили немалым свидетельством той разносторонней роли, которую играли регесты в научном аппарате историка, стремящегося возможно расширить документальные основы своего разностороннего исследования.

До сих пор были отмечены исключительно мнения историков о регестах. Не меньший интерес и значение должны представлять в этом отношении голоса архивистов, особенно теперь, когда занимающим историков предметом регест, как правило, являются по преимуществу архивные документы. В конце XIX в. (1898 г.) появилось составленное тремя голландскими архивными деятелями «Введение к упорядочению и описанию архивов». Оно тотчас было переведено на ряд языков и, что важнее всего для нас, стало известным и советскому читателю в самые первые годы нашего архивного строительства благодаря сделанному одним из преданных тогдашних ревнителей архивного дела И. А. Голубцовым подробному изложению его содержания¹⁸.

Регестам в этом «Введении» отведено было значительное место. И. А. Голубцов отметил, и это действительно отвечало тогдашнему положению дел, что «в русском архивном обиходе» термин «регесты» не употребителен, и предложил применяемый голландскими архивистами термин «список регест» заменить описательно и достаточно точно «хронологической росписью содержания древних документов».

Для голландских архивистов «список регест в общем определении по существу является не чем иным, как сокращенным сборником документов». Особый интерес этого руководства для изучения регест состоит в том, что архивный инвентарь, в их изложении, должен «в той мере,

¹⁷ E. Bernheim. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 5—6 Aufl. Leipzig, 1908, S. 224—227, 460—461, 557—558.

¹⁸ Мы пользовались немецким изданием этого руководства: S. Muller, J. A. Feith und R. Fruin. Anleitung zum Ordnen und Beschreiben von Archiven. Leipzig, 1905, S. 99—114; И. А. Голубцов. Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. — «Архивное дело», 1925, № 2, стр. 17—40; № 3—4, стр. 82—102, о регестах — стр. 98—100.

в какой это возможно, стоять на точке зрения учреждения, архив которого упорядочивается». Регесты же должны иметь в виду на первом плане интересы пользующегося ими исследователя. Поэтому голландские архивисты полагают, что в инвентаре внимание должно быть обращено на документ как таковой; в регестах же — преимущественно на содержание данного документа. Исходя из этого различно должно быть и построение записей инвентаря и регест: в инвентаре на первом месте должно находиться обозначение разновидности включаемого в его состав документа, а только затем размещаются другие элементы записи (например, на первом месте: купчая, приказ, донесение такого-то такому-то о том-то); в регестах, полагают они, существенно содержание, а не сам документ как таковой, следует соответственно обозначать прежде всего именно это содержание, кратко или же подробно (например, такой-то писал тому-то о том-то).

Заслуживают тем более внимания и суждения о регестах в новейших архивоведческих трудах. В своей обширной «Архивистике», составившейся из лекций, читанных в римском университете и обращенной к «архивистам всего мира», Евгений Казанова отвел также значительное место регестам. Казанова, впрочем, определил регесты применительно не столько к вопросам издания документов, сколько к архивной работе над ними, как «сжатое, более или менее подробное изложение содержания единичного акта». Более внимательно, чем кто-либо другой, в особом параграфе, Казанова остановился на вопросе о значении «личного характера» составителя регест; он должен-де обладать многими свойствами — быть ученым настолько беспристрастным, чтобы суметь понять умонастроение автора документа и передать смысл его слов и мыслей; при этом Казанова сознает всю нелегкость выполнения этого требования.

Формы регест, намечаемые Казановой, общи и нам знакомы. Казанова, впрочем, отмечает опасность распространенной формы регест, которые могут стать «морем бесполезных слов» и им можно предпочесть в таких случаях издание полного текста документа. В то же время и сжатая форма регеста может повести к «излишней скупости» его содержания. Вывод — средняя, как «более уравновешенная», форма заслуживает «наибольшего доверия». Казанова предлагает сохранять порядок изложения в документе и в регесте, обращая вместе с тем внимание на «внешние» данные, которые могут способствовать критическому рассмотрению документа, как-то: дата, печати, «природа» (разновидность), приложения и т. д. Казанова против внесения в регест цитат, что, по его мнению, повредило бы единообразию всего изложения¹⁹.

Другой итальянский архивист Пио Печчаиа, директор одного из миланских архивов, поместил в своем «Практическом руководстве для архивистов» целиком «Общие правила для издания исторических текстов».

В этих правилах один, более обстоятельный, из двух разделов отведен «интегральной публикации текстов», другой — «неинтегральной». Последний, в свою очередь, состоит из небольшого введения и двух параграфов: о «публикации текстов путем извлечений» и «о публикации текстов в форме регест» (также «простых регест»). Именно этот второй раздел представляет для нас особый интерес, так как ни в одной из предшествующих работ вообще не затрагивался вопрос о приемах и о значении извлечений из полного текста документов и тем более не обсуждалось их сравнительное значение. Правила проводят грань между этими двумя приемами сокращения текста, исходя из назначения каждого из этих видов «неинтегральной публикации». Регестам эти

¹⁹ E. Casanova. *Archivistica*, 2 ed. Siena, 1928, p. 266—271.

правила предназначают «почти всегда» характер «предварительной публикации, задача которой служить последующим разысканиям», в то же время извлечения, «напротив того, имеют характер дефинитивной публикации, по крайней мере соответственно цели, поставленной издателем». Сообразно с различием этих целей, читаем, «публикация в виде регест» содержит «обилие сведений», но в кратком их виде, извлечения же доставляют «существенные сведения в их полном виде», причем издатель должен в предисловии «точно определить» их задачу. Исходя из такого различия, правила предназначают «простым регестам» быть «гидом» читателя, сообщая ему наибольшее число сведений и употребляя притом «наименьшее число слов наиболее ясно и точно». Передавая в неполном виде лишь текст, регесты должны во всем остальном вполне соответствовать согласно правилам тому, что последними требуется, и при полном издании текста документа²⁰.

Полемика, разгоревшаяся в 1957 г. между немецкими архивистами, касалась, как показывает заглавие их статей, вопросов преимущественно технических. Так, К. Демандт — государственный архивный советник (Висбаден) озаглавил свою статью: «Современная техника составления регест», а его оппонент А. Шмидт (директор архива в Кобленце): «„Принцип фонда“ и техника составления регест»²¹. Оба автора являются деятелями не центральных научных учреждений, ведущих крупные научные издания, а местных учреждений; это отразилось на некоторых особенностях их суждений. Немалое значение имеет и то, что оба они являются архивными деятелями, что наложило тоже свой отпечаток на их доводы.

В общих вопросах у них нет разногласий. Шмидт «вполне» согласен с Демандтом в вопросе об общем характере регест. Также находим у них и согласие в том, на кого должны быть рассчитаны эти сборники регест. Демандт полагает, что регесты предназначены «в меньшей мере для ученого, а прежде всего для возможно широкого круга потребителей»; таким же образом и А. Шмидт предлагает предоставить обсуждение спорного вопроса «изучающим историю родного края» или «более широкому кругу лиц, интересующемуся историей»²².

Основным спорным вопросом в полемике этих авторов является существенный именно для архивных дел и в меньшей мере для историков вопрос, должен ли сборник регест исходить из принципа фонда и содержать регесты документов только одного этого фонда или же он должен содержать совокупность регест, определяемых не принципом фонда, а какой-либо определенной темой²³. При составлении сборников регест для К. Демандта основным является по опыту длительная затяжка работ тематических сборников регест, связанная с трудностями розысков документов в разнообразных организациях, а также архивный аргумент, что отдельные архивные фонды обесцениваются для будущих работ изъятием из них ценнейших материалов. Шмидт же защищает интересы уже не архива, а только науки. Как он пишет, «тема и источник предопределяют приемы издания, а не принципы архивной организации», причем сборник документов или регест должен удовлетворить «основному началу научности — полноте материалов»²⁴.

²⁰ «Norme generali per la pubblicazione dei testi storici per servire alla edizione della Regia Deputazione di Storia patria per le Antiche provincie e la Lombardia»: P. P e s c i a. Manuale pratico per gli archivisti della pubbliche amministrazioni e degli archivi notariali. Milano. 1928. p. 253—273.

²¹ K. E. D e m a n d t. Moderne Regestentechnik, — «Der Archivar», 1957, H. 1, Spalt. 33—43; A. S c h m i d t. «Fondsprinzip und Regestentechnik. — «Der Archivar», 1957, H. 4, Spalt. 293—306; K. E. D e m a n d t. Erwiderung. — Ibid., 307—312.

²² «Der Archivar», H. 1, Spalt. 38; H. 4, Spalt. 306.

²³ «Der Archivar», H. 1, Spalt. 36.

²⁴ «Der Archivar», H. 4, Spalt. 295, 300.

В полемике обоих авторов затронуты все почти вопросы, связанные с составлением и изданием регест в их разносторонних сочетаниях и решениях, вплоть до особенностей шрифтов и порядка размещения отдельных их частей.

Последнее слово о регестах принадлежит авторам новейшего марксистского «Введения в изучение истории», вышедшего в ГДР под редакцией потсдамских профессоров Вальтера Эккерманна и Губерта Мора. Здесь один из авторов, И. Гартман, устанавливает как «обычные» две «формы издания» актов: одну — это полное их издание и вторую — это регест, в котором полный текст акта «заменяется точной и исчерпывающей передачей содержания акта». Далее Гартман отмечает то, что общим для этих обеих «форм издания акта» является наличие легенды. Гартман считает, что регесты при все увеличивающемся количестве материала, «кажется, станут в обозримом будущем единственной успешной формой публикации средневековых документов».

Другой автор в этом же коллективном труде, Х. Герике, отметил особые заслуги И. Бемера, указывает, что «*Regesta Imperii*» «до сих пор», при всех их переработках другими учеными, сохраняют его имя. Он считает, что регесты имеют «неоценимое значение» при работе над актовым материалом именно благодаря тому, что они дают возможность объединить «часто рассыпанные по разным изданиям материалы в одно целое». Оба эти автора пишут, конечно, и о составе регест, не внося в этом отношении ничего нового²⁵.

Регесты как форма сокращенного издания акта получили свое начало, а затем разнообразнейшее развитие преимущественно в Германии. Но и в других странах перед историками вставал тот же коренной вопрос о необходимости выработки каких-либо твердых приемов сокращенного издания документов. Так это и случилось.

Во Франции литература аналогичных сокращенных изданий преимущественно вылилась в «каталоги актов». В своем известном «Мануале дипломатики» А. Жири даже не упоминает о регестах Бемера. Говоря же «о каталогах актов», он пишет, что если в такой каталог вклиниваются также «известия, заимствованные из повествовательных источников, то каталог актов становится регестами»²⁶. И так, сам термин регесты приобрел здесь другой смысл. А. Бюар, автор новейшего труда по дипломатике, касаясь регест Бемера, называет их «хронологическим каталогом дипломов»²⁷. Другой французский автор Ж. Тессье в своем обзоре дипломатики отмечает общее положение дел с «каталогами актов». «Литература каталогов актов, пишет он, имела более счастливую судьбу в германских странах, чем во Франции». Упомянув о регестах Бемера, Тессье продолжает: «Значение, которое скрывается под употребленным Бемером латинским словом *Regesta*, по-немецки *Regesten*, включает каталог, но также выходит за его пределы»; последнее для Тессье состояло в том, что Бемер использовал для своих регест не только акты, но и данные повествовательных памятников. Это и отличает, согласно Тессье, французские «каталоги актов» от немецких регест²⁸. Несомненно, что французскому опыту сокращенных изданий следует посвятить особую статью²⁹.

²⁵ «Einführung in das Studium der Geschichte». Herausgegeben von Walther Eckermann und Hubert Mohr. Berlin, 1966, S. 319, 461—462.

²⁶ A. Giry. Manuel de diplomatique. Paris, 1925, p. 659.

²⁷ A. de Boüard. Manuel de diplomatique française et pontificale. Paris, 1929, p. 27.

²⁸ «L'histoire et ses methodes». Sous la direction de Charles Samarane. Paris, 1961, p. 657—658.

²⁹ См. статью А. Д. Люблинской «О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов» в сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968, стр. 277—288; о «резюме» см. стр. 283.

Точно так же совершенно особую форму получило сокращенное издание актов в Англии в виде так называемых «календарей» («calendars»). В XVII—XVIII вв. они явились ключом к содержанию серии документов, состоя из именных и географических указателей, а иногда и указателя предметов. По акту 1838 г., они приобрели вид сжатого изложения серии документов. Как отмечала И. И. Любименко, прекрасно с ними знакомая, они при общем отличии от аналогичных немецких и французских изданий в большей степени, чем последние, рассчитаны также на более широкого читателя. И эти издания требуют особого рассмотрения³⁰.

2

В России еще даже В. Н. Татищев составлял свою обстоятельнейшую историю, полагая, что единственным и достаточным для нее источником являются лишь летописи и такого же рода повествовательные источники. Однако уже вторая половина XVIII в. отмечена новым и живейшим интересом к актовым материалам³¹. Знаменителен в этом отношении подбор источников в тяжелой, огромной «Истории Российской от древних времен» кн. М. М. Щербатова. Наглядным показателем этого могут также послужить многотомные издания документов и прежде всего новиковская «Древняя российская вивлиофика».

В начале XIX в. деятельность оказавшегося не у дел канцлера Н. П. Румянцева была уже совершенно целеустремленно направлена на розыск материалов в монастырских, по преимуществу, хранилищах. В лице П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича Румянцев нашел ревнительных исполнителей своих намерений. А Строев вскоре вышел и на самостоятельную дорогу, устроив с помощью Академии наук свое знаменитое археографическое путешествие. Строев знал «знаменитых археографов» Европы и видел ясно тот путь, который, необходимо пройдя, «отечественная Клио из жалкого бедняка соделается обладательницей несметных сокровищ». Для этого надо было «извлечь, привести в известность письменные памятники нашей истории и древней словесности, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей украинских и от границ Литвы до хребта Уральского». Это и должен был осуществить «странствующий, или, лучше сказать, скитающийся, в пустыне археограф» в предположенной «исторической экспедиции», увенчав ее работы «общей росписью, систематическим расположенной, которая, при возможной краткости, представляла бы самое полное и важнейшее описание всех где-либо существующих памятников нашей истории и литературы от времен древнейших до XVIII века»³², т. е., иначе говоря, мечтая о своде регест. Путешествие Строева совместно с Я. И. Беренниковым повело к образованию Археографической комиссии. Многочисленный ряд изданий Археографической комиссии, а также и другие появившиеся в те же годы издания вызвали вопрос о регестах.

Беренников, игравший в те годы в Археографической комиссии в качестве главного редактора выдающуюся роль в ее работах, заговорил в заседании ее 2 октября 1852 г. об «ученых регестах». «Составление

³⁰ «First Report of the Royal Commission on Public Records», Bd. I. London, 1912, p. 25—26; И. И. Любименко. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем. — «История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке». [Пг., 1919], стр. 279—282. Стоит отметить издание, которое на титульном листе названо «регестами», а во введении все время именуется «calendars»: «Regesta regum anglo-romanorum 1066—1154». Vol. I, Edit. . . by H. W. C. Davis. London, 1913, p. 13; Plan of the Calendar.

³¹ Подробнее об этом историографическом явлении см. в статье: С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 7—8, стр. 33—55.

³² Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 70.

ученых регестов древних дипломов (*diplomata, acta*), полагал он, занимает важное место в науке, известной под именем археографии». Бередников в сжатом виде наметил и то, каковы должны быть, по его мнению, эти регесты. По его суждению, «подобные регесты, или описания древних грамот, должны составляться без излишней подробности, но и с возможной полнотой, так, чтобы в кратких словах достаточно обозначилось содержание описываемых в них памятников». Отметив разнообразность и сложность познаний, необходимых для составления регест, Бередников писал об изложении содержания актов, что оно «составляет главную трудность, если регесты предназначаются служить руководством для историков и если при составлении их имеется в виду польза науки». Точнее, касаясь состава регест, Бередников определял его как обстоятельное изложение содержания, палеографическое описание подлинника, определение времени его написания³³.

А. А. Куник в записке, доложенной в Археографической комиссии 7 апреля 1872 г., отмечал, что уже «почти 20 лет» обсуждается вопрос о составлении «указателя к русским грамотам», в котором нужна скажется «беспременно». Действительно, немногими годами позднее только что приведенных суждений Бередникова о том, каковы должны быть регесты актов, в заседании комиссии 13 мая 1855 г. по предложению председателя ее — А. С. Норова было поручено тогда члену комиссии А. В. Терещенко составление «хронологического реестра всем напечатанным русским актам, с означением времени, содержания и книги, где помещен какой-либо акт». Терещенко тотчас приступил к описанию грамот. Работая, по его собственному признанию, «добросовестно и неутомимо», Терещенко считал в последнем из своих ежемесячных отчетов (их было 20, но первые два не сохранились), 6 декабря 1856 г., свою работу по просмотру изданий законченной. В особой записке 18 марта 1858 г. Терещенко подвел итоги своей работы: им было просмотрено более 300 книг (среди них также были периодические издания и некоторые губернские ведомости) и составлено более 15 тыс. «статей»; последние являлись не «голым перечнем дел и их наименований», но содержали и «выписки» о том, что, как он считал, «отчасти внесено ныне в историю нашу и что следует еще дополнить в ней»; помимо этого им было написано введение, в котором исчислено 365 наименований актов X—XVIII вв., а также «библиографический очерк»; но «главное», как подчеркивает Терещенко, было в «изложении» содержания. Своему труду Терещенко думал дать название «Указатель правительственным и частным бумагам».

Однако работу Терещенко постигла неудача. Археографическая комиссия нашла, что указатель этот «в некоторых отношениях не соответствует современным требованиям библиографии для трудов такого рода». Комиссия предложила Терещенко заняться «переработкою и исправлением» его указателя, однако он за это дело не принял³⁴.

Три года спустя, 7 августа 1858 г., вновь вернувшись к вопросу о завершении сделанной Терещенко работы, комиссия решила «на первый раз» поручить проверку указателя члену комиссии И. Д. Галанину; вместе с тем решено было отпечатать 50 экземпляров списка использо-

³³ «Протоколы заседаний Археографической комиссии: 1850—1868 гг.», вып. 3. СПб., 1892, стр. 92—93. Замечания Бередникова были вызваны непосредственно приемами работы представленной в Комиссию «Описи документам Государственного архива старых дел», которая была составлена инспектором государственных архивов П. Ивановым (ранее им было издано «Описание Государственного архива старых дел». М., 1850).

³⁴ «Протоколы заседаний Археографической комиссии», вып. 3, стр. 156, 157, 172; в Архиве ЛОИИ (ф. 276, оп. 2, № 16) сохранилась лишь небольшая часть работы Терещенко, охватывающая время кончая XIV в.; ср. ЛО Архива Академии наук СССР, ф. 133, оп. 1, № 594, лл. 2—23.

ванных Терещенко изданий с белыми прошивными листами, чтобы «и другие любители истории» могли принять участие в его пополнении и исправлении³⁵. Это пожелание комиссии не было осуществлено. Но указатель Терещенко и в таком виде рассматривался комиссией как достаточная основа для его дальнейшего продолжения.

В 1862 г. комиссия приступила к новому изданию под названием «Летописи занятий Археографической комиссии». Особый раздел в этой «Летописи» в первом томе (СПб., 1862) был отведен «Указателю актов и документов, напечатанных в книгах и периодических изданиях, вышедших в 1860 г.». В особом примечании комиссия сообщила, что она предполагает продолжить этот раздел и в следующих выпусках, «вполне сознавая настоятельную в нем необходимость для занимающихся отечественной историей». И действительно, в следующем, втором, томе «Летописи» (СПб., 1864) под тем же заголовком был помещен указатель актов и документов, изданных в 1861 г. Хотя в следующих томах «Летописи занятий» продолжение этого указателя не появлялось, но мысль о нем отнюдь не была заброшена; наоборот, речь шла о его некотором усовершенствовании. Так, А. А. Куник в заседании комиссии 17 августа 1868 г. представил «образчик хронологических замечаний и пояснений», которыми он предложил снабдить «список всех напечатанных на русском языке актов, относящихся к русской истории, имеющих быть помещенным» в «Летописи занятий Археографической комиссии». Комиссия этот образчик «вполне одобрила». Но все же издание такого указателя так и оборвалось на двух указанных годах³⁶.

Когда в 1869 г. председателем Археографической комиссии стал П. А. Муханов, указатель Терещенко вновь явился предметом внимания комиссии. П. А. Муханов теперь предлагал, очевидно не раз, А. А. Кунику и А. Ф. Бычкову приступить к его печатанию. Однако, как пишет о том А. А. Куник, оба они «постоянно» приводили в ответ ему именно то, что этот указатель не может быть напечатан «без предварительного тщательного пересмотра его». Затем Муханов предложил уже одному Кунику наново заняться им (Бычков составлял тогда указатель к летописям). Куник принялся в сентябре 1871 г. при содействии Н. П. Барсукова (впоследствии известного биографа Строева и Погодина) за это дело. Однако и план предпринятой теперь Куником работы и ее приемы, доложенные Куником в заседании Археографической комиссии 7 апреля 1872 г., существенно отличались от того, что сделал Терещенко. Куник исходил прежде всего из того, что, если работать ему одному или даже с одним помощником, то составление общего хронологического перечня всех русских изданных актов потребовало бы нескольких лет подготовки, «прежде нежели можно бы было приступить к печатанию одной строки». Куник же стремился выполнить свою задачу «вернее и скорее», удовлетворяя тем «главнейшие потребности указателя к грамотам». Поэтому Куник предложил вести работу, описывая акты последовательно по отдельным сборникам. Когда же они «с возможной полнотой будут описаны», тогда только должен будет быть поставлен вопрос об общем хронологическом указателе.

Перечень Куника и по своему составу должен был быть иным. Он включал бы описание не только актов, изданных полностью но и изданных в отрывках или в извлечениях, а также переведенных с других языков. Стремясь не затянуть работу, Куник полагал составить перечень

³⁵ Этот перечень был отпечатан под заглавием: «Реестр книгам и периодическим изданиям, в которых заключаются грамоты и другие исторические документы, относящиеся до России». СПб., 1859. Н. П. Лихачев характеризует его в своем издании «О составлении перечня изданных русских актов» (изд. 2. Пг., 1923, стр. 8, прим. 1).

³⁶ «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 5. СПб. 1871, стр. 61.

так, чтобы он отвечал «только самым насущным потребностям», оставляя «будущности» исправления «согласно требованиям современной науки». Поэтому заголовки должен был быть «намеренно» перепечатан «дословно» таким, каким он именуется в изданиях.

Куник признавал, что такая «простая» перепечатка заголовков, составленных «разными учеными и полуучеными, конечно, удовлетворяет только насущной потребности», когда же их нет или они «чересчур неопределенны», то следует добавлять, по Кунику, к ним «несколько слов»; даты обязательно проверять, но следует «довольствоваться тем, что возможно сделать в короткое время»; каждый сборник описывается отдельно; библиографические дополнения делаются в зависимости от времени и средств; том состоял бы из заголовков грамот, хронологического комментария, указателей — личного, географического и предметного — и алфавитного списка сокращений. Куник предложил дать своей работе «краткое, удачное для ссылок название» «Перечень актов», добавив к нему «объяснительное заглавие» «Материалы для приготовления полного хронологического указателя русских грамот и документов, относящихся к истории России (до 1700 г.)». Комиссия постановила просить Куника «немедленно приступить» к печатанию тома в количестве 600 экземпляров³⁷.

Через год с небольшим — 13 октября 1873 г. — Куник уже сумел доложить в очередном заседании Археографической комиссии, что «главный текст» «Перечня русских грамот» закончен печатанием; осталось же сделать только перечисленные уже выше другие составные части этого тома. Куник сообщил и о том, что можно «тотчас» начать работу над вторым томом, если только будут назначены к этому средства. И действительно, второй том перечня был завершен и отпечатан в такой же «главной своей части». Куник начал работу и над рукописью, должствующей оказаться третьим томом³⁸.

Составленные Куником в кратчайшие сроки тома указателя представляют собой замечательный труд. В своей записке он придавал особое значение правильному определению даты акта. Поэтому Куник сопровождает приводимую им дату акта примечаниями, всегда в виде точных цитат из его текста, прежде всего в тех случаях, когда даты в акте сов-

³⁷ ЛО Архива Академии наук СССР, ф. 95, оп. 1, № 756, лл. 2—3 об.; Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 2, № 16, л. 2 и сл.; «Протоколы заседаний Археографической комиссии», вып. 3, стр. 36—43; Куник начал готовить также «перечень иностранным грамотам, относящимся к русской истории», но решил задержать работу над ним до выхода в свет перечня русских грамот.

³⁸ Отпечатанные «главные части» первого тома перечня грамот сохранились в двух экземплярах в ЛОИИ (один находится в архиве, другой — в библиотеке), здесь же и рукопись небольшой части указателя к нему; второй том перечня сохранился в двух сверстаных корректурных экземплярах в том же деле Архива ЛОИИ. В состав первого тома вошли описания более 6000 актов из следующих изданий: «Актов археографической экспедиции»; «Актов исторических»; «Актов юридических»; «Актов, относящихся до юридического быта древней России»; «Исторических и юридических актов» (собр. М. И. Семева. М., 1870); «Древних грамот и других письменных памятников, касающихся Воронежской губернии и частью Азова» (собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольниковым, кн. I. Воронеж, 1850); «Воронежских петровских актов» (собр. Ф. Яворским, Воронеж, 1872); «Актов исторических и юридических и древних царских грамот Казанской и других соседственных губерний» (собр. Ст. Мельниковым, т. I. Казань, 1859); «Описания г. Шуи и его окрестностей» (М., 1854); «Старинных актов, служащих преимущественно дополнением к описанию г. Шуи» (М., 1853). В состав второго тома перечня вошли описания шести изданий: «Древней российской вивлиофики» (ч. 1—2. М., 1782); «Древней российской вивлиофики», (ч. 1—20. М., 1788—1791); «Продолжения древней российской вивлиофики» (ч. 1—11. М., 1786—1801); «Русской вивлиофики Н. Полевого» (М., 1833); «Собрания государственных грамот и договоров» (ч. I—IV. М., 1813—1828). Рукопись начала третьего тома содержит описание материалов «Древних памятников русского письма и языка (X—XIV веков)» И. И. Срезневского (СПб., 1863) и хранится в ЛО Архива Академии наук СССР (ф. 95, оп. 1, № 94).

сем нет или же когда она обозначена не вполне точно или полно (например, для даты «1 сентября 1491 — 70 (00): „а дана грамота лета девять десятого сентября в 1 день“»). Мало того, в таких же точных выдержках им приведены все другие имеющиеся в акте хронологические указания, как, например, даты получения грамоты, даты подтверждений, а также всякие, даже косвенные, упоминания дат в акте.

Другим существенным свойством работы Куника являются сопровождающие описание акта библиографические примечания, именно: указания на другие издания описанного им акта, среди которых можно насчитать иной раз и пять-шесть названий. Особенно примечательно для труда Куника то, что эти библиографические справки являются в то же время и примечаниями текстологическими, отмечающими особенности издания данного текста: например, что данная перепечатка сделана с пропусками, сокращениями, подновлениями, по неверному списку и т. п. Нельзя не отдать должное Кунику, который в такой короткий срок смог выполнить огромную работу.

Куник также предложил, чтобы в не так давно начавшей издаваться «Летописи занятий Археографической комиссии» был введен особый отдел под названием «Указатель материалов по русской истории и русскому праву, рассеянных в разных изданиях», так как «много тысяч» «очень важных, но мало известных документов» рассеяно по монографиям и другим разнообразным книгам и изданиям, а по принятой Куником системе составления перечня по изданиям они могли бы попасть туда в самом отдаленном будущем³⁹.

Однако вне Археографической комиссии появляются работы, удовлетворяющие потребности в сокращенных изданиях актового материала в виде регест разного типа. Московский историк и юрист Д. М. Мейчик был автором замечательного и единственного для своего времени общего труда по русской дипломатике. В приложении к нему Мейчик напечатал, как он ее назвал, «Повременную опись грамотам XIV и XV вв.», хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Опись эта является примером кратких регест, подобных тем, которые составил Бемер в своем раннем труде. Регест здесь имеет составные части заголовочных регест и сопровождается легендой, то менее, то более подробной⁴⁰.

Регесты другого вида были применены в трудах С. А. Шумакова, многие годы и силы посвятившего изучению и введению в научный оборот грамот фонда Коллегии экономии. По расчетам Шумакова, фонд этот содержит 15 000 грамот. Подготовка к изданию этих грамот в полном виде, как справедливо писал Шумаков, «не под силу одному человеку, работающему без помощников и сотрудников». Поэтому он «пока» (подчеркнуто им) решил заняться «обзором» их, подчеркивая, что этот обзор не имеет, «конечно», ничего общего с «инвентарями». В этом обзоре каждый акт получал свое отдельное описание, в составе которого Шумаков приводил из текста акта «все наиболее важное для юриста и историка в извлечениях и преимущественно словами же этих самых актов»; древнейшие и важнейшие Шумаков печатал целиком. Таким образом, мы имеем здесь пример распространенного типа регеста. При изучении возможных форм регест регесты Шумакова, сделанные им самостоятельно, без оглядки на какие-либо образцы, сами могут считаться одним из образцов возможного их типа⁴¹.

³⁹ «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 6. СПб., 1877, стр. 51, 57—60. Согласно выработанной тогда при участии Куника программе «Летописи» в ней вводился раздел «Указатель материалов по русской истории, рассеянных в разных изданиях».

⁴⁰ Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, стр. 126—155.

⁴¹ С. А. Шумаков. Обзор «Грамот Коллегии экономии». вып. I—IV. М., 1899—1917. Работа С. А. Шумакова протекала в весьма трудных условиях, и археографическая деятельность его в целом вообще заслуживала бы особого очерка.

Назовем для примера еще два дореволюционных издания, которые прямо называют себя регестами.

Одно из них, многотомное и тщательно подготовляемое, — это издание актов по истории Прибалтики, первый том которого вышел более столетия назад, в 1853 г., в Ревеле (Таллине), а последний совсем незадолго перед революцией — в 1910 г.⁴² В томах этого издания (состав их, конечно, за десятки лет не оставался без изменений) мы находим два раздела, один из которых составляют регесты, а другой — акты с полным изданием их текста. Регесты в этом издании охватывают все приведенные в известность акты, изданные и неизданные, даже те, о которых имеются одни только упоминания. Содержание излагается в этих регестах возможно полно, часто точно в переводе на современный немецкий язык; они содержат также, как разъясняет предисловие, «критические замечания, которые, особенно в отношении хронологии, оказываются небольшими экскурсами». Подробность в изложении содержания актов обусловлена, по словам того же предисловия, желанием «основного инициатора» «сделать и для простого человека доступным историческое содержание акта в его возможно полном виде». Помимо этого в состав регеста здесь входят и элементы легенды: сведения о рукописях, изданиях, переводах и, конечно, ссылка на полное их издание во второй части тома.

Вторая же половина тома содержит, как отмечено было выше, полный текст части тех актов, которые вошли в состав перечня регестов. Само издание таких актов является в известной мере зависимым, а с другой стороны, независимым от регест. Заголовок акта в издании не повторяет регеста, а составлен не раз в отличной от него формулировке даже тогда, когда он не содержит ничего больше, чем это было дано в регесте; однако легенды в таком случае теперь уже вторично нет. Поэтому понятно указание предисловия, что регесты составляют «в известной мере самостоятельный труд» и что их «даже можно» рассматривать как «основную часть» издания.

Другим изданием, которое появилось еще в дореволюционной России в качестве регест, были «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России» (т. I—III. СПб., 1899—1913). В предисловии к изданию определялось, что его задачей является передать документы «в сжатом изложении, со строгим соблюдением точности и полноты», причем опять-таки интерес составителей требовал, чтобы в этом изложении были отражены «мельчайшие подробности» бытовой жизни. Как и в других изданиях, и в этих регестах не было исключением то, что текст некоторых актов был приведен полностью.

В заключение об одной погибшей работе, которая явилась бы благополучным завершением, после опытов Терещенко и Куника, опыта составления каталога (т. е. тех же регест) частных актов Московского государства. Работа над историей крестьянства, А. С. Лаппо-Данилевский неизбежно столкнулся с трудностями, обусловленными разбросанностью актового материала по многочисленным, тогда таким малоизвестным изданиям, как описания монастырей, неофициальные части губернских и епархиальных «Ведомостей» и т. п. В 1903 г., когда группа студентов обратилась к нему с просьбой о занятиях, А. С. Лаппо-Данилевский предложил им для таких занятий именно составление каталога частных актов времен Московского государства. Работа была продолжена ими и

Отметим, что он был первым заговорившим о льготных грамотах как «вырванных и завоеванных... в пылу классовой социально-экономической борьбы» (там же, вып. IV, стр. 3).

⁴² «Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten». Herausgegeben von Dr. Friedrich Georg von Bunge. Bd. I. 1093—1300. Reval, 1853; I Abt. Bd. 12. Herausgegeben von Philipp Schwartz und August Fulmerincq. Riga — Moskau, 1910.

после смерти ее руководителя. Однако каталог этот, находясь на частной квартире одного из погибших во время блокады участников, погиб тогда же⁴³.

3

Первая появившаяся в советской печати работа о регестах принадлежит Н. П. Лихачеву. Обширнейшее знакомство Н. П. Лихачева с иностранными изданиями регест, начиная с первых опытов их составления в XVI в. и до новейшего времени, делает это небольшое по объему произведение прекрасным историографическим пособием для изучения вопроса о регестах. В своей работе Н. П. Лихачев попытался провести разницу между понятиями «регест» и «перечней» документов и хотел усмотреть между ними «различия по существу». Оно состояло в том, что регесты являлись сводом «историко-хронологическим», а перечни — сводом в существенной своей части дипломатическим, т. е. согласно его пониманию дипломатики, содержащим «описание акта в его внешности и в отличительных внутренних формах». Однако сам Н. П. Лихачев считал эту разницу «призрачной», так как преобладание одной или другой из сторон описания акта на деле зависело от «взгляда ученого исследователя». Далее Н. П. Лихачев, продолжая свое различие «регеста» и «перечня», находит, что регест, предшествующий печатаемому полному тексту акта, «отличается краткостью», а в перечне должна быть «соответственно современным нам научным требованиям» приведена историческая, дипломатическая и сфрагистическая сущность» акта. Таким образом, изменив терминологию Н. П. Лихачева на более принятую у нас, найдем, что перечень Лихачева есть тот же, но распространенный регест. Коснувшись вопроса о составе предлагаемого им перечня, Н. П. Лихачев полагает, что в нем «основным правилом» должно быть то, чтобы каждый акт, «как бы он ни был незначителен», оказался в нем под отдельным номером и вместе с ним при описании этого акта сообщалось «наибольшее количество данных, признаваемых необходимыми и желательными». В отношении первого требования Лихачев полагает, что следовало бы в такой перечень включить не только акты, полностью сохранившиеся, но и частично известные и даже встретившиеся упоминания об актах, в данный момент нам не известных.

Брошюра Н. П. Лихачева, содержащая множество библиографических и фактических подробностей, является исключительным явлением в литературе регест⁴⁴.

В советской археографии регесты впервые были применены при издании документов в Историко-археографическом институте Академии наук в томе документов по истории «Дворцовой полотняной мануфактуры»⁴⁵. В предисловии к этому тому Институт отметил, что «передача материала в виде регест и таблиц не является обычной и в практике Историко-археографического института применена впервые». Вместе с тем здесь были указаны побуждения к употреблению этого приема. К ним здесь прибе-

⁴³ А. И. Андреев. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частно-правовых актов допетровской Руси. — «Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому». Пг., 1916, стр. 1—7 (для каталога было просмотрено около 6000 томов разных изданий). В ходе работ над каталогом сложился «Терминологический словарь частных актов Московского государства», изданный впоследствии под редакцией А. И. Андреева (Пг., 1922); к сожалению, имя А. С. Лаппо-Данилевского на титуле не обозначено. Отрывок каталога, впрочем малопоказательный, напечатан в «Проблемах источниковедения», т. II. Л., 1936, стр. 333—379.

⁴⁴ Н. П. Лихачев. К вопросу о составлении перечня изданных русских актов. — «Архивное дело», 1923, вып. 1, стр. 26—43; «О составлении перечня изданных русских актов», изд. 2. Пг., 1923.

⁴⁵ «Крепостная мануфактура в России», ч. III. «Дворцовая полотняная мануфактура XVII в.». Л., 1932.

гали тогда, когда в ряде документов оказывались «тождественно повторяющиеся за ряд лет сведения», а также когда «полная передача текста» могла бы значительно увеличить объем издания, не давая в то же время сколько-нибудь содержательных дополнений к делаемым «извлечениям»⁴⁶.

Более общее определение регест было дано в выработанных в этом же Институте «Правилах издания документов XVI—XVII вв.», относительно которых Институт отмечал, что они «не являются чем-то отвлеченным, оторванным от живой практической работы, а, наоборот, выросли из самой жизни». В этих правилах в разделе, обозначенном как «сокращенная передача текста», регесты составили особый подраздел. Они были определены как «сокращенная передача текста отдельного документа, имеющая целью дать сжатые сведения как об основном содержании документа, так и о его форме». Определяя два вида регест, краткие и пространные, правила видели их разницу в том, что краткие могут быть сужены «до элементов, составляющих заголовки документов с расширенной тематической его частью» (§ 45). Но в то же время содержание документов могло быть в «пространных регестах» передано в виде «более детального изложения», «с приведением наиболее характерных цитат» (§ 46). Далее следовало весьма существенное правило, которое делало приемы издания документов в виде регест равными изданию документов в их полном виде; таким правилом был параграф, гласивший, что регесты «обязательно» снабжаются, подобно всякому изданию, заголовками, легендами, а также «в случае необходимости» примечаниями (§ 47—48)⁴⁷.

Правила и практические опыты академического Историко-археографического института, касающиеся регест, встретили отрицательную критику со стороны преподавателей Московского государственного историко-архивного института. Первой выступила в этом направлении И. И. Корнева, которая в своей (неизданной) кандидатской диссертации в 1950 г. писала, что регесты содержат «тенденциозно подобранные извлечения» и представляют по существу «фальсифицированный материал»⁴⁸. Несколько лет спустя в статье, излагавшей «основные принципы передачи текста», И. И. Корнева отметила, что в Институте истории Академии наук «среди части научных сотрудников имеется тенденция узаконить такую форму публикации документов, как регесты». И. И. Корнева утверждала, что эта тенденция «в научных кругах» (а академический не научен? — С. В.) подверглась «резкой и справедливой критике». Сведя всю сущность регест к одной лишь «форме пересказа, частичного изложения содержания, наподобие западноевропейских регест», просто было излагать логически беспорочное суждение, что регесты как часть текста да еще в пересказе не являются тем же, чем является полный текст документа. И. И. Корнева далее доказывала столь же беспорочное положение, что регесты зависят от того или иного их составителя и это «может» повести «к фальсификации исторических явлений». И. И. Корнева противопоставляет этому подверженному опасностям фальсификации приему другой — «вполне научный» прием передачи содержания документа — прием извлечений. Но даже в ее собственной характеристике приема извлечений он, оказывается, чреват теми же опасностями, которые подстерегают составителя регест. И здесь их составителю следует остерегаться, чтобы «путем извлечения отдельных частей текста не исказить основного содержания документа»⁴⁹.

⁴⁶ Там же, стр. XXXIII.

⁴⁷ «Проблемы источниковедения», т. II, стр. 321—322.

⁴⁸ И. И. Корнева. Очерки деятельности Петербургской археографической комиссии по собиранию и изданию исторических памятников в 30—50 гг. XIX в. Рукопись канд. дисс. ГБЛ, стр. 39; в автореферате диссертации (Л., 1950) о регестах речи нет.

⁴⁹ И. И. Корнева. Основные принципы передачи текстов при публикации и некоторые вопросы воспроизведения источников ранних периодов (XIV—XVIII вв.). — «Труды МГИАИ». М., 1957, т. 8, стр. 46, 48.

На деле, надо сказать, опасения И. И. Корневой убедительнейше оправдались. В том же году, когда были напечатаны суждения И. И. Корневой о «вполне научном» приеме извлечений в противовес ненаучности приема составления регест, представительница той же кафедры археографии Т. В. Батаева посвятила вопросу об извлечениях особую подробно обоснованную работу. Т. В. Батаева отметила мотивы, которые привели к применению приема извлечений, именно «для придания изданию целеустремленности и опубликования лишь той части текста, которая непосредственно относится к теме издания». Т. В. Батаева указала на положительный опыт публикации исторических источников в извлечениях. Однако Т. В. Батаева в то же время отметила, что этот прием «порой применяется для исключения из документа неугодных издателю частей текста», и привела пример того, как «произвольные сокращения привели к одностороннему показу событий и смысловому искажению текста источников», и другой пример, когда таким образом текст Г. В. Чичерина был выдан за текст В. И. Ленина. В итоге убедительно звучит вывод Т. В. Батаевой, что следует признать «неправильным увлечение методом частичного издания текста документов, когда извлечения необоснованны и неправомерны»⁵⁰. С последним согласна и Е. М. Тальман в своих суждениях о «Красном архиве», отмечая, что для него «было характерно увлечение публикацией документов в ничем не оправдываемых извлечениях»⁵¹.

Г. А. Белов, опираясь на громадный опыт наблюдений над изданиями архивного ведомства, пишет о «широком распространении издания документов в извлечениях» и полагает, что оно могло, когда отсутствовали необходимые оговорки, вести «к искажению смысла источников и, тем самым, к фальсификации истории»⁵². Также и В. А. Кондратьев, коснувшись этого «одного из злободневных вопросов современной археографии», писал, что извлечения приводят «в большинстве случаев к произволу, искажениям и ошибкам»⁵³. Полагаем, что извлечения могут быть, таким образом, научными и ненаучными, могут быть полезны и вредны, но, по-видимому, тот или иной итог пользования этим приемом сокращенного изложения текста будет зависеть не от вполне допустимого, самого по себе, приема, а от того, кто и в каких целях будет этим приемом пользоваться.

Взгляд на регесты, в достаточной мере сходный со взглядом И. И. Корневой, находим и у Е. М. Тальман. И. И. Корнева противопоставляла «научный» прием извлечений ненаучному приему регест. Е. М. Тальман аналогично считает, что сокращенная передача текста в виде таблиц представляет собою «научную статистическую обработку источников», а «регестам нельзя дать подобную оценку, так как пересказ или цитирование документов не может заменить их текста и в силу этого удовлетворить интересы исследователей»⁵⁴.

Конечно, как было уже сказано выше, полного текста подлинника источника ничто вообще не может заменить, даже и его тщательнейшее печатное воспроизведение. Если его не могут всецело заменить и регесты, то равным образом и таблицы воспроизводят неполный текст документа,

⁵⁰ Т. В. Батаева. О передаче в извлечениях документов советской эпохи. — «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 199—208, особ. 200—202, 206.

⁵¹ Е. М. Тальман. Археографическая деятельность Централхива в 1920—1930-х гг. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 79.

⁵² Г. А. Белов. Некоторые вопросы теории и практики архивного дела. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 4, стр. 9.

⁵³ Рецензия В. А. Кондратьева на издание «Теория и практика архивного дела». — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 8, стр. 113.

⁵⁴ «Хрестоматия по археографии». Под ред. проф. Г. Д. Костомарова. М., 1955, стр. 54.

будучи тоже лишь извлечением некоторых данных, подвергнутых, как указывает сама Е. М. Тальман, известной «обработке», которая, как всякая обработка, подвержена свойственным ей опасностям. Таким образом, несомненно ценный прием применения таблиц имеет свои особые задачи и приемы и может быть, как и извлечения, смотря по его употреблению, полезен или вреден.

Наступивший в середине 50-х годов общий подъем научной работы в стране сказался в исторической науке вдвойне: и в усилении практической археографической деятельности, и в области разработки неразрывно с последней связанных вопросов теории археографии. Уже в 1957 г. был отмечен значительнейший количественный скачок вверх археографической практической работы. В 1956 г. появилось 40 сборников документов, а в следующем 1957 г. их число возросло более чем в три раза, дойдя до 133 сборников⁵⁵. Но новым был не только этот числовой показатель роста археографической деятельности. Не меньшее же оживление должна была испытать и археографическая мысль.

Нам приходилось и ранее наблюдать, что изобилие вовлекаемых в изучение или издание документов выдвигало настоятельнейшим образом вопрос, как преодолеть создаваемые этим изобилием трудности. Так было в конце XVII и начале XVIII в., когда Георгиш или Брекиньи создали первые оставшие прочный след в науке издания регест. Так было и в начале XIX в., когда Бемер положил начало новой эпохе в истории регест. То же произошло и в России, когда вопрос о регестах привлек внимание только что созданной Археографической комиссии, хотя он и не получил тогда какого-либо достаточного развития. Нельзя поэтому удивляться, что в условиях отмеченного только что замечательнейшего усиления археографической деятельности вопрос о регестах вновь станет одним из очередных вопросов в нашей археографии. Это отчетливо оказалось в расширенном заседании кафедры археографии МГИАИ, состоявшемся 7 октября 1958 г., на котором заведующий кафедрой М. С. Селезнев предложил обсудить ряд «важных» вопросов археографии, включая в число их и регесты, а Б. Г. Литвак, говоря о том, что «настало время дополнить общие правила издания документов серией частных правил», отметил относительно «отдельных приемов издания», что при этом «нельзя просто отмахнуться от регест»⁵⁶.

Как при обсуждении вопроса о регестах на кафедре, так и в некоторых других высказываниях и статьях обнаруживалось наличие знакомого уже нам отрицательного, подчас даже весьма резко выраженного, отношения к употреблению регест. А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев в статье, содержащей обзор археографических работ за 40 лет, писали, что «в среде некоторых наших археографов распространено мнение, что не к лицу советским публикаторам идти по пути издания документов в виде регест, что-де это влечет к фальсификациям и т. п.»⁵⁷. Несколько позднее (1960 г.) Б. Г. Литвак отмечал: «Применение регест решительно исключено из археографической практики последнего времени»⁵⁸. Некоторое объяснение отмеченному Б. Г. Литваком археографическому явлению находим в статье И. И. Носовой, которая в 1964 г. писала в «Вопросах архивоведения», что «официально (курсив мой. — С. В.) до послед-

⁵⁵ Л. И. Иковлев. Об итогах научно-издательской деятельности архивных учреждений за 1957 г. — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР». М., 1958, стр. 30.

⁵⁶ Е. М. Тальман. На кафедре археографии МГИАИ. — «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 246.

⁵⁷ А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. — «История СССР», 1958, № 3, стр. 218.

⁵⁸ Б. Г. Литвак. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. — «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 193.

него времени существовало мнение о недоброкачественности подобного приема передачи текста, который якобы открывает путь к искажению содержания документов»⁵⁹.

Не без влияния раздававшейся теперь критики находим уклончивые характеристики регест в основных учебных пособиях, предназначенных для будущих археографов МГИАИ и для действующих археографов ГАУ.

В изданном Московским государственным историко-архивным институтом в качестве учебного пособия для будущих археографов «Пособии» после глухой ссылки на деятельность академического Историко-археографического института студентам предлагается «скомканное» по оценке рецензентов, изложение, сопровождаемое оговоркой, что регесты, «с точки зрения своего содержания и формы, а также практического применения, нуждаются в специальном обсуждении»⁶⁰.

Мнение другого руководящего археографической работой учреждения — ГАУ находим в статье А. И. Логиновой. И она признает в 1959 г., что «в последнее время все чаще раздаются голоса о таком способе сокращенной передачи текста, как регесты». Однако, подобно некоторым работникам МГИАИ А. И. Логинова полагает, что «методика применения регест не разработана в советской археографии, а зарубежный опыт нуждается в критическом анализе». А. И. Логинова допускает применение регест «в качестве подсобного метода публикации документов — в виде справочных пособий, приложений к сборникам». Впрочем, как исключение регесты могут быть использованы наряду с самими документами и «при этом основное содержание документов должно передаваться полностью»⁶¹.

При обсуждении вопроса о регестах на упомянутом выше заседании кафедры археографии нашлись и прямые сторонники их употребления. В отчете о заседании отмечено, что «многие выступающие поддержали мысль о целесообразности применять в публикациях регесты». К сожалению, из этих «многих» названы только К. Г. Митяев, который прямо заявил, что «следует применять» регесты при издании некоторых «первоклассных экономических источников», а также Б. Г. Литяк, мнение которого приведено уже выше. М. С. Селезнев на заседании, а затем в последовавшей немногим позже статье⁶² был совершенно прав в том, что в регестах мы имеем «не сами подлинные документы, а их обработку, представленную в разных формах». М. С. Селезнев совершенно прав и в том, что регесты «не в состоянии заменить подлинного текста документов» и что «они не включают в себя все те сведения, которые дают полностью публикуемые тексты со всеми их особенностями». Все это входит в само понятие регест, так как они были вызваны к жизни не для того, чтобы заменить подлинник со всеми его особенностями, а для тех целей, которые, как мы уже видели, такого полного знания не требуют. Точно так же, когда М. С. Селезнев полагает, что «в конечном счете самым важным для читателя является подлинник», то можно указать, опять-таки, что издания полного текста документа «важны» читателю для одних целей, для которых они именно полностью и издаются, регесты же важны читателю для других целей, для полного удовлетворения

⁵⁹ И. И. Носова. Типы, виды и формы документальных изданий. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 3, стр. 58.

⁶⁰ «Методическое пособие по археографии». М., 1958, стр. 1-2; рецензию А. А. Зимиша и др. см.: «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 229.

⁶¹ А. И. Логинова. Итоги публикаторской деятельности архивных учреждений за 1958 г. и некоторые вопросы археографии. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1959, стр. 172.

⁶² Е. М. Тальман. На кафедре археографии МГИАИ. — «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 248; М. С. Селезнев. О некоторых вопросах советской археографии. — «Исторический архив», 1960, № 4, стр. 193—194.

которых и создаются разные виды регест. Отношение к регестам М. С. Селезнева сказалось и в его настоятельных требованиях к составлению регест, что читатель регест должен знать, с чем имеет дело, хотя, согласно общим правилам, они сопровождаются, как это требуется «обязательно», например «Правилами издания документов XVI—XVII вв.» Историко-археографического института (§ 47), и заголовками, и легендами, и примечаниями. К читателям, пользующимся регестами, обращено требование М. С. Селезнева уметь «проводить строгое различие между подлинными историческими документами и создаваемыми на их основе материалами» и его сожаление, что есть такие ученые, которые этого «не одевают в должной мере». Нельзя не согласиться с М. С. Селезевым в том, что «заграничный опыт [употребления регест] нуждается в критическом осмысливании и его не следует применять механически», и еще более в том, что «наш отечественный опыт в этом отношении незаслуженно недооценивается».

В то же время в упоминавшейся выше статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева говорилось, что для некоторых видов источников «давно практикуется сокращенная их передача». В этой связи, как они писали, «кажется назрел вопрос о более широком введении в научный оборот источников посредством регест». Обосновывая это пожелание, А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев писали, что оно «вызывается, с одной стороны, необходимостью сокращения объема сборника, а с другой — желанием исследователей получить в свое распоряжение наибольшее количество источников»⁶³. Еще более положительно говорил о регестах С. О. Шмидт, выступая на очередном межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. В своем подробном сообщении, говоря также о положении соответствующих археографических работ, С. О. Шмидт коснулся и вопроса о регестах: он считал их «общепринятым» приемом археографической работы, видел в них «сокращенную передачу текста документа с целью дать сжатые сведения как об основном содержании документа, так и о его форме»⁶⁴.

Нам следует теперь обратиться к новейшему в нашей археографии случаю применения регест.

В. А. Кондратьев не раз и особенно в посвященной этому вопросу статье выдвигал предложение о «важном виде научно-справочного аппарата к документальным изданиям»⁶⁵. Побуждением к созданию такого «аппарата» явилось уже хорошо нам знакомое затруднение. Именно: наступило «бурное развитие археографической деятельности в стране»; явилась «необходимость давать исследователям максимально широкий круг исторических источников», в то же время, как отмечает В. А. Кондратьев, «не злоупотребляя расширением и без того уже крупных объемов документальных изданий». Это значит, что исследователю надлежало доставить знание помимо тех документов, которые удалось поместить в их полном виде в издаваемый сборник, также и тех, которым следовало бы в сборнике быть, но в который они в виде издания их полного текста из-за размеров издания уже попасть не смогли. В. А. Кондратьев видит «наиболее реальный путь использования в сборниках всего комплекса выявленных документов» в составлении «перечня» не вошедших в состав сборника документов, который был бы приложен к основному составу сборника. В. А. Кондратьев считает, что «в дальнейшем составление перечней будет сочетаться с изданием кратких или распространен-

⁶³ А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев. Указ. статья, стр. 218.

⁶⁴ «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962». Минск, 1964, стр. 185.

⁶⁵ В. А. Кондратьев. Важный вид научно-справочного аппарата к документальным изданиям. — «Вопросы архивоведения», 1959, № 1 (11), стр. 93—100.

ных регест (выдержек) на отдельные, наиболее важные не включенные в сборник документы». Последнее весьма характерно в том отношении, что, по мнению В. А. Кондратьева, перечни отличаются от регест только тем, что в одних нет выдержек, а в других они есть; однако регесты могут при помощи различных приемов сокращать изложение содержания документа, и предлагаемые В. А. Кондратьевым перечни являются не чем иным, как наиболее сжатым видом регест. Отсюда и возможно происхождение колебаний терминологии, стремящейся из разновидности регест создать новый вид сокращенных изданий.

То же самое по существу находим и у В. М. Хевролиной даже в еще более определенном виде, когда она пишет, что для перечней «могут быть широко использованы регесты»⁶⁶. Разъяснение этой странной путаницы терминов найдем без труда в том, что признаки, указываемые В. А. Кондратьевым в качестве признаков перечня, являются именно составными частями регест.

Статья В. А. Кондратьева примечательна тем, что он попытался утвердить в археографической литературе возникшую у него без указок извне, стихийно, можно сказать из потребностей нашей текущей практической работы, одну из форм регест, давно, впрочем, известную в западной исторической литературе. В. А. Кондратьев рассмотрел в ней некоторые общие вопросы, например, в отношении перечней к заголовкам, описям, а также и методические вопросы, связанные с составлением этого рода регест. Он также попытался разобраться в том, какие возможно разные оттенки приняла та краткая форма регест, которую он, да и некоторые другие, называли перечнями; он привел ряд примеров, делая свои заключения на основе практического опыта, а не исходя из отвлеченных соображений об их целесообразности или нецелесообразности.

Труд В. А. Кондратьева был бы весьма, конечно, облегчен, если бы ему были известны некоторые не только зарубежные издания, но также и выпшедшие у нас в дореволюционное время. Такова уже указанная выше многотомная серия документов по истории Прибалтики, начало выхода которой относится ведь к очень далекому, более ста лет тому назад, времени, а последний дореволюционный том вышел в Риге и Москве в 1910 г. Мы имеем здесь еще одно доказательство того, насколько затруднено развитие нашей археографии вследствие малог знакомства с нашей дореволюционной археографией, что было отмечено как мы видели, М. С. Селезевым, не говоря уже о западноевропейской.

Обратимся к тому, как воздействовали новые практические условия археографической работы на общие, можно сказать, построения решительных противников регест.

Конечно, нелегко было перейти от старых предрассудков о фальсификаторской сущности, присущей регестам, к усвоению их должной роли в советской археографической теории вслед за советской же практикой.

Д. А. Чугаев в 1962 г. писал, что «практика применения регест в ряде заграничных публикаций в форме изложения содержания документа самим археографом и публикации только отдельных мест в выдержках отвергнута советскими археографами» (заметим, что Д. А. Чугаев оставил без внимания советские академические «Правила» 1936 г.). Однако несколькими строками далее Д. А. Чугаев уже соглашается с тем, что «совсем отказаться от регест мы не можем», и приводит три, по его мнению, «возможные» формы регест. Однако одна из этих форм — таблицы — явно не является регестами, а другим видом сокращенного издания документов; но вторая и третья формы Д. А. Чугаева («списки аналогичных до-

⁶⁶ В. М. Хевролина. Повторная и параллельная публикация документов. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 2, стр. 61.

кументов» и «ограничение публикации аналогичных текстов документа заголовками и легендами») составляют вынужденную уступку, сопровождаемую все же настойчивой оговоркой о том, что «в методических указаниях необходимо отразить вопрос об ограниченном применении регест в союзовских публикациях». Несколькими годами позднее Д. А. Чугаев в своей статье о «серьезном шаге», произведенном в советской археографии выходом в свет документов Петроградского Военно-революционного комитета, отмечал, что одним из приемов издания, здесь примененным, является «что-то вроде регеста»⁶⁷.

Надо отдать должное нашему архивному ведомству, которое занято практически работой над изданием разнообразнейших документов и постоянно вынуждено в ходе работы находить все новые, не предусмотренные ни правилами, ни накопленным ранее опытом приемы преодоления встречающихся трудностей в археографической работе. Так, руководитель ГАУ Г. А. Белов, исходя из «огромного количества документов советского общества» и перечисляя «формы публикации, которые позволили бы при минимальном объеме дать максимальное количество документов», отметил в их числе и регесты⁶⁸. В том же году и в том же архивном издании была помещена статья И. И. Носовой (о ней была речь выше), которая писала о «настоятельном» требовании «серьезно заняться изучением особой формы передачи текста документов в виде регест»⁶⁹.

След за ними появилась там же статья А. Б. Каплана под мало подходящим для научной характеристики регест названием: «Регесты — удачная форма публикации». Статья эта делала первый опыт ознакомления советских археографов, по формулировке ее автора, с «опытом подготовки регестов, накопленным западными архивистами». К сожалению, эта несомненно симптоматически полезная статья грешит досадными ошибками и неточностями, как, например, почти во всем том, что говорится о регестах Бемера. Не останавливаясь, однако, на погрешностях этой статьи, нельзя не признать ее общего значения. Она в известной мере завершает определенившееся уже в предшествующих статьях «официальное» в органе ГАУ признание регест как археографически добропорядочного (а не фальсификаторского, по И. И. Корневой) приема издания документов⁷⁰.

Завершением этого поворота в сторону признания регест, хотя еще все с осторожным рядом оговорок, явилось и новое мнение о регестах кафедры археографии МГИАИ. Здесь уже «ценной формой использования выявленных документов является составление регестов (изложения краткого «одержания документов), сопровождаемых заголовками и контрольно-справочными сведениями»⁷¹.

Таким образом, можно сказать, что регесты получили, наконец, и официальное и ученое признание в нашей археографической практике и теории.

Подводя некоторый итог сказанному выше, можно отметить, что, как это случалось в истории регеста, возникший в наше время и ставший столь обостренным вопрос об их применении в нашей археографии

⁶⁷ Д. А. Чугаев. О методике археографии советской эпохи. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 362—364; он же. Опыт публикации архивного фонда. — «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 69.

⁶⁸ Г. А. Белов. Некоторые вопросы теории и практики архивного дела. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 4, стр. 11.

⁶⁹ И. И. Чосова. Типы, виды и формы документальных изданий. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 3, стр. 58.

⁷⁰ А. Б. Каплан. Регесты — удобная форма издания. — «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 83—85.

⁷¹ Т. В. Батаева, И. И. Корнева, М. С. Селезнев, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. К 50-летию советской археографии. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 182.

является одним из существенных показателей значительнейшего подъема нашей исторической науки. Новые задания, новые темы, новые приемы исследования — все это в совокупности потребовало неизмеримо большего расширения круга привлекаемых к изучению источников. Но чем шире становился круг этих источников, тем затруднительнее оказывалось не только издание всей массы в их полном виде, но даже само ознакомление с ней для каждого отдельного исследователя. Регесты, как мы видели, и явились одним из возможных приемов преодоления трудностей, созданных обратной стороной научных успехов исторической науки⁷². Со времени возникновения мысли о регестах прошло уже едва ли не триста лет, со времени же появления первого опыта издания регестов скоро тоже будет насчитываться почти два с половиной столетия. Выше были изложены взгляды ряда поколений историков на значение регестов; остается, конечно, еще особо изучить богатейший практический опыт многих выдающихся историков и археографов, создавших многообразную библиотеку регестов, и надо надеяться, что это вскоре будет сделано. Тогда можно будет всесторонне изложить все то значение, которое имели регесты в развитии основ исторического исследования, именно: в деле приближения историка к иначе недоступным массам исторических источников.

Регесты с самого возникновения и до наших дней сохранили свое основное значение: они являются одним из видов сокращенного издания документов. Поэтому основной состав регеста в своем построении вполне соответствует составу именно полного издания документа. При издании документа в его полном виде обычен трехчастный состав его: заголовок, сам текст документа, легенда (причем, конечно, в зависимости от разного рода обстоятельств издания эта общая схема может приобретать разнообразные видоизменения). Все это можно повторить и относительно регеста: начиная от самых ранних своих образцов они непременно состоят из таких же трех неизменных частей, каждая из которых в свою очередь может принимать особый вид в зависимости от соответствующих предъявляемых ей задач.

Вышеприведенные мнения о регестах дают также возможность судить о многообразии тех задач, которые могут быть поставлены перед регестами, и о тех разнообразных видах, которые регесты могут принимать в зависимости от этих задач.

Основным различием было бы, конечно, то, ставим ли мы перед регестами задачу облегчить работу исследователя или же служить делу ознакомления широкого читателя с подлинными документальными текстами. Первая задача не требует разъяснений. Решение второй задачи — служить средством ознакомления широкого читателя в доступном для него виде с подлинными текстами документов, осознанная в приведенном выше мнении Вайца, теперь особенно настоятельно, что является из появления в последние годы у нас литературного жанра — так называемых документальных произведений. Последние привлекают внимание любителей истории именно тем, что вкрапленные в воссоздаваемое воображением писателя прошлые документы придают всему повествованию видимость точного документального воспроизведения о повествуемом, к знанию которого читатель и стремится. Регесты в подобранном умело

---

⁷² Мы не рассматривали здесь иного, может быть и близкого к регестам, случая, когда сокращение текста достигается одними лишь опущениями некоторых обычных, как, например, титулы, или систематически повторяющихся частей документа, как, например, клаузулы какой-либо разновидности актов, что предлагал в свое время применительно к служилым кабалам В. И. Шунков в рецензии на издание А. И. Яковлевых новгородских записных кабальных книг («Историк-марксист», 1939, № 2, стр. 160).

сборнике могут доставить такому читателю уже не «документальную повесть», а действительную «документальную историю»⁷³.

В зависимости от ставимых перед данными регестами задач они могут быть составляемы с той степенью подробности, которая освободила бы нас от обращения к трудно доступному для нас подлиннику, но регесты могут играть и чисто служебную роль, т. е. несколько не заменяя подлинника, они могут быть составлены лишь в качестве руководителей к обнаружению этого подлинника (т. е. быть так называемым научно-справочным аппаратом). В своем изложении они могут быть объективны или субъективны в том смысле, что могут или стремиться изложить содержание документа, по возможности словами самого документа, при помощи выдержек, соблюдения языка документа (особенно в названиях, терминах) и т. п., что употребительно в подробных регестах; или же, наоборот, в изложении может господствовать авторский текст составления регест, что почти всегда неизбежно при составлении кратких регест. При сочетании в одном издании регест и издания документов в полном виде равным образом возможно их разъединенное помещение в виде двух отдельных частей издания, но возможно и издание в томе обоих этих видов как единого целого с одной сплошной нумерацией в сплошном, например хронологическом, порядке.

Эти и возможные другие приемы составления и применения регест свидетельствуют о гибкости этой формы сокращенного издания документов. Однако при всем значении регест нельзя не отметить одной существенной опасности, которая им неизбежно сопутствует. Всякое сокращение любого текста не может не зависеть от особенностей лица, производящего это сокращение. Так и регесты не могут не нести отпечатка как той среды, в которой они создаются, так и того лица, от взглядов и степени добросовестности которого зависит научный успех дела.

---

⁷³ Опыт издания «массовой исторической библиотеки» был сделан Центрархивом в 1933—1934 гг., но почему-то вскоре был оборван.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПИСАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ¹

Вопросы создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным материалам Государственного архивного фонда СССР в последние годы привлекают все больше внимания. Теория описания документальных материалов, основанная на многолетнем опыте архивистов, получила дальнейшее углубление и развитие в ряде докладов, статей, учебных пособий, а также в правилах и инструкциях².

Тем не менее, как показывает практика, многие вопросы еще не решены. Так, в значительной мере лишь поставлены, но не решены задачи дифференцированного описания документальных материалов ждет своего решения практическое установление преемственности между справочным аппаратом архивов министерств, ведомств и государственных архивов; достаточно животрепещущими являются проблемы создания многоаспектных информационно-поисковых систем в государственных архивах. Проведенные в 1965—1966 гг. Главным архивным управлением семинары и совещания по вопросам создания и совершенствования научно-справочного аппарата показали, что в настоящее время многие вопросы получают иное освещение³. Если же обратиться к опыту архивистов других стран, то станет ясным, что и их волнуют сходные проблемы⁴.

¹ Под описанием подразумевается создание вторичной информации о документах, главным образом, в виде описей документальных материалов. Первичной информацией в этом случае являются сами документы. В более широком смысле к описанию могут быть отнесены и другие работы по созданию каталогов, обзоров, путеводителей и др. В статье речь пойдет о документальных материалах государственных учреждений, организаций и предприятий, об их так называемых общедоделопроизводственных фондах. Описание фондов личного происхождения, документов творческого характера, равно как кино-фото-фонодокументов и научно-технической документации, имеет свою специфику, не допускающую применения многих выдвигаемых нами положений.

² М. И. Автократова, И. И. Носова, Л. И. Сесина. Усовершенствование системы научно-справочного аппарата. — «Советские архивы», 1967, № 6; Г. А. Белов. Научно-справочный аппарат архивов. — «История СССР», 1964, № 4; И. Ф. Петровская. Система научно-справочного аппарата к документальным материалам и пути ее усовершенствования. — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 10; К. И. Рудельсон, М. Н. Шобухов. Единая система научно-справочного аппарата государственных архивов СССР. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. 1. М., 1965; Д. А. Тебекин. Основные проблемы научно-справочного аппарата государственных архивов. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 3; М. Н. Шобухов. Составление и издание описей документальных материалов в архивах СССР. М., 1959; «Основные правила работы государственных архивов». М., 1962; «Теория и практика архивного дела в СССР», под ред. проф. Л. А. Никифорова и доц. Г. А. Белова. М., 1966.

³ «Материалы семинаров-совещаний работников архивных учреждений РСФСР по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным материалам (г. Калинин, Ростов-на-Дону, Томск, апрель — июнь 1966 г.)». М., 1966 (ротапринт) (далее — «Материалы семинаров-совещаний...»).

⁴ См., напр., В. Меркер. Проблемы дифференцированного описания фондов новейшего периода. — «Archivmitteilungen», 1964, № 5; «Правила приведения в порядок и описания документальных материалов государственных архивов Герман-

Еще в 1963 г. в одной из редакционных статей «Вопросов архивоведения» отмечалось: «По-видимому, придется пересмотреть теоретические основания такой ... проблемы архивоведения, как описание документальных материалов (составление описей), поскольку его принципы, разработанные еще в 1930-х гг., ориентируют на недифференцированный подход к материалам вне зависимости от их научной ценности и специфики содержания. ...»⁵

В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» вопросы пополнения и лучшего использования архивных фондов прямо связаны с задачами коренного улучшения системы научной информации и дальнейшего расширения документальной базы общественных наук⁶. Поэтому несомненно, что вопрос о месте Государственного архивного фонда в общей системе научной информации страны является достаточно злободневным. Не могут быть обойдены в этой связи вопросы о единстве терминов, определенной преемственности между системами информационного поиска и научно-справочным аппаратом в государственных и ведомственных архивах.

Один из нерешенных вопросов — это вопрос о дифференцированном подходе к описанию документальных материалов.

В настоящее время суть дифференцированного описания сводится к дифференцированному применению требований «Основных правил работы государственных архивов» 1962 г. к различным группам фондов. Принципы описания, изложенные в «Основных правилах», рассматриваются как не подлежащие какому-либо пересмотру. Допускаемые отступления от этих принципов носят второстепенный характер и почти не касаются тех вопросов, которые связаны с описанием содержания документальных материалов, они относятся лишь к дополнительным аксессуарам (внешний вид документов, их подлинность, способ воспроизведения и т. п.).

Иными словами, требования «Основных правил» остаются эталоном полноценного описания.

Нисколько не умаляя значения положений, зафиксированных в «Основных правилах» относительно описания документальных материалов, следует сказать, что они не раскрывают с достаточной четкостью таких понятий, как содержание документальных материалов и существо информации о содержании в различного рода описаниях; нет ясности в понимании терминов «раскрытие содержания материалов», «полнота описания». Во многих, причем принципиальных, моментах «Основные правила» 1962 г. расходятся с соответствующими разделами «Основных правил постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций и предприятий СССР» 1963 г., в соответствии с которыми сейчас ведут работу архивы учреждений, организаций и предприятий по описанию своих документальных материалов, впоследствии подлежащих передаче в государственные архивы. Нет ответа в «Основных правилах» 1962 г. и на многие другие вопросы, возникающие в настоящее время в ходе работ по составлению описей. Все это является естественным следствием того, что «Основные правила» 1962 г. бази-

ской демократической республики). Потсдам, 1964; Б. Брахман. Методические указания по ведению текущего делопроизводства. — «Archivmitteilungen», 1963, № 4; В. Мидеевская. Научно-техническая обработка Государственного архивного фонда в Народной Польше. — «Archeion», 1965, XLI; И. Паприц. Описание на карточках дел, сформированных по предметно-вопросному признаку. — «Der Archivar», 1961, № 4; В. Мюллер. Описание на карточках материалов новейшего периода. — «Der Archivar», 1963, № 2.

⁵ «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 8; см. также Г. А. Белов. Указ. статья, стр. 218—221.

⁶ «Коммунист», 1967, № 13, стр. 41.

руются в области описания на старом опыте, отражают принципы, окончательно сформулированные в 30-х годах. Они не содержали в себе идеи дифференцированного подхода к описанию, поэтому на первых порах этот подход понимался как вынужденное отступление для какой-то части материалов от «идеальных» принципов.

С созданием Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в 1967 г. разработка принципов и методов дифференцированной информации о составе и содержании документальных материалов Государственного архивного фонда в рамках единой системы научно-справочного аппарата была определена как существенно важная проблема архивоведения. В обоснование разработки этой проблемы указывалось, что необходимость дифференцированной информации о составе и содержании ГАФ СССР вытекает из качественного различия информационной ценности документальных материалов архивных фондов. Мы не имеем в виду качественные различия в научно-историческом и другом значении документальных материалов, на основании которых решается вопрос о хранении этих материалов в государственных архивах.

Для признания фонда подлежащим государственному хранению достаточно, чтобы он содержал информацию, необходимую для использования хотя бы в одном направлении, и чтобы эта информация была бы достаточно уникальной (не повторяющейся в материалах других фондов). Содержит ли фонд информацию, необходимую для исследования ряда других проблем, принципиально уже не имеет значения, так как он уже должен быть принят в государственный архив. Однако разница в информационной значимости фондов не может быть безразличной для решения других вопросов работы с документами. Документы принять в государственные архивы фондов могут быть подвергнуты дальнейшей классификации с точки зрения объема, характера, значения содержащейся в них информации, поскольку различная информационная значимость фондов обуславливает различные возможности, различный диапазон использования документов. Иначе говоря, количество и объем содержащейся в фонде информации будут прямо пропорциональны количеству разнохарактерных вопросов, которые могут быть поставлены к материалам фонда с достаточным для этого основанием, т. е. с потенциальным получением ответа.

Таковы объективные предпосылки для того, чтобы рассматривать архивные фонды с точки зрения неодинаковости их информационной значимости. А если информационная значимость фондов неодинакова, то, очевидно, неодинаковым должен быть качественный состав научно-справочного аппарата к ним, т. е. архивные фонды с точки зрения состава и качества потребного к ним научно-справочного аппарата могут быть отнесены к нескольким категориям.

Поэтому нам представляется, что не может быть полной аналогии, полного соответствия между известными «Примерными списками учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР», в которых фонды в зависимости от научно-исторической ценности их материалов разделены на четыре категории, с одной стороны, и категориями фондов с точки зрения требований научно-справочного аппарата к ним, — с другой, так же, как не может быть полного соответствия между научно-исторической ценностью и информационной значимостью фондов. Это не означает, однако, что между научно-исторической ценностью и информационной значимостью архивных фондов есть принципиальная разница, но научно-историческая ценность фонда определяется не столько объемом информации, сколько ее научным, политическим и иным значением, а на формы и методы создания вторичной информации о документах фонда не так влияет его научно-историческая ценность, как информационная значимость. В самом деле, уникальность, реликвийность и т. п. критерии, при-

менимые к определенным документальным комплексам, обязательно увеличивают научно-историческую ценность последних, но не несут с собой автоматического требования «усложнения», углубления, обогащения научно-справочного аппарата, если, конечно, не расширяют их информативности, что может быть в некоторых случаях. Последняя же зависит прежде всего от широты диапазона подвергшихся документированию функций учреждения, от конкретного содержания документов.

Попытка изложить основы деления архивных фондов на категории с точки зрения соответствующего уровня научно-справочного аппарата к ним содержится в разработанных в 1967—1968 гг. ВНИИДАД под руководством Т. Н. Долгоруковой методических рекомендациях «Дифференцированный подход к описанию документальных материалов (методические рекомендации)» (вып. 1. М., 1969).

Вопрос о содержании документа и передаче содержания — кардинальный вопрос описания. Обычно содержание документа ассоциируется с той частью его формуляра, которая называется текстом документа. Нам представляется необходимым относить к содержанию не только сам текст, т. е. ту целевую информацию, ради сохранения или передачи которой документ создается, но и весь возможный объем информации, содержащийся в нем, т. е. и все остальные элементы формуляра, включая резолюции, пометы и пр. Думается, это не требует особенных доказательств, если учесть, сколь существенна иногда бывает разница между отпуском исходящего и подлинником входящего документа, как обогащается содержание благодаря резолюциям, подписям, благодаря месту документа (среди других — одним словом, благодаря тому, что документ имеет свою, зафиксированную на нем, судьбу.

Если с этих же позиций рассмотреть вопрос о содержании дела, единицы хранения, то следует прежде всего заметить, что содержание единицы хранения не может быть определено лишь как простая сумма содержаний отдельных составляющих единицу хранения документов, коль скоро объединение этих документов в одно дело не является чисто механическим или чисто случайным, а отражает реально существующие связи между документами. Попытаемся доказать, что эти связи основаны на отражении определенных участков, направлений деятельности учреждения и являются основаниями для формирования документов в дела. Большое количество действий, предпринимаемых учреждениями (но не абсолютно все!), требует документирования, т. е. связано с созданием или применением соответствующих документов. В них отражаются те связи, которые существуют между действиями, функциями, участками деятельности учреждения. Эти связи и являются определяющим моментом при систематизации документов в первичные комплексы (дела). Поэтому путь к научно правильной систематизации документов лежит через научную классификацию деятельности учреждений.

В этой связи уместно привести указания В. И. Ленина, данные им в письме Н. П. Горбунову относительно делопроизводства в Управлении делами СНК: «Надо точно распределить функции между Вами и Смольяниновым. Каждый должен *„вести надзор“* за определенными делами (электроплуги, Гидроторф, коллективное снабжение, тарифы и т. д. и т. п.). По каждому делу, как по „старому“, так и вновь возникающему, должны систематически подбираться вместе все бумаги и все справки, чтобы всегда легко было найти требуемое»⁷. Приведенные слова говорят не только о том, какое значение придавал В. И. Ленин правильной организации делопроизводства, — в них содержатся прямые указания о принципах формирования документов в дела и обозначении их содержания в за-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 162.

висимости от функций, направлений и участков деятельности, в связи с которыми создаются документы. А такое формирование дел, естественно, не может мыслиться без приведения в систему, без классификации направлений деятельности учреждений. Таким образом, путь к правильной классификации документов — в выявлении роли документов по отношению к той или иной функции, тому или иному участку деятельности учреждения и в создании основанных на изучении функциональных связей документов схем их классификации — т. е. номенклатур дел⁸.

С учетом изложенного выше можно утверждать, что под содержанием дела должна иметься в виду как сумма информации отдельных документов, его составляющих, так и та добавочная информация, суть которой — взаимосвязи документов, их отношение к определенной функции учреждения. Отсюда понятно, как резко возрастает сложность описания комплекса документов по сравнению с описанием одного документа.

Цель описания, по ставшей традиционной в архивном деле терминологии, — раскрытие содержания документальных материалов. Не выступая в принципе против применения этого давно и широко распространенного термина, хотелось бы несколько заострить внимание на его существе, подчеркнуть определенную смысловую неточность в определении существа работы по описанию документов. В «Основных правилах» 1962 г. говорится о «раскрытии», «отражении», «обозначении» содержания⁹; в учебнике «Теория и практика архивного дела» описи названы «источником информации о содержании документальных материалов», описание единиц хранения определено как «письменная характеристика содержания каждой из них», а назначение работы по описанию — «дать правильное представление о составе и содержании каждой единицы хранения», заголовки единиц хранения в описи определены как «характеристика состава и содержания входящих в них документов», данная «посредством краткого обозначения состава и содержания единицы хранения»¹⁰. Аналогичную нечеткость в определении содержания упомянутых терминов можно проследить и в докладе М. И. Автократовой, где в качестве синонимов употребляется «раскрытие», «передача», «изложение» и «отражение» содержания¹¹. А ведь, строго говоря, все это отнюдь не синонимы.

На наш взгляд, «раскрытие содержания дела» не выражает сущности описания единицы хранения. Если в заголовке судебного дела мы пишем «Дело по обвинению такого-то в таком-то преступлении» и считаем этот заголовок достаточным для раскрытия содержания дела, это еще не значит, что мы действительно раскрыли его содержание. Для того чтобы раскрыть содержание дела не только как комплекса, выражающего определенную функцию учреждения (для этого указанный заголовок, в принципе, достаточен), но и содержание составляющих дело документов, надо еще добавить, подтвердилось ли обвинение, каковы были сами обстоятельства дела, кто были свидетели, был ли вынесен приговор и какой и т. д. Заголовок «Личное дело такого-то» далеко не рас-

⁸ О функциях документа и его отношении к функциям учреждения как основах для объединения документов в дела см. «Вопросы архивоведения», 1961, № 2, стр. 81—82. В определенной степени эти мысли нашли отражение в «Основных правилах постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций и предприятий СССР» 1963 г. (пп. 29—30); о главной идее, вытекающей из основных направлений деятельности учреждения, в соответствии с которой дело формируется в делопроизводстве, см. «Материалы семинаров-совещаний...», стр. 45, 456—457, 460—461.

⁹ «Основные правила работы государственных архивов», стр. 47, 49, 51.

¹⁰ «Теория и практика архивного дела в СССР», 1966, стр. 163, 139, 170, 172.

¹¹ «Материалы семинаров-совещаний...», стр. 41, 43.

крывает содержания документальных материалов, имеющих в личном деле. Мы не можем сказать по этому заголовку, хорошим ли работником был человек, кем он работал и т. д., а все это составляет именно содержание документов личного дела. Примеры можно продолжить, но и так ясно, что для раскрытия содержания документальных материалов в заголовке необходима по крайней мере достаточно полная фактографическая информация о существовании подвергшихся документированию фактов, событий, явлений. Как правило, этого в заголовках не делается. Подавляющее большинство заголовков (заголовки типа: «материалы, переписка, дело о ... и по другим вопросам», «отчет за...», «приказы, протоколы...») не раскрывает содержания документальных материалов, а лишь обозначает его¹². Именно этот термин, как нам представляется, наиболее полно выражает суть работы по описанию документальных материалов — кратко, но точно обозначить содержание комплекса, указать место этого содержания в системе фактов, явлений, событий, функций, действий учреждений, выявить главные отличительные признаки данного объема информации и ее качества¹³. При этом нелишним представляется введение в обиход таких характеристик описания, как его глубина и полнота. Эти определения также бытуют в архивоведческой литературе, как и родственные им понятия «степень детализации», «подробность описания», иногда с необоснованным противопоставлением друг другу, но без необходимой четкости в определении существа этих понятий.

Содержание в заголовке может быть обозначено с той или иной степенью полноты и глубины. Нам представляется, что имеет смысл договориться относительно следующего содержания этих терминов: под *полнотой* понимать степень информации о функции данного комплекса документов в выполнении функции учреждения (как правило, это состав документов комплекса), а под *глубиной* — степень детализации сведений о предмете вопросе, существовании этих функций («глубина индексирования», на языке работников технической информации). Эти два понятия, безусловно, тесно связаны друг с другом, однако имеют и вполне определенные различия, учесть которые весьма существенно при подаче информации о содержании документальных материалов. Следует заметить, что полнота особенно важна для описания комплекса документов, дела как такового, в то время как глубина будет более важна при описании отдельного документа.

Не возвращаясь к существу старого и, в общем, решенного спора о «научном» и «инвентарном» описании, хотелось бы указать на два существующих направления в описании — традиционное и современное. Определения, формулировки этого деления очень условны, но тем не менее оно имеет некоторые объективные основания. Суть первого, традиционного («академического») направления, изложенного в «Основных

¹² Термин «обозначение» как синоним раскрытия содержания применяет М. Н. Шобузов («Составление и издание описей документальных материалов в архивах СССР». М., 1959, стр. 39—40). Ср. понимание термина «описание» философами: «Под описанием понимают, например, фиксацию определенных научных фактов без вскрытия их внутреннего содержания» (разрядка моя. — А. Е.) (В. С. Добряннов. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968, стр. 124).

¹³ Ср. регесты в археографической практике, о которых можно говорить именно как о формах описания, раскрывающих содержание документов. Регесты определяются «как изложение содержания документа с сохранением, по возможности, его формы» («Правила издания исторических документов в СССР». М., 1969, стр. 50). А. Б. Каплан характеризует современную зарубежную практику издания регестов следующим образом: «Новый тип издания является как бы развернутой описью документов. В основном, упор делается не на факт, а на документ; и это в конечном итоге приводит к еще большей полноте информации» («Советские архивы», 1966, № 4, стр. 84).

правилах» 1962 г. — наиболее кратко сказать о документе как можно больше. Это перечисление «важнейших» видов и разновидностей документов, «важнейших» адресатов и корреспондентов, «важнейших» вопросов с применением обобщений и аннотированием отдельных документов и т. д. Наиболее последовательные и убежденные сторонники развития и углубления этого направления говорят (и вполне справедливо!) о желательности и даже необходимости отражения в заголовках также и качественно-количественных характеристик содержания документов (указание сумм и целей денежных ссуд, наименований фирм в заголовках на досье дореволюционных банков), на необходимость элементов источно-научного анализа документов в заголовках¹⁴.

Второе — современное направление в описании — имеет в виду максимальное приближение заголовка описи к заголовку в номенклатуре дел. При этом предполагается упрощение техники описания, максимальное сокращение заголовка за счет того, что уже известно из наименования фондообразователя, его структурной части, и вместе с тем расширение справочного аппарата к самой описи. Сторонники этого направления высказываются против обязательного перечисления в заголовках разновидностей документов, стремясь максимально приблизить заголовок дела к наименованию той функции, того участка, направления деятельности, в результате документирования которых и создается данный комплекс документальных материалов.

Чтобы вполне определенно решить, какое из двух указанных направлений является наиболее прогрессивным, очевидно, необходимо подвергнуть математическому анализу роль каждого элемента заголовка в деле подачи информации. Это, конечно, не простая задача, и решение ее — дело будущего. Однако уже сейчас можно отметить, что многие элементы заголовков в описях являются чисто случайными, субъективными (перечисление адресатов, корреспондентов, разновидностей документов, вопросов переписки и т. д.). Кроме того, составление подобных заголовков — крайне трудоемкое дело. Что же касается их информационных качеств, то, несмотря на кажущуюся «полноту раскрытия содержания», такие заголовки очень часто все равно неполны и трудны для восприятия. Поэтому нам хотелось бы отметить, что отправной точкой в подходе к описательным работам уже не могут и не должны служить только нормы «Основных правил» 1962 г. Курс должен быть взят не на дифференцированное применение методики, изложенной в «Основных правилах», а на дифференцированную подачу информации о содержании документальных материалов с использованием различной методики, различных форм и средств. При этом в основу должно быть положено обозначение содержания документальных материалов в описях и углубленная (при необходимости) подача информации другими методами и средствами (указатели, каталоги). Иначе говоря, следует приблизить описи к номенклатуре.

Отметим, что в основе существования двух упомянутых выше направлений описания лежат объективные причины, а именно отличия в способах формирования дел в дореволюционном и современном делопроизводстве. Если в первом причиной заведения отдельного дела был, как правило, конкретный вопрос — «казус», то в настоящее время документируется прежде всего функция, направление работы учреждения и в отдельном деле фиксируется процесс, состоящий из суммы однородных, более или менее типичных «казусов». Происходит естественная типизация, кристаллизация видов и разновидностей документов, применяемых для документирования однородных действий, что приводит к обобщенным формулировкам наименований дел в делопроизводстве.

¹⁴ И. Ф. Петровская. Указ. статья, стр. 27.

Выше мы уже говорили о необходимости определения нагрузки, функции документа по отношению к основным функциям учреждения. Несомненно, что эти связи документов с конкретными функциями учреждения, в результате выполнения которых и образуются документы, обязательно отражаются в заголовке дела. Более того, отразить эти связи — основная цель заголовка. При этом отнюдь не обязательно, чтобы в заголовке эти связи были выражены максимально полно. Дело в том, что в делопроизводстве при наименовании дел очень многое остается, так сказать, «за скобками» — авторы документов, корреспонденты, многие стороны функций и т. д. В практике работы с документами в делопроизводстве такого сокращенного обозначения дел, лишь в общих чертах обозначающего связи документов и соответствующих функций, как правило, бывает вполне достаточно. Устраивают такие обозначения и архивисты ведомств. Однако с подобными заголовками крайне неохотно мирятся государственные архивы. Их претензии имеют определенные основания.

Дело в том, что характер использования документов в учреждении, в ведомственном архиве, с одной стороны, и в государственном архиве (научное использование), — с другой, различен. Если для работников учреждения функциональные и другие связи, существующие между документами и соответствующим образом отраженные в сформированных делах, как правило, вполне очевидны и значительно облегчают поиск конкретного документа, то государственный архив, который заинтересован сплошь и рядом не только в своевременном обнаружении дела, но и в поиске вполне определенных документов, скрытых в комплексах (делах), эти учрежденческие, функциональные связи между документами не может легко обнаружить. В государственном архиве происходит окончательный отрыв документации от сферы делопроизводства, ничто уже не связывает документы с их исполнителями, с конкретными «казусами» и поводами их создания. В то же время для государственного архива становится все более важной многосторонность информации, заключенной в документах и лежащей часто вне и помимо этих связей. Так, материалы обследований, проводимых РКИ с вполне определенными и конкретными целями, в настоящее время используются в самых разнообразных исследованиях. Дела интенданства, хранящиеся в ЦГВИА и созданные в результате вполне определенных функций — организации поставок для армии, могут использоваться как источник по истории развития экономики и т. д. Эта широта, многоаспектность использования документов является основной причиной, обуславливающей необходимость улучшения того научно-справочного аппарата, который сопровождал фонды при их поступлении в архив.

На наш взгляд, государственные архивы не смогут получить всю требующуюся им вторичную информацию о документальных материалах от учреждений и ведомственных архивов, хотя от последних должен быть получен разумный максимум этой вторичной информации, заключенный в описях и картотеках. Усовершенствование описей в государственных архивах и создание других видов научно-справочного аппарата в будущем должно зависеть не от «неупорядоченности» документальных материалов, а от изменившихся задач использования, от иного, более глубокого подхода к содержанию документальных материалов, от новых аспектов их использования.

Итак, наши положения сводятся к следующему. Основной формой описания документальных материалов следует признать краткое обозначение содержания, близкое по формулировкам к наименованиям дел в делопроизводственных номенклатурах и достаточно полно отражающее отношение документов к документируемым направлениям и участкам деятельности. Более глубокая и разноаспектная информация о документах может быть создана на последующих этапах, в основном

уже в государственных архивах или путем применения «хозрасчетных» взаимоотношений между государственными архивами и ведомствами. Однако эта последняя задача создания более глубокой информации, конечно, не может и не должна мыслиться как всеобъемлющая и всеобязательная и в каждом конкретном случае должна быть обусловлена действительными потребностями общества. Явной утопией будет со стороны государственных архивов стремиться к созданию такого научно-справочного аппарата, который обеспечил бы на все времена интересы всех потребителей архивной информации во всех аспектах их изысканий. Результаты поиска в конечном счете всегда будут зависеть от исследователя.

В заключение нельзя не отметить и связи развития теории научно-справочного аппарата с новыми принципами комплектования Государственного архивного фонда СССР и организации документальных материалов в архивные фонды. Не подлежит никакому сомнению то, что взаимосвязь здесь существует, поскольку более строгая организация Государственного архивного фонда, основанная на принципе — максимум информации при минимуме документов — предъявляет повышенные требования к организации и качеству научно-справочного аппарата именно как единой системы взаимодополняющих справочников. Создание объединенных архивных фондов, прием документации низовых учреждений в составе фондов их вышестоящих органов, курс на максимально возможную ликвидацию дублированного хранения документальных материалов требуют более мобильного, более гибкого и более централизованного научно-справочного аппарата с повышенными информационными качествами относительно Государственного архивного фонда СССР в целом. Это вполне выполнимая задача для архивных учреждений страны.

П. Н. Берков, Н. Д. Кочеткова

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ
КАК ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА
ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.**

Русская литература XVIII в. не пользовалась в течение XIX и начала XX в. особым вниманием литературной науки. Издания произведений писателей этого времени были малочисленны и недостаточно авторитетны, монографий почти не было, а немногие обобщающие труды скорее напоминали собрание биографий, чем историко-литературные исследования.

После Великой Октябрьской социалистической революции в изучении русской литературы XVIII в. наступил качественно новый этап по сравнению с предшествующим периодом. На научной теоретической основе были созданы обобщающие труды по истории русской литературы этого столетия, появилось много монографий, посвященных отдельным крупнейшим авторам XVIII в. Последовательная коллективная работа в этой области была начата в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР. В 1934 г. была создана специальная группа по изучению русской литературы XVIII в., которая стала выпускать серию сборников «XVIII век», содержащих научные исследования и публикации.

Однако специалистам по XVIII в. пришлось столкнуться со значительными трудностями, так как издания произведений XVIII в. и посвященные им работы дореволюционных и советских литературоведов не были библиографически систематизированы. Перед группой встала неотложная задача — составление библиографического указателя, учитывающего все основные печатные материалы на русском языке по литературе XVIII в. Но по ряду причин эта работа могла быть осуществлена лишь в истекающем десятилетии. С выходом в свет этого указателя¹ каждый исследователь получил возможность довольно легко ориентироваться в печатных источниках по литературе XVIII в.

Полное представление о печатной продукции в первой четверти XVIII в. дают описания изданий, напечатанных при Петре I². Основные издания с 1725 по 1800 г. учтены в «Сводном каталоге», составленном по материалам, хранящимся в пяти крупнейших библиотеках СССР³.

Однако, как ни полезны эти библиографические пособия, они должны быть дополнены библиографией работ о литературе XVIII в., опубликованных на иностранных языках. За послевоенные годы за рубежом значительно вырос интерес к славистике, в особенности к русской литературе. В ГДР, в Польше возникли даже небольшие группы специалистов по русской литературе XVIII в. Целый ряд монографий и большое количество статей, посвященных русской литературе этого периода, были

¹ «История русской литературы XVIII века». Библиографический указатель. Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Л., 1968.

² «Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г.». Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1958; «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.». Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955.

³ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800», т. I—V. М., 1963—1967.

опубликованы также в Швейцарии, ФРГ, США, Англии и других странах. Все эти материалы предстоит систематизировать и составить особый библиографический указатель, который будет ценным дополнением к вышедшему указателю, включающему издания лишь на русском языке.

Все эти работы отражают лишь одну сторону литературной жизни XVIII в., так как учитывают только сочинения, попавшие в печать. Между тем специфика XVIII в. заключается прежде всего в том, что печатная продукция была сравнительно еще невелика, а рукописная литература так же, как и в предшествующий период, продолжала играть весьма существенную роль в культурной жизни России. Книги были в то время дороги, и многие тогдашние читатели предпочитали делать пространственные выписки и даже полные копии, а не покупать книгу. Иногда же списки делались потому, что приобрести книгу даже при желании было не всегда возможно.

Несмотря на отдельные публикации, предпринятые в XIX—начале XX в. и в советское время, огромная масса рукописных материалов по истории русской литературы XVIII в. до сих пор остается неопубликованной. Более того, сведения об этих материалах довольно приблизительны, неточны и разрозненны. При каждом новом издании текстов писателей XVIII в. (в частности, в изданиях «Библиотеки поэта») встает сложная задача по учету автографов, списков, рукописных редакций и документов, относящихся к личности и творчеству данного автора.

Количество художественных произведений XVIII в., не появившихся в печати, настолько велико, что наше представление о литературе этого столетия в целом будет совершенно неполно и односторонне, если мы не примем во внимание эти неизданные материалы. Благодаря осуществленной в 1933 г. наиболее значительной публикации рукописных текстов по литературе XVIII в.⁴ стало очевидно, насколько интересные результаты могут дать археографические разыскания в этой области: были выявлены неизвестные ранее произведения крупнейших писателей XVIII в. и, что особенно важно, впервые было обращено серьезное внимание на литературу социальных низов (крестьянские стихи, антиклерикальная сатира и т. д.). Все эти сочинения, ходившие в многочисленных списках, были хорошо известны читателям того времени и пользовались популярностью, может быть, даже большей, чем печатные издания. Определить круг чтения людей XVIII в. совершенно невозможно, если не учитывать весь многочисленный и разнородный рукописный материал, относящийся к этой эпохе. Таким образом, актуальная проблема читателя и читательского восприятия не может быть решена для этого периода, пока не обследованы в достаточной степени рукописи XVIII в., в особенности сборники.

Значительный интерес представляют не только те произведения, которые известны исключительно по рукописям, но и списки опубликованных сочинений. Степень их распространенности в рукописных сборниках может служить свидетельством популярности этих сочинений в той или иной читательской среде. Особого внимания заслуживают списки, представляющие собой новые варианты, существенно отличающиеся от печатных текстов этих же произведений, в частности сатиры Кантемира, стихотворения Державина и Карамзина и др.

Большой труд, предпринятый акад. М. Н. Сперанским⁵, прекрасно показал, насколько важно для исследователей XVIII в. обратиться к рукописным источникам. На основе просмотра свыше пятисот рукописных сборников исследователь сделал много интереснейших наблюдений и вы-

⁴ «Литературное наследство», т. 9—10. М., 1933.

⁵ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.

водов, касающихся, в частности, таких сложных проблем, как взаимодействие устной народной поэзии с печатной литературой, преемственная связь между повествовательной литературой древнего периода и литературой XVIII в. и др.

Однако при всей своей ценности опубликованная посмертно книга М. Н. Сперанского — это лишь первый шаг на пути изучения богатейших рукописных собраний по русской литературе XVIII в. При этом интересы акад. М. Н. Сперанского — специалиста по древнерусской литературе — определили и отбор материала и характер его освещения. Произведений неизвестной художественной литературы XVIII в. в рукописной форме существует, пожалуй, еще больше. Охватить все эти материалы с исчерпывающей полнотой — дело непосильное для одного исследователя. Здесь необходимы усилия целого коллектива, планомерная и систематическая работа, рассчитанная на многие годы. За осуществление такой задачи предполагает взяться Группа по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы.

Сложность этого труда требует разделения работы на два основных этапа. Наиболее целесообразно было бы начать с обработки всех имеющихся печатных описаний и указателей, изданных библиотеками и архивами СССР⁶. В первую очередь следует обратиться к таким источникам, как «Записки Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, «Отчеты» Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и путеводители по крупнейшим архивохранилищам: Центральному государственному архиву литературы и искусства, Рукописному отделу Библиотеки Академии наук СССР, Центральному государственному архиву древних актов и др. К этому первоначальному этапу работы примыкает и другой: роспись материалов, относящихся к литературе XVIII в., зафиксированных в архивных карточках и описях. Большие богатства находятся в Рукописном отделе самого Пушкинского дома. Начав с него, далее имело бы смысл продолжить работу в других архивах Ленинграда, а затем Москвы. Выполнение этой сложной задачи послужило бы основой. После этого по мере возможности следует приступить к систематическому обследованию архивов других городов.

Вторым основным этапом работы должен стать непосредственный просмотр и научное описание самих рукописей. В этом случае требования будут существенно отличаться от тех, которые обычно предъявляются при описании к работникам архивов. Для предполагаемого описания будет иметь значение не только название и общая характеристика каждой единицы хранения, но прежде всего содержание каждой рукописи⁷.

При работе над рукописными сборниками необходимо иметь в виду два момента. Во-первых, нельзя отказываться от описания сборника целиком, т. е. нужно дать шифр сборника, указать его название, количество листов и, наконец, как можно точнее датировать его, используя водяные знаки, имеющиеся в тексте даты, а также определяя примерные хронологические рамки по самому содержанию сборника или наличию

⁶ Эта часть работы тоже представляет известные трудности, так как и сейчас остается справедливым замечание Н. Ф. Бельчикова о том, что «до настоящего времени все еще нет сводного библиографического указателя всех существующих печатных описаний архивов русских писателей и коллекций материалов, связанных с их жизнью и деятельностью» (Н. Ф. Бельчиков. Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1965, стр. 185).

⁷ В этом отношении должен быть использован опыт по описанию древнерусских рукописей, но с учетом специфики литературы XVIII в. (см. «Инструкция по описанию древнерусской рукописной книги XI—XVII вв.». Сост. Д. Н. Альшиц и Е. Э. Гранстрем. Л., 1964, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

в нем произведений, точная датировка которых известна по другим источникам. Список этих сборников с самой краткой их характеристикой должен составить специальный раздел в предполагаемой работе.

Во-вторых, каждое самостоятельное сочинение, входящее в рукописный сборник, — как бы оно ни было мало по объему — нужно будет зафиксировать отдельно с указанием, из какого сборника оно взято. Составление картотеки по этому принципу легко поможет обнаружить повторение одного и того же произведения в разных сборниках. При этом наличие вариантов тоже имеет большое значение и должно быть отмечено в каждом случае, по возможности с указанием, какой текст представляется более исправным, более полным и т. д. Материал в этом случае удобнее всего располагать в алфавите начальных строк, а не только названий или авторов, так как большинство сочинений помещалось в сборниках анонимно.

Естественно, что в этой работе необходима постоянная сопоставленность с опубликованными материалами по XVIII в. По печатным источникам нужно устанавливать все возможные данные, касающиеся сочинения, встреченного в рукописи. С другой стороны, рукописные материалы могут уточнить некоторые сведения об опубликованных произведениях XVIII в. В качестве примера можно указать на стихотворное «Послание от Дольского к Кутайсову», печатавшееся как анонимное⁸, но по указанию в одном из рукописных сборников⁹ принадлежащее И. М. Долгорукову.

Подробное описание рукописных сборников может представить и еще одну важнейшую сторону литературной жизни XVIII в., до сих пор еще недостаточно изученную, — полемику. Большинство полемических сочинений того времени не попадало в печать и оставалось в рукописи. При этом, как правило, подобные произведения включались в сборники почти с исчерпывающей полнотой. Изучение так называемого Казанского сборника, а также целого ряда других рукописных собраний позволяет воспроизвести сложную и интересную картину литературной борьбы между Ломоносовым, Треднаковским, Сумароковым, их сторонниками и противниками¹⁰.

Однако исследованные сборники далеко не исчерпывают всего материала, сохранившегося в рукописях. Между тем введение его в научный оборот помогло бы выявить новые имена, прояснить и дополнить имеющиеся сведения о полемике той эпохи.

Естественно, что предстоящий труд потребует много времени, и он должен быть рассчитан на несколько лет. В процессе работы могут возникнуть самые непредвиденные трудности и задержки, так как многие фонды совершенно не обработаны, но именно они могут дать особенно ценные новые материалы.

После обработки государственных хранилищ предстоит еще более трудная работа по учету соответствующих материалов частных собраний. К сожалению, в области изучения литературы XVIII в. еще не сделано ничего подобного трудам В. И. Малышева по учету частных собраний по древнерусской литературе.

К описанию рукописей по русской литературе XVIII в. хорошо было бы привлечь и зарубежных славистов. В западноевропейских библиотеках и архивах хранятся документы, имеющие самое непосред-

⁸ «Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 60; «Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в.». Л., 1959 (Библиотека поэта, Большая серия), стр. 568—569.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 573, лл. 107—108 об.

¹⁰ П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936; И. З. Серман. Из литературной полемики 1763 года. — «Русская литература», 1964, № 1, стр. 99—104.

ственное отношение к русской литературе этого периода¹¹. Если наши зарубежные коллеги примут участие по выявлению и описанию этих материалов, их вклад будет иметь большую ценность.

Разумеется, для осуществления такой работы во всем предложенном объеме трудно определить точные сроки. Для исследователей, приступающих к ней, необходимо наметить какие-то более узкие, более конкретные задачи. Выполнение первоначального этапа работы (роспись указателей и путеводителей), требующее продуманной системы и организации, будет уже существенным вкладом, основой, которая послужит для последующих археографических разысканий в собственном смысле этого слова.

---

¹¹ См., например: K. Günther. Slawische Handschriften in Deutschland. — «Zeitschrift für Slawistik», 1960, B. V, H. 3, S. 317—355.

В. А. Кондратьев

ОБ ИЗДАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА МОСКОВСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

История Московского Военно-революционного комитета — боевого органа Московского вооруженного восстания 1917 г. — представляет большой научно-политический интерес. К сожалению, до сих пор эта тема лишена обстоятельных научных разработок, и одной из главных причин тому является, на наш взгляд, отсутствие полной публикации документального наследия Московского ВРК.

Документы МВРК сохранились очень плохо и до сих пор, к тому же, разрознены по различным архивохранилищам и коллекциям музеев. Эти документы можно встретить в фонде № 1 Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), в Партийном архиве Института истории партии МГК и МК КПСС, в фондах Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), в Государственном архиве Московской области (ГАМО), в Центральном музее Революции СССР, Государственном историческом музее и в других. Часть их опубликована в печатных изданиях конца 1917 г., хранящихся в ряде библиотек Москвы.

Настало время говорить о воссоздании документального фонда Московского ВРК¹, о введении в научный оборот всей совокупности материалов, образовавшихся в процессе деятельности МВРК с 25 октября по 14 ноября 1917 г., путем издания по примеру недавно осуществленной пофондовой публикации документов Петроградского ВРК².

Документальные материалы Петроградского ВРК, как известно, сохранились сравнительно хорошо и компактно, они почти полностью находятся в ЦГАОР СССР и целиком вошли в указанную публикацию, в том числе в виде регест, перечней документов и научно-справочного аппарата. Сюда же включены отдельные документы Петроградского ВРК, выявленные в некоторых других фондах, например в фондах ВЦИК (ЦГАОР СССР, ф. 1235), в фондах ЦГВИА и других³.

Из документов Московского ВРК наибольшую известность получили материалы ф. 1 (ЦГАОР СССР). Этот фонд был сформирован из россыпи

¹ В. А. Кондратьев. О реконструкции документального фонда Московского ВРК. — «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 42—49.

² «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. I—III. М., 1966—1967.

³ Трехтомник документов Петроградского ВРК называют пофондовой публикацией, хотя основной принцип ее — включение материалов только одного архивного фонда — казалось бы, нарушен. Это вызвано тем, что документальный фонд Петроградского ВРК оказался гораздо шире и богаче того комплекса, который попал в архив и из которого был сформирован так называемый архивный фонд. Вот почему пофондовое издание, на наш взгляд, это не только воспроизведение материалов одного архивного фонда, а введение в научный оборот всего комплекса документов, образованных тем или иным учреждением, организацией, лицом, независимо от места хранения таких материалов.

архивистами и включает в себя небольшую часть документов с авторством МВРК. Краткий обзор состава и содержания этого фонда дан нами в указанной выше статье.

В основном архивном фонде оказалась лишь часть интересующих нас документов. Во-первых, как уже говорилось в той же статье, почти все документы, образованные МВРК за 25—28 октября 1917 г., были сожжены в ночь на 29 октября 1917 г. в здании Моссовета во избежание захвата их белогвардейцами. Во-вторых, многие документы МВРК, в том числе папка подлинных протоколов заседаний МВРК, были утрачены впоследствии и, видимо, уже безвозвратно⁴. В-третьих, Московский ВРК, являясь органом и структурной частью Моссовета, в своем делопроизводстве оказался очень тесно связан с делопроизводством всего Моссовета, особенно с его секретариатом, комиссией по организации районов, финансово-хозяйственной частью, что повлекло поглощение некоторых документов МВРК в делопроизводстве последних. В-четвертых, на основе МВРК впоследствии выросли такие самостоятельные органы власти и управления, как комиссариат почт и телеграфа, комиссариат милиции, комиссариат труда и т. п., причем ряд документов МВРК перешел в архивы новых учреждений. Наконец, в-пятых, разрозненность фонда МВРК несомненно усугубилась в результате недостатков в решении проблем комплектования и фондирования в 1920—1930-х годах.

Реконструкция документального фонда МВРК может быть решена путем приобщения к ф. 1 (ЦГАОР СССР) всех других документов (в виде оригиналов или фотокопий в натуральную величину), а также путем научного издания всех этих документов с соответствующим научно-справочным аппаратом. Обе эти работы являются сложным исследовательским трудом и могут быть успешно разрешены только во взаимном сочетании, причем схема и построение документального фонда никоим образом не должны быть отражением построения и систематизации документов в публикации.

Из документального наследия Московского ВРК уже издано немало⁵, однако из общего количества около 3 тыс. выявленных в настоящее время документов опубликовано вряд ли более половины, нет публикаций «Известий Московского Военно-революционного комитета» (они сохранились в единичных экземплярах), печатных приказов и бюллетеней районных ВРК и других ценных печатных материалов, которые давно уже стали уникальными источниками.

Однако и то, что опубликовано, не всегда удовлетворяет требованиям советской археографии. Как правило, выявление документальных материалов было крайне ограниченным, не затронуло многих фондов и архивохранилищ. Отбор материалов для печати нередко проводился односторонне, под влиянием субъективных оценок деятельности отдельных лиц, в 1917 г. находившихся у руководства московской большевистской организации, Моссовета и МВРК. Текст документов часто передавался в извлечениях, искаженно. Ряд документов до сих пор не имеет точной датировки, обоснования авторства и т. д.

Перед нами публикация одного из главных документов по истории МВРК — отчетного доклада Г. А. Усиевича, бывшего председателя МВРК, пленуму московских Советов 9 ноября 1917 г. Этот источник, дающий ценный фактический материал, издавался неоднократно, в том числе в сборниках⁶. Почему-то в публикациях этот документ датируется

⁴ «Красный архив», 1927, № 4(23), стр. 65.

⁵ См. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Библиографический указатель документальных публикаций. Под ред. Е. Н. Городецкого. М., 1961, стр. 145—149; «Московский Военно-революционный комитет». Сб. документов. М., 1968.

⁶ «Документы Великой пролетарской революции», т. 2. М., 1948, стр. 244—258; «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». М., 1957, стр. 448—449.

7 ноября 1917 г., хотя, как свидетельствуют архивные материалы, доклад состоялся именно 9 ноября, а 7 ноября Г. А. Усиевич выступал с тезисами отчетного доклада на исполкоме Моссовета⁷.

Текст доклада при издании был передан с 50 различными искажениями. Сравним для примера только несколько фраз публикации:

*Текст архивного оригинала
и первой публикации
в журнале «Творчество»⁸*

...вы избрали семь человек, которым было поручено руководство для активного поддержания петроградских товарищей.

...меньшевики, два представителя которых решили войти в ВРК, на этом собрании заявили, что они войдут туда, чтобы идейно противодействовать тому, что решили проводить большевики, их гибельной работе, а не для того, чтобы там активно действовать. Итак, в ВРК было 4 большевика, 2 меньшевика и 1 объединенец. Фактически всю тяжесть работы пришлось вынести на своих плечах четырем большевикам, а когда вышли из Комитета меньшевики, то к их двум заместителям. Фактически всю работу вынесли большевики.

...и в боевых действиях. Эсеры левые участия в нашей работе не принимали. Зато большая часть эсеров принимала решительное участие в борьбе против нас в союзе с юнкерами и офицерами (голоса: Позор!). Это те люди, которые вместе с офицерами расстреливали в эти дни рабочих, солдат и красногвардейцев. Это запомните.

*Текст по указанным изданиям
(см. сноску 6)*

...вы избрали семь человек, которым было поручено руководство событиями.

...меньшевики, два представителя которых решили войти в Военно-революционный комитет, на этом собрании заявили, что они войдут туда, чтобы идейно противодействовать.

...и в боевых действиях. Зато большая часть эсеров принимала решительное участие в борьбе против нас с юнкерами и офицерами (Голос: «Позор!»). Это запомните.

Подобные примеры можно привести и по некоторым другим документам.

Наибольшего доверия заслуживает публикация протоколов и других документов МВРК в журнале «Красный архив»⁹. Тексты этих документов, а большинство было черновиков и копий, готовились для печати с участием бывших работников и комиссаров МВРК: М. Ф. Владимирского, В. И. Соловьева, Н. И. Муралова, А. Ломова (Г. И. Оппокова), М. И. Рогова, технических секретарей МВРК: А. П. Розенгольца, А. А. Додоновой, С. Б. Бричкиной, А. Ф. Генкиной под руководством М. Н. Покровского.

К сожалению, последующие переиздания протоколов осуществлялись без учета сделанных тогда замечаний¹⁰. С большим искажением текста был дан впоследствии и протокол от 27 октября 1917 г.: пропускались целые фразы, текст подвергался грубому редактированию, почти все упоминаемые в протоколе фамилии были опущены¹¹.

Оригиналы этих протоколов хранятся в д. 1, ф. 1 (ЦГАОР СССР), и сличение их с публикациями позволило выявить целый ряд ошибок. Дело в том, что оригиналы протоколов написаны карандашом (только отдельные перепечатаны на машинке), со множеством сокращений, кратких формулировок, иногда без указания времени заседаний МВРК, полной

⁷ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. I. М., 1963, стр. 308—309.

⁸ «Творчество». М., 1919, № 10—11, стр. 11—16.

⁹ «Красный архив», 1927, № 4(23), стр. 68—71; 1934, № 65—66, стр. 164—192; 1935, № 71, стр. 60—115 и др.

¹⁰ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. I, стр. 281—293.

¹¹ Ср. «Документы Великой пролетарской революции», т. 2, стр. 75—80.

повестки дня, фамилий выступающих и т. д. Протоколирование велось несколькими лицами по очереди в чрезвычайно сложной, напряженной обстановке, заседания проходили практически непрерывно при участии то одних, то других членов МВРК, членов Партийного центра, представителей Главного штаба МВРК, районных ВРК, воинских частей и т. д.

Такие особенности протоколов МВРК подметил М. Н. Покровский, который, дав им высокую оценку как исторического источника, писал, что это самая «точная запись того, что происходило в ВРК», по это — не стенограмма, не форма, а «отражение основного содержания, то есть сам факт»¹². «Вести протоколы было дело почти немыслимое, — писал по этому поводу М. Н. Покровский в другой статье. Делались заметки для памяти, на основании их тут же выдавались мандаты или рассылались приказы, если это нужно было; на основании таких мандатов в две строки вершились крупнейшие дела... Подобного рода документы следовало бы издать с тщательнейшим комментарием, составленным по воспоминаниям участников и по другим документам этих дней...»¹³ Этот завет крупнейшего советского ученого пока не выполнен.

В указанном д. 1, ф. 1 (ЦГАОР СССР) имеется несколько протокольных записей, еще не увидевших свет.

Из документального фонда МВРК наибольшую неопубликованную часть составляют приказы, распоряжения и мандаты последнего. Их публикация наряду с расширением представления о многогранной деятельности МВРК и его комиссаров позволит установить персональный состав МВРК (в качестве членов и кандидатов в члены МВРК нами установлено 33 человека)¹⁴. Особое, принципиальное значение имеют документы с подписями членов Партийного центра: И. Н. Стукова, В. И. Соловьева и Б. Г. Козелева. Наряду с протоколами совместных заседаний Партийного центра и ВРК они говорят о непосредственных постоянных связях этого руководящего партийного органа с МВРК.

Вот несколько таких документов.

«Приказ 1-й армейской бригаде. 30 октября 1917 г.

Военно-революционный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов предлагает Вам выдать предъявителю сего снаряды и гранаты для 5-й батареи, грудью своей отстаивающей Советы рабочих и солдатских депутатов.

Член Военно-революционного комитета — И. Н. Стуков
Секретарь — Голенко»¹⁵.

В тот же день несколько приказов подписал Б. Г. Козелев, в том числе и этот:

«Приказ. 30 октября 1917 г.

Военно-революционный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов поручает т. Вознесенскому взять в Петровских казармах от милиции нашего резерва оружие и доставить его в комиссию по приему оружия при Военно-революционном комитете.

Член Военно-революционного комитета — Козелев.
Секретарь — Голенков»¹⁶.

Несколько подобных приказов имеется за подписью В. И. Соловьева. Под документами — подписи комиссаров по городскому хозяйству М. Ф. Владимирского, В. А. Обуха и других¹⁷. Есть несколько докумен-

¹² «Правда», 6—7 ноября 1927 г.

¹³ «Красный архив», 1927, № 4(23), стр. V.

¹⁴ Об этом см.: «Московский Военно-революционный комитет», стр. 272—278.

¹⁵ ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1090г, л. 624. Отпуск с автографами.

¹⁶ Там же, л. 612. Отпуск с автографами.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 274, лл. 5, 6 и др.

тов, подписанных комиссаром ВРК Рогожского района Р. С. Землячкой, заместителем начальника Главного штаба МВРК Я. Э. Рудзутаком¹⁸, комиссаром Главного штаба МВРК О. Варенцовой¹⁹.

Значительное количество документов МВРК подписано Г. А. Усиевичем.

До сих пор не известен исследователям такой ценный источник, как отчетный доклад начальника Московской Красной Гвардии, активного члена МВРК А. С. Ведерникова о боевой деятельности Московского ВРК в октябрьско-ноябрьские дни 1917 г., сделанный 29 ноября 1917 г. на конференции московских красногвардейцев. А. С. Ведерников свидетельствует: «Мы видели, что все, кто пошел за нами, сражались с большим воодушевлением, несмотря на то, что выступали против дисциплинированной 20-ти тысячной армии, вооруженной бомбами и пулеметами. Красная гвардия показала чудеса храбрости, хотя многие в первый раз брали в руки винтовку. В результате семидневного боя мы их разбили наголову. До последних дней мы не пускали в ход артиллерию — не хотелось разрушать частные дома, музеи и памятники древности. Может быть в этом была наша ошибка, что мы не пустили ее раньше... В результате чего началась организация Красной Гвардии? Приходили рабочие и солдаты. Принимали всех, кто только приходил. Было роздано около 100 тыс. винтовок, из которых около 25 тысяч рабочим и 40 тысяч солдатам... Нам удалось организовать около 12 тысяч красногвардейцев...»²⁰

Нет сомнения в том, что введение в научный оборот подобных документов и материалов будет иметь большое значение для дальнейшей разработки не только истории МВРК, но и истории Московского вооруженного восстания в целом.

К документальному фонду Московского ВРК мы относим не только материалы с авторством МВРК, но и ряд других документов, имеющих к нему прямое отношение.

Прежде всего это документальные материалы о деятельности районных комиссаров МВРК, назначенных 25—27 октября 1917 г., и районных ВРК, образованных тогда же во всех 12 районах города.

Деятельность в дни восстания районных комиссаров МВРК и районных ВРК является спецификой организации института комиссаров в Москве.

Круг обязанностей и прав районных ВРК определялся специальной инструкцией, разработанной МВРК и опубликованной в газетах. Комиссар, назначенный распоряжением МВРК «по представлению районного Совета или непосредственно», являлся «высшим и полномочным представителем Комитета в пределах района» и подчинялся «в своих мероприятиях» МВРК. Комиссар имел право «назначать и увольнять комиссаров по различным отраслям гражданского управления районов»²¹.

В архивном оригинале инструкции²² в отличие от опубликованного текста имеется еще один — седьмой — пункт о праве комиссаров пользоваться печатью и бланками районных Советов, что получило широкое применение на практике, только у комиссаров по Рогожскому району с 1 ноября 1917 г. появился свой бланк и своя печать.

Таким образом, вся документация районных комиссаров и возглавляемых ими районных ВРК непосредственно относится к фонду МВРК. К сожалению, эта документация плохо сохранилась, в ней преобладают главным образом приказы и объявления, а также донесения и отчетные материалы.

¹⁸ ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1090г, лл. 261, 262, 308 и др.

¹⁹ Там же, л. 596.

²⁰ ЦГАСА, ф. 31773, оп. 1, д. 5, лл. 4—8.

²¹ «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября (9 ноября) 1917 г.

²² ЦТАОР СССР, ф. 1, д. 3, л. 255.

Встает вопрос: как выявить документы районных комиссаров и районных ВРК? Правда, часть их найдена, некоторые даже опубликованы, но многие еще остаются неизвестными, «затерянными» в архивах. Наиболее полно сохранились материалы ВРК Замоскворецкого района — из них сформирован самостоятельный фонд, находящийся в ГАМО. Других аналогичных фондов пока нет.

Нами взяты на учет группы документов по ВРК Городского, Лефортовского, Рогожского, Сокольнического и Хамовнического районов, Петровского подрайона. О деятельности остальных районных и подрайонных ВРК пока наберется не более пяти—десяти документов на каждый. Но и эти материалы представляют большой интерес и по праву могут занять подобающее место в публикации документального фонда Московского ВРК.

Районные комиссары, выполняя распоряжения МВРК, развернули активную деятельность, которая нашла отражение в соответствующей документации. Нами выявлено несколько новых документов районных комиссаров МВРК. Приведем два из них.

«Приказ № 1

Комиссар Военно-революционного комитета Городского комитета Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения граждан, что вся власть в районе в руках Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет требует немедленного открытия продовольственных лавок, булочных, харчевен, трактиров для правильного снабжения населения продовольствием во время революции.

Все, не исполнившие приказ, будут наказаны по закону революционного времени.

Комиссар Военно-революционного комитета
Городского района [Тверитин]
Москва, 30 октября с. г.»²³.

Вот одно из боевых донесений комиссара МВРК по Петровскому подрайону:

«31 октября, 2 часа дня.
Первый экз[емпляр] — Партийный центр
Второй — Центральный ВРК

Солдаты и Красная гвардия Бутырского и Петровского районов находятся в тесном контакте и помогают друг другу. Вся связь ведется через Петровский революционный комитет, который в свою очередь связан с Бутырской революционной «девяткой».

Телефоны разъединены с утра 30-го, и отсутствие автомобилей тормозило постоянную связь с центром.

Революционным комитетом выпущено несколько воззваний к населению, призывая его к спокойствию и предупреждая, что попытки к погромам будут караться строгим революционным судом.

30 получили хлеба $\frac{1}{2}$ фунта, 31-го — $\frac{3}{4}$. Население спокойно. Торговцы подняли цены на продукты.

Сегодня, 31-го, издан приказ, что за поднятие цен будет беспощадное преследование.

Комиссар Петровского революционного комитета
Е. Афонин»²⁴.

Такие обстоятельные донесения поступали в дни восстания из всех районов, они ориентировали МВРК (а в данном случае и Партийный

²³ ЦГАОР СССР. Отдел печатных фондов, инв. № 386. Типографский экз.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1, д. 4, л. 70. Подлинник.

центр), определяли последующие решения и меры МВРК и его Главного боевого штаба.

Выявлены документы, которые прямо говорят о деятельности районных комиссаров и районных ВРК под руководством МВРК.

Вечером 27 октября 1917 г., когда командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев ультимативно объявил о военных действиях, МВРК единодушно призвал революционные силы к наступлению. Тогда-то и появился приказ № 271/в, направленный во все районы города:

«27 октября 1917 года

Приказ районным комиссарам г. Москвы

По приказанию Военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к Совету в распоряжение Военно-революционного комитета.

Член Военно-революционного комитета А. Ведерников
За секретаря — П. Кушнер»²⁵.

Ценной составной частью документального фонда МВРК, а следовательно, и его публикации являются материалы других комиссаров, которые посылались МВРК и районными ВРК с соответствующими мандатами в различные ведомства, учреждения, воинские части, в провинцию и т. д. В их числе были такие известные и опытные большевики, как А. С. Ведерников — комиссар почтамта и телеграфа, с 31 октября на этом посту его сменил В. Н. Подбельский, Е. М. Ярославский — комиссар Кремля, В. И. Соловьев — комиссар по закрытию буржуазных газет, А. Г. Шлихтер — комиссар продовольствия, М. И. Рогов — комиссар по гражданским делам, Н. В. Стрелков — комиссар по 55-му пехотному запасному полку, с 1 ноября его сменил солдат-большевик В. С. Сокол, В. С. Сергеев — комиссар по транспорту, М. Ф. Владимирский, В. А. Обух и другие — комиссары по городскому хозяйству, М. Н. Покровский — комиссар по сношениям с иностранными консулами, Е. М. Малиновская — комиссар по театрам, Н. А. Семашко — комиссар городской думы, К. С. Малевич — комиссар по охране памятников старины и искусства и многие другие.

Мандаты и удостоверения комиссаров, как правило, лаконичны и определены. Например:

«1 ноября.

Приказ

Военно-революционный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов назначает т. Сокол комиссаром 55-го пехотного запасного полка.

Член Военно-революционного комитета А. В[едерников]
Секретарь П. Кушнер»²⁶.

Подобных документов пока выявлено не столь много²⁷. О назначении отдельных комиссаров нам известно по кратким газетным сообщениям, по записям в протоколах или из воспоминаний активных участников Московского вооруженного восстания.

К сожалению, до сих пор деятельность МВРК некоторые авторы сводят к узкому кругу только членов МВРК, что обедняет, искажает и принижает всю его огромную и разнообразную организаторскую и военно-оперативную работу.

Следующей группой документов, относящейся к фонду МВРК,

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1, д. 3, л. 14. Подлинник.

²⁶ ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 212, л. 40. Копия.

²⁷ Там же, л. 1. Копия с автографом и круглой печатью МВРК; л. 3. Копия с автографом; л. 11. Отпуск с автографами; л. 25. Отпуск с автографами и круглой печатью МВРК и др.

является входящая документация, которая поступала в адрес МВРК и его комиссаров от учреждений, организаций и отдельных лиц. Некоторые такие материалы попали в ф. 1 ЦГАОР СССР, но значительная их часть все еще находится в фонде Моссовета, в фондах районных Советов, районных дум, комиссариатов и т. д. Среди этих материалов — приветствия трудящихся в адрес МВРК, заявления, докладные записки, есть и документы контрреволюционного лагеря, в частности воззвания черносотенного характера и т. п.

Необходимо брать на учет и изучать воспоминания членов и комиссаров МВРК и районных ВРК — они могут войти в саму публикацию или в состав ее научно-справочного аппарата.

При выявлении документов и подготовке их к печати следует обращать особое внимание на освещение тех вопросов, которые не получили еще необходимой разработки в современной исторической литературе, а таких вопросов в истории МВРК и Московского вооруженного восстания более чем достаточно. Назовем здесь только некоторые: о соотношении сил революции и контрреволюции в начале, в ходе и в конце восстания; о первых практических шагах МВРК вечером 25 октября и ночью 26 октября 1917 г. по овладению положением в городе; объективные и субъективные причины потери МВРК Кремля и захвата кремлевского арсенала белогвардейцами; о руководстве Партийным центром деятельностью МВРК; о точном времени образования и составе районных ВРК; уточнение состава комиссаров и выяснение круга их революционной работы; связи МВРК и Московской организации РСДРП(б) с Петроградом, Петроградским ВРК и ЦК партии, влияние этих связей на тактику МВРК; о структуре МВРК, его Главного штаба и районных ВРК; о постановке и специфике ведения делопроизводства в МВРК; о роли МВРК в налаживании новой жизни, в создании новых органов власти и управления после капитуляции сил контрреволюции и др.²⁸

Эти вопросы могут быть решены только с помощью документальных свидетельств, только при комплексном и всестороннем изучении проблемы, и важный этап на этом пути — подготовка документальной публикации.

Предлагаемая пофондовая публикация материалов МВРК преследует главные цели:

собрать воедино и сохранить тем самым для истории документальный фонд МВРК — одного из героических боевых органов Великой Октябрьской социалистической революции;

предоставить в распоряжение исследователей максимум фактических данных, необходимых для разработки подлинной истории МВРК, помочь устранить ошибки, которые были допущены в освещении этой истории в прошлом.

Учитывая специфику хранения, выявления и воссоздания документального фонда МВРК, большие трудности предстоящей археографической работы с весьма разнородным комплексом исторических источников, можно было бы предложить следующий план издания:

Тип издания — научный, рассчитанный прежде всего на исследователей, а также на круг читателей, интересующихся историей МВРК, Московского вооруженного восстания и Великой Октябрьской социалистической революции. Объем издания — три тома по 50 печатных листов, что диктуется наличием документального материала.

Хронологические рамки издания: 25 октября — 14 ноября 1917 г.

Изданию подлежат все документы МВРК, указанные нами выше, в том числе типографские экземпляры «Известий МВРК», приказы,

²⁸ См. также: А. В. Качурин. Партия большевиков — вдохновитель и организатор Московского вооруженного восстания. Исторический очерк. М., 1967.

объявления, газетные информации, протокольные записи и т. п. с обязательной выверкой текстов по оригиналам, с исправлением всех неточностей прежних изданий.

Документы должны воспроизводиться полностью; дублетные или трафаретные (некоторые мандаты) можно давать в виде регест, перечней и в комментариях с указанием подлинности и места хранения оригинала.

Принцип систематизации — хронологический, внутри четыре тематических раздела: документы с авторством МВРК; документы комиссаров и районных ВРК; входящие документы; воспоминания.

Научно-справочный аппарат строится по типу трехтомника «Петроградский Военно-революционный комитет» с добавлением списка известных, но не обнаруженных документов МВРК; полного списка состава МВРК, районных ВРК и комиссаров; документальных фотоиллюстраций.

Нет сомнений, что подготовка и выход пофондовой публикации «Московский Военно-революционный комитет» будут иметь большое научное и политическое значение.

М. Х. Алешковский

К ДАТИРОВКЕ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В статье в «Археографическом ежегоднике за 1967 год»¹ первая авторская редакция Повести временных лет датировалась 1115 г., и считалось, что она легла в основу новгородского свода 1117 г. После опубликования статьи эта дата нашла себе удивительно простое подтверждение, которое, насколько мне известно, не обсуждалось в литературе по данному вопросу. Считаю своим приятным долгом поставить об этом в известность редакцию и читателей прежде всего того органа, который взял на себя труд опубликовать статью.

Среди материалов, предшествующих тексту Комиссионного списка XV в. Новгородской Первой летописи в рукописи Археографической комиссии, находится список русских князей «Кто колико княжил»². Оставляя пока в стороне сделанное исследование самого списка, обращаю внимание лишь на одну его фразу: «А крещении князи княжили 127 лет». Крещение произошло в 988 г. Если к 988 прибавить 127, то получится 1115, т. е. тот самый год, которым датируется первая редакция Повести временных лет. Сказать так о 127 годах можно было либо в самом 1115 г., либо на основе источника, кончавшего свое изложение этим годом. В обоих случаях перед нами летопись 1115 г., та самая, которая была переработана в Киеве в 1119 г. (почему следы этой переработки обрываются после статьи 1115 г.), и та самая, что легла в основу новгородского свода 1117 г. (почему цитирование киевского источника обрывается в нем после статьи 1115 г.). Судя по тому, что в списке киевских князей упомянут только один новгородский князь Мстислав Владимирович («Володимеръ 21 лет Володимеричъ»), действительно правивший 20 с половиной лет, можно считать, что новгородский сводчик работал в 1117 г., когда Мстислав уехал из Новгорода. Именно поэтому точные даты в его тексте идут с 1117 г., свидетельствуя о начавшемся в этом году погодном летописании.

Святополк — единственный из князей, названный вторым именем (Михаил), совершенно так же как в Повести временных лет под 1113 г., из чего следует вывод о тождестве автора списка и автора статьи под 1113 г. Мстислав — единственный из князей X—начала XII в., названный по отчеству (имя, видимо, выпало), из чего можно заключить о близости новгородского переписчика списка к этому князю. После составления в Киеве (1115 г.) и переписки в Новгороде (1117 г.) список неоднократно пополнялся и редактировался. В частности, в него были вставлены годы правления Рюрика, Олега и Игоря, отсутствовавшие в авторском тексте Повести временных лет и появившиеся в его редак-

¹ М. Х. Алешковский. Первая редакция Повести временных лет. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969.

² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов» (далее — НПЛ). М., 1950, стр. 466.

торском тексте 1119 г. (вместе с признанием Олега князем). Это создало возможность понимать фразу о крещеных князьях как о «некрещеных» (см. Тверской сборник и Летопись Авраамки), тем более что число лет княжения некрещеных князей (от 6370 г.) близко к цифре 127 — оно равно 126 годам. Однако автора списка интересовали не даты до крещения, а даты после крещения, о чем судим и по его указанию на число лет правления Владимира после крещения: «А въ крещении княжи 17 лет» (ошибочно вместо 27 лет). Наоборот, поздних летописцев, как, например, составителя Тверского сборника, интересовали и даты до крещения, почему этот составитель самостоятельно и вычислил 102 года от Олега до крещения.

Подтверждение датировки первой редакции Повести временных лет тем важнее, что таким образом достаточно твердо устанавливается, что авторская редакция Повести временных лет не сгорела, как полагал А. А. Шахматов³, в Киеве, а уцелела в новгородском летописании.

---

³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пг., 1916, стр. XLII.

А. Г. Кузьмин

ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОСЛАНИЙ СИМОНА И ПОЛИКАРПА

(К вопросу о «Летописце старом Ростовском»)

Киево-печерский патерик и прежде всего составляющие его основу послания Симона и Поликарпа постоянно привлекают внимание летописцев. И это не удивительно: оба автора в числе источников своих рассказов прямо называют «летописцы». Симон имел в своем распоряжении «Летописец старый Ростовский», а Поликарп неоднократно упоминал «Летописец», автором которого признавался печерский монах Нестор. Взаимоотношение этих «летописцев» между собой, а также в особенности отношение их к Начальной летописи (Повести временных лет) и содержащим ее сводам (Лаврентьевской и Ипатьевской летописям) имеет первостепенное значение для характеристики начальных этапов древнерусской историографии. Речь, в частности, идет о том, были ли в руках Симона и Поликарпа оригинальные летописные источники или они пользовались известными и в наше время памятниками. В литературе можно встретить самые различные суждения на этот счет. Но, как правило, они — лишь беглые замечания или же выводы, обоснованность которых вызывает сомнения. Настоящая статья также не претендует на решение всех спорных вопросов, связанных с летописными источниками патерика. Но автор находит возможным обратить внимание на некоторые аспекты, которые следует учитывать при любом подходе к проблеме.

В первой половине прошлого столетия к Печерскому патерику неоднократно обращались при решении «Несторова вопроса». Так, Р. Ф. Тимковский, признавая несомненным авторство Нестора по отношению к Начальной летописи, пришел к выводу, что этот же автор не мог быть составителем жития Феодосия, включенного в патерик. «В нем находятся такие несогласия с летописью, — скромно признал ученый, — которые я никак не умею сообразить»¹. Попытки «сообразить» эти несогласия, предпринятые учеником Р. Ф. Тимковского А. Кубаревым, только усилили недоумения². Вместе с тем исследователи от сопоставления жития Феодосия с летописью перешли к более широкому сравнению содержания патерика с Повестью временных лет. Многие авторы обратили внимание и на «Летописец старый Ростовский» Симона и на «Летописец Нестора» Поликарпа. При этом один из наиболее наблюдательных знатоков Начальной летописи П. Казанский считал, что «у них был другой источник сведений, гораздо полнейший, чем та скудная летопись, которая дошла до нас и ко-

¹ Р. Ф. Тимковский. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца Российского. — «Записки и труды Общества истории и древностей Российских», ч. 1, кн. 1. М., 1815, стр. 70.

² А. Кубарев. Нестор, первый писатель Российской истории, церковной и гражданской. — «Русский исторический сборник Общества истории и древностей Российских», т. IV, кн. 4. М., 1842; он же. О Патерике Печерском. — «Чтения Общества истории и древностей Российских», 1847, № 9, отд. I; ср. П. Бутков. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. СПб., 1850 (далее — П. Бутков. Ответ...), стр. 1 и др.

торая сама, может быть, черпала сведения из того же источника»³. Главный оппонент П. Казанского — П. Бутков — стремился «защитить» Нестора и сохранить за ним Повесть временных лет. Но и он должен был признать отличия «Летописца старого Ростовского» от Начальной летописи и невозможность связывать их с одним автором⁴.

Во второй половине XIX в. у большинства авторов не было сомнений в том, что «Летописец старый Ростовский» отражал оригинальную летописную традицию. Правда, Е. Е. Голубинский, исходя из своих представлений об отсталости Древней Руси и не веря в возможность существования летописания в Ростове в XII в., высказал мнение, что «Летописцем» можно было назвать синодик. Но ниже он по существу сам отвергает возможность такого объяснения. «Что это была не местная летопись Ростовская, а летопись общерусская, — говорит он здесь, — видно из того, что в ней читались многие записи об епископах из монахов Печерских. Симон называет ее Ростовскою по месту нахождения списка»⁵.

Таким образом, и Е. Е. Голубинский считал, что в руках Симона был солидный летописный памятник. Ученый не мог допустить, чтобы это была местная Ростовская летопись, и с этим можно согласиться. Другое дело, была ли у «Летописца старого Ростовского» собственно ростовская часть или Симон назвал ее в духе археографов XIX—XX столетий по месту хранения списка.

На рубеже XIX—XX вв. с рядом специальных исследований о Печерском патерике и его отношении к летописям выступили А. А. Шахматов и Д. И. Абрамович. Эти авторы сочли, что помимо «Летописца старого Ростовского» Симон и Поликарп использовали еще Печерскую летопись⁶. Однако такой летописи составители патерика не называют. Сам А. А. Шахматов требовал «предпочтительного предположения одного источника для дополнений, вставок в тот или другой литературный памятник, чем допущение нескольких, а тем более многих источников»⁷. Конечно, вопрос этот не может решаться абстрактно: источников может быть и много и мало. Гораздо существенней в данном случае то, что оба адресата стремились документировать свои сведения ссылками на памятники, их содержащие.

Если для большинства авторов XIX в. не было сомнений в том, что «Летописец старый Ростовский» отличался от известных летописей, то А. А. Шахматов, не заостряя специально внимания на этом вопросе, исходил из предположения, что мы имеем дело лишь с изводом Повести временных лет. «Старый Ростовский летописец... был, конечно, изводом Повести вр. лет, как то видно из самой ссылки», — полагал А. А. Шахматов. При этом, указав на ростовские известия Лаврентьевской летописи, он выразил убеждение, что «основным источником Лавр. летописи был именно этот старый Ростовский летописец»⁸.

Едва ли нужно говорить о том, какое значение имеют работы А. А. Шахматова для летописеведения последних десятилетий. В значи-

³ П. Казанский. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о летописи Нестора. — «Временник Московского общества истории и древностей Российских», кн. 7, 1850, стр. 4.

⁴ П. Бутков. Ответ..., стр. 35.

⁵ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 199, прим. 1; стр. 791, прим. 1.

⁶ А. А. Шахматов. Киево-печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897 (далее — А. А. Шахматов. Киево-печерский патерик...); он же. Житие Антония и Печерская летопись. — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 316. СПб., 1898; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902 (далее — Д. И. Абрамович. Исследование...), стр. 182—183.

⁷ А. А. Шахматов. Киево-печерский патерик..., стр. 22.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XLVI.

тельной степени опираясь на них, в недавнее время Н. Н. Воронин принял попытку представить «ростовскую» часть «Летописца»⁹. С аналогичным опытом выступил также Ю. А. Лимонов¹⁰. Оба автора относили к «Летописцу» весь наличный ростово-суздальский материал, содержащийся в летописях разных традиций. Ю. А. Лимонов, кроме того, включал в него и отдельные жития. В то же время А. Н. Насонов, анализируя главным образом материал Лаврентьевской летописи, не обнаружил «следов письменности в Ростове XI—первой половины XII в.»¹¹. Таким образом, объективно он отверг цитированное выше соображение А. А. Шахматова. Весьма противоречивы и разбросанные в разных местах замечания самого А. А. Шахматова, что также в значительной степени является следствием нерешенности вопроса.

Р. В. Жданов обратил внимание на то, что А. А. Шахматов «суживал понятие источника: для него источник только там, где имеется текстуальная зависимость; влияние более общее и не столь непосредственное выпадало из его поля зрения. В связи с этим стоит другая крайность — легкое и не всегда достаточно обоснованное предположение „недошедшего“ источника»¹². Послания Симона и Поликарпа относятся как раз к таким сочинениям, в которых не видно текстуальной зависимости от источников, но они, несомненно, испытали «влияние более общее» со стороны письменных, в том числе летописных, памятников. Только этим можно объяснить, что «подвиги» печерских монахов сравнительно далекого прошлого происходят на фоне совершенно реальных и достоверно изложенных исторических событий.

Одним из важных вопросов, связанных с летописным источником Симона, является отношение его к Лаврентьевской летописи. Выходец из Печерского монастыря, Симон с начала XIII в. подвизался во Владимире сначала в качестве игумена владимирского монастыря Рождества богородицы, а затем с 1214 г. до смерти в 1226 г. — в качестве владимирского епископа. Широко осведомленный в исторической литературе, он, очевидно, был знаком с современным ему ростовским и владимирским летописаниями, представленными в Лаврентьевской летописи. Но, как известно (в частности, это отмечал и А. А. Шахматов), ростовский слой в Лаврентьевской летописи начинается только с 1206 г. Вполне вероятно, что Симон отличает «старый» «Ростовский летописец» от этого нового, современного его пребыванию во Владимиро-Суздальской Руси.

Между тем в составе Лаврентьевской летописи ранее 1206 г. нет сколько-нибудь заметных ростовских слоев или следов редактирования летописи в Ростове. Именно отсутствие ростовских или проростовских слоев в тексте Лаврентьевской летописи за XII в. явилось основанием для скептицизма А. Н. Насонова в отношении возможности существования летописания на северо-востоке в первой половине XII в. Но, в сущности, в Лаврентьевской летописи и не должно было быть такого материала. По схеме А. А. Шахматова, владимирский летописец второй половины XII в. положил в основу Переяславский (Переяславля русского) свод¹³. Последующие исследования в целом подтвердили правиль-

⁹ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания (далее — Н. Н. Воронин. К вопросу о начале...). — «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965.

¹⁰ Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967 (далее — Ю. А. Лимонов. Летописание...), стр. 20—23.

¹¹ А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания (далее — А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы...). — «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 360.

¹² Р. В. Жданов. Крещение Руси и Начальная летопись. — «Исторические записки», т. 5, стр. 4.

¹³ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. М.—Л., 1938, стр. 17—18 и 21 (схема).

ность этой мысли А. А. Шахматова¹⁴. Вместе с тем А. Н. Насонов убедительно показал, что до 1157 г. Лаврентьевская летопись дает переяславскую обработку киевского летописного материала¹⁵.

Таким образом, история сложения Лаврентьевской летописи не оставляет места для выделения в рамках этой летописной традиции «Летописца старого Ростовского», независимо от того, шла ли речь о Ростовской летописи или о сделанном в Ростове списке. В этом нетрудно убедиться и при сопоставлении данных Симона с содержанием летописи. Прямая ссылка на «Ростовский летописец» сделана Симоном в связи с перечислением епископов, вышедших из Печерского монастыря. Автор говорит о поставлении Леонтия Ростову, Николая и Ефрема — Переяславу, Исаии — Ростову, Германа — Новгороду, Стефана — Владимиру (Вольшскому), Нифонта — Новгороду, Марина — Юрьеву, Мины — Полоцку, Николая — Тмутаракани, Феоктиста — Чернигову, Лаврентия — Турову, Луки — Белгороду и Ефрема — Суздаю. Назвав эти 14 имен, Симон добавляет: «И аще хочещи вся уведати, почти летописца старого Ростовскаго: есть бо всех болий 30; а еже потом и до нас грешных, мноу близ 50»¹⁶. Между тем в Лаврентьевской летописи упомянуты лишь 8 из них, причем только о Стефане сказано, что он «быв преже игумен Печерскому монастырю»¹⁷. Нет многих из этих имен и в других летописях.

Таким образом, «Летописец старый Ростовский» представлял собой особую летописную традицию, тесно связанную с Печерским монастырем. Перечень Симона дает некоторые отправные моменты и для датировки «Летописца»: в нем были отмечены более 30 выходцев из Печерского монастыря, поставленных на разные кафедры епископами. Но ко времени Симона число их возросло еще на 20. Летописец этот около 1225 г. почитался уже «старым», видимо, как по отношению к современному ростовскому летописанию, так и по отношению к возрасту самого епископа. Большинство названных Симоном епископов жило в конце XI—начале XII в. Лишь новгородский епископ Нифонт выпадает из этого периода: он занимал кафедру в 1130—1156 гг.

Правда, А. Н. Насонов полагал, что епископ Лаврентий — это тот, кто упомянут Ипатьевской летописью под 1182 г.¹⁸ Но, как заметил Н. Н. Воронин, «Летописец» не мог идти далее 60-х годов: источник Симона не знал о греческих предшественниках ростовского епископа Леонтия и о некоторых легендарных обстоятельствах его биографии, пущенных в обращение в связи с открытием его «мощей» в 1160 г.¹⁹ Видимо, либо Лаврентий, как допускал А. Н. Насонов, был одним из тех 20, поставление которых помнил Симон, либо речь шла вообще о другом епископе с этим именем. Поликарп, в частности, называет в числе печерских «подвижников» Лаврентия Затворника, деятельность которого в значительной мере протекала в Изяславовом Дмитровском монастыре. А Туров, как известно, был вотчиной Изяслава и его сыновей.

А. А. Шахматов и вслед за ним Ю. А. Лимонов предположили, что и Симон и Поликарп отразили в конечном счете недошедшую первоначальную редакцию Повести временных лет²⁰. Таким образом,

¹⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 66—71; А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля русского к Киевскому (далее — А. Н. Насонов. Об отношении...). — «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959.

¹⁵ А. Н. Насонов. Об отношении..., стр. 471—472, 480—481, 493—494.

¹⁶ «Патерик Киевского Печерского монастыря» (далее — ПКПМ). СПб., 1911, стр. 76.

¹⁷ «Лаврентьевская летопись». СПб., 1897 (далее — ЛЛ), стр. 219.

¹⁸ А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы..., стр. 361.

¹⁹ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале..., стр. 22.

²⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. XII—XV; Ю. А. Лимонов. Летописание..., стр. 23.

А. А. Шахматов пытался объяснить некоторое своеобразие использованных обоими корреспондентами летописных источников. Проверим, однако, можно ли принять такое предположение.

Перечень епископов, сопровождающийся ссылкой на «Ростовский летописец», Симон начинает с Леонтия и характеризует его весьма любопытным образом: «Пръвый, — говорит он, — Леонтий, епископ Ростовъ-ский, великий святитель, его же бог прослави нетлением. И се бысть пръвый престолник, его же невернии много мучивше и бивше; и се третий гражанин бысть Рускаго мира: с онема Варягома венчася от Христа, его же ради пострада»²¹. Леонтия, как известно, Повесть временных лет не упоминает. Но сообщение это, как показал Н. Н. Воронин, вполне достоверно, и нет никаких оснований считать, что оно было опущено одним из редакторов Начальной летописи. Примечательно и то, что Симон считал его «третьим гражанином Рускаго мира» после двух варягов, убитых в Киеве язычниками в 983 г.²² Ведь на Руси уже с XI в. гораздо более широко был распространен культ Бориса и Глеба, убитых в 1015 г. В торжественном перенесении останков братьев в 1072 г. участвовали все сыновья Ярослава, а также митрополит—грек Георгий, который, однако, выражал сомнения в «святости» жертв усобицы²³. Сказание о Борисе и Глебе, по мнению Н. Н. Ильина, написано около 1072 г., видимо, тем Иаковом-мнихом, которого Феодосий прочил на свое место в 1074 г.²⁴ Но не исключено, что около 1115 г. Сказание было переработано и лишь тогда вошло в летопись²⁵. Владимирский епископ, возможно, пользовался таким источником, в котором Сказания о гибели братьев-мучеников не было. Зато в нем подчеркивалась роль первых мучеников — варягов.

Следует отметить, что, с формальной точки зрения, лишь сам Леонтий пострадал «за Христа». И варяги — отец с сыном — и братья Борис и Глеб были пассивными жертвами событий. «Святость» тех и других создавалась позднее искусственно и тенденциозно. Борис и Глеб являлись как бы первыми русскими национальными «святими», в то время как варяги — отец и сын — едва ли не находятся в связи с варяжской тенденцией в русской начальной историографии.

Проваряжский акцент еще более явно отразился в рассказе Симона о главной святыне Печерского монастыря — церкви Богородицы. Рассказ этот рядом деталей перекликается с Начальной летописью. Здесь упоминается Якуш слепой, который в битве против Мстислава Тмутараканского в 1024 г. потерял «золотую луду» (луда — плащ). Здесь приводятся даты поражения Ярославичей в битве с половцами на реке Альте в 1068 г. и основание церкви Богородицы в 1073 г. Но Мстислав у Симона назван «лютым»²⁶, в этом сквозит враждебность к чернигово-тмутараканскому князю. В Повести временных лет такой враждебности нет. Наоборот, летописец с сочувствием приводит слова Мстислава: «Кто сему не рад? се лежит Северянин, а се Варяг, а дружина своя **цела**»²⁷. Летописец, следовательно, радовался вместе с Мстиславом тому, что в битве пали варяги и северяне, в то время как собственно русские дружины не пострадали в усобице.

Явно не по Повести временных лет дается и сообщение о поражении русских князей на Альте. В центре событий у Симона варяг Шимон — племянник Якуна слепого. Симон сообщает об изгнании Якуном своих

²¹ ПКПМ, стр. 76.

²² ЛЛ, стр. 80—82.

²³ ЛЛ, стр. 176—177.

²⁴ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

²⁵ Н. Н. Воронин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIII. М.—Л., 1957.

²⁶ ПКПМ, стр. 3.

²⁷ ЛЛ, стр. 145.

племянников и прибытии Шимона к Ярославу. Ярослав передал Шимона Всеволоду, у которого варяжский викинг был «старей», имея «велику власть». Перед началом битвы основатель Печерского монастыря Антоний предсказывает неудачу, но самому Шимону предрекает спасение и погребение в будущем в церкви, которая будет здесь построена. Выясняется, что Шимону еще ранее было предначертано создание церкви Богородицы. Он имел пояс для того, чтобы отмерить ее формы, и видел во время бури на море ее очертания. Теперь, будучи раненым, он снова видит ее контуры и приходит к Антонию, сообщая ему о своих видениях.

Д. И. Абрамович отказался указать «какие-нибудь литературные источники» для рассказа Симона о Печерской церкви. Он полагал, что Симон пересказал «народную легенду», и на этом основании подчеркивал «важную роль варягов в истории христианизации Киевской Руси»²⁸. Но для устного источника в сказании Симона слишком много достоверного. Что же касается легендарной части, то сам Симон указывает на ее источник: она могла сложиться в окружении Георгия Шимоновича — тысяцкого Юрия Долгорукого, за которого, по просьбе Шимона, молился еще Феодосий (ум. 1074 г.) и о котором Симон приводит в этом рассказе ряд оригинальных сведений вплоть до 50-х годов XII в. Примечательно, что, хотя Симон приводит целую грамоту, с которой Шимон обращается к своим потомкам, никого из этих потомков он не знает и не упоминает.

Таким образом, проваряжскую тенденцию содержал источник рассказа Симона о Печерской церкви, и этот источник был письменным, поскольку в нем с большой точностью отражались реальные события 75—150-летней давности. Но в этом же сказании есть и еще одна тенденция: в нем подчеркивается роль греческих мастеров и иконописцев. Если варяг Шимон дал «меру» церкви и сделал вклад на ее строительство, то греки привезли икону, полученную из рук «самой Богородицы», а также мощи разных святых, которые положили в основание церкви. И мастера и иконописцы приняли в конце концов пострижение в Печерском монастыре и, добавляет Симон, «суть положени в своем притворе, суть же и ныне свиты их на полатах и книги их Греческаа блюдомы в память чудеси»²⁹. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело не просто с грекофильской тенденцией источника, а с реальной тенденцией, проявлявшейся в жизни монастыря. Как можно видеть, греки имели в церкви Богородицы свой притвор. С той же тенденцией, возможно, связан и рассказ Симона о Евстратии Протострате: по-гречески звучал голос с неба, и греческое прозвание получил этот «подвижник».

В рассказе о церкви Богородицы дается еще дата освящения церкви, причем в отличие от Начальной летописи здесь указан день освящения — 14 августа, а также добавлены некоторые «чудесные» и вполне реальные детали. Кроме того, здесь есть еще две относительные даты: кончина Антония за два года до смерти Феодосия (1072 г.) и приход греческих иконописцев к игумену Никону более десяти лет спустя после смерти основателей монастыря (т. е. в 1085—1088 гг.). Привлекают внимание также оригинальные сведения о Владимире Мономахе. Владимир, по Симону, был очевидцем видения огненного столпа при заложении церкви Богородицы. Это побудило его приехать вместе с отцом из Переяславля и получить исцеление все от того же золотого пояса (Владимир в это время был болен). Владимир направил в Суздальскую землю своего сына Юрия, приставив к нему в качестве попечителя Георгия Шимоновича, и построил в Ростове церковь Богородицы «мерой» в Печерскую церковь, а Юрий такую же в Суздале. Ко времени Симона обе они разрушились.

²⁸ Д. И. Абрамович. Исследование... , стр. 183, 194.

²⁹ ПКПМ, стр. 9.

Н. Н. Воронин обратил внимание на то, что сведения о Ростовском соборе в патерике и летописях противоречивы и что в данном случае, возможно, речь идет либо о разных церквях, либо о политической легенде, жившей в Печерском монастыре³⁰. Действительно, Симон и Поликарп застали тот собор, который обрушился в 1204 г.³¹ Из рассказа Симона не видно, чтобы он отличал этот, построенный в 1161—1162 гг., собор от Мономахова и что он был знаком с летописной записью о пожаре в Ростове в 1160 г. Но Поликарп этот факт упоминает. Он подчеркивает, что посланная в Ростовский храм Владимиром икона Богородицы пережила и пожар, и падение церкви.

Помимо «Летописца» Симон называет в числе источников «Жития» Феодосия и Антония. На Несторова «Житие Феодосия» он ссылается, говоря об огненном столпе во время заложения церкви Богородицы. Ссылка совершенно точна и конкретна. «Житие Антония», к сожалению, не сохранилось, хотя повлияло оно на рассказ Симона, видимо, в большей степени, чем «Житие Феодосия». В нем, по утверждению Симона, более прямолинейно рассказывалось о непосредственном участии в заложении церкви киевского князя Святослава. В Начальной летописи заложение церкви связывается с Феодосием и епископом Михаилом. О Святославе сказано только, что в это время он «Кыеве сеядящю»³². «Житие Антония» подчеркивало, что именно Святослав «своима руками нача ровь копати», отпустив на строительство 100 гривен золота. Он же «и меру положше златымь поасомь»³³.

Весьма вероятно, что из «Жития Антония» Симон извлек и некоторые другие сведения, относящиеся ко времени Ярославичей. Это «Житие», возможно, знало и Шимона с его золотым поясом. Но основной источник Симона выделял не Святослава и его потомков, а Владимира Мономаха и его сына Юрия. Источник этот перекликался в ряде случаев с Начальной летописью, но не совпадал с ней ни фактическим содержанием, ни направленностью. Выделение роли ростовского тысяцкого и приближенного Юрия Долгорукого Георгия Шимоновича позволяет думать, что фактическую и хронологическую канву для своего рассказа Симон черпал все из того же «Летописца старого Ростовского».

В не меньшей степени, чем Симон, стремился документировать свое повествование и Поликарп. А. А. Шахматов справедливо заметил, что в его послании «особенно много исторического»³⁴. Поликарп неоднократно ссылается на «Летописец» и даже называет его автора Нестора. Именно это показание служит основанием для признания Нестора автором Повести временных лет.

Представление о близости источника Поликарпа с Повестью временных лет основано на совпадении некоторых данных, имеющих в патерике и летописи. В литературе прежде всего выделяется «чудо» 1110 г., когда над Печерским монастырем появилось «знамение»³⁵. «Знамение» с громом и молнией в 1 час ночи 11 февраля 1110 г., по утверждению летописца, «весь мир виде»³⁶. Очевидно, речь идет о каком-то атмосферном явлении. Но летопись и патерик говорят о нем совсем не одинаково.

Летописец сообщает об огненном столпе над монастырем «от земли до небеси» и связывает «знамение» с последующим походом на половцев.

³⁰ Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — ТОДРЛ, т. XI, 1955; он же. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1961, стр. 37—38 и др.

³¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XXV. М., 1949, стр. 104. Поликарп называет себя очевидцем этого события.

³² ЛЛ, стр. 178.

³³ ПКПМ, стр. 7.

³⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XII.

³⁵ Там же, стр. XIII и др.

³⁶ ЛЛ, стр. 273; ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 264.

Поликарп же говорит о трех огненных столпах, которые появились во время кончины Пими́на³⁷. Если учесть, что в один день с Пими́ном, по рассказу Симона, погибли постриженник монастыря Кукша и его ученик, то самое появление трех столпов естественно связывалось с ними. Поликарп, правда, не настаивал на том, что именно ради них бог послал «знамение». Возможно, и в его источнике на такую связь непосредственно не указывалось или же он знал иную версию, объяснявшую их появление. Но, по его прямому указанию, о трех столпах «речено бысть в летописци». А. А. Шахматов склонен был относить это чтение к первоначальной редакции Повести временных лет³⁸.

Как можно видеть, «Летописец», известный Поликарпу, так или иначе связывал «знамение» со «святыми» Печерского монастыря. Повесть же временных лет стремилась увязать его с событиями общерусского масштаба: с походом русских князей на половцев. У них был общий источник: предание, рассказ свидетеля или печерская запись. Но обработаны они были различно.

Другая ссылка Поликарпа на «Летописец» сделана в связи с рассказом о Моисее Угрине. «Летописец», правда, не был единственным источником Поликарпа. По его указанию, об этом говорило и недошедшее «Житие Антония». Кроме того, он называет «Житие Феодосия», которое упоминает о бедах, пережитых поляками из-за изгнания монахов из страны.

Начальная летопись также сообщает под 6538 (1030?) годом, что «в се же время умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятежь в земли Лядьске: вставше люде, избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь»³⁹. Но летописная запись глуха и неточна. Болеслав Храбрый умер в действительности в 1025 г., а восстание произошло после смерти Болеслава Забытого в 1037 или 1038 г.⁴⁰ Видимо, дата летописи должна переводиться согласно так называемой александрийской, точнее антиохийской, эре⁴¹, по которой от «сотворения мира» до «рождества Христова» считалось 5500 лет (по византийскому летосчислению, принятому на Руси, этот период определялся в 5508 лет). Может быть, в руках нашего летописца был источник, датированный годами от «рождества Христова», например польский. Но он, видимо, работал много времени спустя после этих событий и потому связал с ними смерть Болеслава Великого. Возможно, он был знаком и с какой-то устной традицией.

Рассказ Поликарпа о Моисее Угрине помимо описания обычных житийных «подвигов» содержит реалии, известные летописи.

Как и в Начальной летописи патерик говорит о захвате Киева Болеславом. Моисей был выведен в Польшу в числе других киевских бояр и людей. Освобождение его из плена патерик связывал со смертью Болеслава Храброго. Начальная летопись это событие датировала неверно. У Поликарпа Моисей был в плену 6 лет («страда в узах пять лет, шестое лето за чистоту»), и, следовательно, его возвращение ориентировано на реальную дату смерти Болеслава (1025 г.) А. А. Шахматов объяснял появление даты «1030» в летописи тем, что по древнейшей Арсеневской редакции патерика Моисей якобы был в плену 11 лет⁴². Но известно, что Арсеневский список, несмотря на его древность, весьма неисправен. И в данном случае, очевидно, переписчик патерика просто неправильно

³⁷ ПКПМ, стр. 127 и 218.

³⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XV.

³⁹ ЛЛ, стр. 146.

⁴⁰ В. Д. Корольков. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, стр. 280—282.

⁴¹ P. R a t k o š. L'ère d'antioche et l'ère de constantinople dans quelques ouvrages vieux slaves. — Byzantinoslavica. Prague, 1966, t. XXVII, 2.

⁴² А. А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись, стр. 133.

понял слова «шестое лето», точнее «6 лето», как «6 лет». Это видно и из самого Арсеновского списка, где сначала записано «6 лет», а в конце рассказа при подведении итога деятельности подвижника правильно сказано, что он «5 лет в плене страдав окован, 6 лето за чистоту страдав страсти»⁴³.

Таким образом, сообщение Поликарпа отличается большей точностью, чем известие о смерти Болеслава Начальной летописи. В позднейшей Гутинской летописи, испытавшей на себе влияние патерика, кончина Болеслава и возвращение Моисея Угрина датируется 1025 г.⁴⁴ Если допустить, что эта дата была уже в «Житии Антония», то и тогда ее начальное происхождение поведет к какой-то летописной записи.

В рассказе Поликарпа о Моисее обращает на себя внимание еще одна деталь: Болеслав «в едину ночь... напрасно умре»⁴⁵. В известном в настоящее время летописном тексте этой детали нет, а изобретать ее ни Поликарпу, ни возможному автору «Жития Антония» смысла не было.

Таким образом, хотя Повесть временных лет и была знакома с какими-то источниками о событиях в Польше в правление Ярослава, в Печерском монастыре можно было найти об этом более достоверные сведения даже в XIII в. Были они там, очевидно, и раньше. С ними, в частности, было знакомо «Житие Антония», сообщавшее совершенно несходные с Повестью временных лет данные о начале Печерского монастыря. Были они, видимо, и в той летописи, которой пользовался Поликарп.

Третье упоминание «Летописца» у Поликарпа связано с указанием имени его автора — Нестора. Обращаясь к архимандриту Акиндину, Поликарп выражает намерение описать жития печерских святых на пользу потомству, подобно тому как Нестор в «Летописце» описал жития Дамиана, Иеремии, Матфея и Исакия и подобно тому как эти же жития более кратко описаны в «Житии Антония»⁴⁶.

Названные жития имеются в Повести временных лет как своего рода добавление к рассказу о Феодосии и его кончине. Это обстоятельство обычно служит основанием для отождествления источника Поликарпа с Начальной летописью. Но эти же жития имелись и в «Житии Антония», иначе излагавшем историю Печерского монастыря. Отдельные элементы их сохраняет и Несторово «Житие Феодосия».

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что Несторово «Житие Феодосия» своим содержанием существенно расходится с рассказом о Феодосии в Повести временных лет. Наличие расхождений не отрицал и А. А. Шахматов⁴⁷. Он пытался их как-то примирить. Однако они слишком существенны и весьма вероятно ведут к разным авторам⁴⁸. Летописная редакция упомянутых жизнеописаний также содержит ряд деталей, которые трудно согласовать с воззрениями Нестора — автора «Жития Феодосия». Так, например, известно, что Нестор с особым почтением и уважением отзывался о Никоне. В летописном же тексте старец Матвей однажды на месте игумена увидел осла, а старцу Исакию приходилось выносить побои со стороны Никона⁴⁹.

Можно обратить внимание и на то, что в Начальной летописи и Дамьян и Еремия описаны очень кратко. О Еремии сказано всего несколько строк. Кроме того, о «подвигах» Дамьяна в Несторовом «Житии Феодосия» и в летописи говорится неодинаково. Нестор отмечает, что об

⁴³ ПКПМ, стр. 206 (разрядка моя. — А. К.).

⁴⁴ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 265.

⁴⁵ ПКПМ, стр. 105.

⁴⁶ ПКПМ, стр. 96.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XIX, LXVII—LXXVII.

⁴⁸ А. Г. Кузьмин. Индикты Начальной летописи. — «Славяне и Русь». М., 1968.

⁴⁹ ЛЛ, стр. 186 и 190.

этом подвижнике «мнози съведетельствуют о добром его житии»⁵⁰. Умиравшему Дамьяну, по Нестору, явился образ Феодосия, и Феодосий разъяснил, что в действительности приходил ангел⁵¹. В летописи Феодосий не раскрыл сути явления, он понял, что умирающему было именно видение, но ответил: «Брате Дамьяне! еже есмь обещал, то ти буди»⁵². Дамьян, по летописи, умирает, так и не узнав, что его посещал ангел.

Таким образом, Несторово «Житие» Феодосия» сообщает в значительной мере отличающиеся от летописных данные о подвижниках Печерского монастыря. Автор Повести временных лет, очевидно, был знаком с какими-то письменными или устными рассказами о них, но изложил свой источник кратко и как бы мимоходом. Едва ли в «Житии Антония» был еще более короткий рассказ. Что же касается Поликарпова Несторова «Летописца» и Несторова «Жития Феодосия», то для их сопоставления Поликарп не дает необходимого материала.

В послании Поликарпа есть и еще одно место, где упоминается «Нестор, иже написа летописецъ». Поликарп говорит о Несторе в рассказе о Никите Затворнике, который был «прелщен... от врага»: «вся книги жидовьскыя сведяше добре, евангелиа же и апостола... сих николи же въсхоте видети, ни слышати, ни почитати»⁵³. «Изгонять беса» пришли сам игумен Никон, наиболее видные подвижники монастыря и среди них Нестор. Очевидно, в использованном Поликарпом «Летописце» был какой-то рассказ о Никите Затворнике. В Начальной летописи такого рассказа нет. Само имя Никиты упомянуто мимоходом под 1096 г., когда он был уже повгородским епископом⁵⁴.

Следует отметить, что в рассказе о Никите Затворнике есть некоторые реалии, перекликающиеся с Повестью временных лет. Так, Начальная летопись сообщает под 1078 г. о гибели Глеба Святославича «в Заволочии» и вокняжении в Новгороде Святополка Изяславича⁵⁵. В патерике Никита, обладавший даром провидения, узнал об этом событии и сообщил Изяславу, предложив ему послать в Новгород Святополка⁵⁶. Летописный источник Поликарпа, как видно, стремился, где это возможно, привязывать Печерский монастырь к реальным событиям политической жизни Древней Руси.

В этом же рассказе имеются некоторые данные, сближающие источник Поликарпа с «Ростовским летописцем» Симона. В числе печерских подвижников, посетивших Никиту, здесь назван «Никола, иже бысть епископъ Тмугараканю», неизвестный Повести временных лет, а также Исаия Ростовский и Феоктист Черниговский, связь которых с Печерским монастырем Начальная летопись не отмечает. Но если все эти данные Поликарп почерпнул в «Летописце» Нестора, то они, очевидно, не были современной записью. «Прелщение» Никиты падает на время игуменства Никона (1078—1088 гг.), Феоктист же стал епископом несколькими десятилетиями спустя. Исаия, согласно «Житию Феодосия», был еще до Никона определен в игумены Дмитровского монастыря, из которого «после же, добрых ради нрав его поставлен быть епискупъмь Ростову городу»⁵⁷. По Тверской летописи, это произошло в 1072 г.⁵⁸ Н. Н. Воронин с известным основанием отнес запись к «Летописцу старому Ростов-

⁵⁰ «Житие Феодосия». Подг. О. Бодянским. — ЧОИДР, 1858, кн. III, отд. III, л. 16 об.

⁵¹ Там же, л. 17.

⁵² ЛЛ, стр. 184.

⁵³ ПКПМ, стр. 91.

⁵⁴ ЛЛ, стр. 232.

⁵⁵ Там же, стр. 193.

⁵⁶ ПКПМ, стр. 91.

⁵⁷ «Житие Феодосия», л. 13 об.

⁵⁸ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стб. 166.

скому»⁵⁹. Было бы неосторожным, конечно, предполагать в данном случае непосредственное заимствование, а потому и точность записи может вызывать сомнения. Но весьма вероятно, что в период игуменства Никона Исаия уже был ростовским епископом и Никиту Затворника мог посетить только в качестве приехавшего с северо-востока гостя (в 1088—1089 гг., по летописи, Исаия был в Киеве).

Таким образом, материал Поликарпа не дает оснований считать, что использованный им Несторов «Летописец» был идентичен Повести временных лет. В сущности, и А. А. Шахматов обратил внимание на особый состав известий этого «Летописца». «Из дошедших до нас редакций Повести вр. лет, — заметил он, — нельзя было извлечь указания на то, что пр. Никита имел то или иное участие в событиях после смерти Глеба Святославича; или что пр. Григорий был утоплен по приказанию Ростислава Всеволодовича, отправлявшегося в поход против половцев; или еще — указаний на насилия, совершавшиеся Святополком в первые годы его великого княжения, на частые нападения половцев, на голод, постигший Киевскую землю, на заточение Святополком игумена Иоанна в Туров, причем, однако, Иоанн, вследствие страха Святополка перед Владимиром Мономахом, был вскоре отпущен в свой монастырь... указания на то, что пр. Федор и Василий были убиты по приказанию Мстислава Святополчича, правившего Киевом во время отлучки отца его в Туров: „бе бо тогда Святополк в Турове“ и др.»⁶⁰.

А. А. Шахматов склонен был считать, что Поликарп пользовался первоначальной редакцией Повести временных лет. Но согласно его построениям эта редакция была благожелательна к Святополку. Действительно, в Начальной летописи немало текстов, в которых летописец выступает сторонником Святополка. Однако приведенные данные говорят о притивоположном: Святополк в источнике Поликарпа лишен положительных черт, которые сохранили дошедшие редакции Повести временных лет. Поликарп отмечает, что «много насилия людемь сътвори Святополк, дома сильных до оснóвания без вины искоренив, имена многих отъем. И сего ради попусти господь поганым силу имети над нимь, и быша брани многы от Половецъ. К сим же и усобица бысть в те времена, и глад крепок, и скудета велиа при всем Руской земли»⁶¹. Он прямо говорит, что Василька Требовльского «ослепи Святоплък», тогда как даже близкий Мономаху автор летописного сказания пытался переложить вину на Давыда Игоревича, утверждая, что «Святополк... хотяше пустити и»⁶². Лишь напуганный «чудесами» подвижника Прохора Святополк «дасть ... слово богови к тому не сътворити насилия никому же»⁶³. После же того, как по проречению скончавшегося Прохора Святополк одержал «многу победу», он стал приходить в монастырь «с благодарением поклоняся святей Богородици и гробу Феодосиеву, и вхожаше в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору, и всем преподобным отцем поклоняся»⁶⁴. Начальная летопись в отличие от патерика не знает о резких столкновениях Святополка с Печерским монастырем. В ее представлении извечно «так бо обычай имяше Святополк: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонивъся у гроба Феодосиева и молитву взем у игумена, ту сущаго»⁶⁵ (речь, очевидно, идет не об одном игумене, а об игуменах вообще).

Таким образом, в источнике Поликарпа Святополк обрисован далеко

⁵⁹ Н. Н. Ворони н. К вопросу о начале... стр. 22.

⁶⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XIV, прим. 2.

⁶¹ ПКПМ, стр. 106.

⁶² ЛЛ, стр. 250.

⁶³ ПКПМ, стр. 109.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ЛЛ, стр. 272.

не светлыми красками. «Исправление» его подано как своего рода страх перед подвижниками неоднократно оскорбленного им монастыря, а не как проявление врожденной благочестивости, присущей, например, Владимиру Мономаху. Даже последующие успехи Святополка — заслуга Печерского монастыря и его святых, перед величием которых князь вынужден был умерить свой неукротимый нрав.

В одной из ранних работ А. А. Шахматов считал «что Несторовую называлась именно Печерская летопись, причем лишь впоследствии это название получила Повесть временных лет»⁶⁶. Позднее он неоднократно видоизменял свою точку зрения, приписывая внесение общерусского содержания в летопись то Нестору, то Сильвестру. Вопрос этот и до сих пор далек от своего окончательного решения. Но несомненно, что существовали какие-то печерские записи, с кем бы они ни были связаны. Эти записи отразились в Повести временных лет. Печерский инок Поликарп в начале XIII в. был знаком с иной их редакцией.

Как было отмечено, летописный источник Поликарпа в некоторых случаях переключается с Симоновым. На некоторые аналогичные совпадения обратил внимание и Ю. А. Лимонов⁶⁷. Самое обращение Симона к Поликарпу и предложение удостовериться в справедливости им изложенного, почитав «Летописца старого Ростовского», предполагает, что Поликарп мог воспользоваться советом Симопа. Можно обратить внимание и на то, что Симон писал как бы по памяти. В его перечне епископов нет хронологической последовательности и кое о ком он просто забыл. Не исключено поэтому, что и он со своим летописным источником знакомился еще на юге, в Печерском монастыре. Но если оба корреспондента пользовались и разными «летописцами», то близость этих источников несомненна. И тот и другой «летописец» находились в более близкой связи с Печерским монастырем, чем известные в настоящее время летописи, причем история монастыря излагалась в них существенно иначе, чем в Начальной летописи. Здесь явно большее внимание уделялось подвижнической деятельности Антония, а его имя появляется в описании всех тех событий, где Начальная летопись называет только Феодосия. Само «Житие Антония» находится в тесной связи с этими источниками. Д. И. Абрамович считал даже, что такого «Жития» «как отдельного самостоятельного литературного произведения никогда не существовало»⁶⁸. С этим согласиться невозможно хотя бы потому, что именно «Житие Антония» могло выщипывать роль покровителя этого подвижника — князя Святослава. Но фактическая база «Жития» и «летописцев» была, по-видимому, сходной.

Весьма примечательны противоречия патерика и Повести временных лет в сведениях о начале Печерского монастыря. Летопись, как известно, начало «подвигов» Антония относит к последним годам княжения Ярослава, а основание монастыря — ко времени Изяслава (после 1054 г.). Рассказ патерика о Моисее Угрине, в связи с которым дается ссылка на «Летописец», предполагает существование монастыря уже в 20—30-е годы XI в. В Густинской летописи, связанной с Печерской традицией, находится ряд оригинальных сведений о начальной истории монастыря. Еще в 1013 г., по летописи, «прииде первее в Киев преподобный отец наш Антоний от Святыя горы и вселися в пещеру Варяжскую»⁶⁹. В 1017 г. Антоний снова уходит на Афон и возвращается оттуда в 1027 г.⁷⁰ К 1032 г. летопись относит пострижение Феодосия⁷¹.

⁶⁶ А. А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись, стр. 117.

⁶⁷ Ю. А. Лимонов. Летописание..., стр. 21—22.

⁶⁸ Д. И. Абрамович. Исследование..., стр. 183.

⁶⁹ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 261.

⁷⁰ Там же, стр. 263 и 266.

⁷¹ Там же, стр. 266.

В литературе неоднократно отмечалось, что противоречия «Жития Феодосия» и Начальной летописи «Житию Антония» носят тенденциозный характер. А. А. Шахматов с этими противоречиями связывал сам факт исчезновения «Жития Антония»⁷². М. Д. Приселков особенно настойчиво подчеркивал грекофильскую тенденцию «Жития Антония», которую, как он думал, ослабили составители патерика, так как они «понимали тенденциозность искажений Жития Антония»⁷³. Правда, С. П. Розанов отрицал «греческое» влияние в «Житии»⁷⁴. Он считал, что сообщаемые им события достоверны, в то время как предполагаемый автор летописи — Нестор — начального периода истории монастыря не знал вообще⁷⁵.

Возражение С. П. Розанова М. Д. Приселкову имеет основание в том плане, что мы не можем с достаточной уверенностью отличить тенденцию источника от тенденции жизни. Прав он и в том, что летопись дает больше несообразностей о начальной истории монастыря, чем патерик. В. Пархоменко справедливо заметил, что и для «тенденциозного произведения... должна существовать своя фактическая почва, позволившая автору ее выступить перед известной аудиторией, знавшей, конечно, в существенных чертах те факты, о которых он повествовал»⁷⁶. Отнюдь не исключено, что тенденциозна в данном случае именно Повесть временных лет. Но здесь достаточно, вслед за В. Пархоменко, отметить борьбу «двух начал в Печерской обители первой поры ее существования»⁷⁷. По мнению В. Пархоменко, «Антоний и Феодосий — люди разных взглядов, разных симпатий, не лишенных при этом политической окраски»⁷⁸. Антоний представлялся ему «строгим сторонником Византии», а Феодосий сторонником Запада «в смысле если не ярких симпатий к западной церкви, то более или менее терпимых отношений к западным народам и нежелания рвать с христианским Западом в угоду Византии»⁷⁹.

«Западная» ориентация Феодосия оспаривается некоторыми авторами⁸⁰. Но по Несторову «Житию», Феодосий был близок к Изяславу Ярославичу, стоявшему явно на антигреческих позициях. Антоний же, и по патерику, и по летописи, был близок Святославу, изгнавшему своего брата из Киева. В позднейшей письменной традиции политическая сущность разногласий братьев стерлась, и о ней не говорят источники. Источники не говорят и о несходстве воззрений Антония и Феодосия. В XIII в., возможно, были забыты и мотивы, побудившие создать два противоречащих друг другу «Жития». Но для XI—XII вв. борьба грекофильской и национальной традиций в Печерском монастыре была реальностью, и независимо от того, какую позицию занимали в действительности оба печерских подвижника, их имена становились знаменами разных течений.

В нашей литературе распространено мнение, будто Печерский монастырь являлся своего рода оплотом борцов за русскую национальную

⁷² А. А. Шахматов. Разыскания о древнерусских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 275.

⁷³ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 248.

⁷⁴ С. П. Розанов. К вопросу о Житии пр. Антония Печерского. — «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее — ИОРЯС), т. XIX, кн. 1. СПб., 1914, стр. 35—36.

⁷⁵ Там же, стр. 46.

⁷⁶ В. Пархоменко. В какой мере было тенденциозно не сохранившееся др. «Житие Антония Печерского»? — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, стр. 238.

⁷⁷ Там же, стр. 239.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 240.

⁸⁰ И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947. Этот автор приписывает Феодосию антилатинское поучение, адресованное Изяславу Ярославичу. Другие авторы считают, что поучение направлено Феодосием-греком Изяславу Мстиславичу.

культуру против засилия греческого духовенства. Такое мнение может сложиться на основе Несторова «Жития Феодосия» и некоторых текстов Начальной летописи. Но «Житие Антония» и летописная традиция Печерского монастыря, отразившаяся в патерике, рисуют иную картину. Они представляют Печерский монастырь по существу форпостом греческого церковного влияния на Руси. И для такой характеристики монастыря, очевидно, были основания. Едва ли случайно, что в конце XI—начале XII в. епископы на русские епархии назначались обычно либо из Греции, либо из Печерского монастыря.

Печерский патерик рассказывает о «подвигах» постриженников монастыря. Из летописи и «Жития Феодосия» мы знаем и о более реальных сторонах монашеской жизни. В 1074 г. печерская братия отказалась принять рекомендованного «святим» Феодосием на пост игумена монаха Иакова. В 1078 г. монахи изгнали из монастыря игумена Стефана. Под 1128 г. Лаврентьевская летопись сохранила глухую запись о том, что «преяша церковь Дмитрия Печеряне, и нарекоша ю Петра, с грехом великим и неправо»⁸¹. В церковной борьбе, развернувшейся в середине XII в. вокруг поставления на киевской митрополии русина — Климента Смолятича, Печерский монастырь стоял на позициях подчинения византийскому патриаршеству. Едва ли не самый ярый противник русского митрополита — новгородский епископ Нифонт — опирался в своей борьбе на Печерский монастырь. Здесь этот печерский постриженник провел последние дни. В связи с его кончиной Ипатьевская летопись приводит большой рассказ печерского летописца, воздающего славу «блаженному епископу» и подчеркивающего постоянную связь Нифонта с самим патриархом византийским⁸².

Позиция Печерского монастыря во время конфликта из-за поставления Климента Смолятича не удивительна. В 1142—1156 гг. печерским игуменом был грек Феодосий, с которым А. А. Шахматов связывал упомянутое выше антилатинское поучение⁸³. О многих других игуменах сведений у нас нет. Но едва ли этот случай был беспрецедентным, и мало вероятно, чтобы такие акты не встречали скрытого или открытого сопротивления среди русского монашества и вообще местного духовенства. П. Соколов верно заметил, что «греки ценили в эту эпоху византийского митрополита дороже, чем даже вспомогательные войска, в которых они так нуждались»⁸⁴. Борьба вокруг поставления Климента Смолятича показала это со всей очевидностью. Но те же течения сталкивались и при занятиях епархиальных кафедр, и при замещении монастырских должностей. В плане борьбы двух тенденций, видимо, следует рассматривать и разную направленность «Житий». Эта борьба сказалась и на «летописцах», отразившихся в патерике.

Название летописного источника Симона «Ростовским» заставляет предполагать, что в нем имелась и собственно ростовская часть. Но ростовские события как таковые Симона не интересовали. О постройке Владимиром Мономахом и Юрием соборов в Ростове и Суздале он сообщил лишь в связи с рассказом о печерской церкви Богородицы. В этой же связи даются и отрывочные сведения о тысяцком Юрия — Георгии Шибиновиче.

Еще меньше сведений о Ростовской земле у Поликарпа. В сущности он лишь повторяет указание Симона о постройке Мономахом собора в Ростове и дополняет его фактом отправки Мономахом в этот собор иконы Богородицы после большого пожара в Киеве, вероятно, 1124 г.

⁸¹ ЛЛ, стр. 284.

⁸² ПСРЛ, т. II, стб. 483—484.

⁸³ А. А. Шахматов. Киево-печерский патерик. . ., стр. 36—38.

⁸⁴ П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913 (далее — П. Соколов. Русский архиерей. . .), стр. 116.

Поэтому патерик не может служить достаточно надежным параллельным источником при выделении ростово-суздальского летописного материала из разных летописных сводов. Однако с некоторыми фактами, очевидно, следует считать и в этой связи.

Как отмечалось, Н. Н. Воронин и Ю. А. Лимонов без достаточных оснований привлекли Лаврентьевскую летопись для реконструкции раннего ростово-суздальского летописания. Более логично привлечение тех сводов XV—XVI вв., которые пусть и неизвестными нам пока путями использовали ростовский летописный материал. Н. Н. Воронин не только с большой тщательностью выделил этот материал, но и проверил его с точки зрения достоверности и современности записи.

Весьма примечательно, что в проростовских сводах содержатся вполне достоверные известия уже в хронологических пределах Повести временных лет, хотя ни одна редакция Начальной летописи их не знает. Выше отмечалось известие о Исаии Ростовском. Под 1107 г. Типографская летопись говорит о нападении болгар на Суздаль⁸⁵. Весьма существенно сообщение Львовской летописи о построении Владимиром в 1108 г. города Владимира на Клязьме и воздвижении здесь церкви Спаса⁸⁶. Позднейшая владимирская традиция стремилась удревить начало города: уже в 60-е годы XII в. его основание стали связывать с Владимиром Святославичем. Зато в Ростове были заинтересованы в данном случае в соблюдении исторической достоверности⁸⁷.

Целый ряд оригинальных и вполне достоверных известий содержат проростовские своды под 50-ми годами XII в. Так, под 1152 г. Типографская летопись говорит о нападении болгар на Ярославль⁸⁸, под этим же годом ряд летописей сообщает о заложении Юрием города Юрьева Польского и церкви Георгия в нем⁸⁹. Ряд оригинальных сведений, близких проростовским сводам, содержит Владимирский летописец. Под 1152 г. здесь говорится о сооружении Юрием церковью Спаса и Бориса и Глеба «в Кидекши в Суздали», к этому же времени отнесено известие о постройке церкви Спаса в Переяславле, а перенесение Переяславля «от Клецины озера на Трубеж реку» датировано следующим годом⁹⁰. Под 1154 г. Владимирский летописец говорит о кончине в Суздале супруги Глеба Юрьевича и заложении города Дмитрова по случаю рождения у Юрия сына Дмитрия-Всеволода⁹¹. Под этим же годом Львовская летопись приводит оригинальное известие о позорном бегстве Андрея Юрьевича из Рязани⁹². Последним в ряду таких известий следует, по-видимому, считать сведение Тверской летописи о заложении в 1156 г. крепости Москвы⁹³, хотя некоторые проростовские своды содержат оригинальные детали и в эпитафии Юрию Долгорукому под 1157 г.

Взаимоотношение проростовских сводов XV—XVI вв., а также вообще история ростовского летописания изучены пока недостаточно. Трудно сказать, почему даже среди родственных сводов отмеченные выше и некоторые другие подобные известия не повторяются. Очевидно, немало промежуточных этапов прошли эти записи до того, как попали в известные ныне своды. Но нельзя не отметить, что в части до 1156—1157 гг. северо-восточное летописание знало традицию, отличающуюся от направ-

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 72—73.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 103.

⁸⁷ Н. Н. Воронин и Ю. А. Лимонов. К вопросу о начале..., стр. 27.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 32 и 187; т. XV, стб. 219—220.

⁹⁰ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 66. В Чертковском списке все эти известия датированы 1152 г.

⁹¹ Там же. В Типографской летописи дается и точная дата: 19 октября 6663 г. (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77).

⁹² ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 117.

⁹³ ПСРЛ, т. XV, стб. 225.

ленности главных памятников летописания Владимиро-Суздальской Руси — Лаврентьевской и Радзивилловской летописей. Весьма любопытно, что в части до 1157 г. Лаврентьевская летопись по существу не содержит таких известий о Ростово-Суздальской земле, которых не было бы в Ипатьевской летописи. В то же время в Ипатьевской летописи имеется ряд оригинальных северо-восточных известий, появление которых в летописи требует объяснения. В этой летописи полнее, чем в Лаврентьевской, сказано о походе Юрия в 1120 г. Волгою на болгар, приведены оригинальные сведения о Муроме под 1124 и 1145 гг., отмечено, что в 1137 г. «иде Юрьи Ростову»⁹⁴. Только Ипатьевская летопись сообщает об оковании ростовским тысяцким Георгием гроба Феодосия в Печерском монастыре в 1130 г.⁹⁵ Лаврентьевская летопись вообще не знает имени этого ростовского тысяцкого. Зато, как отмечалось, его хорошо знал Симон, у которого по поводу названного события приведен большой рассказ.

Выше было отмечено, что оригинальный северо-восточный источник проростовских сводов уходил в хронологические пределы Повести временных лет. Не исключено поэтому, что какая-то часть его известий наслонилась позднее и на текст Начальной летописи. Можно, в частности, обратить внимание на те известия о Владимире Мономахе и его сыновьях, которые отличают Ипатьевскую летопись от Лаврентьевской. В этом плане интересны известия 1101 г. о заложении Владимиром церкви в Смоленске и 1102 г. о рождении у него сына Андрея⁹⁶. В Ипатьевской летописи оба эти известия помещены в конце статей без точных дат. В проростовских сводах они даны с точными датами, причем эти даты не гармонируют с датированными записями Ипатьевской летописи. В этой летописи заложение смоленского собора дано после сентябрьского известия. Но в проростовских сводах событие датировано 7 марта⁹⁷. Рождение Андрея летопись дала после ноябрьского известия («в то же лето»). Но Тверская летопись сообщает, что «родися Володимеру Манамаху сын Андрей, августа 11; даша ему имя в 18 августа, Андрей стратилат»⁹⁸.

Таким образом, помещение указанных известий в Ипатьевской летописи в конце статей можно понять либо как переход от обычного для этого свода мартовского летосчисления к сентябрьскому, либо, что вернее, как результат позднейшего привлечения особого источника и наслоения его на уже имевшийся летописный текст. Точные даты при этом, возможно, были потому и опущены, что они не гармонировали с основным текстом.

Позднейшее появление в хронологических пределах Начальной летописи этих известий видно и из особенностей их записи. Летопись говорит, что Владимир заложил в Смоленске церковь Богородицы «камяну епископью». Между тем Смоленская епархия была учреждена только в 1137 г.⁹⁹ О позднейшем редактировании говорит и глухое указание «в то же лето».

В Ипатьевской летописи есть и еще ряд оригинальных известий, связанных с деятельностью Владимира Мономаха или его семьей¹⁰⁰. Эти известия также являются наслоением на основной текст, хотя время их включения в летопись определить трудно. Взаимоотношение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей отнюдь не прямолинейно. Еще при епископе

⁹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 285—286, 288, 300, 318—319.

⁹⁵ Там же, стб. 293.

⁹⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 250, 252.

⁹⁷ ПСРЛ, т. XXX, стр. 55 (под 6608 г.); во многих летописях точной даты нет.

⁹⁸ ПСРЛ, т. XV, стб. 188.

⁹⁹ Ср. Я. Н. Шапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 39—40; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 355.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 190 (рождение Мстислава), стб. 248 (заложение Владимиром церкви Богородицы в Переяславле и города на Востри).

Сильвестре (1118—1123 г.) в Переяславле в основу местного летописания была положена одна из редакций Повести временных лет¹⁰¹. Позднее в Киеве использовали переяславское летописание, а в Переяславле в еще большей мере киевское. В какой степени отмеченные А. Н. Насоновым переработки киевского летописного материала в Переяславле после 1157 г. коснулись древнейшей части летописи — определить не всегда возможно. В Лаврентьевской летописи под 1089 г. упоминается сестра Владимира Мономаха Янца, «реченая прежде»¹⁰². Но «прежде» она была упомянута только в Ипатьевской летописи в связи с ее пострижением и основанием ею монастыря¹⁰³. В данном случае трудность заключается в возможности альтернативы: сюжет с Янкой мог присутствовать уже в Повести временных лет и выпал по небрежности переписчиков в Лаврентьевской традиции. Но не исключено и то, что автор, работавший во второй половине XII в., механически включил только часть сведений о ней. Можно обратить внимание, в частности, на то, что в Ипатьевской летописи сообщение о поездке Янки в Грецию в 1089 г. является последним известием года, а сведения о ней под 1086 (6594) г. разрывают довольно связный рассказ о Ярополке Изяславиче.

Возможность того, что и в Лаврентьевскую летопись попали некоторые наслоения в хронологических пределах Повести временных лет, заставляет обратить внимание еще на три известия, которые имеются в обеих летописях, но записаны в конце погодных статей. Это сообщения о нападении болгар на Муром в 1088 г., появление волхва в Ростове в 1091 г. и поражение Ярослава (Муромского) от мордвы 4 марта 1103 г.¹⁰⁴ Последнее известие записано после августа в нарушение хронологической последовательности и, следовательно, приписано к основному тексту.

Итак, мы имеем целый ряд свидетельств в пользу того, что уже в конце XI—начале XII в. возникает независимая от Повести временных лет летописная традиция и, возможно, именно эта традиция продолжалась на северо-востоке вплоть до 1157 г. Летописание середины XII в. во всей его сложности и совокупности еще не изучено, поэтому предложенные здесь соображения, как и другие ранее высказанные мнения, не могут выходить за пределы предварительных наблюдений. Но стоит обратить внимание на явный рубеж в летописании разных районов — 1157 г. Именно с этого года намечается разрыв северо-восточной и южной традиций¹⁰⁵. Около этого времени прерываются оригинальные известия проростовских сводов. Из какого-то проростовского свода, возможно, попала в Никоновскую летопись группа рязанских известий за 1131—1156 гг.¹⁰⁶ С 1157 г. в Ипатьевской летописи меняется стиль летосчисления¹⁰⁷, а также, как отметил Б. А. Рыбаков, и манера изложения материала летописцем¹⁰⁸.

1157 год явился заметным рубежом и в политической жизни Руси. Смерть Юрия Долгорукого привела к активизации враждебных ему сил и на юге и на северо-востоке. Вокняжение в Суздальской земле Андрея Боголюбского имело роковое значение для Ростова. Не случайно, конечно,

¹⁰¹ А. Г. Кузьмин. Индикты Начальной летописи; М. Х. Алешковский. «Повість временних літ» та її редакції. — «Український історичний журнал», 1967, № 3, стр. 47.

¹⁰² ЛЛ, стр. 201.

¹⁰³ ПСРЛ, т. II, стб. 197, 200.

¹⁰⁴ ЛЛ, стр. 201, 207, 269; ПСРЛ, т. II, стб. 199, 205, 256.

¹⁰⁵ Окончательный разрыв Е. Ю. Перфецкий отнес к 1193 г. («Русские летописные своды и их взаимоотношения». Братислава, 1922, стр. 85).

¹⁰⁶ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 103, 106—107.

¹⁰⁷ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 157.

¹⁰⁸ Б. А. Рыбаков в докладе, сделанном осенью 1967 г. в группе по изданию ПСРЛ Института истории АН СССР, объяснил это явление изменением условий работы летописца.

после смерти Андрея в 1174 г. ростовцы пригласили на свой стол сыновей княжившего здесь одно время Ростислава Юрьевича и обратились за помощью к его зятю — рязанскому князю Глебу Ростиславичу. Победа осталась, однако, за новым центром — Владимиром. Дошедшее до нас в составе Лаврентьевской и Радзивилловской летописей северо-восточное летописание второй половины XII в. отразило уже политические идеалы этого нового центра.

Случайные и беглые экскурсы Симона не позволяют с достаточной уверенностью говорить о соотношении его летописного источника с тем северо-восточным памятником, обрывки которого сохранились в Ипатьевской летописи и проростовских летописных сводах. Но можно обратить внимание на примерное совпадение их хронологических рамок и более тесную связь с Владимиром Мономахом и его сыном Юрием, чем, например, в Лаврентьевской летописи. Поэтому если и нет достаточных оснований считать, что речь идет об одном и том же произведении, то можно думать, что и там и здесь отразилась одна и та же традиция.

Н. Н. Воронин указал и на еще одно важное совпадение. Симон, как отмечалось, особое внимание уделял ростовскому тысяцкому Георгию Шимоновичу. В Тверском же сборнике указано, что этот тысяцкий был воеводой во время похода Юрия на болгар в 1120 г.¹⁰⁹ Как резонно заметил Н. Н. Воронин, в патерике нет этого сюжета, а составитель Тверского сборника к личности Георгия Шимоновича никакого особого интереса не проявлял. Следовательно, это имя содержал все тот же оригинальный северо-восточный источник проростовских сводов¹¹⁰.

Отмечая несомненный интерес Симона и, видимо, его летописного источника к Георгию Шимоновичу, Н. Н. Воронин делает предположение, что ростовский тысяцкий имел отношение к составлению «Летописца». Составитель Тверского сборника даже прямо считал, что автором Начальной летописи был какой-то Георгий¹¹¹. Но он мог принять за имя русского летописца упоминание в летописи Георгия Амартола. Кроме того, имя ростовского тысяцкого не объясняет причину внимания «Летописца старого Ростовского» к поставлению выходцев из Печерского монастыря на разные епархии. Очевидно, летописец сам был постриженником этого монастыря и был близок к одному из своих собратьев, занявших кафедру.

Прекращение оригинальной северо-восточной летописной традиции загадочным образом пересекается с изгнанием из Ростова зимой 1156—1157 гг. епископа Нестора¹¹². Н. Н. Воронин, видимо, ошибается, полагая, что это был епископ, «не очень заботившийся о делах своей епархии и ничем не ознаменовавший своего правления»¹¹³. Напротив, позднейший ростовский летописец в связи с поставлением в Ростов епископа Кирилла в 1231 г. отмечал, что новый епископ «настольник сы и наместник святых епископ, прежебывших Ростове, Леонтыя святого, и священнаго епископа Исаия и Нестера»¹¹⁴.

О деятельности Нестора в Ростове летопись ничего не сообщает. Но Никоновская летопись проливает некоторый свет на причины его изгнания. В этой летописи использованы разные и подчас противоречивые источники. Противоречия имеются и в данном случае. Под 1156 г. летопись говорит о поезде Нестора к вновь поставленному митрополиту Константину в Киев, так как он «от своих домашних оклеветан бысть

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XV, стб. 193.

¹¹⁰ Ср. Н. Н. Воронин. К вопросу о начале..., стр. 30—32.

¹¹¹ ПСРЛ, т. XV, стб. 108.

¹¹² ЛЛ, стр. 329.

¹¹³ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале..., стр. 25.

¹¹⁴ ЛЛ, стр. 435.

к Константину митрополиту и в запрещении бысть»¹¹⁵. Затем под 1157 г. летопись называет Нестора в качестве учредителя празднования «честного креста» 1 августа¹¹⁶. После этого снова говорится об изгнании Нестора «про Господския празники: не веляше бо мяса ясти в Господския празники, аще прилучится когда в среду или в пяток»¹¹⁷. Но по Лаврентьевской летописи, неоднократно изгоняли не Нестора, а его преемника Леонтия. Именно Леонтий пытался ввести строгий режим постов, получивший у владимирского летописца прозвание «ереси Леонтианьской»¹¹⁸.

На противоречивость известий Никоновской летописи уже обращалось внимание. П. Соколов и в последнее время Н. Н. Воронин пришли к заключению, что имя Нестора по ошибке попало и в послание византийского патриарха Луки Хризверга Андрею Боголюбскому¹¹⁹. Действительно, текст послания передан летописью не в первоначальном виде. Но имя Нестора едва ли случайно связывается с определенным кругом событий, о которых идет речь в послании Хризверга. Та же Никоновская летопись сообщает под 1160 г., что Андрей «изгна братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовьской и Суждальской земле, сице же и прежних мужей отца своего оveh изгна, оveh же ем в темницах затвори; и бысть брань люта в Ростовьской и в Суждальской земли»¹²⁰.

Н. Н. Воронин убедительно показал, что изгнание Андреем мачехи-гречанки и ее сыновей означало разрыв нового князя с грекофильской политикой Юрия Долгорукого¹²¹. Но именно с Нестором, а не с новым епископом могла связываться эта политика. Поэтому вероятно, что именно Нестора защищал в своем послании патриарх. Важнейшей причиной изгнания епископа, как можно понять из послания, явилось намерение Андрея сделать Владимир политическим и церковным центром области. Едва ли не на этом вопросе наиболее резко размежевались старые и новые силы, и то, что вызвало гнев князя, создало Нестору репутацию «блаженного» среди позднейших ростовских книжников.

Само собой разумеется, что патриарх решительно поддержал Нестора, заявив, что «отъяти таковъ град от правды и истинны епископы Ростовския и быти ему митропольею не мощно естъ»¹²². Сам владыка должен был решать, останется ли Ростов центром епархии: «Аще ли блатородие твое восхоцет жити в созданнем тобою граде и аще восхоцет и епископ в нем с тобою жити, да будет сей боголюбивый епископ и отец и учитель и пастырь твой с тобою... понеже естъ той град подо областию его епископы Ростовския и Суздальския»¹²³.

Источники не сохранили каких-нибудь прямых сведений о происхождении Нестора. Но косвенные данные позволяют предполагать, что и он был постриженником Печерского монастыря. Обращает на себя внимание его близость к крупнейшему церковному деятелю середины XII в., ревностному стороннику Константинополя — новгородскому епископу пещерянину Нифонту. В 1149 г. Нифонт «повелением епискупа Ростовскаго Нестера» освящал антиминос в церкви Георгия, очевидно в пределах Ростовской епархии¹²⁴, годом раньше он освящал церковь Богородицы

¹¹⁵ ПСРЛ, т. IX. М., 1965, стр. 207.

¹¹⁶ Там же, стр. 240.

¹¹⁷ Там же, стр. 210—211.

¹¹⁸ ЛЛ, стр. 334.

¹¹⁹ П. Соколов. Русский архиерей... стр. 98—99; Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризверг (далее — Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский...). — «Византийский временник», т. XXI. М., 1962, стр. 33.

¹²⁰ ПСРЛ, т. IX, стр. 221.

¹²¹ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский... стр. 31—36.

¹²² ПСРЛ, т. IX, стр. 223.

¹²³ Там же, стр. 225.

¹²⁴ И. И. Срезневский. Антиминс 1149 года. — «Христианские древности и археология», кн. 4, 1862, стр. 2.

в Суздале¹²⁵. Сам Нестор по изгнании отправился в Киев, — вероятно, туда, откуда он пришел на Ростовскую епархию.

* * *

Бедность параллельного материала делает проблематичными многие из приведенных наблюдений. Но можно с достаточным основанием говорить о том, что наша историография XI—XII вв. была богаче, чем принято считать на основе древнейших списков. В руках Симона и Поликарпа были источники, восходившие прямо или опосредованно к особой летописной традиции, следы которой замечаются и в известных ныне летописях, в том числе в хронологических пределах Повести временных лет. Вероятно, с этой традицией связано и имя Нестора. Позднейшие компиляторы могли отождествлять летописца конца XI—начала XII в., ростовского летописца середины XII в. и составителя двух «Житий». Весьма вероятно, что речь идет о разных авторах. Но во всех случаях мы имеем дело с памятниками, отличающимися по составу известий и идейной направленности от основных текстов Начальной летописи и ее продолжений, сделанных во Владимире во второй половине XII в. Видимо, специальное исследование проростовских сводов, а также Ипатьевской летописи даст более прочные отправные моменты для решения поставленных здесь вопросов. Но и всестороннее изучение названных летописей требует накопления частных наблюдений и изысканий.

---

¹²⁵ «Новгородская первая летопись». М.—Л., 1950, стр. 28.

Я. Н. Шапов

ВАРСОНОФЬЕВСКАЯ КОРМЧАЯ

В истории кормчих книг на Руси одной из важных проблем является выяснение характера той работы, которая велась над византийскими сборниками законов и правил в славянских переводах, в частности над появившимся в XIII в. из Болгарии номоканоном с толкованиями. Задачей исследователей, намеченной в работах М. Н. Тихомирова¹, является определение того, как в течение второй половины XIII—XV вв. на Руси были созданы собственные обработки номоканона — кормчие книги, включившие правила и этого номоканона, и известного задолго до него на Руси номоканона в XIV титулах без толкований, и местные русские правила, и другие юридические памятники. Выяснение этих вопросов поможет понять, что из византийского правового наследства усваивалось на Руси, и как, какими путями происходило это использование опыта древних рабовладельческих и феодальных обществ в новых, древнерусских условиях.

В распоряжении исследователя находятся списки кормчих книг, представляющие зримые следы этой скрытой от наших глаз напряженной работы древнерусских юристов, государственных деятелей, богословов по приспособлению древневосточных, византийских и южнославянских памятников к местным условиям.

Ценнейшим источником для изучения проблемы является Варсонофьевский список кормчей, находящийся в собрании московского Чудова монастыря в Отделе рукописей Государственного исторического музея (Чуд. 4). Это рукопись на пергамене, в лист, на 328 листах, писана полуставом, судя по почеркам, — в конце XIV в. Рукопись известна исследователям, о ней писали И. И. Срезневский², М. Н. Тихомиров³, она неоднократно упоминается в каталогах ГИМ⁴, была показана на выставке истории русской культуры в Праге в 1959 г.⁵, ряд текстов из нее опубликован⁶.

¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1940; он же. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига.— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, стр. 3—12.

² И. И. Срезневский. Обзор рукописей русских древних списков Кормчей книги. СПб., 1897 («Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 65, № 2), стр. 85—112. Здесь Варсонофьевский список описан в сравнении с Новгородским Синодальным № 132, к сожалению, не очень внимательно.

³ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде; он же. «Закон Судный людем Краткой редакции». М., 1961, стр. 30—31.

⁴ М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. М., 1958, стр. 23; М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. — «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 194.

⁵ «Выставка истории русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности». Каталог. М., 1959, стр. 30—31.

⁶ Закон судный людем («Закон Судный людем Краткой редакции», стр. 41—46, 129—137); Устав князя Владимира («Устав св. великого князя Владимира о цер-

Однако содержание этого списка сравнительно с другими списками кормчих, характер обработки, представленной в этом списке, источники ее и история ее создания остаются до сих пор мало выясненными.

Варсонофьевский список представляет собой, насколько сейчас известно, единственный список этого состава, и его содержание не повторяется полностью в других, поздних списках. Это затрудняет изучение текста кормчей. Правда, существует несомненная близость текстов Варсонофьевской кормчей как с более ранними обработками, например Рязанской, Вольнской и Синодальной кормчими, на что обратил внимание М. Н. Тихомиров, так и с более поздними, например списками Софийской кормчей и кормчей, соединенной с Мерилом праведным.

Появлению Варсонофьевской кормчей предшествовала длительная история славянских переводов и обработок кормчих на Руси. Не касаясь истории в XI—XIII вв. кормчей Ефремовской редакции в XIV титулах без толкований, обратимся к Фотиеву номоканону, присланному в третьей четверти XIII в. болгарским деспотом Яковом-Святославом в Киев по просьбе митрополита Кирилла. Этот недавно переведенный сборник правил и законов, включивший наряду с несколько сокращенными, но снабженными комментариями, традиционными текстами также новые материалы, должен был помочь восстановить в значительной степени ослабевшие в результате татаро-монгольского разорения позиции древнерусской церковной организации и активизировать ее деятельность как в культурной, внутрицерковной сфере, так и в области публично-правовой и государственно-политической. Принятие и распространение этого сборника на Руси явилось значительным толчком в восстановлении и развитии письменной традиции во второй половине XIII в.⁷

Новый текст кормчей с толкованиями подвергся на Руси в 1270-х годах значительной обработке. Она заключалась, во-первых, в сличении текстов правил и законов в новом номоканоне с текстами в древнем номоканоне Ефремовской редакции, переведенном в Болгарии во второй половине IX—начале X в. и известном на Руси в XI в. В результате этой работы были отобраны правила в том из переводов, который был, очевидно, наиболее подходящим, эти правила были снабжены впервые появившимися в новом номоканоне толкованиями, а также новыми текстами, которые не входили в древний болгарский номоканон. Во-вторых, к переводным и южнославянским памятникам были добавлены важнейшие местные, древнерусские правила, относящиеся к двум основным центрам митрополичьей епархии — Киеву и Новгороду, а также постановления Владимирского собора 1274 г., и в таком виде кормчая была утверждена на этом соборе для использования на древнерусских землях. Так возникла та наиболее широко распространенная на Руси редакция кормчих, которую можно назвать русской или Владимирской по месту ее

ковных судах и о десятинах». Подг. к печати В. Н. Бенешевич. Пг., 1915 (далее — УКВ), стр. 34—36, в разночтениях). См.: «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 36, вып. 1. Пг., 1920); Правила Владимирского собора 1274 г. (РИБ, т. 6. СПб., 1908, № 6, стб. 83—100, в разночтениях); Правила Ильи Новгородского и белгородского епископа (там же, № 4, стб. 75—78, в разночтениях); Ответы Иоанна митрополита Иакову черноризцу (там же, № 1, стб. 1—20 и частично: там же, дополнения, № 1, стб. 324—346); статья «О кресте, иже на земле и на леду пишють» (там же, № 6, стб. 100—102); Поучение к собору (там же, № 8, стб. 111—116); Послание Владимирского епископа к местному князю со статьей «Другое слово» (там же, № 9, стб. 117—118); «Устав о брадах» (там же, № 14, стб. 143—144, в разночтениях); «Заповедь епископам о хранении церковных правил» (там же, № 11, стб. 127—128, в разночтениях); Поучение новоосвященному попу (там же, № 7, стб. 101—110, в разночтениях); Правило «Постниково от Номоканона» (И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги, стр. 96).

⁷ М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига, стр. 175—184.

происхождения. Она получила распространение как на северо-востоке Руси, так и на ее юго-западе (Волынская кормчая) и юге (кормчая Лукашевича). Вскоре за этой первоначальной обработкой последовала другая. Мы относим ее к 1280 г. и ПереславлЮ-Залесскому, где в этом году собрался собор, на котором присутствовали митрополит Кирилл и ряд епископов. Текст кормчей, получивший распространение после 1280 г., был пополнен большим количеством статей из той, Ефремовской редакции кормчей, которая была известна на Руси в домонгольское время, и других источников⁸.

Переславльская обработка кормчей 1280 г. представлена в двух ранних пергаменных списках: Новгородском Синодальном 1280-х годов и Варсонофьевском конца XIV в. Каждый из них сохранил текст этой обработки не в первоначальном виде, а в новой переделке, представляющей собой, по нашей классификации, изводы Владимирской редакции. Кроме пергаменных списков ту же обработку представляет и один поздний бумажный список 1567 г., который имеет лишь статьи, общие Синодальному и Варсонофьевскому спискам, а вслед за последней из этих статей включает лишь одну дополнительную — «Сказание об арменской ереси»⁹, Обнаружение списка такого состава подтверждает существование обработки, определенной нами на основе анализа пергаменных списков и связываемой с 1280 г.

Варсонофьевский список переписывался с разделенного на четыре части протографа четырьмя писцами. Первый из них был, очевидно, руководителем всей бригады, он начал рукопись и дополнял работу трех других писцов, переписав в общей сложности половину текста. Второй, возможно, был учеником в этой бригаде. Тетради, переписанные третьим писцом, кончатся записью: «аі. Варсонофѣев[...]». Три последние читаемые буквы этого слова повреждены при перешлите рукописи, остальные утрачены совсем. Возможно, что это было обозначение вроде «Варсонофьевские [тетради]» — часть, переписанная писцом Варсонофием. От этого имени идет название списка кормчей.

Заглавие Варсонофьевского списка, как и Синодального, включает в себя слово «кормчая», которое появилось впервые применительно к переславльской обработке 1280 г. и вошло во все позднейшие кормчие, восходящие к этому тексту. Оглавление в нашем списке связано с обработкой 1274 г., оно оканчивается правилами собора этого года.

Состав общего источника Синодального и Варсонофьевского списков в последнем списке сохранен хорошо. Сюда вошли все те статьи Владимирской редакции, какие есть и в Синодальном. Лишь новгородская статья Вопросание Кириково, поименованная в оглавлении, в списке отсутствует.

Для характеристики особой обработки текста, помещенного в Варсонофьевском списке, которая отличается и от архетипного текста 1280 г., и от Синодальной кормчей, и от Егоровского списка, некоторые сведения дают не только исключение Вопросания Кирикова, но и добавления, которые есть в этом списке.

Можно выделить несколько этапов в работе по созданию Варсонофьевской кормчей. Здесь помогает сравнение этого списка с другой обработкой Владимирской редакции — Софийской (Новгородско-Софийской)

---

⁸ Я. Н. Шапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 298—299.

⁹ ГБЛ, Егоров. собр., № 931. После окончания этого списка он был сличен с одним из списков, очевидно, Софийской кормчей, и в него была вставлена тетрадь, написанная другим почерком на новой бумаге, содержащая две календарные статьи, восходящие к Синодальной.

кормчей, известной во многих списках XV—XVI вв.¹⁰ На первый этап указывают статьи, общие Варсонофьевской и Софийской кормчим, но отсутствующие в переславльской обработке 1280 г., на второй — индивидуальные статьи Варсонофьевского списка.

В Варсонофьевской и Софийской кормчих находятся два комплекса общих добавочных статей — в середине и в конце списков. В середине, на листах 189—191 Варсонофьевского списка после одного из «спутников» Закона Судного — вопросов к Федору Сикевоту — здесь находится целая группа статей, отсутствующих в Синодальном и Егоровском списках. И. И. Срезневским указана только первая статья этого комплекса «Поучение к попам святого великого Василья» (нач.: «Слышите, иереиский преподобный зборе...»). На самом деле далее следует вторая статья — послание владимирского епископа к местному князю (нач.: «Милостью божиею и святыми богородица...») вместе с третьей статьей, начинающейся словами «А се пишу ти другое слово...», и четвертая статья — «Заповеди святых» к епископам о соблюдении правил (нач.: «Всею силою и всею мощью...»). За последней статьей архетипа — «Чином погребения по Студийскому уставу» следует второй комплекс. Это устав Владимира о церковных людях и десятинах в особой, Варсонофьевской редакции (л. 321 об. — 322) и правило Василия Великого к попу (нач.: «Потщися, о прозвитере...», л. 322—322 об.).

Наибольший интерес представляют для нас здесь русские статьи: группа памятников, включающая поучение к собору духовенства и послание Владимирского епископа, и устав Владимира. Обратим на них внимание.

Памятник, названный А. С. Павловым «Послание владимирского епископа к местному князю», имеет уже свою историографию. Макарий определил примерную дату, адресата и автора этого анонимного послания, связав упоминание в нем ограбления церкви с разгромом татарами Владимирской земли в 1293 г., и определил, что автором его мог быть «епископ владимирский» Иаков (1288—1295) или Симеон (1295—1299), а адресатом — владимирский князь, сын Александра Невского Дмитрий (1276—1294) или Андрей (1294—1304)¹¹. Таким образом, это владимирский памятник, написанный, очевидно, вскоре после разгрома. Послание имеет две части. Вторая часть, начинающаяся словами «А се пишу ти другое слово...», также обращала на себя внимание в связи с тем, что она близка по содержанию к известному Правилу о церковных людях. Были высказаны две противоположные точки зрения на взаимоотношение Послания и Правила. А. Х. Востоков, Г. А. Розенкампф и Н. С. Суворов¹² считали, что Послание епископа является источником Правила о церковных людях. Хронологический приоритет Правила перед Посланием отстаивали А. С. Павлов и С. В. Юшков¹³.

Сравнение Другого слова с соответствующими разделами Правила о церковных людях показывает вторичность Слова относительно Правила.

¹⁰ Один из старших списков, давший название этой кормчей. — ГПБ, собр. Новг.-Софийск. библиотеки, № 1173, список третьей четверти XV в.

¹¹ Макарий. История русской церкви, т. V, кн. 2. СПб., 1886, стр. 391—393.

¹² А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1841, стр. 295; Г. А. Розенкампф. Обзорение кормчей книги. Изд. 2, стр. 124; Н. С. Суворов. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893, стр. 315.

¹³ А. С. Павлов. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892, стр. 100; он же. Курс церковного права. СПб., 1902, стр. 148—149; С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921, стр. 16—17; он же. Исследования по истории русского права, вып. 1, [б/м], 1925, стр. 61—63.

... По правилу суды церковныя во всѣхъ крестьянскихъ людехъ: игумены и игуменьи, попы и дьяконы, черныцы и черницы...

То все суды церковныя даны закономъ божиимъ и прежними цари и великими нашими князи: князю и бояромъ и судьямъ в тѣ суды нелзя вступатися, не прощено им от закона божия...¹⁴

[15] А се церковныя суды даны закономъ божиимъ по правилу святыхъ отецъ и крестьянскими цари и князи во всѣхъ христианскихъ людехъ...

[6] То все церковныя суды. Князю и бояромъ и судьямъ не прощено им от закона божия вступатися в тѣ суды.¹⁵

Вступление к списку судов Правила (ст. 5) использовано составителем Другого слова и для этой и для следующей статьи. Статья о запрете представителям светской власти вторгаться в церковные суды в Другом слове получила расширенное введение: «христианские цари и князи». Правила были снабжены конкретными эпитетами — прежним царям были противопоставлены «великие наши князи».

Можно показать вторичность Другого слова не только относительно Правила, но и относительно текста перечня церковных судов, вошедших наряду с Правилу также в архетип устава Владимира. Этот текст одинаков во всех редакциях устава Владимира.

Другое слово

Правило
о церковных людяхУстав Владимира
Варсонофьевской редакции

Промежу мужем и же-
ною чьто будетъ рѣчь
о животѣ...¹⁶

Промежи мужем и же-
ною о животѣ их...¹⁷

Промежь мужем и же-
ною о животѣ...¹⁸

Источником Другого слова можно считать Правило о церковных людях, известное по спискам Мерила праведного, кормчим и сборникам¹⁹. Мы не имеем прямых свидетельств для определения того, какая из двух редакций Правила, Краткая (в Мериле) или Пространная (в кормчих и сборниках)²⁰, была источником этого Слова, ибо различие двух редакций ярко прослеживается в начальной части памятника, не использованной в нашем Слове. Однако кажется несомненным, что этот источник был ранним текстом Правила. На это указывает отсутствие слова «свобожение», объясняющее древний термин «искупление», которое вставлено в некоторых изводах, возникших в XIV—XV вв. (Оленинском, Ипатьевском, Археографическом).

Возникновение Правила о церковных людях может быть связано с такими церковными центрами Северо-Восточной Руси конца XIII — первой четверти XIV вв., как Ростов и Владимир. Это историко-канонический трактат в защиту значительных материальных средств, которыми располагали церковные кафедры, — земельных владений, денежных и других вкладов, судебных и торговых пошлин²¹.

Другое слово представляет собой компиляцию на материалах этого Правила на одну определенную тему. Это сочинение в защиту церковного суда, для успешной защиты которого в Слово включен несомненно производивший большое впечатление на читателя перечень многих так пазываемых богоугодных дел церкви.

¹⁴ РИБ, т. 6, изд. 2, СПб., 1908, стб. 117—118.

¹⁵ УКВ, стр. 49—51.

¹⁶ РИБ, т. 6, стб. 118.

¹⁷ УКВ, стр. 49.

¹⁸ УКВ, стр. 36.

¹⁹ УКВ, стр. 37—39.

²⁰ Я. Н. Щанов. Правило о церковных людях. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 75.

²¹ Там же, стр. 80—81.

Установление содержания и источников Слова позволяет отделить этот памятник от «Послания владимирского епископа». На различие этих двух памятников обратил внимание еще М. Н. Тихомиров, который писал, что в Чудовском (Варсонофьевском) списке «Послание владимирского епископа» оканчивается словами «а ныне, сыну князь, аз отець твой епископ володимерьскыи, поминаю ти, сыну своему, о церкви божиин, а сам, сыну, ведаешь, аже церкви та ограблена и дома ея пусты», что «после этого послания помещено слово епископа. . . , в котором говорится о церковных судах»²².

Действительно, Послание епископа является оригинальным, вызванным конкретной действительностью памятником, а текст, начинающийся словами «А се пишу. . .», — это компиляция, построенная на готовом материале. В Послании епископа нет никаких заимствований из Правила. Мы не можем говорить о том, что эти два различных произведения принадлежат одному автору, столь различен в них стиль работы и понимание авторами их литературного труда. Возможно, что эти два памятника были поставлены рядом составителем Другого слова о судах. Различие между ними подчеркивается и палеографически: и Послание и Другое слово начинаются одинаково кинноварными инициалами.

Первая статья комплекса — Епископское поучение к собору духовенства — в Варсонофьевском списке приписана имени «святого великого Василья». Однако уже давно установлено, что это — древнерусское сочинение, принадлежащее какому-то епископу²³. Во всех списках Софийской кормчей эта статья имеет заглавие «Поучение к попом за Кирилом». Лишь в одном известном нам в этой группе Румянцевском списке, № 231 конца XV в. это заглавие имеет форму «Поучение к попом Кирилово». Отдельно, вне комплекса изучаемых статей оно находится в кормчей украинской редакции типа Лукашевича (анонимно «Поучение к попом») ²⁴, в более поздней переработке этой кормчей (также анонимно), в Погодинском сборнике, № 31 XIV в. (с именем Иоанна Златоустого), в Минее 1494 г. Соловецкого собрания (с именем Леонтия Ростовского)²⁵.

Различие в именах автора в одних рукописях и отсутствие имени в других позволяет считать, что в архетипе Поучения, входившем, в частности, в архетип Варсонофьевской и Софийской кормчих, имени автора также не было. Только так можно объяснить появление столь различных имен в позднейших списках. Оно получало имя различных лиц, известных своей ораторской или церковно-административной деятельностью: Василия Великого, Иоанна Златоустого, Леонтия Ростовского. Особняком стоит заглавие в списках Софийской кормчей. Фраза Румянцевского списка, давно вошедшего в науку, вызвала большие споры. Г. А. Розенкамф, А. Х. Востоков, Филарет²⁶ считали автором этого Поучения митрополита Кирилла, главного деятеля собора 1274 г. Однако автором его был не митрополит, а епископ («Аз бо, грешныи вашь епископъ вся рекох вам. . .»). Этим епископом считали Кирилла Ростовского (1231—1262)²⁷. Макарий пытался связать это Поучение с правилами собора 1274 г. и отнести его на этом основании все же к митрополиту Кириллу²⁸. Однако заключение о связи этих двух памятников, основанное на их соседстве в ряде рукописей, не является убедительным. Древнейшая рукописная

²² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 85.

²³ РИБ, т. 6, стб. 111—112.

²⁴ І. Свенціцький. Опис рукописів Народного дому з колекції А. Петрушевича, ч. 1. Львів, 1911, стор. 45; Я. Н. Щапов. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. М., 1959, стр. 16.

²⁵ РИБ, т. 6, стб. 111—112.

²⁶ Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 56.

²⁷ «Прибавления к творениям святых отцев в русском переводе», I. М., 1843, стр. 425—427.

²⁸ Макарий. История русской церкви, т. V, кн. 2, стр. 384.

традиция не указывает на такую общность, а рядом они появляются на страницах рукописей лишь во второй половине XV—XVI вв. в некоторых поздних сборниках.

Исследователи не обратили внимания на ту форму, в которой упоминается имя Кирилла в заглавиях Софийских списков. Фраза «Поучение к попом за Киролом» не утверждает принадлежность памятника Кириллу, а сообщает только о косвенном отношении его к этому имени²⁹. Предлог «за» с творительным падежом употреблялся в древнерусском языке для выражения понятия принадлежности в смысле местонахождения, аналогично современному «у» с винительным падежом (за тобой — у тебя; за ним — у него; за родственники его — у родственников его)³⁰. Этого значения наша фраза, очевидно, не имеет. Другое значение, которое к ней больше подходит, — временное³¹. Возможно, что выражение «за Киролом» обозначает временное указание на принадлежность Поучения ко времени *после* известного *Кирилла*, очевидно митрополита. Это указание было внесено редактором Софийской кормчей, также не знакомым с именем его автора.

Новая попытка найти автора Поучения была предпринята В. А. Колобановым, исследователем творчества Серапиона Владимирского. В. А. Колобанов связывает этот памятник не с митрополитом Кириллом, а с владимирским епископом Серапионом, поставленным на соборе 1274 г. Он считает возможным, что Поучение было произнесено после собора в виде некоторого дополнения к соборным правилам³².

Отход исследователя от установления неизменной связи Поучения с перархом, носившим имя Кирилла, в этой работе нам представляется перспективным. Предположение В. А. Колобанова заслуживает дальнейшей проверки и исследований. Однако параллели в Поучении и сочинениях Серапиона, приводимые им, не являются исключительными только для этих памятников и без более широкого изучения владимирских поучений и правил конца XIII—начала XIV в. не исключают принадлежности Поучения и другим епископам, которые также были «за Киролом».

Так, три первые из четырех статей комплекса оказываются владимирскими памятниками конца XIII—начала XIV в. Что же касается четвертой статьи, «Заповедей святых», то она кроме указанного комплекса входит также в число тех статей, которые появились в переславльской обработке 1280 г. Таким образом, все статьи связаны своим происхождением или появлением в известных рукописях с Владимиром и Переславлем.

Устав князя Владимира во втором комплексе общих статей в Варсонофьевской и Софийской кормчих находится в особой редакции, которая представляет собой переработку текста устава, бывшего архетипом и для Синодальной новгородской редакции второй половины XIII в. Как мы показываем в особой работе³³, Варсонофьевская редакция устава представляет значительное сокращение этого архетипа. Здесь оказались выброшенными подробный перечень видов десятины, принадлежавшей церкви, генеалогия князя, указание на первого митрополита. Для редактора этой обработки, очевидно, не были важны события начальной истории христианства на Руси, а источники материального обеспечения церкви

²⁹ Форма Кироломъ (в ряде списков Квроломъ) является вариантом от Кирилломъ, судя по новгородской форме киролюсу из кириленсон (И. И. Срезневский. Материалы для словаря, I, стб. 1209).

³⁰ Там же, стб. 893.

³¹ Там же.

³² В. А. Колобанов. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 159—162.

³³ Я. Н. Шапов. Церковь и государство в процессе феодализации на Руси XI—XIV вв. (готовится к изданию).

к XIV в. значительно изменились, и десятина не играла уже той роли, как несколько столетий назад. Представляет интерес, что в двух случаях из трех редактор опустил упоминание митрополита, в частности то, где указывается принадлежность ему судебного иммунитета («да те суды церквам всем епископьям...») — в Варсонофьевской, «дал есмь тыя суды церквам, митрополиту и всем епископом» — в других текстах Синодально-Вольнской группы). Вместе с тем в уставе сохранилось третье упоминание митрополита («То люди церковные, богоделные; митрополит или епископ ведает межи ими суд...»). Возможно, что это сокращение указывает на связь обработки с епископской кафедрой, обладавшей значительной самостоятельностью по отношению к митрополии в силу ли политического конфликта между главами общерусской и местной церкви или вследствие вакантности митрополичьей кафедры. И те и другие случаи в первой половине XIV в. были не редкостью на Руси.

Варсонофьевская редакция устава не имела широкого распространения. Благодаря проникновению кормчей с этим текстом в Новгород и созданию там Софийской кормчей, он получил некоторую известность в этом городе, где был, однако, широко распространен местный новгородский текст Синодальной редакции, использованный и для устава князя Всеволода.

Но сам архетипный текст и устава и кормчей возник не в Новгороде, а в Северо-Восточной Руси в первой половине XIV в. Очевидно, эта праварсонофьевская кормчая была создана именно в первой половине XIV в., поскольку к середине века может быть отнесено создание новой северо-восточной обработки кормчей — так называемой кормчей в соединении с Мерилом, в основе которой вновь была положена обработка 1280 г.

На второй этап истории кормчей указывают добавочные статьи, отсутствующие в Софийских списках. Этот этап был связан с созданием уже кормчей Варсонофьевского извода, протографа одноименного списка. В конце этого протографа было приписано пять поучений к монахам, автором четырех последних из них назван Василий Великий. Это говорит об изготовлении протографа кормчей, очевидно, в монашеской среде, возможно, по заказу игумена одного из монастырей.

Наконец, в Варсонофьевском списке на листах 134 об. и 168—168 об. есть два отрывка, вписанные особым, пятым почерком после окончания работы над списком, но примерно в то же время, на чистых листах и столбцах на стыках частей рукописи, переписывавшейся разными писцами. Это выписи из номоканона Иоанна Постника.

Изучение Варсонофьевской кормчей показывает, что созданию этого списка в конце XIV в. предшествовало несколько стадий обработки текста. Древнерусская Владимирская редакция кормчей 1274 г., пополненная статьями кормчей Ефремовской редакции около 1280 г., в начале или в первой половине XIV в. вновь была снабжена русскими статьями, на сей раз возникшими или имевшими распространение во Владимирской земле. Создание этой праварсонофьевской кормчей не может быть связано ни с Новгородом, поскольку в ней было опущено новгородское Вопросание Кириково, ни с Москвой, поскольку материалы из нее не были включены в московскую кормчую середины XIV в. в соединении с Мерилом.

Можно высказать такое предположение о времени и обстоятельствах возникновения этой кормчей. После четырехлетнего отсутствия митрополита на Киевской (Владимирской по месту нахождения) кафедре в 1309 г. во Владимир прибыл новый митрополит Петр. С деятельностью этого митрополита связан второй Переславский собор 1310—1311 гг., посвященный, между прочим, разбору обвинения митрополита — обвинения в незаконном взимании платы за поставление церковнослужителей, как предполагает Е. Е. Голубинский. На соборе присутствовали епископы

Ростовский и Тверской, представитель Константинопольского патриарха, игумены, монахи и священники, а также светские лица: князья и бояре. Собор окончился оправданием Петра. Возможно, что в Варсонофьевской кормчей мы имеем дело с обработкой, возникшей примерно в это время или даже в связи с этим собором, может быть в Переславле. В кормчей в отличие от ряда поздних рукописей правила 1274 г. находятся в полном виде, без пропуска первого правила, разрешающего плату за поставленис. Отсутствие на соборе новгородского архиепископа не противоречит возможности исключения из кодекса русских правил новгородской статьи, отражавшей весьма своеобразные новгородские епитимийные нормы XII в., не нашедшие признания в некоторых других землях Руси.

В дальнейшем эта обработка кормчей не получила распространения во Владимиро-Суздальской Руси. Варсонофьевский список — пока единственный ее экземпляр вне Софийской группы списков. Судя по новым статьям этого списка, кормчая бытовала в местных монастырях, где, возможно, и был изготовлен Варсонофьевский список. При создании новых митрополичьих обработок кормчей она осталась в стороне.

В. Л. Янин

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЭКЗЕМПЛЯРОВ Д И К «СМОЛЕНСКОЙ ПРАВДЫ»

Среди древнерусских металлических печатей, известных исследователям уже на протяжении нескольких десятков лет, но тем не менее еще не до конца объясненных, обращает на себя внимание сходством оформления небольшая группа булл, на одной стороне которых изображен

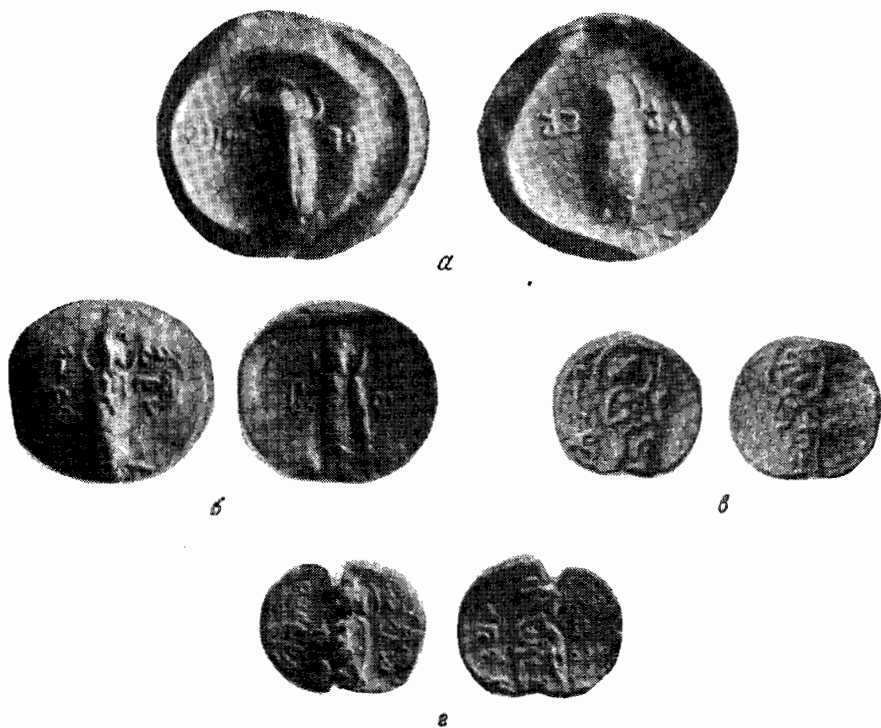

Рис. 1

св. Борис, а на другой — св. Глеб. Эти печати представлены тремя разновидностями.

Первая (рис. 1, а) сохранилась в виде аргировула при так называемом экземпляре Д «Смоленской правды» (торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.)¹. Ростовым изображением святых на этой

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928 (далее — Н. П. Лихачев. Материалы...), стр. 25—26; «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». Подг. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963 (далее — «Смоленские грамоты...»), стр. 59.

булле соответствуют хорошо читаемые, хотя и выполненные зеркально, надписи:

3)N 90 ja ɣ̃λ7

Лицевая

Оборотная

Вторая разновидность известна в двух экземплярах, один из которых (аргировул, рис. 1, б) сохранился при недатированном экземпляре К «Смоленской правды» — договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом², а другой (моливдовул, рис. 1, в) найден при случайных обстоятельствах где-то в пределах быв. Тверской губернии³. Ростовые изображения князей-мучеников хорошо опознаются на этой разновидности по их обязательному атрибуту — княжеским шапкам, но сопровождаются до крайности искаженными надписями:

04Γ0ϣ

9Bϣ

Γ0

0Γ

Лицевая

Оборотная

Наконец, третья разновидность, представленная единственным моливдовулом, который был найден в начале текущего столетия в Новгороде (рис. 1, г)⁴, замечательна тем, что она оттиснута теми же матрицами, что и печати второй разновидности, но до того, как эти матрицы были испорчены неудачной перегравировкой надписей. Значение последнего обстоятельства не сводится к тому, что оно прямо указывает на чрезвычайную хронологическую близость второго и третьего вариантов. Их сравнение позволяет также уверенно читать искаженные перегравировкой надписи, отлично выполненные на третьей разновидности:

04Γ0

9Bϣ

04Γ0

9Bϣ

Лицевая

Оборотная

Опираясь на несомненную взаимосвязь всех трех разновидностей, мы должны отыскивать владельцев этих печатей в одном месте, а именно — в Смоленске, на который прямо указывают печати, сохранившиеся при подлинных документах.

Связь печатей с документами, разумеется, в значительной степени должна бы облегчать задачу их датирования. Однако сама проблема датировки различных редакций «Смоленской правды» чрезвычайно сложна. Более того, после специального исследования печатей Смоленской правды, предпринятого Н. П. Лихачевым, в основу бытующих ныне актов датировок так или иначе положены его сфрагистические наблюдения, которые, однако, кажутся противоречивыми.

При датировке экземпляра К «Смоленской правды» Н. П. Лихачев, вслед за П. В. Голубовским⁵, пришел к выводу, что этот документ относится ко времени Всеволода Мстиславича, княжение которого в Смоленске

² Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, стр. 26—28; «Смоленские грамоты...», стр. 16—17.

³ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. — «Труды Московского нумизматического общества», т. 3. М., 1903, табл. 2, 2; Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, стр. 28, рис. 11.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXIX, 1.

⁵ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 130—132.

началось в 1239 г.⁶ Основой для такого вывода послужила фраза документа: «како то было при моемъ отци, при Мьстиславе при Романовици, и при моемъ брате, при Мьстиславе...»⁷ Поскольку у Мстислава Романовича не было сына Мстислава⁸, П. В. Голубовский и Н. П. Лихачев придерживаются правильного, на наш взгляд, предположения, что здесь идет речь о каком-то сыне Мстислава Романовича, княжившем в Смоленске и назвавшем братом своего предшественника князя Мстислава, вкладывая в термин «брат» общее значение, присущее понятию «наша братия князья».

В самом деле, после Мстислава Романовича, княжившего в Смоленске в 1197—1214 гг., смоленский стол около 1228—1230 гг. занимал Мстислав Давидович, его двоюродный брат, бывший, однако, сверстником его сыновей. Признав, таким образом, что цитированное место не противоречит атрибуции документа какому-либо из сыновей Мстислава Романовича, П. В. Голубовский указал на Всеволода Мстиславича, смоленское княжение которого, начавшееся в 1239 г., документально засвидетельствовано⁹. Н. П. Лихачев, доказавший, что на буллах с изображением двух святых именами святых бывают переданы христианские имя и отчество владельца печати, отмечает, что Мстислава Романовича в крещении звали Борисом и что сам «князь Всеволод мог носить имя Давида—Глеба»¹⁰. Этих соображений оказалось достаточно для того, чтобы признать привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба буллой Всеволода Мстиславича.

Несколько лет тому назад на основании дешифровки криптограммы в «Уставе Всеволода» и изучения сфрагистических материалов был сделан вывод о том, что христианским именем Всеволода Мстиславича в действительности было не Глеб, а Петр¹¹. Значит, экземпляр К «Смоленской правды» не может быть связан с его именем.

Следует отметить, что недавно — на иных основаниях — были высказаны сомнения в принадлежности экземпляра К ко времени Всеволода Мстиславича. Последние издатели этого акта, развивая тезис А. Д. Ботякова и Н. Н. Усачева о том, что экземпляр К является проектом договора 1229 г., склонны датировать его 1223—1225 гг., осторожно признавая документ вышедшим из рук неизвестного князя. Предложенная дата извлечена из Хроники Генриха Латвийского, сообщающей о каких-то успешных переговорах между Немецким орденом и Смоленском в указанное время¹². Такая постановка вопроса, как кажется, небезупречна. Экземпляр К содержит уже цитированную отсылку к какому-то предшествующему договору, заключенному при «брате Мстиславе». Следовательно, допустив правильность изложенного предположения о датировании договора 1223—1225 гг., мы вынуждены будем в промежутке от 1214 (переход Мстислава Романовича из Смоленска в Киев) до 1223 г. искать на смоленском столе место для этого загадочного «брата Мстислава». Такие поиски оказываются безрезультатными. Место отыскать нетрудно, поскольку хронологический список смоленских князей после 1219 г. обильно лакунами, но вот претендента на это место, которого звали бы Мстиславом, нет, кроме Мстислава Давидовича, конец княжения которого

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, стр. 26—28.

⁷ «Смоленские грамоты...», стр. 13.

⁸ Мстислав Романович имел трех сыновей: Святослава, Всеволода и Ростислава.

⁹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. I, изд. 1. СПб., 1846, стр. 200; т. VII. СПб., 1856, стр. 144.

¹⁰ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, стр. 26.

¹¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 91—93. Там же обосновывается вывод о том, что брата Всеволода—Святослава — в крещении звали Симеоном.

¹² «Смоленские грамоты...», стр. 15—17.

засвидетельствован сообщениями 1228—1230 гг. Поэтому нет никаких оснований предполагать предшествование экземпляра К договору 1229 г.

Что касается экземпляра D «Смоленской правды», то он в настоящее время датируется 1270—1277 гг. на основании следующих доводов. Во-первых, в нем (и кроме того только в экземпляре E) имеется приписка, упоминающая татарского посла, которая дает основание утверждать, что документ в существующем виде не мог быть написан ранее 1270-х годов, когда, по П. В. Голубовскому, в Смоленске впервые появляются золотоордынские чиновники.¹³ Во-вторых, все последующие редакции «Смоленской правды» ссылаются на докончание князя Глеба Ростиславича (1270—1277 гг.), что фиксирует существование какого-то экземпляра этого договора, составленного и утвержденного в указанные годы. В-третьих, рассматривая привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба, Н. П. Лихачев пришел к следующему заключению: «Среди смоленских князей после князей Мстиславов—Борисов мы не находим князя с именем Бориса, но перечень лиц, княживших в Смоленске после Мстислава Давидовича и до Федора Ростиславича, так мал, что мы не можем не остановиться на Ростиславе Мстиславиче, у которого был сын Глеб Ростиславич, княживший с 1270 по 1277 год»¹⁴.

Между тем ни один из этих аргументов не может быть принят безоговорочно. Во-первых, как это было отмечено еще А. А. Куником, приписка о татарском после, сделанная в экземпляре D, написана иной рукой, нежели самый текст документа. Поэтому совершенно прав Н. П. Лихачев, подчеркнувший, что «в датировке списка D мы отнюдь не стеснены этим приписанным позднее условием»¹⁵.

Во-вторых, известно, что все позднейшие экземпляры «Смоленской правды» (экземпляр A с печатью князя Федора Ростиславича, экземпляр B князя Александра Глебовича, экземпляр C князя Ивана Александровича), ссылающиеся на докончание Глеба Ростиславича как на прецедентный и образцовый документ, в основу текста кладут так называемую готландскую редакцию «Смоленской правды». Но экземпляр D является одним из образцов «рижской» редакции этого акта¹⁶. Уже по указанной причине он вряд ли может быть отождествлен с образцовым актом позднейших докончаний.

В-третьих, чтобы признать печать с изображением святых Бориса и Глеба буллой Глеба Ростиславича, недостаточно указать только на совпадение в имени. Нужно установить также христианское отчество князя, иными словами, крестильное имя отца Глеба-Ростислава Мстиславича. Казалось бы, такие возможности лежат на самой поверхности источников. Родословная книга сохранила свидетельство о том, что в Смоленске в середине XIII в. существовал князь Ростислав Мстиславич с крестильным именем Борис¹⁷. Если это действительно отец Глеба, то последнего в крещении должны были называть Глебом Борисовичем, что абсолютно соответствует сюжетам буллы при экземпляре D «Смоленской правды».

Однако вопрос далеко не так прост, как представляется на первый взгляд. Дело в том, что в середине XIII в. в Смоленске существовало два Ростислава Мстиславича, и свидетельство Родословной книги может относиться не к отцу Глеба Ростиславича, а к его тезке. Другим Ростиславом Мстиславичем был младший сын Мстислава-Бориса Романовича, брат уже известного нам князя Всеволода и Святослава¹⁸. Что касается

¹³ Ср. «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 85.

¹⁴ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, стр. 26.

¹⁵ Там же, стр. 27.

¹⁶ «Смоленские грамоты...», стр. 18.

¹⁷ «Временник Общества истории и древностей Российских» (далее — «Временник ОИДР»), кн. 10. М., 1851, стр. 37.

¹⁸ Под 1231 г. он называется в летописи «Ростиславом Борисовым» (ПСРЛ, т. I, изд. 1, стр. 194), а под 1240 г. — «Ростиславом Мстиславичем, внуком Романо-

отца Глеба Ростиславича, то он был сыном Мстислава Давидовича, смоленского князя 1220-х годов. Князья-тезки принадлежали к двум разным линиям смоленских Ростиславичей — один к старшей линии Романовичей, другой к младшей линии Давидовичей. Между собой они были троюродными братьями. Какой же из двух одноименных князей носил в крещении имя Борис? Подойти к ответу на этот вопрос возможно только исподволь.

История смоленского стола в середине XIII в. почти неизвестна. Тем не менее можно определенно говорить о значительном накале династической борьбы в этом княжестве в указанное время. После смерти в 1230 г. Мстислава Давидовича начинается усобица, которая привела к захвату Смоленска Святославом Мстиславичем-Борисовичем в 1232 г. Летопись повествует об этих событиях в самых драматических тонах: «В то же лето взя Святослав Мъстиславич, внук Романов, Смолнеск на щит с полочаны, на память святых мученик Бориса и Глеба, иссече смолнян много, а сам седе на столе»¹⁹. В 1239 г. великий князь Ярослав Всеволодович сажает в Смоленске Всеволода Мстиславича, брата предыдущего князя. Далее летописные сообщения полностью иссякают вплоть до 1270 г., когда сообщается о походе смолян под водительством Глеба Ростиславича, остававшегося на столе до смерти в 1277 г. Его наследниками были братья Михаил Ростиславич (1277—1279 гг.) и Федор Ростиславич (1280—1297 гг.), затем княжили потомки Глеба, занимавшие смоленский стол непрерывно на протяжении XIV в.

Осмисливая перечисленные факты, можно с уверенностью говорить, что в основе смоленской усобицы середины XIII в. лежало соперничество между потомками Мстислава-Бориса Романовича и потомками Мстислава Давидовича, т. е. между двумя основными линиями смоленских Ростиславичей. Первым удалось взять перевес после смерти Мстислава Давидовича в начале 1230-х годов, но к 1270-м годам потомки Мстислава Давидовича торжествовали безраздельную победу. Родословная книга сообщает даже о дележе Смоленской земли между сыновьями Ростислава Мстиславича (внуками Мстислава Давидовича)²⁰.

Однако в какой же момент была одержана эта победа? Был ли последним смоленским князем из старшей линии Всеволод Мстиславич или же власть оставалась некоторое время в руках его линии и после него? Существуют вполне определенные свидетельства того, что на смоленском княжении был и младший брат Всеволода — Ростислав. В самом деле, Родословная книга знает о существовании в Смоленске в середине XIII в. великого князя Ростислава, у которого был сын Константин²¹. Среди детей Ростислава Мстиславича из младшей линии смоленских князей (Давидовичей) Константина нет. Поскольку выбирать больше не из чего, речь здесь может идти только о сыне Мстислава Романовича, титулование которого «великим» говорит о занятии им стола (этот принцип титулования последовательно выдержан в Родословной книге). Добавлю к этому, что Ростислав Мстиславич из младшей линии и не имел возможности побывать на смоленском столе после 1239 г. С 1238 г. он сидел в Киеве, а в 1240 г. пленен Даниилом Галицким и отведен в Угорскую землю²².

вым Смоленского» (ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 177; т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 131). В последнем случае в действительности речь идет о сыне Мстислава Давидовича (ср. ПСРЛ, т. II, стр. 339; т. IV. СПб., 1848, стр. 36; т. V. СПб., 1851, стр. 175; т. VII, стр. 144). Для нас важно, что даже оговоркой летописец свидетельствует существование другого Ростислава Мстиславича.

¹⁹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 72, 281.

²⁰ «Временник ОИДР», кн. 10, стр. 231.

²¹ Там же, стр. 109.

²² ПСРЛ, т. II, стр. 177, 339; т. IV, стр. 36; т. V, стр. 175; т. VII, стр. 144; т. XXV, стр. 131. См. его родословную в ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

Родословная книга (также путая его с троюродным братом и тезкой) добавляет к этому рассказу: «тамо и скончася»²³.

Еще более существенны показания экземпляра К «Смоленской правды». Если этот экземпляр, как показано П. В. Голубовским и Н. П. Лихачевым, принадлежит одному из сыновей Мстислава Романовича и если он, как установлено выше, не может принадлежать ни Всеволоду Мстиславичу, которого звали Петром, ни Святославу Мстиславичу, которого звали Симеоном, то он может принадлежать только Ростиславу Мстиславичу, которого действительно звали Борисом, как это следует и из показания буллы и из свидетельства Родословной книги.

Относя экземпляр К «Смоленской правды» ко времени княжения Ростислава Мстиславича, мы склонны и экземпляр D связывать с именем этого же князя. В самом деле, нам ничего не известно относительно христианского отчества Глеба Ростиславича; поэтому полной уверенности

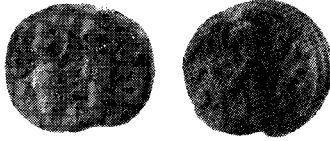

Рис. 2.

в принадлежности ему буллы при экземпляре D нет. С другой стороны, эта булла является только непринципиальной разновидностью печати экземпляра К.

Оба экземпляра «Смоленской правды», вопрос о хронологии которых поставлен в настоящей статье, являются, на мой взгляд, опорными в изучении хронологической проблемы «Смоленской правды» в целом. История договорных взаимоотношений Смоленска и Риги представляется в связи с изложенными выводами следующим образом.

Впервые торговый договор, до нас не дошедший, был составлен в княжение Мстислава Романовича, между 1197 и 1214 гг., но не ранее 1201 г. (когда была основана Рига). Этот договор упоминается в позднейшем экземпляре К. Второй этап работы над торговым соглашением начинается в 1223 г., однако, вопреки мнению последних исследователей «Смоленской правды», вряд ли в середине 1220-х годов эта работа, несмотря на отмеченный Хроникой Генриха Латвийского успех смоленского посольства, завершилась кодификацией соглашения. Все списки договора 1229 г. прямо указывают на то, что до начала 1229 г. «было не мирно промежю Смоленьска и Ригы и Готским берегомь всем кушцем», и связывают заключение мира со смертью рижского епископа Альбрехта. Думаю, что договор 1229 г. был первым результатом не только непосредственно ему предшествовавших переговоров со смоленскими послами 1229 г., но и переговоров 1223—1225 гг.

Договор 1229 г. был, следовательно, вторым (а не третьим) соглашением Смоленска и Риги. Именно этот договор, составленный в княжение Мстислава Давидовича, упоминается как договор «брата Мстислава» в экземпляре К, относящемся к середине XIII в., ко времени во всяком случае более позднему, чем 1239 г., когда только началось княжение Всеволода Мстиславича, предшественника автора экземпляра К — Ростислава Мстиславича.

В дальнейшем этот последний, однако, не стал действующей нормой. Можно только предполагать, что причиной этому было возвращение на

²³ «Временник ОИДР», кн. 10, стр. 14.

смоленский стол младшей княжеской линии, базировавшей свою торговую политику на документе, принятом ее основоположником Мстиславом Давидовичем, а не противником — Ростиславом Мстиславичем.

В заключение коснусь еще одного чисто сфрагистического сюжета. В 1915 г. в Киеве была найдена свинцовая булла с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора, которая обнаруживает большое сходство с рассмотренными здесь смоленскими печатями XIII в. (рис. 2)²⁴. Статичные фигуры святых с грубо обобщенными деталями одежды, небрежные надписи, техническая близость — все это чрезвычайно роднит их. Опираясь на сочетание имен, решаюсь отнести эту буллу смоленскому князю Мстиславу Давидовичу, которого в крещении звали Феодором Давидовичем-Глебовичем²⁵. Если эта атрибуция верна, то именно такой буллой был снабжен подошедший до нас подлинник договора 1229 г. Только она, естественно, была не свинцовой, а серебряной, как и все остальные печати, сохранившиеся при списках «Смоленской правды».

---

²⁴ Н. П. Л и х а ч е в. Материалы. . . , вып. 1, стр. 99—100, рис. 51.

²⁵ ПСРД, т. II, стр. 143, 324. «Тои же зимы родися у Давыда сын, нарекоша во крещении его Феодор, а княже Мстислав».

А. А. Зимин

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСТНИЧЕСТВА В XV—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

О местничестве в старой литературе писалось очень много. Большая работа А. И. Маркевича в свое время как бы подвела итоги изучению этой проблемы. В первом ее томе автор подробнейшим образом характеризовал все известные ему источники и литературу о местничестве¹, а во втором дал очерк истории местничества в Московском государстве XV—XVII вв.² Вслед за С. М. Соловьевым автор выводил местничество из системы родовых междукняжеских отношений Древней Руси. Но наиболее четкую картину местничества нарисовал В. О. Ключевский, также опиравшийся на общее представление государственной школы о борьбе родового и государственного начала в период сложения Московской Руси. Согласно его представлениям, «в Москве элементы местничества успели сложиться в целую систему... к княжению Ивана III и его сына Василия»³.

Именно в эту эпоху происходил наплыв в Москву родовитых потомков великих и удельных князей. «Все эти князья Одоевские, Воротынский, Мстиславские, Ярославские и другие, — писал В. О. Ключевский, — ... занимали первые места в думе»⁴. Этого мало. «Важнее всего, — писал он в другом месте, — что решительное большинство в этом новом составе боярства принадлежало титулованным княжеским фамилиям»⁵.

Войдя в состав Боярской думы, потомки удельных князей превратили ее в оплот «политических притязаний» служилой аристократии, складывавшейся из удельных элементов⁶. Существо этих притязаний сводилось к требованию того, чтобы в управлении государством правительство руководствовалось местническим порядком назначения на должности. Именно местничество «сообщило боярству характер правящего класса или сословной аристократии»⁷. Благодаря местничеству служилая знать защищалась «от произвола сверху, со стороны государя»⁸. В конечном же счете «местничество было вредно и государству и самому боярству, которое им так дорожило»⁹.

Построение В. О. Ключевского в модифицированном виде держится и до настоящего времени. Ряд критических соображений в адрес творца этой схемы высказал недавно С. О. Шмидт, считающий, что «местничество

¹ А. И. Маркевич. О местничестве, ч. 1. Русская историография в отношении к местничеству. Киев, 1879 (далее — А. И. Маркевич. О местничестве...).

² А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888 (далее — А. И. Маркевич. История...).

³ В. О. Ключевский. Соч., т. 2. М., 1957, стр. 153.

⁴ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919 (далее — В. О. Ключевский. Боярская дума...), стр. 241—242.

⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 140.

⁶ В. О. Ключевский. Боярская дума..., стр. 239—240.

⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 155.

⁸ Там же, стр. 154.

⁹ Там же, стр. 156.

было в руках центральной власти средством ослабления феодальной власти»¹⁰. В целом же причины сложения местничества С. О. Шмидт представляет себе следующим образом: «Примерно со второй половины XV в., — пишет он, — при дворе московского великого князя прочно уже оседают в качестве служилых людей потомки удельных князей — княжата, заметно потеснившие исконное московское нетитулованное боярство... Местническими обычаями и определялись сложные иерархические отношения пришлых княжат между собою и с нетитулованными боярами»¹¹. Большой интерес представляет мысль автора о роли служилых отношений в формировании местничества.

В конце своей статьи С. О. Шмидт делает справедливое заключение, что «история местничества по существу еще ждет исследователя»¹².

Это изучение необходимо начать с пересмотра того источниковедческого фундамента, на котором держатся принятые в литературе представления о местничестве.

Основной вывод В. О. Ключевского о включении в Думу в конце XV—начале XVI в. массы княжат — выходцев из новоприсоединенных земель, был основан на Шереметевском списке боярских чинов. Однако этот источник, составленный в конце XVII в., не может быть без серьезной критики использован для установления состава Думы XV—первой половины XVI в.¹³ Выяснилось, в частности, что «служилые князья» в состав Думы не входили (впервые Д. Ф. Бельский вошел в Думу в 1530 г.). Состав Думы первоначально был не широким, а очень узким. В 1505 г. в нее входило всего четверо бояр и семь окольных¹⁴. Так вот, из 11 думных людей только трое были княжатами. В 1533 г. в Думе было 10 бояр, 2 окольных, причем 5 бояр были княжатами¹⁵. Аристократизм Боярской думы, как мы видим, нарастает к 1533 г., а не уменьшается.

Проблема «служилых княжат» имеет самое прямое отношение к местничеству. С Воротынскими, Бельскими и другими «служилыми княжатами» не могли даже бояре местничать уже потому, что эти княжата по своему рангу составляли более высокую прослойку феодальной аристократии, во всяком случае до тех пор, пока они не вошли в Думу, а положение «слуг» перестало отличаться от положения других князей. Назначение на должность «слуг» зависело от воли великого князя и координировалось с реальным значением этих княжат. Однако никакое назначение в этот период не приносило «поруки чести», не создавая прецедента¹⁶.

В тот период, когда, казалось бы, местнические отношения должны были устанавливаться и развиваться, т. е. в XIV—первой четверти XVI в., его следы в источниках совершенно незначительны. Тогда же, когда оно должно было бы ограничиваться, о нем у нас сохранилось множество известий (с середины XVI в.).

¹⁰ С. О. Шмидт. Местничество и абсолютизм. (Постановка вопроса). — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 180.

¹¹ Там же, стр. 173.

¹² Там же, стр. 205.

¹³ Подробнее см.: А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958 (далее — А. А. Зимин. Состав Боярской думы...), стр. 41—87.

¹⁴ Там же, стр. 48. В подсчеты надо внести уточнение: Ф. Д. Хромой к 1505 г. уже выбыл из Думы, но окольными еще были Г. А. Мамон (с 1500 г. — «Разрядная книга 1475—1598 гг.» М., 1966 (далее — РК), стр. 16) и П. М. Плещеев.

¹⁵ А. А. Зимин. Состав Боярской думы..., стр. 52—53. Из состава надо исключить кн. М. Л. Глинского (достоверных сведений о его боярстве нет) и кн. А. А. Ростовского (боярин только в декабре 1533 г.), а также Ф. И. Карпова из окольных (получил звание позже).

¹⁶ Так, И. М. Воротынский в 1521 и 1522 гг. получал меньшие посты, чем кн. М. Д. Щенятев (РК, стр. 67, 69), но по рангу был выше его.

Так, для XVI в. достоверных данных о существовании местничества у нас нет. Так называемые «местнические грамоты» кн. Дмитрия Константиновича Нижегородского являются скорее всего фальшивкой XVIII в.¹⁷ Случай местничества Акинфа с Родионом Несторовичем 1332 г. также относится к легендам (генеалогического характера), занесенным в летопись при составлении свода 1539 г.¹⁸

От времени княжения Ивана III до нас дошло всего несколько известий, так или иначе связанных с проблемой местничества. В Устюжском летописном своде говорится, что воеводы под Казанью в 1469 г. «нелюбе держат промеж себя, друг под другом ити не хочет»¹⁹. Даже А. И. Маркевич, охотно собиравший все сведения о ранней истории местничества, писал, что о достоверности этого известия «судить трудно»²⁰. Второе сведение также совсем глухое. В местническом деле 1609 г. кн. Б. М. Лыкова и кн. Д. М. Пожарского содержится ссылка первого из спорщиков на то, что по разрядам 1493 г. И. В. Лыко был «выше» кн. Б. М. Турени²¹. Речь, конечно, идет об интерпретации (позднейшей) ранних разрядных записей, а не о местничестве в XV в.

Во время похода 1500 г. Юрий Захарыч писал Ивану III, что ему «не мочно» быть в сторожевом полку: «То мне стеречи князя Данила». На это он получил суровую отповедь от великого князя, что «ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела... не сором тебе быть в сторожевом полку»²². Здесь в строгом смысле слова местнического дела нет. Речь не шла о том, кому быть «под» кем из воевод. Юрий просто жаловался на несправедливость, играя каламбуром: в сторожевом полку он может только стеречь кн. Данилу, а не воевать. Юрий Захарыч даже не говорит о том, что ему «не вместно» быть под Щеней. Словом, случай этот в полном смысле местничеством назвать нельзя. Поэтому прав А. И. Маркевич, считающий, что отказ Юрия «не имеет даже местнического характера»²³.

Четвертый случай — грамота Ивана III (около 1490 г.) Ивану Судимонту, который был наместником на Костроме вместе с Яковом Захарычем. Оказывается, Яков бил челом великому князю, что обоим наместникам «на Костроме сытым быти не с чего». Поэтому Иван III пожаловал Якова городом Владимиром, а Судимонту придал вторую половицу Костромы²⁴. И здесь местнического дела нет, не говоря уже о том, что сама грамота сохранилась в списке конца XVII в. и имеет весьма странный характер (о Якове Судимонте нам вообще ничего не известно).

От времени правления Ивана III (1462—1505) до нас дошло два документа местнического характера. Помещены они в составе местнического дела 1567 г. И. Д. Плещеева и кн. Д. И. Хворостинина. Один из них — суд Ивана III по делу В. Ф. Сабурова и Г. В. Заболоцкого (70-е годы XV в.)²⁵. Суть дела сводилась к жалобе Сабурова на Заболоц-

¹⁷ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (далее — АСЭИ), т. III, М., 1964, № 307, 308, стр. 335—338.

¹⁸ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, стр. 354—356.

¹⁹ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 87.

²⁰ А. И. Маркевич. История... стр. 244.

²¹ «Русский исторический сборник» (далее — РИС), т. II, М., 1838, стр. 273, 287. Разряд этот есть в достоверных разрядных книгах, но местнического дела там никакого нет (РК, стр. 22).

²² РК, стр. 30.

²³ А. И. Маркевич. История... стр. 246.

²⁴ АСЭИ, т. III, № 248, стр. 266—267.

²⁵ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888 (далее — Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки...), стр. 108. Датируется по упоминанию дьяка Алексея Полуектова (1474 г. — АСЭИ, т. III, № 19, стр. 36) и бояр кн. Ивана Юрьевича и Федора Давыдовича.

кого, который на пиру у великого князя «не дал... места сести выше себя». Сабуров ссылаясь на то, что его отец Федор «сидел выше Григорьева отца Василья за многое бояр». Это показание проверено было боярским «обыском», в результате чего Иван III «оправил» Сабурова и «обинил» Заболоцкого.

Эта правая грамота, в свою очередь, была включена в правую грамоту 1504 г. по спору П. М. Плещеева с Петром Лобаном Заболоцким²⁶. Плещеев жаловался на Заболоцкого в связи с тем, что тот отказался с ним ехать в посольстве в Литву, а «я, — писал Плещеев, — Лобана местом более». На основании грамоты В. Ф. Сабурова (а М. Б. Плещеев был «больше» Ивана Сабурова) спор был решен в пользу Плещеева. Документ 1504 г. был настолько важен, что его подлинник хранился в Царском архиве («первая грамота Петра Плещеева на Лобана на Заболоцкого») ²⁷. Местничество в обеих грамотах рисуется еще довольно неразвитым. Еще речь идет не о роде, а о службе.

В Типографской летописи²⁸ и разрядных книгах²⁹ помещены две памяти местнического характера. Одна — «Память Геннадия Бутурлина да Михаила Борисовича: как князь Юрьи Патрикеевич приехал, а захал бояр Константина Шею». Память повторяет список бояр первой духовной Василия Дмитриевича 1406 г. и не имеет иных источников³⁰.

Память Г. Бутурлина
и М. Плещеева

Духовная Василия I³¹

Юрьи Патрикеевич
Константин Шея
Иван Дмитриевич
Владимир Данилович
Дмитрий Васильевич
Федор Кошкин Голтяй

Юрьи Иванович
Константин Дмитриевич
Иван Дмитриевич
Владимир... [пропуск]
Дмитрий Афинеевич
Федор Федорович
Иван Федорович

Память не могла быть составлена ранее середины XV в. Геннадия Бутурлина мы встречаем в документе 1463—1464 гг.³² М. Б. Плещеев упоминается в 1446—1447 гг.³³, но около 1467—1474 гг. он уже инок³⁴. Князь Юрий Патрикеевич фигурирует в источниках до 1445 г.³⁵ Женат он был на дочери Василия Дмитриевича, в духовной тестя 1419/20—

²⁶ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки... стр. 103—108.

²⁷ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года» М., 1960, стр. 35, ящик 178. В грамоте есть поясность. В мае—сентябре 1503 г. в Литву с Плещеевым послан был К. Г. Заболоцкий, а не Петр Лобан. Возможно, он поехал вместо брата (см. «Сборник Русского исторического общества», т. 35. СПб., 1882, стр. 412—439). Дело происходило в 1504 г., т. е. после возвращения из посольства. Иван III предписывал послам, чтобы «розни бы меж вас ни в чем не было» (там же, стр. 428).

²⁸ «Полное собрание русских летописей», т. 24. Пг., 1921 (далее — ПСРЛ, стр. 232).

²⁹ РК, стр. 17.

³⁰ В Типографской летописи после памятей идут списки бояр по духовным Дмитрия Донского, Василия I и Василия II и по меновой Василия I с Киприаном, ср. «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.» (далее — АФЗХ), ч. 1. М., 1951, № 1, стр. 23—24; см. также: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 22—23.

³¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 20, стр. 57.

³² АСЭИ, т. III, № 230, стр. 251. Датировка грамоты основана на данных Шереметевского списка (смерть М. Сабурова — 1464 г.), потому не точна: грамота могла быть составлена и ранее. Геннадий упоминается уже в 1410—1427 гг. (АСЭИ, т. I. М., 1952, № 21; ср. 1447—1449 гг., № 54, 63, 185, 193).

³³ АСЭИ, т. I, № 480; ПСРЛ, т. 12. СПб., 1901, стр. 42.

³⁴ АСЭИ, т. I, № 370.

³⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 307.

1423 г. помещен среди душеприказчиков перед Иваном Дмитриевичем³⁶.

В памяти Петра Константиновича рассказывается, что жена князя Юрия Патрикеевича «сидела выше» жены тысяцкого Василия Михайловича (Морозова), «под» которой «сидела» жена Ивана Морозова, а «под» ней жена Микулы Васильевича и т. д.³⁷ Этот документ связан с именем П. К. Добрынского³⁸. В поздних списках родословных книг встречается очень испорченное челобитье Геннадия Бутурлина Федору Давидовичу (нач.: «Господину Федору Давыдовичю Генадей, господине, Бутурлин челом бьет на великом жалованьи, что, господине, жалуешь, печалуешься о своем брате о молодшем о Ондрее Бутурлине») ³⁹. В челобитье есть ссылка на память Геннадия Бутурлина и Петра Константиновича: «То память Петрова Костянтиновича да и паша». Содержание челобитной сводится к установлению местнических отношений между Бутурлиными, Кольчевыми, Заболоцкими, Морозовыми и Сабуровыми. Геннадий — инок Троице-Сергиева монастыря⁴⁰. Типографская летопись также связана с Троицким монастырем⁴¹. Возможно, первая память Геннадия связана с его деятельностью, но о втором документе ничего определенного сказать нельзя.

В правой местнической грамоте 70-х годов XV в. есть ссылка Василия Федоровича Сабурова на Игнатя (? Геннадия) Бутурлина: «отец мой, господине, Федор Сабуров сидел выше Григорьева отца (Заболоцкого. — А. З.) Василия за много бояр, а ведомо то, господине, бояром старым — Генадью (в рукописи Игнатю. — А. З.) Бутурлину да Михаилу Борисовичу Плещееву»⁴². Эта ссылка странным образом повторяет имена авторов памяти, составленной по духовной Василия I. Геннадий был дядя Михаила Федоровича Сабурова⁴³.

Четвертый документ местнического типа — «Места боярские при великом князе» (нач.: «Приехал к великому князю князь Юрьи Патрикеевич, Наримантов внук, а князю Ивану Булгакову да князю Данилу Щеняти дед. И в ту пору бояре у великого князя сидели: Борис Данилович (Плещеев. — А. З.). А под Борисом сидел Никита Воронцов» и т. д.)⁴⁴. Судя по упоминанию последних двух лиц, «Места» составлены не ранее конца XV в. К этому тексту примыкает: «Память, которой боярин которого был больше и выше сидел. Федор Сабур больше Никиты Ивановича Воронцова» и т. п. Только в тексте мы находим еще одного Сабурова (Данила Иванович).

Наконец, последний документ также связан с именем Федора Сабурова: «Память Федора Ивановича Сабура. Федор был⁴⁵, сидел выше Никиты Воронцова». Далее сходно с предшествующим, но конец, широко известный в литературе по С. М. Соловьеву и В. О. Ключевскому, иной: «А князю Юрью Патракеевичю князь великий место упросил у бояр, коли за него дал сестру свою великую княжню Анну. А брат был большой у князя Юрья Патракеевича Хованской, и Федор Сабур на свадьбе княж Юрьеве Патракеевича брата болшого после Хованского.

³⁶ ДДГ, № 20, 22.

³⁷ РК, стр. 17. Жена Микулы Васильевича, как в Задонщине, названа Марьей.

³⁸ Упоминается в 1410—1427 гг. (АСЭИ, т. I, № 18, 20), 1442 г. (там же, № 121), 1454 г. (АФЭХ, ч. I, № 29).

³⁹ ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 240, л. 115; ср. ЛОИИ СССР, Коллек. Арх. ком., № 249, л. 198 об. и далее; ГБЛ, Рум. собр., № 252, л. 386—386 об.; М. Коркунов. Памятники XV в. СПб., 1857, стр. 18—19.

⁴⁰ «Родословная книга князей и дворян Российских», ч. I, М., 1787, стр. 338.

⁴¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 376—394.

⁴² Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки..., стр. 107.

⁴³ АСЭИ, т. III, № 230, стр. 251.

⁴⁴ ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 495, л. 115а; ЦГАДА, ф. 181, № 184, л. 253; ср. ЛОИИ СССР, Коллек. Арх. ком., № 249, л. 198. Издано: М. Коркунов. Указ. соч., стр. 20. (Начала до слова «сидели» нет). Ср. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁵ Описка, надо: Сабур.

И Хованской молвил Сабур: „Посяди брата моего меншого князя Юрья Патракеевича“. И Федор Сабур молвил Хованскому: „У того бог в кике, а у тебя бога в кике нет“, — да сел Хованского выше»⁴⁶.

Думаем, что изучать все эти документы можно только в тесной связи с судьбой тех родословных и разрядных книг, в которых они помещаются. Пока это не сделано, наблюдения могут быть только предварительные. Все приведенные памяти не являются следствием местнических споров XV в. (эпизод с «кикой» не в счет в силу его явной легендарности), а записями местнических отношений по памяти, если не плодом генеалогических размышлений. Кроме первой из них, не видно, чтобы они опирались на какие-либо письменные документы. Наконец, примечательно, что споры идут между старомосковскими боярами. Княжата в них (за исключением Юрия Патрикеевича, который считается выше их всех) совершенно не участвуют. Этого для нас пока достаточно.

Следы существования местничества в других княжествах, кроме Московского, крайне незначительны. Одно из местнических дел XVI в. (1581/82 г.) упоминает «правую грамоту... на Ивана Ивановича Измайлова, дана Федору Григорьевичю Вердеревскому»⁴⁷. Оба лица упоминаются в документах конца XV в. И. И. Измайлов⁴⁸ и Ф. Г. Вердеревский⁴⁹ — рязанские бояре.

От времени Василия III сведений о местничестве сохранилось также очень немного. В разрядных книгах есть запись о том, что в 1506/07 г. первым воеводой передового полка был С. И. Воронцов, а сторожевого — Ю. К. Сабуров⁵⁰. В связи с этим в Башмаковской разрядной книге под тем же годом сообщается, что «Юрья Сабуров бил государю челом на Семена Воронцова; что Семен кабы его почетней. И государь Юрья Сабурова пожаловал, учинил их с Семеном местником по счету»⁵¹. Это сведение по своему типу очень напоминает поздние записи о местничестве. Дальнейшее исследование Башмаковской разрядной даст ответ, можно ли считать его подлинным. Во всяком случае оно относится к старомосковскому боярству.

В рукописи конца XVII в. (в родословных делах) сохранилась «невместная» грамота, данная якобы в 1509 г. окольниковому Матвею Яковлевичу Бестужеву на Андрея Петровича Нагого⁵². Никакого окольного Бестужева в это время не существовало. Грамота входит в круг бестужевских подделок⁵³.

В местническом деле окольников М. М. и М. Г. Салтыковых с кн. И. В. Сицким (конец XVI в.) упоминается о том, что когда в конце 1512 г. Василий III пошел к Смоленску, в дворовых воеводах у него были дворецкий В. А. Челяднин и оружничий А. Салтыков. И он, Андрей Салтыков, говорит в этом деле, «бил челом государю в отечестве на большово Васильева брата на Ивана Андреевича Челяднина». Васи-

⁴⁶ М. Коркунов. Указ. соч., стр. 21; ЛОИИ СССР, Коллек. Арх. ком., № 249, лл. 199 об.—200; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 240, л. 116; ср. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 25.

⁴⁷ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки..., стр. 97—98.

⁴⁸ АСЭИ, т. III, № 348 (1491/92 г.), 349 (1497/98 г.), 350 (1499/1500 г.).

⁴⁹ АСЭИ, т. III, № 358 (1486/87 г.), ср. № 342, 357, 366.

⁵⁰ РК, стр. 37.

⁵¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, стр. 211—212. Башмаковская разрядная некогда принадлежала стольнику Никите Ивановичу Кобыльскому. Сохранилась фальшивая грамота некоему «наместнику Обоянскому» И. В. Кобыльскому (АФЗХ, ч. II. М., 1956, № 190); ср. А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. (далее — А. А. Зимин. К изучению фальсификации...). — «Труды МГИАИ», т. 17. М., 1963, стр. 420.

⁵² «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ», ч. 1. М., 1898, № 76, стр. 64—65.

⁵³ Подробнее см.: А. А. Зимин. К изучению фальсификации..., стр. 408—409.

лий III якобы учинил А. Салтыкова и В. А. Челяднина «местниками»⁵⁴. Однако проверка, проведенная в приказном ведомстве, подтвердила только существование осеннего разряда 1512 г.⁵⁵ Записей о местническом деле не было обнаружено. Вероятнее всего, его и вовсе не существовало. А. Салтыков не мог быть могущественному В. А. Челяднину никаким «местником»⁵⁶.

Под 7027 г. Пространной редакции разрядных книг есть сообщение о том, что в этом году «был суд околничему Андрею Микитичю Бутурлину с Андреем Микулиным сыном Ярова на Волоку-Ламском — и по суду князь великий околничева Ондreja Микитича оправил, а Андрея Ярова обвинил и правую грамоту пожаловал на него дал. Да в той же грамоте введено, что учинили Микиту Ивановича Бутурлина господином Семену Ивановичю Воронцову»⁵⁷. Сведения опять возбуждающие во всяком случае настороженность. Дело в том, что ни А. Н. Бутурлин, ни его братья не были никогда окольничими, хотя разрядная книга Пространной редакции щедро именует Бутурлиных думных людьми. Так, Иван и Федор Бутурлины называются боярами под 1512/13 г.⁵⁸ А. Н. Бутурлин в ней часто именуется окольничим⁵⁹. Сомнительно и то, чтобы Н. И. Бутурлин мог выиграть процесс у С. И. Воронцова, великокняжеского боярина. В источниках же о Никите Бутурлине нам ничего не известно, да и жил он, очевидно, ранее С. И. Воронцова. Запись датируется осенью 1518 г., когда Василий III был на Волоке⁶⁰.

В одной из разрядных книг Пространной редакции под 1521 г. сказано, что были наместниками на большей половине Костромы кн. М. И. Воротынский, а на меньшей — кн. И. В. Глинский. Между ними произошел спор, в результате которого Глинского поставили «меньше» Воротынского⁶¹. Здесь явно какая-то путаница. И. В. Глинский в разрядах упоминается всего один раз, причем на двадцать лет позже описываемого случая: в 1543 г. он как раз и был наместником и воеводой Костромы⁶². В том же году впервые упоминается в разрядах и М. И. Воротынский⁶³. Так что местнический (условно говоря) спор между ними может быть отнесен примерно к 1543 г., а не к 1521 г.

В Софийской II летописи рассказывается о походе 1530 г. русских ратей кн. И. Ф. Бельского (судовой) и кн. М. Л. Глинского (конной). Поход окончился неудачей, поскольку, как пишет летописец, «воеводы меж себя Белской с Глинским спор учинили о местех, кому ехать в город наперед»⁶⁴. А. И. Маркевич считает этот случай местничеством⁶⁵, хотя совершенно ясно, что речь идет не о споре о служебном положении, а о том, кто должен первым войти в побежденный город.

По разрядным книгам в большом полку судовой рати находились кн. И. Ф. Бельский и кн. М. В. Горбатый, в передовом полку кн. Фе-

⁵⁴ РИС, т. V, М., 1842, стр. 214, 215, 217, 224.

⁵⁵ РК, стр. 49.

⁵⁶ РИС, т. V, стр. 257—258, 260—261, 265—266, 285—286.

⁵⁷ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки..., стр. 95—96.

⁵⁸ ГПБ, Эрм. собр., № 3906, лл. 51 об.—53 об.; ср. Ф. Н. Бутурлина под 1515 г. с боярским титулом (Эрм. собр., л. 63 об.). Но там же часто без думского титула (лл. 65 об., 67 об., 70 об., 72, 73 об.).

⁵⁹ Эрм. собр., № 330, лл. 60 об., 61 об., 63 об. и др. На этом основании ранее автор ошибочно считал А. Н. Бутурлина окольничим (см. А. А. Зямина. Состав Боярской думы..., стр. 50—51).

⁶⁰ ПСРЛ, т. 8, СПб., 1859, стр. 265.

⁶¹ Князь Иван Глинский «послал бити челом государю, что ему меньше князь Михаил бити невмесно. И бояре все ему о том ласли и велели быть ему у князь Михаила в меньших и поставили князь Ивана Глинского меньше» (Эрм. собр., л. 71).

⁶² РК, стр. 106.

⁶³ Там же, стр. 105.

⁶⁴ ПСРЛ, т. 6, СПб., 1853, стр. 265; РК, стр. 74—75.

⁶⁵ А. И. Маркевич. История..., стр. 253.

дор Лопата Телепнев Оболенский и кн. Семен Федорович Сицкий, в правой руке Федор Кутузов и кн. Ф. М. Курбский, в левой руке — Иван и Андрей Никитичи Бутурлины. И вот в ряде позднейших списков разрядных книг Пространной редакции мы встречаем целый комплекс сведений о местнических спорах в Казанском походе, в которых принимают участие почти все названные лица⁶⁶. Иногда в записях даже Казанский поход как бы утраивается и появляются три похода — 7029, 7034 и 7038 гг., в которых названные воеводы местничали⁶⁷. В первом походе (мнимом) были якобы местнические споры М. В. Горбатого с И. Н. Бутурлиным и А. Н. Бутурлина с М. Курбским. Во втором — три спора: М. Горбатого с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным; М. Курбского с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным; А. Бутурлина с М. Курбским. В 1530 г. тоже было три случая, причем первые два совпадают полностью, а третий частично с местническими делами 1526 г. — М. Горбатого с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным; М. Курбского с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным и, наконец, А. Бутурлина с М. Курбским, Ф. Оболенским и С. Сипким. Во всех случаях решение было: «служба без мест», причем как служба «минется», «и государь тогда даст счет».

Итак, со мнимыми казанскими походами 1521 и 1526 гг. не следует считать еще и потому, что местнические дела, упомянутые под этими годами, просто дублируют местничества 1530 г. Но и последний случай совершенно фантастичен. Речь идет даже не о том, что в походе 1530 г. участвовал не Михаил (который, кстати сказать, и боярином-то не был), а Федор Курбский. Во всех трех местнических делах назойливо проводится мысль о равенстве в местническом смысле Бутурлиных со всеми крупнейшими княжескими фамилиями, что резко противоречит положению вещей в первой трети XVI в. Не был Иван Бутурлин боярином, а Андрей окольным. Сами местнические документы в разрядной книге не помещены, а изложение весьма стандартное, в духе поздних местнических решений⁶⁸. Чтобы все главные воеводы между собой одновременно в одном походе «переместничались», также противоречит практике 20—30-х годов XVI в. Ничего подобного нам не известно из достоверных источников⁶⁹.

Для времени правления Елены Глинской местническими случаями мы не располагаем вовсе. А. И. Маркевич приводит известие одного местнического дела конца XVI в. (до 1582 г.), в котором говорится, что князь В. В. Шуйский «был месник» И. Ф. Бельскому⁷⁰. Но это не что иное, как позднейшая интерпретация служебного положения обоих бояр, а не реальное указание на местнический спор между ними. В местническом деле 1579 г. кн. И. П. Шуйский писал, что «Хабар был месник Ивану Морозову»⁷¹. И это сведение имеет такой же смысл, как и предшествующее.

⁶⁶ А. И. Маркевич приводит эти данные по рукописи ЦГАДА, ф. 181, д. 99 (Каразинский I список); см. также ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 146, л. 89—89 об. (7038 г.), № 518 (7038 г.). А. И. Маркевич еще ссылается на «какие-то местничества» 1526 г., но это и есть разбираемые ниже случаи (ср. «Известия Археологического общества», т. 1, стр. 229).

⁶⁷ См., например, ГБЛ, Муз. собр., № 1585 (Беляевский I список), лл. 98 об.—99, 106—106 об., 117 об.—118 об.; БАН, № 34.8.36, лл. 105, 111—112, 122 об.—123; № 34.3.2, л. 86 (7034 г.), л. 99 (7038 г.), Эрм. собр., лл. 86 об. (7034 г.), 96—97 (7038 г.).

⁶⁸ См. запись о местническом деле 1539 г. кн. М. Курбского с кн. П. Репниным (РК, стр. 96—97).

⁶⁹ А. И. Маркевич ссылается еще на родословец по списку ГБЛ, Рум. собр., № 252, в котором якобы «есть споры по местничеству бояр времени в кн. В. И-ча» (А. И. Маркевич. История... стр. 254). Но он текста памятника не видел, а справка, сделанная для него И. Линниченко, оказалась ошибочной.

⁷⁰ РИС, т. II, стр. 55; А. И. Маркевич. История..., стр. 254.

⁷¹ РИС, т. II, стр. 17.

В январе 1535 г. архимандрит Феодосий писал новгородскому архиепископу Макарию: «Молим, владыко, еже утолити мятеж местной между старшим градским наместником и дворецким и указ учинити о том... к кому наперед приходити»⁷². А. И. Маркевич видит в этих словах глухое указание на местнические споры новгородского наместника М. С. Воронцова с И. Н. Бутурлиным⁷³.

Действительно, в апреле 1536 г. упоминаются в разрядах наместник М. С. Воронцов и дворецкий И. Н. Бутурлин⁷⁴. При этом П. Свиныным изданы отрывки из разрядной книги Годуновых или Сабуровых за 1360/61 г.—1691/92 гг.⁷⁵ В них встречается ряд известий местнического характера, часть их относится к Бутурлиным. Так, о И. Г. Бутурлине — Закале специально оговаривалось, что он «во всем своем роду большой, в братстве»⁷⁶. Помещено здесь «Челобитье на Никиту на Бородина Дмитрия Бутурлина» (нач.: «7027 году ходили воеводы»). После рассказа о походе «из Новгорода» 7045 г. челобитчик сообщает: «Иван, дядя мой, был на твоём государеве жалованьи Новгородском. И присылал к тебе, к государю, бити челом на боярина на воеводу на Михаила на Воронцова, что дяде своему Михаиле [а?] бити не вмстна меншим. И ты, государь, пожаловал, прислал свою царскую грамоту к Ивану к дяде, невместную, а рек еси, государь, пожаловать щет (в издании: «цев». — А. З.) дати им, как они с твоего государева снидет. И Ивана, дяди моего, на твоём государеве жалованьи, на дворе честве не стала»⁷⁷. А. И. Маркевич связывает этот случай с грамотой Феодосия, которую он датирует январем 1535 г.⁷⁸ Однако в других разрядных этот случай изложен под 1518/19 г. перед местничеством А. Бутурлина⁷⁹. Не является ли это сведение «затейкой» Бутурлиных, выполненной по материалам разрядных книг? Рассказ же Феодосия не даёт достаточных оснований для интерпретации его в местническом смысле.

Обилие в поздних текстах разрядных книг «местнических дел» (сомнительных по содержанию), которые относятся к Бутурлиным, позволяет поставить вопрос: не имели ли Бутурлины отношение к их составлению? Вопрос нуждается в специальном обследовании. Сейчас же можно сказать только, что до нас дошла разрядная книга окольного Федора Васильевича Бутурлина, его сына, стольника Ивана и внука стольника Ивана Ивановича (ГИМ, собр. Уварова, № 593). Списана была эта книга с книги Квашниных, где «много затеек написаны»⁸⁰. Это не единственный экземпляр бутурлинских разрядных книг (см. ЛОИИ, собр. Воронцова, № 650, 651)⁸¹. В книге БАН 32.5.1 есть даже царская грамота от 15 декабря 1634 г., выданная Ф. В. Бутурлину⁸². Бутур-

⁷² «Дополнения к „Актам историческим“, собранные и изданные Археографической комиссией», т. I. СПб., 1846, № 30, стр. 31.

⁷³ А. И. Маркевич. История..., стр. 258.

⁷⁴ РК, стр. 90.

⁷⁵ «Отечественные записки», 1826, декабрь, ч. 28, № 80; 1830, октябрь—декабрь, ч. 44, № 126.

⁷⁶ «Отечественные записки», 1826, декабрь, ч. 28, стр. 405.

⁷⁷ Там же, стр. 414—415.

⁷⁸ А. И. Маркевич. О местничестве..., стр. 133.

⁷⁹ «Того же году сидели наместники на Великом Новгороде: боярин и наместник князь Борис Иванович Горбатой да Михайло Семенович Воронцов, дворецкий (в рукописи: дворецкий) был в Великом Новгороде тогда ж боярин Иван Никитич Бутурлин. И с Михайлом Воронцовым не писался, а то ему было невместно. И грамоты от государя приходили оприсно к Ивану, а Михаилу Воронцову писали з боярином со князь Борисом Горбатым» (ЛОИИ СССР, Собр. рукоп. кн., № 93, л. 95; ср. ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 146, л. 76 об.).

⁸⁰ В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, стр. 34.

⁸¹ Там же, стр. 40—41.

⁸² Там же, стр. 42.

лины — видные деятели Боярской думы и московских приказов XVII в. Сам Федор Васильевич возглавлял Приказ Городового дела в 1641/42—1643/44 гг., Новую Четвь в 1643/44—1645/46 гг., а в 1652/53 г. — Московский Судный приказ. Его сын — глава целого ряда приказов в 1668/69—1683/84 гг.⁸³

Если попытаться подвести некоторые итоги, то мы можем убедиться, что в первой трети XVI в. местничество имело самые скромные размеры. Для более раннего периода у нас сохранились совсем отрывочные данные, главным образом содержащие предания о местах, которые занимали во время приемов ближайшие к великому князю бояре. Этот порядок описывал и Герберштейн⁸⁴. Местничество при назначении на военно-служилые должности соблюдалось у старомосковских бояр, происхождение которых не давало оснований для предпочтения одного рода перед другим. Первоначально местничество носило служилый, а не родословный характер. Только с лет боярского правления, когда служилые князья вошли в Думу, они сравнялись с верхушкой старомосковской аристократии и включились в систему местнических отношений. После этого к служилому принципу добавился еще и родословный, а местничество вступило в период своего расцвета. Но это уже тема специального исследования, требующего тщательного рассмотрения иного комплекса источников.

---

⁸³ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 239.

⁸⁴ За великокняжеским братом сидели «старейшие князья и советники, причем соблюдалась их чины и степени милости, которой каждый пользовался у государя» (С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 204).

ГРАФФИТИ В УСЫПЬНИЦЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

В Архангельском соборе Московского Кремля, в его заиконоустасных помещениях, на остатках штукатурного основания стенных росписей второй половины XVI в. местами сохранились древние процарапанные надписи. К сожалению, эта живопись дошла до нас только в виде фрагментов, так как в середине XVII в. ее специально сбивали, чтобы на новой штукатурной подготовке исполнить росписи вновь. По разным причинам в отдельных местах, в том числе и в алтарных делениях здания, небольшая часть древней живописи сохранилась.

Впоследствии как стенопись собора XVII в., так и остатки более ранних росписей вместе с их граффити неоднократно покрывались новыми слоями красок. В наше время, в 40—60-е годы, настенная живопись собора была почти полностью освобождена от поздних наслоений. В результате в алтарных помещениях на живописной шпаклевке XVI в. открылись граффити.

В целом надписей оказалось немного, и обнаруживаются они не на каждом фрагменте росписей XVI в. Граффити можно видеть лишь на алтарных столбах, против них на межкапсидных выступах и на северной и западной стенах усыпальницы Ивана IV, расположенной к югу от алтаря (в дьяконнике). Встречаются они только на самом нижнем, декоративном, поясе живописи. Пояс высотой в средний рост человека представляет собой так называемые полотенца, как бы подвешенную вдоль стен пелену. Тонированное светлое поле пелены украшают разноцветные орнаментальные круги и свободно вьющиеся условно-растительные узоры. На лицевых (сюжетных) композициях XVI в., расположенных ярусом выше, граффити нет. Разумеется, не следует считать, что найдены все сохранившиеся надписи, тем более что часть древней стенописи, на которой встречаются граффити, до сих пор еще полностью не раскрыта.

Сохранность процарапанных надписей, за исключением отдельных, нельзя назвать хорошей. Некоторые сильно затерты и представляют собой обрывки нечитаемых слов. Часть начертанных слов, видимо, кому-то особенно неприятных, была тщательно соскоблена. Появились граффити довольно рано, так как в XVII в. первоначальные пелены не меньше чем дважды покрывались новым левкасом с новыми росписями, которые надолго закрыли собой надписи. Кроме того, почти все они по своим палеографическим признакам тяготеют к XVI в., а значит, большинство их близко ко времени исполнения живописи. К сожалению, из-за значительных утрат красочного слоя на пеленах почти невозможно выяснить, до или после росписей сделано то или иное граффито. Однако некоторые надписи можно отнести ко времени создания настенной живописи, потому что, несмотря на плохую сохранность, все еще видно, как они были перекрыты первоначальным красочным слоем. Живопись здесь исполнялась в темперной технике, когда наложение левкаса и росписи

по нему не укладывались в однодневный цикл работ. Поэтому было достаточно времени, чтобы одновременно с росписями сделать граффити на сырой, подсыхающей или затвердевшей штукатурке. В этом случае их авторами могут быть и сами живописцы.

Об этом же может свидетельствовать и расположение надписей. Обнаруженные граффити, за исключением только некоторых, явно поздних надписей, начертаны на гладком поле полотенец, не заходя на живописные орнаменты. Исполнены они остроконечными инструментами, по своему сечению, как правило, совпадающими с тем орудием живописца, которым здесь сделана графья росписи XVI в. Не живописцы ли так бережно относились к своей работе, делая различные пометы только на фонах рисунков?

По общему расположению надписей можно определить обычную позу их исполнителей. Граффити заполняют только верхнюю часть нижнего ряда настенных росписей. От уровня пола второй половины XVI в. они находятся в большинстве своем на высоте от метра с четвертью до полутора метров. Совсем немного надписей сделано ниже и выше остальных. Это означает, что их процарапывали стоя, поднимая кисть руки к груди или до плеча.

На первый взгляд, по смыслу граффити мало связаны друг с другом, тем более что помимо слов и предложений можно видеть отдельные буквы, буквенные сочетания, знаки, смысл которых, если он в них заложен, сначала требуется разгадать. Однако встречаются повторяющиеся надписи. В разных местах читается одно и то же $\Theta\epsilon$ или одинаково крупно и размашисто написанное «у» в виде выполненной в один прием петли. Совсем рядом два крупных знака Φ , как видоизмененная фита. К такого же рода навязчивым повторам относится значок Γ , нечто вроде незаконченного древнего знака Рюриковичей или его вариации¹. Он дважды процарапан на восточной стене прохода из алтаря в жертвенник. Не исключено, что эти автографы, во всяком случае те, что выражены условными знаками, представляют собою клейма мастеров. В таком случае последний можно было бы принять за именной знак живописца, принадлежавшего царской мастерской. При относительно небольшом числе надписей отдельные их повторения, безусловно, говорят о том, что некоторые граффити появились одновременно. Это же обстоятельство свидетельствует о том, что к исполнению надписей было причастно не так уж много лиц.

В том, что число рук, искавших себе письменные упражнения на живописной штукатурке в алтаре собора, было небольшим, особенно убеждают граффити в усыпальнице Ивана Грозного. Их чуть более десятка, считая и неразборчивые остатки ранних и два более поздних граффити. При этом надписи более ранние как бы находятся в своеобразной перекличке, и прежде всего обращают на себя внимание три из них, самые большие, которые, несомненно, выполнены одним лицом. Высота расположения граффити, их наклон и характер свидетельствуют об обычном положении пишущего: он процарапывал надписи правой рукой без особой торопливости.

Одно граффито начертано между двумя орнаментальными кругами на северной стене усыпальницы, слева от прохода в алтарь. Оно самое короткое среди них, состоит из одного слова «даносу» (см. рис. 1).

ДАНУСУ

¹ Здесь как бы недостает одного рожка у трезубца, перевернутого вниз. Как известно, знак Рюриковичей своим трезубцем также смотрел вниз (см.: С. А. Васильев. Древнерусские надписи Софии Киевской, вып. 1. Киев, 1966, стр. 111, 112; табл. LXIX, LXX, LXXI, LXXII).

Рис. 1. Граффити в усыпальнице Ивана Грозного на северной стене
(Все фото увеличены в 2 раза)

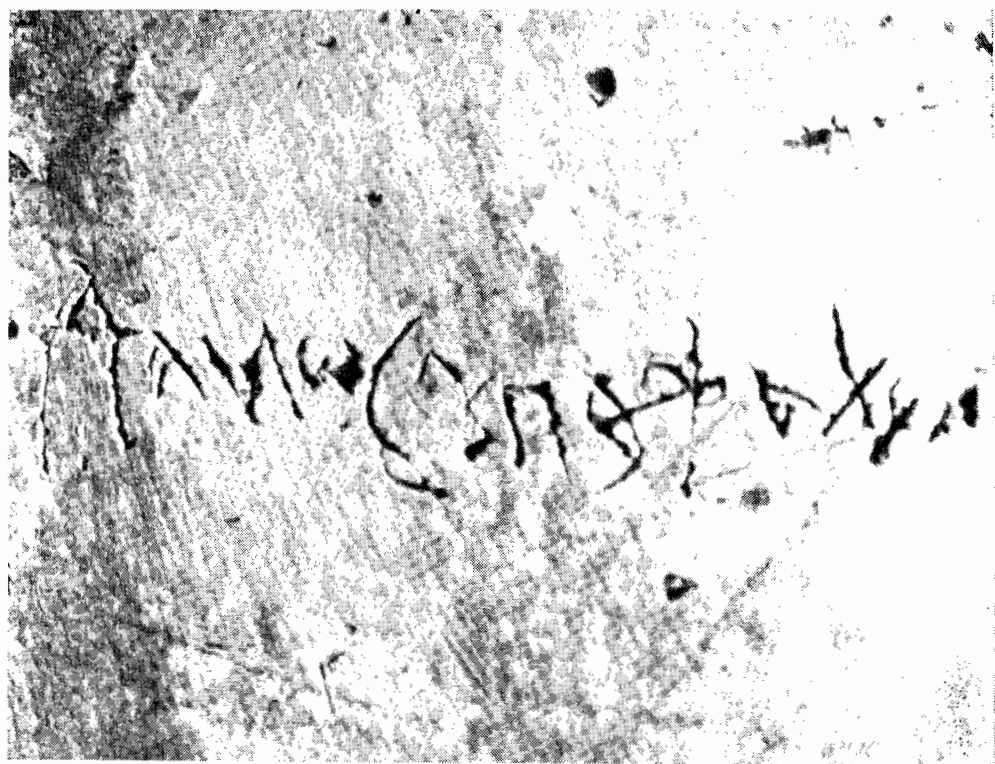

Рис. 2. Граффито в усыпальнице Ивана Грозного на западной стене

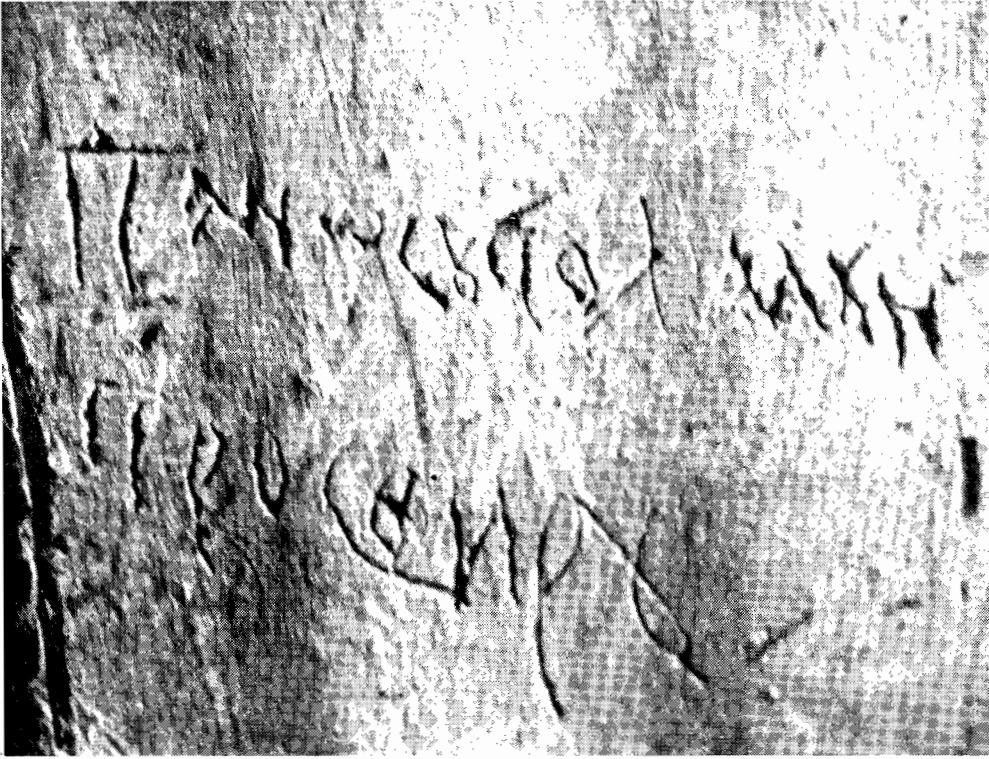

Рис. 3. Граффити в усыпальнице Ивана Грозного на западной стене

Надпись чуть наклонена вправо по ходу писавшей руки, что вполне объяснимо, так как слово процарапывалось, разумеется, без предварительной разлиповки.

На западной стене помещения, т. е. на внутренней стороне предальтарной преграды, между двумя кругами и почти на той же высоте читается та же странная просьба, но заключающая в себе более определенный (возможно, иронический) смысл: «даносу пожалуй» (см. рис. 2).

ДАИΩСХПОЖЛУ[И]

Причем надпись тоже, как и первая, с наклоном.

Наконец, ниже предыдущего граффито представлен самый пространственный его вариант: повторение «даносу пожалуй» с приписанным снизу словом «просвиру» или «просфиру»², которое как будто бы и не имеет прямой смысловой связи со всем предложением (см. рис. 3).

ДАИΩСХПОЖЛУИ
ПРОС[В]ИРУ

Эта двустрочная надпись в сравнении с двумя предыдущими круче наклонена вправо, видимо, писать ниже было менее удобно, и руку писца невольно все больше тянуло вниз.

Теперь невозможно угадать очередность, в которой неизвестный нам автор упрямо делал по существу одинаковую запись то на западной, то

² В этом слове пятую букву можно прочесть как «в» и как «фита».

на северной стене. Но несомненно, что запечатлел он в ней свои размышления. Можно предположить, что писались они с явным умыслом, что придает им большую тенденциозность.

Об авторе своеобразных граффити можно сказать, что он не был опытным писцом, хотя грамоте был обучен. Ошибается он только в слове «доносу»: пишет его всюду через омегу, а не «о» и в первом слоге через «а». Другие погрешности в начертании слов невелики, но и они свидетельствуют о том, что письмо для него не было занятием привычным. Он дает не всегда верное положение перекладки у буквы «н» и «и», путая их. «У» в одном месте он поставил задом наперед.

Нет чистоты написания букв, они несколько угловаты. То росчерк слишком резок, то линия уходит так далеко, что искажает букву, то она подправлена дополнительной черточкой. Видимо, эту особенность можно объяснить не только свойствами материала для письма (надписи на рис. 2, 3 сделаны, очевидно, по затвердевшей штукатурке), но и недостаточно ловкими движениями писца. Надписи ближе по характеру не к скорописи, а к полууставу (даже размер букв крупный, как в книжном полууставе), что может выдавать руку человека, больше знакомого с книжной, нежели с деловой письменностью.

Все три граффити в отличие от остальных надписей в относительно хорошей сохранности. Резаны они достаточно глубоко. При этом в лучшем состоянии граффити на западной стене. Дело в том, что они долгое время находились в более благоприятных условиях. С 1581 г., когда у стены была устроена гробница царевича Ивана, уже нельзя было близко подойти к этому участку росписей. Несколько позже, когда вплотную к первой гробнице с обеих сторон примкнули гробницы царей Ивана Грозного и Федора Ивановича, подступа к западной стене почти совсем не стало. В конце XVII в. гробницы надстроили, и кусок фрески с двумя граффити оказался закрыт вторым ярусом надгробия царевича Ивана. Все это сыграло роль в защите стенописи от внешних механических воздействий и замедляло обычный процесс ее разрушения.

Дошедшая до нас гробница царевича Ивана помогает определить приблизительную дату исполнения трех надписей. Сделать их можно было только тогда, когда помещение усыпальницы еще не было занято гробницами³. Трудно предположить, что надписи на западной стене делали, навалившись на надгробие. Значит, три граффити не могли появиться позже 1581 г. Сохранившаяся стенопись грозненской усыпальницы была исполнена, вероятно всего, в 1564—1565 гг.⁴ Следовательно, три граффити выполнены между 1564 и 1581 гг.

Кто же мог сделать эти оригинальные надписи? Безусловно, их автор принадлежал к узкому кругу лиц, которые имели доступ в алтарь царского храма. Это или мастер, участвовавший в его украшении, или кто-то из церковного причта. Выражение «доносу, пожалуй!», появившееся в дворцовом некрополе во второй половине царствования Ивана Грозного, когда по навету буквально над каждой головой нависала угроза самого тяжкого обвинения, — это несомненное свидетельство немалой дерзости автора граффити. Находясь в центре бурных и трагических событий, он не мог не понимать, что, оставив здесь весьма двусмысленную фразу, он как бы подбрасывает подметное письмо в святая святых — в месте, которое уже тогда, при жизни самодержца, превращалось в его будущую гробницу.

³ Археологические исследования гробниц показали, что надгробие было устроено сразу же после захоронения царевича Ивана и что первоначально оно было шире, чем теперь, так как в 1598 г. его подрубили с правой стороны для устройства гробницы царя Федора.

⁴ Е. С. Сизов. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 174.

Рис. 4. Граффито в усыпальнице Ивана Грозного на северной стене

Учитывая исторически сложившуюся обстановку в Москве второй половины XVI в., можно предполагать, что эти надписи несут в себе отзвуки острой борьбы в придворных кругах и что в них передаются настроения страха, глухого ропота, подспудного протеста.

В усыпальнице Ивана Грозного есть еще три граффити, которые можно отнести к XVI или началу XVII в. Два из них находятся на северной стене, недалеко от слова «даносу». Выше и левее его начертано нечто вроде имени «Филип» (см. рис. 4) ⁵.

Ф[ил]п

Как и первые три надписи, это граффито сделано с наклоном чуть вправо. Примечательно, что оно представляет собой своеобразный палимпсест: написано по соскобленной, более ранней, надписи. Это позволяет думать, что оно вряд ли появилось одновременно с росписями.

Непосредственно под словом «даносу» расположено сокращенное слово «князь» (см. рис. 1).

кнз

Буква «земля» сильно сглажена, над словом нет титла, а «н» приняло очертание буквы «и». Явная угловатость буквы «земля» говорит в пользу того, что надпись выскребалась на твердой шпаклевке. Читаются два последних граффити хуже трех предыдущих и сделаны инструментом, заметно более тупым, хотя и процарапаны они глубже.

Трудно сказать, насколько близки они по времени к трем рассмотренным ранее надписям, но независимо от решения вопроса о сроках их

⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Зимина за помощь в расшифровке граффито.

Рис. 5. Граффито в усыпальнице Ивана Грозного на северной стене

создания в подборе этих слов можно усмотреть проявление тех же, уже отмеченных выше, тенденций. Ведь по смыслу слово «князь» далеко не нейтрально, а за именем «Филип» может стоять конкретная историческая фигура опального, а затем казненного в опричнину митрополита.

Не менее интересно еще одно граффито, расположенное в другом месте северной стены усыпальницы справа от прохода в алтарь. Оно расположено выше остальных, на самом верху пелены, под межъярусной живописной разгранкой и является одним из самых ранних. Выполнена надпись во время исполнения графьи художником-знаменщиком, так как находится под первоначальным красочным слоем. Граффито — одно хорошо читаемое слово «царь» (см. рис. 5).

ЦРЬ

Естественно, возникает вопрос, как объяснить необычное расположение надписи относительно других граффити усыпальницы, тем более что она расположена особняком: ее писали, подняв руку выше обычного. Можно полагать, что это место надписи не случайно. Непосредственно над граффито находится композиция XVI в. «Немилостивая смерть богача» (по притче «О богатом и Лазаре»), душа которого попадет в ад. Как известно, заказчики и авторы замысла росписей (Иван Грозный и его единомышленники) хотели видеть в этом образе своих политических противников из числа сильных мира сего, а себя представить в образе

святого бедного Лазаря⁶. Но если маленькое граффито принять за неофициальную (нелегальную) надпись под композицией, то нетрудно догадаться, что думал по этому поводу автор надписи, свидетель создания или один из исполнителей живописи: наказания-де заслуживает сам царь. Это, мол, его ждут изображенные здесь муки ада.

Если все же считать, что это положение граффито чисто случайно и оно не связано с сюжетом росписей, то сам характер надписи представляется типичным для всего любопытного набора граффити грозненской усыпальницы. Все они пронизаны одним настроением, своеобразно дополняют друг друга, по-своему откликаясь на события своего времени.

---

⁶ Е. С. Сизов. Указ. соч., стр. 168.

С. П. Мордовина

К ИСТОРИИ УТВЕРЖДЕННОЙ ГРАМОТЫ 1598 г.

Обстоятельства избрания Бориса Федоровича Годунова и сегодня еще не вполне ясны. Писатели начала XVII в. оставили несколько ярких, но тенденциозных рассказов о том, как согнанные силой москвичи «слез ради под очию слинами мочаша» просили Бориса стать царем¹. Первым обратил внимание на вопиющее несоответствие этих рассказов и грамоты избрания Бориса Годунова, опубликованной еще в 1774 г. И. А. Навроцким², М. М. Щербатов. Свои соображения в пользу грамоты историк изложил в 9 пунктах, в частности, он поставил вопрос о подлинности грамоты («грамота сия имеет все знаки тогдашнего времени, как в слоге, так и в образе сочинения, и снабженная великим числом подписей, которые все справедливости ея утверждают») и о ее достоверности, сопоставив грамоту с другими источниками. Отметив, что она датирована июлем 1598 г. и содержит «105 печатных страниц в осмушку», М. М. Щербатов решил, что грамота не могла быть начата позднее конца февраля, «ибо пространство ея конечно требовало не малого времени»³.

В 1788 г. грамота была напечатана еще раз с устранением некоторых опечаток в Древней Российской вивлиофике⁴. Но Н. М. Карамзин в своей «Истории» пользовался не этими изданиями, а новым списком грамоты с более полным перечнем участников собора, который стал ему известен через А. И. Ермолаева⁵. После опубликования в Актах Археографической экспедиции⁶ этот последний список окончательно заменил для историков первое издание грамоты И. А. Навроцкого и сделался основным источником при изучении хода и социального состава собора 1598 г.

Однако оказалось, что даже простой подсчет участников собора по новому списку невозможен без специального исследования. Н. М. Карамзин пришел к выводу, что на соборе было около 500 человек, Н. И. Костомаров — 476, С. М. Соловьев и П. В. Павлов — 474, Н. П. Загоскин и В. Н. Латкин — 457, И. Д. Беляев — 456, Д. И. Иловайский — более 450, М. Ф. Владимирский-Буданов — 417. Такой разницей вызван сложной структурой грамоты, в которой кроме подписей

¹ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 13. Изд. 2. СПб., 1909, стрб. 12—15.

² «Опыт трудов вольного Российского собрания» (далее — «Опыт трудов...»), т. III. М., 1774, стр. 74—191.

³ М. М. Щербатов. История Российская, т. VII, ч. 1. СПб., 1790, стр. 16—18.

⁴ «Древняя Российская вивлиофика» (далее — ДРВ), ч. VII. М., 1788, стр. 36—127.

⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1824, прим. 377.

⁶ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук» (далее — ААЭ), т. 2. СПб., 1836, № 7, стр. 16—54.

имеется еще перечень участников собора. Способы подсчета при этом могли быть различны: одни историки руководствовались при счете перечнем, другие подписями в конце грамоты.

Обстоятельно изучил происхождение грамоты В. О. Ключевский. Он заметил, что «до нас дошла не подлинная утвержденная грамота... а ее копия с позднейшими прибавками, переменами в обоих перечнях членов собора и даже с ошибками в воспроизведении имен некоторых рукоприкладчиков». Историю сложения грамоты В. О. Ключевский постарался связать с ходом избирательного собора; перечень, по его мнению, «был составлен в начале собора, и в него внесены имена членов, которые присутствовали на первых февральских и мартовских заседаниях», затем в деятельности собора наступил перерыв, вызванный серпуховским походом, и, когда 1 августа грамота была подписана, наличный состав собора изменился. Прибавив к первому перечню тех, кто в него не вошел, но оставил на обороте грамоты свою подпись, Ключевский нашел, что «собор 1598 г. состоял из 512 членов»⁷.

Можно лишь пожалеть, что до нас не дошла подлинная соборная грамота 1598 г. Из текста самой грамоты известно, что она была составлена в двух экземплярах: «большая» грамота с 14 золотыми и серебряными святительскими печатями хранилась в царской казне, «меньшая» с восковыми, красными и черными печатями — в ризнице патриарха⁸.

Исчезновение царского экземпляра следует, вероятно, отнести к «смутному» времени начала XVII в.; во всяком случае, в описи архива Посольского приказа 1614 г. (и последующих) он не упоминается. Что касается патриаршего экземпляра, то, вероятно, его имеет в виду дьяк Иван Тимофеев, когда пишет, что Борис принудил святителей положить хартию с подписями всех людей о своем избрании в раку чудотворца Петра в Успенском соборе⁹. По воцарении самозванца это «мнимое утверждение» было уничтожено, конечно, в первую очередь. О том, как выглядели подлинные грамоты, можно судить и по двум сохранившимся экземплярам грамоты избрания Михаила Романова¹⁰. Они написаны на столбцах, скреплены печатями иерархов и подписаны на обороте. И текст и подписи имеют заметные различия, которые вызваны тем, что экземпляры были составлены не одновременно и подписывались на протяжении ряда лет.

Сохранились три списка утвержденной грамоты 1598 г.

1. Строгановский список¹¹ (далее — С) сохранился в составе рукописного сборника (ГПБ, О. IV. 17). Истории сборника посвящен блестящий источниковедческий этюд Е. Н. Кушевой¹². Е. Н. Кушева убедительно доказала, что сборник сложился в первой четверти XVII в. в Соль-Вычегодской канцелярии Строгановых из нескольких литературных произведений и грамот с 1592 по 1616 г. Сохранились признаки того, что грамоты списаны непосредственно с подлинников, некоторые из них имеют заголовки: «Список з грамоты слово в слово». Часть сборника, в том числе и утвержденная грамота, написана рукой стряпчего Ждана

⁷ В. О. Ключевский. Состав представительства на земских соборах Древней Руси. — Соч., т. 8. М., 1959, стр. 54—55. В. О. Ключевский использовал в работе только список, опубликованный в ААЭ.

⁸ ААЭ, т. 2, стр. 46.

⁹ «Временник Ивана Тимофеева». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 73—74.

¹⁰ С. А. Белокуров. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. Изд. 2. М., 1906.

¹¹ По этому списку утвержденная грамота 1598 г. издана в ААЭ.

¹² Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в. — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 5. Саратов, 1926, стр. 33 и др.

Воронина, который занимал видное положение в канцелярии Строгановых в первой четверти XVII в.

2. Плещеевский список¹³ (далее — П) сохранился в составе разрядной книги второй трети XVII в. (ГБЛ, М. 737). В текст книги вставлены местнические дела окольного П. М. Плещеева с П. Г. Заболоцким и И. Ф. Басманова-Плещеева с М. Б. Шеиным, на основании чего этот разрядный список назван В. И. Бугановым «Плещеевским». Утвержденная грамота (лл. 621 об.—665) не дописана, между грамотой и последующими разрядными записями оставлено несколько чистых листов.

3. Список Малиновского (далее — М) сохранился в рукописи первой четверти XIX в. (ЦГАДА, ф. 197 А. Ф. Малиновского, портф. 4, № 27). В 1°, 55 л. Водяной знак типа Pro Patria совершенно совпадает с № 169 у С. А. Клепикова (1812 г.), но год другой — 1814. Список Малиновского почти идентичен не дошедшему до нас списку Навроцкого (далее — Н), напечатанному в «Опыте трудов...» и ДРВ, и является, по видимому, копией с него¹⁴.

Все три списка утвержденной грамоты 1598 г. имеют некоторые существенные особенности, при этом Н резко отличается от двух других списков. Текст грамоты в С и П очень схож, различия в основном касаются титулатуры, порядка слов, эпитетов. Небольшие, крайне немногочисленные добавления в С по сравнению с П не носят редакционного характера. Можно заметить в С лишь некоторое пристрастие к «высокому слогу».

Отличия в Н так велики, что подвести по нему разночтения к другим спискам почти невозможно — на протяжении многих листов Н совершенно расходится с ними. Эти особенности наводят на мысль о целенаправленной смысловой и стилистической правке текста. Так, в Н во много раз меньше первая часть текста грамоты — родословие русских царей; отсутствует повторенное дважды в других списках важное упоминание о том, что и при Федоре Ивановиче правил Борис Годунов¹⁵; Тиборий, ставший императором в Византии, подобно Борису, не по праву престолонаследия, назван в Н «слугой», в С и П — «советником» прежнего царя¹⁶. Вообще в поименовании Бориса Годунова заметны серьезные расхождения между Н и С, П.

Н

Буди нам, милосердый государь и правитель благоприятный всего Российского государства...¹⁷
Великий же государь Борис Федорович, истинный правитель христианский...¹⁹
...он же...²¹

С и П

Буди нам, милосердый государь, царем и великим князем и самодержцем всея Руси...¹⁸
Великий же государь Борис Федорович...²⁰
...государь же Борис Федорович...²²

Рассказ о созыве собора в С и П подробнее, чем в Н; на протяжении всего текста С и П настойчиво подчеркивается его вселенский характер:

¹³ Подробные описания см.: В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, стр. 63; «Музейное собрание отдела рукописей ГБЛ», т. I. М., 1961, № 737, стр. 58.

¹⁴ Для удобства изложения в дальнейшем мы будем говорить лишь о трех списках грамоты (Н, С и П), так как М — поздняя копия Н.

¹⁵ ДРВ, ч. VII, стр. 40, 42; ААЭ, т. 2, стр. 19—21.

¹⁶ ДРВ, ч. VII, стр. 47; ААЭ, т. 2, стр. 22.

¹⁷ ДРВ, ч. VII, стр. 43.

¹⁸ ААЭ, т. 2, стр. 21; П, л. 629.

¹⁹ ДРВ, ч. VII, стр. 43.

²⁰ ААЭ, т. 2, стр. 21; П, л. 629.

²¹ ДРВ, ч. VII, стр. 49.

²² ААЭ, т. 2, стр. 23; П, л. 632 об. Подобных примеров можно привести очень много.

... И весь освященный собор и царский сигклит...²³

... У всего освященного собора...²⁵

... И весь вселенский собор, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты и игумены и весь царский сигклит, бояре, и дворяне, и приказные служивые люди, и гости...²⁴

... У всего освященного вселенского собора, и у бояр, и у дворян, и у приказных, и служилых у всяких людей, и у гостей, и у всех православных крестьян...²⁶

В литературе остался как будто незамеченным тот факт, что два изданных списка грамоты (Н и С) датированы по-разному²⁷. В Н: «Уложена и написана бысть сия соборная утверженная грамота в преимянитом и славном в царствующем граде Москве, от создания миру лета 7106 июля в день, индикта 11»²⁸. В С: «А уложена бысть и написана сия утверженная грамота за руками и за печатми... от создания миру лета 7106, индикта 11, месяца августа в 1 день»²⁹.

Помимо дат еще некоторые признаки указывают на более ранний состав Н. Так, отсутствие в грамоте подписей митрополита Гермогена и рязанского архиепископа объясняется в Н тем, что Гермоген был «в своей митрополии во граде в Казани для великих церковных потреб и земских дел»³⁰, а кафедра рязанской епархии в то время была вакантна. Между тем в С есть подписи и Гермогена, и нового рязанского архиепископа Варлаама, а упомянутое объяснение их отсутствия соответственно опущено.

Кроме того, в Н говорится только об одном уже составленном экземпляре грамоты, который следует отнести в «царские хранила». О втором патриаршем экземпляре речь идет в будущем времени: «Подобает же и другую грамоту утвержену с тоя же грамоты слово в слово утвердити нам своим рукописанием и печатми...»³¹ В С мы находим описание обоих экземпляров грамоты, хранящихся уже в царской казне и ризнице патриарха³².

При анализе перечней участников собора в Н, С и П³³ возникают известные трудности: Н содержит перечень только освященного собора; в П перечень не дописан, в него входят освященный собор, Боярская дума, частично дворянство; в перечне С сохранился полный состав собора. Таким образом, только перечни духовенства представлены во всех трех списках. Сравнивая их, мы приходим к выводам, аналогичным тем, которые были получены при анализе текстов утвержденной грамоты: перечни С и П близки между собой, резко отличаются от перечня Н, и составление их должно быть отнесено к более позднему времени.

В перечнях духовенства С и П по 82 имени, они расположены в одном порядке, и лишь в двух случаях приводятся разные имена

²³ ДРВ, ч. VII, стр. 42.

²⁴ ААЭ, т. 2, стр. 24; П, л. 628 об.

²⁵ ДРВ, ч. VII, стр. 52.

²⁶ ААЭ, т. 2, стр. 24; П, л. 635.

²⁷ За исключением примечания к грамоте во втором томе ААЭ. В П нет даты, так как грамота не дописана.

²⁸ ДРВ, ч. VII, стр. 118. В грамоте об избрании Михаила Романова числа также нет.

²⁹ ААЭ, т. 2, стр. 46.

³⁰ ДРВ, ч. VII, стр. 115—116.

³¹ Там же, стр. 109—110.

³² ААЭ, т. 2, стр. 46.

³³ Сравнительный анализ подписей в Н, С и П невозможен в связи с тем, что они дошли только в составе С (исключение составляет духовенство, подписавшееся в Н).

настоятелей одних и тех же монастырей. В перечне Н 115 духовных лиц, при этом упомянутых выше перемен в именах по сравнению с С и П значительно больше (7), а порядок монастырей изменен. В четырех случаях старые настоятели оказались в Н. Архимандрит Рождественского монастыря во Владимире Варлаам (1595—1598 гг.) в Н, Елизар (1598—1600 гг.) в С и П³⁴; архимандрит Новоспасского монастыря в Москве Сильвестр (1597—1598 гг.) в Н, Закхей (1598—1599 гг.) в С и П³⁵; архимандрит Симоновского монастыря в Москве Макарий (1596—1598 гг.) в Н, Иона (1598—1605 гг.) в С и П³⁶; архимандрит Борисоглебского Смоленского монастыря Дионисий (июль 1598 г.) в Н, Феодосий (1 августа 1598 г.) в С и П³⁷. В одном случае старый настоятель оказался в С — игумен Болдина Троицкого монастыря Феогност (1598 г.), а новый — Феоктист (1602—1603 гг.) в двух других (Н и П)³⁸. Наконец, в двух случаях нет возможности сделать определенный вывод: в Н стоят игумен Ферапонтова монастыря Савва (1597—1599 гг.) и игумен Николаевского Вязицкого монастыря Закхей (1589—1607 гг.)³⁹, в С и П — Иона и Филарет, время пребывания которых в этих монастырях неизвестно.

Среди источников утвержденной грамоты 1598 г. необходимо отметить так называемое Соборное определение, которое сохранилось в том же сборнике, что и Строгановский список. К сожалению, Соборное определение не датировано, однако по смыслу документа можно предположить, что он был составлен весной 1598 г. Речь в нем идет о крестоцеловании Борису: «...и на том им, государем своим, души свои даем, все крест целуем от мала до велика». Известно, что собор целовал крест Борису Годунову в феврале—марте 1598 г. Утвержденная грамота говорит о крестоцеловании в прошедшем времени: «... Борису Федоровичу... в разрядных и земских делах кручины не принести... по прежней целовальной записи...»⁴⁰

Сравнение списков грамоты с Соборным определением показало, что ближе других списков стоит к нему Н.

Соборное определение	Н	С и П
...и победителя прегордаго и хвалящагося и сильна находца царя Крымскаго, и превысоких и прегордых королей победителя, короля Полскаго и Свискаго и их сродников королей и князей корунных, и их поручников, и иже под их властью... ⁴¹	...и победил прегордохвалящагося и сильнонаходца царя Крымскаго, и прегордых и превозносящихся непослушника победил короля свейскаго, и его сродников и князей корунных, и иных подручников, иже под их властью... ⁴²	...и победил прегордо хвалящагося царя Крымскаго и непослушника короля свейского под государеву царскую высокую десницу ⁴³ привел, и города, которые были за свейским королевством, поимал... ⁴⁴
...потом же Феодосием царем Малым на царство возведен.	...потом же Феодосием царем Малым на царство	...потом же Феодосием царем Малым ⁴⁵ на царство

³⁴ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 662.

³⁵ Там же, стр. 143.

³⁶ Там же, стр. 151.

³⁷ Там же, стр. 602.

³⁸ Там же, стр. 597.

³⁹ Там же, стр. 65.

⁴⁰ ААЭ, т. 2, стр. 13—16. На общую композицию и содержание грамоты 1598 г. оказала также заметное влияние Окружная грамота патриарха Иова от 15 марта 1598 г. (ААЭ, т. 2, № 1). Эти два документа являются первыми набросками официальной версии избрания на царство Бориса Годунова.

⁴¹ ААЭ, т. 2, стр. 15.

⁴² ДРВ, ч. VII, стр. 56.

⁴³ В П руку.

⁴⁴ ААЭ, т. 2, стр. 26; П, л. 636 об.

⁴⁵ В П Малым царем.

возведен, по извещению Ивана Богослова; при сем бысть четвертый вселенский собор.

возведен, по извещению Ивана Богослова, при сем собор бысть четвертый святой вселенский собор.

Не мний же сих и Михаил, прозванный Рагкавей, зять Никифора царя, иже преже бысть Сироплат, еже есть в палатах царских великий синклит...⁴⁶

Не мний же сих и Михаил, прозванный Рагкавей, зять Никифора царя, иже преже бысть Кироплат, еже есть в палатах царских великий синклит...

...Сему же подобен и Василей Македонянин, но и сей не мал во царех, благоверен и прехвален зело и в чину камитсте учинен, еже есть царев конюшей; и той в себе место и царский венец возложи на главу его, Фотием патриархом на царство помазан бысть...⁴⁷

...Сему же подобен и Василей Македонянин, но и сей не мал во царех, благоверен и прехвален зело, бяше же царем Михаилом любим зело и в чину камитстем учинен, еже есть царев конюшей, и толико возлюблен и предпочтен Михаилом царем, яко в себе место, и царский венец возложе на главу его, Фотием патриархом на царство помазан бысть. Не праведен же будет рачитель сих, аще и сих на среду не приведет Иустина Малаго глаголю, и Тивиря, царствующа убо...⁴⁸

Подобен сим царема Феодосию и Маркиану

Иустин Малый и Тивирий, царствующу убо...⁴⁹

В «Опыте трудов...» и ДРВ непосредственно перед текстом изданной грамоты мелким шрифтом дано следующее предисловие: «Из тое грамоты выбрав написаны две грамоты и отнесены к государю царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Русии самодержцу, а сию первую грамоту святаейший Иев патриарх оставил у себя, и велел положить в свою казну, потому что она за руками, и она б в небрежении не была. А писана сия грамота вскоре после преставления блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца»⁵⁰. В копии, сделанной для А. Ф. Малиновского, такого предисловия нет. Из С нам известно, что грамота была составлена в двух экземплярах, подписанных и скрепленных печатями⁵¹.

Имея это в виду, справедливо будет предположить, что различия между Н и С, П объясняются их происхождением или от черновой и окончательного вариантов грамоты, или от первого и второго ее экземпляров. Действительно, С и Н по-разному датированы, причем ошибки здесь быть не может, так как более ранняя дата в Н подтверждается целым рядом фактов. Сличение списков с Соборным определением показало более древний состав Н. Изменения в тексте С и П по сравнению с Н носят не случайный характер, при этом значительно более апологетичны к Борису Годунову С и П. Речь идет, разумеется, не об антигодуновской направленности Н, а о том, что при составлении окончательного текста грамоты (или второго экземпляра) была проведена значительная историко-политическая и литературная работа.

Но ни С, ни П не являются точной копией с подлинной утвержденной грамоты. Как заметил В. О. Ключевский, «в списке членов, внесен-

⁴⁶ Далее Соборное определение и Н совпадают на большом протяжении.

⁴⁷ ААЭ, т. 2, стр. 16.

⁴⁸ ДРВ, ч. VII, стр. 46—47.

⁴⁹ ААЭ, т. 2, стр. 22; П, л. 631 об.

⁵⁰ «Опыт трудов...», т. III, стр. 74.

⁵¹ Издавая грамоту, И. А. Навроцкий отметил, что печатей на ней нет.

ном в текст грамоты... некоторые члены обозначены чинами, которые они получили уже в сентябре того года по случаю коронации царя Бориса»⁵².

Эти пожалования происходили с 3 сентября по 25 декабря 1598 г., всего было пожаловано около 20 участников собора, и все они, за одним лишь исключением, на котором мы остановимся ниже, приводятся в С и П с новыми чинами. Таким образом, экземпляр грамоты, представленный дошедшими до нас С и П, был перередактирован не ранее 25 декабря 1598 г. Новая редакция возникла также не позднее начала 1600 г., когда упомянутые в грамоте стольники П. Ф. Басманов и А. А. Телятевский получили новые чины: первый — окольничего 10 февраля 1600 г.⁵³, второй — боярина «на велик день» 1600 г.⁵⁴ Предложенную датировку подтверждают последующие пожалования: в 1601 г. стал боярином М. Г. Салтыков, окольничим В. П. Морозов и т. д.

Однако полнота и характер наших представлений о составе избирательного собора в значительной степени зависят от того, можем ли мы объяснить происхождение перечня участников собора, внесенного в грамоту. Если прав В. О. Ключевский и перечень был составлен в начале деятельности собора, а подписи сделаны в конце, то мы можем определить состав собора довольно точно. Если же перечень не более чем проект собора, то задача сильно усложняется.

Для решения вопроса о том, когда лица, обозначенные в грамоте, могли присутствовать на соборе в Москве, нами была составлена

Фамилия, имя, отчество	Чин	1597 г.	1598 г.				
			январь	февраль	март	апрель	май
Буйносов-Ростовский В. И.	дворянин		Псков		Псков		
Вельяминов Г. И.	дворянин	Михайлов			Михайлов		Серпуховской поход
Годунов М. М.	окольничий						Москва
Звенигородский Ф. А.	дворянин	IV— Москва					Серпуховской поход

Окончание

Фамилия, имя, отчество	1598 г.						1599 г.
	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	
Буйносов-Ростовский В. И.							Псков
Вельяминов Г. И.				Михайлов			осень — Орешек
Годунов М. М.				6.IX — Москва			
Звенигородский Ф. А.			Москва	Москва			

⁵² В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 466, прим. 36.

⁵³ ГИБ, Эрм. собр., № 3906 (далее — Э), л. 910 об. Подъязыю случаем выразить признательность В. И. Буганову за возможность ознакомиться с этой разрядной книгой Пространной редакции по машинописной копии.

⁵⁴ Э, л. 912.

таблица движения участников собора за 1597—1599 годы. Объем статьи не позволяет нам привести всю таблицу, отразившую службы более 400 человек. Составлена она была по следующему образцу (см. таблицу на стр. 133).

Прежде всего проверим, найдем ли мы в перечне тех, чье присутствие на соборе было обязательным, например членов Боярской думы.

В состав Боярской думы весной 1598 г. входило около 40 человек. Из них в перечне грамоты (С и П) отсутствуют бояре А. И. Голицын, И. И. Голицын, А. П. Куракин, И. В. Сицкий, Ф. И. Хворостинин, Ф. Д. Шестунов и И. И. Шуйский⁵⁵, окольные И. М. Бутурлин и И. В. Великого-Гагин; думные дворяне Е. Л. Ржевский, Д. И. Черемисинов, т. е. более четверти думы.

И. М. Бутурлину и Д. И. Черемисинову еще в 1597 г. «велел государь быть в Царицыне за опалу»⁵⁶. Едва ли случайно отсутствие в перечне и подписях Ф. Д. Шестунова, попавшего вскоре в опалу по доносу слуги⁵⁷, и И. В. Сицкого, пострадавшего также одним из первых по делу Романовых.

Но если перечень в грамоте — проект собора, то совершенно необъяснимо отсутствие в нем тех членов Боярской думы, которые не были в опале. И. И. Голицын, Е. Л. Ржевский и И. И. Шуйский участвовали в серпуховском походе в мае—июне 1598 г.⁵⁸ И. В. Великого-Гагин и Ф. И. Хворостинин, как ближние люди, были посланы Борисом Годуновым приводить ко кресту Псков и Казань⁵⁹, в апреле окольного И. В. Великого-Гагина «во Пскове не стало»⁶⁰, а Ф. И. Хворостинин, вернувшись, подписал утвержденную грамоту. Подписали грамоту и бояре А. П. Куракин и А. И. Голицын, последний был в 1598 г. первым воеводой во Пскове⁶¹.

Так как трудно представить, что столько представителей первостатейной знати могло быть пропущено при составлении проекта или при последующей переписке, очевидно, что перечень отражает состав собора в определенный момент его деятельности. Но в какой именно?

Допустим, что в перечень «внесены имена членов, которые присутствовали на первых февральских и мартовских заседаниях...»⁶² Хронологию этих заседаний дает сама утвержденная грамота: 17 февраля 1598 г. состоялось первое заседание собора, 21 февраля Борис Федорович был наречен на царство, а 9 марта патриарх Иев «повеле писати сию утвержденную грамоту»⁶³.

Однако до серпуховского похода (май—июнь 1598 г.) перечень участников собора мог быть составлен только между 17 и 21 февраля, так как «тот час» по наречении «послал государь... в Крым гонца своего Левонтия Лодыженского (внесен в перечень (!) — С. М.) к крымскому государю объявить свое государство...»⁶⁴

⁵⁵ По данным Шереметевского списка думных чинов, боярином в это время был отсутствовавший на соборе опальный И. М. Воротынский, безвыездно служивший в Казани в течение многих лет (ДРВ, ч. XX. М., 1791 (далее — Ш), стр. 68).

⁵⁶ Э, л. 860 об.

⁵⁷ «Полное собрание русских летописей», т. 14. М., 1965, стр. 52.

⁵⁸ Э, лл. 878, 884 об., 888.

⁵⁹ Э, лл. 875 об., 877.

⁶⁰ Э, л. 874. И. В. Великого-Гагин умер 22 апреля 1598 г. («Список погребенных в Троице-Сергиевской лавре» (далее — «Список погребенных в Троице»). М., 1880, стр. 33.

⁶¹ Э, л. 865 об. Точнее «в его место» подписал грамоту его брат Иван Иванович.

⁶² В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 54.

⁶³ ДРВ, ч. VII, стр. 93—94; П, л. 659 об. В ААЭ списати (т. 2, стр. 44).

⁶⁴ Э, л. 873.

Из Крыма стрелецкий голова возвратился в самый разгар серпуховского похода — около 10 июня 1598 г.⁶⁵

Но 17—21 февраля на соборе не было многих других лиц, внесенных в перечень. С 1596 г. служат в Белгороде М. В. Ноздроватый и Г. К. Волконский, 20 апреля 1598 г. они пишут из Белгорода в Москву о возможном походе Казы-Гирея⁶⁶.

17 января 1598 г. в Новгород-Северский послан Л. О. Щербатый, а в Брянск Семен Отяев, непосредственно оттуда они взяты в Серпухов в мае 1598 г.⁶⁷

В январе 1598 г. в Чернигове служит Ю. Г. Ловчиков, там же он оставался и в «107 году»⁶⁸.

Едва ли к 17 февраля успел вернуться с далекой Лозвы бывший казначей И. В. Траханиотов, служивший там еще в январе 1598 г.⁶⁹ Следует учесть также, что он не участвовал в серпуховском походе и не назван среди лиц, оставленных в это время «на Москве».

В марте участники собора — дьяки В. Нелюбов и Т. Петров были посланы в Псков и Смоленск, И. О. Полев в Переславль-Рязанский, И. П. Ромодановский и Б. П. Татев служат в Деделове, М. Г. Салтыков в Переславле-Рязанском, В. Б. Сукин в Новосиля⁷⁰ и т. д.

Приведем также факты другого рода, подтверждающие невозможность составления перечня 17—21 февраля 1598 г.: в него не попали ближние к Б. Ф. Годунову люди, члены Боярской думы, определенно находившиеся в это время в Москве, Ф. И. Хворостинин и И. В. Великого-Гагин. Последний до отправки в Псков сидел в Судном приказе⁷¹ и, наверное, должен был участвовать в первом заседании собора. Боярин и наместник коломенский Ф. И. Хворостинин был тогда же послан приводить «ко кресту» Казань на место опального и ненадежного И. М. Воротынского. До этого мы встречаем Хворостинина в Москве в июле 1597 г. на приеме австрийского посла⁷². Оба они в перечень не попали.

Все эти факты доказывают, что перечень был составлен не до, а после серпуховского похода, когда стрелецкий голова Л. Лодыженский вернулся из Крыма, а окольный И. В. Великого-Гагин уже умер во Пскове.

Из серпуховского похода Борис Годунов и большинство участников собора вернулись в Москву 2 июля 1598 г., следовательно, перечень С и П был составлен между 2 июля и 1 августа, когда грамота была подписана и утверждена. Но мы можем уточнить время составления перечня. 10 июля 1598 г. в Москву из Рязани было велено ехать окольному М. Г. Салтыкову⁷³. Так как М. Г. Салтыков включен в перечень, мы можем считать, что он был составлен не ранее середины июля 1598 г.

Незадолго до этого возник, видимо, и перечень духовных лиц, внесенный в Н. В этот перечень не попал рязанский архиепископ, «понеже в то время того престола на Рязани не бысть»⁷⁴. Эта вакансия появилась только в июне 1598 г.⁷⁵, очевидно раньше этого времени перечень первого экземпляра составлен быть не мог. Характерно, что в Н появление

⁶⁵ Э, лл. 887 об.—888.

⁶⁶ Э, лл. 839, 842, 874 об., 877.

⁶⁷ Э, л. 870 об.; «Разрядная книга 1475—1598 гг.» Подг. к печ. В. И. Буганов (далее — РК). М., 1966, стр. 541.

⁶⁸ Э, л. 870 об.

⁶⁹ РИБ, т. II, стр. 126, 149.

⁷⁰ Э, лл. 873 об.—875, 892 об.

⁷¹ Э, л. 865.

⁷² Э, л. 862 об., 863 об.

⁷³ РК, стр. 532.

⁷⁴ ДРВ, ч. VII, стр. 116.

⁷⁵ П. М. Строев. Указ. соч., стр. 421.

перечня связывается с составлением самой утвержденной грамоты, перечень начинается словами: «А у сей утвержденной грамоты были...»⁷⁶

Итак, перечни Н и С были составлены незадолго, не более чем за полмесяца до подписания грамот, вероятно, с тем, чтобы обеспечить порядок рукоприкладств⁷⁷.

Но и в С и в Н между перечнем и подписями имеются довольно существенные разночтения. Так, в С в перечне 455 лиц, в подписях — 491, по сравнению с перечнем в них нет 53 лиц и появляется — 89. Не меньше различий между перечнем и подписями в Н.

Кроме количественных различий между перечнем и подписями есть и другие несоответствия, которые касаются точности и полноты передачи званий и имен рукоприкладчиков. Иногда в перечне или подписях, а то сразу и в перечне, и в подписях встречаются явные опiski⁷⁸.

Указанные различия объясняются рядом причин: кроме пропусков и вставок при переписке следует учесть и то, что подписи могли ставиться на грамоте в течение длительного времени и не обязательно отражают состав собора на июль—август 1598 г. Так, в перечень Н включен игумен Святогорского монастыря Исайя, а подписал грамоту вместе с ним и новый игумен Игнатий (1598—1603 гг.)⁷⁹.

Кроме того, многие из членов собора, «в место» которых подписались другие, возможно, были неграмотны. Характерно, что в грамоте нет подписей «в место» дьяков, хотя не все дьяки, включенные в перечень, поставили свои подписи в конце грамоты. В этом отношении интересно сравнить избирательные грамоты 1598 г. и 1613 г. Из 34 общих для этих соборов членов 30 подписались в обеих грамотах⁸⁰, «в место» двоих И. А. Хованского и Мирона Шаховского расписались и в той и в другой грамоте. И лишь Никита Пушкин, «в место» которого расписался в грамоте 1613 г. его брат, подписал сам грамоту 1598 г., а «в место» боярина А. П. Куракина, подписавшего грамоту 1598 г., в грамоте 1613 г. подписался окольный Ф. Головин.

Такой сравнительно большой процент совпадений, видимо, не случаен⁸¹, тем более, что стольник И. А. Хованский, занятый исключительно дворцовой службой, почти наверное должен был находиться в Москве, а А. П. Куракин в 1613 г. был уже стар (встречается в разрядах с 1572 г., по Шереметевскому списку, боярин с 1584 г., умер в 1615 г.) и, возможно, не мог подписать грамоту⁸².

Приведенный расчет не исключает и того, что в ряде случаев подпись «в место» могла ставиться за целую группу присутствующих родственников (брат за себя и остальных братьев, отец за себя и сыновей), подписывались и за действительно отсутствующих членов собора, а может быть, и не только за его членов; нет уверенности, например, что боярин А. И. Голицын, «в место» которого расписался его брат и которого нет также в перечне, был в 1598 г. в Москве: 12 января 1598 г. он был на-

⁷⁶ ДРВ, ч. VII, стр. 111.

⁷⁷ В этом отношении любопытен комментарий грамоты к перечню в Н: «А архимандритом и игуменом, честных монастырей соборным и не соборным писаны быша имена в сей утвержденной грамоте памяти, а не по степенным книгам уложению: занеже в то время степенных списков вскоре не сыскано, которые были списки уложены при прежних государях. И впредь им о местех, как царь, государь и великий князь Борис Федорович, всеа Руссии самодержец, укажет» (ДРВ, ч. VII, стр. 116—117).

⁷⁸ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 54 и 466, прим. 36.

⁷⁹ ДРВ, ч. VII, стр. 123.

⁸⁰ ААЭ, т. 2, стр. 46—54; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 75—92.

⁸¹ Можно заметить, что некоторые лица подписывались «в место» других особенно охотно: В. Я. Кузьмин расписался в грамоте 4 раза, Ф. П. Барятинский 3 раза, И. Чечюгов 3 раза и т. д.

⁸² РК, стр. 248; Ш, стр. 61; «Список погребенных в Троице», стр. 22.

значен первым воеводой во Псков, там он находился в марте 1598 г. и в 1599 г.⁸³

Во всяком случае все это следует иметь в виду при подсчете общего числа участников собора.

В заключение обратимся к перечню П. Если его начало с именами членов освященного собора совпадает с С (за исключением настоятелей двух монастырей), то перечень светских участников собора П сильно отличается от С. Кроме многочисленных перестановок и уточнений имен (добавлений к ним отчества, прозвищ и т. д.) в перечне П по сравнению с С нет одного боярина (И. В. Годунова) и девяти стольников. С другой стороны, в П появляются 34 новые фамилии.

Эти изменения, однако, не дают никаких указаний на политический или фамильный смысл редакционной правки: нет И. В. Годунова, Г. В. Сабурова, Ф. Т. Вельяминова, но появляются Н. В. Годунов и четверо Вельяминовых. Наряду с родственниками Бориса Годунова в перечень включены: представитель круга Романовых И. Д. Шестунов, племянник В. И. Шуйского — М. В. Скопин-Шуйский, В. В. Голицын и т. д. Так же пестр состав лиц, появившихся в П, и в возрастном отношении, среди них есть и старые и очень молодые люди, служба которых по разрядам целиком относится к XVII в. (служба П. А. Хилкова и М. А. Вельяминова, например, продолжается до 1640/41 г.; в 1605 г. в разрядах впервые встречается В. И. Бутурлин; М. В. Скопину-Шуйскому в 1598 г. было всего 12 лет).

Наряду с теми, кто участвовал в серпуховском походе (А. П. Вельяминов, В. И. Гвоздев-Ростовский и т. д.) или был в 1598 г. в Москве (в сентябре — Н. В. Годунов), в перечень вошли лица, которые почти наверное не могли участвовать в работе собора: В. И. Бахтеяров-Ростовский с декабря 1596 г. воевода в Тюмени, где находится еще и в марте 1598 г.⁸⁴ Е. В. Бутурлин был послан в Тобольск в феврале 1597 г., и он же в августе 1598 г. отправлял из Тобольска в Москву жен и детей Кучума, захваченных в мае 1598 г.⁸⁵ Видимо, не был на соборе И. И. Бахтеяров-Ростовский: в 1597 г. он послан в Пронск, и «князь Иван для болезни в Пронску не был»⁸⁶, по Троицкому синодику умер в конце 1598 г.⁸⁷ Наконец, двое умерли до 1598 г.: Е. М. Салтыков в 7102 г. — воевода в Стародубе, на этой службе «Елизарья не стало»⁸⁸; последнее упоминание о Д. Б. Салтыкове относится к 1596 г., по Троицкому синодику он умер между 7105 и 7106 гг., вероятно в конце 1596 — начале 1597 г.⁸⁹

В П, как и в С, члены Боярской думы, пожалованные в конце 1598 г., вошли с новыми чинами, но с одним исключением: среди 34 новых фамилий в рубрике «дворяне большие с Москвы» мы находим Н. В. Годунова, произведенного 5 сентября 1598 г. в окольничие⁹⁰. Если исключить двойное совпадение: Н. В. Годунов был случайно пропущен при редактировании, а затем и вообще утрачен в С, — то можно сделать вывод, что Н. В. Годунов и 33 другие фамилии внесены в П из какого-то источника, в котором будущий окольничий стоял еще среди дворян⁹¹.

⁸³ РК, стр. 534, 535; Э, л. 907.

⁸⁴ РК, стр. 514; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, приложения. М.—Л., 1941, стр. 157.

⁸⁵ Э, л. 840 об.; РИБ, т. II, стр. 128, 144; «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 352.

⁸⁶ Э, л. 842 об.; РК, стр. 508.

⁸⁷ ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 27 об.

⁸⁸ РК, стр. 484.

⁸⁹ Э, л. 834; ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 27 об.

⁹⁰ П, л. 664; Э, л. 894 об.

⁹¹ Нельзя вполне исключить и того, что через некоторое время после собора не была предпринята фальсификация грамоты, цель которой не ясна.

Трудно судить о характере и времени составления этого источника, скорее всего это был список типа боярских списков. То, что в нем был и Е. М. Салтыков, умерший в 7102 г., как будто говорит о том, что список был составлен до этого времени. Возможно, источником П была предварительная роспись участников собора, использовавшая список чинов, составленный при жизни Е. М. и Д. Б. Салтыковых, и приведенная в соответствии с действительностью в июле 1598 г.⁹² В последнем случае нам легче объяснить кажущееся несоответствие между более ранним происхождением Н (по сравнению с С и П) и тем, что, хотя в четырех случаях старые настоятели действительно находятся в Н, а новые в двух других списках (С и П), один раз имеет место обратное. Приведение предварительной росписи в соответствие с действительным представительством духовенства на соборе было сделано в окончательном варианте (или во втором экземпляре) грамоты не совсем последовательно или невнимательно: так, в перечне С появился старый, а не новый настоятель Болдина-Троицкого монастыря.

В 1598 г. были составлены два экземпляра избирательной грамоты, черновой вариант грамоты или один из ее экземпляров подписан в июле, другой утвержден 1 августа. Незадолго до утверждения грамот появились перечни участников собора, призванные обеспечить порядок их подписания. Возможно, до начала собора в Разрядном приказе была составлена роспись его членов, позднее использованная при создании одного из списков грамоты; таким образом, небольшая часть ее и сохранилась в составе П⁹³. Новые подписи ставились на грамотах, вероятно, и после их утверждения, поэтому считать всех подписавших грамоты членами собора мы можем лишь условно. Условной будет и общая цифра участников собора по перечням и подписям двух списков, причем в нее можно включить и некоторых лиц из П, так как они могли присутствовать на заседаниях собора⁹⁴. В эту цифру не войдут многие участники первых заседаний февраля—марта 1598 г. и, напротив, будут включены некоторые лица, не участвовавшие в соборе, но подписавшие грамоту.

Всего по трем спискам мы насчитали около 600 человек. В действительности собор был гораздо шире, так как его состав быстро менялся, а мы знаем участников только самых последних заседаний.

В приложении приводится перечень Плещеевского списка утвержденной грамоты 1598 г. Текст передается в соответствии с принятыми правилами публикации документов XVI—XVII вв. Новые по сравнению со Строгановским списком имена выделены разрядкой.

Приложение

л. 660 об. А - на соборе были с первопрестольнейшим пресвятейшим Иевом патриархом Московским и всеа Руси, о святем душе сынове его: Варлам митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, Ермоген митрополит Казанский и Свияский, Варлам митрополит Ростовский и Ярославский, Геласей митрополит Сарский и Падонский, Иона архиепископ Вологодский и Великопермский⁹⁵, Галактион архиепископ Суздальский и Та-

⁹² Во всяком случае источник был разрядный — П дошел в составе разрядной книги.

⁹³ Вопрос о происхождении П требует дополнительных разысканий.

⁹⁴ Например, М. Ф. Кашина и Ю. И. Вельяминова, находившихся в 1598 г. в Москве, Н. В. Годунова, который участвовал в серпуховском походе 1598 г. есаулом в государственном полку, а после похода вскоре стал окольным и т. д. Однако пользоваться Плещеевским списком для анализа социального состава собора нельзя без тщательной проверки помещенных в нем новых фамилий по другим источникам.

⁹⁵ В рукописи Великопермский.

русский, Феодосей архиепископ Смоленский и Брянский, Варлам архиепископ || Рязанский и Муромский, Захарей архиепископ Тверский и Кашинский, Арсений архиепископ Архангельский, Генадей епископ Псковский и Езборский, Иосиф епископ Коломенский и Коширский, Селивестр епископ Корельский и Орешенский; архимариты и игумены: Троицы Сергеева монастыря архимарит Кирил, из Володимера Роже-л. 661ственнского монастыря архимарит Елиазар, Спаса Нового монастыря архимарит Закхей, Чюдовской архимарит Пафнотей, из Великого Новгорода Юрьева монастыря архимарит Иоаким, Симанова монастыря архимарит Иона, Свяской архимарит Сергей, Ондриковской архимарит Васьян, Казанский архимарит Арсений, из Нижнево Новгорода Печерский архимарит Трифон, из Великого Новгорода Хутынский игумен Аркадей, Кириловский игумен Корнилей, ис Переславля Залеского Горлицкой архимарит Феодосей, из Можайска Лужинской архимарит Селивестр, из Ростова Богоявленского монастыря архимарит Феодосей, Богоявленской, что на Москве за торгом, игумен Иев, из Ярославля Спаской архимарит Феофил, из Боровска Пафнотьева монастыря игумен Иосаф, Иосифова монастыря игумен Галасей, из Суздаля Спаской архимарит Левкей, из Великого Новгорода Антоньевской игумен Трифон, || изо Пскова Печерской игумен Иоаким, Соловецкой игумен Исидор, из⁹⁶ Смоленска Борисоглебской архимарит Дионисей, с Резани Спаской архимарит Иона, из Великого Новгорода Тихвинской игумен Иосиф, с Вологды Спаской Каменного монастыря архимарит Иона, ис Твери Отроча монастыря архимарит Феодосей, с Волока Возмицкой архимарит Васьян, ис Переславля Залеского Даниловской архимарит Иона, Ферапонтова монастыря игумен Иона, Борисоглебской с Устья игумен Петр, с Резани Солоченской архимарит Андреян, с Вологды Прилуцкой игумен Гурей, из Дорогубужа Болдинской игумен Феоктист, из Великого Новгорода Вежитцкого монастыря игумен Филарет, Духова монастыря игумен Феонаст, из⁹⁷ Звенигорода Сторожевской игумен Боголец, с Вологды Спаской игумен Иоил, Глушитцкой игумен Андреян, ис Кашина Калезинской игумен Левкей, с Вологды Корнилевской игумен Иосиф, ис Переславля Залеского Никитцкой игумен Никон, из Можайска Колотцкой игумен Никандр, с Угреши Никольской игумен Тихон, з Двины Сийской игумен Иона; соборные старцы: Троецкой Сергиева монастыря старец Варсунофей Акимов, келарь старец || Акакей, казначей старец Илья, старец Мисайло Безнин, Троецкого подворья строитель старец Еустафей Головкин, архидьякон старец Алимпей, патриархов казначей старец Арсений, старец Серапион Марков, Ипатцкого монастыря строитель Гурей Ступишин, Чюдова монастыря келарь старец Феодосей Креницын, казначей старец Иосиф, старец Васьян Торжнев, старец Герман Шербатой, Кирилова монастыря старец Леонид, Кириловского подворья строитель старец Елеуферей Братцов, старец Иосиф Монастырев, из Боровска Павфнугьева монастыря келарь старец Галасея, казначей старец Иона Наумов, Иосифова монастыря старец Моисей Неплюев, старец Тихон Ржевской, старец Левкей, из Ярославля Спаской строитель старец Мисайло, Соловецкого монастыря старец Васьян; бояре: князь Федор Иванович Мстиславской, князь Василей Иванович Шуйской, конюшей и боярин Дмитрий Иванович Годунов, князь Федор Михайлович Трубецкой, боярин и дворецкой Степан Васильевич Годунов, князь Дмитрий Иванович Шуйской, Богдан Юрьевич Сабуров, князь Микита да князь Тимофей Романовичи Трубецкие, Федор || Никитич Романов, князь Михайло Петрович Катырев-Ростовской, Александр Никитич Романов, князь Иван Михайлович Глинской, князь Александр

л. 661 об.

л. 662

л. 662 об.

⁹⁶ В рукописи и.

⁹⁷ В рукописи и.

Иванович Шуйской, князь Борис Канбулатович Черкасской, князь Василей Карданукович Черкасской; окольничей: Яков Михайлович Годунов, Семен Микитич Годунов, князь Ондрей Иванович Хворостинин, Михайло Микитич Романов, Дмитрей Иванович Вельяминов, Матфей Михайлович Годунов, Степан Степанович Годунов, кравчей Иван Иванович Годунов, Михайло Глебович Салтыков, Фома Афонасьевич Бутурлин, Ондрей Петрович Клепшин, Семен Федорович Сабуров, князь Василей Дмитриевич Хилков, Михайло Михайлович Салтыков, Богдан Яковлевич Бельской; у государыни царицы и великой княгини Марье у ествы князь Ондрей Иванович Гундунов, казначей Игнатей Петрович Татищев, печатник и посольской дяк Василей Яковлевич Щелкалов; думные дворяне: князь Петр Иванович Ростовской-Буйносов, Остафей Михайлович Пушкин; постельничей Истома Осифович Безобразов, стряпчей с ключем Кузьма Безобразов, на Земском дворе боярин Григорей Борисович Васильчиков, сокольничей Иван Алексеев сын || Жеребцов, ясельничей Михайло Игнатьев сын Татищев; дяки думные: Елизарей Вылузгин, Сапун Аврамов, Иван Алексеев сын Нарманской, Афонасей Иванов сын Власьев; стольники: князь Юрьи княж Никитин сын Трубецкой, Иван Микитин сын Годунов, князь Иван княж Никитин сын Адоевской, Иван Никитин сын Романов, князь Ондрей княж Ондреев сын Телятевской, Василей Никитин сын Романов, Петр Федоров сын Басманов, князь Иван княж Михайлов сын Катырев-Ростовской, Иван Михайлов сын Годунов, Алексей Иванов сын Годунов, князь Иван княж Семенов сын Куракин, Алексей Романов сын Плещеев, князь Иван да князь Микита княж Одреевы дети Хованского, Богдан Семенов сын Сабуров, Замятия Иванов сын Сабуров, князь Федор княж Иванов сын Лыков, князь Иван княж Иванов сын Курлятев, князь Иван княж Борисов сын Черкасской, Михайло Борисов сын Шеин⁹⁸, князь Иван княж Микитин сын Меньшей Адоевской, Петр Дмитриев сын Обиняков-Вельяминов, князь Алексей княж Юрьев сын Ситцкой, Микита Дмитриев сын Вельяминов, княж Ондрей княж Васильев сын Ситцкой, князь Борис княж Михайлов сын Лыков, князь || Иван княж Федоров сын Хованской, Семен Дмитриев сын Вельяминов, князь Данило княж Иванов сын Мезецкой, Данила да Степан Афонасьевы дети Вельяминовы, князь Сава княж Дмитрев сын Щербатой, князь Ондрей княж Ондреев сын Хованской, Сила да Борис Михайловы дети Вельяминовы, князь Иван княж Ондреев сын Хованской, Василей да Михайло Игнатьевы дети Вельяминовы, князь Василей княж Петров сын Тростенской, Петр Григорьев сын Сабуров, князь Борис княж Ондреев сын Хилков, князь Иван княж Дмитриев сын Хворостинин, князь Григорей княж Федоров сын Хворостинин, князь Юрьи княж Данилов сын Приемков, князь Юрьи княж Петров сын Ушатой, князь Роман княж Федоров сын Троекуров, Василей да Федор Ивановы дети Бутурлина, князь Иван княж Васильев сын Хилков, князь Петр княж Одреев сын Хилков; дворяне большие с Москвы: Степан Александров сын Волоской, князь Иван княж Иванов сын Шуйской, князь Ондрей княж Иванов сын Голицын, князь Василей да князь Иван да князь Ондрей княж Ивановы⁹⁹ дети Голицыны, Дмитрей Ондреев сын

л. 663
л. 663 об.
л. 664

⁹⁸ Далее порядок имен в II перестает соответствовать С.

⁹⁹ В отчестве описка, следует читать Васильевы.

ков-Ростовской, Василей Афонасьев сын Вельяминов, князь Михайло Темкин-Ростовской, Ондрей Петров сын Вельяминов, Петр Воеводин Мутянской, князь Михайло княж Федоров сын Кашин, Григорей Игнатъев сын Вельяминов, князь Василей княж Петров сын Туренин, Тимофей Иванов сын Сабуров, князь Михайло князь Самсонов сын Туренин, князь Василей княж Михайлов сын Лобанов-Ростовской, князь Ондрей княж Дмитриев сын Хилков, князь Григорей да князь Иван княж Петровы дети Ромодановские, князь Володимер княж Тимофеев сын Долгорукой, князь Федор да князь Дмитрией княж Васильевы дети Туренина, князь Володимер да князь Ондрей да князь Иван княж Ивановы дети Бахтеяровы-Ростовские, князь Борис княж Петров сын Татев, Михайло Богданов сын Сабуров, князь Иван да князь Федор да || *л. 664 об.* князь Семен княж Ивановы дети Татева, князь Лука княж Осифов сын Щербатов, Матфей Васильев сын Бутурлин, князь Ондрей княж Васильев сын Хилков, князь Василей да князь Роман Агишевы дети Тюменского, Иван Селунской, Олексей Фомин сын Третьяков-Головин, Микита Михайлов сын Пушкин, князь Федор княж Тимофеев сын Долгорукой, князь Иван да князь Борис княж Никитины дети Примковы-Ростовского, князь Василей князь Иванов сын Гвоздев-Ростовской, князь Александро княж Федоров сын Засекин, князь Василей да князь Федор княж Ондреевы дети Звенигородцкого, князь Иван княж Федоров сын Засекин, князь Семен княж Григорьев сын Звенигородцкой, Дмитрией Борисов сын Салтыков, Елизарей Салтыков, князь Петр Ахамашуков ¹⁰⁰ сын Черкасской, князь Ондрей Чюмаков, князь Иван Егупов сын Черкасской, князь Роман княж Васильев сын Охлябинин, князь Иван Шестунов, князь Петр княж Михайлов сын Шеховской, князь Володимер княж Васильев сын Кольцов-Мосальской, Василей Яковлев сын Кузьмин-Короваев, Василей Яковлев сын Волинской ¹⁰¹, Меньшой Иванов сын Волинской ¹⁰², Верига Федоров сын Сабуров, князь Петр князь Иванов сын Борятинской, || Ивашка Михайлов сын Пушкин, Ефим Варфоломеев сын Бутурлин, князь Федор Друтцкой ¹⁰³. *л. 665*

¹⁰⁰ В рукописи Аамашуков.

¹⁰¹ В рукописи Вылынской.

¹⁰² Возможно, описка в отчестве, в разряде этого времени встречается Меньшой Григорьевич Волинский.

¹⁰³ На этом текст в рукописи обрывается.

Ю. А. Тихонов

ОТПИСНЫЕ И ОТКАЗНЫЕ КНИГИ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА КАК ИСТОЧНИК О БОЯРСКИХ И ДВОРЯНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ МОСКОВСКОГО УЕЗДА XVII—НАЧАЛА XVIII в.

Своеобразие исторического развития России — страны, в которой крепостничество оказалось «гораздо более „крепким“, твердым, могучим, всесильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире“»¹, предопределило особый интерес дореволюционной историографии к этой проблеме. Здесь прославились своими научными изысканиями В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, Д. Я. Самоквасов, С. Б. Веселовский и многие другие исследователи. И все же, несмотря на целый ряд достижений (новые находки источников XVI—XVII вв., создание оригинальных концепций в результате острой полемики между их авторами и последователями), постепенно крепла неудовлетворенность прежними методологическими установками. Эту неудовлетворенность выразил А. Е. Пресняков при попытке подвести итоги изучения исторических судеб русского крестьянства.

Воздав должное целой плеяде историков, А. Е. Пресняков пришел к выводу, что их научные интересы свелись к трем основным проблемам: изучение происхождения, характера и развития крепостного права; изучение происхождения общины; изучение крестьянства как особого общественного класса. Такой подход оставил в стороне исследование других ключевых вопросов. К их числу относится экономическая эволюция крестьянского и помещичьего (крепостного) хозяйства; последствия их работы на рыночный сбыт; различия между барщинной и оброчной деревней. По справедливому мнению А. Е. Преснякова, без изучения указанных тем невозможно выяснить природу крепостного права и крепостного быта². Можно полагать, что к формулированию этих новых требований А. Е. Пресняков подошел под влиянием марксистской литературы.

Поскольку для решения новых проблем известные в то время науке источники содержали мало данных, А. Е. Пресняков выдвинул задачу вовлечения в научный оборот материалов Поместного приказа и вообще Вотчинного архива в составе Московского архива Министерства юстиции, а также частных фондов. Сейчас можно сказать, что его призыв к разработке частновладельческих архивов не остался без ответа. Исследования А. А. Новосельского, Е. Н. Ошаниной, Д. И. Петрикеева, К. Н. Щепетова и других обогатили историческую науку ценными наблюдениями и выводами относительно социально-экономической природы отдельных боярских и дворянских владений (мы не касаемся работ, посвященных дворцовому, патриаршему и монастырскому хозяйствам).

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 16.

² А. Е. Пресняков. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. — «Архив истории труда в России», кн. 1. Пг., 1921, стр. 44.

Что же касается архивов государственных учреждений, и в частности архива Поместного приказа, то их материалы в основном продолжают оставаться еще не тронутыми.

В чем же причина того, что, несмотря на очевидное научное значение фонда Поместного приказа, ни дореволюционные, ни советские ученые так и не рискнули серьезно, углубленно приступить к его изучению. Представляется, что дело не только в невозможности охватить громадное количество книг и столбцов XVII—начала XVIII в. Первое же знакомство с этими источниками показывает, что данные о крепостном хозяйстве, интересующие историка, не лежат на поверхности, что требуется много времени и труда, чтобы обнаружить их в толще самых различных сведений правового и фискального порядка.

Обратимся к фонду Поместного приказа.

Поместный приказ являлся одним из важнейших государственных учреждений. В XVII в. он был исполнительным, административно-судебным органом царского правительства по фискальному учету центральных уездов страны, но главным образом, по наделению землей служилых людей «по отечеству», по закреплению крестьян в личной и поземельной зависимости за вотчинниками и помещиками³. Функции учета земли и населения, фиксации сословных прав господствующего класса обусловили громадные размеры делопроизводства приказа. По количеству подъячих он занимал первое место среди всех царских учреждений⁴. Недаром до нашего времени в фонде приказа сохранилось около 45 тыс. единиц хранения.

Фонд Поместного приказа, состоящий из книг и столбцов, можно разделить на несколько частей. Наиболее известна большая группа книг (писцовые, переписные, дозорные и др.), содержащая переписи земель и тяглого населения для обложения и сбора государственных налогов. Научная ценность таких книг не вызывает сомнения, к ним обращались и еще долго будут обращаться специалисты в области демографии, исторической географии, истории землевладения, финансов. Все чаще исследователи обращаются к записным книгам, в которых регистрировали указы, жалованные грамоты, крепостные акты, челобитные, допросы и приговоры⁵. Книги приказных дел Поместного приказа известны историкам лишь отчасти, благодаря публикации извлеченных из них отписных книг первой четверти XVIII в.⁶ К. В. Сивков писал, что в книгах приказных дел имеются также отписные книги за XVII в., однако по архивным описям их обнаружить не удалось. О столбцах Вотчинной записки как исторических источниках нет специальных исследований,

³ С. Б. Веселовский. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посопного обложения Московского государства, т. 2. М., 1916, стр. 20, 24, 26; А. В. Чернов. К истории Поместного приказа. (Внутреннее устройство приказа в XVII в.). — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IX. М., 1957, стр. 194—250; Н. В. Устюгов. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 136—137.

⁴ А. В. Чернов. Указ. соч., стр. 223—224; Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 216.

⁵ Н. Н. Ардашев. Книги «Записные приговорам» бывшего Вотчинного архива (1670—1720 г.). — «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. 7. М., 1890, отд. II, стр. 319—426; кн. 8. М., 1891, отд. II, стр. 3—77; А. Г. Маньков. Записные книги крепостей на крестьян Поместного приказа второй половины XVII в. — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 324—330.

⁶ К. В. Сивков. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник. — «Проблемы источниковедения», сб. 3. М.—Л., 1940, стр. 367—390; «Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951.

хотя частично их данные введены в научный оборот. Столбцы сыскных комиссий изучены А. П. Гудзинской⁷.

Мало что известно о самой большой группе фонда — о книгах и столбцах по надделению, наследованию и переходе поместий и вотчин. Эти книги и столбцы расположены отдельными комплексами по 52 «городам» России XVII в. Они представляют собой правовые акты и книги по земельным делам и делопроизводственные первичные материалы к ним. Еще в дореволюционной литературе раздавались призывы к их изучению⁸. Однако начало их введению в научный оборот положено совсем недавно. Е. И. Заозерская в своей содержательной статье о хозяйстве боярина Никиты Ивановича Романова наряду с писцовыми, переписными и иными книгами привлекла также данные отказных книг по Москве, Коломне и Твери о землевладении и размерах повинностей⁹. Плодотворно изучающий наиболее показательное в аспекте феодального предпринимательства хозяйство боярина Бориса Ивановича Морозова Д. И. Петрикеев в дополнение к опубликованным источникам также привлек писцовые, переписные и отказные книги. Последние позволили полнее представить земельные владения Морозова и острую борьбу сопровождавшую расширение имений царского временщика¹⁰. В последнее время появились и серьезные источниковедческие работы В. Б. Павлова-Сильванского по материалам Вяземского уезда¹¹. Автор показал значение отказных книг, содержащих данные по землевладению, областному управлению, писцовому делу и т. д., а также сравнение их содержания с переписными, сыскными, мерными книгами.

Для исследователя, поставившего себе целью разыскание новых источников по истории помещичьих крестьян XVII—начала XVIII в. центральных уездов, естественно, самыми заманчивыми представлялись поместно-вотчинные дела Замосковского края. Для начала был избран столичный уезд, по которому сохранилось большое количество столбцов и книг.

При современном состоянии научно-справочного аппарата фонда Поместного приказа целесообразнее отдать предпочтение книгам перед столбцами, ибо первые представляют собой компактный и законченный вид источника. К тому же описи («реестры») книг, составленные в 1843—1844 гг. в целях справочной работы архива, несравненно лучше, нежели описи столбцов, позволяют ориентироваться в необозримой массе источников. Конечно, столбцы, будучи подготовительными материалами для составления книг, также по-своему ценны для исследователя. Однако параллельное изучение книг и столбцов, их сопоставление может привести результаты лишь на заключительной стадии источниковедче-

⁷ А. П. Гудзинская. Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1968.

⁸ В. Н. Холмогоров. Об «отказных» книгах. — «Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. 2, вып. 1. М., 1900, стб. 69—72; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 335.

⁹ Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. IV. М., 1960, стр. 39—66.

¹⁰ Д. И. Петрикеев. О некоторых материалах по истории вотчины боярина Б. И. Морозова. — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 330—337; он же. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967, стр. 14 и др.

¹¹ В. Б. Павлов-Сильванский. Источники и состав отказных книг Поместного приказа (30—40-е годы XVII в.). (По материалам Вяземского уезда). — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 156—165; он же. Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения. (По материалам Вяземского уезда 30—40-х годов XVII в.). — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 94—103.

ского исследования фонда в целом. Ныне эта работа не может быть выполнена, ибо столбцы как вид источника совершенно не изучены.

Сейчас назрела необходимость приступить к серьезной источниковедческой разработке всех материалов Поместного приказа.

Всего в фонде Поместного приказа по Московскому уезду сохранились 33 единицы хранения¹² (из них в четверть листа 22 дела, в лист — 11 дел), отсутствует одно дело под № 9856. Книги охватывают период с 1626 по 1751 г. Материалы до Соборного уложения 1649 г. можно найти в основном в четырех делах; с 1649 г. по подворную реформу 1678—1679 гг. — в семи; наибольшее количество дел (22) приходится на время с 1678 г. по начало 1720-х гг., т. е. до введения подушной подати, в четырех делах имеются также материалы 1720—1750 гг.

В каждой единице хранения переплетены десятки и сотни разнообразных книг: отказные, отдельные, раздельные, отписные, межевые, переписные (по отдельным владениям), описные, мерные, сыскные, отдаточные. Всего 5116 книг. Хронологическая последовательность в их расположении часто нарушается. Несмотря на особенности каждого вида книг, всех их объединяет целевая направленность, а именно: составление книг фиксировало передачу, наследование либо закрепление поместья или вотчины за владельцем или же, наоборот, конфискацию и передачу в дворцовое ведомство. Иногда на все владения одного феодала в пределах Московского уезда составлялась одна книга. Но обычно на каждое имение, расположенное в другом стане или волости, приходится особое описание. Встречаются книги по имениям, расположенным в других центральных, а также южных уездах. В основном такие описания случайно оказывались в составе книг столичного уезда. Однако в ряде случаев они переплетались вместе по той причине, что наряду с подмосковным имением переписывались владения в смежных уездах — Рузском, Можайском, Звенигородском, Коломенском, Боровском и др.

Существенных изменений в структуре книг с течением времени обнаружить не удается. Заметно лишь постепенное увеличение внимания составителей книг к более точной переписи сельского населения. К началу XVIII в. становится правилом фиксирование и мужчин и женщин с указанием их возраста; нередко даны итоговые данные о количестве душ; приводится для сравнения количество дворов по переписи.

Что же представляют собой книги Московского уезда как исторический источник? Прежде всего это ценнейшие материалы о землевладении господствующего класса, испомещенного вокруг столицы. Вместе

¹² ЦГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9830 (223 книги 1626—1632 гг. на 1292 л.); д. 9831 (222 книги 1632—1636 гг. на 1202 л.); д. 9832 (179 книг 1636—1641 гг. на 914 л.); д. 9833 (293 книги 1641—1648 гг. на 1639 л.); д. 9834 (271 книга 1648—1655 гг. на 1513 л.); д. 9835 (206 книг 1655—1661 гг. на 1225 л.); д. 9836 (231 книга 1657—1673 гг. на 1359 л.); д. 9837 (185 книг 1661—1665 гг. на 1079 л.); д. 9838 (204 книги 1666—1670 гг. на 1277 л.); д. 9839 (168 книг 1660—1678 гг. на 1191 л.); д. 9840 (246 книг 1673—1677 гг. на 1755 л.); оп. 191, д. 9841 (173 книги 1677—1681 гг. на 990 л.); д. 9842 (151 книга 1629—1680 гг. на 1505 л.); д. 9843 (268 книг 1675—1686 гг. на 1630 л.); д. 9844 (228 книг 1681—1686 гг. на 1520 л.); д. 9845 (197 книг 1668—1688 гг. на 1452 л.); д. 9846 (167 книг 1684—1691 гг. на 1073 л.); д. 9847 (160 книг 1669—1693 гг. на 1102 л.); д. 9848 (165 книг 1681—1697 гг. на 1013 л.); д. 9849 (71 книга 1677—1697 гг. на 562 л.); д. 9850 (164 книги 1683—1700 гг. на 1251 л.); д. 9851 (88 книг 1650—1700 гг. на 545 л.); д. 9852 (108 книг 1693—1702 гг. на 575 л.); д. 9853 (122 книги 1688—1708 гг. на 481 л.); д. 9854 (158 книг 1673—1719 гг. на 672 л.); д. 9855 (42 книги 1698—1715 гг. на 255 л.); д. 9857 (67 книг 1688—1720 гг. на 422 л.); д. 9858 (86 книг 1688—1728 гг. на 343 л.); д. 9859 (53 книги 1643—1709 гг. на 317 л.); д. 9860 (87 книг 1698—1735 гг. на 460 л.); д. 9861 (71 книга 1693—1739 гг. на 505 л.); д. 9862 (35 книг 1698—1751 гг. на 390 л.); д. 9863 (27 книг 1687—1688 гг. на 390 л.).

**Книги Московского уезда, содержащие описания феодального
и крестьянского хозяйства**

Годы	Феодальное хозяйство									
	Книги									
	отписные	отказные	отказные и переписные	отказные и отписные	отказные у ценовые	раздельные	описные	переписные	без названия	Всего
1626—1649	4	2	—	—	—	—	—	1	1	8
1650—1679	18	8	—	—	—	1	4	—	—	31
1680—1725	32	21	1	1	1	—	2	—	1	59
Итого . . .	54	31	1	1	1	1	6	1	2	98

Окончание

Годы	Крестьянское хозяйство								
	Книги								
	отписные	отказные	отказные и переписные	отказные и отписные	отказные и ценовые	раздельные	описные	отдаточные	Всего
1626—1649	1	1	—	—	—	—	—	—	2
1650—1679	4	2	—	—	—	1	—	4	11
1680—1725	2	2	1	1	1	—	1	—	8
Итого . . .	7	5	1	1	1	1	1	4	21 *

* В том числе в 6 книгах (четыре отдаточные и две отказные) описания содержат только сведения о крестьянах.

с писцовыми, переписными и дозорными книгами изучаемые книги позволяют более углубленно вникнуть в вопросы исторической географии, топонимики, демографии Московского края XVII—начала XVIII в. Однако мы стремимся использовать книги Поместного приказа в ином плане. Владение служилого человека интересует нас как своеобразный хозяйственный организм. В этом аспекте изучаемые материалы, во-первых, подобно другим источникам из фондов государственных учреждений того времени, лишь изредка приподнимают завесу над социально-экономическими явлениями в феодальном и крестьянском хозяйстве, во-вторых, проигрывают в силу специфических особенностей составления книги. Они фиксируют состояние поместья или вотчины только в момент описания. Для описания такого рода важнейшей является как бы формальная сторона, т. е. учет построек, людей, инвентаря, продуктов, скота. Такое описание за редким исключением не проливает свет на внутренний распорядок жизни владения, на происхождение холопов и крестьян, на их обязанности и права.

Но и отмеченные описания, дающие представление о владении в целом, встречаются довольно редко. Обычно описание сводится к перечис-

лению земельных участков, а также помещичьих и крестьянских дворов и людей, их населяющих. Иногда подьячие Поместного приказа описывали постройки во дворе владельца и его скот; иногда отмечали перемещение холопов и крестьян внутри вотчины и т. д. (особенно в случае споров между землевладельцами). Таким образом, из многих сотен книг можно получить более или менее полное представление о помещичьем хозяйстве (постройки, люди, имущество, запасы хлеба, поголовье скота и птицы) в 98 книгах. В них зафиксировано 83 имения, принадлежащих 74 владельцам. А облик крестьянского хозяйства (описание двора, запасы зерна, обеспеченность скотом), а также происхождение крестьян отражены всего-навсего в 21 книге (см. таблицу).

Такое положение наталкивает на единственно возможный путь систематизации материала. Приходится брать за основу полные описания по 104 книгам (к 98 книгам прибавляем еще 6, содержащих сведения только о крестьянах)¹³ и дополнять их отрывочными сведениями, извлеченными путем сплошного просмотра всех других книг. Это позволяет вести исследование в проблемном плане и в то же время не нарушать взаимосвязанности между отдельными чертами феодального хозяйства. В отличие от частных фондов, дающих более или менее полную картину всего вотчинного хозяйства, изучаемые книги показывают владения лишь в пределах одного уезда. К тому же нет уверенности в том, что они зафиксировали все подмосковные владения.

Большинство вотчинников и помещиков, владения которых довольно полно описаны в книгах, выступают как хозяева одного имения. У четверых (князь Дмитрий Андреевич Кольцов-Мосальский, дьяк Иван Степанов, боярин Василий Иванович Стрешнев, действительный тайный советник Петр Андреевич Толстой) отмечено по два имения; у трех фамилий (боярин Глеб Иванович Морозов, князья Иван и Андрей Хованские, братья Иван, Семен, Григорий Федоровичи Грибоедовы) — по три имения; у князя Михаила Алегуковича Черкасского — четыре имения; у князя Василия Васильевича Голицына — девять имений.

С наибольшими трудностями связано определение тенденций развития подмосковных боярских и дворянских хозяйств, ибо разновременных описаний по одним и тем же владениям довольно мало. Некоторые полные описания можно сравнивать с краткими известиями отказных или отдельных книг, но в силу краткости последних сопоставимы лишь порознь сведения о количестве дворов, либо о хоромах помещичьего двора, либо о хлебных запасах. Естественно, что судить об изменениях в феодальном хозяйстве в комплексе в этом случае невозможно. Около десятка владений описывались довольно полно дважды или трижды в одном году или спустя год-два, так что хронологический разрыв между обстоятельными сведениями книг весьма невелик. За такой короткий промежуток времени существенных изменений, конечно, произойти не могло. Однако по таким изменениям приоткрывается завеса над ближайшими последствиями конфискации или перехода в другие руки в отношении укрупнения барского хозяйства или, наоборот, его свертывания.

Наибольший интерес представляют шесть владений, по которым сохранились именно полные описания, позволяющие сравнивать их за разные годы. Деревня (затем сельцо) Венюково Замыцкой волости находи-

¹³ К ним в дальнейшем можно будет присоединить описание села Котельники из публикации «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова» (ч. I. М.—Л., 1940, № 9) и 12 описаний из сборника документов «Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства первой четверти XVIII в.» (М., 1951, № 156, 158, 159, 161, 162, 166, 168—172, 176). Правда, в последнем издании по двум владениям опубликованы «доезды», т. е. описания спустя год после конфискации. В наших же книгах имеются описанные книги как раз по этим имениям.

лась в вотчинном владении дьяка Григория Богданова. За прием беглых четырех крестьян дьяк был наказан отдачей 16 крепостных семей со всем имуществом. Это нашло отражение в четырех отдаточных книгах 1663—1666 гг.¹⁴ А в 1689 г. по сельцу Венюково составили отписную книгу по причине его конфискации у князя Василия Васильевича Голицына¹⁵.

В 1671 г. вотчина стольника Матвея Григорьевича Кокорева перешла к стрелецкому голове Ивану Федоровичу Грибоедову с братьями. Во время бурных событий 1682 г. деревня Акишево Горетова стана была конфискована¹⁶.

В 1694 г. вотчина Федора Евстратьевича Коптева (сельцо Толбино Перемышльской волости) была отказана дьяку Кириллу Алексеичу Фролову. В 1702 г. она была конфискована, а в 1703 г. отдана стольнику князю Григорию Дмитриевичу Юсупову¹⁷.

В 1676 г. из Дворца передали в вотчину боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову село Степановское Горетова стана. В 1679 г. отмечен отказ села сыну князя — Михаилу. В 1682 г. после убийства князей восставшими московскими стрельцами село вновь отписано во Дворец, но в 1683 г. опять отказано князьям Ивану, Петру, Владимиру, Василию Долгоруким¹⁸.

В 1644 г. сельцо, позже село, Скрябино, Скорятино, Зюзино тож Чермнева стана от боярина князя Алексея Юрьевича Сицкого перешло к боярину Глебу Ивановичу Морозову. В 1666 г. оно было отписано в дворцовое ведомство, а в 1684 г. пожаловано боярину и дворецкому князю Василию Федоровичу Одоевскому¹⁹.

Чаще всего встречается в книгах село Рождественное Горетова стана. В 1678 г. оно было отписано у боярина Артамона Сергеевича Матвеева и отказано боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому. В 1682 г. село возвратили Матвееву, а в следующем 1683 г. оно было отказано его сыну Андрею. Сохранилась отказная книга 1715 г., зафиксировавшая переход села вдове князя Черкасского Авдотье. В 1739 г. имение умершей Авдотьи было еще раз описано²⁰.

Какие же вопросы позволяют осветить данные книг Поместного приказа по Московскому уезду? Разнообразный материал книг целесообразно разбить на четыре группы: 1. Земельная структура имений; 2. Феодальная усадьба и ее хозяйство; 3. Население феодальной усадьбы; 4. Крестьяне и крестьянское хозяйство. Сведения по вопросам второй и третьей групп дают 98 книг; по четвертой — 21 книга. Обычно во многих книгах имеются указания об общем размере земельных угодий в четвертях. Довольно часто дается порознь размер пашни паханой, пашни наезжей, пашни перелогом, пашни, лесом поросшей. При внимательном рассмотрении оказывается, что эти показатели не отражают реальной картины, а переписаны из наказа и выписи с писцовых книг. Так, по ряду имений указана только пашня паханая, по другим лишь пашня, поросшая лесом, хотя переписчик отмечает наличие крестьянских дворов. Показательна в этом отношении отказная книга 9 июля 1634 г. на

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9836, лл. 51—56 об.; д. 9837, лл. 611—630 об., 1000—1003 об.; оп. 191, д. 9842, лл. 135—137.

¹⁵ Там же, оп. 191, д. 9847, лл. 629—641 об.

¹⁶ Там же, оп. 190, д. 9836, лл. 432—438; оп. 191, д. 9844, лл. 728—732 об.

¹⁷ Там же, оп. 191, д. 9848, лл. 530—532 об.; д. 9852, лл. 295—302; д. 9853, лл. 167—171.

¹⁸ Там же, оп. 190, д. 9840, лл. 1610—1616; оп. 191, д. 9841, лл. 638—643; д. 9843, лл. 262—272, 389—390.

¹⁹ Там же, оп. 190, д. 9833, лл. 835—837; д. 9838, лл. 128—133; оп. 191, д. 9843, лл. 981—994 об.

²⁰ Там же, оп. 191, д. 9841, лл. 193—215 об.; д. 9844, лл. 893—899 об., 1229—1239; д. 9855, лл. 124—141; д. 9861, лл. 443—444 об.

деревню Бынево Шахова стана. Подьячий Поместного приказа Кутепов Сергей по выписи с писцовых книг 1620-х годов отметил наличие пашни паханой средней земли 15 четей. По крестьянской сказке оказалось, что только на прежнего помещика посеяно ржи 21 четь²¹. Очень редко подьячие пытались на месте выявить размеры имений. Так, в книге 1636 г., оформившей конфискацию купленной вотчины дьяка Венедикта Махова деревни Васкино Замыцкой волости, подьячий Яков Девятков указал, что «писана четвертная пашня... по допросу окольных людей, потому что для приправки выписи не дано»²². В большинстве же случаев местные жители отказывались давать показания, заявляя, что выписей с писцовых книг у них нет, а самим им земельные площади в четвертях неведомы. В книгах отмечаются также сенные покосы и лесные угодья по крестьянским сказкам и по смете самого переписчика. Таким образом, изучаемые книги подтверждают мнение С. Б. Веселовского об условном характере размеров земельных угодий в описаниях XVII в.

Обязательной принадлежностью всех книг является перечень пустошей. В основном пустоши означают опустевшие и заброшенные поселения и противопоставляются «живущим» деревням²³. Пустоши нередко служили резервным фондом для поселения новых крестьян, для расширения возделываемых земель. Так, в отказной книге 1725 г. села Сергиево, Комягино тож Бохова стана при передаче имения дочери думного дворянина Никиты Акинфова Анне, жене князя Юсупова, отмечено девять пустошей, в поля припущенных, и восемь пустошей «особых»²⁴.

Успехи внутренней колонизации, выражавшиеся в заселении пустошей, заставляли переписчиков отмечать несоответствие с показателями писцовых книг. При оформлении в 1641/42 г. купленной пустоши Марковской на р. Москве выяснилось, что прежний вотчинник Борис Дворянинов построил на ней деревянную церковь, свой двор и восемь дворов людских и крестьянских, а на трех других пустошах завел пашню²⁵. Таким образом, перед нами не запустевшие земли, а населенное имение. Характерно, что при передаче пустоши боярину Федору Ивановичу Шереметьеву Дворянинов вывез все постройки и перевел попа, дьячка, людей и крестьян. Человек боярина не стал этого оспаривать, ибо дворы были построены до дачи пустоши его господину.

Освоение новых земель под пашню проводилось и за счет расчистки лесных угодий. В уже отмеченном селе Сергиево на 1725 г. в сравнении с писцовой книгой 1622/23 г. и дачами было «примерено» пашни «новоросчисти» 106 четвертей с полусосминой и четвериком, а лесу недомерено, так как из него «пашня расчищена вновь»²⁶.

Изредка встречается разделение пашни по социальному признаку: 1) боярская, помещичья, 2) людская, 3) крестьянская, бобыльская; к сожалению, невозможно выяснить их соотношение. Указываемые в книгах размеры и здесь часто условны, ибо взяты из выписей прежних переписчиков или показаний местных жителей. Так, при отписке в 1657 г. поместья стольника князя Семена Андреевича Хованского половины села Ивановского Сурожского стана подьячий Григорий Протопопов по сказке «окольных и тутошних людей» записал пашни «помещиковой» 7 четей и крестьянской 21 четь (заметим, что в имении было 10 крестьянских дворов, а помещик в селе не проживал)²⁷. При отказе села Рождественное боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому в 1678 г. отмечено

²¹ Там же, оп. 190, д. 9831, л. 317—317 об.

²² Там же, л. 1055 об.

²³ См. например, там же, д. 9830, л. 734 об.

²⁴ Там же, оп. 191, д. 9860, л. 30.

²⁵ Там же, д. 9842, лл. 1124—1137 об.

²⁶ Там же, д. 9860, л. 30 об.

²⁷ Там же, оп. 190, д. 9835, л. 513 об.

десятинной пашни, «что пахали на вотчинника», 36¹/₃ дес. в поле, а крестьянской — на 40 дворов 30 дес. в поле. Здесь бросается в глаза несоответствие между количеством дворов и размерами запашки. К тому же вряд ли в зимнюю пору, в январе подьячий мог точно проверить все поля лично.

Материал по другим трем группам носит, естественно, реальный характер, отражая наличие владельческих построек, скота, хлеба, а также крестьянских дворов в момент описания. Припомним, что в основных чертах описания в отписных, отказных и иных книгах не имеют существенных различий.

Описание владения, как правило, начинается с упоминания церкви, деревянной или каменной. Нередко отмечается наличие икон, книг, церковной утвари, колоколов (в вотчине боярина Ивана Ивановича Салтыкова селе Троицком, Бутаково тож Торокманова стана в 1670 г. упомянуты установленные на колокольные боевые часы). Обычна запись о том, что церковь и ее имущество — «строение вотчинниково». Отмечаются дворы церковного причта, иногда размер церковных угодий.

После церкви переписчики переходили к описанию усадьбы. В книгах (за редчайшим исключением) вотчинной или помещичьей усадьбе отводилось первое место по объему и по подробности сведений.

В 223 книгах описаны хоромы владельческого двора. Здесь и довольно скромные постройки рядовых феодалов (изба, горница, конюшня, баня) и обширные деревянные дворцы князей и бояр. В последних иногда отмечаются изразцовые и кирпичные печи, стеклянные окончины, обитые сукном двери, иконы, мебель. С течением времени переписчики все чаще перечисляют (всего 39 книг) обстановку помещичьего жилья (мебель, посуда, предметы домашнего обихода, оружие).

Довольно часто рядом с помещичьим двором находится двор скотный, а у бояр и богатых дворян еще и конюшенный двор. Опись построек на скотном дворе имеется в 83 книгах, а на конюшенном — 38 книгах. В отказной книге 14 июля 1692 г. на вотчину Федора Александровича Хитрово село Покровское Сетунского стана отмечены два двора — «особой конюшенной» и конский (правда, скотного двора не было)²⁸. Лишь по одному разу упомянуты дворы коровий и птичий. По отказной книге 14 марта 1690 г. в бывшей вотчине князя Василия Васильевича Голицына — селе Битягово Замыцкой волости наряду со скотным и конюшенным дворами отмечен коровий двор, в котором кроме 6 коров содержались также 19 овец, 11 свиней, гнездо лебедей, 5 гнезд гусей, 2¹/₂ гнезда уток; но на скотном дворе скота не было²⁹. При отказе 29 марта 1715 г. села Рождественного Горетова стана княгине Авдотье Черкаской помимо скотного и конюшенного дворов упомянут птичий двор. «На руках» у проживающего здесь дворового человека с семьей было 5 гусей, 8 гусынь, петух и 3 курицы индейских, 2 селезня, 7 уток, 10 кур русских³⁰.

Поголовье помещичьего скота и птицы отмечено в 96 книгах. Верховые лошади подсчитывались переписчиками отдельно от рабочих («пашенных»). Помимо обычной птицы (гуси, утки, куры, индейские и русские) встречаются лебеди и павлины. Иногда указываются пчелы в ульях.

Изредка на помещичьих усадьбах отмечаются особые дворы приказчиков (хоромы в этих дворах описаны только в двух книгах). Единичны упоминания на боярских усадьбах дворов псарных и сокольных.

В 84 книгах отмечено наличие в усадьбах садов, огородов («овощников»), хмельников, конопляников, прудов с рыбой. Нередко огородом на-

²⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9847, л. 888.

²⁹ Там же, д. 9846, лл. 650—651.

³⁰ Там же, д. 9855, лл. 128 об.—129.

зывается фруктовый сад, огороженный забором. Слово «сад» упоминается в современном смысле; лишь в одной книге упомянут перед светлицей сад с березами, т. е. с посаженными деревьями. Иногда вблизи усадеб находились сажены или заповедные рощи.

Большое внимание переписчики уделяли хлебным запасам (их размеры указаны в 108 книгах). Особо описывалось зерно в житницах, немолоченный хлеб на гумне и скирды в поле. Обычно житницы располагались либо на помещичьем дворе, либо поблизости. В четырех владениях отмечены особые житенные дворы.

В 95 книгах указан размер пашни, засеваемой крестьянами на владельца. В основном это посеы озимой ржи. Так, по отписной книге 20 августа 1682 г. в селе Степановском Горетова стана по сказке приказчика, старосты и целовальника на боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукова вспахано по 80 дес. в поле. Крестьяне высеяли на 80 дес. 160 четей ржи, на 60 дес. — 242 чети овса, на 10 дес. — 30 четей ячменя, на 3 дес. — 7 четей пшеницы, на $1\frac{1}{4}$ дес. — четь с осьминой гороха, на 1 дес. — 2 чети с полуосьминой льна, на $1\frac{1}{4}$ дес. — 2 чети с полуосьминой конопли. Зерно высевалось в боярскую меру (6 четвериков составляли четь торговой меры)³¹.

В 30 книгах указан помещичий хозяйственный инвентарь (сохи, косы, серпы). В книгах встречаются сведения агрономического характера (сроки вызревания и уборки хлебов, нормы посева, ужина, умо-лота), а также цены на продукты.

Из промышленных помещичьих заведений встречаются солодовни, пивоварни, квасные избы, кузницы, кирпичные сараи, печи известковые, станки масляные. Часто встречаются описания мельниц, мельничных дворов, плотин. В случае сдачи мельниц на оброк следуют указания об оброчниках и размерах арендной платы в пользу землевладельца.

Наряду с описанием усадьбы переписчики значительное внимание уделяют ее жителям. Как правило, указывается население помещичьего, скотного и конюшенного дворов (крестьяне, крестьянские дети, деловые и дворовые люди и т. д.). В ряде книг дело не ограничивается перечислением жителей, а указывается их происхождение, имущественное положение, занятие, размер месячины. Верхушку составляют приказчики. В некоторых книгах они именуется кабальными людьми, послуживцами. Иногда встречаются старосты, выбираемые на срок из крестьян других вотчин.

Часты упоминания о деловых людях, проживающих как в феодальном дворе, так и в отдельных дворах. Они же называются дворовыми, задворными, кабальными или крепостными людьми, а также старинными или привезенными из других вотчин. Реже упоминания о дворовых людях или просто людях. Среди них были старинные и купленные, крепостные и кабальные. Прихожие люди противопоставляются старинным и крепостным. Очень редки сведения о помещичьих наемных людях, о вольных. Мало сведений о задворных людях, проживающих и в вотчинниковых и в особых дворах. Они также называются и деловыми, и дворовыми, и кабальными людьми. Сведений о господской пашне, обрабатываемой деловыми или дворовыми людьми, немного.

Особую группу составляют крестьянские дети (в одной книге упоминаются крестьянские сироты). Иногда они значатся среди деловых и дворовых людей. Только однажды был отмечен бобыльский сын.

По роду занятий упоминаются чаще всего конюхи и скотники. Среди них были деловые и кабальные люди, крестьяне и крестьянские дети. Единичны заметки о птичниках, охотниках, псарях, сокольниках, поварах, «поваренных и всяких работных людях».

³¹ Там же, оп. 191, д. 9843, лл. 267 об.—268.

Общее впечатление о населении усадеб сводится к неустойчивости отмеченных категорий. Терминологический разнобой составителей книг видимо отражал начавшийся процесс слияния их в одну группу дворовых людей.

Самые скудные сведения книг относятся к крестьянам. О крестьянском самоуправлении нет сведений. Имеются лишь редкие упоминания о старостах, целовальниках, «выборных» и «лучших» крестьянах, о мирской схожей избе.

Уже отмечалось исключительное внимание переписчиков к населению крестьянского двора. Помимо простого перечисления крестьян, их сыновей (нередко и дочерей) и других родственников и свойственников в ряде книг отмечались изменения вследствие бегства, вывоза в другие имения, перехода крестьян в соседние деревни, выдела крестьянских сыновей. Отмечается заселение пустых дворов. Интересны замечания о происхождении крестьян (из деловых людей), их национальности (белорусы, литовцы, поляки). Особо отмечались случаи проживания в одном дворе нескольких крестьянских семей, бобылей, захребетников, соседей и подсоседников, нищих. Нередко дело не ограничивалось перечнем беглых крестьян, а указывались год побега и место проживания. Книги пестрят справками о крестьянах, вывезенных в другие уезды, и о переводе из других уездов в Московский.

Особенно интересны приведенные в двух книгах биографические справки о хозяевах 29 крестьянских дворов, часть которых начинала своей жизненный путь вольными или гулящими людьми³². Встречаются сведения о крестьянах, кормящихся работой или проживающих в Москве, о крестьянах, пришедших в имение «работать на время», а также о мобилизации в даточные и в солдаты.

В книгах упоминаются крестьяне: 1) поместные и вотчинные; 2) купленные, поступные, крепостные; 3) старинные, пришлые, прихожие, новоприбылые, вывозные.

В шести книгах указан размер вытного тягла. Реальные размеры крестьянской пашни и крестьянских посевов встречаются лишь в 14 книгах, да и то не всегда по отдельным дворам. Довольно часто упоминаются случаи внезапного владения землей в пустошах, в большинстве арендованных у других феодалов.

Поголовье крестьянского скота отмечено в 16 книгах, наличие хлебных запасов — в 8, размер посевов — в 6. Наиболее интересны 7 книг, в которых по тем же дворам указан и скот и хлебные продукты³³, так что можно по ним составить более определенное представление о крестьянском хозяйстве. В двух книгах отмечены случаи займа крестьянами хлеба у феодалов. О крестьянском инвентаре имеется только единственная запись по одному двору. О наличии у крестьян ремесленных специальностей сведений весьма мало.

О феодальных повинностях имеются сведения только в 12 книгах. По ним можно судить о видах феодальной ренты, об обязанностях работать в других вотчинах своего владельца (иногда в течение всего лета), о нормах барщины (1½ дес. с осмака в 1682 г.; по полдесятины с двора, а остальное «згоном» в 1716 г. при отсутствии денежного оброка), о льготе.

В ряде книг имеются записи о произволе, насилиях и грабеже помещиков.

³² ЦГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9835, лл. 1183—1192; д. 9837, лл. 611—630.

³³ Там же, оп. 190, д. 9837, лл. 329 об.—342 об. (по 12 дворам); 611—628 об. (по 16 дворам); 1000—1003 об. (по 4 дворам); д. 9838, лл. 1005 об.—1007 (по 4 дворам); оп. 191, д. 9846, лл. 544 об.—546 (по 5 дворам); д. 9850, лл. 1233—1234 об. (по 2 дворам); д. 9853, лл. 194—195 (по 7 дворам).

Наконец, 15 книг содержат описания и феодального хозяйства и дают какие-либо сведения о крестьянах. Именно эти материалы позволят изучать жизнь подмосковных имений как неразрывное целое двух противоборствующих начал феодально-крепостнического строя.

Таким образом, книги поместно-вотчинных дел дают материал для исследования светского феодального хозяйства и положения крестьян. Конечно, этот материал и в количественном отношении и по содержанию не так велик, как хотелось бы. Однако он несравненно ценнее фискальных книг (особенно, если помнить об условном характере казенного описания). Правда, некоторые личные фонды намного богаче отписных и отказных книг, зато последние дают нам массовый материал, позволяющий судить об эволюции феодального уклада и режима в целом.

Б. Н. Мионов

О МЕТОДИКЕ ОБРАБОТКИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ЦЕН
(К исследованию проблемы
образования всероссийского национального рынка)

Под национальным рынком понимаем систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимозависимых местных рынков, объединенных в целое общей функцией — осуществлением товарообмена в масштабе всей страны на основе общественного разделения труда и экономического сотрудничества между отдельными районами страны. При отсутствии национального рынка местные рынки не образуют системы и представляют собой совокупность, отдельные части которой находятся в слабой взаимозависимости либо существуют совершенно самостоятельно.

Национальный рынок может функционировать, вероятно, в условиях развитого товарного производства, когда экономика начинает регулироваться посредством рыночных отношений и структуры цен. Структура цен является синтетическим показателем состояния внутреннего рынка.

Законы ценообразования предполагают, что в условиях сложившегося национального рынка цены сельскохозяйственных товаров в любом пункте страны определяются не местным урожаем, а урожаем всей страны; производительностью труда не данного района, а районов, которые хотя и имеют худшие земли и низшую производительность труда, но тем не менее необходимы для удовлетворения спроса национального рынка в сельскохозяйственной продукции; соотношением спроса и предложения не на местном рынке, а в масштабе всей страны. Цены на ремесленную или промышленную продукцию определяются не местными издержками производства, а средненациональными, соотношением спроса и предложения на едином национальном рынке и т. д. Другими словами, для каждого местного рынка условия ценообразования должны иметь главным образом общенациональное происхождение. Местные условия, конечно, всегда влияют на образование цены, но их относительное значение должно быть меньше значения общенациональных факторов. Влияние местных условий определяет относительную самостоятельность местных рынков.

В качестве критерия национального рынка предлагается соотношение общенациональных и местных факторов в образовании цены. Если на любом местном рынке при образовании цен на товары доля общенациональных факторов больше доли местных факторов, то единый национальный рынок сформировался.

Методом, который может разделить факторы на общенациональные и местные, может служить корреляционный метод, а показателем доли общих факторов может служить коэффициент детерминации (квадрат коэффициента корреляции). В случае с ценами коэффициент показывает, насколько согласованно изменяются (колеблются) цены на местных рынках, или тесноту связи в движении цен на них. Мы исходим из того, что если имеется тесная зависимость между движением цен на двух, трех и т. д. местных рынках (согласность колебаний цен), то два, три

и т. д. местные рынки стали частью более общего. Общий рынок включает столько местных, сколько их находится в тесной взаимозависимости. Национальный рынок предполагает, что цены на всех местных рынках находятся в тесной зависимости.

Какой должна быть величина коэффициента детерминации между движением цен на местных рынках, чтобы можно было констатировать существование национального рынка? Вероятно, логично предположить, что совокупное влияние общенациональных факторов на цены на всех местных рынках страны должно превышать 50%. Следовательно, коэффициент детерминации между ценами отдельных районов страны, с одной стороны, и между ценами отдельных районов и общенациональной ценой должен превышать 0,5. Если коэффициент детерминации менее 0,5, то можно говорить о становлении национального рынка.

Поскольку коэффициент детерминации может принимать значение от 0 до +1, то он может измерять степень интеграции местных рынков и, следовательно, длительный процесс становления единого национального рынка можно количественно оценить, измерить. С помощью коэффициента детерминации можно установить, когда возникли экономические связи между местными рынками и как они развивались.

Коэффициент детерминации имеет следующий смысл. Если, например, коэффициент корреляции между ценами в Поволжье и на Северо-Западе равен 0,8, следовательно, коэффициент детерминации равен $0,8^2 = 0,64$, то это не будет означать, что цены Поволжья на 64% детерминируют вариацию цен на Северо-Западе или, наоборот, цены на Северо-Западе на 64% детерминируют вариацию цен в Поволжье. Это будет означать, что вариация цен в этих районах на 64% детерминируется общими факторами, т. е. факторами, которые действуют и на Северо-Западе и в Поволжье, и только на 36% факторами, специфическими для каждого района¹. Другими словами, можно сказать, что оба местных рынка стали частью более общего рынка. Этот рынок может еще не быть национальным, но он общий, единый для двух этих районов.

В статье рассматриваются вопросы применения метода корреляции для изучения развития единого национального рынка. Одним из важнейших пунктов методики является длина периода (цикла), который нужно брать для подсчета коэффициента корреляции, так как величина коэффициента зависит от количества пар наблюдений, а последнее зависит от длины периода. Если, например, мы подсчитываем коэффициент корреляции (R) между движением цен в Архангельске и Киеве, то сколько лет в периоде, столько пар наблюдений: если 10 лет, то десять пар цен, если 20 лет, то двадцать и т. д., а в зависимости от количества пар наблюдений получаем коэффициенты корреляции разной величины.

Длина цикла должна отвечать некоторым общим условиям.

1. Цикл должен быть таким, чтобы R был стабильным, т. е. чтобы в пределах экономически однородного периода он не изменялся существенно от цикла к циклу, поскольку маловероятно, чтобы в исторически небольшие отрезки времени могли произойти коренные изменения в интенсивности и структуре общественного разделения труда и, как следствие этого, в интенсивности торговых связей.

2. Тот цикл будет более адекватно отражать торговые связи, который даст максимальный R .

3. Цикл не должен быть слишком длинным, чтобы не охватить разнородные в экономическом отношении периоды, например время, когда действовали железные дороги и когда их еще не было. Кроме того, чем

¹ М. Езекиэль и К. А. Фокс. Методы анализа корреляций и регрессий. Перев. с англ. М., 1966, стр. 146.

Зависимость коэффициента корреляции от количества наблюдений или длины цикла в XVIII в. (средний коэффициент корреляционной матрицы —R)*

Для 30 и 20 лет		Для 15 лет		Для 10 лет		Для 7 лет	
Годы	R	Годы	R	Годы	R	Годы	R
1744—1773	0,746	1743—1757	0,436	1744—1753	0,372	1744—1750	0,379
1744—1763	0,787	1749—1763	0,346	1749—1758	0,397	1767—1773	0,383
1749—1768	0,980	1754—1768	0,858	1754—1763	0,389	1795—1801	0,353
1754—1773	0,890	1758—1772	0,731	1759—1768	0,414		
				1764—1773	0,529		

* Источниками цен послужили архивные материалы, причем их количество так велико, что нет возможности все указать в пределах маленькой статьи. Приводимые здесь и далее подсчеты сделаны на ценах ржи. Корреляционная матрица включает 31 губернский город (см. табл. 3). Совокупность всех коэффициентов корреляции между движением цен на местных рынках, сравниваемых попарно, образует корреляционную матрицу. Среднее значение всех коэффициентов даст средний коэффициент корреляционной матрицы. При его подсчете возникает следующая трудность: в матрице могут быть отрицательные коэффициенты и коэффициенты, имеющие столь малое абсолютное значение, что они становятся статистически незначимыми (последнее определяется по специальным таблицам). Как их учитывать? Мы считаем, что и те и другие коэффициенты означают, что экономическая связь в движении цен на соответствующих рынках полностью отсутствует, и эти коэффициенты мы принимаем за нуль, поскольку логика не допускает, что в движении цен связь может быть обратная, тем более что знак минус соответствует малому R.

короче цикл, тем легче собрать непрерывные данные о ценах. При удолетворении первого и второго условия следует брать наименьший из возможных циклов.

Из таблицы 1 видим, что для 20—30- и иногда для 15 лет R высок, а для 15-, 10- и 7-летних отрезков времени, из которых состоят 20- и 30-летние циклы, R невелик. И соответственно выводы будут различными. На основании анализа 7—10-летних циклов можно заключить, что нет согласованности в движении цен, а на основании 20—30-летних циклов, что есть. И, следовательно, в первом случае мы можем сделать заключение, что национальный рынок уже сложился, во втором — что нет.

Сложность вопроса о периоде, который следует брать для установления связи в колебаниях цен методом корреляции, обусловливается тем обстоятельством, что влияние факторов цен происходит не мгновенно, а требует известного времени. Причем это время установить точно и определено невозможно, так как, во-первых, разные факторы требуют различного времени для своего действия, во-вторых, влияние одного и того же фактора в разных местностях наступает через разное время.

Возьмем, например, фактор урожая. Если в какой-то губернии (уезде, районе) случается неурожай или недород, то в этой местности хлебные цены быстро реагируют на неурожай, в то время как влияние местного неурожая на цены в соседних местностях наступает позже; чем дальше местность от очага неурожая, тем это влияние позже и слабее.

Поэтому если мы будем сравнивать цены за один и тот же год в разных местностях, то обнаружим расхождения и несогласованность, которые могут создать ложное мнение об отсутствии связи в движении (колебании) цен.

Если будем сравнивать цены в одних местностях в n -й год, а в других местностях в $(n + 1)$ -й, $(n + 2)$ -й и т. д. годы, это не решает полностью проблемы, поскольку 1) время на реакцию на урожай для различных рынков будет разным, зависимым от расстояния и состояния транспорта; 2) кроме фактора урожая, который является важнейшим, существует

ряд других факторов, влияющих на цены: состояние транспорта, спрос и предложение хлеба, стихийные бедствия и т. д., которые действуют одновременно, усиливая или ослабляя влияние урожая.

Влияние ценообразующих факторов распространяется с разной скоростью, имеет разную силу и продолжительность; соответственно и скорость экономической реакции на разные факторы будет различной. Общенациональные факторы ценообразования требуют известного времени для своего формирования. Их происхождение лежит в интеграции местных факторов. Для подобной интеграции нужно время, которое зависит от состояния транспорта и средств информации. Поэтому изучать значение и влияние общенациональных факторов ценообразования — что является нашей задачей — необходимо на сравнительно большом отрезке времени.

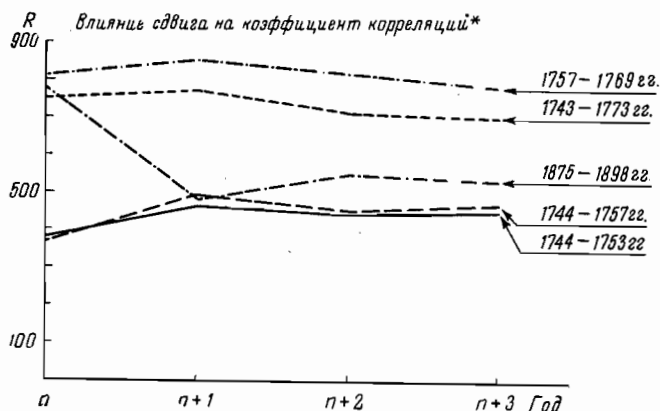
Если мы будем пытаться искать связь в движении дневных или недельных цен на разных местных рынках, мы ее не найдем: дневные и недельные цены находятся в большей мере под влиянием местных факторов ценообразования, чем общих. Только в многолетнем ряду годовых цен можно увидеть и оценить влияние общих факторов. За 1765 г. у нас имеются недельные, за 1744—1753 и за 1796—1801 гг. месячные цены на рожь по большинству городов России. R , подсчитанный для недельных и месячных цен, менее 0,1. Это означает, что связь в колебаниях недельных и месячных цен на рынках разных городов отсутствует. Но было бы, конечно, неправильно этот результат интерпретировать так, будто в движении цен на рынках этих городов нет никакой взаимозависимости.

Таким образом, возникает необходимость учесть еще один фактор ценообразования — скорость экономической реакции. Скоростью экономической реакции называем время, которое требуется для того, чтобы экономический фактор мог оказать свое воздействие на экономическое явление, процесс или время, которое требуется для того, чтобы экономический фактор мог проявить себя. Можно сказать, что скорость реакции равна времени, которое отделяет причину от следствия и действие от результата. Скорость реакции нельзя смешивать с длительностью реакции. Скорость — это время от начала действия фактора до апогея его воздействия на явление, а длительность реакции — это время, в течение которого фактор воздействует на явление. Соотношение между ними в количественном отношении может быть самым разнообразным в зависимости от рода исследуемого процесса.

Попытаемся уловить и оценить скорость экономической реакции следующим образом. Будем сравнивать цены на одном рынке в n -м году, на другом в n -м, в $(n+1)$ -м, в $(n+2)$ -м и в $(n+3)$ -м году. Тот сдвиг, который даст максимальный коэффициент корреляции, и будет равен скорости экономической реакции.

График (см. стр. 158) показывает, что для XVIII в. сдвиг в один год дает максимальный R . Следовательно, в XVIII в. требовался примерно один год для того, чтобы цены на одном рынке могли максимально повлиять на цены на другом рынке, т. е. скорость экономической реакции равна в среднем одному году. В конце XIX в. при достаточно густой сети железных дорог, при существовании телеграфа и телефона экономическая реакция наступала через несколько месяцев. Поэтому сдвиг даже на один год резко уменьшает R (с 0,784 до 0,487).

В эпоху до введения железных дорог режим связи между ценами на местных рынках отличается от режима связи в эпоху железных дорог не только скоростью взаимодействия (реакции), но и длительностью взаимодействия (реакции). Если в последней трети XIX в. длительность интенсивного взаимодействия равна одному году, то в XVIII в. она равняется трем-четырем годам. В последней трети XIX в. R значителен только

*Исходные данные:

Средний коэффициент корреляционной матрицы

Годы	Без сдвига	Со сдвигом		
		в 1 год	в 2 года	в 3 года
1744—1753	0,379	0,454	0,450	0,450
1744—1757	0,372	0,494	0,444	0,458
1757—1769	0,806	0,849	0,816	0,781
1743—1773	0,746	0,756	0,712	0,696
1875—1898	0,784	0,487	0,545	0,532

в n -м году, а уже в $(n+1)$ -м году он уменьшается почти в два раза (с 0,784 до 0,487), так что связь цен между предыдущим и последующим годом становится весьма слабой (коэффициент детерминации $R^2=0,24$). Иначе в XVIII в.: взаимодействие начинается в n -м году, достигает максимума в $(n+1)$ -м году, в последующие два года — в $(n+2)$ -м и $(n+3)$ -м годах — она ослабевает, но незначительно (см. график). Только на пятый-шестой год R резко падает и связь цен прекращается. Длительность взаимодействия подтверждает следующий эксперимент: в XVIII в. цикл, состоящий из ряда следующих друг за другом лет (непрерывный цикл), дает больший коэффициент корреляции, чем цикл, состоящий из того или даже большего количества, но не следующих непрерывно лет (дискретный цикл).

Таблица 2

Зависимость коэффициента корреляции от дискретности цикла (средний коэффициент корреляционной матрицы — R)

Число лет	Годы	R
20	1708—1722 + 1727—1731	0,767
27	1708—1722 + 1727—1731 + + 1738—1739 + 1741—1745	0,723
17	1757—1773	0,890
23	1757—1773 + 1796—1801	0,862

Увеличение дискретного цикла не увеличивает, а, наоборот, уменьшает коэффициент корреляции, так как только при непрерывном цикле длительность реакции (особенность режима взаимодействия цен в XVIII в.) может учитываться. Во второй половине XIX в. положение изменяется — и непрерывный и дискретный циклы одного количества лет дают мало отличающиеся коэффициенты, так как длительность экономической реакции уменьшилась в среднем до одного года. Длительность взаимодействия цен на местных рынках в эпоху отсутствия железных дорог требует цикла большего, чем в эпоху железных дорог, чтобы R мог учесть эту особенность режима связи цен.

Рассмотрим на конкретном примере влияние сдвига или скорости экономической реакции на R , или согласованность в колебаниях цен (см. табл. 3). Города можно разбить на шесть групп. Для волжской группы городов сдвиг дает резкое увеличение R — до 20%, причем чем ниже по Волге, тем увеличение R более резкое: Нижний Новгород — на 2%, Казань — на 12%, Симбирск — на 13%, Саратов — на 23%. Исключение составляет Астрахань. К этой группе примыкают Пенза и Тамбов. Максимальное увеличение R для этой группы городов приходится при сдвиге в один год. Это легко понять. Известно, что хлеб по Волге из нижеволжских городов шел одну-две навигации и что поэтому хлеб урожая n -го года попадал в Петербург в $(n+1)$ -м году и влиял на цены в этом и в $(n+2)$ -м году², в то время как в самих местах производства влияние нового урожая начинается задолго до окончания уборки хлеба (влияние видов на урожай).

Вторую группу городов составляют города, расположенные от Петербурга сравнительно недалеко, входящие с ним в одну почвенно-климатическую зону и зависящие от привоза хлеба из черноземных губерний: Новгород, Псков, Архангельск, Олонец, Вологда, Тверь, Ярославль, Кострома. Для этой группы городов сдвиг не только не увеличивается, но уменьшает R , поскольку условия ценообразования у них складываются почти одновременно.

Следующую группу городов образуют Владимир, Москва, Калуга — это как бы промежуточное звено между Севером и Черноземным центром. Максимальное увеличение дает сдвиг в один год.

Города Черноземного центра составляют четвертую группу: Воронеж, Курск, Орел, Рязань, Тула. Можно отметить, что сдвиг дает увеличение R , но более слабое, чем для волжских городов, что предполагает менее тесную связь в движении цен с Петербургом и, следовательно, менее тесные торговые связи с Петербургом. Максимальное увеличение дает сдвиг в два года.

Пятая группа состоит из приуральских городов: Вятки, Оренбурга, Перми, Уфы. Сдвиг увеличивает R , особенно заметно увеличение у Вятки — на 17% и Уфы — на 32%. Для Оренбурга увеличения R почти нет, вероятно, потому, что Оренбургская губерния не вывозила хлеб в 40—60-х годах XVIII в. Уфа дает замечательный пример влияния сдвига: в n -м году $R=0,564$, т. е. как будто нет тесной связи в движении цен в Петербурге и Уфе; а в $(n+1)$ -м году $R=0,746$, что предполагает существование тесной взаимосвязи в движении цен в этих городах.

Наконец, особую группу составляют Ревель и Рига — сдвиг дает увеличение R на 5—6%.

На примере взаимодействия цен в Петербурге с ценами в других городах видим, что время на реакцию зависит от расстояния между городами и колеблется от нескольких месяцев до трех лет. Поэтому когда говорится, что скорость экономической реакции в среднем равна одному году, то имеется в виду средняя отдаленность городов и среднее время,

² ЛО ААН СССР, ф. 24, оп. 1, д. 38 «О хлебной торговле в России», стр. 1—55.

Коэффициент корреляции между движением цен в Санкт-Петербурге и губернских городах России (1744—1773 гг.)

Год Города	R				Влияние сдвига на R *			Максимальный R **	Сдвиг увеличивает R на %
	n	n+1	n+2	n+3	n+1	n+2	n+3		
Вятка	0,808	0,851	0,946	0,835	+	+	+	0,946	17
Казань	0,831	0,927	0,893	0,868	+	+	+	0,927	12
Н.-Новгород	0,870	0,890	0,869	0,860	+	=	-	0,890	2
Пенза	0,758	0,911	0,880	0,824	+	+	+	0,911	20
Саратов	0,774	0,949	0,894	0,848	+	+	+	0,949	23
Симбирск	0,845	0,955	0,898	0,879	+	+	+	0,955	13
Астрахань	0,823	0,846	0,875	0,806	+	+	-	0,846	3
Оренбург	0,495	0,507	0,477	0,452	+	-	-	0,507	2
Пермь	0,535	0,588	0,523	0,540	+	-	=	0,588	10
Уфа	0,564	0,746	0,607	0,608	+	+	+	0,746	32
Воронеж	0,755	0,780	0,815	0,786	+	+	+	0,786	4
Курск	0,767	0,696	0,742	0,673	-	-	-	0,767	-
Орел	0,770	0,771	0,825	0,752	=	+	-	0,825	7
Рязань	0,826	0,803	0,880	0,787	-	+	-	0,880	7
Тамбов	0,793	0,889	0,817	0,854	+	+	+	0,889	12
Тула	0,785	0,813	0,858	0,783	+	+	=	0,858	9
Новгород	0,931	0,918	0,901	0,832	-	-	-	0,931	-
Псков	0,895	0,843	0,811	0,815	-	-	-	0,895	-
Архангельск	0,914	0,858	0,911	0,858	-	-	-	0,914	-
Олонец	0,898	0,841	0,858	0,791	-	-	-	0,898	-
Владимир	0,925	0,874	0,876	0,860	-	-	-	0,930	-
Вологда	0,915	0,871	0,865	0,818	-	-	-	0,915	-
Калуга	0,837	0,907	0,893	0,870	+	+	+	0,907	8
Кострома	0,918	0,883	0,882	0,798	-	-	-	0,918	-
Москва	0,782	0,820	0,711	0,793	+	-	+	0,850	9
Смоленск	0,812	0,786	0,767	0,813	-	-	-	0,813	-
Тверь	0,935	0,893	0,868	0,790	-	-	-	0,935	-
Ярославль	0,920	0,872	0,881	0,878	-	-	-	0,920	-
Ревель	0,893	0,924	0,823	0,913	+	-	+	0,948	6
Рига	0,840	0,883	0,877	0,881	+	+	+	0,883	5
Средняя	0,813	0,823	0,836	0,770	-	-	-	0,864	6

* Увеличение +, постоянство =, уменьшение - R по сравнению с n-м годом.

** Из четырех коэффициентов - Rn, R (n + 1), R (n + 2) и R (n + 3) - брался наибольший для одной пары городов, так как там, где небольшое расстояние между рынками (городами), экономическая реакция наступала менее чем через полгода.

необходимое на адекватную реакцию для большинства городов России. В XVIII в. максимальное влияние одного рынка на цены другого наступало в пределах одного года, если они находились друг от друга в радиусе 400—500 км, через год, если они находились в радиусе 500—1000 км. Конечно, этот радиус сильно зависел от состояния транспорта и времени года. Цены в северо-западных городах взаимодействовали значительно быстрее с ценами волжских городов, чем с ценами на рынках городов Черноземного центра.

Вышеизложенные наблюдения подтверждают влияние скорости экономической реакции на R. Но вместе с тем они показывают, что R мо-

жет быть тонким инструментом анализа торговых связей между городами.

Каким же образом можно учесть влияние факторов — скорость и длительность экономической реакции — при оценке согласованности колебаний цен? Увеличением периода, для которого подсчитывается R . Подсчитывать R для одного сельскохозяйственного цикла — 7—10 лет при скорости экономической реакции год и больше — нельзя, необходимо брать 2—3 цикла, т. е. 15—25 лет. Из графика следует, что в XVIII в. при сдвиге в один год значительное увеличение R наступало при цикле 10 лет. R почти не увеличился при цикле в 30 лет и очень мало при цикле 20 лет. Это свидетельствует о том, что при цикле в 20 и 30 лет R учитывает скорость и длительность экономической реакции. Но увеличение цикла имеет еще одно преимущество: R становится устойчивее и поэтому надежнее. При небольшом цикле — 7—10 лет — каждый год имеет большое влияние на R . Влияние отдельного года пропорционально его доле и особенностям этого года в цикле. Поскольку каждый год в сельскохозяйственном и экономическом отношении оригинален, то при небольшом цикле R будет неустойчив, отражая не глубокие экономические связи, а конъюнктуру отдельных лет, как показывает табл. 4.

Таблица 4

Неустойчивость коэффициента корреляции при 6—10-летних циклах в XVIII в. (R в 1744—1750 гг. = 100%)

Годы	R	%	Годы	R	%
1744—1750	0,379	100	1744—1753	0,372	98
1745—1751	0,592	156	1745—1754	0,542	143
1746—1752	0,420	111	1746—1755	0,460	121
1747—1753	0,460	121	1747—1756	0,497	131
1749—1758	0,397	105	1759—1768	0,414	109
1754—1763	0,389	103	1764—1773	0,529	140
1757—1766	0,806	213	1767—1773	0,303	101
			1796—1801	0,353	93

R варьирует от 0,353 до 0,806. Достаточно изменить один год в цикле, и R увеличивается от 1 до 56% или уменьшается от 2 до 7%. Эта способность R — сильно зависеть от каждой пары наблюдения при небольшом количестве наблюдений — вытекает из самой техники подсчета коэффициента.

Продemonстрируем методику подсчета R (см. табл. 5). В данном случае мы имеем 20 пар наблюдений (20 пар цен). Общая динамика цен в городах предполагает наличие связи в колебаниях цен. Резкое отклонение дает 1570 г., когда в Волоколамске цены по сравнению с предыдущим годом возросли более чем в 10 раз, а в Вологде на 60%. R , учитывая 1570 г., будет равен 0,232, а без 1570 г. — 0,723. На основании первого коэффициента заключаем, что связи в движении цен нет, на основании второго, что есть. Но более правильный ответ дает второй R , так как единичное серьезное несовпадение не учитывается. Если бы у нас имелись данные за более длительный срок, чем 20 лет, — за 30 или 40 лет, — то и с учетом 1570 г. мы получили бы R , близкий к 0,7, так как чем больше период, чем больше пар наблюдений, тем относительное значение каждого года меньше.

В XVIII в. очень больших диссонансов в движении цен уже нет, но диссонансы меньших масштабов, обусловленные разными местными эко-

номическими факторами, существуют. Увеличением цикла можно если не совсем нейтрализовать, то по крайней мере уменьшить их значение и влияние.

Средний коэффициент корреляционной матрицы за 1744—1773 гг. — 0,746, за 1746—1772 гг. — 0,747, за 1745—1771 гг. — 0,741, за 1747—1773 гг. — 0,732. Как видно, один год при цикле в 27 лет уже не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на R .

Почему увеличение цикла делает R репрезентативнее? Каким образом увеличение цикла учитывает скорость и длительность экономической реакции? R получается путем деления суммы произведений индивидуальных отклонений на корень квадратный из суммы произведений квадратов индивидуальных отклонений (см. формулу в прим. к табл. 5). Если бы колебания цен в Вологде и Волоколамске полностью совпадали, то произведения отклонений от средней 20-летней цены совпадали бы с корнем квадратным из произведения квадратов этих отклонений.

$$10 \times 10 = \sqrt{(10)^2 \cdot (10)^2} \text{ и } R \text{ был бы равен } 1.$$

Но колебания точно никогда не совпадают, и дисгармония, связанная со скоростью экономической реакции, всегда существует. Однако техника подсчета R имеет особенность, которая для нашей задачи превращается в достоинство — при получении R сравниваются колебания цен не од-

Таблица 5

Зависимость колебаний цен в Волоколамске от колебаний цен в Вологде в XVI в. *

Годы	Индекс цен в		$(x - \bar{x})$	$(y - \bar{y})$	$(x - \bar{x})^2$	$(y - \bar{y})^2$	$\frac{(x - \bar{x})}{(y - \bar{y})}$
	Волоколамске (x)	Вологде (y)					
1557	111	180	2	55	4	3025	110
1563	114	48	1	77	1	5929	77
1565	60	72	53	53	2809	2809	2809
1566	57	72	56	53	3136	2809	297
1567	69	80	44	45	1936	2025	1980
1568	86	110	27	15	729	225	405
1570	931	160	818	35	669 124	1225	28 630
1577	57	55	56	70	3136	4900	392
1581	83	100	30	25	900	625	750
1583	114	147	1	22	1	484	22
1584	165	144	52	19	2704	361	988
1585	143	144	30	19	900	361	570
1587	228	180	115	55	13 225	3025	633
1588	228	175	115	50	13 225	2500	575
1589	117	195	2	70	16	4900	280
1591	143	200	30	75	900	5625	2250
1594	63	120	50	5	2500	25	250
1598	100	104	13	21	169	441	273
1599	100	140	13	15	169	225	195
1600	100	100	13	25	169	625	325
Итого:	2138	2366			773 103	42 144	41 811
	$\bar{x} = 113$	$\bar{y} = 125$	Без 1570 г.		46 629	40 919	13 181

* R находим по формуле:

$$R = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \sum (y - \bar{y})^2}}$$

где $\bar{x}$ — средний индекс цен в г. Волоколамске в 1557—1600 гг., $\bar{y}$ — средний индекс цен в г. Вологде в 1557—1600 гг.

ного и того же года, а суммы колебаний, произошедших в течение всего цикла. Благодаря этому учитывается запаздывание и длительность при взаимодействии цен, следовательно, скорость и длительность экономической реакции. Этот учет тем полнее, чем больше цикл. При скорости экономической реакции в один год и больше, два года из цикла (при любом цикле) — первый и последний — дают диссонансы, которые R не может учесть. (Цены первого года цикла в большей мере зависят от цен предыдущих, не учитываемых лет, а влияние цен последнего года цикла скажется для многих рынков в следующие годы, которые уже не входят в наш цикл; R учитывает скорость и длительность экономической реакции только для всех прочих лет.) Для 10-летнего цикла два года — это 20% периода, для 20-летнего — 10%, для 30-летнего — 7%. Поэтому-то при 30-летнем цикле сдвиг на один, два и три года почти не дает никакого эффекта, тогда как при 10-летнем цикле увеличивает R на 20—30%. Итак, увеличение цикла, во-первых, дает устойчивый и надежный R , во-вторых, учитывает скорость и длительность экономической реакции.

До какой степени нужно увеличивать цикл? Какой цикл является оптимальным для разных периодов экономической истории России? Цикл нужно брать тем больше, чем дальше мы уходим в глубь веков. Для последней трети XIX и начала XX в. искажение (уменьшение) R при анализе 10-летних циклов по сравнению с 15—25-летними будет невелико, поскольку железные дороги и средства связи уменьшили скорость экономической реакции до нескольких недель или месяцев:

За 1875—1884 гг. — 0,794	за 1880—1894 » — 0,826
» 1880—1889 » — 0,769	» 1875—1898 » — 0,935
» 1885—1894 » — 0,818	» 1875—1894 » — 0,788
» 1889—1898 » — 0,942	» 1880—1898 » — 0,832
» 1875—1889 гг. — 0,785	

Для второй половины XVIII в. только начиная с 15-летнего цикла получаем репрезентативный R , мало отличающийся от коэффициентов, полученных для 20- и 30-летних циклов, которые безусловно более надежно измеряют тесноту связи:

За 1754—1768 гг. — 0,858	за 1757—1773 гг. — 0,864
» 1754—1773 » — 0,890	» 1744—1773 » — 0,818

Но для первой половины XVIII в. нужно брать цикл больше, поскольку цикл, содержащий менее 20 лет, преуменьшает R :

R за 1708—1730 гг. . . . . 0,735 *	R за 1718—1727 гг. 0,360
» » 1744—1763 » 0,787	» » 1744—1753 » 0,372
» » 1708—1717 » 0,340	» » 1744—1758 » 0,436
» » 1708—1722 » 0,420	

* Матрица включает R для 14 городов

Коэффициент корреляции за период 1708—1722 гг. + 1727—1730 гг. (19 лет), равный 0,735, свидетельствует о существовании тесной взаимозависимости в движении цен на рынках этих городов. Но если подсчитать R за 1744—1763 гг., то он получается небольшим, точно так же он будет незначительным, если его подсчитать для 1708—1717 гг., 1718—1727 гг. и для 15-летних циклов — 1744—1758 гг. и 1708—1722 гг. Таким образом, только 20-летний цикл в первой половине XVIII в. обеспечивает репрезентативный R .

Для XVI и XVII вв. цикл, вероятно, должен быть еще большим — 25—30 лет, поскольку торговые связи были еще более затруднительными

и медленными из-за более низкой плотности населения, больших стеснений торговли, из-за меньшей развитости средств связи и коммуникаций и т. д., т. е. всех факторов, которые, не затрагивая существа торговых связей, влияют на скорость экономической реакции. Увеличение цикла необходимо также потому, что для XVI—XVII вв. характерна быстрая изменчивость цен по годам и стабильность уровня цен в течение больших периодов времени. В приведенном выше примере связи колебаний цен в Волоколамске и Вологде (см. табл. 5) R для первых десяти лет — 0,277, R для 9 лет без 1570 г. — 0,416; R для второго десятилетия — 0,254; R для 15 лет — 0,435 и R для 20 лет без 1570 г. — 0,723.

Было бы неправильно думать, что с увеличением периода автоматически увеличивается R и что мы расширяем необходимый цикл для более древних периодов, с тем чтобы доказать предвзятую точку зрения и отнести момент сложения национального хлебного рынка подальше в глубь веков. Увеличение периода увеличивает R до тех пор, пока существует неучтенная взаимосвязь в колебаниях цен. А как только она полностью учитывается, как бы мы не увеличивали цикл, R не увеличится. Во второй половине XVIII в. 15-летний цикл дает такой же R , как 20-летний и больший чем 30-летний цикл. Во второй половине XIX в. R 10-летнего цикла — 1889—1898 гг. — больше 15-летнего цикла 1875—1889 г., больше 20-летнего цикла 1875—1894 гг., больше R 24-летнего цикла 1875—1898 гг. 20-летний цикл для первой половины XVIII в. и 25—30-летний цикл для XVI—XVII вв. не даст R , равного тому, который мы получили для второй половины XVIII в. и XIX в. Его величина будет недостаточной, чтобы сделать заключение, что национальный рынок сложился, даже если мы возьмем 100-летний цикл. Увеличение цикла дает репрезентативный и надежный, а не высокий R .

До сих пор мы рассуждали как эмпирики. Но посмотрим, что говорит статистическая теория о длине цикла или о влиянии количества наблюдений на R . Количество лет в цикле можно рассматривать как выборку. Следовательно, все требования и ограничения, которые предъявляются к выборочному R , сохраняют силу.

Какое количество наблюдений (лет) необходимо включить в цикл, чтобы R был статистически достоверным?

Таблица 6

Критические значения коэффициента корреляции *

$f = n - 2$ a	1	8	10	13	18	25	30	35	40
0,10	0,988	0,549	0,497	0,414	0,378	0,323	0,296	0,275	0,258
0,05	0,997	0,632	0,576	0,514	0,444	0,381	0,394	0,325	0,304

a f	45	50	60
0,10	0,243	0,231	0,211
0,05	0,287	0,273	0,250

* a — уровень значимости, или вероятность ошибочного заключения; f — число степеней свободы; n — количество пар наблюдений (Я. Янкo. Математико-статистические таблицы. Перев. с чешского. М., 1961, стр. 59—60, 134).

В таблице 6 содержатся значения R для разного количества наблюдений (n) и разной вероятности заключения (разного уровня значимости — a). Она применяется для оценки статистической значимости R . Если, например, при $n=50$, $f=50-2=48$ и уровне значимости (вероятности ошибочного заключения) $a=0,10$ полученный R меньше, чем 0,231, то гипотеза о наличии связи отклоняется, так как R статистически незначим. При 10-летнем цикле, если $a=0,05$, все коэффициенты менее 0,632 отклоняются, как не имеющие статистической значимости. R в этом случае перестает быть тонким инструментом анализа, поскольку все градации его до 0,632 не могут быть учтены. Предел статистической значимости, как видно из таблицы, уменьшается с ростом количества наблюдений, или в нашем случае с увеличением цикла. Из этого следует, что чем древнее исследуемый период, т. е. чем торговые связи между городами неустойчивей, тем взаимозависимость цен между различными городами слабее, и чем, следовательно, коэффициенты корреляции меньше, тем больше надо брать цикл для анализа, чтобы можно было учесть и небольшие коэффициенты и установить начальные и промежуточные точки развития национального рынка.

Необходимо учесть также гомогенность (однородность) совокупности. Известно, чем разнородней совокупность, тем больше наблюдений надо делать и наоборот. В нашей задаче: чем древнее период мы изучаем, тем разнороднее изучаемая нами совокупность (разнородность создается медленной скоростью экономической реакции и большей изменчивостью цен) и тем, следовательно, больший цикл необходимо брать при анализе.

Наконец, существует статистический закон, что увеличение числа наблюдений никогда не искажает картину действительности, а, напротив, вернее ее отражает и с большей достоверностью. Поэтому во всяком случае, и в отношении точности в том числе, лучше взять большой период, чем малый.

Если не существует статистической связи между явлениями, то чем больше наблюдений, тем меньше будет R . И наоборот, чем меньше наблюдений, тем он может быть больше. Может даже случиться так, что какой-то отдельный небольшой период в силу случайных совпадений может дать высокий R и без достаточно критического подхода привести к ошибочному заключению. Большое количество наблюдений (большой период) редко приводит к ошибкам, в то время как малое количество наблюдений (небольшой период) создают ошибочные представления довольно часто.

Таким образом, и с точки зрения эмпирической (конкретно-исторической), и с точки зрения теоретико-статистической, необходимо брать для первой половины XVIII в. 20-летний цикл. При таком цикле, если $a=0,05$, будут статистически значимыми все коэффициенты более 0,444, и поэтому абсолютное большинство коэффициентов будет учтено, так как средний R для этого периода более 0,45. На том же основании для второй половины XVIII — первой половины XIX в. считаем необходимым брать 15-летний цикл, для второй половины XIX в. — 10-летний, для XVI—XVII вв. — 25—30-летний цикл.

Предполагая необходимость увеличения цикла в XVI—XVII вв. до 25—30 лет, исходим из того, что торговые связи в эту эпоху были еще слабыми, следовательно, R для этого периода будет, вероятно, небольшим. Чтобы его можно было учесть, т. е. чтобы R , имеющий небольшое абсолютное значение, был статистически значим, необходимо брать большой цикл. Но это вовсе не предполагает, что нельзя для XVI—XVII вв. считать R для 10-, 15-, 20-летних циклов.

Л. В. М и л о в

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» АФАНАСИЯ ЩЕКАТОВА

«Географический словарь», фактическим организатором которого и вдохновителем всей работы являлся Афанасий Щекатов, был издан в 1801—1809 гг. в типографии Московского университета¹. Для историков России второй половины XVIII — начала XIX в. этот много- томный труд, аккумулировавший гигантский по тому времени информа- ционный материал, является своего рода настольной книгой. Многие факты из истории экономики, географии, этнографии и истории Россий- ской империи современный исследователь берет именно из Словаря Афанасия Щекатова. Причем некоторые из них донес до нас только этот Словарь.

Детище Афанасия Щекатова не являлось первым подобного рода произведением. Еще в 1773 г. в России был издан Лексикон верейского воеводы Федора Полунина², в 90-е годы был издан посмертно неокончен- ный географический и исторический Лексикон В. Н. Татищева³. Наконец, в конце 80-х годов выходит второе весьма расширенное издание геогра- фического Лексикона, в котором роль основного составителя сыграл Л. И. Максимович⁴. Наряду с этим во II половине XVIII в. издавались различного рода переводные географические словари (Г. Лангера и др.)⁵. Но при всем этом выпедший в начале XIX в. словарь Щекатова по объему словника, объему фактического материала оставляет далеко позади все, что вышло до тех пор в России.

Ввиду вышесказанного представляет, на наш взгляд, немалый интерес история создания Словаря Афанасия Щекатова, а главное — выяснение круга источников и литературы, используемой в Словаре, методов обра-

¹ А. Щекатов. Словарь географический государства Российского, т. I—VII. М., 1801—1809 (далее — А. Щекатов. Словарь...).

² «Географический Лексикон или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера... из достопамятных известий, собранный коллежским асессором и го- рода Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный трудами и с предисловием... Г. Ф. Мил- лера». М., 1773.

³ «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гра- жданский, сочиненный Василием Никитичем Татищевым». СПб., 1793.

⁴ [Л. И. М а к с и м о в и ч]. Новый и полный географический словарь Россий- ского государства, или лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хроноло- гически, генеалогически и геральдически наместничества, области и уезды, го- рода... из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный (далее — Л. Максимович. Новый и полный словарь...), т. I—III. М., 1788—1791.

⁵ «Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному по- рядку подробное описание всех частей света... собранный... Г. Лангером», ч. I—III. М., 1791—1792.

ботки и обобщения его материалов⁶. Разумеется, в объеме небольшой статьи невозможно в сколь-либо полной мере выполнить эту задачу.

По сравнению со Словарем Л. Максимовича труд Афанасия Щекатова отличается значительно большей энциклопедичностью в условиях рамках географической тематики. Объем словника здесь увеличен в 2—3 раза, главным образом за счет исторических достопримечательностей географического характера, описания народов, населявших Россию и пограничные территории, резкого увеличения материалов по истории и экономике городов, исторического описания монастырей и т. п. Для примера приведем краткий отрывок из перечня слов на букву «Д» так, как он дан в Словарях Максимовича и Щекатова:

Словарь Щекатова	Словарь Максимовича
Дабассуней — нор	нет
Даванкул — озеро	нет
Давыд — город	нет
Давыдова пустыня	нет
Давыдовская крепость	Давыдовская крепость
Давыдовский бывший медный — завод	Давыдовский бывший медный — завод
Дагда — местечко	Дагда — местечко
Дагден — остров	нет
Дагида — остров	нет
Дагерорт — мыс	Дагерорт — мыс
Даго — остров	Даго — остров (очень кратко)
Даец — село	нет
Даймино — село	Дайминс — село
Далай — поор	нет
Дален — замок	Дален — замок
Дален — приход	нет
Далматов — уездный город	Далматов — уездный город (очень кратко)
Далматов Успенский — мужской монастырь	нет
Дальник и Парабой — реки	нет
Дальнее — озеро	нет
Данилов — уездный город	Данилов — уездный город
Данилов — мужской монастырь	Данилов — мужской монастырь
Данилов Троицкий — мужской монастырь	нет
Данилова слобода	Данилова слобода
Даниловка — слобода	нет
Даниловский старообрядческий монастырь	нет

К этому сопоставлению словников следует добавить, что в большинстве случаев статьи, перешедшие в новый Словарь из Словаря Максимовича, были дополнены или переработаны.

Итак, за счет каких материалов был пополнен «Географический словарь» Щекатова, каков круг его источников?

Разумеется, издатель Словаря в то далекое время не мог иметь широкого авторского коллектива. Организация его ни издателю, ни типографии не была под силу. Главный упор был сделан на опубликованные ма-

⁶ Подобного рода исследования по отношению к ранним русским энциклопедическим изданиям считал необходимыми крупнейший советский источниковед академик М. Н. Тихомиров.

териалы. Остатки уцелевшего архива А. М. Щекатова позволяют в какой-то мере воссоздать ход этой работы.

В основу, разумеется, был положен словник из старого Словаря Полунина — Максимовича, но главные усилия были сосредоточены на поисках материалов, расширяющих этот словник. Начальным этапом этой работы были, видимо, небольшие словарные наброски, почерпнутые из различного рода географических описаний. Как правило, это были черновые записи на отдельных листках и обрывках, часть из которых была впоследствии реализована, а часть так и осталась без применения. Вот, например, словник, озаглавленный А. М. Щекатовым «Из книги „Ручной дорожник“»⁷:

Чесменский замок
Три руки — дворец
Царское село
София — уездн. город
Ижора — станция
Тосна — ям
Чудово — село и ям
Спасская полесь
Подберезье
Новгород — губ. город
Водская пятина
Обонежская пятина
Бежецкая пятина
Деревская пятина
Шелонская пятина
Бронницы — село
Бронницкая гора
Зайцево — село
Крестцы — уездн. город

Рахино — станция
Яжелбицы — село
Валдай — уездн. город
Зимогорье — ям
Ядрово — ям
Хотилово — ям
Выш. Волочек — уездн. город
Выдропуск — ям
Торжок — уездн. город
Борисоглебский мужской монастырь
Медное — село
Тверь — губ. город
Воскресенское — станция
Едимоново — село
Отрочь монастырь
Завидово — ям
Клин — уездн. город
Москва — столица

Достаточно лишь беглого взгляда, чтобы узнать знакомый радищевский маршрут из Петербурга в Москву, взятый из обычного дорожного указателя. А. Щекатов пользовался одним из вариантов «Дорожника», составленным Иваном Глушковым, прямую ссылку на который он сделал в статье Словаря о «Едимонове». Из указанного «Дорожника» с очень незначительными изменениями было впоследствии использовано описание почти всех сел, ямов и станций (кроме Подберезья, Зайцева, Зимогорья, Медного, Завидова и некоторых других). Подчеркнем здесь, что главной особенностью использования материалов было полное и точное цитирование «Дорожника»⁸.

Словарь А. Щекатова

«Дорожник»

«Хотилово — село и многолюдный, хорошо выстроенный ям по Московской в С.-Петербург дороге, Новгородской губ., в Валдайском уезде, расстоянием от С.-Петербурга в 394, от Москвы — 334, от Новгорода — в 208 верстах. В оном селе по середине главной улицы на квадратной площади приходится каменная изрядной архитектуры церковь с колокольнею и в особом месте деревянной императорской дворец»⁹.

«Хотилово — село и многолюдный хорошо выстроенный ям.

В оном селе по середине главной улицы на квадратной площади приходится каменная изрядной архитектуры церковь с колокольнею и в особом месте деревянной императорской дворец»¹⁰.

⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. ОИДР, д. 293-5. Бумаги Щекатова (далее — Бумаги Щекатова), т. III, лл. 262—263.

⁸ [Иван Глушков]. Ручной Дорожник для употребления на пути между имп. Всероссийскими столицами. Изд. 2. СПб., 1802, стр. 10, 12, 23, 28, 29, 30, 88, 96 и др.; А. Щекатов. Словарь..., т. VI, стб. 327, т. VII, стб. 14—15; т. VI, стб. 320; т. VII, стб. 163; т. V, стб. 1132; т. VII, стб. 338 и др.

⁹ А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 338.

¹⁰ «Дорожник», стр. 96—97.

Иногда в Словарь попадал текст даже без элементарно необходимых изменений. Так, например, статья Словаря «Ядрово» оканчивается фразой из «Дорожника»: «по прямой линии до станции Хотилов на 36 верст», что в «Географическом словаре» в таком виде явно неуместно. В статье «Спасская полисть» также оговаривается расстояние по маршруту до Подберезья (24 версты) и т. п.¹¹

Вот еще один черновой словник, который состоит из постраничных выписок из книг¹²:

Имена городов и сел и разных мест	Которая страница	В какой книге
Володимир	22	Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург
Село Мошка	33	То же
Муром	41	» »
с. Зубликовский погост	50	» »
с. Павловское	74	» »
с. Осташиха	127	» »
г. Васильсурск		
г. Чебоксары		
с. Сумки	148	» »
г. Казань		
Кузюдемьянское	145	» »
Свияжск		
Девичье поле		
Свияжский Богородицкий мона- стырь	135	» »

Подобных выписок в архиве Щекатова было, видимо, очень много. Они наряду с печатными материалами словарей, словарной основой «Примечаний» Ивана Болтина на «Историю» Леклерка, знаменитых путешествий российских академиков Зуева, Лепехина, Палласа и ряда других легли в основу общего словника, составление которого было вторым этапом подготовки издания. К сожалению, словник полностью не сохранился, уцелели лишь небольшие отрывки из него (со слова Лаба — река до Пермь — губ. город)¹³. Однако эти отрывки дают достаточное представление о характере дальнейшей работы.

Сводный словник уже имеет многочисленные рабочие ссылки на источник информации. Они весьма лаконичны, но тем не менее поддаются расшифровке: «Парца речка — М. Сл.» (Максимовича Словарь); «Осмонь село — оп. Орл. губ. 22» («Описание Орловской губернии», стр. 22); «Пафнутьев Боровский монастырь — Церк. кал., 136, Больш. Черт., 186» («Церковный календарь», стр. 136, «Книга Большому чертежу», стр. 186); «Лесня — речка — Сл. г. Болт.» (Словарь господина Болтина); «Маяк слоб. — Пут. г. Сум., 225» («Путешествие г. Сумарокова по Крыму и Бессарабии». М., 1800); «Луганская станица — Древн. вивл., XIX, стр. 269» («Древняя Российская вивлиофика», изд. 2, т. XIX, стр. 262) и т. п.¹⁴

Большинство статей проекта словника имели ссылки, обычно на какой-либо один источник. Статьи, создание которых мыслилось как компиляция сведений сразу нескольких источников, относительно немногочисленны. Как правило, это прежде всего города. Например, материал по статье «Полтава» наместен из Адреса-календаря на 1804 г. и из книги «Путешественные записки Василия Зуева». Для статьи «Острог —

¹¹ А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 338; т. V, стб. 1132.

¹² Бумаги Щекатова, т. III, л. 262.

¹³ Там же, т. IV, лл. 259—289.

¹⁴ Там же, л. 287 об., 260, 264, 261 и др.

уездн. город Волынской губернии» были намечены: Словарь Болтина («Примечания Российской истории»), «Полный географический лексикон...» Г. Лангера и «Адрес-календарь на 1804 год». В качестве источников материала для статьи «Нижний Новгород» в черновике словника фигурировали: «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург», «Путешествие Лессепса» (на франц. яз.), «Адрес-календарь на 1804 год», Словарь Болтина («О Тмутаракани»), «Коммерческие ведомости», № 14 за 1804 г., «Книга Большому чертежу», стр. 200 и т. п.¹⁵

Важно отметить, что далеко не всё из намеченного в проекте словника было реализовано. В словнике задумано было много статей, в частности, выходящих за условные рамки географической тематики. Это, видимо, отражало стремление составителя придать будущему Словарю более энциклопедический характер. Одним из характерных примеров подобных устремлений А. Щекатова была серия статей о религиях и религиозных сектах. Например, статьи «Молокане», «Поповщина», «Онуфриевщина», «Перемазановщина» и другие, материал для которых был намечен по книге «Ядро хронологическое истории всемирной»¹⁶. Впрочем, причины исчезновения статей такого рода не вполне ясны, т. к. кое-что в Словаре сохранилось. Например, статья о «щельниках» (т. VII, стб. 287—288), одном из раскольничьих согласий и некоторые другие. Кроме того, не нашли отражения в Словаре и статьи, имеющие преимущественно исторический характер («Перунов храм» и др.)¹⁷. Наконец, ряд статей был сокращен при уточнении объема (например, «Лодейное поле» и др.)¹⁸.

Таким образом, черновик словника даже в отрывочном виде позволяет заглянуть, так сказать, в лабораторию подготовки Словаря и составить представление об основном круге использованных материалов. Правда, часть рабочих ссылок словника лишает нас этой возможности, так как это ссылки не на первоисточники, а на подготовленные переписчиками сводные материалы («Реестр о заводах», «Описание народов», «О водоходстве» и др.)¹⁹.

Важным комплексом статей Словаря А. Щекатова являются описания народов России. В черновых словниках статей о народах и народностях имеются лишь глухие ссылки на рукописные подготовительные материалы к томам Словаря («Описания народов» и «Примечания на Российскую историю»). В архивных бумагах А. Щекатова сохранилось 50 листов «Примечаний на Российскую историю», которые представляют собой отдельные статьи о народах («Мордва», «Меряне» и т. п.). Сопоставление текста подготовительных материалов, а также текста статей Словаря о народах с одним из сохранившихся черновых перечней народов, описания которых должны были быть включенными в Словарь, дает прямой повод к предположению, что в основе перечня народов лежит известная работа И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов»²⁰. Перечень разбит на четыре части, соответствующи-

¹⁵ Бумаги Щекатова, т. IV, лл. 277, 286 и др.

¹⁶ Там же, лл. 178, 205, 191, 197 об. и др.; [А. П. Голицын]. Ядро хронологической истории всемирной от начала света до кончины Екатерины II, содержащее хронологию истории священной и гражданской; основание и перемену государств и их владетелей; вселенские и частные соборы, когда они существовали, кто на них присутствовал и повод их созыва; главные ереси и заблуждения и основателей оных; достопамятные в свете происшествия, великих людей деяния, славные брани, возмущения, мирные трактаты, учреждения монашеских обществ, кавалерских орденов, изобретения в науках, художествах и прочая. Собранные из разных достоверных летописей, ч. I—IV. М., 1804—1805. (Материал о старообрядцах дан во II части).

¹⁷ Бумаги Щекатова, т. IV, л. 201.

¹⁸ Там же, л. 259.

¹⁹ Там же, лл. 261 об., 259 об., 282.

²⁰ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I—IV. СПб., 1799 (далее — И. Г. Георги. Описание народов...).

щие работе И. Г. Георги; в каждой части перечня соблюдена последовательность изложения статей, взятая из той же работы И. Г. Георги. Наконец, сопоставление текста статей Словаря с текстом книги И. Г. Георги с полной очевидностью подтверждает это. Правда, иногда использованы и другие источники. Статьи «Абхазы» и «Запорожские казаки» даны не по работе И. Г. Георги, а по тексту прежнего Словаря Максимовича. Частично объясняется это тем, что при подготовке первых трех томов Словаря А. Щекатов пользовался первым изданием «Описания народов...» И. Г. Георги, опубликованным в 1776—1777 гг. в трех частях²¹. В этом издании отсутствовала четвертая часть, вышедшая на немецком языке в 1780 г., но переведенная на русский язык лишь при издании всех четырех частей в 1799 г.

В четвертой части работы И. Г. Георги были помещены описания бурятов, калмыков, грузин, армян, индийцев и др.; там же помещена была серия статей о казаках. Именно поэтому для Словаря Щекатова не были использованы материалы статей «Грузинцы», «Армяне», «Буретты» и т. п., а были взяты либо тексты Максимовича («Запорожские казаки»), либо даны максимально краткие справки.

Материалы 4-томного издания труда И. Г. Георги стали использоваться Щекатовым лишь при подготовке четвертого тома Словаря. Текстовое сходство с трудом И. Г. Георги есть уже в статье «Калмыки ставропольские». Статья «Монголы» полностью списана с материалов И. Г. Георги и т. д.²²

Материалы И. Г. Георги по-разному обрабатывались А. Щекатовым и его сотрудниками. Основным методом работы с текстом статей о народах была их прямая перепечатка. Огромное большинство статей просто переписано «слово в слово» из И. Г. Георги. Приведем перечень таких статей:

Абинцы	Мордва
Азапы	Нагайские орды вообще
Аринцы	Нагайские орды у Черного моря и на Кубани
Бирюссы	Осеты (осетинцы)
Бухарцы	Отяки (остяки)
Вогуличи	Саяты
Вотяки	Татары астраханские
Енисейские отяки	Татары верхотомские
Заянские татары	Татары казанские и оренбургские
Камачинцы	Татары качинские
Карабулаки	Татары кумыкские
Каракассы	Татары обские
Качинские татары	Татары таврические
Кисты (кистинцы)	Татары терекские нагайские
Кондуровские нагайские орды	Татары тобольские
Конбалы	Татары томские
Котовцы	Татары тчеляне
Коряки	Телеуты
Лезги (лезгинцы)	Трухменцы (туркоманы)
Лопари (лапландцы)	Тубинцы
Маторы	Тунгузы
Меря	Туралинцы
Мещеряки	Финны (чухонцы)
Мильчеги	Черемисы
Монголы	Черкесы
	Чуваши

²¹ Подтверждением этому может служить текст статьи «Бухарцы», где при разъяснении мусульманской системы летоисчисления говорится следующее: «... а потому и прошедший 1776 год есть по их счислению 1188, а не 1190, как у прочих магометан» (А. Щекатов. Словарь, т. I, стб. 633). В издании 1799 г. упомянут «нынешний 1796 год» (И. Г. Георги. Описание народов..., ч. II, стр. 83).

²² Щекатов мог использовать интересный очерк «Россиане», помещенный в четвертой части работы И. Г. Георги, но почему-то не сделал этого.

Наряду с буквальная перепечаткой в «Географическом словаре» довольно часто при переписке материалов из «Описания народов...» И. Г. Георги допускались незначительные, но умело сделанные редакционные изменения. Вот, к примеру, отрывок из текста И. Г. Георги «Мордва» и изменение его в Словаре А. Щекатова²³:

И. Г. Георги. «Описание народов...»
 «До распространения татарского владычества были жилища его повыше теперешних на Волге же, около Ярославля, Костромы и Галича»
 «Каратан составляют еще и третье, но такое малое поколение, что в нескольких только казанских деревнях заключаются. Есть также мордва и в Астраханской губернии, при реке Волге, в селе Каменном. Они называются сами по своим поколениям мокшами...»

Словарь А. Щекатова
 «До распространения татарского владычества мордовские жилища были повыше теперешних на Волге же, около Ярославля, Костромы и Галича»
 «Каратан составляют еще и третье, но такое малое поколение, что в нескольких только казанских деревнях заключаются. Они называются сами по своим поколениям мокшами...»

Довольно редко Щекатовым производились значительные сокращения. В статьях о народах в таких случаях резко уменьшался объем материалов И. Г. Георги по описанию утвари, одежды, обычаев и религии тех или иных народностей. Так, по сравнению с текстом «Описания народов...» с очень сильным сокращением даны статьи: «Башкирцы», «Барабинцы», «Киргизцы», «Якуты» и некоторые другие. В статьях о народах встречаются и примеры очень сложной переработки текста с точки зрения композиции. Так, текст статьи «Камчадалы» составлен из чередующихся отрывков текста из Словаря Максимовича и текста из «Описания народов...» И. Г. Георги. Вот примерный порядок этого чередования:

Авторский	{	Камчадалы — народ Иркутской губернии, живущий в южной части полуострова Камчатки. Камчадалы, или древние обитатели Камчатского полуострова
по Георги, стр. 57	{	называются сами ительменами... от прозвания храброго ительмена кончата, жившего при оной
(Далее текст, видимо, по Шмалеву)		
по Георги, стр. 56—57	{	Происхождение их по недостатку... владеют своими местами
по Максимовичу, ч. II, стр. 147	{	От россиян именуется по рекам... а иные от голоду померли
по Георги, стр. 57	{	Как они разделяются и называются по речкам... великое множество переморило
(Далее текст, видимо, по Шмалеву)		
по Георги, стр. 57	{	Камчадалы обыкновенно росту малого... и вообще статны
по Максимовичу, стр. 147	{	Как мужчины, так и женщины... 10 фунтов потянули
по Георги, стр. 57—58	{	Народ сей имеет воображение... смерть же, хотя и мучительную, сносят злодеи и больные спокойно
по Георги, стр. 59—60	{	Летний год... иначе сибирским борщем называемую, для курения вина
по Максимовичу, стр. 148	{	Камчадалы, так, как якуты или братские мужики... немилостиво муча
по Георги, стр. 60, 61—66	{	Они живали всегда... Рассказы их суть повествования о бытиях или сказки о божках, богатырях, звериных промышленниках и предках
по Максимовичу, стр. 149—154	{	Прежде завоеванные от русских... то невеста заплачет, будто по обычаю пойманы

²³ И. Г. Георги. Описание народов..., ч. I, стр. 42—47; А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 322—326.

по Георги, стр. 66—67	{ С сего самого времени... в прежние времена бывало у иного казака и по целой серали
по Максимовичу, стр. 154—155	{ Прежде хватанья обычай есть женихов дарить пояс... но сие ныне почти выходит из обычая
по Георги, стр. 67	{ Ибо казаки обыкновенно очищают таковых вдов от мнимаго греха... родственников не падят
по Максимовичу, стр. 155	{ Прежде всего во всяком острожке бывали жупаны... лучшего зверя в подарок принимали
по Георги, стр. 67—68	{ Многие женщины ненавидят беременность... а перышки прожигают
по Максимовичу, стр. 156—158	{ Двойни у камчадалов очень редко рождаются... но токмо язык закуся молчат
по Георги, стр. 59, 68—69	{ У камчадалов нет ни грамоты...
- (Далее до конца по Георги)

Надо сказать, что такая сложная, трудоемкая компиляция различных текстов в «Географическом словаре» в разделе «Описание народов» встречается довольно редко. Чаще встречаются статьи, где механически соединены два отрывка разных текстов (статья «Буретты», «Латыши», «Татары», «Чукчи» и т. д.).

Наиболее простой способ обработки материалов несомненно был продиктован огромным, непосильным объемом работы. Щекатов не был гарантирован от серьезных искажений даже при прямом переписывании материалов. Приведем в пример отрывок из статьи «Бухарцы»²⁴.

У И. Г. Георги

У А. Щекатова

«Все они произошли из Великой Бухарии через переселение отчасти своих родителей, а отчасти и свое собственное».

«Все они произошли из Малой Бухарии через переселение отчасти своих родителей, а отчасти и свое собственное».

Особенно часты искажения из-за неверного переноса знаков препинания²⁵.

У И. Г. Георги

У А. Щекатова

«... обожают птицу филина, имеют множество болванчиков, как Мунгалы и Тунгусы. Мертвых зарывают в землю...»

«... обожают птицу филина, имеют множество болванчиков; как Мунгалы и Тунгусы мертвых зарывают в землю...»

Если в серии статей, посвященных описанию народов России, основной метод их подготовки вполне ясен, т. е. это последовательная, за редким исключением, прямая перепечатка статей из труда И. Г. Георги, то с описаниями городов картина более сложная. Правда, и здесь довольно часто А. Щекатов использовал прямую перепечатку.

Основным источником для статей о городах служили топографические описания отдельных губерний или наместничеств — источник широко известный и массовый по тому времени. В использовании этого материала А. Щекатов шел также по наиболее рациональному пути, т. е. брал то, что было опубликовано. Поэтому материал в Словаре не всегда был самым новым. Так, по Московской губернии в 1800 г. было создано новейшее, очень подробное топографическое описание²⁶, но А. Щекатов использовал по городам этой губернии материалы старого

²⁴ И. Г. Георги. Описание народов..., ч. II, стр. 72; А. Щекатов. Словарь..., т. I, стб. 621.

²⁵ И. Г. Георги. Описание народов..., ч. II, стр. 349; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 993.

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. III, д. 18861, ч. I—X.

«Исторического и топографического описания городов Московской губернии с их уездами», вышедшее в Москве в 1787 г. Это описание было использовано и в Словаре Максимовича. По сравнению с ним текст у А. Щекатова отличается некоторыми дополнениями, но иногда в старом словаре описание 1787 г. было использовано даже полнее, чем затем его использовал А. Щекатов. Например, текст о торговле купцов и мещан г. Звенигорода у Максимовича дан более подробно, чем у Щекатова. Но, как правило, именно Щекатов дает более подробный вариант описания 1787 г. (см. статьи по г. Богородск, Никитск, Подольск, Можайск, Воскресенск, Бронницы, Руза, Серпухов, Верей, Коломна, Клин, Дмитров, Волоколамск). Больше того, время от времени в Словаре А. Щекатова дается дополнительный материал, источник которого не всегда удается определить. Дополнения такого рода носят отрывочный характер и иногда даже внушают недоверие. Так, в частности, по тому же Звенигороду цифры, означающие количество обывательских и других строений в городе, полностью совпадают с описанием 1787 г., однако число обывательских жилых домов разное (по Щекатову, 4 каменных купеческих дома и 750 обывательских, а в описании — 4 каменных купеческих и 407 обывательских)²⁷. При полном совпадении всех остальных довольно многочисленных данных это вызывает недоумение.

Примерно так же дело обстоит и со статьями по городам Ярославской губернии. Несмотря на то, что ко времени создания Словаря А. Щекатова существовало новейшее топографическое описание Ярославской губернии, выполненное в 1798 г.²⁸, Щекатов взял материал из топографического описания начала 80-х годов XVIII в.²⁹ Объясняется это, видимо, тем, что описание 1783 г. использовалось в свое время для Словаря Максимовича, а новое описание было еще не опубликовано. В итоге статьи «Ярославль», «Рыбинск», «Любим», «Молога», «Мышкин», «Данилов», «Борисоглебск», «Пошехонь», «Романов», «Петровск» и другие³⁰ перепечатаны с небольшими изменениями по сравнению со Словарем Максимовича. Скорее всего при составлении нового Словаря использовалось и то и другое. Все цифровые данные и в значительной мере текст совпадают полностью с неопубликованным описанием Ярославской губернии 1783 г. Отклонения очень редки. К числу существенных относится следующее: торговый годовой оборот Ярославля по описанию 1783 г. был равен сумме 150 тыс. руб., а у Щекатова она превратилась в сумму 600 тыс. руб. Весьма возможно, что это ошибка, т. к. торговые обороты всех уездных городов перешли со страниц описания без всяких изменений. Вторая из замеченных ошибок: у Максимовича при указании количества уездного населения по Ярославской губернии обычно писалось: «По последней ревизии». Щекатов обычно механически повторял эту формулировку Максимовича (что само по себе неверно), но в статье «Данилов», пользуясь описанием 1783 г., вдруг уточнил ее «по 4 ревизии», в то время как всюду данные были по третьей ревизии.

Довольно легко определяется основной источник и по городам другой центральной губернии — Тверской. Это «Топографическое и камеральное описание городов и уездов Тверской губернии 1783—1784 гг.». Оно не

²⁷ А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 806; Л. Максимович. Новый и полный словарь..., т. I, стр. 141.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. III, д. 19178.

²⁹ Там же, д. 19176. Водяной знак имеет дату «1783 год».

³⁰ А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 383—394; т. V, стб. 444—451; т. IV, стб. 305—308; т. IV, стб. 456—459; т. II, стб. 138—143; т. I, стб. 525—527; т. IV, стб. 1276—1279; т. V, стб. 63—67; т. IV, стб. 1110—1113; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19176. лл. 6—9, 44—47, 33—35, 59—64, 73—74, 66—69, 51—53, 38—43, 28—30, 76—82.

было опубликовано в XVIII в. и, видимо, было использовано с помощью прямых контактов с губернскими учреждениями³¹. Во всяком случае, в Словаре Л. Максимовича, изданном в 1788 г., этот источник не использован вовсе. Соответственно ничего существенного к Словарю А. Щекатова не перешло и из Словаря Л. Максимовича, лишь в статье «Кашин» использован текст о знаменитых кашинских калачах — «беседках». Целиком по описанию 1783—1784 гг. у Щекатова сделаны статьи «Кашин», «Колязин», «Вышний Волочек», «Корчева», «Бежецк», «Красный Холм», «Зубцов» и «Старица»³². Материал этот взят с очень большими сокращениями. Причем приемы сокращения, к сожалению, не одинаковы. Так, например, по Красному Холму, Зубцову и Колязину из топографического описания взяты подробные характеристики отдельных групп купеческих «семей», занимавшихся тем или иным видом «промысла», а по остальным городам этот материал выпущен и т. п.

При использовании топографического описания 1783—1784 гг. в гораздо большей степени, чем по Московской губернии, встречаются неожиданные расхождения Словаря с первоисточником. Так, в частности, в статье «Весьегонск» весь текст взят из описания 1783—1784 гг., но абзац о промыслах взят из иного источника. В статье «Тверь» из описания 1783—1784 гг. целиком переписана обширная историческая преамбула, но в статистико-экономической части в словаре нет ничего общего с указанным источником³³. По описанию 1783—1784 гг., в Твери было 405 лавок, а по Словарю — 342 лавки и т. д.

В статье «Ржев—Володимеров» обнаруживаются явные следы соединения двух разных источников. Так, в тексте почти рядом соседствуют аналогичные фразы: «Местоположение его на трех горах и частью на ровном... Местоположение имеет гористое, окрестности сего города открыты, представляют взору обширные поля...» Последняя фраза взята из описания 1783—1784 гг., другая же из неизвестного нам источника³⁴. Наконец, в статьях «Торжок» и «Осташков» из указанного описания взята очень небольшая, по преимуществу историческая часть, основной же текст отличен и по манере письма, и по цифровому материалу. В частности, по г. Торжку статистический материал разнится очень значительно³⁵:

Описание 1783—1784 гг.

лавок — 111
 хлебных амбаров — 97
 кожевенных заводов — 3
 малых кожевенных заводов — 67
 солодовенных заводов деревянных — 39
 населения муж. п. — 38282

Словарь А. Щекатова

лавок — 102
 хлебных амбаров — 107
 кожевенных заводов — 2
 малых кожевенных заводов — 44
 солодовенных заводов деревянных — 29
 населения муж. п. — 41332

Источником для этих статей, по всей вероятности, послужило топографическое описание конца 70-х годов XVIII в. или какое-то иное. Во всяком случае, все цифровые данные по г. Твери и по уезду (число разного

³¹ «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг.» (далее — «Генеральное соображение по Тверской губернии...»). Тверь, 1873; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. III, д. 19088.

³² А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 412—418, стб. 700—742; т. I, стб. 1255—1258; т. III, стб. 756—758; т. I, стб. 640—642; т. III, стб. 824—827; т. II, стб. 651—655; т. V, стб. 1171—1177.

³³ Там же, т. I, стб. 860—861; т. VI, стб. 139—153.

³⁴ А. Щекатов. Словарь..., т. V, стб. 30; «Генеральное соображение по Тверской губернии...», стр. 114.

³⁵ «Генеральное соображение по Тверской губернии...», стр. 147—155; А. Щекатов. Словарь..., т. VI, стб. 306—309.

рода строений, количество населения и его отдельных прослоек, количество промышленных заведений и т. п.) полностью совпадают с «Историческим и географическим описанием города Твери и его уезда»³⁶.

Относительно просто обстоит дело с городами Нижегородской губернии. Здесь для Словаря в качестве главного, и во многих случаях единственного, источника было взято «Описание городов Нижегородского наместничества», опубликованное в 1787 г.³⁷ На базе этого описания основан весь материал статей «Ардатов», «Горбатов», «Княгинин», «Лукоянов», «Макарьев», «Починки», «Сергач» и др.³⁸ Весьма редко сведения описания 1787 г. дополнены другими, взятыми главным образом из «Путешествий». Так, статья «Починки» дополнена данными о конских заводах, статья «Арзамас» — фактами о структуре берегов р. Теши из первой части записок И. Лепехина³⁹. Кстати, переписка, видимо, во многих случаях производилась простыми переписчиками. Это вело к грубым ошибкам. Так, при переписке количества населения в Арзамасском уезде в самом Словаре получилось следующее: государственных крестьян — 4351 д. м. п., помещичьих крестьян — 25 385 д. м. п., с купцами и мещанами — 27 599 д. м. п. В описании 1787 г. следующие данные⁴⁰:

государственных крестьян	— 4351 д. м. п.
помещичьих крестьян	— 21 034 »
с помещичьими крестьянами	— 25 385 »
с купцами и мещанами	— 27 599 »

Особенно много ошибок в Словаре по статьям о городах Владимирской губернии. Фактические данные по городам этой губернии взяты из «Топографического описания Владимирской губернии 1784 года»⁴¹. Однако если вся текстовая основа Словаря совпадает с описанием, то цифровая нет. Вот ряд показателей статьи «Шуя»⁴²:

В описании 1784 г.		В Словаре А. Щекатова	
всего населения муж. п.	502	всего населения муж. п.	802
» » жен. п.	780	» » жен. п.	708
обывательских домов	296	обывательских домов	329
фабрик полотняных	10	фабрик полотняных	6

Аналогичны данные статьи «Юрьев»⁴³:

В описании 1784 г.		В Словаре А. Щекатова	
обывательских домов	367	обывательских домов	769
фабрик полотняных	4	фабрик полотняных	11
лавок каменных	2	лавок каменных	3
» деревянных	116	» деревянных	60

³⁶ «Собрание сочинений, выбранных из „Месяцесловов“ на разные годы» (далее — «Собрание сочинений...»), ч. IV. СПб., 1790, стр. 191—222.

³⁷ «Собрание сочинений...», ч. VI. СПб., 1790, стр. 242—276.

³⁸ А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 61—62; т. I, стб. 192—193; т. III, стб. 1208; т. IV, стб. 1274—1275; т. III, стб. 581—582; т. V, стб. 906—907; «Собрание сочинений...», т. VI, стр. 242—276.

³⁹ А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 1208; т. I, стб. 200—202; И. Лепехин. Дневные записки путешествий Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., ч. 1. СПб., 1771, стр. 71.

⁴⁰ А. Щекатов. Словарь..., т. I, стб. 201—202; «Собрание сочинений...», т. VI, стр. 259.

⁴¹ «Топографическое описание Владимирской губернии 1784 года». Владимир, 1906.

⁴² Там же, стр. 52—53; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 320.

⁴³ «Топографическое описание Владимирской губернии 1784 года», стр. 41—44; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 517.

Вероятно, что большая часть цифровых расхождений — результат ошибок при переписке.

Помимо чисто технических ошибок единую манеру подачи материала по городам Владимирской губернии нарушает введение материала из дополнительных источников. Иногда это дает отклонения от общей историко-географической базы. Так, в частности, сильно отличается от общих уездных городских описаний фактический материал по Переславлю-Залесскому. Видимо, виной тому использование составителями особого «Исторического, географического, топографического и политического описания города Переславля-Залесского».

Чтобы кончить с обзором источников по Владимирской губернии, необходимо упомянуть, наряду с описанием 1784 г. и материалы путешествий П. С. Палласа и И. И. Лепехина и др. Такие вставки из путешествий есть в статье «Муром»: 1) «Город Муром, так же как и Касимов, построен на высоком левом берегу Оки..., а в обвалившемся при церквях берегу находятся снаружи старые гробы и человеческие кости» (П. С. Паллас... Путешествия по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1773, стр. 53; А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 440). 2) «...сверх сего всему гражданству общий промысел... пуд семян от 2 до 8 руб. продается» («Дневные записки путешествий Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.», ч. 1. СПб., 1771, стр. 38; А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 443). 3) «О содержании садов в Муроме стараются больше нежели в других... многие жители имеют хорошие яблонные сады» (П. С. Паллас... Путешествия по разным провинциям..., ч. 1, стр. 55; А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 443).

В статье «Владимир» встречаются выдержки из «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург». Подобные вставки есть в описаниях многих городов, местоположение которых совпало с маршрутом тех или иных путешествий (например, Касимов, Арзамас, Алатырь, Симбирск и т. д.). Сочетание в рамках одного описания столь разновременных описаний, разумеется, снижает ценность статей Словаря как источника.

Так же как по городам Тверской и Владимирской губерний, по многим губерниям один-два города резко отличаются от остальных. Так, в частности, в основу описаний почти всех уездных городов Вологодской губернии (Вологды, Кадникова, Грязовца, Вельска) лег один и тот же источник — «Описание городов Вологодского наместничества с их округами», опубликованное в 1791—1793 гг.⁴⁴ Однако статья «Тотьма» и несколько других составлены по иным источникам. Если общее описание Вологодской губернии составлено на основе того же описания 1791—1793 гг., то, например, города Саратовской губернии — на основе топографического описания, опубликованного в 1785 г., а общее описание губернии составлено на иных, гораздо более поздних источниках (1802—1803 гг.)⁴⁵. Статья «Оренбург» вся переписана из Словаря Л. Максимова, но дополнена сведениями по торговле за 1801—1802 гг.⁴⁶ Описание г. Тобольска составлено по топографическому описанию Тобольского наместничества 1783—1784 гг., но статьи об уездных городах опираются на иные источники. В частности, статья «Тюмень» содержит статистиче-

⁴⁴ «Собрание сочинений...», ч. VI, 1790, стр. 32—106, ч. X. М., 1793, стр. 321—328, 342—321, 305—312; А. Щекатов. Словарь..., т. I, стб. 974—1005; т. III, стб. 35—37; т. II, стб. 141—144; т. I, стб. 784—787 и др.

⁴⁵ «Собрание сочинений...», ч. VI, стр. 32—56; А. Щекатов. Словарь..., т. I, стб. 1007—1111; «Собрание сочинений...», ч. VI, стр. 23—58; А. Щекатов. Словарь..., т. V, стб. 739—743; т. I, стб. 327—328; т. III, стб. 275—278; т. VII, стб. 784—785 и др.

⁴⁶ А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 894—899.

ские данные по городу и уезду, взятые из «Дневных записок» И. Лепехина, т. е. хронологически по более ранним материалам (1771 год!)⁴⁷.

Довольно сложное и непоследовательное переплетение данных различных источников можно отметить и по городам Орловской губернии. В основе этих статей лежит топографическое описание Орловской губернии 80-х годов XVIII в.⁴⁸ Чисто описательные моменты заимствованы из одного из лучших описаний путешествий — «Путешественных записок Василия Зуева...»⁴⁹ В статьях «Болхов», «Дешкин», «Ливны», «Брянск», «Елец» и других встречаются целые куски текста, взятые из записок В. Зуева⁵⁰. По некоторым же городам материал книги В. Зуева почти не использован. Так, в частности, в статье «Лугань» заимствовано из «Путешественных записок...» В. Зуева лишь краткое упоминание о фарфоровой и полотняной фабриках Апраксина в с. Барсове⁵¹, а в статье «Кромы» — лишь несколько строк о местоположении и древнем укреплении города. В описании г. Карачева почти нет сведений из записок В. Зуева.

Непоследовательность в использовании материалов состоит не только в этом. Не совсем ясен принцип отбора цифрового материала составителем Словаря. Данные описания и сведения В. Зуева резко различны. В статье «Ливны» Щекатов брал основные цифры только из записок В. Зуева⁵². Кстати, при переписке данных допущена грубая ошибка. У Зуева упоминаются 1163 обывательских дома в городе. Щекатов сопровождает эту цифру уточнением, что сюда включены и слободы («со слободами»), но в тексте В. Зуева число домов и жителей в слободах указано отдельно. Составитель Словаря, механически переписывая текст, дает и эту цифру. В итоге — путаница в численности городского населения. Здесь, как и по материалам Владимирской губернии, встречается разноречивость в цифровых данных. В частности, по г. Орлу ряд данных взят из записок В. Зуева, а ряд других — из иных источников⁵³.

Описание большинства городов черноземной полосы, с этой точки зрения, наиболее благополучное. В основу статей по ряду городов был положен лишь один-какой-либо источник.

Статьи по городам Тамбовской губернии («Тамбов», «Шацк», «Спасск», «Темников» и др.) повторяют и очень точно «Описание Тамбовского наместничества», опубликованное в 1786 г.⁵⁴

Статьи по городам Курской губернии перепечатаны из описания С. Ларионова, опубликованного в 1786 г. (оно же использовано и в Словаре Л. Максимовича, но в более сокращенном виде). На этом описании

⁴⁷ «Месяцеслов исторической и географической на 1786 год». СПб., 1786; А. Щекатов. Словарь..., т. VI, стб. 238—242; «Продолжение дневных записок путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 г.», ч. III. СПб., 1814, стр. 4—6; А. Щекатов. Словарь..., т. VI, стб. 510—513.

⁴⁸ Копия с этого описания хранится в «Бумагах А. М. Щекатова», т. III, лл. 61—83.

⁴⁹ [Василий Зуев]. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона (далее — «Путешественные записки...»). СПб., 1787.

⁵⁰ «Путешественные записки...», стр. 119—122, 126—127; А. Щекатов. Словарь..., т. I, стб. 508—509; т. II, стб. 192—193; т. III, стб. 1109; т. I, стб. 579; т. II, стб. 389.

⁵¹ А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 1200; «Путешественные записки...», стр. 129.

⁵² А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 389; «Путешественные записки...», стр. 122.

⁵³ А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 880; «Путешественные записки...», стр. 113.

⁵⁴ «Собрание сочинений...», ч. VI, стр. 372—380, 408—417, 398—402 и др.; А. Щекатов. Словарь..., т. VI, стб. 57—69, т. VII, стб. 216—219; т. V, стб. 1129—1134; т. VI, стб. 166—167 и др. По городам Тамбовской губернии, так же как и по Ярославской, цифры даны с пометкой «по последней ревизии» как новейшие данные.

основаны статьи: «Курск», «Белгород», «Богатой», «Дмитриев», «Суджа», «Тим», «Щигры», «Кароча», «Льгов», «Обоянь», «Новый Оскол», «Старый Оскол», «Путивль», «Рыльск»⁵⁵. Лишь в статье «Рыльск» есть дополнения о заводах, взятые из иного источника.

Точно так же обстоит дело и с городами Харьковской губернии (кроме самого г. Харькова). В основе статей по городам Чугуеву, Волчанску, Золочеву, Ахтырке, Валкам, Краснокутску, Богодухову, Сумам, Мирополью, Белополью, Лебедину, Недригайлову, Хотмышску и Изюму лежит обработанный с небольшими сокращениями или вовсе без них текст «Топографического описания Харьковского наместничества...», опубликованного в 1788 г.⁵⁶ С самим Харьковом дело обстоит сложнее. Из указанного описания в Словарь взяты лишь описания промыслов, правда, очень подробные, но носящие общий характер, некоторый материал использован из Словаря Л. Максимовича. Наконец, в статье есть ряд сведений, которые были получены путем личных контактов, на чем мы остановимся несколько позже.

Следует отметить резкое снижение объема материала по районам Левобережной Украины, Белоруссии и Прибалтики. Составитель Словаря дает мало нового по этим районам. Основные его источники: Словарь Л. Максимовича и переводной Словарь Г. Лангера⁵⁷. Например, статьи «Крейцбург», «Пернов» целиком перепечатаны из Словаря Л. Максимовича. Статья «Рига» на три четверти объема имеет текст из Словаря Л. Максимовича с добавлением новейших данных по торговле за 1803—1804 гг., которые резко контрастируют со старым описанием. В статье «Ревель» из новых добавлений следует указать выдержки из указов Павла и Александра I. Материалы Словаря Г. Лангера были в еще большей мере устарелыми и давали города Острог, Ковно и др. еще как владения Польши⁵⁸. Щекатов обновлял эти сведения лишь данными об административно-территориальном делении и с точки зрения церковного территориально-административного деления. Район Прибалтики в Словаре Щекатова дан по старой, еще полуинской, традиции. Описания городов Прибалтики, за небольшими исключениями, основаны на перепечатке текста из географии Бюшинга. В архивных бумагах Щекатова сохранились «Краткие выписки из Бишинговой географии»⁵⁹, которые с небольшими редакционными исправлениями вошли в статьи Словаря. Вот пример подобной обработки⁶⁰:

⁵⁵ «Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранные Сергеем Ларионовым того наместничества верхней расправы прокурора». М., 1786, стр. 3—48, 61—69, 71—76, 79—83, 136—146, 157—160, 87—92, 96—98, 104—106, 109—113, 115—119, 121—129, 131—135; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 1006—1030; т. I, стб. 646—651, 448—449; т. II, стб. 205—207; т. V, стб. 1228—1231; т. VI, стб. 195—197; т. VII, стб. 289—290; т. III, стб. 354—357, 1218—1220; т. IV, стб. 788—790, 718—720; т. V, стб. 1198—1201; т. IV, стб. 1340—1344; т. V, стб. 453—455.

⁵⁶ «Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим преуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии...» М., 1788, стр. 139—168; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 156—158; т. I, стб. 1026—1027; т. II, стб. 649—650; т. I, стб. 294—296, 724—726; т. III, стб. 827—828; т. I, стб. 463—464; т. V, стб. 1255—1258; т. IV, стб. 255—256; т. I, стб. 689—690; т. III, стб. 1080—1082; т. IV, стб. 511—513; т. VII, стб. 790—791; т. II, стб. 714—716.

⁵⁷ Г. Лангер. Новый и полный географический словарь..., ч. I—III. М., 1791—1792.

⁵⁸ Г. Лангер. Указ. соч., т. II, стб. 380, 111; А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 941—942; т. III, стб. 590—591.

⁵⁹ [А. Ф. Бюшинг]. Королевство Польское и Великое Герцогство Литовское с присоединенными к оному землями. Из Бишинговой географии. Перевел с немецкого Федор Рогенбуке. СПб., 1775.

⁶⁰ Бумаги Щекатова, т. II, л. 24; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 994.

Курляндия — название Курляндии на латтском языке кур-земе, значит то же, что и юрзем, т. е. земля, прилегающая к морю, по-немецки Зейланд. Граничит на запад с морем Балтийским, к северу с заливом Рижским и Лифляндиею, к востоку с Литвою, а на полдень с Самогитиею.

Курляндия, бывшее герцогство, принадлежавшее Польше, а ныне составляет губернию Российской империи. Название Курляндии на латтском языке кур-зем, значит то же, что и юрзем, т. е. земля, прилегающая к морю, а по-немецки Зайланд. Граничит на западе с морем Балтийским, к северу с заливом Рижским и Лифляндиею, к востоку с Литвою, а на полдень Самогитиею.

Поскольку по степным районам Малороссии уже нет того обилия топографических описаний, основным источником становятся записки путешественников. Причем, если по центральным районам Путешествия давали материал описательного характера, а топографические описания — цифровой, то здесь наоборот. Интересен пример с городами Полтавской губернии. По городам Кременчугу и Полтаве статистический материал взят из «Путешественных записок...» В. Зуева⁶¹. Материалы В. Зуева служили также единственным источником по многим районам Херсонщины. В частности, Щекатов использовал описанные В. Зуевым, но давно ликвидированные уезды, такие как Никопольский, Кизикерменский, Ольвиопольский, Елисаветградский, Крюковский и др.⁶² Вместо них сделаны статьи по городам «Елисаветград», «Крюков», «Кизикермен», «Ольвиополь», «Никополь»⁶³. В словарь из записок В. Зуева полностью переключено лишь описание Ингульского уезда, к тому времени уже несуществовавшего⁶⁴.

Селения, острова, остроги, пещеры, погосты и т. п. даются менее систематизировано. Здесь присутствует даже элемент случайного выбора.

Более или менее «знатные» селения давались Щекатовым, как правило, по топографическим описаниям. Число их на уезд обычно не превышало десятка. Однако по Калужской губернии число сел, селец и деревень, отмеченных Словарем, внезапно резко возрастает, причем текст по многим из них взят не из соответствующего топографического описания. Почти все эти описания кончаются фразой: «...земля иловатая з глиною, лес дровяной» или строевой и т. п. Подобная формула характерна только для одного источника второй половины XVIII в. — так называемых «Экономических примечаний к Генеральному межеванию». Именно по Калужской губернии в 80-х годах XVIII в. был издан единственный губернский комплекс «Экономических примечаний»⁶⁵, его усиленно и использовал Щекатов для описания селений Калужской губернии. По другим губерниям по «Примечаниям», видимо, были описаны некоторые селения Орловской губернии, т. к. черновики их статей содержат те же текстовые признаки.

Другой своего рода очаг мелких населенных пунктов, охваченных Словарем, расположен по берегам Ладожского и Онежского озер. Причина довольно простая. Для этого района имелся такой великолепный источник, как опубликованное в «Новых ежемесячных сочинениях» описание Ладожского озера.

⁶¹ «Путешественные записки...», стр. 215—231, 204—207; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 849—866; т. IV, стб. 1240—1245.

⁶² «Путешественные записки...», стр. 231—237.

⁶³ А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 394; т. III, стб. 930—932; стб. 449; т. IV, стб. 843, 654.

⁶⁴ «Путешественные записки...», стр. 234—235; А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 760.

⁶⁵ «Атлас Калужского наместничества...». М., 1782.

Сопоставление текста описания со Словарем показало, что почти по всем пунктам, указанным в словнике, текст из «Ежемесячных сочинений» использован в Словаре⁶⁶.

Такая же неравномерность выбора объектов для описания наблюдается и по южным районам. Среди них выделяются, в частности, донские станицы, присутствующие в словаре почти полностью. И вновь причина в том, что в распоряжении составителя имелось «Географическое описание обитаемой земли Войском Донским»⁶⁷. На этом материале составлены статьи: «Цимлянская», «Усть-Хоперская», «Усть-Медведицкая», «Усть-Белокалитвенская», «Усть-Быстринская», «Усть-Бузулукская», «Трехостровная», «Терновская», «Раздорская», «Богаевская», «Александровская»⁶⁸. В статье, посвященной г. Черкасску, замечено девять довольно больших отрывков, текстуально совпадающих с описанием Черкаска в «Древней Российской вивлиофике»⁶⁹.

Наконец, большая неравномерность в выборе и хронологическое несоответствие помещаемых данных наблюдается в статьях Словаря, посвященных горным заводам и рудникам. Надо сказать, что Щекатов уделял, видимо, этой теме много времени и внимания. В черновых материалах сохранился большой сводный реестр горных заводов, таблицы основных технико-экономических показателей. И тем не менее полнота, новизна данных в статьях этого цикла зависела от случая. Очень пестр материал по пермским уральским заводам. Например, Цинский медный завод описан целиком по Словарю Л. Максимовича, изменены лишь число рудников (202) и рабочей силы (по 5-й ревизии 470 д. м. п.)⁷⁰. Курашинский медный завод частично дан по Л. Максимовичу и частично по другим источникам⁷¹. Статья о Кольвано-Воскресенских заводах основана на новых материалах⁷². Описание Ревдинского пермского завода содержит факты трехдесятилетней давности, взятые из записок Лепехина 1770 г. Здесь по И. Лепехину дано даже население завода⁷³.

Комплекс Нерчинских заводов дан более единообразно, т. к. в «Новых ежемесячных сочинениях» было опубликовано их описание. Как правило, текст переписывался дословно, есть даже ссылка на источник⁷⁴. Южноуральские горные заводы даны Щекатовым на основе «Топографического описания заводов, лежащих в Уфимском наместничестве», новые дополнения встречаются редко. В Словаре использованы описания 28 заводов⁷⁵.

⁶⁶ «Новые ежемесячные сочинения», 1788, ноябрь, стр. 1—31; декабрь, стр. 1—23; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 458, 448; т. V, стб. 1254; т. IV, стб. 1161—1163; т. V, стб. 584—585; т. III, стб. 353; т. V, стб. 404; т. IV, стб. 834—838; т. I, стб. 958; т. V, стб. 190, 463; т. IV, стб. 184; т. VI, стб. 601; т. VII, стб. 324; т. IV, стб. 1198, 468, 1153; т. II, стб. 8, 689; т. I, стб. 958.

⁶⁷ «Древняя Российская вивлиофика», изд. 2, т. XIX. М., 1791.

⁶⁸ Там же, стр. 273—274, 281, 277, 267, 266, 281—282, 275, 274, 264, 263, 262; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 34—35; т. VI, стб. 643, 638, 632, 630, 325, 187; т. IV, стб. 10; т. I, стб. 304; т. I, стб. 106.

⁶⁹ «Древняя Российская вивлиофика», изд. 2, т. XIX, стр. 252—265; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 79—85.

⁷⁰ Л. Максимович. Новый и полный словарь..., т. VI, стр. 11; А. Щекатов. Словарь..., т. VII, стб. 544.

⁷¹ Л. Максимович. Новый и полный словарь..., т. II, стр. 345; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 981—982.

⁷² Л. Максимович. Новый и полный словарь..., ч. II, стр. 296—297; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 686, 692—695.

⁷³ «Продолжение дневных записок путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям...», ч. II. СПб., 1802, стр. 211—213; А. Щекатов. Словарь..., т. V, стб. 21—23.

⁷⁴ А. Щекатов. Словарь..., т. IV, стб. 587; «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXV, 1788, сентябрь; ч. XXVI, 1788, август. См. также «Газимурский завод», «Илдиканский завод» (А. Щекатов. Словарь..., т. II, стб. 7, 36).

⁷⁵ «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве». — «Древняя Российская вивлиофика», изд. 2, т. XIX, стр. 123—156.

В заключение необходимо отметить, что составитель Словаря имел весьма интересную и, видимо, довольно широкую переписку с подписчиками Словаря. Число корреспондентов увеличивалось по мере издания в свет очередных томов. Выход «Географического словаря» находил живой отклик у тогдашней читающей публики. Афанасию Щекатову писали представители чиновничества, дворянства и, что особенно любопытно, купечества. «Милостивые государи! Хотя я не имею чести знать Вас!... Но ревностные труды Ваши в Географическом словаре Российского государства, посвященные в пользу россиян... наших любезных соотечественников, привлекают мое сердце... и нечувствительно заставляют меня любить и почитать Вас!»⁷⁶ Это отрывок из письма отставного штабс-капитана Е. Мосцепанова из г. Короп Черниговской губернии. Однако переписка сводилась не только к излиянию патриотических чувств. Корреспонденты Щекатова, особенно любители истории, энтузиасты-краеведы посылали и много фактических сведений, поправляли ошибки Словаря. Вышеупомянутый Е. Мосцепанов спешит сообщить, что в г. Батурине не четыре, а три церкви, «а четвертая давно уже сгорела». Он же сообщает, что в трех верстах от Батурина «есть графа Разумовского суконная и байковая фабрика..., где 200 чедовек об. пола работают безпрерывно...»⁷⁷

Харьковский купец Василий Зыкеев в переписке с А. Щекатовым сообщает об условиях основания Харьковского университета⁷⁸. Полный восторженных патриотических чувств В. Зыкеев восклицает: «Какое удовольствие чувствует сердце о скором открытии здесь университета — рука моя начертать не может!»⁷⁹ А. Щекатов весьма заинтересован в материалах об университете и в ответном письме сообщает В. Зыкееву: «Спешу... просить, чтоб доставили обстоятельнейшее и историческое о учреждении и нынешнем существовании Вашего университета описание, которое не токмо к помещению в мой Словарь сочтется интересным, но еще и весьма нужным»⁸⁰. Через В. Зыкеева Щекатов завязывает переписку с ректором Харьковского коллегиума протоиереем Прокоповичем, который присылает ему «Историографическое описание города Харькова и Харьковского коллегиума»⁸¹. А. Щекатов обращается к нему с просьбой: «...Удовлетворите меня доставлением описания монастырей и пустынь, штатных и заштатных, находящихся в Слободской Украинской епархии, которое хотя у себя я имею, но весьма краткое...»⁸²

В переписке с А. Щекатовым состояли и весьма высокопоставленные лица. Сенатор М. Г. Спиридов присылает описание своего родового имения с. Преображенского (Нагорье тож), которое А. Щекатов полностью помещает в Словаре⁸³. В ответе Спиридову Щекатов писал: «Желательно, чтоб любители российской литературы снабжали меня поболее таковыми патриотическими записками. Сие могло бы не только украсить, но и обогатить издаваемый мною Словарь»⁸⁴. Любопытно, с какой горячностью А. Щекатов ухватился за предложение сенатора прислать материал в связи с поручением Спиридову Александром I осмотреть Казанскую, Вятскую, Оренбургскую и Саратовскую губернии (видимо, речь шла

⁷⁶ Бумаги Щекатова, т. III, лл. 283—284.

⁷⁷ Там же, л. 283 об.

⁷⁸ Там же, л. 306 об.

⁷⁹ Там же, л. 332.

⁸⁰ Там же, л. 308.

⁸¹ Там же, л. 331.

⁸² Там же, л. 316.

⁸³ Там же, л. 313; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 471.

⁸⁴ Бумаги Щекатова, т. III, л. 312.

о сенаторской ревизии). Из далекого Красноярска купец И. Е. Новиков присылает сведения о купцах на 1804 г.⁸⁵

Ряд корреспондентов присылали составителю Словаря весьма серьезные сочинения. Присылкой для словаря «Топографического описания о городе Кемь» А. Щекатов обязан тамошнему городничему Антропову⁸⁶. Директор астраханского народного училища И. В. Ровинский был автором подробного описания Астраханской губернии. Само описание не уцелело в архиве Щекатова, однако сохранилось обширное дополнение к нему⁸⁷. Серьезность и обстоятельность этого труда даже натолкнули Щекатова на мысль издать описание отдельно от Словаря.

Таким образом, даже небольшая часть сохранившейся переписки А. Щекатова с полной очевидностью показывает, что живой и весьма характерный для той эпохи интерес к истории, географии России, побуждаемый чувством патриотизма, в итоге дал «Географическому словарю» А. Щекатова довольно много оригинальных материалов с мест.

Заканчивая обзор исходных материалов Словаря А. Щекатова, следует отметить, что этот интереснейший памятник ранней энциклопедической литературы довольно сложен по своему составу и его использование историками-исследователями должно непременно сочетаться с его источниковедческим анализом.

⁸⁵ Там же, лл. 310—311.

⁸⁶ Там же, лл. 61—65; А. Щекатов. Словарь..., т. III, стб. 430—432.

⁸⁷ Бумаги Щекатова, т. III, лл. 290—297.

Б. Н. Казанцев

ЖУРНАЛЫ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МАНУФАКТУРНОГО СОВЕТА (20—60-е годы XIX в.)
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Конец 20-х годов XIX в. характеризуется появлением в феодально-крепостнической России некоторых новых организаций и учреждений, что было обусловлено развитием в стране капиталистических отношений. Под влиянием роста капиталистического сектора в промышленности помещичье правительство Николая I пошло на создание в 1828 г. при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов специального Мануфактурного совета и его отделения в Москве. По замыслу правительства это новое учреждение должно было способствовать развитию промышленности в стране. Согласно утвержденному 11 июля 1828 г. царем мнению Государственного совета Мануфактурный совет в Петербурге и его отделение в Москве должны были в основном заниматься сбором сведений о промышленных предприятиях, давать свои заключения о ходе дел в промышленности, выявлять новые образцы промышленных изделий, появлявшиеся за границей и в самой России, следить за различными техническими усовершенствованиями, вооружать мануфактуристов и фабрикантов различными полезными знаниями и т. д.¹

По положению о Мануфактурном совете Московское отделение образовалось при Комитете снабжения войск сукнами, председатель которого становился одновременно и председателем отделения. Московское отделение Мануфактурного совета с самого начала являлось совещательным органом московского дворянства и московской буржуазии. По закону 1828 г. оба сословия имели право направить на работу в новый орган по четыре человека. Однако в дальнейшем, в 30—50-е годы XIX в., Московское отделение фактически превратилось в совещательный орган буржуазии, так как вместо выбывавших из его состава отдельных членов, как правило, назначались представители купечества и промышленники. Из сохранившегося протокола первого (учредительного) заседания Московского отделения, состоявшегося 21 января 1829 г., видно, что в состав его входили: Д. С. Серебряков (председатель), князь С. И. Гагарин, отставной подпоручик И. А. Пушкин, коллежский ассессор А. С. Мельгунов, дворянин Н. М. Гусятников, купцы П. Н. Рогожин, Н. А. Полевой, Г. Н. Урусов и другие лица².

Довольно разносторонняя деятельность Московского отделения Мануфактурного совета, просуществовавшего до 1872 г., когда оно было реорганизовано в Московское отделение Совета торговли и мануфактур, получила отражение в журнале его заседаний, представлявшихся им отчетам в Департамент мануфактур и внутренней торговли, различной служебной переписке с местной (московской) администрацией и цент-

¹ «Полное собрание законов Российской империи» (далее — ПСЗ), собр. 2, т. III, № 2146.

² ФБОН, Журналы Московского мануфактурного отделения 1829 г., лл. 5 об., 7.

ральным правительственным аппаратом, а также с некоторыми другими организациями (например, с Московским биржевым комитетом).

Из этих документов для исследователей большую ценность представляют сами журналы ежегодных заседаний Московского отделения. Большинство из сохранившихся журналов Московского отделения хранится в Фундаментальной библиотеке общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР (ФБОН) в Москве (за 1829, 1833, 1843, 1846, 1857, 1858, 1861, 1864, 1868 и 1869 гг.). Шесть журналов (за 1837, 1851, 1855, 1856, 1862 и 1863 гг.) находятся на хранении в Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО). Помимо самих подлинников журналов в фонде Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов (ф. 18) в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА СССР) имеются также рукописные копии с отчетов заседаний отделения, регулярно представлявшиеся в этот департамент. В указанном фонде сохранились копии отчетов за 1844, 1848—1853 и 1863 гг.³ Судьба журналов за другие годы не известна. Уцелевшие комплекты журналов — это подлинники протокольные записи заседаний отделения, сброшюрованные по отдельным годам (за 1855—1856 гг. и за 1857—1858 гг. они сброшюрованы по два года в одной обложке). Записи производились на белой штемпельной бумаге черными чернилами. Почерк лиц, ведших записи (а велись они секретарем отделения), четкий, разборчивый. Все протоколы хорошо сохранились, и чтение их особого труда не представляет. Каждый из годичных комплектов заседаний отделения заключен в картонные обложки коричневого цвета с приблизительными размерами 35,5×22 см. На обложках журналов указано название, которое несколько раз изменялось за годы его существования, сделанное золотыми печатными буквами. Например, подшивка заседаний отделения за 1829 г. озаглавлена: «Журналы Московского мануфактурного отделения 1829 года».

Указанные журналы известны немногим историкам (особенно хранящиеся в ФБОН) и поэтому мало используются в нашей литературе. Эти журналы не подвергались еще специальному источниковедческому изучению. Между тем заседания отделения, проводившиеся, как правило, раз в две недели, позволяют шаг за шагом проследить деятельность этого совещательного органа, выразившего в основном взгляды московской буржуазии.

В протокольных записях журналов раскрывается содержание поступавших в адрес отделения отношений московского военного генерал-губернатора и учреждений Министерства финансов, донесений мануфактурных агентов Московского отделения из Франции и Англии, рапортов частных приставов Москвы о взаимных жалобах наемных рабочих и промышленников. В журналах имеются сведения об открытии отдельных промышленных предприятий в Москве, о подготовке промышленных выставок, о внедрении технических усовершенствований на мануфактурах и фабриках, приводятся заключения инженеров-технологов отделения об освидетельствовании паровых машин и котлов на предприятиях, данные о развитии внутренней и внешней торговли.

Среди материалов немалый интерес представляет записка одного из председателей Московского отделения А. П. Шипова, ратовавшего за быстрейшее развитие капиталистической промышленности в России и выступавшего за учреждение в этих целях провинциальных банков. Записка его слушалась на заседании 28 февраля 1861 г.⁴ В комплектах отдельных журналов (например, за 1864, 1868 гг.) имеются материалы совместных заседаний Московских отделений Мануфактурного и Ком-

³ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 1, д. 5, 15, 3823.

⁴ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1861 г.

мерческого советов, что, несомненно, увеличивает их значение как исторического источника. Особенно большой интерес для историков рабочего класса представляют сведения о жалобах наемных рабочих на предпринимателей, а также различные предположения и правила по рабочему вопросу. Отражению в журналах отделения этих последних вопросов и посвящена настоящая статья.

Содержащиеся в журналах сведения о конфликтных делах наемных рабочих и владельцев промышленных предприятий серьезно дополняют уже известные в литературе факты о простейших формах рабочих протестов предреформенного периода. Имеющиеся в журналах отделения краткие записи о взаимных жалобах наемных рабочих и хозяев предприятий позволяют произвести дифференцированные подсчеты числа жалоб рабочих на мануфактуристов (и фабрикантов) и последних на рабочих, а также определить характер каждой поданной жалобы.

Появление в журналах, начиная с 1844 г., записей о жалобах рабочих и хозяев друг на друга свидетельствует об усилении зачатков классового антагонизма между наемным трудом и капиталом к середине 40-х годов и о расширении круга занятий отделения под влиянием обострившихся социальных противоречий. О вынужденности подобных занятий отделения говорит сам факт отсутствия в перечне подлежащих компетенции этого совещательного органа при его создании (по закону 1828 г.) вопросов, относящихся к конфликтам фабрикантов с наемными рабочими. Это ясно и из журналов отделения за 1829, 1833, 1837, 1843 гг., в которых еще нет записей о спорах наемных рабочих с владельцами предприятий. Однако позднее (с 1843 г.) Московскому отделению было вменено в обязанность в числе прочих дел заниматься и разбором жалоб рабочих и предпринимателей⁵.

Поэтому по приглашению московской полиции члены отделения стали регулярно присутствовать при разборе споров нанятого с нанимаемыми и вместе с полицейским чиновником выносить свое решение по делу, которое затем обсуждалось на заседании отделения. Так, в 1844 г. при участии отделения было рассмотрено не менее 10 жалоб, из которых только две исходили от владельцев предприятий.

Имеющиеся в журналах записи о жалобах представляют собой не что иное, как краткое изложение рапортов частных приставов Москвы (реже донесений полицмейстеров и обер-полицмейстера) и донесений членов отделения, командированных на место для разбора возникшего конфликта. В них содержатся данные о причинах и содержании жалоб рабочих и о результатах разбора спорных дел. Проведенное сопоставление журналов Московского отделения за 1860 г. с жалобами самих фабричных рабочих за тот же год и с донесениями членов отделения, присутствовавших при разборе споров, убеждает в том, что журналы в части изложения самих пунктов жалоб не искажают самого первоисточника⁶. Однако исследуемый источник отличается значительной тенденциозностью в оценке степени справедливости жалоб рабочих. Члены отделения принадлежали к дворянскому и купеческому сословию и при разборе споров, как правило, становились на сторону владельца промышленного предприятия. Ознакомление с источником показывает, что жалобы со стороны рабочих чаще всего поступали от одного или нескольких (двух—четырех) человек. Протесты сравнительно больших групп рабочих (от 15—20 человек и более) встречаются в журналах крайне редко. Это в основном объясняется тем обстоятельством, что более крупные конфликты, характеризовавшиеся властями как волнения, улаживались

⁵ Н. С. Киняпина. «Рабочий вопрос» в политике царизма второй четверти XIX в. — «История СССР», 1967, № 1, стр. 37.

⁶ ГИАМО, ф. 616 (Московское отделение Совета торговли и мануфактур), оп. 1, св. 2, д. 15; св. 3, д. 33.

без участия представителя отделения чисто полицейским путем, иногда с применением вооруженной силы.

Из разбиравшихся групповых конфликтов рабочих с капиталистами в начале 60-х годов обращает на себя внимание коллективная жалоба рабочих на неправильный их расчет владельцем суконной фабрики Носовым. Владелец в отместку за принесенную на него жалобу генерал-губернатору пошел на прямое нарушение требования закона 24 мая 1835 г. о предупреждении рабочих за две недели до их увольнения и сразу выгнал с работы 120 человек⁷. Большая часть разбиравшихся при участии отделения заявлений рабочих посвящена неуплате хозяевами за уборку станков, неполную выплату или задержку заработной платы, незаконным вычетам и штрафам. На неуплату владельцем предприятия за уборку жаккардовых машин жаловались, в частности, в 1844 г. наемные рабочие мануфактуры А. Шипова, расположенной в Лефортовой части Москвы⁸. Всего в 1844 г. рабочими было подано три групповых и одна индивидуальная жалоба по этому поводу⁹. Из 22 жалоб, разбиравшихся в 1846 г., 5 жалоб было подано рабочими на фабрикантов Прусова, Зельмана, Гучкова, Колокольникова и Аксенова в связи с неуплатой им за работу по заправке станков¹⁰.

В отличие от рабочих владельцы промышленных предприятий обычно жаловались властям на преднамеренную порчу принадлежавших им фабричных изделий и на самовольное оставление рабочими предприятий до окончания срока найма. Изучение журналов показывает, что обычно полицейские приставы и члены отделения стремились закончить конфликтные дела примирением сторон. Поэтому не случайно в записях чаще всего говорится о том, что споры между рабочими и хозяевами закончились «миром». Такая политика отделения была выгодна царизму и буржуазии, стремившихся не допустить раздувания новых социальных противоречий в стране. Однако не всегда чинам полиции и членам отделения удавалось погасить недовольство рабочих, жаловавшихся на нестерпимый гнет и произвол предпринимателей. Отдельные записи в журналах и выписки из них свидетельствуют о том, что в некоторых случаях полиция «понуждала» рабочих к выполнению своих обязанностей, т. е. силой заставляла рабочих продолжать работу, не удовлетворив их требования¹¹.

Журналы содержат и некоторый фактический материал по вопросам беспорядочного ведения капиталистами расчетных тетрадей рабочих, приписок в графе о зарплате рабочего, хозяйских долгах рабочим и т. д.¹², т. е. помогают выяснить конкретные причины недовольства рабочих.

Сведения о жалобах позволяют исследователю проследить динамику известных отделению спорных дел в период кризиса феодально-крепостнической системы и утверждения в России нового капиталистического строя. Общее представление о количестве рассмотренных при участии отделения жалоб в 40—60-х годах XIX в. дает следующая таблица, составленная по журналам заседаний Московского отделения и копиямных

⁷ ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 65, лл. 154—155.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 1, д. 5, л. 197.

⁹ Указанные сведения о жалобах рабочих взяты из имеющихся в журналах заседаний Мануфактурного совета за 1844 г. копии с отдельных заседаний Московского отделения также за 1844 г. Отсутствие в нашем распоряжении полного комплекта самих журналов лишает возможности проверить полноту заключенных в указанных журналах Мануфактурного совета сведений по этому вопросу (ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 1, д. 5).

¹⁰ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1846 г.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 5, д. 3823; ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1857—1858 гг. (см. заседание 6 февраля 1858 г.).

¹² ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 63, лл. 37, 113—114, 262—263; д. 65, лл. 32, 56.

Общее число взаимных жалоб рабочих и владельцев промышленных предприятий за 1844—1869 гг.

Год	Жалобы рабочих			Жалобы фабрикантов	Всего жалоб
	одиночные	групповые	всего		
1844	4	4	8	2	10
1845 (январь—июль)	—	—	—	—	15 *
1846	10	9	19	3	22
1847	—	—	—	—	22
1848	—	—	—	—	15
1849	—	—	—	—	29
1850	—	—	—	—	35
1851	16	22	38	2	40
1852	—	—	—	—	31
1853	—	—	—	—	19
1854	—	—	—	—	21
1855	10	5	15	1	16
1856	3	6	9	1	10
1857	12	2	14	3	17
1858	5	11	16	6	22
1860	35	8	43	8	51 **
1862	—	8	8	1	9
1863	2	—	2	1	3
1864	19	11	30	8	38
1868 } 1869 }	Не было разборов спорных дел				
Итого	116	86	202	36	425

* Данные за 1845 г. взяты из справки о спорах, представленной отделением московскому военному генерал-губернатору А. Г. Щербатову (ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 1927, л. 180).

** Сведения о числе жалоб за 1860 г. заимствованы из статьи Н. С. Киняпиной («История СССР», 1967, № 1, стр. 37).

выписок с них, пересылавшихся в Департамент мануфактур и внутренней торговли.

Из таблицы видно, что за 20 лет (ввиду отсутствия комплектов за 1859, 1861, 1865—1867 гг. последние не учтены при подсчете¹³) в Москве при участии отделения было рассмотрено не менее 425 взаимных жалоб рабочих и фабрикантов. Установить более точную цифру жалоб довольно трудно, так как в изученных материалах за отдельные годы имеются небольшие расхождения. Так, по копиям заседаний отделения за 1844 г., представленных в Департамент мануфактур и внутренней торговли, можно насчитать 10 взаимных жалоб за год, тогда как по справке о спорах, данной московскому военному генерал-губернатору А. Г. Щербатову, только за 9 месяцев этого года (апрель—декабрь) таких жалоб было разобрано 12. Подобные расхождения обнаруживаются и за некоторые другие годы. Из данных отделения, приведенных в копиях о его заседаниях, видно, что в 1851 г. им было рассмотрено 42 спора, а в 1856 г. — 12. По журналам же самого отделения можно насчитать

¹³ При составлении таблицы автор, к сожалению, не смог воспользоваться также данными журналов заседаний отделения за 1861 г., хранящихся в ФБОН, так как они каким-то образом оказались «временно утерянными».

соответственно 40 и 10 жалоб. По сведениям отделения (см. заседание от 6 февраля 1858 г.) в Москве в 1855 г. было рассмотрено 11 жалоб рабочих и хозяев предприятий, а по журналам заседания самого отделения за 1855 г. можно насчитать 16 жалоб. Если учесть эти расхождения и приплюсовать к приведенной выше цифре спорных дел некоторые неучтенные в журналах заседаний жалобы за указанные годы, то окажется, что общее их число за двадцатилетие достигнет 431.

Данные таблицы за 1844—1869 гг. показывают, что большая часть взаимных жалоб падает на предреформенный период. Подавляющее большинство их составляют жалобы рабочих. Среди этой основной массы жалоб более половины — групповые (двух-трех и более рабочих). За отдельные годы изучаемого периода (1844, 1846, 1851, 1855—1858 гг.), по которым удалось сделать дифференцированные подсчеты, получается приблизительно одинаковое соотношение между одиночными и групповыми жалобами рабочих. За другие годы (1855, 1857 и особенно за 1860 г.) видно явное преобладание одиночных жалоб рабочих. Подача рабочими не только индивидуальных, но и групповых жалоб говорит об известном коллективизме и согласованности их действий в отношении отдельных промышленников. Особенно часто рабочие высказывали свои претензии к мануфактуристам и фабрикантам во второй половине 40-х — начале 50-х годов и затем в период подготовки отмены крепостного права, когда в стране складывалась и к 1859 г. назрела революционная ситуация.

Усиление активности наемных рабочих в 40—50-х годах, составлявших подавляющую массу московских рабочих, их протесты против двойного гнета (феодалного и капиталистического) и хозяйского произвола помогают глубже и объективнее оценить действия московских властей и политику царского правительства в целом по назревшему в России рабочему вопросу.

Из данных таблицы также видно, что в первое десятилетие после отмены крепостного права в стране наибольшее число дел по спорам рабочих с капиталистами слушалось в отделении лишь в 1864 г. Такое резкое сокращение числа разобранных тяжб при участии отделения может быть правильно понято лишь с учетом действий Временной комиссии, учрежденной в Москве в 1860 г. для разбора споров нанимателей, подрядчиков и наемных рабочих, главным образом строительных. С образованием этой комиссии основная масса жалоб стала проходить через нее. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в год отмены крепостного права в России комиссией было рассмотрено 1361 спорное дело!¹⁴ Для объяснения причин отсутствия в журналах отделения записей о взаимных жалобах рабочих и фабрикантов в конце 60-х годов требуется изучение ряда других документов (например, связанных с судебной реформой 1864 г.), которое не входит в нашу задачу.

Из сказанного следует, что журналы отделения могут считаться ценным источником по статистике конфликтов наемных рабочих и фабрикантов в основном за предреформенные десятилетия.

Журналы Московского отделения помогают также выяснить прямое влияние рабочих протестов на разработку первых фабричных правил и административных распоряжений по рабочему вопросу. Официально разработка правил по урегулированию взаимоотношений между фабрикантами и наемными рабочими не входила вначале в задачу Мануфактурного совета и его Московского отделения¹⁵. На втором заседании отде-

¹⁴ Г. И. Ионов. Рабочее движение в России в период революционной ситуации 1859—1861 гг. — «Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика Анны Михайловны Панкратовой». Сб. статей. М., 1958, стр. 198.

¹⁵ ПСЗ, собр. 2, т. III, № 2146.

ления 11 февраля 1829 г. было лишь постановлено о том, чтобы наряду со сбором статистических сведений о московской промышленности и наблюдением за техническими усовершенствованиями за границей отделение следило бы также и за существующими там правилами о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих¹⁶. Однако разработка фабричных правил для московских рабочих непосредственно еще не ставилась тогда отделением. Этим вопросом Московское отделение вынудили заняться потребности развития крупной капиталистической промышленности, необходимость обеспечения купеческих мануфактур и фабрик постоянными кадрами наемных рабочих, протесты наемных рабочих против непомерной их эксплуатации со стороны владельцев предприятий.

В журнале заседаний отделения от 13 марта 1833 г. приведены все статьи проекта мер для прекращения взаимных жалоб наемных рабочих и хозяев промышленных предприятий, который является до настоящего времени единственным сохранившимся источником этого первоначального предположения по урегулированию взаимоотношений между фабрикантами и наемными рабочими законодательным путем¹⁷. Содержащиеся в журнале заседания 14 марта 1833 г. записи выступлений членов отделения дают возможность довольно четко проследить борьбу между представителями дворянства и буржуазии за рабочие руки¹⁸. Этот дополненный затем проект лег в основу изданного в 1835 г. первого фабричного закона в дореформенной России о взаимоотношениях наемных рабочих и фабрикантов. Журналы отделения за 1843 г. помогают установить причины распространения закона 24 мая 1835 г. на всю Московскую губернию (первоначально этот закон касался лишь предприятий, расположенных в Петербурге, Москве и Петербургском и Московском уездах)¹⁹. Закон 1835 г., юридически оформивший право капиталистов на эксплуатацию крестьян-отходников в период их найма на работы и вовсе не ограждавший их от притеснений хозяев, лишь способствовал усилению недовольства рабочих своим бесправным положением. Однако предпринимавшиеся под влиянием этого недовольства наемных рабочих московскими властями при участии отделения некоторые меры в части дополнения закона 1835 г. правилами найма и расчета с рабочими за работу не получили отражения в журналах. Так, о дополнении отделением единой расчетной тетради, учрежденной в 1850 г. для московских фабрик и заводов, двумя новыми статьями можно узнать лишь из отношений генерал-губернатора А. А. Закревского гражданскому губернатору И. В. Капнисту от 27 августа и 18 октября 1854 г.²⁰

Журналы отделения содержат некоторый материал и по вынашивавшимся в правительственных кругах в конце 50-х—начале 60-х годов проектам изменения фабричного законодательства в России. В частности, протокол заседания от 1 апреля 1861 г. дает представление о характере сделанных членами отделения отдельных замечаний на представленный на их рассмотрение «Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде» 1859 г. Рассматриваемый источник представляет некоторый интерес и с точки зрения попыток отделения разработать фабрич-

¹⁶ ФБОН, Журналы Московского мануфактурного отделения 1829 г., л. 12.

¹⁷ Сам «Проект о мерах к прекращению жалоб на содержателей фабрик, их рабочих и обратно» (28 декабря 1832 г. — июнь 1835 г.) уничтожен (ГИАМО, ф. 16 (Канцелярия Московского генерал-губернатора), оп. 9). Содержание этого проекта, известного в литературе под названием «Проект Д. В. Голицына», подробно изложено в книге М. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I. М., 1938, стр. 139.

¹⁸ ФБОН, Журналы Московского мануфактурного отделения 1833 г., лл. 32—46.

¹⁹ Подробнее об этом см.: «Проблемы источниковедения», т. XI, 1963, стр. 88—89.

²⁰ ГИАМО, ф. 17 (Канцелярия московского гражданского губернатора), оп. 24, св. 860, д. 181, лл. 1—5.

ные правила для Московской губернии, аналогичные петербургскому проекту 1859 г.²¹ В журналах отделения за 1863 г. имеются также краткие упоминания о переписке Департамента мануфактур и внутренней торговли с отделением по поводу трудов комиссии Штакельберга, подготовившей новый проект фабричного и ремесленного уставов для всей России, с замечаниями членов отделения на этот проект²².

Значительно полнее отражено в журнале заседания от 6 сентября 1869 г. мнение членов отделения на представленный комиссией отделения в составе Т. С. Морозова, Ф. С. Михайлова и Н. А. Найденова отзыв на новый проект промышленного устава конца 60-х годов. Записи ясно показывают, что в основе «аргументации» промышленников по фабричным предположениям лежат сугубо корыстные классовые интересы московских капиталистов, которые упорно не желали улучшать условия труда рабочих²³.

Журналы Московского отделения помогают воссоздать историю первых проектов учреждения фабричных судов в России. Так, в журнале отделения за 1843 г. целиком воспроизведен текст «Проекта учреждения в Москве мануфактурной расправы», который был разработан членами отделения Веретенниковым, Локтевым и Самойловым и обсужден в заседании отделения 1 марта 1843 г.²⁴ Проект содержит сведения по составу суда, определяет его права и обязанности. Основная задача этого «суда по совести» должна была состоять в примирении тяжущихся сторон (§ 7 проекта). В проекте подробно перечисляются все виды жалоб, подлежащие разбору в мануфактурном суде (§ 9, пункт «в»), и определяются случаи разбора взаимных претензий фабрикантов и наемных рабочих, когда по ним «не установлено условий между хозяевами и рабочими в расчетных листах или фабричных правилах»²⁵. Учредители проекта лишали рабочих права иметь своих судей. Тем самым мануфактурный суд в действительности мог стать лишь судом представителей фабрикантов при расправе с негодными им рабочими. Анализ проекта показывает также на сохранившиеся в нем остатки крепостнического суда. Так, согласно § 17 в случае жалобы промышленника «на дурное поведение или прогул фабричных людей» такие рабочие сверх денежного штрафа могут подвергаться еще и «личному взысканию»²⁶. Мануфактурный совет Министерства финансов, обсуждавший проект в 1844 г., не решился представить на рассмотрение правительства столь ярко выраженный антирабочий проект, и он был вскоре погребен в министерских архивах²⁷.

Рассматриваемый источник содержит немало фактических сведений о бывших на московских предприятиях несчастных случаях с рабочими и разрабатывавшихся в связи с этим властями некоторых мер по технике безопасности. В частности, из рассматривавшегося на заседании отделения 12 сентября 1862 г. отношения пристава Лефортовой части Москвы видно, что в этом основном фабричном районе города рабочие вследствие якобы своей «неосторожности» часто получают травмы от работающих машин. Это, по свидетельству полицейского пристава, происходит и из-за тесноты помещений, в которых машины установлены близко друг от друга²⁸. Материалы журналов показывают, что наиболее частые увечья рабочие получали на суконной фабрике бр. Носовых.

²¹ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1861 г.

²² ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 66, лл. 147, 198—199.

²³ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1869 г.

²⁴ Там же, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1843 г.

²⁵ Там же, л. 8—8 об.

²⁶ ФБОН, Журналы Московского отделения 1843 г., л. 9 об.

²⁷ ЦГА СССР, ф. 18, оп. 1, д. 5, лл. 78 об.—83 об.

²⁸ ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 65, л. 185.

Только за пять лет (с 1858 по 1862 гг.) на ней произошло 33 несчастных случая²⁹. Можно полагать, что именно эти частые увечья на фабриках, в основном детей и подростков, вызывавшие недовольство рабочих, заставили московские власти в 1863 г. издать особое распоряжение по городской и земской полиции.

Согласно этому распоряжению полиция обязана была впредь уведомлять отделение о каждом несчастном случае с промышленными рабочими в самой Москве и в губернии³⁰. Заметное увеличение разбора дел отделением о числе несчастных случаев на предприятиях в 1863—1864 гг., видимо, в какой-то степени и можно объяснить следствием указанного распоряжения. Что же касается разрабатывавшихся отделением предложений по предупреждению несчастных случаев с рабочими, то все они носили паллиативный характер и сводились в основном к обязанностям владельцев предприятий следить за исправностью паровых котлов и кубов, ограждению опасных частей машин и механизмов и перечислению обязанностей мастеров и рабочих во время работы машин³¹. Из разбираемого источника видно, что на подобные меры отделение шло лишь под давлением недовольства рабочих, которое и заставляло московские власти на протяжении ряда лет требовать от представителей буржуазии разработки соответствующих правил. Журналы достаточно ясно показывают нежелание этого органа московской промышленной буржуазии идти на принятие эффективных мер по ограждению жизни рабочих от довольно частых взрывов паровых котлов и кубов в 50—60-х годах.

Ярким примером в этом отношении служит журнал заседания отделения от 29 июля 1868 г., на котором обсуждалось предложение генерал-губернатора о запрещении установки на фабриках и заводах недоброкачественных котлов с внутренней топкой вследствие их частых взрывов и увечий рабочих. Сославшись на «стеснительность» подобной меры для фабрикантов, отделение отклонило это предложение³². Тормозя разработку более действенных правил по технике безопасности, отделение в своих рекомендациях обычно настаивало только на точном соблюдении промышленниками статьи 44-й правил предосторожности при употреблении паровых машин 1843 г.³³ и обязанности владельцев предприятий вводить в эксплуатацию паровые котлы и кубы лишь после их технического испытания экспертом отделения³⁴. Лишь в отдельных случаях оно выдвигало предположения о взысканиях с хозяев за нарушение вышеуказанных правил³⁵.

В связи со слабой изученностью в исторической литературе фабричных законопроектов 60-х годов настоящий источник представляет большой интерес и с точки зрения отношения отделения к министерским проектам ограничения рабочего дня подростков и женщин и числа рабочих дней для фабрично-заводских рабочих. Из журналов видно, что для обсуждения присланной при отношении Департамента мануфактур и внутренней торговли от 19 марта 1868 г. записки об определении времени работ на фабриках для женщин, несовершеннолетних и детей³⁶ отделе-

²⁹ ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 66, л. 214.

³⁰ Там же, л. 213—213 об.

³¹ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1868 г. Заседания 14 февраля и 18 июня 1868 г.

³² ФБОН, Журналы Московского отделения 1868 г.

³³ ПСЗ, собр. 2, т. XVIII, отд. 1, № 16521.

³⁴ ФБОН, Журналы Московского отделения 1868 г. Заседание 18 июня 1868 г.

³⁵ ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 4, д. 65, лл. 137 об.—138.

³⁶ ФБОН, Журналы Московского отделения 1868 г. Дословное совпадение данного названия с заглавием записки нарвского фабриканта Кольбе «Об определении времени работ на фабриках для женщин, несовершеннолетних и детей» 1867 г. (ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 814, лл. 13—20) и ответ на нее (там же) позволяют предположить, что на заключение отделения был прислан именно проект Кольбе.

нием была создана специальная комиссия в составе И. И. Четверикова (председатель комиссии), Г. И. Хлудова, К. Т. Солдатенкова и Н. И. Матисена. В представленных на заседании 6 марта 1869 г. сообщениях из шести пунктов комиссия высказалась против употребления на фабриках труда детей до 12 лет и выступила за запрещение ночной работы подростков 12—15 лет и женщин. Но в то же время она признала «невозможным» пойти на сокращение дневной работы подростков, ввиду их совместной работы со взрослыми рабочими при машинах. В этом же журнале приводятся «обоснования» комиссии в защиту непомерно длинного рабочего дня фабричных рабочих.

Обозреваемый источник облегчает также дальнейшие розыски отдельных проектов и записок фабрикантов, в частности проекта о праздничных (нерабочих) днях для рабочих частнокапиталистических фабрик и заводов. Значительный интерес в этом отношении представляет журнал заседания 6 сентября 1869 г. Запись журнала позволяет в общих чертах судить о содержании обсуждавшегося на заседании отношения Департамента мануфактур и внутренней торговли от 15 июля 1869 г.³⁷, в котором говорилось, что некоторые местные полицейские власти издали распоряжения о запрещении работ на фабриках и заводах в праздничные и табельные дни, которые до этого были предусмотрены законом только для присутственных мест и учебных заведений. Создана для обсуждения этого предположения комиссия высказалась за оставление вопроса о нерабочих днях на усмотрение самих капиталистов и наемных рабочих, т. е. фактически высказалась против ограничения рабочего времени на фабриках и заводах³⁸.

Итак, источниковедческое исследование журналов Московского отделения Мануфактурного совета за 1829—1869 гг. показывает, что они представляют большую ценность для исследователей, изучающих историю зарождения антагонистических противоречий между наемным трудом и промышленным капиталом на рубеже двух общественно-экономических формаций в России — феодально-крепостнической и буржуазной. Источник содержит большой фактический материал о взаимных жалобах рабочих и капиталистов, по предреформенному периоду, о тяжелых условиях труда московских рабочих, росте промышленного травматизма среди них вследствие преступного отношения капиталистов к охране труда на предприятиях. Не меньшую значимость имеют журналы как источник и для выяснения первых попыток местной и центральной власти добиться урегулирования взаимоотношений между наемными рабочими и промышленной буржуазией через издание некоторых административных распоряжений и фабричных правил. Для большего удобства пользования этим малоизвестным источником представляется целесообразным сосредоточить указанные журналы в одном хранилище, например, в созданном в последние годы Центральном государственном историческом архиве г. Москвы.

³⁷ ФБОН, Журналы Московского отделения Мануфактурного совета 1869 г.

³⁸ ФБОН, Журналы Московского отделения 1869 г.

А. С. Покровский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(ОКТАБРЬ 1917—ФЕВРАЛЬ 1918 г.)
В ВОСПОМИНАНИЯХ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Военный деятель и активный участник Октября К. А. Мехоношин удачно подметил роль воспоминаний в будущих трудах по истории революции: «Историк, пожелавший лишь по одним архивным документам изучать минувшие события, окажется в крайне затруднительном положении. Пережитая эпоха чрезвычайно характерна в том отношении, что ее наиболее яркие и подчас наиболее содержательные этапы как раз менее всего располагали к тем формам работы, которые фиксируются в письменном документе. И поэтому среди других материалов воспоминания явятся также своего рода документами большой исторической ценности. Не раз, наверное, благодаря им удастся связать в единое целое и понять внутренний смысл того или иного периода»¹.

Мемуары занимают особое место при изучении истории создания первых декретов (установлении авторов, дат, разночтений, обстоятельств разработки и утверждения) и работы высших органов Советской власти.

«Архивная база» советского законодательства «периода Смольного» небогата. Из 343 опубликованных актов 77 известны лишь по изданиям (в том числе декреты о мире, земле, об образовании Рабоче-крестьянского правительства, Основной закон о социализации земли), 79 — по архивным копиям². Если учесть неполноту сохранившихся архивных материалов Всероссийских съездов Советов, ВЦИК и Совнаркома, то станет понятной особая значимость свидетельств современников.

Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, первого управляющего делами СНК и, следовательно, ближайшего свидетеля создания большинства законодательных актов, естественно, охотно и часто используются в научных трудах и популярных очерках. Многие авторы справедливо отмечали их положительные стороны. «Отличительные черты его мемуаров — взволнованность, страстность и вместе с тем убеждающая простота... В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях сохранил для потомков факты деятельности и неповторимые черты личности великого вождя, опубликовал работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти, написанные с революционной страстью, живым, образным языком, доступным самым широким массам читателей»³. Нельзя не согласиться и с тем, что мемуаристика Бонч-Бруевича «опиралась не только на исключительную память автора, но и на богатейший документальный материал, сосредоточенный в его домашнем

¹ К. Мехоношин. От захвата власти к овладению аппаратом. — «Война и революция», 1928, № 2, стр. 32.

² «Декреты Советской власти» (далее — «Декреты...»), т. 1. М., 1957.

³ А. И. Клибанов, Ю. Я. Коган, К. Б. Сурикова, М. М. Шейнман. Краткий очерк общественно-политической и научной деятельности [В. Д. Бонч-Бруевича]. — В кн.: «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955)». М., 1958, стр. 27.

архиве»⁴. В. Сутырин прав, отмечая заслугу В. Д. Бонч-Бруевича в сохранении и пополнении этого архива «даже в годы культа личности Сталина, когда безвозвратно погибло так много ценных документов в личных архивах деятелей того времени»⁵.

И тем не менее необходимо признать, что воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича до сих пор не были подвергнуты всестороннему критическому разбору как источник по истории законодательной деятельности Советской власти в первые месяцы ее существования. Специальных источниковедческих работ, посвященных анализу мемуаров Бонч-Бруевича, нет. Отдельные замечания по ним имеются в статьях Е. А. Луцкого, Р. М. Савицкой⁶. Сложность разбора воспоминаний заключается, в частности, в том, что корректировать их нередко приходится по... мемуарам других авторов, которые в свою очередь нуждаются в тщательной проверке.

Мемуары В. Д. Бонч-Бруевича о создании первых декретов Советской власти и деятельности СНК были в основном написаны и опубликованы в 1920-х годах, неоднократно перепечатывались в различных газетах и журналах, затем были включены в качестве отдельных глав в книгу «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», изданную в 1930 и переизданную без изменений в 1931 г. Воспоминания, вышедшие в свет в 1955 и в последующие годы⁷, в значительной степени исправлены и дополнены автором.

Первым советским государственным актом по праву считается написанное В. И. Лениным обращение Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!» 25 октября 1917 г.⁸ Большая заслуга В. Д. Бонч-Бруевича в том, что он сохранил автограф этого документа и первый попытался опубликовать его научно. Но описание обстановки создания его вызвало ряд возражений. Е. А. Луцкий обратил внимание на отдельные неточности в мемуарах Бонч-Бруевича и уточнил обстоятельства написания В. И. Лениным обращения, используя воспоминания члена ЦК РСДРП(б) А. С. Бубнова и члена Центрального совета фабзавкомов С. Г. Уралова. В 1928 г. Бонч-Бруевич писал, что В. И. Ленин «далеко-далеко за полночь» с 24 на 25 октября пришел к нему на квартиру, а утром, 25-го, там же в присутствии «некоторых товарищей» написал и прочел вслух текст обращения⁹. В книге «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций» Бонч-Бруевич повторил этот рассказ. «Я сейчас же переписал эту прокламацию, — вспоминал он, — дал ее еще раз прочесть Владимиру Ильичу и утром отвез в типографию, где печаталась наша газета «Рабочий и Солдат», которую я редактировал,

⁴ В. Сутырин. Рядом с Лениным. — В кн.: «Партия шагает в революцию». Рассказы о соратниках В. И. Ленина. М., 1964, стр. 56.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Е. А. Луцкий. Обращение Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!» 25 октября 1917 г. — «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 3—18; он же. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. — «Проблемы источниковедения», т. XI, 1963, стр. 3—45; он же. Подготовка проекта декрета о земле. — В кн.: «Октябрь и гражданская война в СССР». Сб. статей к 70-летию акад. И. И. Минца. М., 1966, стр. 233—248; Р. Савицкая. Листья страницы воспоминаний о В. И. Ленине. — «Новый мир», 1964, № 12, стр. 195—200. Автор справедливо отмечала, что Бонч-Бруевич, «полагаясь чрезмерно на свою память, невольно допускал неточности в своих воспоминаниях». В качестве примеров ею приведены факты, относящиеся к «московскому периоду» работы Советского правительства.

⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Из воспоминаний о Владимире Ильиче. — «Знамя», 1955, № 4, стр. 147—160; он же. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). М., 1956. Подробную библиографию работ В. Д. Бонч-Бруевича см. в кн.: «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955)», стр. 31—84.

⁸ Первое исследование по истории создания обращения «К гражданам России!». см.: С. Н. Валк. Документы 25 октября 1917 г. — «Проблемы источниковедения», т. VI, 1958, стр. 3—17.

⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Первый документ Октябрьской революции. — «Огонек», 1928, № 45, стр. 1.

и распорядился поместить в газету на первой странице... Этот номер... мы выпустили к полдню 25 октября 1917 г.»¹⁰ В воспоминаниях, опубликованных в 1955 г., автор, говоря об обращении «К гражданам России!», не упомянул, где оно было создано.

А. С. Бубнов отмечал, что в ночь на 25 октября «весь ЦК, Ильич в том числе, ночевали в комнате № 14 в Смольном (на полу)»¹¹. Свидетельством того, что Ленин значительную часть этой ночи провел в Смольном, служат и воспоминания члена ЦК В. П. Милютина¹².

Мемуары Милютина заслуживают особого доверия. В предисловии к брошюре «О Ленине» он отмечал, что приводимые им факты взяты из *дневниковых* записей 1917—1918 гг. Так, согласно этим записям, в 12 часов ночи или немного позднее с 24 на 25 октября состоялось заседание ЦК, предварительно обсудившее важнейший декрет съезда (о Советском правительстве). Видимо, рассмотрение Центральным Комитетом проекта декрета, не говоря о текущей работе по руководству восстанием, не могло не занять значительной части ночи—утра с 24 на 25 октября. Трудно поверить, что Ленин, придя в Смольный вечером 24-го для непосредственного руководства начинавшимся восстанием, в решающую ночь покинул бы штаб, хотя и ненадолго. Н. К. Крупская писала: «В ночь на 25-е Владимир Ильич был в Смольном и, конечно, эту ночь не спал совсем»¹³.

С. Г. Уралов вспоминал, что встретил Ленина в Смольном около 8—9 часов утра 25 октября на совещании группы членов ЦК («Сталин, Каменев, Сокольников и др., всего человек 7»), принявшем решение: «Временное правительство объявить низвергнутым, всю власть объявить переданной Советам»¹⁴. Это решение, как справедливо отмечал Е. А. Луцкий, скорее всего могло предшествовать созданию обращения «К гражданам России!»

Таким образом, сопоставляя все имеющиеся в нашем распоряжении мемуары, с уверенностью можно сказать, что версия Бонч-Бруевича об обстоятельствах создания ленинского обращения ошибочна.

В исторической литературе широко используются свидетельства Бонч-Бруевича о том, где и в какой обстановке Ленин создал декрет о земле¹⁵.

Бонч-Бруевич неоднократно, но по-разному утверждал, что и этот важнейший документ был написан Лениным у него на квартире. Так, 7 ноября 1920 г. на встрече участников Октябрьского переворота он говорил: «В заключение расскажу еще о том, как Владимир Ильич писал законы о мире, земле и т. д. Меня поражала необычайная выносливость, с которой ему приходилось переносить в Смольном страшную усталость, когда он, *прокравшись*, бывало, домой (курсив везде мой. — А. П.) и немного поужинавши и прилегли, вставал снова в 3 часа ночи, зажигал огонь и писал эти законы, *черновики которых у меня сохранились*».

¹⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930 (далее — «На боевых постах...»), стр. 131—132.

¹¹ «Воспоминания участников Великого Октября». — «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 190. См. также: А. Бубнов. Ленин в Октябрьские дни. — «Известия», 6—7 ноября 1927 г.

¹² «Известия», 6 ноября 1918 г.; В. Милютин. О Ленине. Л., 1924, стр. 4—6; он же. Первые шаги. — «Сельскохозяйственная жизнь», 1922, № 7, стр. 29.

¹³ Н. К. Крупская. Вождь, революционер, ученый. (Из неопубликованных материалов о Ленине). — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 185.

¹⁴ С. Уралов. Страницка Октября. (Воспоминания). — «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 277. Обратим внимание на любопытную деталь: «Оглянувшись, — писал Уралов, — я увидел, как тов. Бонч-Бруевич обнимал и целовал в дверях Ленина». Выходит, если верить памяти этого мемуариста, Бонч-Бруевич впервые (после ухода Ленина в подполье) встретился с Лениным в Смольном утром 25 октября.

¹⁵ Ряд критических замечаний в связи с этой частью воспоминаний Бонч-Бруевича см. в упомянутых выше работах Е. А. Луцкого.

Я помню, когда он написал закон о земле, который был принят на II съезде (6 пунктов), *утром* он встал и говорит: „Если успеем объявить этот закон, то пусть кто-нибудь попробует взять его обратно“. Так что он все почти время проводил без сна. *Рано утром часов в 9—10* он уже бывал в Смольном»¹⁶. Как видим, здесь упоминаются часы, но нет даты.

В 1927 г. Бонч-Бруевич более подробно и несколько по-иному излагает историю создания декрета о земле¹⁷. Так, он упоминает о заседании Петроградского Совета, где Ленин выступил с речью по поводу ареста Временного правительства и окончательной победы восстания¹⁸, *после чего* «мы поздно ночью двинулись ко мне на квартиру на почевку». Если учесть, что арест Временного правительства состоялся в 2 час. 10 мин. ночи 26-го¹⁹, и потребовалось некоторое время, чтобы сообщение об этом попало в Смольный, то можно предположить, что заседание, на котором выступал Ленин (как утверждал Бонч-Бруевич), состоялось где-то около 3 час. ночи. Казалось бы, первая версия Бонч-Бруевича (относящаяся к 1920 г.) о том, что Ленин около 3 час. ночи, находясь у него на квартире, писал декреты о земле и о мире, отпадает. Но, по-видимому, автор в воспоминаниях 1927 г. путал, говоря о выступлении В. И. Ленина в Смольном ночью с 25 на 26 октября. Очевидно, он имел в виду его выступление на заседании Петроградского Совета *днем* 25 октября²⁰.

В 1927 г. Бонч-Бруевич вспоминал (ни словом не упоминая о декрете о мире), что Ленин очень долго писал декрет о земле. «И он писал, пере-черкивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видно стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и заснул». Здесь же Бонч-Бруевич добавляет свой рассказ новыми подробностями: «Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана *чистенько переписанные листки* и прочел нам свой знаменитый „декрет о земле“. . . Мы условились в этот же день вечером провозгласить на съезде этот декрет, *сейчас же* переписать его на машинке и *тогда же сдать в набор* в наши газеты, чтобы завтра же он был опубликован. . . Наши газеты его заверстали предварительно, и *на утро* его читали уже сотни тысяч и миллионы людей»²¹.

В 1955 г. Бонч-Бруевич в основном целиком повторяет рассказ 1927 г., но добавляет две детали: 1) «*Часа в четыре* ночи. . . мы стали расходиться из Смольного»; 2) на квартиру Бонч-Бруевича *ехали на автомобиле* с шофером Рябовым (ср. с воспоминаниями 1920 г.).

Таким образом, сопоставляя воспоминания Бонч-Бруевича разных лет, мы видим по существу два варианта рассказа о времени создания декрета о земле. Из первого (1920 г.) следует, что Ленин однажды (дата не указана) приходил на квартиру Бонч-Бруевича ночевать и около 3 час. ночи начал писать декрет о земле. Из второго (1927 и 1955 гг.) следует, что это могло произойти лишь после 4 час. ночи 26 октября.

¹⁶ «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 71. Эти воспоминания особенно ценны в том отношении, что в какой-то степени проливают свет на судьбу не найденных до сих пор автографов декретов о мире и о земле. Е. А. Луцкий, призывая к поискам автографа или копии декрета о земле, обошел молчанием это раннее свидетельство Бонч-Бруевича. Не исключено, что автографы могли храниться в его личном архиве, так же как и обращение «К гражданам России!».

¹⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Как Владимир Ильич писал декрет о земле. (Воспоминания). — «Гудок», 3 ноября 1927 г.

¹⁸ См. также: В. Д. Бонч-Бруевич. Первые дни в Смольном после Октября. — «Гудок», 6—7 ноября 1927 г. Автор вновь упоминает о заседании в Смольном и выступлении на нем В. И. Ленина с сообщением о взятии Зимнего и аресте Временного правительства.

¹⁹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сб. документов. М., 1957, стр. 398.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 546.

²¹ Эта же версия повторена в книге «На боевых постах. . .», стр. 123—127.

Следует признать, что в ночь с 25 на 26 октября Ленин действительно мог быть на квартире Бонч-Бруевича. Этот факт подтверждается, во-первых, воспоминаниями А. Падэрина, написанными в 1927 г. для «Анкету участника Октябрьского переворота». 25 октября в 9 час. вечера Падэрин получил от ВРК задание отправиться на автомобиле на Дворцовую площадь и передать В. А. Антонову-Овсеевко приказ о скорейшем захвате Зимнего. Одновременно член ВРК А. Д. Садовский попросил его немного подождать, чтобы заодно подвести и Ленина на квартиру. «... Через несколько минут спустился Владимир Ильич с Бонч-Бруевичем; кажется с ним была и Надежда Константиновна, точно не помню... Узнав, что я еду к Зимнему дворцу, Владимир Ильич весь этот путь от Смольного до квартиры Бонч-Бруевича на Рождественской говорил о том, что восстание безобразно затянулось...»²²

Об уходе Ленина из Смольного в ночь с 25 на 26 октября упоминает и Крупская: «Ильич, не спавший почти совершенно предыдущую ночь... , когда не было уже никаких сомнений в одержанной победе и в том, что левые эсеры не уйдут со съезда, ушел... ночевать к Бонч-Бруевичам, жившим неподалеку... на Песках»²³. Ему отвели отдельную комнату, но он долго не мог заснуть, тихонько встал и стал составлять давно уже продуманный со всех сторон декрет о земле»²⁴.

Воспоминания Н. К. Крупской показывают, что В. И. Ленин вряд ли мог уйти из Смольного около 9 час. вечера 25-го, как утверждал А. Падэрин, т. е. до ареста Временного правительства и тем более до открытия Всероссийского съезда Советов.

Возникает вопрос, в какие же часы в ночь с 25-го на 26-е Ленин уходил из Смольного? Согласно Падэрину, это могло быть вскоре после 9 час. вечера 25 октября, во всяком случае до взятия Зимнего. Н. К. Крупская связывает уход В. И. Ленина с началом работы съезда Советов, т. е. это могло быть не ранее 10 час. 40 мин. вечера. Если предположить, что отсутствие всяких «сомнений в одержанной победе» она связывала с взятием Зимнего, то уход мог быть еще позднее. Бонч-Бруевич, как мы знаем, утверждал по-разному.

Согласно воспоминаниям Н. И. Подвойского, вскоре после взятия Зимнего («Я взглянул на часы: четверть третьего») он был в Смольном, где застал Ленина за написанием декретов о мире, земле и Советском правительстве²⁵. Таким образом, налицо по крайней мере четыре возможных (и частично взаимоисключающих) варианта времени ухода Ленина из Смольного: 1) не ранее (вскоре после) 9 час. вечера 25 октября (воспоминания А. Падэрина); 2) позднее 10 час. 40 мин. вечера 25 октября (воспоминания Н. К. Крупской); 3) до 3 час. утра, дата не указана (воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича 1920 г.); 4) позднее 3—4 час. утра 26 октября (мемуары В. Д. Бонч-Бруевича 1927 и 1955 гг. и Н. И. Подвойского). Какому из них отдать предпочтение? По-видимому,

²² «Новый мир», 1958, № 11, стр. 161.

²³ Бонч-Бруевич жил на Херсонской ул., д. 5, кв. 9 («На боевых постах...», стр. 130; «Ленинский сборник», XXI, стр. 83).

²⁴ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, ч. III. М., 1934, стр. 11.

²⁵ Н. Подвойский. Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний). — «Октябрь», 1957, № 5, стр. 157, 158. Эти воспоминания нуждаются в серьезной проверке, так как они скомпилированы из разновременных работ Подвойского. Не исключено, что один документ Ленин, действительно, мог написать в ночь с 25-го на 26-е и его работу над ним в Смольном мог видеть Подвойский. Это обращение II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам о победе Октябрьской революции, принятое в 5 час. утра 26 октября перед закрытием первого заседания съезда («Декреты...», т. 1, № 6). Рассказ Подвойского, на наш взгляд, не просто ошибка памяти, а результат естественного стремления мемуариста драматизировать прошлое, т. е. сводить выдающиеся или чем-нибудь запомнившиеся, но разновременные события вместе, в одну яркую сцену.

второму и четвертому. Уйдя к Бонч-Бруевичам, Ленин, действительно, мог написать декрет у них.

Время написания В. И. Лениным проекта декрета о земле — 26 октября — подтверждается и другими воспоминаниями. Из них следует отметить воспоминания члена ЦК Л. Б. Каменева. «... В нижнем этаже Смольного, — писал он, — в маленькой 36 комнате²⁶, под председательством Ленина, вырабатывался первый список народных комиссаров, который я на следующий день огласил на съезде²⁷. . . Тут же были прочтены и рассмотрены написанные лично Лениным декреты о земле и мире». Далее он упомянул о попытке соглашения (на том же заседании ЦК) с левыми эсерами, добавив при этом: «После этих переговоров мы отправились открывать съезд»²⁸. Таким образом, Каменев, очевидно, связывал заседание ЦК, на котором обсуждался и проект декрета о земле, со временем, непосредственно предшествовавшим открытию второго заседания съезда Советов, т. е. с вечером 26 октября²⁹.

Воспоминания Бонч-Бруевича о создании декрета о земле являются важным и своего рода уникальным источником.

Вызывают возражение лишь два утверждения автора: 1) о том, что проект декрета был, по его распоряжению, сдан в набор и сверстан заранее, уже 26 октября (тогда непонятно, почему этот закон появился в газетах не 27, а 28 октября); 2) о «чистенько переписанных» и перепечатанных на машинке листках проекта. Известно, что даже в момент выступления на съезде у В. И. Ленина не было переписанного набело или перепечатанного на машинке текста декрета о земле³⁰. По-видимому, отсутствие окончательно отредактированного декрета о земле и послужило причиной оттяжки опубликования его на целый день.

Несколько строк Бонч-Бруевич посвятил истории создания декрета о первом Рабоче-Крестьянском правительстве. В этой связи необходимо еще раз для сравнения обратиться к мемуарам Милютин и Каменева.

В. П. Милютин выгодно отличает от многих мемуаристов весьма осторожный подход к данным памяти: «... Очень опасаясь неизбежных ошибок памяти, которые возможно исправить лишь путем обмена воспоминаниями с товарищами и, до известной степени, качественной переработкой своих же воспоминаний, что требует более длительного вре-

---

²⁶ Эту же комнату № 36 упоминает и Милютин, говоря об истории создания в ночь с 24 на 25 октября первого варианта списка народных комиссаров (В. Милютин. О Ленине, стр. 4).

²⁷ По воспоминаниям Д. Рида, проект декрета о Рабоче-Крестьянском правительстве был зачитан Каменевым в 2 часа 30 мин. ночи 27 октября (Д. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 125). См. также «Декреты...», т. 1, № 14, прим.

²⁸ «Известия», 10 ноября 1918 г. О попытке соглашения с левыми эсерами незадолго до открытия второго заседания съезда Советов вечером 26 октября упоминали В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 35, стр. 72) и Н. К. Крупская («Воспоминания о Ленине», ч. III, стр. 13).

²⁹ В пользу датировки создания декрета о земле 26 октября (а не ранее) свидетельствует, правда косвенно, характер формулировок по земельному вопросу (их развитие и детализация) в трех предшествующих ленинских документах, относящихся к 25—началу 26 октября. Так, в обращении «К гражданам России!» говорится только об отмене помещичьей собственности на землю; в резолюции Петроградского Совета — об отмене помещичьей собственности на землю и передаче ее крестьянству; в обращении II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам — о безвозмездной передаче помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов («Декреты...», т. 1, № 1, 4, 6). В декрете о земле (см. пункты 1 и 2) получила дальнейшее развитие именно последняя формулировка. Так, вместо «крестьянских комитетов» упоминаются «волостные земельные комитеты» и «уездные Советы крестьянских депутатов».

³⁰ М. В. Фофанова. Как рождался декрет о земле. — «Новый мир», 1960, № 4, стр. 147; Н. Суханов. Записки о революции, кн. 7, 1923, стр. 253—254.

мени»³¹. Рассказывая об истории создания первого списка Рабоче-Крестьянского правительства, он ссылается на выдержки из дневниковых записей 1917—1918 гг., которые велись «не для опубликования, а исключительно для себя». Тем не менее, подчеркивал В. П. Милютин, «несмотря на недостатки самого дневника, историческая точность выражений, замечаний, мнений тов. Ленина является лучшим достоинством их»³².

Согласно этим записям, как уже упоминалось выше, в 12 час. ночи или немного позднее, в ночь с 24 на 25 октября, в комнате № 36³³ на первом этаже Смольного состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с участием Ленина, Сталина, Милютина, Смилги, Троцкого, Каменева и Зиновьева. В той же комнате находился и больной в то время член ЦК Берзин (Винтер). «В один из перерывов, — вспоминал В. П. Милютин, — я предложил составить список будущего правительства... Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему как к шутке. Но в конце концов все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство...» Далее В. П. Милютин сообщал о том, как были найдены подходящие названия: «„Временное правительство“ всем казалось затасканным... Название членов правительства „министрами“ еще более отдавало бюрократической затхлостью». Наконец, были найдены названия — «Народные комиссары» и «Совет Народных Комиссаров». «„Да, это хорошо, — сейчас же подхватил тов. Ленин, — это пахнет революцией“... Мною было записано „Совет Народных Комиссаров“ и затем приступили к поименному списку. Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название»³⁴.

Воспоминания Л. Б. Каменева в основном подтверждают содержание рассказа В. П. Милютина: упоминаются та же комната № 36 в нижнем этаже Смольного, имевшие место возражения против старых наименований («министры»), замена их новыми; они свидетельствуют о том, что, по предложению В. И. Ленина, новую власть было решено назвать «Рабоче-Крестьянским правительством»³⁵. В то же время автор внес ряд таких подробностей, которые не могут не вызвать иного представления о датировке указанного заседания ЦК. На этом же заседании, как отмечал Каменев, были приняты декреты о земле и о мире, была попытка достигнуть соглашения с левыми эсерами по вопросу о составе Советского правительства. Последнее могло быть скорее всего 26 октября³⁶.

Как видно из воспоминаний В. П. Милютина и Л. Б. Каменева, со-

³¹ В. М и л ю т и н. О Ленине, стр. 3.

³² Там же, стр. 4.

³³ М. П. Ирошников предполагает, что, скорее всего, это была комната № 38 — большевистской фракции (М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Л., 1967, стр. 46).

³⁴ В. М и л ю т и н. О Ленине, стр. 5—6.

³⁵ Следует отметить, что уже в резолюции Петроградского Совета, принятой днем 25 октября по докладу В. И. Ленина («Декреты...», № 4), фигурирует термин «Рабочее и Крестьянское правительство». Это косвенно подтверждает верность датировки В. П. Милютиным заседания ЦК РСДРП(б) (в ночь с 24 на 25 октября).

³⁶ Л. Б. Каменев, упоминая делегацию левых эсеров «в составе Камкова, Карелина и, кажется, Колегаева», отмечал, что *после переговоров* «мы отправились открывать съезд» («Известия», 10 ноября 1918 г.). В. И. Ленин писал, что ЦК большевиков, *за несколько часов* «до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спири и Карелина», предложив им участвовать в новом правительстве (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 72). Н. К. Крупская также отмечала, что переговоры происходили «за пару часов до открытия съезда 26 октября», но из присутствовавших там левых эсеров помнила лишь М. Спиридонову (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, ч. III, стр. 13). Говоря об «открытии» съезда, и

зданию Рабоче-Крестьянского правительства предшествовало, видимо, не одно заседание ЦК РСДРП(б); существовал черновик первоначального списка народных комиссаров. Автором названия «Рабоче-Крестьянское правительство» был В. И. Ленин.

Из текста воспоминаний Бонч-Бруевича неясно, когда впервые встал конкретно вопрос о создании Советского правительства, и видно, что обсуждение его велось совсем не так, как писал Милютин: «Как только наступил первый момент после захвата власти, когда пришлось всем подумать об устройстве правительства, то, конечно, сейчас же поднялся вопрос о формах его. Большинство определяло эту структуру в старых формах: кабинет министров. Как сейчас помню, Владимир Ильич... услышал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросал: „Зачем эти старые названия? Они всем надоели“...» Автор почти дословно повторил вступительную формулировку декрета, вкладывая ее в речь Ленина. И далее: «Этот мимолетный разговор предопределил формы организации новой правительственной власти»³⁷. Конечно, трудно представить, что Ленин случайно, «мимоходом» и лишь «после захвата власти» (т. е., очевидно, после 2 час. 10 мин. утра 26 октября) включился в работу по составлению проекта этого важнейшего декрета. Как видим, эти воспоминания, относящиеся к 1920 г., необходимо использовать, сверяя их с другими мемуарами, в частности, с дневниковыми записями Милютина и воспоминаниями Каменева, опубликованными в 1918 г.

Обратимся к воспоминаниям Бонч-Бруевича о работе Совнаркома. Известно, что с 1 ноября Бонч-Бруевич был официально утвержден в должности управляющего делами Советского правительства³⁸ (фактически он начал исполнять ее, видимо, раньше)³⁹.

Бонч-Бруевич, так же как и секретарь СНК Н. П. Горбунов, отмечал, что первые заседания проходили «нерегулярно»⁴⁰. На наш взгляд, вызывает сомнение утверждение, что по окончании съезда Советов СНК «тотчас же собрался целиком, кроме И. И. Скворцова (Степанова), который в то время был в Москве»⁴¹. Думается, что и нарком юстиции Г. Ломов (Опшюков) и тем более нарком торговли и промышленности В. П. Ногин не могли присутствовать на этом заседании, т. к. вскоре же после начала восстания они по поручению ЦК партии отбыли в Москву (Ногин раньше, Опшюков позднее)⁴².

Крупская и Каменев, очевидно, имели в виду его открытие большевиками. Вопрос о времени переговоров с левыми эсерами не согласуется в мемуарах и в литературе. М. П. Ирошников полагает, что они имели место *днем* 26 октября (М. П. Ирошников. Указ. соч., стр. 50).

³⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Первые дни Совнаркома. — «Красная газета», 7 ноября 1920 г.; «На боевых постах...», стр. 135.

³⁸ «Декреты...», т. 1, стр. 581.

³⁹ См. «Ленинский сборник», XXI, стр. 91.

⁴⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Первые дни Совнаркома; «На боевых постах...», стр. 136; Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич. М., 1933, стр. 11, 18. Протокол № 1 СНК датирован 15 ноября (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 2). Горбунов приводит протокол СНК от 3 ноября и связывает с этой датой первое, а с 15 ноября — второе заседание СНК.

⁴¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Первые дни Совнаркома; «На боевых постах...», стр. 135—136.

⁴² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М., 1958, стр. 124; В. Архангельский. Ногин. М., 1964, стр. 386, 388; Г. Ломов. В дни бури и натиска. — «Пролетарская революция», 1927, № 10(69), стр. 172; «От февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957, стр. 233, 234. На заседании СНК, состоявшемся 27 октября (этот факт был обоснован в работах Э. В. Клопова — см. «История СССР», 1961, № 2, стр. 116—125; он же. Ленин в Смольном. М., 1965, стр. 36), по-видимому, не присутствовал и один из наркомов по военным и морским делам П. Е. Дыбенко (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 33).

Бонч-Бруевич вспоминает о большой самостоятельности, которая была ему предоставлена, как управделами СНК, Лениным: «Владимир Ильич просил меня обращаться к нему только в самых важнейших случаях, все же остальное, пока не организуются комиссариаты, брать на собственный риск...»⁴³ Аналогичную «свободу действий» отмечал и Горбунов: «...Когда я спросил Владимира Ильича, как быть с телеграммами, Ильич ответил: „Посылайте от моего имени и через десятую телеграмму показывайте мне“»⁴⁴.

Первым законодательным актом Совнаркома был декрет о печати 27 октября. Бонч-Бруевич в своих мемуарах пытается раскрыть тактику Ленина в отношении буржуазной прессы. Ленин, писал он, «отнесся крайне осторожно к этому вопросу, и когда некоторые горячие головы предлагали ему немедленно закрыть все органы печати, то он сказал, что этого делать ни в коем случае нельзя, пусть буржуазные газеты пока играют роль клапанов, через которые будет выходить то совершенно естественное негодование, которое должно было безусловно накопиться и проявиться среди буржуазных слоев населения, столь сильно ограниченных Октябрьской революцией. Владимир Ильич говорил, что с укреплением достижений Октябрьской революции буржуазная печать должна сама собой примолкнуть, а та, которая будет держать себя особенно вызывающе, конечно, придется закрыть, как контрреволюционную. Среди большевиков находились также и такие товарищи, которые никак не могли примирить требования нашей старой программы — „свободы печати“... с новым требованием Октябрьской жизни»⁴⁵.

В другом месте Бонч-Бруевич отмечал и другую причину, заставившую Ленина «весьма осторожно» относиться к закрытию газет: беспартийные и мелкобуржуазные элементы, входившие в состав ВЦИК, «требовали своего выхода в печать». «Между прочим...», — писал также Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич высказывался долгое время за необходимость существования кадетской газеты „Речь“, хотя о закрытии ее вопрос поднимался неоднократно. „Речь“ существовала при большевиках более года»⁴⁶.

В этой связи небезынтересно для сравнения сослаться на мемуары других авторов. Так, второй секретарь СНК М. Н. Скрышник вспоми-

⁴³ В. Д. Бонч-Бруевич. Совнарком в те дни. — «Наша газета», 7 ноября 1927 г.; «На боевых постах...», стр. 141.

⁴⁴ Н. П. Горбунов. Указ. соч., стр. 18. Но не следует слишком доверять памяти мемуариста. В протоколе СНК от 27 ноября страшен запрос Н. П. Горбунова, «как подписывать телеграммы, отсылаемые от имени СНК». Было решено: «Подписывать телеграммы „Секретарь Совнаркома Горбунов“» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 2, л. 19).

⁴⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати. — «Журналист», 1927, № 11, стр. 8—9; см. также: «На боевых постах...», стр. 158—159. Колебания в этом вопросе, действительно, были среди большевиков, особенно членов ВЦИК. «...В большевистской фракции на этот счет были еще колебания, — вспоминал член ВЦИК II созыва от ВЦСПС А. Лозовский. — Ильич особенно подчеркивал, что свобода печати, раз у буржуазии имеются капиталы и бумага, представляет собой обычную демократическую ложь... Все это кажется очень простым и ясным, и тем не менее у меня было такое ощущение, как будто бы мы нарушаем какие-то веками установившиеся традиции; такое чувство было у многих, ибо провозглашение в течение десятилетий демократических формул превратило эти формулы в некий фетиш и довольно трудно было вложить определенное социальное содержание в старые лозунги» (А. Лозовский. Великий стратег классовой войны. Памяти единственного. Изд. 2, доп. М., 1924, стр. 109—110). Выразителем таких настроений в большевистской фракции ВЦИК был, как известно, Ю. Ларин, выступивший 4(17) ноября с предложением отменить декрет о печати.

⁴⁶ В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати, стр. 11; см. также: «На боевых постах...», стр. 165. «Речь» была закрыта по постановлению Петроградского ВРК 26 октября. Впоследствии (до августа 1918 г.) выходила под названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век».

нала, как однажды, «возмущенная какой-то особенно гнусной клеветой „Речи“», она спросила у В. И. Ленина: «...Когда же закроют буржуазные газеты? — Рановато еще, — ответил Ильич, — закроем газеты, тогда не будем знать, что думают о нас наши враги. — Это было приблизительно в половине ноября»⁴⁷.

Ф. Ф. Раскольников упоминает о беседе в Смольном 26 октября с Лениным, спросившим, какие бы меры он принял по отношению к буржуазной печати. «Этот вопрос застал меня врасплох. Тем не менее... я ответил в духе одной из статей Владимира Ильича, как раз незадолго прочитанной в „Крестах“, что, по-моему, прежде всего следует подсчитать запасы бумаги и затем распределить их между органами разных направлений, пропорционально количеству их сторонников; тогда я не учел, что это была мера, предлагавшаяся во время режима Керенского, и теперь, после революции, уже устаревшая. Ленин ничего не возразил...»⁴⁸ Раскольников имел в виду статью В. И. Ленина «Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати)», напечатанную в «Рабочем пути» от 28(15) сентября⁴⁹. Там же Ленин наметил еще одно средство подрыва влияния буржуазии на массы: государственную монополию на частные объявления в газетах. Упомянутое Раскольниковым высказывание не исчерпывает дооктябрьских взглядов Ленина на буржуазную печать. В статье «Задачи революции» («Рабочий путь» от 26 и 27 сентября) Ленин призывал: «Необходимо закрыть буржуазные контрреволюционные газеты («Речь», «Русское Слово» и т. п.), конфисковать их типографии, объявить частные объявления в газетах государственной монополией, перевести их в правительственную газету, издаваемую Советами...»⁵⁰ Таким образом, законодательным актам СНК о буржуазной печати предшествовала ясная и четкая предоктябрьская программа В. И. Ленина.

Бонч-Бруевич вспоминает и историю создания декрета СНК о введении государственной монополии на объявления (принят не позднее 7 ноября ст. ст.)⁵¹. «Владимир Ильич уже давно обращался ко мне с просьбой подсчитать, какой барыш дают объявления наиболее распространенным газетам, как „Речь“, „День“, „Русское слово“ и некоторым другим. Я занялся этим делом, и по самому поверхностному подсчету стало ясно, что объявления, конечно, являются главным денежным рычагом и двигателем тех колоссальнейших тиражей, которые газеты эти имели в то время... К этому декрету о монополии на объявления Владимир Ильич проявил особое внимание, все осведомлялся о нем, и успокоился только тогда, когда декрет был дан ему на подпись»⁵².

Известно, что В. И. Ленин в «Проекте резолюции о свободе печати», написанной 4 ноября, требовал назначения правительством комиссии «для расследования связей периодических изданий с капиталом, источника их средств и доходов, состава их жертвователей, покрытия их дефицитов и всего хозяйства газет вообще». В тот же день, выступая во ВЦИК, Ленин повторил это требование «сейчас же назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков»⁵³. По-видимому, такая комиссия была создана, возможно с участием Бонч-Бруе-

⁴⁷ М. Скрыпник. Ильич в Смольном. — «Летопись революции», 1925, № 1(10), стр. XIX. М. Н. Скрыпник была официально назначена вторым секретарем СНК 14(27) декабря, но фактически приступила к работе раньше.

⁴⁸ Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.—Л., 1925, стр. 234.

⁴⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 208—213.

⁵⁰ Там же, стр. 236.

⁵¹ «Декреты...», т. 1, № 39.

⁵² В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати, стр. 10; см. также: «На боевых постах...», стр. 162—163.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 51, 54.

вича, и результатом ее работ явился декрет о введении государственной монополии на объявления. К сожалению, Бонч-Бруевич не упомянул создателя проекта — А. В. Луначарского⁵⁴ — и то, что проект был основательно правлен В. И. Лениным.

Бонч-Бруевич писал также, что когда буржуазные газеты не подчинились декрету, всем редакциям был разослан «циркуляр с уведомлением, что если еще раз в их газетах будут помещаться объявления, то они будут штрафовать, а при новом неподчинении — закрываться»⁵⁵. Подобного циркуляра найти не удалось. Видимо, его и не было вовсе (как циркуляра СНК). 18 ноября в «Правде» появилось объявление комиссара по делам печати А. Е. Минкина о мерах по проведению в жизнь декрета об объявлениях, но тем не менее его продолжали нарушать⁵⁶. 23 ноября Совнарком, рассмотрев запрос А. Е. Минкина «о мерах борьбы с неподчиняющимися декрету об объявлениях», постановил: «Дать Минкину *устную* инструкцию о принятии энергичнейших революционных мер для проведения в жизнь декрета об объявлениях»⁵⁷.

Следующие законодательные акты СНК, отмеченные в мемуарах Бонч-Бруевича, связаны с борьбой против контрреволюционной деятельности кадетской партии. Автор справедливо отметил саботажническую работу Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (кадетской по составу), которой СНК еще 13 (26) ноября предписал сообщить сведения о ходе выборов⁵⁸. Наряду с интересными подробностями в воспоминаниях есть и неточности. Так, председателем комиссии Бонч-Бруевич называет В. Д. Набокова, а им был Н. Н. Авинов.

Контрреволюционная сущность кадетов была разоблачена в обращении СНК от 25 ноября «Ко всему населению», в «Декрете об аресте вождей гражданской войны против революции» и в правительственном сообщении о контрреволюционном восстании буржуазии, руководимом кадетской партией, от 28 ноября⁵⁹. Бонч-Бруевич так описывает обстановку создания двух последних актов: «Подписание декрета об объявлении кадетской партии вне закона совпадало как раз с тем тревожным моментом в жизни нашей партии и молодого правительства, когда... колеблющиеся элементы нашей партии покинули наши ряды и торопливо уходили из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и комиссариатов... Я сказал товарищам (членам большевистской фракции ВЦИК. — А. Л.), что Совнарком будет сейчас обсуждать чрезвычайно ответственный декрет об объявлении кадетов вне закона и что уход ответственных товарищей с их постов ни на минуту не поколеблет силу воли революционного правительства...»⁶⁰

Известно, что самовольная отставка некоторых членов СНК имела место 4 ноября, и, следовательно, приведенный разговор не мог состояться в день принятия указанных выше актов, т. е. 28 ноября. «Через полчаса, — читаем далее, — я внес в Совнарком проект декрета об объявлении кадетов вне закона. Владимир Ильич огласил его вслух перед теми

⁵⁴ К сожалению, сам Луначарский, посвятивший немало ярких страниц В. И. Ленину как Председателю СНК, ничего не сказал о своей законодательной деятельности, хотя был автором декретов о печати, о монополии на объявления, активно выступил в защиту декрета о суде № 1 («Декреты...», 1, стр. 56; Ю. Лари н. У колыбели. — «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 16; П. Стучка. Пролетарская революция и суд. — «Пролетарская революция и право», 1918, № 1, стр. 3).

⁵⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати, стр. 10; см. также: «На боевых постах...», стр. 163.

⁵⁶ См. заявление В. А. Аванесова на заседании Петроградского ВРК 19 ноября («Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3. М., 1967, стр. 172).

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 14 об.

⁵⁸ «Декреты...», т. 1, № 56.

⁵⁹ Там же, № 105, 111, 112.

⁶⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати, стр. 9—10; см. также: «На боевых постах...», стр. 160.

товарищами, которые уже собрались. *Ряд мест, прежде всегда занятых теми, кто ушел, пустовал*⁶¹. Владимир Ильич печально посмотрел кругом и сказал: „Однако, нас мало, посмотрим, что будет завтра“ и подписал декрет, за ним подписал я, Сталин, Эссен и еще несколько народных комиссаров»⁶².

В действительности автором проекта, принятого «единогласно, против одного (Сталина)»⁶³, был Ленин, который и внес его на обсуждение СНК. Кроме Ленина декрет подписали еще семь наркомов, в том числе Г. И. Петровский и А. Г. Шлихтер, с 17 и 19 ноября замещавшие покинувших свои посты Рыкова и Теодоровича⁶⁴. Следовательно, «пустых» мест в Совнаркоме к концу ноября не было. Подписи Э. Эссена в подлиннике и изданиях нет. Может быть, автор имел в виду принятое в тот же день «Правительственное сообщение» об объявлении кадетов «партией врагов народа»? Этот документ, судя по сохранившейся копии, подписан просто: «Совет Народных Комиссаров». Автором его не мог быть Бонч-Бруевич: в протоколе СНК № 13 за 28 ноября значится, что он был принят по докладу Троцкого о текущем моменте.

Следующий важный момент в деятельности СНК, отраженный в мемуарах Бонч-Бруевича, — мероприятия, связанные с национализацией частных банков. Следует отметить, что автор неодинаково описывает их в воспоминаниях разных лет. 7 ноября 1920 г. на встрече участников Октябрьского переворота он рассказывал: «Это, кажется, был *второй или третий* [?] декрет. Надо было как можно скорее организовать это дело, потому что банков было много, и буржуазный мир очень хорошо знал, что делается в Смольном. Помню, что когда разрабатывался этот проект, были и Дзержинский⁶⁵, Подвойский, Благоврахов. Мы решили арестовать всех директоров банков и занять их помещения. Так и сделали, арестовали всю эту публику, привезли в Смольный, причем на некоторые банки приходилось делать *наступление* [?]»⁶⁶.

В 1927 г. автор пишет об этом более пространно, но кроме себя и Ленина упоминает только Сталина. Он утверждал, что Ленин просил его «разработать проект национализации банков⁶⁷ внутри аппарата „75 комнаты“ Смольного» (в то время там находилась Чрезвычайная комиссия Петроградского Совета по охране порядка и борьбе с погромами). «Национализацию банков мы рассчитывали произвести приблизительно в конце ноября месяца по ст. стилю. Я самым тщательным образом собрал и продолжал собирать сведения о всех директорах банков, главнейших служащих, о расположении самих банков и все, что нужно было для правильного осуществления этого громадного, государственной важности, предприятия»⁶⁸.

Подготовка к захвату банков была сугубо конспиративной, о ней, по словам автора, знали лишь Ленин и Бонч-Бруевич. Далее следует

⁶¹ Если учесть, что первое более или менее полное заседание СНК (согласно опубликованному Н. П. Горбуновым протоколу) состоялось 3 ноября, второе — 15 ноября, а наркомы ушли со своих постов 4 ноября, то приведенное высказывание (выделено курсивом) — не более как литературный оборот.

⁶² В. Д. Бонч-Бруевич. Конец буржуазной печати, стр. 10; см. также: «На боевых постах...», стр. 162.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 2, л. 21. Будучи не согласен с декретом, Сталин тем не менее подписал его.

⁶⁴ «Декреты...», т. 1, стр. 583.

⁶⁵ Упоминание Ф. Э. Дзержинского, по-видимому, ошибка. Очевидно, имеется в виду В. Р. Менжинский (см. А. Гиндин. Как большевики национализировали частные банки. (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962, стр. 45).

⁶⁶ «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 71.

⁶⁷ В дальнейшем Бонч-Бруевич писал: «...разработать план действий при национализации банков» («На боевых постах...», стр. 204).

⁶⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Как мы национализировали банки в Петрограде. — «Вечерняя Москва», 5 ноября 1927 г.; см. также: «На боевых постах...», стр. 204.

весьма странный рассказ. Несмотря на конспирацию, слухи о национализации банков все же просочились наружу, и этот факт Бонч-Бруевич пытался объяснить следующим образом: «8 (21) ноября... я раскрыл газету... и к своему ужасу увидел, что там опубликовано „Воззвание к населению“⁶⁹ о переходе власти и средств производства в руки трудящихся, подписанное самим Владимиром Ильичем. Это воззвание не было составлено Владимиром Ильичем, оно было ему предложено, но в нем были напечатаны следующие выражения: „Спротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон готовится“ (разрядка В. Д. Бонч-Бруевича. — А. П.) Я... сказал ему (Ленину. — А. П.), что наполовину дело национализации банков испорчено... Владимир Ильич был чрезвычайно изумлен такой опрометчивостью и особенно был недоволен, что в этом воззвании была фраза: „Этот закон готовится“ и сказал, что он требует от меня, чтобы все законы и распоряжения, которые будут давать ему на подпись, обязательно проходили бы через мои руки, и что я обязан, и как управляющий делами Совнаркома, и лично перед ним, самым тщательным образом вчитываться во все то, что пишется в законах, постановлениях и распоряжениях, и указывать ему на те несогласованности, которые могут появиться, как это случилось с этим воззванием к населению, и что он будет подписывать законы лишь тогда, когда они будут скреплены мной как управляющим делами Совнаркома. Я принял это к исполнению, и с декрета № 25 (это воззвание к населению занумеровано № 22) стал скреплять все законы, прежде чем отдавать их на подпись Владимиру Ильичу. Так продолжал делать до тех пор, пока аппарат правительства совершенно не наладился и когда в таком тщательном просмотре законов надобность уже миновала»⁷⁰.

Большие выдержки приведены сознательно, чтобы показать, каковы могут быть масштабы искажений в воспоминаниях даже такого автора, которому, казалось, можно доверять больше, чем кому бы то ни было, — настолько близко он стоял к законодательной деятельности СНК и к его архиву.

Воззвание, от которого «пришел в ужас» Бонч-Бруевич, было не только подписано, но и написано Лениным от начала до конца, включая и «злополучную» фразу о подготовке закона о национализации банков, в чем нетрудно убедиться, взяв в руки первый том «Декретов Советской власти». Единственное, в чем прав автор, — фраза эта действительно была вставлена, но... самим Лениным⁷¹.

Думается также, что Ленин не предоставлял Бонч-Бруевичу особых прав в отношении просмотра бумаг, поступавших на подпись Председателя СНК. Лучшим опровержением этого будут воспоминания П. И. Стучки, который писал: «А надо сказать, что Владимир Ильич всегда действительно и внимательно читал то, что подписывал»⁷².

Но дочитаем до конца рассказ о национализации частных банков в Петрограде. По словам Бонч-Бруевича, он лично написал 28 приказов о занятии 28 банков, 28 приказов об аресте всех директоров банков, организовал 28 отрядов по 10—20 человек, предусмотрел для них 28 грузовых и 28 легковых автомобилей и даже позаботился о 28 койках для арестованных директоров в Смольном, и, наконец, был автором «самой ясной и

⁶⁹ «Декреты...», т. 1, № 36.

⁷⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Как мы национализировали банки в Петрограде; см. также: «На боевых постах...», стр. 206—207.

⁷¹ «Декреты...», т. 1, стр. 49. Нами просмотрена фотокопия этого документа (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4673), чтобы окончательно удостовериться в том, что и вставленная фраза принадлежит Ленину.

⁷² П. Стучка. Ленин и революционный декрет. — «Революция права», сб. 1. М., 1925, стр. 33.

точной инструкции рабочим комиссарам: что им нужно делать, когда они займут банки»⁷³.

К сожалению, эти строки из воспоминаний в свое время не были сверены с другими источниками. Так, даже Н. К. Крупская повторяет версию Бонч-Бруевича: «В. Д. Бонч-Бруевич описывает, как производилась потом национализация банков. Операция производилась под руководством т. Сталина, с ним советовался Бонч-Бруевич, который подготовлял все дело, писал приказы, организовывал транспорт, 28 отрядов стрелков и пр. Надо было занять 28 банков, арестовать 28 директоров банков...»⁷⁴

Все имеющиеся в нашем распоряжении источники (архивные, газетные, мемуары непосредственных участников) ни словом не упоминают об участии Бонч-Бруевича и Сталина в этом деле. 15 декабря газета «День» писала: «Вопрос о захвате банков разрешен был 13 декабря. В этот же день и состоялось чрезвычайное заседание Совета Комиссаров, в котором обсуждался „проект“ комиссара Гос. банка Менжинского⁷⁵ о конфискации частных банков. Этот проект предполагалось осуществить давно, но ввиду переговоров, которые велись между банками о соглашении с большевиками, вопрос был отложен»⁷⁶. Там же упоминалось о предъявлении комиссарами при занятии банков «особого приказа, подписанного... Н. И. Подвойским». Напомним, что в приведенных выше воспоминаниях Бонч-Бруевича, относящихся к 1920 г., Подвойский назван в числе руководителей операции по захвату банков. Непонятно, почему в 1927 г. автор не повторил этого. В настоящее время известен опубликованный приказ о занятии одного из петроградских банков, написанный лично Подвойским 13 декабря по заданию Ленина. Согласно этому документу, отряд в 125 человек (а не 10—20, как у Бонч-Бруевича) должен был занять банк, все входы и выходы, обезоружить охрану, выставить караулы у касс, кладовых и т. д.⁷⁷ Очевидно, такой же приказ выдавался и другим командирам отрядов, участвовавших в операции.

В воспоминаниях председателя Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеева отмечено, что в ночь на 14 декабря он был вызван в Наркомат финансов, где проходило заседание комиссии (30—40 человек) под председательством В. И. Ленина, после чего каждому из вызванных на совещание было дано отдельное задание о занятии того или иного банка и «детально отработанные инструкции о порядке выполнения задачи».

В операции, которой руководил И. И. Вахрамеев, участвовало три отряда по 100 человек в каждом (цифра, как видно, близкая к упомянутой в приказе Подвойского)⁷⁸. В других воспоминаниях Вахрамеев сообщает ряд интересующих нас подробностей. Явившись ночью, 13 декабря, в здание Министерства финансов на Мойке⁷⁹, он застал там Ленина, Свердлова, Менжинского, Подвойского «и еще несколько незнакомых мне лиц... Затем Владимир Ильич вручил мне письменную инструкцию... Потом товарищ Менжинский дал мне три плана»⁸⁰.

⁷³ В. Д. Бонч-Бруевич. Как мы национализировали банки в Петрограде; см. также: «На боевых постах...», стр. 208, 210.

⁷⁴ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, ч. III, стр. 31.

⁷⁵ В. Р. Менжинский был заместителем наркома по Министерству финансов («Декреты...», т. 1, стр. 581).

⁷⁶ О попытке соглашения с банковскими дельцами, «чтобы при полном контроле и отчетности получить ссуды», упоминал В. И. Ленин в речи на заседании ВЦИК 14(27) декабря (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 172).

⁷⁷ «Исторический архив», 1960, № 4, стр. 213; А. Гиндин. Указ. соч., стр. 41.

⁷⁸ И. И. Вахрамеев. Во имя революции. М., 1957, стр. 72.

⁷⁹ Штаб по проведению операции находился на Мойке, д. 67 (см. приказ Н. И. Подвойского. — «Исторический архив», 1960, № 4, стр. 213).

⁸⁰ И. И. Вахрамеев. По мандату Ленина. — «Дружба народов», 1957, № 4, стр. 152. Комиссарам также вручался текст обращения, «который они должны

Таким образом, документы и воспоминания не подтверждают руководящую роль Бонч-Бруевича и Сталина в проведении операции по захвату банков в Петрограде и авторство Бонч-Бруевича в составлении инструкции⁸¹.

Одна из глав книги воспоминаний Бонч-Бруевича посвящена истории созыва и разгона Учредительного собрания. «Несмотря на то, что ранее (до 5 января 1918 г. — А. П.) вопрос о закрытии Учредительного собрания не раз обсуждался в высшем партийном центре, и, в сущности, был уже предрешен ЦК нашей партии, Владимир Ильич считал необходимым сделать окончательные распоряжения лишь после санкции его Совнаркомом. Быстро обменявшись мнениями, все пришли к единогласному заключению, что эта говорильня никому не нужна...»⁸²

Вопрос об Учредительном собрании обсуждался на заседаниях ЦК 29 ноября и 11 декабря, но из протоколов не видно, что он уже был «предрешен»⁸³. Решающим моментом явилось совещание большевиков, членов фракции Учредительного собрания в Смольном 12 (25) декабря, на котором были единогласно приняты ленинские «Тезисы об Учредительном собрании»⁸⁴.

Других источников, свидетельствующих о предварительном обсуждении в ЦК вопроса о возможном закрытии Учредительного собрания, мы не знаем.

В то же время воспоминания ряда авторов показывают, что В. И. Ленин задолго до 5 января 1918 г. действительно склонялся к мысли не допустить или же отсрочить созыв Учредительного собрания⁸⁵.

В мемуарах Бонч-Бруевича, посвященных деятельности СНК в период наступления германских полчищ на Нарву и Псков и переезда правительства в Москву, мы находим историю создания знаменитого ленинского декрета «Социалистическое отечество в опасности!»⁸⁶ Этот документ известен лишь по изданиям. В 1927 г. Бонч-Бруевич утверждал, что подлинник был передан ему лично Лениным на хранение⁸⁷; в последующих воспоминаниях он уже прямо об этом не говорит. Об обстоятельствах появления декрета Бонч-Бруевич писал следующее: «21 февраля 1918 г. около 12 ч. ночи (т. е. в ночь с 20 на 21 февраля. Ср. с последующим текстом. — А. П.) мне принесли телеграмму для Совета Народных Комис-

---

были зачитать на общем собрании служащих в присутствии солдат или матросов, занявших банк», подписанный Н. И. Подвойским, Г. И. Благонравовым и В. Р. Межгинским (см. А. Гиндина. Указ. соч., стр. 44—45).

⁸¹ В упомянутой выше работе А. Гиндина, основанной на широком использовании документов, в том числе и мемуаров, о роли Бонч-Бруевича в операции по захвату частных банков сказано следующее: «На обязанности Вл. Бонч-Бруевича было подготовить автотранспорт для перевозки отдельных отрядов, которые будут направляться из Смольного, подобрать рабочих комиссаров и по два солдата к каждому из них для ареста директоров, выделить для этой цели легковые автомобили, подготовить в Смольном помещение для арестованных». И далее: «Автор (В. Д. Бонч-Бруевич. — А. П.) допускает в своих воспоминаниях ошибку, утверждая, что под его руководством стрелки Латышского полка заняли все банки Петрограда, в то время как все основные банки Петрограда занимали отряды матросов и солдат других полков, выполняя приказ Н. И. Подвойского» (А. Гиндина. Указ. соч., стр. 41, 52).

⁸² В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах... стр. 258.

⁸³ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М., 1958, стр. 149, 150, 155, 156, 160, 161.

⁸⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 162—166; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, ч. III, стр. 40; «Новая жизнь», 14(27) декабря 1917 г.

⁸⁵ «Воспоминания участников Великого Октября». — «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 198, 206; П. Быков. В дни переворота. — «Новый мир», 1958, № 11, стр. 162—163.

⁸⁶ «Декреты...», т. 1, № 314.

⁸⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. М., 1927, стр. 60.

саров, где говорилось, что немцы одним ударом взяли Псков и идут дальше...» Бонч-Бруевич вспоминал далее, что он пришел в Петроградский Совет, сообщил содержание телеграммы и на вопросы делегатов, что делать, посоветовал: «Дать заводские гудки!», что и было сделано через час. К утру 21-го Смольный превратился в военный лагерь, куда стягивались рабочие со всех заводов. «Утром, часов в 9, 21 февраля Владимир Ильич экстренно вызвал меня в кабинет Совнаркома в Смольном и спросил, указывая в окно, на лагерь раскинувшиеся рабочие войска: „Это что такое?“... И я рассказал ему все, что случилось ночью. Я попросил Владимира Ильича написать прокламацию к народу, и он тотчас написал и отдал ее мне»⁸⁸.

Сразу же возникает вопрос: почему Бонч-Бруевич, получив телеграмму, пришел с ней на заседание Петроградского Совета, а не в Совнарком? Именно в ночь с 20 на 21 февраля Совнарком заседал, о чем свидетельствует дата принятого им обращения «К трудящемуся населению всей России» («21 февраля 1918 г. 2 ч. ночи»)⁸⁹.

В 1929 г. Бонч-Бруевич пишет новые воспоминания, посвященные этим событиям, и они помогают установить, почему перед автором не возникал вопрос, поставленный нами. «Для разъяснения населению всего положения вещей Владимир Ильич написал ночью *новой* (!?) (т. е. после декрета „Социалистическое отечество в опасности!“), о котором Бонч-Бруевич говорит здесь же. — А. П.) оповещение-прокламацию, названную им „К трудящемуся населению всей России“»⁹⁰. Во-первых, Бонч-Бруевич неправильно приписывает Ленину авторство этого документа. Во-вторых, это воззвание было создано до декрета «Социалистическое отечество в опасности!», о чем свидетельствует не только дата, поставленная на нем, но и дата опубликования (оно было опубликовано 21-го, а декрет — 22 февраля). Судя по содержанию воззвания, принятого в 2 часа ночи 21 февраля (упоминается взятие немцами Двинска, Вендена, Луцка, но не Пскова), телеграмма, о которой упоминал Бонч-Бруевич, поступила в Управление делами СНК не в 12 час., а после 2 час. ночи 21 февраля и, видимо, действительно послужила одной из причин создания декрета «Социалистическое отечество в опасности!». Действительно ли Бонч-Бруевич предложил Ленину написать декрет и был ли он инициатором упомянутых выше мероприятий — сказать трудно. Следует отметить, что в 1955 г., повторяя в целом версию воспоминаний 1928 г., он уже не упоминает о своей инициативе ни в отношении заводских гудков, ни в отношении ленинского декрета⁹¹.

Ошибочно мнение Бонч-Бруевича, что декрет был написан «утром, часов в 9, 21 февраля». В этом случае он скорее всего был бы опубликован в вечерних газетах того же дня, как и обращение «К трудящемуся населению всей России»⁹². Историю и время создания декрета помогают установить протоколы СНК и ВЦИК.

Вечером 20 февраля СНК выделил из своего состава Временный исполнительный комитет «для создания непрерывности работ» в количестве пяти человек⁹³. 21 февраля В. А. Карелин (член Временного исполнительного комитета) выступил перед СНК с докладом о деятельности ко-

⁸⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Гудки петроградского пролетариата. — «Семь дней», 23 февраля 1928 г.; см. также: «На боевых постах...», стр. 271—273.

⁸⁹ «Декреты...», т. 1, № 315.

⁹⁰ В. Бонч-Бруевич. В критические дни нашей революции. — «Труд», 7 ноября 1929 г. Бонч-Бруевич далее приводит полный текст обращения по листовке, сохранившейся в его домашнем архиве, и, что удивительнее всего, не обращает внимания на имеющуюся там дату: «21 февраля 1918 года. 2 часа ночи».

⁹¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Из воспоминаний о Владимире Ильиче. — «Знамя», 1955, № 4, стр. 155.

⁹² «Декреты...», т. 1, № 315.

⁹³ См. «Ленинский сборник», XXI, стр. 98.

митета. В черновике протокола СНК отражено содержание доклада: о защите каждой пяди земли, уничтожении запасов продовольствия, путей сообщения, о закрытии буржуазных газет и отправке сотрудников на окопные работы, о расстреле хулиганствующих элементов («громил»), т. е. наиболее характерные моменты декрета «Социалистическое отечество в опасности!»⁹⁴. После доклада В. А. Карелина возникла обща́я дискуссия, после нее было решено «объявить перерыв для совещания по фракциям»⁹⁵. Очевидно, что текст декрета к этому времени еще не был готов, так как только на следующем заседании СНК 22 февраля левые эсеры заявили об «аннулировании того места в воззвании СНК („Социалистическое отечество в опасности!“), где говорится о расстрелах»⁹⁶. По-видимому, текст декрета был написан В. И. Лениным после заседания СНК 21 февраля, но до 10 час. вечера, т. е. до заседания ВЦИК, состоявшегося в тот же день с 10 до 11 час. вечера, на котором Я. М. Свердлов огласил его⁹⁷.

Судя по воспоминаниям Б. Ф. Малкина, Ленин «передал ночью в ПТА (тогдашнюю РОСТУ) написанное им воззвание „Социалистическое отечество в опасности!“»⁹⁸, а это могло быть только в ночь с 21 на 22 февраля.

Представляется спорным, что уже к утру 21 февраля в Смольном был организован военный лагерь из рабочих Петрограда, хотя об этом упоминал не только управляющий делами СНК⁹⁹. Следует обратить прежде внимание на телефонограмму В. И. Ленина, отправленную в Исполнительную комиссию Петроградского комитета и во все районные комитеты партии большевиков 21 февраля *в 12 час. 20 мин. дня*: «Совещуем, не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы, согласно решениям Петроградского Совета, имеющим быть принятыми сегодня вечером, организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции. Революция в опасности. Линию окопов дадут военные. Готовьте орудия, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно»¹⁰⁰. По-видимому, эта телефонограмма не была бы послана, если бы уже к утру 21-го в Смольный прибыли рабочие, как об этом писали Бонч-Бруевич и Малкин. Известно также, что 21 февраля *в развитие* декрета «Социалистическое отечество в опасности!» приказом Народного комиссара по военным делам № 157 был учрежден Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа в составе В. Д. Бонч-Бруевича, В. Н. Васильевского, К. Е. Еремеева, М. М. Лашевича, И. И. Юренева, К. А. Мехоношина. В тот же день этот штаб объявил город на осадном положении¹⁰¹ и приступил к организованной мобилизации рабочих отрядов.

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 67, л. 2. Хотя авторство В. И. Ленина в составлении текста декрета не вызывает сомнений, существование доклада В. А. Карелина, перекликающегося по содержанию с декретом, свидетельствует о том, что его основные положения были, по-видимому, плодом коллективного творчества.

⁹⁵ Там же, л. 1.

⁹⁶ Там же, ед. хр. 68, л. 1.

⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 18, ед. хр. 7, л. 6.

⁹⁸ Б. Малкин. Владимир Ильич и Брестский мир. (Отрывки из воспоминаний). — «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.

⁹⁹ Б. Ф. Малкин писал в тех же воспоминаниях 1928 г.: «Ночью в гостинице „Астория“, где мы жили, мы были разбужены заводскими гудками — гулким набатом, который всколыхнул уже заснувшую столицу. Мы бросились в Смольный... Оказывается, немцы взяли Псков и идут дальше, ставя под угрозу Ленинград. Гарнизон бежал. Мы прочли телеграмму об этом, адресованную в Совнарком. В Смольном все кипело. К утру уже подходили рабочие отряды Красной гвардии, и весь Смольный быстро превратился в боевой центр...»

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 354.

¹⁰¹ «Правда», 22 (9) февраля 1918 г.

Следует обратить внимание и на такую деталь. В п. 5 декрета «Социалистическое отечество в опасности!» сказано: «Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева, всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов *под руководством военных специалистов*». Брат управляющего СНК, М. Д. Бонч-Бруевич, неоднократно отмечал в своих воспоминаниях, что он вместе с группой военных специалистов (Сулейманом, Лукирским, Раттелем и др.) прибыл в Петроград из бывшей Ставки (Могилева) 22 февраля, после чего был вызван в Смольный и вскоре, «по распоряжению Ленина, по тревожным гудкам на дворе Смольного института были созданы рабочие фабрик и заводов»¹⁰².

Таким образом, в рассказе В. Д. Бонч-Бруевича об одном из важнейших эпизодов законодательно-распорядительной деятельности В. И. Ленина и СНК имеются неточности, вытекающие из стремления мемуариста создать целостную картину из ярких, но разновременных фактов.

Обратимся, наконец, к воспоминаниям Бонч-Бруевича о последних днях пребывания Советского правительства в Петрограде.

«Еще во второй половине февраля Владимир Ильич, — пишет управляющий делами СНК, — согласился с моим докладом, что необходимо взять курс на подготовку учреждений к переезду в Москву»¹⁰³. Условились все это не разглашать, в Москву предварительно не сообщать и переезд организовать, насколько возможно, внезапно». Бонч-Бруевич справедливо отмечал, что большую роль в решении Ленина и СНК о переезде сыграли также военные доклады его брата — М. Д. Бонч-Бруевича, в то время занимавшего пост «военного руководителя Высшего военного совета»¹⁰⁴. По словам управляющего делами СНК, М. Д. Бонч-Бруевич через день лично докладывал Владимиру Ильичу о ходе военных операций, устройстве «завесы», о мерах сколачивания новых военных кадров. На одном из докладов он высказал мнение о нецелесообразности, с военной точки зрения, оставить место пребывания правительства в Петрограде.

По просьбе В. И. Ленина «Михаил Дмитриевич сейчас же после доклада написал рапорт на имя Председателя Совнаркома, где высказал и мотивировал свое мнение о пребывании правительства в Петрограде и переезде его в Москву. Подлинник был тотчас же передан Владимиру Ильичу, а копия отправлена в дела Высшего военного совета. Владимир Ильич тут же написал на этом рапорте свою резолюцию о согласии его на переезд правительства в Москву, и это было первым письменным распоряжением Владимира Ильича на этот счет. В тот же день в закрытом заседании Совнаркома Владимир Ильич секретно сообщил всем собравшимся народным комиссарам о своем решении... и, конечно, все согласились...»¹⁰⁵

Мемуары генерала М. Д. Бонч-Бруевича подтверждают его влияние на решение В. И. Ленина эвакуировать правительство в Москву.

¹⁰² М. Д. Бонч-Бруевич. Ленин на военной работе. — «Красная звезда», 26 января 1924 г.; «Ильич и Красная Армия». Сборник. Сост. А. Воробьев. М.—Л., 1926; он же. Как строилась Красная Армия. — «Огонек», 1927, № 9, стр. 4—5; «Резец», 1928, № 7, стр. 2—3. В. Д. и М. Д. Бонч-Бруевичи упоминают о телеграмме В. И. Ленина в Ставку о срочном вызове в Петроград военных специалистов. Управляющий делами СНК датирует ее 21 февраля, его брат — 19 февраля (см. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1965, стр. 192; М. Д. Бонч-Бруевич. Как строилась Красная Армия, стр. 4—5). Этого документа в сочинениях В. И. Ленина нет.

¹⁰³ В материалах фонда СНК нами не найден этот доклад В. Д. Бонч-Бруевича.

¹⁰⁴ Высший военный совет был образован не позднее 4 марта 1918 г. («Декреты...», т. 1, № 336).

¹⁰⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. (По личным воспоминаниям). М., 1926, стр. 4—5; см. также: «На боевых

«Вскоре, — писал он, — выяснилась несерьезность немецкого командования в смысле дальнейшего продвижения на Петроград. Тем не менее, я, как военный руководитель того времени, в личной беседе с тов. Лениным не скрыл от него того положения, что при дальнейшем пребывании Советского правительства в Петрограде город будет служить притягательной силой для всевозможного рода авантюр со стороны немецкого командования и тут же, по предложению тов. Ленина, подал соответствующий по этому поводу рапорт»¹⁰⁶.

Как видим, оба свидетеля упоминают о рапорте М. Д. Бонч-Бруевича Ленину, причем В. Д. Бонч-Бруевич — также и о резолюции Ленина. По-видимому, речь идет об одном и том же документе. До сих пор, однако, этот рапорт не найден¹⁰⁷.

Подводя итоги анализу воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича как исторического источника о законодательной и распорядительной деятельности Советской власти с октября 1917 по февраль 1918 г., следует признать, что они наряду с известными литературными достоинствами имеют и историковедческую значимость, особенно при изучении ряда вопросов, не получивших отражения в документах, например, обстановки создания декретов о земле, о печати и др. В то же время в них содержатся и неточности, свойственные большинству мемуаров, и даже отдельные серьезные искажения фактов. Использование их, безусловно, необходимо, так же как необходимы их тщательная проверка и сопоставление с другими источниками.

постах...», стр. 329—330. Вопрос об эвакуации правительства обсуждался и был принят на заседании СНК 26 февраля (см. «Ленинский сборник», XI, стр. 30).

¹⁰⁶ М. Д. Бонч-Бруевич, Ленин на военной работе.

¹⁰⁷ В этой связи следует упомянуть статью Н. И. Подвойского «От Красной гвардии к Красной Армии» («Историк-марксист», 1938, кн. 1(65), стр. 16—43). «На одном из совещаний, которое состоялось в Смольном после перехода в наступление немцев со стороны Риги в общем направлении на Псков, В. И. Ленин поставил военным специалистам три вопроса... Будут ли немцы брать Петроград?... Следует ли защищать Петроград?... Остаться ли правительству в Петрограде? Ответы (с доказательными данными) были следующими: ... Немцы Петроград брать не будут... Создавать далеко выдвинутую оборону не следует... Правительству следует выехать из Петрограда. В. И. Ленин, выслушав доклады военных специалистов, со своей стороны задал ряд дополнительных вопросов и предложил сделать то же самое собравшимся на совещании, которое происходило в комнате В. И. Ленина. После исчерпывающих ответов военных специалистов В. И. Ленин изложил свое заключение, начав его словами: „Совершенно согласен с военными специалистами...“ и исключительно четкой мотивировкой обосновал правильность суждений военных специалистов». Как видим, Н. И. Подвойский пишет, что решение Ленина о переезде правительства в Москву было принято после беседы с группой военных специалистов, а не в результате рапорта М. Д. Бонч-Бруевича Ленину.

Р. М. Савицкая

**ВОСПОМИНАНИЯ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА
В ПЕРИОД МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ 1918 г.**

Мемуары — ценнейший исторический источник. Прежде всего они дают нам сведения о таких событиях и фактах, которые совсем не получили отражения в документальных и других источниках. Кроме того, они содержат ряд деталей и подробностей, которые дополняют сведения, имеющиеся в документах. Наконец, мемуары доносят до нас «аромат эпохи», что первым отметил Емельян Ярославский.

Особенно важны мемуары наиболее активных участников тех исторических событий, которым они посвящены. С этой точки зрения большую ценность представляют воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича. С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции и до 1920 г. он работал в качестве управляющего делами Совета Народных Комиссаров, бок о бок с Председателем Совнаркома В. И. Лениным. Он был единственным участником и свидетелем ряда событий из государственной деятельности Ленина. Поэтому многочисленные воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о В. И. Ленине являются одним из важнейших источников для изучения жизни и деятельности Ленина. Это особенно ярко видно на примере воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина в период мирной передышки 1918 г., наступившей после заключения Брестского мирного договора.

Переезд правительства и Центрального Комитета РКП(б) из Петрограда в Москву в марте 1918 г., подавление контрреволюционного мятежа левых эсеров в июле 1918 г., а также ряд других событий из жизни и деятельности Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина нашли широкое отражение в мемуарах В. Д. Бонч-Бруевича, написанных в 1926—1955 гг.

Воспоминания Бонч-Бруевича «Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву», впервые напечатанные отдельной брошюрой в 1926 г., затем неоднократно переиздававшиеся¹, являются основным источником для изучения обстоятельств и времени переезда Советского правительства и Центрального Комитета партии в Москву.

Вопрос об этом переезде обсуждался, как известно, на заседании Совнаркома 26 февраля 1918 г. В протоколе мы читаем:

«1. а) Выбрать местом для эвакуации Москву.

б) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество центрального административного аппарата, не более 2—3 десятков с семьями.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. (По личным воспоминаниям). М., 1926, 19 стр.; то же в кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, стр. 328—343; он же. Избр. соч., т. 3. «Воспоминания о В. И. Ленине. 1917—1924 гг.». М., 1963, стр. 145—155; М., 1965, стр. 197—207.

в) Немедленно эвакуировать Экспедицию заготовления государственных бумаг, золото.

2. Начать разгрузку г. Москвы, поручив т. Алгасову снестись с Московским Советом»².

Никто из присутствовавших на этом заседании, кроме В. Д. Бонч-Бруевича, не оставил своих воспоминаний о ходе обсуждения вопроса о переезде.

«... На закрытом³ заседании Совнаркома, — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич секретно сообщил всем собравшимся народным комиссарам о своем решении. Целесообразность его была совершенно ясна для каждого, и, конечно, все согласились с мнением Владимира Ильича»⁴.

Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича — это главный и почти единственный источник, дающий нам представление о том, когда и как совершался переезд В. И. Ленина из Смольного на платформу «Цветочная площадка» соединительных путей Николаевской железной дороги. Бонч-Бруевич не называет имени шофера, который вел машину во время этого переезда. Этим шофером был В. И. Рябов. Его неопубликованные воспоминания дают дополнительно лишь некоторые мелкие детали.

Что же касается обстоятельств отправки правительственного поезда из Петрограда в Москву, то и об этом наряду с воспоминаниями комиссара Николаевской железной дороги П. Г. Лебита⁵ и латышского стрелка Э. Смилга⁶ имеются воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича⁷.

В первой публикации воспоминаний «Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву» (1926) и в их перепечатке в книге «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций» (1930) была одна глава (IX), которая оказалась исключенной из последующих изданий этих воспоминаний. В ней Бонч-Бруевич писал о том, что он в вагоне утром 11 марта, когда В. И. Ленин встал, рассказал ему об известном ночном маловишерском эпизоде с поездом, на котором матросы самовольно возвращались из Петрограда на родину⁸.

В этой же главе Бонч-Бруевич сообщал о том, что правительственный поезд в Москве якобы встретили члены Московского Совета и развезли приехавших по намеченным местам⁹. Нигде больше он об этом не писал, хотя прибытию поезда с членами правительства в Москву посвящен и ряд других его воспоминаний¹⁰. Более того, в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича «Въезд Владимира Ильича в Кремль», впервые опубликованных в «Вечерней Москве» от 21 января 1928 г. и затем неоднократно перепечатывавшихся, мы читаем: «На вокзале нас почти никто не встретил, так как никому не было известно, когда придет поезд. Автомобили все-

² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 70, л. 1; об этом см. также «Ленинский сборник», XI, стр. 30.

³ Заседание Совнаркома 26 февраля 1918 г. не было закрытым. Да и вообще нет никаких данных о том, что проводились закрытые заседания в тот период деятельности Совнаркома. Воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича свойственна некоторая «романтическая таинственность». Многие события того времени, если судить о них по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, готовились или происходили «закрыто», «тайно», «конспиративно».

⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 146.

⁵ П. Г. Лебит. Из воспоминаний о борьбе за власть Советов на Николаевской железной дороге. — «Красная летопись», 1926, № 6(21), стр. 92.

⁶ Э. Смилга. Переезд в Москву. — «Красная звезда», 19 апреля 1963 г.

⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 153.

⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций, стр. 343.

⁹ Там же, стр. 343.

¹⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Приезд Владимира Ильича в Кремль. Из воспоминаний. — «Красная нива», 1929, № 4, стр. 4; он же. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. М., 1966, стр. 15.

таки были высланы по нашей условной телеграмме, и мы с радостью увидели на московском Николаевском вокзале нашего старого партийца товарища Фому [А. П. Смирнова]»¹¹.

Мы видим здесь два взаимоисключающих утверждения в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича. Что является истиной, установить трудно, ибо никаких других источников об этом нет. Если исходить из логического умозаключения, то, скорее всего, правильным является второе утверждение, ибо точно известно, что правительственный поезд прибыл в Москву с большим опозданием. Кроме того, время переезда правительства в Москву держалось в секрете. Поэтому и встречающих правительственный поезд на вокзале в большом количестве не могло быть. Не случайно в более поздних публикациях воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича было снято утверждение о встрече поезда членами Московского Совета. Нам не удалось установить, кто и по каким причинам исключил названную главу из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Можно, однако, предположить, что это сделал сам автор, придя к заключению о неточности написанного им.

«Мы прибыли в Москву 11 марта вечером, часов в восемь»¹², — пишет Бонч-Бруевич. К сожалению, все наши попытки установить точное время прибытия поезда в Москву не увенчались успехом. Исследователю этого вопроса Ю. П. Малиновскому удалось обнаружить в Государственном архиве Московской области телеграмму В. Д. Бонч-Бруевича Московскому Совету, которая была направлена им в 19 час. 45 мин. только со станции Окуловка¹³. Эта станция находится примерно на полпути от Малой Вишеры до станции Бологое. Следовательно, за оставшееся время до Москвы поезд дойти никак не мог. Вот почему более близким к истине следует считать сообщение одной из буржуазных газет о том, что правительственный поезд прибыл в Москву в 21 час. 30 мин.

Сведения о том, как был совершен переезд Ленина с Николаевского вокзала в гостиницу «Националь», где он жил первое время по приезде в Москву, также содержатся только в воспоминаниях Бонч-Бруевича как опубликованных¹⁴, так и неопубликованных¹⁵.

12 марта 1918 г. Ленин вместе с М. И. Ульяновой и В. Д. Бонч-Бруевичем поехал осматривать Москву. Затем Ленин вместе с Я. М. Свердловым, Н. К. Крупской и В. Д. Бонч-Бруевичем приехали в Кремль, где побывали в помещениях, предназначавшихся для ВЦИК и СНК, во дворцах, Грановитой и Оружейной палатах и т. д. В. Д. Бонч-Бруевич подробно рассказывает о том, что Ленин осмотрел здание Судебных установлений, в котором должны были разместиться ВЦИК и Совнарком, свою будущую

¹¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 156.

¹² Там же, стр. 155.

¹³ «Вопросы истории КПСС», 1968, № 11, стр. 102.

¹⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций, стр. 343; он же. Приезд Владимира Ильича в Кремль. — «Красная нива», 1929, № 4, стр. 4; он же. Въезд Владимира Ильича в Кремль. — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 156; то же в кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 208.

¹⁵ ИМЛ при ЦК КПСС, фонд неопубликованных воспоминаний о В. И. Ленине (далее — ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине), В. Д. Бонч-Бруевич. Переезд Владимира Ильича в Москву, л. 1; там же. В. Д. Бонч-Бруевич. Пребывание Владимира Ильича во втором доме Советов в Москве, л. 1. Неопубликованные воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича включены в большой фонд воспоминаний о В. И. Ленине, хранящийся в научно-справочном кабинете сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС. Эти воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича богаты фактическим материалом, содержат ценнейшие новые сведения о деятельности В. И. Ленина. Они существенно обогащают наши знания о титаническом труде вождя, особенно в первые годы Советской власти, имеют большое значение для изучения истории КПСС и истории СССР.

квартиру в этом здании, а также временную квартиру в Кавалерском корпусе. Ленин обошел и осмотрел Кремль, расспрашивая, удалось ли сохранить все ценности дворцов, Грановитой и Оружейной палат, патриаршую ризницу и библиотеку, золотой запас в погребках Кремля и т. п.¹⁶ Дополнительные сведения об этом дают лишь воспоминания Н. К. Крупской «Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве», в которых она пишет об осмотре здания Судебных установлений, и воспоминания бывшего латышского стрелка И. Ступпе, стоявшего на посту у Троицких ворот во время первого приезда туда Ленина¹⁷.

Описывая поездку Ленина в Кремль, Бонч-Бруевич допускает ошибку. Он сообщает, что в тот же день, 12 марта, было поднято над Кремлем Красное знамя¹⁸. В действительности же флаг Российской республики был утвержден декретом ВЦИК лишь 8 апреля 1918 г.¹⁹ На куполе здания Судебных установлений красный флаг был водружен, на основе решения ВЦИК от 4 октября 1918 г., только к первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции²⁰.

О переезде В. И. Ленина в Кремль, в Кавалерский корпус, а затем в здание Судебных установлений пишут только Н. К. Крупская и В. Д. Бонч-Бруевич. В воспоминаниях «Въезд Владимира Ильича в Кремль» В. Д. Бонч-Бруевич точно называет номера квартир (№ 24 и 26), в которых жил В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой в Кавалерском корпусе²¹. В более поздних публикациях этих воспоминаний названных сведений уже нет. Однако Бонч-Бруевич ошибается, утверждая, что в Кавалерский корпус Ленин переехал на второй день после посещения Кремля и прожил там пять дней²². Все другие лица, кто писал о жизни Ленина в «Национале» (Н. К. Крупская, О. Д. Наумова, Флиге)²³, единодушно в том, что он прожил там дней 10—12, а затем переехал в Кремль.

Когда Ленин переселился уже в Кремль, он (это было не позднее 17 мая) в сопровождении В. Д. Бонч-Бруевича, коменданта Кремля П. Д. Малькова и члена коллегии Народного комиссариата имуществ республики, комиссара управления московскими народными дворцами И. А. Ваймана снова обошел и осмотрел все здания, дворцы, стены и другие сооружения Кремля. Он интересовался положением с топливом для зданий Кремля, условиями хранения и охраны ценных исторических реликвий, картин, фресок. Именно во время этого обхода Ленин дал указание ускорить реставрацию важнейших исторических зданий Кремля.

---

¹⁶ В. Д. Бонч-Бруевич. Переезд Советского правительства в Москву. — «Огонек», 1926, № 4 (148), стр. 3; он же. Приезд Владимира Ильича в Кремль. — «Красная нива», 1929, № 4, стр. 4; он же. Владимир Ильич в Кремле. — «Вечерняя Москва», 9 апреля 1955 г.; он же. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве, стр. 15—17; он же. Избр. соч., т. 3, стр. 157—159.

¹⁷ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» в 5-ти томах, т. I. «Воспоминания родных». М., 1968, стр. 529; И. Ступпе. Незабываемое. — «Советская молодежь» (Рига), 22 апреля 1959 г.

¹⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 159.

¹⁹ «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». (Стенографический отчет). М., 1920, стр. 4, 73—75.

²⁰ «Правда», 8 апреля 1968 г.

²¹ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций, стр. 350.

²² В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич в Кремле. — «Вечерняя Москва», 9 апреля 1955 г.

²³ Н. К. Крупская. Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве. — В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче», т. I, стр. 529; О. Д. Наумова. Владимир Ильич Ленин в Москве, в 1-м Доме Советов ВЦИК (март 1918 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 7, стр. 107; ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине. Флиге. Воспоминания о пребывании В. И. Ленина в гостинице «Националь», лл. 1—4.

Наряду с воспоминаниями И. А. Ваймана²⁴ и других лиц этот факт освещен и в неопубликованных воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича.

«Как только Владимир Ильич переехал из Петербурга в Москву и поселился в Кремле, — пишет Бонч-Бруевич, — он сейчас же захотел ознакомиться с историей кремлевских построек и спросил у меня, что ему по этому поводу прочесть. Я сейчас же указал на двухтомное исследование специалиста С. П. Бартенева, которое называлось «История Кремля», Владимир Ильич тотчас же принялся за чтение этого прекрасно иллюстрированного издания...²⁵ Хорошо изучивши эти книги и сделавши свои пометки, Владимир Ильич забрал один из томов с собой и отправился в длительную прогулку по Кремлю; в течение трех дней он обходил и подробно осматривал все здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошелся по стенам Кремля, проходя к каждой башне и изучая ее состояние. Так как одна из башен была разбита нашей артиллерией, когда приходилось выживать из Кремля юнкеров, Владимир Ильич распорядился сейчас же ее отремонтировать, а также осмотреть и другие башни, не было ли там повреждений. Это было первое распоряжение Владимира Ильича по восстановлению кремлевских памятников старины. За ним последовало личное распоряжение Владимира Ильича о реставрации собора Василия Блаженного, который он также подробно осмотрел»²⁶.

Событием, также получившим отражение в воспоминаниях Бонч-Бруевича, является первое свободное празднование дня международной солидарности рабочих — 1 мая 1918 г. Ленин, как пишет Бонч-Бруевич, выступил в этот день с приветственной речью перед демонстрантами на митинге на Красной площади. Речь эта, как известно, не была записана. Поэтому очень ценны следующие строки из воспоминания Бонч-Бруевича о ней: «Владимир Ильич на этот раз был очень краток, ограничившись лишь одним небольшим приветствием. Он, очевидно, хотел предоставить пальму первенства в этом первомайском выступлении другим товарищам»²⁷.

После демонстрации и митинга В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой и В. Д. Бонч-Бруевичем поехали на Ходынское поле, на военный парад. Бонч-Бруевич называет время («часам к 5-ти») прибытия Ленина на Ходынское поле и описывает ход событий на параде. Военный парад долго не начинался, так как еще не подтянулись некоторые части. Ленин и сопровождающие его лица были в толпе гуляющих и бродили по полю. Владимир Ильич терпеливо дожидался начала парада. Когда парад, который явился первым смотром вновь сколачиваемой армии, начался, то Владимир Ильич радовался этому первому шагу и говорил всем, что над армией надо будет очень и очень работать²⁸.

Если бы отсутствовали мемуары В. Д. Бонч-Бруевича, нам, возможно, совсем не был бы известен факт пребывания В. И. Ленина весной 1918 г. в бывшем имении доктора Н. В. Соловьева Мальце-Бродово (около ст. Тарасовка Богородского уезда Московской губернии). Именно В. Д. Бонч-

²⁴ И. А. Вайман. С товарищем Лениным. — «Курортная газета» (Ялта), 26 марта 1960 г.; он же. С Лениным в Кремле. — «Советская Эстония» (Таллин), 22 апреля 1956 г.

²⁵ Достоверность этого сообщения В. Д. Бонч-Бруевича подтверждается и воспоминаниями Н. К. Крупской, в которых она писала, что в одной из двух комнат в Кавалерском корпусе, где они жили, на столе лежала книга по истории Кремля, которую В. И. Ленин любил листать («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, стр. 530).

²⁶ ИМЛ при ЦК КПСС. ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. Обход Владимиром Ильичем кремлевских исторических зданий и кремлевской стены, лл. 1—3.

²⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций, стр. 400.

²⁸ Там же, стр. 400, 401.

Бруевич вместе с И. И. Скворцовым-Степановым подыскал это место для летнего воскресного отдыха В. И. Ленина.

«Я обратился к Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — которого хорошо и давно знал как московского старожила и который великолепно знал все окрестности Москвы. Я посвятил его в цель исканий, и мы, взявши автомобиль из автобазы Совнаркома, поехали, по его предложению, по Ярославскому шоссе до села Тарасовки, а там в небольшое имение доктора Соловьева, которое называлось Мальце-Бродово и находилось около выселка Комаровки, как раз на реке Клязьме... Новая, современная дачная постройка, возведенная на каменном одноэтажном здании, нам приглянулась, и мы прикинули, как можно будет расположить Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Марию Ильиничну...

В этот же день я сообщил Владимиру Ильичу, что место для поселения на лето для него найдено, что все будет нами приготовлено, через несколько дней можно будет туда переехать»²⁹.

В. Д. Бонч-Бруевич называет и время, когда Ленин приехал первый раз в Мальце-Бродово. «Это лето было очень жаркое, — пишет он, — и Владимир Ильич приехал первый раз между 15 и 20 мая... но не оставался долго; пробыл часа два; Надежды Константиновны не было. Ему очень понравилось здесь; он увидел, что просто и хорошо и стал сюда ездить»³⁰. Так как между 15 и 20 мая 1918 г. воскресенье падало на 19 мая, то на основе этого указания Бонч-Бруевича установлено, что первое посещение Лениным Мальце-Бродово состоялось 19 мая 1918 г.³¹

Описанию поездок В. И. Ленина в Мальце-Бродово посвящен ряд воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича³². Вместе с воспоминаниями М. И. Ульяновой³³, С. К. Гиля³⁴ и Богомолова³⁵ они дают довольно полную картину воскресного отдыха Ленина в Мальце-Бродово.

«Владимир Ильич приезжал обыкновенно, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — накануне выходного дня, т. е. воскресенья, в субботу, часов в 5—6—7. Приезжали обыкновенно с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной, втроем; раза два приезжала Анна Ильинична».

С учетом этого ценного свидетельства Бонч-Бруевича был проведен детальный анализ фактов из деятельности Ленина в последующее время, особенно по субботам, воскресеньям и понедельникам. В результате определены даты и других посещений Лениным Мальце-Бродово. Второй раз Ленин приехал в Мальце-Бродово уже вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. Это было 9 июня 1918 г., в субботу в 10 часов утра. Они провели там весь день, отдыхая вместе с семьями В. Д. Бонч-Бруевича и И. И. Скворцова-Степанова, которые тоже жили в Мальце-Бродово. В понедельник утром Ленин и его спутницы вернулись в Москву.

²⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин и совхоз «Лесные поляны». Воспоминания. М., 1957, стр. 25—27.

³⁰ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. О пребывании Владимира Ильича Ленина в «Лесных полянах» (1918—1919). — Стенограмма воспоминаний 12 марта 1940 г., л. 7.

³¹ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 705.

³² В. Д. Бонч-Бруевич. «Лесные поляны». — «Совхозная газета», 22 января 1938 г.; он же. Ленин и совхоз «Лесные поляны», стр. 5, 35, 45—46; ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. О пребывании Владимира Ильича Ленина в «Лесных полянах» (1918—1919). Стенограмма воспоминаний 12 марта 1940 г., лл. 4, 7, 12; там же. В. Д. Бонч-Бруевич. О пребывании Владимира Ильича в «Лесных полянах», лл. 2, 3.

³³ М. И. Ульянова. На отдыхе. — «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, стр. 179—180.

³⁴ С. К. Гиль. Шесть лет с В. И. Лениным. Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина. М., 1947, стр. 26.

³⁵ А. Серов. Там, где жил Ленин. — «Взаимопомощь», № 2, 31 января 1926, стр. 9.

Третий раз В. И. Ленин отдыхал в Мальце-Бродово 22—24 июня. Этот приезд Ленина отражен в ряде воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Часть из них опубликована³⁶, другая еще нет³⁷. Именно в этот приезд 23 июня в воскресенье на прогулке в лесу состоялась известная беседа Ленина с Бонч-Бруевичем по вопросу о совхозах, колхозах и других коллективных способах ведения хозяйства и о желательности создания совхозов под Москвой, в частности в имении Мальце-Бродово, для снабжения Москвы продуктами. Эта беседа наиболее полно отражена в неопубликованных воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича. Он пишет, что во время обеда у него в присутствии Ленина произошел спор с пришедшим Скворцовым-Степановым по вопросу о роли коллективных хозяйств (артелей, колхозов, коммун и т. п.) и совхозов. Владимир Ильич внимательно слушал.

«Иван Иванович, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — даже разобиделся на меня за все те упреки, которые я сыпал на его голову, и мы расстались с ним, стоя на совершенно очевидных различных точках зрения. Чтобы найти примирительный базис для дальнейшего нашего общения, после этого весьма откровенного и колючего разговора, Владимир Ильич предложил пойти всем нам на прогулку в лес поискать грибов, до которых он был большой охотник.

Так случилось, что в лесу мы сошлись с Владимиром Ильичем на одной из полянок и он, все время нагибаясь то за березовиком, то за подошиновым, то за сыроежкой, — этими первыми летними грибами, появившимися после ряда теплых дождей, — вдруг сказал мне:

— А, Вы ведь, Владимир Дмитриевич, очень хорошо говорили с Иваном Ивановичем и очень правильно освещали земельный вопрос. Конечно, нам нужно думать о совхозах и колхозах и о всех других коллективных способах хозяйства и отнюдь не увлекаться современными частновладельческими иллюзиями крестьян. В них коренится огромная опасность...

Итак, идя все дальше и дальше, то перелеском, то тропинками, то полянками, мы продолжали обмениваться разговором на ту же тему и вдруг, выйдя из перелеска на опушку, озаренную солнцем, Владимир Ильич остановился, выпрямился, тихонько приблизился ко мне и полупшепотом сказал:

— А не взяли бы вы организовать такой совхоз, как вы говорили, не сейчас, так после, когда придет этому время? Но вы подумайте, серьезно подумайте над этим и если придет время и если решитесь, то сейчас же мне скажите. Я очень серьезно вам об этом говорю, но повторяю, не спешите. Не надо думать, что это обязательно должно быть в нынешнем году, это может быть и на будущий год и еще через год, но не упускайте этой мысли. Почитайте побольше по этому вопросу, посообразите, посмотритесь к нашей наркомземовской практике, и было бы очень хорошо организовать такой настоящий большой государственный совхоз, вот здесь, под Москвой. Ведь мне кажется, что Москва, которая теперь так нуждается в молоке и молочных продуктах и во всем том, что должны приносить нам совхозы, должна быть охвачена целым поясом государственных ферм, больших хороших ферм, где будет развиваться молочное хозяйство, куроводство, свиноводство, огородничество и все, что нужно городу. Ведь мы не можем прожить на крестьянских огородах и на крестьянской доставке этих продуктов. С исчезновением предпринимательского хозяйства под городами города будут переживать огромные недо-

³⁶ В. Д. Бонч-Бруевич. «Лесные поляны». — «Совхозная газета», 22 января 1938 г.; он же. Ленин и совхоз «Лесные поляны», стр. 6—7, 28, 43—44.

³⁷ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич и «Лесные поляны», л. 1; там же, В. Д. Бонч-Бруевич. Прогулка Владимира Ильича за грибами под Москвой, лл. 1—5; там же, В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич и совхоз «Лесные поляны», лл. 4—8.

статки в сельскохозяйственных продуктах и никому иному, как правительству, придется за это взяться, придется организовать так называемые сельскохозяйственные фермы, которые и будут питать наши города. Нам нужны хлебные, молочные, мясные, овощные фабрики. В рабочие кварталы чрезвычайно мало попадает молока, и дети в нем очень сильно нуждаются, о чем только что недавно у нас был разговор, помните на заседании в Совнаркоме по докладу Наркомпроса.

И вот с этих пор Владимир Ильич неоднократно напоминал мне о теме этого разговора...»³⁸

В опубликованных воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича исключен материал о содержании спора Бонч-Бруевича со Скворцовым-Степановым, а именно этот спор явился непосредственным поводом к описанной выше беседе Ленина с Бонч-Бруевичем. Содержание этой беседы также опубликовано неполностью. А между тем эта беседа представляет большой интерес. Она показывает, что разговор Ленина с Бонч-Бруевичем не был случайным. У Ленина уже сложилось к тому времени убеждение в необходимости создания целой сети совхозов под Москвой для снабжения города сельскохозяйственными продуктами. Причем Ленин считал, что поспешность в этом деле не нужна. Поэтому он и предложил Бонч-Бруевичу хорошо подготовиться к созданию совхоза, почитать соответствующую литературу, изучить имеющийся опыт в этом деле и т. п.

В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич не мог, конечно, точно воспроизвести все то, что говорил ему В. И. Ленин. Ведь память человеческая несовершенна. Поэтому часто приводимую в воспоминаниях, как В. Д. Бонч-Бруевича, так и других лиц, прямую речь В. И. Ленина нельзя воспринимать как дословно ленинскую речь. Если, например, внимательно вчитаться в процитированный нами выше отрывок из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, то мы видим, что речь, вкладываемая автором воспоминаний в уста В. И. Ленина, несколько осовременена, актуализирована («Москва... должна быть охвачена целым поясом государственных ферм..., которые и будут питать наши города» и т. п.): По содержанию названного отрывка можно даже определить, когда примерно эти воспоминания были написаны, ибо в них отражались те задачи, которые стояли в соответствующий период времени в области обеспечения нашей столицы продуктами питания. Факт такого разговора и его содержание не вызывают, однако, сомнений.

В результате именно этой беседы, после необходимой подготовительной работы совхоз в Мальце-Бродово, причем при деятельном участии В. Д. Бонч-Бруевича, был создан и назван «Лесные поляны».

В. И. Ленину принадлежит огромная заслуга в пресечении попыток внутренней контрреволюции подорвать устои или даже свергнуть Советскую власть. Одной из таких попыток явился мятеж левых эсеров 6 июля 1918 г. Среди мемуарных источников, дополняющих документы, которые раскрывают руководящую роль Ленина в подавлении этого мятежа, ценнейшими являются воспоминания Бонч-Бруевича³⁹. В последних двух из числа названных изданий воспоминания напечатаны по тексту брошюры, а не по первой публикации в журнале «Молодая гвар-

³⁸ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич и совхоз «Лесные поляны», лл. 6—8.

³⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. — «Молодая гвардия», 1926, № 12, стр. 146; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. (По личным воспоминаниям). М., 1927, стр. 15—16; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (6 июля 1918 г.). — «Смена», 19 июля 1928 г.; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 231—256; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, 1965, стр. 277—302.

дия». И это правильно, ибо последнее полное прижизненное издание воспоминаний, в котором выражена последняя воля автора, должно являться первоисточником для переиздания воспоминаний.

Однако в Избранных сочинениях и в сборнике «Воспоминания о Ленине» подготовителями сделаны довольно большие купюры. Со многими из них можно согласиться. Это места воспоминаний, где автор говорит о своей роли в описываемых событиях, о своих переживаниях, о своем отношении к этим событиям, об оценке им действий партии левых эсеров и поступков ее отдельных членов⁴⁰. Правильно также исключено ошибочное утверждение автора воспоминаний, искажающее содержание одной из телефонограмм В. И. Ленина⁴¹.

Некоторые купюры сделаны, однако, как нам кажется, без особой надобности⁴² и подчас значительно снижают ценность воспоминаний как исторического источника. Так, в описании эпизода в германском посольстве, когда решался вопрос о том, ехать или не ехать Ф. Э. Дзержинскому в восставший полк ВЧК, исключено несколько абзацев из диалога В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича о том, может ли Ленин как Председатель Совнаркома настоять на том, чтобы члены правительства Ф. Э. Дзержинский и поддерживающий его Я. М. Свердлов, которые оба являются членами ЦК партии, отказались от решения о необходимости Ф. Э. Дзержинскому поехать в полк⁴³. Этот материал дает возможность понять, почему Ленину не удалось настоять, чтобы Ф. Э. Дзержинский не поехал в полк, поднявший мятеж, где он, как известно, был арестован и мог погибнуть. Не оправдано, на наш взгляд, и исключение из воспоминаний заявления Ленина о том, что большевики не отдадут эсерам власть, сделанное им после того, как он узнал об аресте Ф. Э. Дзержинского⁴⁴.

Исключен абзац⁴⁵ и о мерах, принятых Московским Советом для мобилизации рабочих на подавление левоэсеровского мятежа. В силу этого исчезли из воспоминаний и данные, необходимые для изучения роли московских рабочих в подавлении мятежа. Изменен был и заключительный абзац воспоминаний⁴⁶.

По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича мы восстанавливаем ход событий, происходивших после того, как В. И. Ленин узнал 6 июля об убийстве германского посла графа В. Мирбаха.

В. И. Ленин тут же обратился с телефонограммой («Во все районные комитеты РКП, во все районные Совдепы, всем штабам Красной Армии») о необходимости мобилизации всех сил для поимки преступников. Президиумом Московского Совета она была получена в 4 час. 20 мин. (входящий № 3082). Текст этой телефонограммы был включен в телефонограмму президиума Московского Совета в уезды, которая и была передана на телефонную станцию в 5 час. 30 мин. того же дня. В уезды же по случаю разразившейся грозы передать ее тотчас не представлялось возможным. Она была передана лишь к вечеру 6 июля⁴⁷. Узнав об этом,

⁴⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 20 (1-й абз. св.), 23 (2-й абз. св.), 27 (2-й абз. св.), 30 (1-й абз. св.), 32—33 (со слов «Несмотря на столь...» до слов «...высказал общее убеждение»), 35 (4-й абз. св.), 40 (слова «недожинный работник... своей партией эсеров»), 41 (1-й абз. св.)—42, 49—50 (глава XIV), 55—56 (со слов «Всем сердцем я сознавал...» до слов «...сильным и свирепым врагом»), 64 (1-й абз. св.).

⁴¹ Там же, стр. 28 (1-й абз. св. от слов «В случае...» до слов «...или непоновению»).

⁴² Там же, стр. 59 (1-й абз. св.), 60 (1-й абз. св.)—61 (1-й абз. св.), 62 (2-й абз. св.).

⁴³ Там же, стр. 18 (3-й абз. св.), 19 (1—2-й абз. св.).

⁴⁴ Там же, стр. 27 (3-й абз. св.).

⁴⁵ Там же, стр. 31 (2-й абз. св.).

⁴⁶ Там же, стр. 64.

⁴⁷ Там же, стр. 24—26; ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. [Комментарий к телефонограмме президиума Московского Совета № 16235 в уезды. 6 июля 1918 г.], л. 1.

как вспоминает Бонч-Бруевич, Ленин сказал: «Революцию делать мы научились, — это несомненно, но побороть рутину в наших учреждениях мы никак не можем»⁴⁸.

Единственным мемуарным источником являются воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича и для выяснения обстоятельств поездки В. И. Ленина вместе с Я. М. Свердловым и Ф. Э. Дзержинским 6 июля 1918 г. в германское посольство (Денежный пер., д. 5)⁴⁹.

«Нас пригласили в большую парадную комнату, — писал В. Д. Бонч-Бруевич. — Мы все уселись. Водрузилась торжественная мертвая тишина. Немцев сидело человек пять и нас столько же. Владимир Ильич, сидя, произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося *внутри здания* посольства, где мы не имели возможности оказать помощь германскому представителю. Он высказал глубокое соболезнование по поводу трагической смерти посла и прибавил, что дело будет немедленно расследовано и виновные понесут законную кару.

Мы встали, пожали руки представителям германского посольства и вышли во внутренний двор, чтобы посоветоваться, что делать дальше»⁵⁰.

Из воспоминаний Бонч-Бруевича стало известно также, что Ленин узнал о начавшемся мятеже левых эсеров, находясь в германском посольстве⁵¹. «В это время, — пишет Бонч-Бруевич, — примчался на автомобиле один из товарищей, работавших в ВЧК, и сообщил, что конный полк ВЧК, находившийся под командой левого эсера Попова, восстал и отказался повиноваться распоряжениям Советского правительства...

Тут же были получены сведения по телефону, что все левые эсеры, работавшие в ВЧК, исчезли из помещений и эсер Александрович, член комиссии и заместитель Дзержинского, не только исчез, но и захватил с собой кассу ВЧК, в которой было около полтора десятка тысяч рублей. Было совершенно ясно, что здесь выявляется целый план действий, который должен будет сам собой разворачиваться»⁵².

Очень интересны воспоминания Бонч-Бруевича о том, как Ленин воспринял известие об аресте левыми эсерами Дзержинского, который прямо из германского посольства поехал в войска ВЧК.

«... Он был один (в кабинете, в Кремле. — Р. С.), — пишет о Ленине Бонч-Бруевич, — и когда я вошел, то стоял у окна.

— Дзержинский арестован, — сообщил я ему.

Владимир Ильич, — нельзя сказать побледнел, а побелел. Это бывало с ним тогда, когда охватывал его гнев или нервное потрясение, при весьма опасных неожиданных обстоятельствах.

Он ринулся ко мне. Я в кратких словах рассказал ему все то новое, что накопилось к этому моменту.

— Но власти мы не отдадим!... — почти крикнул Владимир Ильич, подходя ко мне вплотную, и судорожно схватил меня за руку выше кисти, сильно сжимая, гневно и решительно блистая глазами»⁵³.

⁴⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 26.

⁴⁹ Там же, стр. 15—16; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. — «Молодая гвардия», 1926, № 12, стр. 146; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (6 июля 1918 г.). — «Смена», 19 июля 1928 г.; он же. Избр. соч., т. 3, стр. 235—237.

⁵⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 235.

⁵¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (6 июля 1918 г.). — «Смена», 19 июля 1928 г.; он же. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 16—17.

⁵² В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 235—236.

⁵³ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 27.

В связи с убийством Мирбаха 8 июля в газетах «Правда» (экстренный выпуск), «Известия ВЦИК», «Красная газета» (вечерний выпуск) было опубликовано за подписью Совета Народных Комиссаров «Правительственное сообщение № 2» о мерах, принятых Советским правительством для подавления мятежа левых эсеров. Воспоминания Бонч-Бруевича⁵⁴ о том, что это сообщение было написано лично В. И. Лениным, дали основание включить его в список работ, возможно принадлежащих В. И. Ленину⁵⁵.

В. Д. Бонч-Бруевич писал также, что вечером 6 июля В. И. Ленин дал ему указание лично проверить все караулы в Кремле⁵⁶.

На рассвете 7 июля Ленин вместе с другими членами правительства поднимается на Кремлевскую стену, обходит военные посты на стене, дает указание начать артиллерийский обстрел штаба восставших эсеров и наблюдает за обстрелом. Одним из источников, сообщающим об этом факте, наряду с воспоминаниями К. Х. Данишевского⁵⁷ являются также воспоминания Бонч-Бруевича.

«Начало светать, — пишет он, — и бледные тени замаячили над сонной, серой, пыльной⁵⁸ Москвой. Мы все пошли по Кремлю и поднялись на стену. Владимир Ильич пристально вглядывался туда, где, как можно было предполагать, засели эсеры, точно хотел разглядеть и их и наши войска, уже подступавшие к этому району. Вот-вот они должны были начать действовать. Прискакал ординарец с сообщением на имя Владимира Ильича, где говорилось, что эсеры окружены, что сейчас начнется артиллерийский огонь.

— Наконец-то!... — вырвалось у всех облегченно, и невольно мы оглянулись туда, в туманную даль, прислушиваясь к тишине, чуть-чуть нарушаемой какими-то неизвестными шумами.

И вот, наконец, что-то грохнуло и пропало в предрассветной тишине. Небо алело далекой багряной полоской на серо-синем горизонте.

Мы напряженно прислушивались: и больше ни звука.

— Неужели этим дело и кончится?

— Похоже на то... — сказал кто-то.

И мы двинулись со стены. Около крыльца Совнаркома Владимиру Ильичу было вручено донесение, в котором говорилось, что эсеры в беспорядке бегут, что телеграф занят нашими войсками, что мы занимаем дома, где укрепились были эсеры⁵⁹.

Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, а также заместителя наркома по делам национальностей С. С. Пестковского и наркома юстиции П. И. Стучки дают основания сделать вывод, что поздно ночью с 6 на 7 июля Ленин провел неофициальное заседание Совнаркома с собравшимися в Кремле членами правительства. На этом заседании были одобрены все чрезвычайные меры, предпринятые правительством в связи с убийством Мирбаха и мятежом левых эсеров⁶⁰. Протокол этого заседа-

⁵⁴ Там же, стр. 35—38.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 567.

⁵⁶ В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 32; ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. [Выступление по сценарию А. Каплера «Ленин» 4 июля 1938 г.]. — Стенограмма беседы с тт. Бонч-Бруевичем, Фотиевой, Гляссер, Гилем и Мещеряковым по сценарию „Ленин“, 2-я серия, л. 18.

⁵⁷ К. Х. Данишевский и С. С. Каменев. Воспоминания о Ленине. Ленин и гражданская война. Сб. 1. М., 1934, стр. 18.

⁵⁸ В действительности пыли в Москве в ту ночь не могло быть, так как накануне была сильная гроза, о чем уже упоминалось выше. По-видимому, над Москвой была в ту ночь послегрозовая, предрассветная дымка.

⁵⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 244.

⁶⁰ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, С. С. Пестковский. Ленин в период 1917—1920 гг., л. 18; П. И. Стучка. Ленин полагался на латыш-

ния отсутствует. По-видимому, в той обстановке его и не могли вести; других документальных данных об этом заседании тоже нет.

Приведенный отрывок не только повествует нам о подлинном историческом факте, не нашедшем отражения в документальных источниках, он раскрывает все напряжение, весь драматизм описываемого события. В этом мастерстве в передаче духа времени, в большой художественности также состоит исключительная ценность воспоминаний Бонч-Бруевича.

Днем 7 июля Ленин направил телефонограмму Московскому Совету для передачи всем волостным, деревенским и уездным Советам Московской губернии о необходимости принять все меры к поимке и задержанию левых эсеров, разбегавшихся по окрестностям Москвы. В Полном собрании сочинений указывается, что она напечатана по тексту, написанному рукой неизвестного и подписанному Лениным⁶¹. Из воспоминаний же В. Д. Бонч-Бруевича и сопоставления его почерка с почерком, которым написана телеграмма, явствует, что текст этой телеграммы был написан его рукой⁶².

В. Д. Бонч-Бруевич сообщил также, что В. И. Ленин якобы в Мальце-Бродово написал 15 июля 1918 г. правительственное заявление⁶³ по поводу требования германского правительства ввести в Москву батальон солдат для охраны германского посольства⁶⁴.

В действительности в это время Ленин отдыхал в воскресные дни уже не в Мальце-Бродово, а в Кунцеве. Так, воскресный день 14 июля он был в Кунцеве, где и узнал о требовании германского правительства. Об этом говорят документальные источники, на основе которых этот факт и отражен в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина»⁶⁵, приложенных к томам Полного собрания сочинений.

Итак, мы видим, что для изучения государственной деятельности Ленина даже за сравнительно небольшой промежуток времени — с марта по июль 1918 г. — мемуары Бонч-Бруевича как исторический источник представляют большую ценность. Не будь этих воспоминаний, сколько бы событий и фактов из многогранной деятельности В. И. Ленина было бы потеряно как для исследователей, так и для рядовых читателей, интересующихся историей нашей Родины. Несмотря на наличие отдельных ошибок и неточностей, мемуары В. Д. Бонч-Бруевича сохраняют значение ценного исторического источника.

ских стрелков. — «О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии». Рига, 1959, стр. 15; В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 27—28, 29.

⁶¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 115.

⁶² В. Д. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, 1927, стр. 43.

⁶³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 523—526.

⁶⁴ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неоп. восп. о В. И. Ленине, В. Д. Бонч-Бруевич. О пребывании Владимира Ильича в «Лесных полянах» (1918—1919). Стенограмма воспоминаний 12 марта 1940 г., лл. 5—6; там же. В. Д. Бонч-Бруевич. В президиум Института В. И. Ленина. 17 декабря 1925 г., л. 1.

⁶⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 725.

Е. В. Старостин

О ВСТРЕЧАХ В. И. ЛЕНИНА И П. А. КРОПОТКИНА

(К вопросу датировки)

Советским исследователям жизни и деятельности В. И. Ленина по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича¹ известна всего лишь одна встреча В. И. Ленина и П. А. Кропоткина, состоявшаяся по инициативе Владимира Ильича в мае 1919 г.² Между тем новые архивные данные позволяют не только уточнить день этой встречи, но и выдвинуть аргументы, доказывающие, что эта встреча была не первой, а возможно, и не последней. Долгая жизнь в политической эмиграции, общие знакомые, борьба против кровного врага — русского самодержавия должны были неизбежно предоставить возможность для их знакомства.

Когда в 1900 г. Ленин впервые был вынужден эмигрировать за границу, Кропоткин жил и работал в Лондоне. К нему уже пришла слава всемирно известного ученого-революционера, он был одним из постоянных ораторов на рабочих митингах, выступая рядом с Элеонорой Маркс, В. Моррисом, Б. Шоу и другими вождями английских социалистических течений. Но вместе с тем он усиленно продолжал свои научные изыскания, публикуя статьи и книги по экономике и этике, географии и литературе, биологии и анархизму. Его невысокую фигуру, как вспоминает Луиза Мишель, постоянно можно было встретить в читальном зале Британского музея. Круг общих знакомых Ленина и Кропоткина позволяет предположить, что Ленин мог получать информацию о его жизни и деятельности от Горького, Бонч-Бруевича, Литвинова, Чичерина и других товарищей по партии, лично знавших старейшего русского эмигранта и находившихся с ним в переписке³. Кропоткин был в числе немногих эмигрантов, приглашенных на заседание V съезда РСДРП в 1907 г. «Он живо интересовался, — вспоминает К. Е. Ворошилов, — ходом прений, пытливо присматривался к делегатам»⁴ и, можно полагать, был представлен основным ораторам съезда. В один из дней работы съезда он пригласил к себе домой для беседы рабочих делегатов из большевистской фракции.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Памяти П. А. Кропоткина. — В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3. М., 1963, стр. 399—411.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 549.

³ В период работы V съезда РСДРП (до 16 мая) Горький навещал Кропоткина в Брайтоне. Их связывало не только чувство личной симпатии, но и совместный договор о подготовке и издании в России собрания сочинений Кропоткина. Кстати, заметим, что за издание книги Кропоткина «В русских и французских тюрьмах» Петербургский окружной суд вынес определение от 22 апреля (5 мая) 1911 г. о «сыске» Горького («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 1. М., 1958, стр. 633; вып. 2, стр. 195). Переписка Горького и Кропоткина сохранилась в архиве Института мировой литературы им. А. М. Горького и в ЦГАОР СССР (ф. П. А. Кропоткина). Об этом пишут В. Д. Бонч-Бруевич (Указ. соч., стр. 399), акад. И. М. Майский («Путешествие в прошлое». М., 1960, стр. 126—140).

⁴ К. Е. Ворошилов. Рассказы о жизни. Воспоминания, кн. 1. М., 1968, стр. 352.

Как только совершилась Февральская революция, Ленин и Кропоткин вернулись в Россию, но первый, чтобы возглавить пролетариат и довести революцию «до самого победного конца», другой, чтобы уйти в частную жизнь, изредка пытались влиять своим огромным авторитетом на политических деятелей⁵.

Первая встреча Ленина и Кропоткина после Октябрьской революции приходится на осень 1918 г.

17 сентября 1918 г. в «Известиях» появилась небольшая заметка: «Здоровье тов. Ленина настолько улучшилось, что вчера, 16-го сентября, Владимир Ильич впервые принял участие в очередном заседании ЦК РКП». Кропоткин, как увидим ниже, ждал этого сообщения и в этот же день написал Ленину письмо, прося свидания, «чтобы поговорить об очень серьезном вопросе — о „красном терроре“ и заложничестве»⁶. У Кропоткина была еще одна причина, заставлявшая его торопиться: в список заложников № 1, опубликованный 6 сентября в петроградской газете «Северная коммуна», седьмым по счету после великих князей и военного министра Временного правительства А. И. Верховского попал его старый знакомый по эмиграции, товарищ министра Временного правительства П. И. Пальчинский. Именно об этом разговоре Кропоткина с Лениным о «терроре и заложничестве», во время которого Кропоткин попутно ходатайствовал за Пальчинского, рассказал А. Атабекян со слов Кропоткина в своих воспоминаниях⁷. Отсутствие источников позволяет указать лишь крайние даты, между которыми могла бы состояться встреча: 15 октября — день возвращения Ленина после лечения из Горок⁸ и 3 декабря — дата отправления телеграммы Лениным Зиновьеву с просьбой сообщить «немедленно» «данные против Пальчинского»^{8а}. В телеграмме Ленин ссылается на письмо Карла Моора, ходатайствовавшего об освобождении Пальчинского, но вполне возможно, что это письмо К. Моор написал не без участия хорошо его знавшего Кропоткина⁹.

В воспоминаниях о П. А. Кропоткине, опубликованных в наиболее полном виде в «Звезде» за 1930 г. (№ 4, 6), Бонч-Бруевич писал, что «свидание Владимира Ильича с Петром Алексеевичем я почти безошибочно могу отнести на 8—10 мая» (1919 г.— Е. С.)¹⁰. Заместитель директора Музея им. П. А. Кропоткина Ф. О. Потыльников к письму в Президиум Академии наук СССР от 11 июня 1937 г. приложил машинописную копию беседы В. И. Ленина и П. А. Кропоткина, датированную им 9 мая 1919 г., как подтверждение в необходимости издания полного

⁵ Причины, заставившие Кропоткина отказаться от активного участия в революции, он подробно изложил в рукописи, названной С. Г. Кропоткиной «Ответ тем, кто спрашивал, почему П. А. Кропоткин не принял участия в ходе русской революции» (ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 292). Временное правительство не раз предлагало Кропоткину войти в его состав, но он неизменно отказывался от любого официального поста. Отказался он также и от предложенной ему пенсии в 10 тыс. руб. ежегодно (Н. К. Лебедев. Музей П. А. Кропоткина. Л.—М., 1928, стр. 46).

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 105, л. 16.

⁷ «Почин», 1922, № 6-7, стр. 4.

⁸ Встреча не могла состояться до отъезда Ленина в Горки (24—25 сентября), так как в письме от 23 сентября, отправленном из Дмитрова жене Пальчинского, Кропоткин сообщал, что еще не был принят Лениным (ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 128).

^{8а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 214—215.

⁹ Карл Моор — немецкий социал-демократ. Перед первой мировой войной жил в Швейцарии, где оказывал содействие русской политической эмиграции. Осенью 1918 г. находился в Москве.

¹⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Мои воспоминания о П. А. Кропоткине. — «Звезда», 1930, № 4, стр. 189.

собрания сочинений Кропоткина¹¹ в связи с приближающимся 100-летием со дня его рождения. На эти два источника указали составители «Дат жизни и деятельности В. И. Ленина» в Полном собрании сочинений: «9 мая 1919 г. Ленин беседует со старым революционером, теоретиком анархизма П. А. Кропоткиным о роли государства и кооперации в социалистическом строительстве»¹².

То, что описываемая Бонч-Бруевичем встреча состоялась в мае 1919 г., не вызывает сомнения, но день встречи назван неверно. Источники, о которых речь пойдет ниже, уточняют дату встречи и проливают новый свет на обстоятельства, ей предшествовавшие.

5 февраля 1919 г. семьей Кропоткина в Дмитрове посетил работник Наркомата внешней торговли С. Л. Мильнер. Кропоткин писал об этом в своей записной книжке 1919 г.: «Привез провизии и предложение Ленина издать 4 [тома] моих сочин[ений] в кол[ичес]тве 60 000 каждый — отказался по принципу»¹³. 26 апреля Бонч-Бруевич написал Кропоткину письмо, в котором, ссылаясь на сообщение Мильнера о возможном приезде Кропоткина в Москву, передавал ему привет от Владимира Ильича и пожелание встретиться¹⁴. О своем намерении приехать в Москву в начале мая для работы в Румянцевском музее Кропоткин сообщал также в письме от 22 апреля редактору журнала «Почин» А. Атабекину¹⁵. И действительно, в упомянутой записной книжке, оставшейся после смерти Кропоткина у его жены Софьи Григорьевны в Дмитрове и не известной работникам Кропоткинского музея в Москве, он написал: 30 (17) апреля «уехали в Москву», 6 мая (23 апреля) «вернулись из Москвы поздно вечером. Масса народа. 14 вагонов битком». 9 мая, в предполагаемый день встречи с В. И. Лениным, Кропоткин, до последних дней сохранивший привычку путешественника-естествоиспытателя, записал: «+3°NNW₃ Очень холодит. Ясно, потом пасмурно»¹⁶.

Следовательно, встреча никак не могла состояться после 6 мая. Даже наличие в фонде Кропоткина в ЦГАОРе копии беседы, датированной 9 мая 1919 г., не подтверждает утвердившуюся версию. Запись, источником которой послужили воспоминания Бонч-Бруевича, полностью совпадает с уже называвшейся машинописной копией, присланной в АН СССР, она была датирована тем же Потыгинниковым¹⁷.

Бонч-Бруевич, совершенно очевидно, сразу не зафиксировал дату и не записал содержание беседы, он возвратился к ней лишь позднее, вероятнее всего во второй половине 20-х годов, в связи с приближающимся десятилетием со дня кончины Кропоткина. Бонч-Бруевич вспомнил, что разговор Кропоткина с Лениным проходил в 5 час., после присутственных часов в Совнаркоме. По его окончании Владимир Ильич, прощаясь со старым революционером, сказал, что должен идти готовиться к заседанию Совнаркома¹⁸. Но на самом деле вечером этого дня Совнарком не заседал. Таким образом, исключая день отъезда в Москву и день возвращения в Дмитров, остаются пять дней (1—5 мая), в которые могла бы состояться встреча. Сразу выпадает из этих дней 1 Мая.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 394, оп. 1—1937, ед. хр. 21, лл. 146—148.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 549.

¹³ Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. П. А. Кропоткина. Записная книжка 1919 г., 5 февраля (Архив не обработан). На следующий день Кропоткин отправил С. Л. Мильнеру письмо с объяснением мотивов отказа (ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 116).

¹⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Мои воспоминания о П. А. Кропоткине. — «Звезда», 1930, № 4, стр. 189.

¹⁵ «Почин», 1921, № 1, стр. 2.

¹⁶ Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. П. А. Кропоткина. Записная книжка 1919 г., апрель-май.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1.

¹⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3, стр. 406.

В праздник солидарности трудящихся всего мира Владимир Ильич присутствовал на первомайской демонстрации и параде на Красной площади и трижды выступал с речами: два раза — о международном празднике трудящихся и третий раз — на открытии памятника крестьянскому вождю Степану Разину¹⁹. Из оставшихся четырех дней только 3 мая, в субботу, заседал Совет Народных Комиссаров, перед которым, теперь мы с полной уверенностью можем сказать, в 5 час. вечера на квартире В. Д. Бонч-Бруевича в Кремле В. И. Ленин имел беседу с П. А. Кропоткиным.

В. А. Твардовская, автор предисловия к недавно опубликованным «Запискам революционера»²⁰, назвав 1920 г. датой встречи Ленина и Кропоткина, вероятно, использовала письмо Кропоткина Ленину от 14 августа 1920 г., черновик которого сохранился в фонде Кропоткина в ЦГАОР. Это письмо в несколько строчек, видимо миновавшее Бонч-Бруевича, так как он его не приводит в своих мемуарах, мы процитируем целиком:

«Многоуважаемый Владимир Ильич.

Мне очень нужно повидать Вас, — по делу, которое теперь идет перед судом, о тактическом центре и переговорить об этом деле.

Больше четверти часа не отниму у Вас — знаю, до чего должно быть занято Ваше время.

Будьте так добры, известите, когда я могу быть у Вас. Я нездоров все время и специально по этому делу приехал в Москву и должен вернуться — чем скорее, тем лучше — в свою берлогу.

14 августа 1920 г.

П. Кропоткин»²¹

Так за кого же из привлеченных по делу о контрреволюционной организации «Тактический центр» ходатайствовал П. А. Кропоткин, не одобрявший чрезвычайных мер, принятых молодой Советской властью по борьбе с внутренней контрреволюцией? Из представших перед судом восьми лиц Кропоткин был знаком с С. П. Мельгуновым по работе с ним осенью и зимой в Лиге федерации. И на самом деле «Мельгунов, — так он писал в третьем лице о себе, — был приговорен к смертной казни, которая была заменена ему 10-ю годами тюремного заключения. После годового пребывания в тюрьме ... он был освобожден по ходатайству Академии наук и Кропоткина»²². Однако мы не берем на себя смелость утверждать, что эта встреча состоялась и прежде всего потому, что, как свидетельствует П. Е. Мельгунова, Кропоткин, будучи уже тяжело больным, подписал прошение, составленное сотрудниками издательства «Задруга», с просьбой об освобождении Мельгунова²³. Возможно, что оно, а не предполагаемый разговор, сыграло свою роль в освобождении Мельгунова.

В свете разобранных выше встреч Ленина и Кропоткина вкратце остановимся на отношении Ленина и его соратников к Кропоткину, так как здесь на редкость рельефно проявилась такая черта характера Владимира Ильича, как отзывчивость, чуткое отношение «ко всем нуждам и страданиям своих товарищей и отдельных граждан», по словам Н. А. Семашко, а также и потому, что уже в те годы буржуазная печать подняла шумиху о крайне бедственном положении семьи Кропоткина и

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 545.

²⁰ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, стр. 31.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 105, лл. 3, 4.

²² С. П. Мельгунов. Воспоминания и дневники, вып. 2, ч. 3. Париж, 1964, стр. 85.

²³ Там же, стр. 73.

о якобы имевшем место отказе ему и его дочери выехать за границу, что впоследствии повторялось и в литературе²⁴.

Как только Кропоткин получил первые сведения о раздувании этих слухов, он немедленно направил опровержение. «Всюду имеется столько врагов революции, — писал он 20 декабря 1920 г., — которые были бы рады воспользоваться любым предлогом, как аргументом против большевистского правительства, с которым нельзя согласиться по многим вопросам, но которому тем не менее принадлежит честь заявить и частично применить на практике принципы социализма»²⁵.

Советское правительство делало все возможное, чтобы обеспечить покой старому революционеру. 26 октября 1918 г. Дмитровский уездный исполком на основании предписания Управления делами Совета Народных Комиссаров от 26 октября 1918 г. № 13055/13056 «предлагает всем отделам Совдепа не вмешиваться в жизнь проживающего в городе Дмитрове по Советской улице в доме бывшего Олсуфьева гражданина Петра Алексеевича Кропоткина»²⁶. К этому же времени относится охранная грамота, данная П. А. Кропоткину: «Занимаемый старым революционером Петром Алексеевичем Кропоткиным дом по Советской улице (бывшей Дворянской) не подлежит никаким реквизициям, ни уплотнениям и как имущество его, так и покой старого заслуженного революционера должны пользоваться исключительным покровительством Советских властей»²⁷.

Письмо А. В. Луначарского к С. Г. Кропоткиной, впервые публикуемое в этой статье,шний раз свидетельствует о большой заботе о Кропоткине со стороны советских властей:

«Софья Григорьевна.

С большим огорчением узнал я, что будто бы супруг Ваш, высокоуважаемый нами тов. Кропоткин, находится в стесненном положении.

Народный комиссариат по просвещению готов в самом срочном порядке пойти навстречу Вам в деле улучшения положения семьи уважаемого Петра Алексеевича. Если с Вашей стороны не встретится препятствий к установлению для него академического пайка, предоставлению ему возможности приобрести платье, обувь и т. п., а также получить необходимое количество дров, то я сейчас приму меры к удовлетворению его нужд в этом отношении.

Никакого ходатайства ни с Вашей стороны, ни с его стороны не нужно, а простая гарантия, что странные толки о том, что будто бы такая помощь была бы Вам неприятна, лишены основания.

Нарком по просвещению

А. Луначарский»²⁸.

8 февраля 1921 г. П. А. Кропоткин умер. В числе многих венков были от РКП(б) с надписью: «Одному из наиболее преследуемых паризмом и международной буржуазной контрреволюцией» и от Совета Народных Комиссаров РСФСР: «Ветерану борьбы против паризма и буржуазии П. А. Кропоткину».

²⁴ Поводом к этой шумихе послужило опубликованное в немецком журнале «Der Syndikalist» за 1920, № 38 воззвание о помощи Кропоткину; см. также: F. Planche et J. Delphy. Kropotkine. Descendant des Grandes Princes de Smolensk, page de l'empereur, savant illustre, révolutionnaire international, vulgarisateur de la pensée anarchiste. Paris, 1948, p. 162.

²⁵ ГБЛ, Рукоп. отд., ф. 410, кар. 3, ед. хр. 19, л. 6.

²⁶ Там же, кар. 5, ед. хр. 10.

²⁷ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. неопубликованных воспоминаний о В. И. Ленине. В. Д. Бонч-Бруевич. Записка В. И. Ленину об охранной грамоте Кропоткину (1918).

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 263. Письмо не датировано.

Р. В. Костина

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ 1918—1920 гг.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВНАРХОЗА

Московский городской совнархоз являлся одним из наиболее крупных местных органов хозяйственного управления молодого Советского государства. Придя на смену Московскому районному экономическому комитету и Московскому областному Совету Народного Хозяйства, возглавлявшим московскую промышленность до его образования, он просуществовал с декабря 1918 г. по июнь 1920 г., возглавлял промышленность столицы в самое тяжелое время гражданской войны.

Московский городской совнархоз являлся единственным в стране совнархозом, руководившим хозяйством в пределах одного города, что придает своеобразие опыту его хозяйственной деятельности и привлекает к нему особый интерес. Подробное изучение деятельности Московского совнархоза, действовавшего в период поисков форм и методов руководства хозяйством, проводившихся Коммунистической партией и Советским правительством, возглавляемых В. И. Лениным, дает возможность установить, как практика руководства хозяйством влияла на формирование советской системы экономического управления. Последнее делает эту тему особенно актуальной в наши дни. Хотя по истории совнархозов существует уже значительное количество работ, деятельность МГорСНХ до сих пор почти не привлекала внимания исследователей. Исключение составляет диссертация С. А. Бибаевой, посвященная организации московской промышленности в 1917—1925 гг.¹, где освещаются вопросы образования Московского совнархоза, его функции, структура (на примере нескольких отделов МГорСНХ), отражены некоторые итоги деятельности совнархоза. В диссертации довольно широко использованы опубликованные и неопубликованные источники по затронутым вопросам, однако в связи с тем, что автор не ставил целью своей работы специальное изучение деятельности Мосгорсовнархоза, источники не обследованы им во всей совокупности.

В сентябре 1918 г. В. И. Ленин в статье «О характере наших газет» писал: «Побольше экономики... экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они?»² Выполняя указания В. И. Ленина, советская печать 1918—1920 гг. активно освещала на своих страницах вопросы развития хозяйства и налаживания руководства им.

Деятельность Московского совнархоза нашла отражение в газетах: «Экономическая жизнь» (Орган ВСНХ, Народного Комиссариата финан-

¹ С. А. Бибаева. Организация московской промышленности в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.). Рукоп. канд. дисс. М., 1967.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 90.

сов, продовольствия, торговли и промышленности), «Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (далее — «Вечерние известия М. С. Р. и К. Д.»)³, «Коммунистический труд» (орган Московского комитета РКП и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов)⁴. Названные газеты, издававшиеся организациями (ВСНХ, Моссовет), в подчинении которых находился Московский совнархоз, давали подробную информацию о его деятельности. Кроме них работа Мосгорсовнархоза освещалась газетой «Известия ВЦИК и М. С. Р. и К. Д.» (далее — «Известия ВЦИК»). Некоторые материалы о деятельности МГорСНХ публиковались «Правдой», органом не только центрального, но и Московского и Московского окружного, позднее губернского комитетов РКП (б).

Фонд Мосгорсовнархоза (№ 1036), хранящийся в ГАМО, сформирован из документов, откладывавшихся в Управлении делами МГорСНХ. Он достаточно полно отражает вопросы создания совнархоза, его структурных изменений, руководства отделами со стороны президиума совнархоза и т. д. Однако в фонде отсутствуют такие материалы, как, например, отчеты отделов о их деятельности (в протоколах президиума о них большей частью содержатся лишь упоминания), не сохранились, за исключением одной, стенограммы пленумов МГорСНХ, где решались принципиальные вопросы организации управления хозяйством Москвы. Многие из этих материалов, опубликованные в газетах, очень важны для разработки истории МГорСНХ и требуют источниковедческого анализа. В данной статье ставится задача проанализировать материалы по истории Московского горсовнархоза, опубликованные в газетах. Необходимо сразу оговориться, что сопоставление газетных данных с архивными материалами самого учреждения во всех случаях, когда это было возможно, не обнаружило в публикациях недостоверных сведений, поэтому вопросы достоверности в статье специально не рассматриваются.

Большое внимание деятельности Мосгорсовнархоза уделяла газета «Экономическая жизнь». Она освещала различные стороны деятельности МГорСНХ. Наиболее важные ее публикации — отчеты о работе пленумов Мосгорсовнархоза. Первое пленарное заседание Московского горсовнархоза состоялось 7 декабря 1918 г. Отчет о нем опубликован в «Известиях ВЦИК»⁵. «Экономическая жизнь» напечатала отчеты о пленумах Мосгорсовнархоза 12 января 1919 г., 26 января 1919 г., 2 марта 1919 г., 4 мая 1919 г. По протоколам заседаний президиума МГорСНХ, хранящимся в ГАМО, выясняется, что, кроме названных выше пленумов, на первую половину апреля 1919 г. намечался созыв общегородской хозяйственной конференции, организованной МГорСНХ, совместно с представителями профсоюзов и фабрично-заводских комитетов⁶. Срок созыва этой конференции несколько раз откладывался, был перенесен на начало июня 1920 г., но конференция так и не состоялась. Возможно, что не был созван также пленум, назначенный на вторую половину октября 1919 г.⁷, сведений о котором нет в источниках.

Отчеты, печатавшиеся «Экономической жизнью», отражали основные вопросы, разбиравшиеся на пленумах. Со стенограммой сравнить можно лишь один отчет, но представление о том, насколько полную информацию давала газета, все-таки получить можно. Отчет о пленуме 12 января 1919 г.⁸ был напечатан не только «Экономической жизнью»,

³ Газета выходила с 1918 г. один раз в неделю (№ 1—60), с № 61 по март 1920 г. ежедневно, с марта 1920 г. издание прервано.

⁴ Газета издавалась с 13 марта 1920 г. по 5 февраля 1922 г. ежедневно.

⁵ «Известия ВЦИК и М.С.Р. и К.Д.», 8 декабря 1918 г.

⁶ ГАМО, ф. 1036, оп. 1, д. 88, л. 35 об.

⁷ Там же, л. 94.

⁸ «Экономическая жизнь», 14 января 1919 г.

но и «Вечерними известиями М. С. Р. и К. Д.»⁹. Отчет в «Экономической жизни» отличается краткостью, он стремится передать лишь главное. Однако эта краткость иногда приводит к искажению смысла того, о чем говорилось на пленуме. Так, сообщая о докладе председателя МГорСНХ П. Г. Смидовича, газета пишет: «Он подробно остановился на плане организации работ Совнархоза...» Фраза может быть истолкована как сообщение о том, что на пленуме разбирался план производственной деятельности совнархоза. Однако по отчету в «Вечерних известиях» видно, что в докладе П. Г. Смидовича речь шла в основном о борьбе с местническими тенденциями в деятельности местных совнархозов как одном из главных направлений хозяйственной политики. Отчет в «Вечерних известиях» показывает, что по этому вопросу руководство МГорСНХ занимало ленинскую позицию.

Касаясь второго вопроса повестки дня пленума, «Экономическая жизнь» писала: «По вопросу об организации РЭО¹⁰ было представлено несколько проектов. Собрание постановило передать их в согласительную комиссию, обязав ее в недельный срок представить проект на утверждение пленума городского совнархоза»¹¹. «Вечерние известия М.С.Р. и К.Д.» в тексте сообщения о докладе П. Г. Смидовича указывают его позицию по вопросу о создании районных экономических органов: «В районах экономические отделы должны быть заменены районными контрольными комиссиями, проект устава которых т. Смидович и предлагает утвердить». А в итоговой части отчета газета сообщает: «Вопрос о форме районных организаций также не удалось сообщить, так как было предложено три проекта: упомянутый выше — о контрольных комиссиях и другие — об экономических отделах. Для согласования их набрана особая комиссия...» (дается состав комиссии)¹². Текст «Вечерних известий М.С.Р. и К. Д.» показывает, что президиум МГорСНХ, от имени которого выступал Смидович, считал необходимым создать в районах контрольные комиссии, тогда как его оппоненты — экономические отделы.

Еще более ярко неполнота опубликованных «Экономической жизнью» отчетов выявляется при сопоставлении отчета о пленуме 2 марта 1919 г. со стенограммой того же пленума, хранящейся в фонде Мосгорсовнархоза¹³.

В газете не излагается подробно содержание доклада П. Г. Смидовича, который, как показывает стенограмма, характеризует работу отделов Совнархоза, ставит вопрос о необходимости создания ряда новых отделов, указывает количество предприятий, находящихся в ведении Мосгорсовнархоза, отмечает трудности в распределении продукции, изготовленной предприятиями совнархоза. Нет имеющихся в стенограмме сведений, характеризующих отношения совнархоза с профсоюзами. При изложении доклада заведующего отделом металла МГорСНХ газета целиком выпускает ту часть, где подробно разбирается структура отдела и деятельность каждого из его подразделений, показаны методы руководства производственными предприятиями — данные, представляющие большую ценность для изучения истории МГорСНХ. Опущены газетой и те места в дискуссии об объединении городского и губернского совнархозов, где выясняется отношение отделов Мосгорсовнархоза к этой проблеме и аргументируются выступления противников объединения.

Отчеты о пленумах 26 января и 4 мая 1919 г., к сожалению, не имеют синхронных публикаций и стенограмм. Но и приведенные сопоставле-

⁹ «Вечерние известия М.С.Р. и К. Д.», 13 января 1919 г.

¹⁰ Районные экономические отделы.

¹¹ «Экономическая жизнь», 14 января 1919 г.

¹² «Вечерние известия М. С. Р. и К. Д.», 13 января 1919 г.

¹³ ГАМО, ф. 1036, оп. 1, д. 87, лл. 1—59.

ния позволяют сделать вывод о том, что отчеты о пленумах МГорСНХ, опубликованные в газете «Экономическая жизнь», хотя и являются ценным источником по истории Мосгорсовнархоза, однако страдают неполнотой сведений, ведущей иногда к искажению событий.

Помимо материалов, отражающих работу пленумов МГорСНХ, «Экономическая жизнь» давала информацию о структуре совнархоза, печатая сообщения о создании ряда его отделов. Характер сведений по разным отделам различен. Информация о создании швейного отдела, помещенная в газете от 5 июня 1919 г., сообщает о структуре отдела и задачах его деятельности. Во всех остальных случаях газета пишет только о задачах и функциях отделов.

В номерах газет за 1919 г. имеются сообщения о создании полиграфического отдела¹⁴, отдела промышленного строительства¹⁵, бюро районов топливного отдела¹⁶, ремесленно-кустарного отдела¹⁷. Иногда помещались сообщения о создании более мелких структурных единиц. В апреле опубликовано положение о распределительной комиссии при полиграфическом отделе МГорСНХ¹⁸. Но и здесь данные газеты не являются исчерпывающими. Так, протоколы президиума МГорСНХ показывают, что вопрос о создании отдела промышленного строительства обсуждался в президиуме несколько раз. 1 января 1919 г. было принято решение о создании Московского комитета государственных сооружений, состоящего из двух отделений — производства строительных работ и снабжения¹⁹. 3 марта 1919 г. президиум предложил Московскому совету передать в ведение совнархоза строительный отдел, превратив его в отдел совнархоза с подотделами промышленного и гражданского строительства²⁰.

10 апреля 1919 г. президиум МГорСНХ принял временное положение об отделе промышленного строительства²¹, с которым в основном совпадает положение, опубликованное в «Экономической жизни» 8 июня 1919 г. Наконец, 14 апреля 1920 г. было принято решение о передаче Горпромстроя в Отдел сооружений Московского Совета²².

Таким образом, в газете отражен только один из моментов работы президиума МГорСНХ по созданию отдела промышленного строительства, хотя эта публикация и очень важна, т. к. протоколы президиума не зафиксировали окончательного положения об отделе промышленного строительства²³.

В целом, если учесть, что Московский горсовнархоз имел в своем составе около двух десятков отделов и уделял большое внимание вопросам организации отделов, их функциям и структуре, следует отметить, что «Экономическая жизнь» слабо отражает эту сторону деятельности МГорСНХ.

Значительно более полной является информация газеты об итогах деятельности Московского совнархоза, его отделов, по практическому руководству хозяйством Москвы. На страницах газеты нашла отражение деятельность отдела топлива, отдела деревообрабатывающей промышленности, металлоотдела, отдела пищевых и вкусовых веществ,

¹⁴ «Экономическая жизнь», 1 марта 1919 г.

¹⁵ Там же, 8 июня 1919 г.

¹⁶ Там же, 14 сентября 1919 г.

¹⁷ Там же, 21 января 1919 г.

¹⁸ Там же, 4 апреля 1919 г.

¹⁹ ГАМО, ф. 1036, оп. 1, д. 88, л. 95.

²⁰ Там же, л. 27 об.

²¹ Там же, л. 44 об.

²² Там же, л. 146.

²³ О том, что отдел существовал, свидетельствуют решения президиума об увеличении штатов этого отдела 12 ноября 1919 г., отчет о его деятельности 4 февраля 1920 г. (ГАМО, ф. 1036, оп. 1, д. 88, лл. 105, 124).

ремесленно-кустарного отдела, отдела швейной промышленности. Сообщается и о работе некоторых секций химического отдела: мыловаренной секции и подотдела минеральных веществ. Ценными являются сведения, которые даются с перерывом во времени, сопоставимы и отражают развитие определенной области муниципального хозяйства Москвы и результаты деятельности отдела. Так, информация об отделе швейной промышленности помещена в газете дважды: 5 июня 1919 г. и 5 февраля 1920 г. В обеих заметках о работе отдела имеются сведения о количестве промышленных предприятий и складов, находящихся в ведении отдела, количестве занятых рабочих. Правда, в газете за 5 июня эти сведения даются по каждому подотделу, а в газете за 5 февраля 1920 г. они суммированы для всего отдела. «Экономическая жизнь» за 5 июня 1919 г. указывает в подотделе производства платья и белья 5 фабрик и 2 раздаточных склада для производства верхнего платья; 4 фабрики, 4 мастерских и 1 склад, характер которого не обозначен, для производства нижнего белья; 4 фабрики подотдела мехового производства. В сумме, следовательно, на весь отдел приходится 13 фабрик, 4 мастерских и 3 склада. Не указывается количество промышленных предприятий, находящихся в ведении подотдела головных уборов, военного обмундирования, трикотажных изделий.

О количестве рабочих на предприятиях отдела можно судить по следующим сведениям: производством нижнего белья было занято 950 рабочих, верхнего платья — 1400 рабочих, в меховом производстве работало 300 рабочих. Всего, следовательно, 2650 человек.

«Экономическая жизнь» от 5 февраля 1920 г. указывает, что в ведении отдела находится 20 крупных предприятий, вырабатывающих платье военное и гражданское, белье, трикотажные изделия и головные уборы. Следовательно, в число 20 включены крупные предприятия всех подотделов. Помимо производственных предприятий отдел швейной промышленности имел к февралю 1920 г. 3 отделения, 13 раздаточных, 5 заводных складов, 1 склад-мастерскую по починке швейных машин. Общее число рабочих, служащих и кустарей, работавших под руководством отдела, составляло в это время свыше 10 тыс. человек, из которых 6 тыс. являлись кустарями.

О кустарном производстве и числе занятых в нем людей газета от 5 июня 1919 г. не пишет. В конце отчета сообщается только о том, что отдел швейной промышленности объединяется с мануфактурно-кустарным отделением Горпродукта, что и объясняет отсутствие сведений о кустарях в этом отчете и наличие их в более позднем отчете 5 февраля 1920 г., когда к Горсовнархозу перешло это отделение Горпродукта.

Итоги деятельности отдела деревообрабатывающей промышленности показаны в газетах от 3 июля 1919 г. и 14 мая 1920 г. Здесь сопоставляются сведения о количестве обследованных предприятий: на 1 мая 1919 г. обследовано 69 предприятий и «ящично-кустарных промыслов» — 58 с числом рабочих 137 человек. На 1 апреля 1920 г. обследовано 70 фабрик и заводов, 90 кустарных мастерских. Сведения о количестве работающих на отдел предприятий сопоставить труднее, так как газета от 3 июля 1919 г. сообщает, что из 69 обследованных отделом предприятий работает 48 с числом рабочих 1520, не указывая, в чьей собственности находятся обследованные предприятия. Здесь же отмечается, что муниципализировано на 1 мая 1919 г. 18 предприятий с 1390 рабочими. Газета же за 14 мая 1920 г. указывает точно количество работающих муниципализированных предприятий — 19 с 900 рабочих — и количество выполняющих заказы МГорСНХ ремесленно-кустарных мастерских — 70 со 135 рабочими.

Несопоставимы сведения, которые дает газета о продукции, изготовленной предприятиями отдела деревообрабатывающей промышленности

МГорСНХ. 3 июня 1919 г. сообщается, на какую сумму (в рублях) принято и исполнено заказов (без указания времени, ушедшего на выполнение этих заказов), а 14 мая 1920 г. перечисляется конкретно, сколько и каких предметов изготовлено за второе полугодие 1919 г. на фабриках и в кустарных мастерских отдела.

В газете за 14 мая 1920 г. указываются и итоги заготовительной деятельности отдела — 1300 вагонов лесных материалов за 8 месяцев истекшего года, «тогда как за первую треть года», по сообщению газеты от 3 июля 1919 г., на склады отдела поступило 25 вагонов лесных материалов. Эти сведения сопоставить невозможно.

Наиболее подробное освещение на страницах газеты «Экономическая жизнь» получила деятельность отдела топлива МГорСНХ, что объясняется остротой топливного кризиса в изучаемое время, необходимостью мобилизовать все силы трудящихся столицы на решение топливной проблемы.

Газета имела специальный отдел «Топливо», в котором периодически печатались сообщения о состоянии топливного снабжения Москвы, о мерах, предпринимаемых отделом топлива МГорСНХ для ликвидации топливного кризиса, о практических результатах, которые были получены в ходе осуществления этих мер.

Характер помещаемой газетой информации различен. Это — интервью, вятые сотрудниками «Экономической жизни» у руководителей отдела топлива²⁴, информация о решениях отдела топлива²⁵, заметки, написанные по статистическим материалам отдела²⁶. Кроме того, в газете помещались отчеты заведующих отделом топлива на заседаниях исполкома Московского Совета.

Первые две группы материалов дают оценку положения с топливом в Москве, характеризуют деятельность тех или иных организаций, обеспечивающих столицу дровами, оценивают результаты принятых отделом мер и намечают новые мероприятия по ликвидации топливного кризиса. Но здесь нет конкретных цифровых данных о ходе заготовки дров. Они содержатся в заметках, написанных на основе статистических материалов отдела топлива и в отчетах заведующего отделом на заседаниях исполкома. Цифровой материал некоторых из этих информаций сопоставим и дает возможность проследить, как преодолевался топливный кризис в Москве.

В отчете заведующего отделом топлива от 12 декабря 1919 г. (газета за 14 декабря 1919 г.) даны основные показатели деятельности отдела. Здесь приводятся сведения о количестве дров, заготовленных различными организациями в 8- и 30-верстной полосе вокруг Москвы. Подсчитаны крестьянские подводы, мобилизованные для перевозки топлива, указана длина уложенных путей узкоколейной железной дороги, строившейся для переброски дров в Москву. Сведения этого отчета можно сравнить с материалами, опубликованными газетой 2 августа 1919 г. и 6 февраля 1920 г. Но данные в газете от 2 августа 1919 г. нуждаются в предварительной обработке. Приведенное здесь количество дров, заготовленных на 1 апреля 1919 г., дается не в абсолютной величине, а в процентах по отношению к запланированному количеству (7% от 223 256 куб. сажен).

Количество вывезенных дров, по сведениям газеты, составляет 36% всего общего запаса. Подсчеты показывают, что 36% от общего запаса, при условии, что остаток, т. е. 64%, составляет 68 170 куб. сажен, дают 38 345,4 куб. сажен, тогда как газета называет цифру 38 993 куб. сажен («... часть приведенных выше 38 993 куб. саж. дров, вывезенных

²⁴ «Экономическая жизнь», 12 февраля 1919 г.; 1 июня 1919 г.

²⁵ «Экономическая жизнь», 14 сентября 1919 г.; 19 сентября 1919 г.

²⁶ Там же, 2 августа 1919 г.; 6 февраля 1920 г.

на 1 июля, к станциям отправления уже доставлена...»). Возможно, что в тексте статьи какие-то цифры даны округленно, так как различие между вычисленным нами и данным в газете результатом незначительно.

Цифровой материал, приведенный «Экономической жизнью» в номерах от 14 декабря 1919 г. и 6 февраля 1920 г., выражен в абсолютных цифрах. Оба номера газеты дают сведения по одинаковым показателям. В газете от 14 декабря количество дров, заготовленных в 30-верстной полосе, указывается по частям: заготовлено отделами топлива районных Советов, общественными и ведомственными организациями, лесными дружинами Москватоба.

Газета от 6 февраля 1920 г. приводит ряд новых, по сравнению с газетой 14 декабря 1919 г., показателей. Указывается количество дров, заготовленных и вывезенных из дальних губерний, причем отмечается отдельно, сколько дров заготовлено там лесными конторами отдела топлива и сколько общественными и ведомственными организациями. Показано количество дров, вывезенных по узкоколейным дорогам гужевым транспортом, даны сведения о количестве вагонов дров, поступивших в Москву в последнюю неделю января 1919 г.

Значительное количество сведений о работе Мосгорсовнархоза содержат материалы, опубликованные в газете «Вечерние известия М.С.Р. и К. Д.» Здесь напечатан уже упоминавшийся выше отчет о совместном заседании исполкома Московского Совета и пленума Московского горсовнархоза 12 января 1919 г.²⁷, дающий более полную информацию о заседании, чем отчет в газете «Экономическая жизнь». Сведения о других пленарных заседаниях МГорСНХ в «Вечерних известиях М.С.Р. и К. Д.» нами не обнаружены, кроме краткой заметки в номере от 14 марта 1919 г., сообщающей о том, что на «последнем пленарном заседании»²⁸ МГорСНХ «вынесено постановление о бесспорных выгодах от объединения МГорСНХ и МГубСНХ и президиуму Мосгорсовнархоза поручено выработать план хозяйственного объединения города Москвы с губернией. Заметка эта освещает решение пленума только по одному из вопросов его повестки дня.

В «Вечерних известиях М.С.Р. и К.Д.» печатались также некоторые постановления президиума Московского городского совета народного хозяйства²⁹. Опубликовано сообщение об итогах межрайонного совещания представителей районных экономических отделов г. Москвы совместно с представителями производственных отделов и бюро районов горсовнархоза. О совещании сообщается в двух номерах газеты: от 15 ноября 1919 г. под рубрикой «Деятельность районных советов» и от 27 ноября 1919 г., где его решение передается как постановление президиума Мосгорсовнархоза. На совещании был решен вопрос о реорганизации районных экономических отделов.

Вопросам структуры и функций МГорСНХ и его отделов посвящены материалы газеты от 2 июля 1919 г., где опубликовано положение об отделе организации производств³⁰, и от 16 октября 1919 г., где сообщается о ликвидации статистического бюро Мосгорсовнархоза. На страницах «Вечерних известий М.С.Р. и К.Д.» работа отделов Московского совнархоза, как правило, не находила отражения. Исключение составляет заметка о деятельности химического отдела совнархоза, напечатан-

²⁷ «Вечерние известия М.С.Р. и К. Д.», 13 января 1919 г.

²⁸ Речь идет о пленуме МГорСНХ, происходившем 2 марта 1919 г.

²⁹ Постановление президиума МГорСНХ «О лесных складах г. Москвы». — «Вечерние известия М.С.Р. и К.Д.», 18 января 1919 г.

³⁰ «Вечерние известия М.С.Р. и К.Д.», 2 июля 1919 г.

ная 4 марта 1919 г.³¹ О деятельности других отделов эта газета дает возможность судить лишь по некоторым постановлениям Мосгорсовнархоза и Моссовета и по объявлениям, которые давались здесь отделами МГорСНХ³².

Особую ценность представляет в рассматриваемой газете информация о работе районных отделов топлива и районных экономических отделов г. Москвы, являвшихся органами МГорСНХ на местах и непосредственно осуществлявших мероприятия горсовнархоза в районах.

Сообщения о деятельности районных отделов топлива помещались в разделах газеты под рубрикой «Москва», «Деятельность районных советов», «Борьба с холодом». На страницах газеты нашла отражение деятельность всех одиннадцати районных отделов топлива. О ряде районов сообщения давались периодически на протяжении всего 1919 г. Так, сведения о работе отдела топлива Бутырского района имеются в номерах газеты за 15 марта, 12 сентября, 19, 24 ноября, 11 декабря; Городского района — за 25 августа, 15, 19, 24, 29 ноября; Сущевско-Марьинского района — за 14 февраля, 31 июля, 13 сентября, 24 ноября, 20, 22 декабря; Замоскворецкого района — за 26 ноября, 5, 24 декабря; Рогожско-Симоновского района — за 9 октября, 21 ноября, 11 декабря; Сокольнического — за 13 августа, 1, 24 ноября; Басманного — за 3, 4, 19 декабря. Реже публиковались материалы об Алексеевско-Ростокинском (13 августа), Благущее-Лефортовском (1 ноября, 24 ноября), Хамовническом (18 ноября, 19 декабря), Пресненском (26 августа) отделах. Для этой группы характерна случайность, отрывочность сведений.

Публикации, посвященные работе районных отделов топлива, позволяют установить систему мероприятий, с помощью которых в районах осуществлялась топливозаготовительная кампания. Так, в газетах за летне-осенние месяцы сообщается о предоставлении районным отделам топлива лесных участков для вырубki в 8- и 30-верстной полосе вокруг Москвы, о заключении договоров с поставщиками, об организации рабочих дружин по заготовке дров, о снабжении их инструментами и продовольствием, постройке жилых помещений для заготовителей. В октябре—декабре публикуются сведения о количестве заготовленных и подвезенных к Москве дров. В ноябре—декабре газета пишет о распределении дров между различными группами населения. Подчеркиваются преимущества, которыми пользовались семьи красноармейцев, получающих дрова в первую очередь, семьи с малолетними детьми и больными, медицинский персонал, работающий по ликвидации эпидемических заболеваний и т. д. Сведения об итогах заготовительной кампании имеются лишь по пяти районам: Рогожско-Симоновскому (9 октября, 21 ноября), Сущевско-Марьинскому (20, 22 декабря), Городскому (15 ноября), Замоскворецкому (5, 24 декабря), Басманному (3, 4 декабря). Эти итоги можно использовать для характеристики работы каждого из названных районных отделов топлива.

Для сравнения успехов районов в заготовительной кампании приводимые газетой сведения можно использовать не всегда. Данные по Рогожско-Симоновскому отделу топлива, приведенные за октябрь, не сопоставимы по времени с другими районами. За ноябрь по этому же району количество доставленных в Москву дров и угля исчисляется в вагонах, а не кубическими саженьями, как по другим районам, и, следовательно, также ни с чем не сравнивается.

Итоговые цифры за декабрь газета приводит по Сущевско-Марьинскому, Замоскворецкому и Басманному районам. Для каждого из них

³¹ «Вечерние известия М.С.Р. и К. Д.», 4 марта 1919 г.

³² См. номера газеты от 18 и 20 февраля, 16 августа, 16 сентября, 16 октября 1919 г.

указано количество дров, вывезенных в Москву или к ближайшим от заготовок станциям железной дороги, в кубических саженьях. Но сведения даются на разные числа декабря. Сущевско-Марьинский район на 20 декабря завез в город 710 куб. саж. дров, Басманный на 3 декабря — 400 куб. саж., а Сущевско-Марьинский на 19 декабря вывез к железнодорожной станции «Марк» с места заготовки 185 куб. саж. дров. Сравнение здесь может быть только очень приблизительным, если вообще оно возможно.

Деятельности районных экономических отделов газета уделяет меньше внимания. Среди посвященных этой теме публикаций две заметки: сообщение о составе и функциях экономического отдела Басманного района (4 июля 1919 г.) и решение о реорганизации всех экономических отделов Москвы, ликвидации в них статистического, производственного и ремесленно-кустарного подотделов, принятое на межрайонном совещании представителей экономических отделов совместно с представителями производственных отделов и Бюро районов Горсовнархоза (15 ноября 1919 г.). Несколько публикаций в газетах за 1919 год кратко информируют читателя о деятельности Рогожско-Симоновского (5 июля), Сущевско-Марьинского (22 июля), Пресненского (15 декабря), Замоскворецкого (5 февраля), Хамовнического (18 февраля) районных экономических отделов.

В заметках о деятельности районных экономических отделов обращает на себя внимание особый характер информации — здесь отражена только начальная, организационная стадия работы отделов: обследование промышленности района (Рогожско-Симоновский РЭО), регистрация и объединение ремесленно-кустарных мастерских, планы обеспечения производственных предприятий топливом и сырьем (Сущевско-Марьинский РЭО), передача в ведение РЭО или организации им самим предприятий, обслуживающих нужды населения (Басманный, Замоскворецкий, Хамовнический РЭО). Материалы об итогах деятельности районных экономических отделов газета не публикует.

Информация о Московском горсовнархозе в газете «Известия ВЦИК» помещалась в разделах «Хроника», «По Москве», «Экономический отдел», в отчетах о заседаниях пленумов Московского Совета и его исполкома. В «Известиях ВЦИК» наиболее ценную информацию содержит отчет газеты о первом пленарном заседании Мосгорсовнархоза, опубликованный 8 декабря 1918 г., отчеты о пленумах Моссовета и исполкома Моссовета с сообщениями об итогах работы отделов МГорСНХ (топлива, химической, швейной и деревообрабатывающей промышленности).

Полнота информации напечатанных отчетов различна. Некоторые из них предельно лаконичны и не дают никаких сведений по существу. Очень кратко, в общих фразах изложен доклад отдела топлива в газете за 7 мая 1919 г. О докладе химического отдела³³ сказано лишь, что он носил характер исследования истории химической промышленности.

Краткими сведениями о количестве предприятий, находящихся в ведении химического отдела, ограничивается информация о нем на заседании исполкома Моссовета в марте 1920 г.³⁴ Несмотря на довольно подробный характер изложения доклада отдела деревообрабатывающей промышленности в «Известиях ВЦИК» от 15 мая 1920 г., оно не содержит все же значительного количества сведений, имеющих в сообщении о том же заседании в «Экономической жизни» от 14 мая 1920 г. Так, «Известия ВЦИК» не сообщают о количестве дров, получен-

³³ «Известия ВЦИК и М.С.Р. и К.Д.», 12 июня 1919 г.

³⁴ Там же, 10 марта 1920 г.

ных отделом после муниципализации складов Москвы, о количестве заготовленных отделом дров, не указаны потребители лесных материалов отдела. Нет здесь и очень важных для характеристики деятельности отдела данных о количестве изготовленных предприятиями отдела изделий. Неполю изложено в отчете «Известий ВЦИК» постановление исполкома, принятое после доклада отдела деревообрабатывающей промышленности.

С наибольшей подробностью переданы в «Известиях ВЦИК» два доклада заведующего отделом топлива на заседаниях исполкома Моссовета — в номерах от 12 ноября и 13 декабря 1919 г. Первый из названных докладов представляется возможным сравнить с отчетом о том же заседании исполкома Моссовета, помещенным в «Экономической жизни» 12 ноября 1919 г. Сравнение показывает, что, используя одни и те же факты, авторы корреспонденций по-разному осветили материал.

Автор отчета в «Известиях ВЦИК» все факты подбирает так, что создает у читателя уверенность в том, что топливная проблема будет решена. Он привлекает данные, отсутствующие в «Экономической жизни», указывая на улучшившееся снабжение продовольствием, возможность получения рельсов для узкоколейки в ближайшем будущем, прекрасную налаженность технического аппарата для кладки рельсов и т. д. Вместе с тем он не указывает, например, на недостаток пил и гужевых средств.

Корреспондент «Экономической жизни» ставит под сомнение возможность удовлетворения минимальной потребности Москвы в топливе за счет разработки леса в 8- и 30-верстной полосе вокруг Москвы, не верит в возможность получения от Наркомпути 500 вагонов порожняка, более чем 150 вагонов дров в сутки от Главтопа.

Характерно, что одни и те же факты о получении 500 вагонов порожняка от Наркомпути и 150 вагонов дров для Москвы от Главтопа преподнесены авторами отчетов по-разному. В первом отчете — как факт, значительно улучшающий снабжение города топливом, во втором случае — как мероприятие, осуществление которого сомнительно и недостаточно для решения топливной проблемы. Отчет в «Экономической жизни» делится как бы на две части — скептически окрашенный доклад заведующего отделом топлива и сообщение о том, что выступивший в прениях председатель Горсовнархоза выразил уверенность в улучшении положения с топливом к январю 1920 г. По-разному передано в газетах и постановление исполкома.

Очевидно, что «Экономическая жизнь» с большей точностью передает ход заседания исполкома, показывая, что здесь выявились две точки зрения на перспективы решения топливной проблемы в Москве, тогда как «Известия ВЦИК» отдают предпочтение одной из точек зрения, что придает отчету субъективную окраску.

Большое количество данных содержит отчет отдела топлива, напечатанный в «Известиях ВЦИК» 13 декабря 1919 г. Особенно ценно в этом отчете то, что наряду с количеством заготовленных и перевезенных дров здесь приводятся цифры плана заготовок и перевозок, что дает возможность судить об успешности выполнения планов, хотя плановые показатели даются для подрядчиков и всех организаций, участвовавших в заготовках в дальних губерниях, в 8- и 30-верстной полосе, а плановые показатели самого отдела топлива не приводятся, даны только результаты его работы по заготовке дров.

«Экономический отдел» «Известий ВЦИК» опубликовал два сообщения, характеризующих структуру Мосгорсовнархоза: 15 мая 1919 г. — об организации и целях бюро районов при Московском горсовнархозе; 29 мая 1919 г. — о создании при МГорСНХ отдела промышленного строительства. В этом же разделе газеты имеются сообщения типа объяв-

ний: о переходе всех складов лесных материалов г. Москвы в ведение Мосгорсовнархоза, о необходимости подачи заявлений отделу МосгорСНХ всеми потребителями древесного топлива с просьбой о железнодорожной перевозке дров³⁵.

В разделе «По Москве» сообщается о планах и местах заготовки дров отделом топлива Городского района г. Москвы³⁶. Здесь печатались также объявления.

В разделе «Хроника» 26 марта 1920 г. напечатано сообщение о работе отдела топлива Хамовнического района г. Москвы. «Известия ВЦИК» сообщают, какое количество дров заготовил отдел топлива Хамовнического района через подрядчиков, сколько дров закуплено и подвезено к станциям железной дороги и в Москву. Сведения даны относительно заготовок дров в дальних губерниях и в 8- и 30-верстной полосе вокруг Москвы.

Газета «Коммунистический труд», издававшаяся с марта 1920 г. после прекращения издания «Вечерних известий М.С.Р. и К.Д.», освещала деятельность МГорСНХ лишь на протяжении трех месяцев, т. к. в июне 1920 г. городской совнархоз Москвы слился с губернским. Здесь в информациях о пленумах Моссовета и его исполкома опубликованы отчеты о деятельности деревоотдела³⁷ и кожевенно-обувного отдела Мосгорсовнархоза³⁸. 25 марта 1920 г. «Коммунистический труд» напечатал отчет отдела топлива Хамовнического района, повторенный в сокращенном виде в «Известиях ВЦИК» 26 марта 1920 г. Материалы МГорСНХ публиковались также в разделе «Декреты и постановления»³⁹. Как и другие газеты, «Коммунистический труд» уделял большое внимание работе отдела топлива. За три месяца здесь было опубликовано 5 информационных на эту тему.⁴⁰

Новым в «Коммунистическом труде» был отдел «К пленуму Московского совета», где печатались тезисы докладов к предстоящим пленумам. 17 апреля 1920 г. здесь были напечатаны «Тезисы к докладу транспортно-отдела» МГорСНХ, 30 мая 1920 г. — «Тезисы по докладу Москватоба».

Особенностью этих материалов является то, что в них содержались не только и не столько итоговые данные, сколько планы работы отделов, указания на методы организации работ.

В «Коммунистическом труде» появились и материалы, в которых давалась оценка деятельности МГорСНХ органами контроля и рабочими. В номере от 2 апреля опубликованы общие результаты обследования московской РКИ 346 национализированных предприятий, находящихся в ведении МГорСНХ.

Материалы, имеющие значение для изучения деятельности МГорСНХ, публиковались в «Правде» в разделе «Рабочая жизнь», где помещались сообщения рабочих о положении на фабриках и заводах: производительности труда, дисциплине, влиянии коммунистов на дела предприятия, состоянии охраны труда, культурно-просветительной работы, бытовых условий. Среди предприятий, о которых сообщали рабочие корреспонденты «Правды», были и подведомственные МГорСНХ: коробочно-картонажная фабрика⁴¹, государственная типография № 12⁴², завод Дангау-

³⁵ «Известия ВЦИК и М.С.Р. и К.Д.», 2 февраля 1919 г.

³⁶ Там же, 11 сентября 1919 г.

³⁷ «Коммунистический труд», 14 мая 1920 г. Доклад совпадает с публикацией «Экономической жизни» от 14 марта 1920 г.

³⁸ «Коммунистический труд», 23 апреля 1920 г.

³⁹ Там же, 16 апреля и 17 мая 1920 г.

⁴⁰ Там же, 14, 18, 20 апреля, 14 и 30 мая 1920 г.

⁴¹ «Правда», 3 января 1919 г.

⁴² Там же, 7 февраля 1919 г.

эра и Кайзера⁴³, Ростокинская красильно-аппретурная фабрика⁴⁴. Иногда «Правда» публиковала отчеты о пленумах Моссовета, где заслушивались доклады производственных отделов МГорСНХ⁴⁵. Однако, поскольку основное внимание «Правда» уделяла партийной жизни, информация о деятельности МГорСНХ представлена здесь значительно слабее, чем в других рассмотренных газетах.

Центральные московские газеты 1918—1920 гг. являются ценным источником по истории Московского городского СНХ. Информация о его работе давалась в них регулярно, носила деловой характер, была конкретна, содержала большой цифровой материал.

Наиболее разностороннюю информацию о работе МГорСНХ давала «Экономическая жизнь», где публиковались отчеты о пленумах МГорСНХ, организации его аппарата, итогах практической деятельности его производственных отделов. «Вечерние известия М.С.Р. и К.Д.» большое внимание уделяли работе районных экономических отделов, подведомственных МГорСНХ, «Известия ВЦИК» — публикациям отчетов отделов МГорСНХ на пленумах Моссовета и его исполкома. В «Коммунистическом труде» особый интерес представляют материалы по планированию и контролю за деятельностью совнархоза, хотя они и малочисленны. Однако рассмотренные источники имеют ряд серьезных недостатков, вытекающих из самого характера газетного материала. Информация, которую они дают, страдает неполнотой, приводимый цифровой материал не всегда сопоставим. В некоторых информациях сильна субъективная окраска. Эти недостатки газетного материала требуют обязательного сопоставления его там, где это возможно, с другими источниками.

---

⁴³ Там же, 4 марта 1919 г.

⁴⁴ Там же, 13 апреля 1919 г.

⁴⁵ См., например, отчет отдела топлива в номере за 12 марта 1919 г.

В. П. Данилов

**ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 1917—1929 гг.
(Опыт археографического и источниковедческого отбора
данных для реконструкции демографического процесса)**

Историки редко обращаются к демографическим материалам и используют их в весьма малой степени. Лишь авторы капитальных, обобщающих трудов считают своим долгом дать краткую справку об общих итогах народных переписей и соотношении городского и сельского населения. Однако народные переписи проводятся редко. Их данные дают представление об итогах движения населения за большие промежутки времени, иногда за целые эпохи. За время от одной переписи до другой существенно меняются общественные условия, а вместе с ними сила и направление факторов, регулирующих численность и структуру населения. Подчас совершаются события, катастрофически влияющие на народонаселение — как, например, война или голод, — но переписью улавливаются лишь их отдаленные последствия.

В нашей стране переписи населения были проведены шесть раз: в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 и 1970 годах. Естественно, что конкретный ход живого исторического процесса, противоречивого и специфического, они отразить не могут.

Установление хотя бы приблизительной динамики населения из года в год дало бы исследователю очень важный и яркий показатель состояния общества, его социально-экономического развития, его политической жизни. Достоинство этого показателя состоит в очень чуткой и определенной реакции на состояние общества. Недаром ЦСУ СССР публикует теперь данные о численности населения за каждый год (начиная с 1950 г.)¹. Имеется возможность реконструировать и проанализировать конкретно-исторический процесс изменения численности и структуры населения нашей страны за первые десятилетия после Октябрьской революции (во всяком случае до Великой Отечественной войны). Работа статистических органов и отдельных исследователей-демографов дала для этого значительный и интересный материал.

В настоящей статье предпринята попытка методами археографического и источниковедческого анализа определить динамику общей численности населения за время от Великой Октябрьской революции до сплошной коллективизации, проанализировать направления и результаты этого процесса на разных этапах изучаемого времени, выяснить масштабы миграционных потоков между городом и деревней.

Для решения поставленной задачи необходимы данные о численности и структуре населения страны накануне первой мировой войны и перед Октябрьской революцией. Эти два момента правомерно избираются «точками отсчета» при анализе развития советского общества, поскольку они, во-первых, фиксируют наивысший уровень, достигнутый

¹ «ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1962 году». Статистический ежегодник. М., 1963, стр. 8. См. также все последующие издания этого ежегодника.

страной до победы пролетарской революции, и, во-вторых, позволяют установить тенденции тогдашнего развития.

Известно около десятка исчислений численности населения на 1 января 1914 г. для территории СССР в границах до 1939 г., результаты которых колеблются между 145,7 млн. и 132,8 млн. человек. Сравнительный анализ этих исчислений, выполненный А. Л. Вайнштейном², подтверждает правильность данных, приводимых в современных публикациях ЦСУ СССР на 1913 г. (было бы точнее: на конец 1913 г., или, что то же, на начало 1914 г., на 1 января 1914 г.³). Можно считать установленным с достаточной степенью точности, что накануне первой мировой войны население нашей страны (в границах до 17 сентября 1939 г.) насчитывало 139,3 млн. человек, из которых в городах проживало 24,8 млн., т. е. 17,7%, и в сельских местностях — 114,5 млн., т. е. 82,3%⁴. В основе этих данных лежат исчисления Б. А. Гухмана, принятые Госпланом СССР⁵ и впоследствии уточненные как в связи с изменением ценза городских поселений, так, по всей видимости, и в связи с уточнением коэффициентов уменьшения численности населения в результате изменения территории страны после революции⁶.

² А. Л. Вайнштейн. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960, стр. 450—457. Кроме исчислений, рассмотренных А. Л. Вайнштейном, следует назвать еще исчисление С. Г. Струмилина — 137,5 млн. человек (С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 49).

³ Только в справочнике «Страна Советов за 50 лет» (М., 1967, стр. 15) ЦСУ СССР, наконец, уточнило датировку данных за 1913 г., указав, что они относятся «на конец года» в отличие от данных за другие годы, относимых к 1 января соответствующих лет.

⁴ «ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 году». Статистический ежегодник. М., 1962, стр. 7.

⁵ По расчету Б. А. Гухмана, на территории СССР 1 января 1914 г. проживало 139,7 млн. человек, в том числе 25,4 млн. горожан и 113,1 млн. жителей сельских местностей. Кроме того, 1,2 млн. человек, служивших в армии, не были распределены между городом и деревней (Б. А. Гухман. Динамика численности и занятий населения СССР. — «Плановое хозяйство», 1926, № 8). Б. А. Гухман был ученым секретарем Комиссии Госплана СССР по контрольным цифрам, и расчет производился им в связи с разработкой контрольных цифр народного хозяйства на 1926/27 г. В опубликованных материалах Комиссии уже все население страны было распределено между городом и деревней: все население страны — 139,7 млн. человек, в том числе городское — 25,8 млн. и сельское 113,9 млн. («Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 год». М., 1926, стр. 284).

⁶ Существенные уточнения были внесены Госпланом СССР в 1933 г. (а не ЦСУ СССР и не в 1936 г., как сообщает А. Л. Вайнштейн. Указ. соч., стр. 453). Они состояли в сокращении общей численности населения на 0,4 млн. человек и численности городского населения на 1,1 млн. человек, что давало увеличение сельского населения на 0,7 млн. человек. С этого времени и до 1961 г. во всех изданиях Госплана и ЦСУ СССР общее число населения на 1 января 1914 г. определялось в 139,3 млн. человек, число городского населения — в 24,7 млн. человек, число сельского населения — в 114,6 млн. («Госплан СССР. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М.—Л., 1933, стр. 284; «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1936, стр. 542; «ЦСУ СССР. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М., 1957, стр. 9). Незначительные уточнения внесены в цифры о численности городского и сельского населения при публикации «Ежегодника» ЦСУ СССР в 1962 г. Никаких объяснений по поводу изменения данных общей численности населения ни Госплан СССР, ни ЦСУ не опубликовали. Однако высчитанный А. Л. Вайнштейном коэффициент отхода населения в связи с изменением территории также дает в итоге уменьшение общей численности населения на те же 0,4 млн. (А. Л. Вайнштейн. Указ. соч. стр. 452, 454—457). Относительно же изменения численности городского и сельского населения в изданиях 30-х годов указывалось, что городское население дается «по цензу горпоселений, принятому в позднейших послереволюционных переписях и без городов, входивших в Хиву и Бухару» (см., например, «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. 542).

В «Ежегоднике» ЦСУ СССР, опубликованном в 1962 г., впервые были даны сведения о населении нашей страны на 1 января 1917 г.: 143,5 млн. человек, проживавших на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в том числе 25,8 млн. человек в городах и 117,7 млн. человек в сельской местности⁷. Эти цифры также можно считать весьма достоверными, поскольку сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., при всей их неполноте, давали возможность ЦСУ опереться при исчислениях на реальные данные⁸.

Рост населения страны, как показал Б. Ц. Урланис, происходил только в 1914—1915 гг.⁹, когда влияние мировой войны еще не успело сказаться на численности народонаселения (тем более, что первые две трети 1914 г. были мирными). Уже с 1916 г. население России стало абсолютно сокращаться как вследствие прямых военных потерь, так и вследствие уменьшения деторождения и роста смертности.

О населении страны за годы революции и гражданской войны мы имеем ряд данных, опубликованных в различных изданиях центральных статистических органов СССР и обладающих разной степенью достоверности. В середине 30-х годов были опубликованы результаты исчислений численности населения страны на 1 января 1918 г. — 142,6 млн. человек (без распределения на городское и сельское)¹⁰. В современных изданиях ЦСУ СССР даются сведения на 1919 и 1920 гг. И те и другие сведения исчислены. Однако в основе исчислений населения на 1920 г. лежат данные народной переписи, проведенной 28 августа. Это позволяет, во-первых, в какой-то мере проверить достоверность исчислений за все эти годы, и, во-вторых, точнее датировать опубликованные данные.

Перепись населения 28 августа 1920 г. проводилась в условиях еще не закончившейся гражданской войны и хозяйственной разрухи, поэтому ряд окраинных районов страны перепись не охватила. Общая численность населения страны была определена в результате суммирования данных о «населении, переписанном обычным порядком» (131,3 млн. человек), и данных о «населении, переписанном особым порядком» (2,9 млн. человек): 134,2 млн. человек¹¹ — цифра, которую и приводят современные справочники ЦСУ СССР. Однако эти данные относились к территории СССР без Хивы и Бухары, поскольку там перепись не проводилась. Чтобы получить общий итог численности населения СССР в границах до 17 сентября 1939 г., к полученному результату приплюсо-

⁷ «ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 7. Точная датировка этих сведений произведена лишь в сборнике «Страна Советов за 50 лет» (стр. 15).

⁸ Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузан предприняли весьма ценную попытку определить значение материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. для исчисления населения России накануне Октября (Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 97—115). Можно, однако, пожалеть, что авторы ограничились характеристикой указанных материалов самих по себе, без сопоставления их итоговых сведений с данными современных публикаций ЦСУ. Конечно, это потребовало бы некоторого пересчета имевшихся в их распоряжении сведений для территории в границах СССР (до и после 17 сентября 1939 г.), но зато дало бы возможность соотнести и критически оценить как сведения материалов указанных переписей, так и последующие исчисления ЦСУ.

⁹ Б. Ц. Урланис. Динамика населения России накануне Октября. — «Ученые записки кафедры статистики ВЭИ». М., 1957, стр. 133.

¹⁰ «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 353.

¹¹ «ЦСУ РСФСР. Статистический ежегодник. 1921 г.», вып. 1. М., 1922, стр. 8. Следует отметить, что уже данные о «населении, переписанном обычным порядком», исчислены, т. е. они включают не только население, непосредственно переписанное 28 августа 1920 г., но и население ЗСФСР, Туркестана и Дагестана, численность которого определялась на основе сведений за 1916 г.

ваны еще 2,6 млн. — таким было население Хивы и Бухары накануне мировой войны¹².

До недавнего времени население Хивы и Бухары не распределялось на городское и сельское, а целиком включалось в число последнего. С 1962 г. ЦСУ СССР стало считать примерно 100 тыс. жителей этих районов горожанами, соответственно изменив показатели городского и сельского населения и на 1 января 1914 г.

Таким образом, общая численность населения страны на 28 августа 1920 г. получена в результате исчислений, неизбежно связанных с рядом допущений и условностей. Но есть все основания считать результаты этих исчислений достоверными и сопоставимыми.

Данные о населении на 1918 и 1919 гг. могли быть получены лишь методом распределения потерь за время между 1917 и 1920 гг. и потому весьма условны. Все же определенный интерес для исследователя представляют и они. При рассмотрении этих данных обнаруживается, что исчисляемое на 1919 г. население (138,0 млн.) на 4,6 млн. человек меньше, чем было на 1 января 1918 г., и всего на 1,2 млн. больше, чем было на 28 августа 1920 г.¹³ Следовательно, можно считать, что исчисления на 1919 г. относятся к концу года (или, что то же: к 1 января 1920 г.).

Теперь можно будет свести охарактеризованные выше данные в таблицу с уточненной хронологией, чтобы получить представление о динамике демографического процесса за годы революции и гражданской войны.

Таблица 1

Население СССР в 1917—1920 гг.
(млн. человек в границах СССР от 17 сентября 1939 г.)

	На 1 января 1917 г.	На 1 января 1918 г.	На 1 января 1919 г.	На 1 января 1920 г.	На 28 августа 1920 г.
Все население	143,5	142,6	[140,3] *	138,0	136,8
в том числе:					
городское	25,8	—	—	21,5	20,9
сельское	117,7	—	—	116,5	115,9

* Определено путем равномерного распределения потерь 1918—1919 гг.

Данные этой таблицы позволяют определить масштабы людских потерь, которые понесла наша страна в 1917—1920 гг. Империалистическая и особенно последовавшая за ней гражданская война, сопровождавшаяся вторжением войск империалистических государств, небывалыми зверствами белогвардейской контрреволюции и иностранных интервентов, многократными передвижениями фронтов едва ли не по всей территории страны унесли миллионы человеческих жизней. В 1920 г. население страны было меньше, чем в начале 1917 г. на 6,7 млн. человек, т. е. на 4,7%.

В действительности потери населения были намного больше. Армейские потери в гражданской войне были относительно невелики. По расчетам Б. Ц. Урланиса, они составили 800 тыс. человек, в том числе 300 тыс. убитыми, 50 тыс. умершими от ран и 450 тыс. умершими от болезней. Более значительными были потери гражданского населения. Эпидемия «испанки» в полуразрушенной стране унесла миллионы жизней. Мил-

¹² «ЦУНХУ СССР. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932». М., 1932, стр. XXII—XXIII (примечания).

¹³ «ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 7.

лионы людей умерли от тифозных эпидемий и голода. Общее число жертв голода и эпидемий, вызванных интервенцией, блокадой и гражданской войной, определяется сейчас цифрой в 8 млн. человек. Кроме того, около 2 млн. человек русских буржуа, помещиков и интеллигентов, а частью и мобилизованных в белые армии крестьян и рабочих эмигрировали¹⁴. Таким образом, прямые потери страны в общей численности населения за 1917—1920 гг. были не менее 10—11 млн. человек.

Наконец, нужно учесть, что нормальный прирост населения, если бы не было войны и хозяйственной разрухи, с 1 января 1914 г. по 28 августа 1920 г. составил бы 12% (при 1,7% среднегодового прироста)¹⁵. Исходя из данных современной статистики, население страны на 28 августа 1920 г. должно было бы в этом случае составить 156 млн. человек. Налицо же имелось 136,8 млн. человек. Действительные потери населения за годы мировой и гражданской войн исчисляются, следовательно, в 19—20 млн. человек. Общий ущерб населения достиг 12—13%¹⁶.

Вслед за войной на истерзанную страну обрушился голод, явившийся прямым следствием ограбления и разорения страны белогвардейщиной и интервентами. После голода 1921 г., по приблизительным данным, население убыло еще на 5,2 млн. человек¹⁷. Его общая численность к концу 1922 г. определялась в 129,4 млн. человек¹⁸ на территории без Хивы и Бухары, а с учетом последних составила бы около 132 млн. человек¹⁹. Таким образом, по сравнению с 1914 г. население страны сократилось примерно на 7 млн. человек, а по сравнению с 1917 г. — на 11 млн. человек. Счет же общих потерь населения с начала 1914 г. до конца 1922 г. возрастает почти до 30 млн. человек²⁰.

Приведенные здесь данные об общей численности населения страны в момент его наибольшего сокращения нуждаются в дополнительной проверке. Перепись городского населения в марте 1923 г. зарегистрировала 21,9 млн. человек. Произведенные в ЦСУ исчисления сельского населения на эту же дату дали цифру 111,6 млн. человек. В сумме это составило 133,5 млн. человек²¹. Даже учитывая компенсаторный рост населения, разница цифр на конец 1922 г. и на весну 1923 г. выходит,

---

¹⁴ Б. Ц. Урланис. Динамика населения СССР за 50 лет. — «Население и народное благосостояние». Сб. статей. М., 1968, стр. 20—21.

¹⁵ С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 49.

¹⁶ По исчислениям С. Г. Струмилиной, действительные потери населения составили 21,2 млн. человек (13,8%). Этот результат был получен из предварительных неполных итогов переписи 1920 г., что и привело к некоторому преувеличению потерь (С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 39, 46, 49).

¹⁷ «НКФ СССР. Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик к середине 1922—1923 гг.». М., 1923, стр. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ По некоторым данным можно считать, что население Хивы и Бухары в период их существования в качестве народных советских республик составляло 2,9 млн. человек, а не 2,6 млн. человек, как в довоенное время («Путь Бухары и Хивы к социализму». М., 1967, стр. 160, 243).

²⁰ За 1921—1922 гг. население страны должно было увеличиться на 3,4%, т. е. со 156 млн. до 161,3 млн. человек. В действительности же к концу 1922 г. имелось 132—132,5 млн. человек, т. е. примерно на 29 млн. человек меньше.

²¹ «ЦСУ СССР. Статистический ежегодник. 1922 и 1923 гг.», вып. 1. М., 1924, стр. 3. Следует отметить, что по цензу городских поселений, принятому с 1931 г., численность населения в городах весной 1923 г. сократится до 21,5 млн. человек. Кроме того, в современных исследованиях общая численность населения страны (без пояснения) увеличена до 133,9 млн. человек (И. Ю. Писарев. Народонаселение СССР. Социально-экономический очерк. М., 1962, стр. 57, 94). В справочнике «ЦУНХУ СССР. Народное хозяйство СССР. 1932» (стр. XXII—XXIII) цифра 133,5 млн. человек населения СССР дана с оговоркой «без Хивы и Бухары». Этой оговорки не было при первых публикациях данных о населении на 1923 г., нет и в исследованиях, затрагивающих историю народных переписей (И. Ю. Писарев. Указ. соч., стр. 57; «История советской государственной статистики». М., 1960, стр. 237),

на наш взгляд, за рамки возможного. Скорее всего приведенные выше данные о численности населения в момент наибольшего сокращения относятся не к концу, а к середине 1922 г.²²

Убыль населения в 1917—1922 гг. наблюдалась как в городе, так и в деревне. Однако динамика городского и сельского населения не была полностью идентичной. В годы гражданской войны и хозяйственной разрухи, отмеченные крайним упадком промышленности и натурализацией крестьянского хозяйства, наиболее заметно уменьшилось население в городах. В 1917—1920 гг. городское население сократилось с 25,8 млн. человек до 20,9 млн., т. е. на 4,9 млн. человек, а сельское население — с 117,7 млн. до 115,9 млн., т. е. на 1,8 млн. человек²³. Эти цифры отнюдь не свидетельствуют о том, что города сильнее пострадали, что среди погибших тогда преобладали горожане. Гражданская война в деревне была не менее жестокой и кровопролитной, чем в городе. Резкое сокращение городского населения связано тогда было прежде всего с уходом в деревню всех тех, кто утратил средства к существованию, в связи с остановкой промышленных предприятий, с прекращением строительства, с разрухой на транспорте и в коммунальном хозяйстве, с закрытием торговли и т. п. Думается, что не менее $\frac{2}{3}$ убыли городского населения (3—3,5 млн. человек) приходится на миграцию, на временное переселение в деревню²⁴.

Иной была динамика городского населения в первые годы мирного строительства, хотя общая убыль населения еще продолжалась. Начавшееся восстановление промышленности, транспорта и торговли сразу же вызвало приток населения в города. Поэтому городское население стало расти сразу после перехода от войны к миру, и в марте 1923 г. оно достигло 21,5 млн. человек (по цензу городских поселений, принятому после 1931 г.).

Сельское население, напротив, именно в эти годы особенно заметно сократилось: примерно, на 4 млн. человек, что было следствием не только потерь в голодный год, но и возвращения в города тех, кто на селе пережил тяжелейшие годы гражданской войны. Голод лишь обострил и ускорил возобновление роста городского населения за счет сельского. Удельный вес горожан в населении страны увеличился с 14,6% в 1920 г. до 16,4% в 1923 г.

Со второй половины 1922 г. возобновился и общий рост населения страны. Причем на первых порах это был исключительно быстрый, компенсаторный рост населения, обычный после больших потерь. Масштабы компенсаторного ускорения демографического процесса учесть оказа-

---

хотя она непременно присутствовала и присутствует при публикации сведений переписи 1920 г.

²² Б. Ц. Урланис считает 1922 г. «первым годом естественного прироста населения после революции» и определяет размер этого прироста в 1 млн. человек. Из его же данных следует, что прирост населения за 1923 г. в целом составил около 2,5 млн. человек (Б. Ц. Урланис. Динамика населения СССР за 50 лет, стр. 22, 23). Нужно учитывать, однако, что данные Б. Ц. Урланиса относятся к территории СССР в современных границах, т. е. на 10—12% превышают данные о населении СССР в границах до 17 сентября 1939 г. К тому же едва ли можно считать весь 1922 г. временем прироста населения, поскольку голод достиг кульминации именно в его первые месяцы.

²³ «ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 7.

²⁴ Если считать людские потери города и деревни пропорциональными соотношению их населения, то из 6,7 млн. человек общей убыли населения страны за 1917—1920 гг. на долю города придется около 1,2 млн. человек, на долю деревни — около 5,5 млн. человек. Этот подсчет очень условен. На распределение людских потерь между городом и деревней влияло тогда слишком много факторов, воздействие которых часто было противоположным. Учесть и, главное, количественно выразить их пока еще не представляется возможным.

лось крайне трудно. Во всяком случае все известные нам исчисления, производившиеся до народной переписи 1926 г., дали заниженные результаты. Так, например, по расчету С. Г. Струмилина, численность населения к началу 1927 г. должна была увеличиться до 144,2 млн. человек, что оказалось почти на 3 млн. ниже действительной, хотя при этом совсем не учитывалось сокращение населения в голодный 1921 г.²⁵ Составители контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1926/27 г. назвали для этой же даты цифру 144,8 млн.²⁶, т. е. также существенно недооценили возможности роста населения.

Всенародная перепись, проведенная 17 декабря 1926 г., охватила всю территорию страны и установила точную численность населения — 147 027,9 тыс. человек, из них в городах находилось 26 316,4 тыс. человек (17,9%), в сельской местности — 120 711,5 тыс. человек (82,1%).²⁷ При оценке этих данных нельзя забывать, что переписи дают сведения о наличном, а не о постоянном населении. Иначе говоря, даже случайно оказавшийся 17 декабря 1926 г. в городе крестьянин записывался горожанином. Постоянное население городов определялось статистическими органами в 25 783,4 тыс. человек, а постоянное население деревни — в 121 244,5 тыс. человек²⁸. Разница между наличным и постоянным населением оказалась не очень велика — 533 тыс. человек. Едва ли она полностью охватывала ту массу населения, которая фактически оторвалась от деревни, но в городе еще не устроилась прочно, еще не осела окончательно. Наконец, следует иметь в виду, что ценз городских поселений в 1926 г. был более широким, чем при последующих переписях²⁹.

Итоги переписи 1926 г. послужили опорными данными при расчете динамики населения как до переписи, так и в первые годы после ее проведения. С их помощью исчислялись показатели демографического процесса с 1 января 1924 г. по 1 января 1930 г. В приводимой ниже таблице 2 нами сведены и сопоставлены результаты исчислений, в разное время производившихся ЦСУ и Госпланом СССР.

Прежде всего обращает на себя внимание почти полное совпадение результатов всех исчислений, производившихся как в конце 20-х годов, так и в более позднее время. Максимальные отклонения от средней не превышают величины в 0,5 млн., т. е. 0,3%. Это позволяет считать, что результаты исчислений ЦСУ и Госплана СССР связаны между собой и являются в значительной мере сопоставимыми. Это вместе с тем дает возможность составить в достаточной степени достоверный динамический ряд за весь интересующий нас в данном случае период.

Наиболее разработанными за 1924—1926 гг. являются исчисления ЦСУ, опубликованные в 1929 г. Все остальные источники либо повторяют их, либо согласуются с ними (как, например, опубликованные Госпланом СССР исчисления на начало хозяйственного года, т. е. на 1 октября, или на середину хозяйственного года, т. е. на 1 апреля).

Сложнее отбор данных за 1927—1929 гг. Исчисления, производившиеся в конце 20-х—начале 30-х годов, как правило, не учитывали, что в реконструктивный период темпы прироста населения сократились³⁰.

²⁵ С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 46.

²⁶ «Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 год», стр. 284.

²⁷ «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 353.

²⁸ Там же.

²⁹ По цензу городских поселений, принятому при проведении последующих переписей, в 1926 г. насчитывалось бы 23 314,1 тыс. человек городского населения (И. Ю. Писарев. Указ. соч., стр. 94), т. е. на 3 млн. человек меньше.

³⁰ Так, например, по исчислению ЦУНХУ, на 1 января 1933 г. население СССР должно было составить 165,7 млн. человек («ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 353; М., 1935, стр. 539; М., 1936, стр. 542;

Резкое обострение классовой борьбы, возрастание материальных трудностей и усиление миграционных процессов, отчетливо проявившиеся уже в начале 1928 г., неизбежно должны были сказаться на росте народонаселения. Разумеется, воздействие перечисленных выше факторов нарастало постепенно и первоначально приводило лишь к некоторому уменьшению темпов прироста населения. Исчисления же того времени чаще всего исходили из установившегося прироста. Так, например, исчисления ЦСУ, относящиеся к 1929 г., и исчисления Госплана 1929 и 1934 гг. предполагали среднегодовой прирост в 2,3%. Из этой же нормы прироста населения исходил и С. Г. Струмилин, утверждая в докладе на съезде плановых работников (март 1929 г.), что «ежегодно население СССР при 150 млн. душ увеличивается минимум на 3,5 млн. душ»³¹, т. е. на те же 2,3%.

Больше того, опубликованные в 1932 и 1934—1936 гг. на страницах справочников ЦУНХУ данные были рассчитаны, исходя из предположения об ускоряющихся темпах прироста населения. Чтобы получить на 1 января 1929 г. цифру 154,3—154,4 млн., нужно было предполагать 2,5% прироста населения и в 1927 и в 1928 гг. При этом данные о городском населении, напротив, оказались заниженными, поскольку исчисления на 1929 г. производились по цензу городских поселений, введенному в 1931 г.³²

Некоторую тенденцию к сокращению прироста населения с 1929 г. фиксируют исчисления Госплана, произведенные в 1934 г. Однако у этих исчислений имеются два недостатка: во-первых, продолжающееся увеличение прироста населения в 1928 г. — 3,6 млн. человек, т. е. 2,4%, и, во-вторых, ограничение прироста городского населения только механическим приростом в результате переселения из сельских местностей (в 1927 г. — 1 млн. человек, в 1928 г. — 1,1 млн., в 1929 г. — 1,3 млн. человек).

Наиболее достоверными нам представляются данные исчислений ЦСУ СССР, опубликованные в 1929 г., с поправками, внесенными уже в наше время. Во всяком случае только они учитывают начавшееся в 1928—1929 гг. снижение прироста населения. К тому же при распределении между городом и деревней они фиксируют не только механический, но и естественный рост численности горожан³³⁻³⁴.

Исходя из изложенных соображений и составлена таблица, дающая представление о динамике населения СССР в 1924—1929 гг.

Как свидетельствуют данные табл. 3, быстрый рост населения, начавшийся с 1922 г., продолжался до конца изучаемого периода. Уже к началу 1925 г. общая численность населения превысила довоенный уровень.

«СССР в цифрах». М., 1935, стр. 201), что соответствует двухпроцентному темпу ежегодного прироста населения, начиная с переписи 1926 г. В действительности же численность населения не достигла этой цифры не только к 1933 г., но даже и к 1937 г., когда она составила 163,8 млн. человек («ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 7). Насколько значительным было преувеличение, показывает следующий расчет: при двухпроцентном ежегодном приросте численность населения к 1 января 1937 г. должна была достигнуть 179—180 млн. человек, т. е. превысила бы действительную на 15—16 млн. В 1937—1939 гг. ежегодный прирост населения превышал 3 млн. человек, т. е. вновь достиг 2 и более процента («ЦСУ СССР. Народное хозяйство в 1962 году», стр. 7—8). Учитывая, что трудности реконструктивного периода в основном были преодолены уже к 1934—1935 гг., можно к этому времени отнести восстановление темпов прироста населения.

³¹ С. Г. Струмилин. На плановом фронте. М., 1958, стр. 449.

³² «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 353.

³³⁻³⁴ Для 1 января 1928 г. можно было бы взять средние между данными на 1 января 1927 и 1929 гг. (вот эти средние: все население — 150,2 млн. человек, городское — 27,5 млн., сельское — 122,7 млн.). В этом случае численность городского населения совпадает с данными ЦСУ, опубликованными в 1929 г., а общая численность населения и численность сельского населения окажутся всего на 0,2 млн. человек (т. е. на 0,1%) меньше. Однако усредненные показатели снимают различия между 1927 и 1928 гг., которые были в действительности.

Динамика населения СССР в 1924—1929 гг. по данным разных источников,
в млн. человек на 1 января *

Год появления источника		1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Исчисления ЦСУ и ЦУНХУ СССР								
1927	Все население	137,6	140,6	143,8	147,0 **	—	—	—
1929	Все население	137,4	140,5	143,6	147,1	150,4	153,9	—
	в том числе:							
	городское	22,4	23,7	25,0	26,3	27,5	28,7	—
	сельское	115,0	116,8	118,6	120,8	122,9	125,2	—
1932	Все население	—	140,5	143,6	147,0 **	150,6	154,4	157,7
	в том числе:							
	городское	—	23,7	25,0	26,3	27,6	29,2	30,9
	сельское	—	116,8	118,6	120,7	123,0	125,2	126,8
1934—1936	Все население	—	—	—	147,0 **	—	154,3	—
	в том числе:							
	городское	—	—	—	26,3	—	27,6	—
	сельское	—	—	—	120,7	—	127,7	—
1963—1964	Все население	—	—	—	147,0 **	—	153,4	—
	в том числе:							
	городское	—	—	—	26,3	—	28,7	—
	сельское	—	—	—	120,7	—	124,7	—
Исчисления Госплана СССР								
1928 ***	а) Все население	137,0	140,0	143,2	146,3	149,4	—	—
	в том числе:							
	городское	22,1	23,2	24,5	25,8	26,7	—	—
	сельское	114,9	116,8	118,7	120,5	122,7	—	—
	б) Все население	—	140,0	143,2	146,4	149,6	—	—
	в том числе:							
	городское	—	23,2	24,5	25,9	26,9	—	—
	сельское	—	116,8	118,7	120,5	122,7	—	—
1929	Все население	—	—	143,7	147,0 **	150,3	153,8	—
	в том числе:							
	городское	—	—	24,9	26,3	27,3	28,4	—
	сельское	—	—	118,8	120,7	123,0	125,4	—
1933	Все население	—	—	—	—	—	154,2	—
	в том числе:							
	городское	—	—	—	—	—	27,6	—
	сельское	—	—	—	—	—	126,6	—
1934	Все население	—	—	—	147,0 **	150,3	153,9	156,9
	в том числе:							
	городское	—	—	—	26,3	27,3	28,4	29,7
	сельское	—	—	—	120,7	123,0	125,5	127,2

* Исчисления ЦСУ и ЦУНХУ СССР: 1927 г. — «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах». М., 1927, стр. 32; 1929 г. — «Статистический справочник СССР за 1928 г.». М., 1929, стр. 18—19; 1932 г. — «ЦУНХУ СССР. Народное хозяйство СССР. 1932», стр. XXII—XXIII; 1934—1936 гг. — «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 353; М., 1935, стр. 539; М., 1936, стр. 542; 1963—1964 гг. — «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 7; «Народное хозяйство СССР в 1963 году». Статистический ежегодник. М., 1964, стр. 7.

Исчисления Госплана СССР: 1928 г. — а) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.». М., 1928, стр. 41; б) «Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 год». М., 1928, стр. 462—463; 1929 г. — «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год». М., 1929, стр. 408; 1933 г. — «Госплан СССР. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 284; 1934 г. — «Рост городов СССР и сдвиги в составе городского населения за первое пятилетие» (ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 30, л. 119, л. 47). Мы не приводим данные из «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 год» (М., 1930, стр. 436), поскольку они исчислены на 1 апреля. Их отклонение от приводимых в таблице данных не выходит за рамки возможного прироста населения за три месяца.

** На 17 декабря 1926 г.

*** Исчисления, опубликованные в 1928 г., произведены на 1 октября 1923—1927 гг.

Динамика населения СССР в 1924—1929 гг., в млн. человек

	На 1 января						
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.*
Все население:							
абс.	137,4	140,5	143,6	147,1	150,4	153,4	156,4
в %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Прирост за год:							
абс.	—	3,1	3,1	3,5	3,3	3,0	3,0
в %	—	2,3	2,2	2,4	2,2	2,1	2,0
Городское население:							
абс.	22,4	23,7	25,0	26,3	27,5	28,7	30,2
в %	16,3	16,8	17,4	17,9	18,3	18,6	19,3
Прирост за год:							
абс.	—	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,5
в %	—	5,8	5,5	5,2	4,5	4,4	5,2
Сельское население:							
абс.	115,0	116,8	118,6	120,8	122,9	124,7	126,2
в %	83,7	83,2	82,6	82,1	81,7	81,4	80,7
Прирост за год:							
абс.	—	1,8	1,8	2,2	2,1	1,8	1,5
в %	—	1,5	1,5	1,8	1,7	1,6	1,2

* Данные на 1 января 1930 г. исчислены нами. При исчислении их сохранена неизменной цифра абсолютного прироста населения предыдущего (1928) года, хотя действительный прирост населения в 1929 г., вероятнее всего, был несколько меньше. В основе исчислений городского населения лежат данные о его механическом приросте, рассматриваемые ниже.

На протяжении 1925 г. была восстановлена и довоенная численность городского населения, рост которого вновь замедлился, как только деревня преодолела последствия голода.

За пять лет — с 1 января 1925 г. до 1 января 1930 г. — население страны увеличилось на 15,9 млн. человек. Ежегодный прирост в среднем был равен 3,2 млн. человек, что составляло 2,2%. При этом городское население выросло на 6,5 млн. человек, а его удельный вес поднялся с 16,8 до 19,3%. Но в эти годы продолжался и рост сельского населения, численность которого за пять лет увеличилась на 9,4 млн. человек. Иначе говоря, сельское население возрастало почти на 2 млн. человек за год.

На самом деле роль села в увеличении народонаселения страны была намного выше. В условиях индустриализации страны должен был усиливаться закономерный процесс отвлечения сельского населения в города. Результаты этого процесса статистикой зафиксированы с возможной полнотой (в частности, благодаря использованию материалов прописки). Мы располагаем сведениями о естественном и механическом приросте населения городов Российской Федерации, Украины и Белоруссии за 1924—1926 гг. и о механическом приросте городского населения на территории СССР начиная с 1928 г.

На территории РСФСР, УССР и БССР за 1924 г. из сел в города переселилось 653,7 тыс. человек, что составляло 66,3% общего прироста городского населения, за 1925 г. — 785,9 тыс. человек, т. е. 67,9%, за 1926 г. — 894,5 тыс. человек, т. е. 70,8%. Таким образом, за три года село отдало городу 2334,1 тыс. человек — 32,2% естествен-

ного прироста собственного населения (от 7242,1 тыс. человек). Учтя переезд горожан на постоянное жительство в село, а также переселение крестьян из других советских республик, мы получим общий прирост сельского населения Российской Федерации, Украины и Белоруссии: за 1924 г. — на 1736,1 тыс. человек, за 1925 г. — на 1714,6 тыс., за 1926 г. — на 1655,1 тыс., а в целом за три года на 5105,8 тыс. человек³⁵.

Уяснение динамики городского и сельского населения за 1924—1926 гг., в особенности соотношения естественного роста населения и миграционных процессов, позволяет лучше понять и точнее оценить более скурые данные последующих лет.

Реконструктивный период в нашей стране был отмечен небывалой миграцией населения. В связи с индустриализацией миллионные массы людей поднимались с насиженных мест и отправлялись на поиск новой жизни, туда, где закладывались основы будущей экономической мощи страны — в города и совсем необжитые места, т. е. опять-таки в новые, часто в будущие города. Новые места встречали людей трудностями. Многие из них не могли устроиться сразу и отправлялись в далекие странствия, меняя работу за работой, предприятие за предприятием, город за городом. В 1928 г. — в первом году первой пятилетки — в города прибыло 6477 тыс. человек, а убыло 5415 тыс. В 1929 г. в города прибыло 6958 тыс. человек, а убыло 5566 тыс.³⁶ Миграционная волна в дальнейшем продолжала стремительно нарастать³⁷.

«Ветер странствий» захватил и сельское и городское население. Однако конечным результатом миграции был рост городов за счет сел и деревень. Баланс прибывших и ушедших горожан неизменно давал «сальдо» в пользу города. В 1928 г. механический прирост городского населения составил 1062 тыс. человек, а в 1929 г. — 1392 тыс. человек.

Теперь мы имеем возможность примерно подсчитать численность населения, отданного городу селом за 1924—1929 гг. За последние два года этого периода у нас имеются данные, достаточно полные и точные. Данные за первые три года ограничены территорией РСФСР, УССР и БССР. Однако в этих трех крупнейших республиках было сосредоточено 91,1% населения страны³⁸. Причем миграция сельского населения наиболее интенсивной оказалась тогда именно в развитых в промышленном отношении районах европейского центра страны. За 1926 г. из общего числа переселившихся в города 42,9% пришлось на Центрально-Промышленный район, хотя на его территории проживало всего 12,9% сельского населения РСФСР, УССР, БССР, вместе взятых. Украина (21,1% сельского населения) дала 28,5% пополнения городов, Северо-Западный район (3,9% сельского населения) — 5,8% пополнения. Напротив, Центрально-Черноземный район, в границах которого находилось 8,8% сельского населения трех республик, дал 6,6% притока городского населения, а Белоруссия (3,7% сельского населения) — всего 0,9% переселившихся на жи-

³⁵ «Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год», стр. 215. Естественный прирост городского населения РСФСР, УССР и БССР за 1924 г. составил 332,7 тыс. человек, за 1925 г. — 370,3 тыс., за 1926 г. — 367,3 тыс. человек. Механический прирост сельского населения этих же республик в 1924 г. был равен 58,5 тыс. человек, в 1925 г. — 65,1 тыс., в 1926 г. — 74,2 тыс. человек (там же).

³⁶ «ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. 545. Конечно, в общем числе мигрирующих на протяжении года оказывалось немало одних и тех же лиц, но тем не менее приводимые цифры интересны как показатель масштабов миграций, связанных с прибытием в город или выбытием из него. Не следует, однако, пытаться по этим цифрам определять точный удельный вес мигрирующего населения.

³⁷ Там же.

³⁸ «ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XVII. М., 1929, стр. 2—3; т. IX. М., 1929, стр. 2—13.

тельство в города ³⁹. Таким образом, в Центрально-Промышленном районе и Северо-Западном районах РСФСР и на Украине приток населения из сельских местностей в города проходил примерно вчетверо интенсивнее, чем на остальной территории. С учетом этого обстоятельства представляется возможным экстраполировать данные РСФСР, УССР и БССР и на республики Средней Азии и Закавказья. В итоге мы получим следующие — конечно, очень приблизительные — общесоюзные показатели механического прироста городского населения: в 1924 г. — около 670 тыс. человек, в 1925 г. — около 800 тыс., в 1926 г. — около 920 тыс. человек.

Число переселившихся из деревни в город за 1927 г. определим как среднюю между соответствующими показателями предыдущего и последующего годов — около 1 млн. человек ⁴⁰.

Таким образом, за пятилетний период (1925—1929 гг.) в города переселилось примерно 5,2 млн. сельских жителей, причем интенсивность процесса удвоилась. Иначе говоря, уже в самом начале реконструктивного периода свыше $\frac{3}{4}$ прироста городского населения приходилось на долю переселившихся крестьян. Однако закономерный рост городов тогда происходил на основе продолжавшегося увеличения численности сельского населения. Деревня ежегодно давала стране почти 3 млн. человек населения.

Изложенный материал позволяет утверждать, что задача реконструкции демографического процесса в СССР за 1917—1929 гг. разрешима. Конечно, разноречивость статистических материалов, их неполная сопоставимость создают значительные трудности. Однако, как показывает предпринятый нами опыт, имеющиеся материалы доступны для археографического и источниковедческого анализа. Мы видим вместе с тем, что наиболее сложным оказалось выявление достоверных данных о населении СССР на 1 января 1922, 1923, 1924 и 1930 гг. Необходим поиск новых материалов, необходимо продолжение работы по археографическому и источниковедческому отбору демографических данных.

---

³⁹ «Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год», стр. 214—215.

⁴⁰ Нельзя согласиться с авторами «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1927/28 год», считавших, что в наступающем периоде «потребность городов в наемной рабочей силе» начнет ослабляться, в связи с чем «неизбежно должно будет происходить уменьшение притока сельского населения в города». В частности, утверждалось, что «в 1927 г. этот приток значительно ослабел, так как, если бы он равнялся по своим размерам хотя бы механическому увеличению городов в 1926 г., то рост безработицы был бы еще значительнее. Если судить по увеличению безработицы среди членов профсоюзов, то можно полагать, что размер притока из сельских местностей составил в 1927 г. около 400—450 тыс. человек» (стр. 215). В самом деле, в 1927 г. наблюдался значительный прирост безработных членов профсоюзов: в 1924/25 г. их насчитывалось 812,1 тыс. человек (без сельскохозяйственных рабочих), в 1925/26 г. — 931,1 тыс., т. е. на 14,6% больше, а в 1926/27 г. — уже 1319 тыс. человек, т. е. еще на 41,7% больше (там же, стр. 214). Рост безработицы в городах действительно несколько сдерживал приток населения из деревень. Однако рост безработицы наблюдался и в предыдущие годы, когда механический рост городского населения был не только весьма значительным, но и увеличивался из года в год. К тому же территориальная дислокация безработицы и притока населения из деревень в города не совпадала. Поэтому, считая вероятным сокращение ежегодного прироста массы переселяющихся на постоянное жительство в города (до 1927 г.), мы не видим причин для абсолютного уменьшения — и к тому же вдвое! — их общего числа.

И. В. Поздеева

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ
И РУКОПИСЕЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
им. А. М. ГОРЬКОГО МГУ
В 1966—1967 гг.¹**

Первые археографические экспедиции МГУ были организованы и проведены Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького. Понимание необходимости их проведения естественно выросло из требований научной жизни университета и прежде всего из задач активного докомплектования университетских коллекций русских рукописей и старопечатных книг. Специфика Отдела редких книг в системе университетской библиотеки требовала создания коллекций достаточно полных, чтобы на их базе можно было ставить систематические курсы палеографии, широко прибегать к ним при чтении курсов источниковедения, истории русской литературы и языка, русского искусства и т. д. Особенно большие и серьезные пробелы оказались в коллекции, необходимой для разработки курса истории книги, который уже много лет не читается в полном объеме ни на филологическом, ни на историческом факультетах МГУ. Кроме того, сами экспедиции со временем могут стать прекрасной практикой для студентов соответствующих специальностей.

Одной из основных причин, побудивших начать новую для университетской библиотеки работу, были постоянно получаемые сведения об участвовавших за последние годы случаях гибели или утечки в частные руки археографических памятников и книг². На практике мы прежде всего столкнулись с положением, о котором не раз уже писалось. Дело в том, что не существует не только никакого соответствующего законодательства, не только инструкции о полевой археографической работе, но нет и какого-либо органа (учреждения, комиссии, совета), призванного если не руководить, то хотя бы координировать деятельность многочисленных учреждений, проводящих в последние годы археографические экспедиции. В таких условиях выбор маршрута экспедиции и методика будущих полевых исследований стали, особенно для начинающих археографов, чрезвычайно трудными проблемами.

Было очевидно, что необходимо ориентироваться на районы, где сохранившаяся до нашего времени старообрядческая традиция имела глубокие исторические корни. Такие места хорошо известны, в особенности благодаря сведениям, приведенным В. И. Малышевым³. Оговоримся, что

¹ Краткая заметка на эту тему опубликована в журнале «История СССР», 1968, № 2, стр. 224—225.

² Нет надобности на страницах научных журналов доказывать необходимость археографических экспедиций. Эта задача уже решена в результате многолетней замечательной работы Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома, проводимой под руководством В. И. Малышева, и сотрудников Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Значительную роль сыграли публикации отчетов об экспедициях и особенно статья В. И. Малышева «Задачи собирания древнерусских рукописей» (ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 303—332) и его книга «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» (Сыктывкар, 1960).

³ В. И. Малышев. Указ. статья, стр. 308; В. Н. Автократов. О сохранности и обработке рукописных источников. — «Вопросы архивоведения», 1959, № 4, стр. 61.

мы сразу же отказались от Якутии и Сибири, труднодоступных мест Северного Урала, заманчивого, но далекого и уже хорошо изученного Пушкинским домом Поморья. Систематическое и последовательное изучение этих районов удобнее и правильнее проводить силами научных центров Новосибирска, Свердловска, Владивостока и др. В то же время на расстоянии нескольких часов езды от Москвы расположены интересные, с археографической точки зрения, районы Горьковской, Калининской, Ярославской, Куйбышевской, да и самой Московской областей.

Для первых разведочных поездок решено было избрать небольшие древние города недалеко от Москвы, в которых старообрядчество не только рано пустило корни, но, широко поддержанное купечеством, процветало в XIX в., и особенно после манифеста 1905 г. Изучив историю и нынешнее состояние таких мест, мы остановились на г. Ржеве (Калининская обл.) и г. Городец (Горьковская обл.). Для последнего наш выбор диктовался не только его историей, тесно связанной со старообрядчеством, но и наличием в нем в начале XX в. нескольких крупных собирателей-старообрядцев (например, Г. М. Прянишникова, П. А. Овчинникова), близостью старообрядческой типографии (г. Балахна). Важно было и то, что, хотя на другой стороне Волги, у плотины Горьковского моря в последние годы вырос большой современный город, старый Городец внешне изменился немного, и в нем еще достаточно сохранили отцовские и дедовские дома. Окончательный выбор был определен, когда удалось проследить переселение в Городец в 20-х—30-х годах XX в. нескольких монахинь бугровского толка, которые, как можно было предположить, перевезли с собой книги. Для археографа большой интерес представляет и весь Городецкий район; тщательное его обследование с учетом данных письменной и книжной традиции по методу В. И. Малышева⁴ и анализ собранного материала могут дать важнейшие результаты.

Однако другие учреждения гораздо ранее нас начали свои археографические поиски. В 1953—1958 гг. в Горьковской области и в Городце побывало несколько экспедиций Государственной библиотеки им. В. И. Ленина⁵, Пушкинского дома, Горьковских музеев. Кроме археографов, в этих местах работали сотрудники Рублевского и Русского музеев, которые также, по мере возможности, собирали книги и рукописи. Вполне вероятно, что и до сих пор мы еще не знаем о целом ряде археографических поездок в Городец, сведения о которых в печати не появлялись. А между тем все экспедиции, о результатах которых мы знаем по кратким опубликованным отчетам, были удачными. Из этих фактов следуют два вывода: очевидно, Городецкий район поразительно богат археографическими материалами, но археографическая работа на его территории велась не систематически, «наездами», обследования же в настоящем смысле этого слова не проводились. Ставить вопрос о таком обследовании теперь чрезвычайно трудно. Дальнейшая работа показала, что и остальные интересующие нас районы находятся примерно в таком же положении. Отправляясь с разведкой в Ржев и Городец, мы ни в коей мере не были гарантированы от необходимости работать там одновременно с другой археографической экспедицией, а то и сразу после нее⁶.

Не менее сложен был для нас вопрос о методике предстоящей работы. Пособиями могли служить, кроме статьи В. И. Малышева, отчеты об

⁴ В. И. Малышев. Указ. статья, стр. 314—317.

⁵ И. М. Кудрявцев, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Шапов. Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина в 1953—1956 гг. — «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 256—301; Я. Н. Шапов. Археографическая экспедиция в Горьковскую область. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 613—618.

⁶ Именно так и началась наша экспедиция: мы приехали в Городец через несколько часов после экспедиции Государственного музея истории религии и ате-

экспедициях, но этих материалов совершенно недостаточно, чтобы уверенно и сознательно организовать полевую археографическую работу. Помимо трудностей выбора маршрута и выработки методики отметим еще одну, на практике далеко не маловажную. Еще не выехав из Москвы, мы оказались в плену «неразрешимого» противоречия: чтобы иметь в перспективе возможность проводить археографические экспедиции, необходимо обязательно и сразу получить достаточно ценный материал, а чтобы обеспечить наилучшие условия для последующей работы в избранном районе, во время разведки следует брать минимум находок⁷. Практически это противоречие всегда, и у нас также, решалось только в пользу первого аргумента, т. к. фактически от узко «бухгалтерской» оценки результатов экспедиции в конечном счете зависела судьба ее дальнейшей работы.

Таким образом мы должны были не только выяснить перспективы археографических поисков в районе и решить вопрос о методике полевой работы применительно к данным конкретным условиям, но еще и привезти реальный и достаточно осязаемый археографический материал. Эти задачи заставили нас возможно серьезнее организовать подготовку будущих участников экспедиции. Кроме изучения истории старообрядчества, появления внутри него различных согласий, их нынешнего состояния и специфики старообрядческой литературы, особое внимание пришлось обратить на знакомство с наименее известными типами археографического материала, с которыми мы, однако, должны были столкнуться в любом районе. Речь идет о многочисленных произведениях канонической, догматической и полемической литературы. Изучая их, мы, естественно, коснулись и вопроса истории церкви и влияния этих произведений как на письменную старообрядческую традицию, так и на сегодняшнюю жизнь тех, пусть немногочисленных носителей этой традиции, с которыми и приходится работать в экспедициях. Другим важным направлением нашей подготовки стало изучение русской старопечатной книги, деятельности различных, особенно старообрядческих типографий⁸.

Были проведены две небольшие разведки: в июле-августе 1966 г. в Ржев и Городец⁹ (из Городца всего на два дня удалось заехать в г. Урень Семеновского района), в августе 1967 г. более длительная экспедиция в Горьковскую область¹⁰. В Городецком районе кроме самого Городца участники экспедиции побывали в деревнях Осинки, Долдонино,

---

изма и за несколько дней до экспедиции Государственного Русского музея. И летом 1968 г., когда настоящая статья была уже написана, во время работы в Саратовской и Куйбышевской областях именно нашей группе снова пришлось столкнуться с аналогичным положением: мы выяснили, что по разработанному маршруту совсем незадолго до нас проехали археографы ГБЛ.

⁷ По словам А. И. Рогова, академик М. Н. Тихомиров — инициатор и организатор экспедиций Археографической комиссии, советовал во время разведочных работ приобретать что-либо только в исключительных случаях.

⁸ К сожалению, все эти проблемы не входят в программу обучения даже студентов-специалистов — источниковедов и археографов. Ни одно высшее учебное заведение Москвы не готовит специалистов в области изучения старопечатной книги. Большую помощь в подготовке участников экспедиции Отделу редких книг оказал сотрудник Института славяноведения АН СССР А. И. Рогов. В 1966—1968 гг. им было прочитано несколько курсов лекций, посвященных истории старообрядчества, литературе и т. п. Помощь и консультации в связи с изучением старопечатной книги мы неоднократно получали и от сотрудника Отдела редких книг ГБЛ Т. Н. Каменевой.

⁹ Участвовали сотрудники библиотеки МГУ И. Д. Капшарова и И. В. Поздеева.

¹⁰ В состав этой экспедиции, имевшей грузовую машину, входили И. В. Поздеева — главный библиотекарь Отдела редких книг библиотеки МГУ, сотрудник Института истории искусств Министерства культуры СССР Г. В. Попов, командированный Министерством культуры РСФСР, доцент филологического факультета МГУ О. В. Орлов и два студента того же факультета.

Иголкино, Андроново, Вашуриха, Красное Раменье, Кривцово, Мочалино, Коньково; в Ковернинском районе — в деревнях Мартыново, Белбаж, Успенский выселок, Белые пруды, Шляпино, Большие Круты, Ключи, Шадрино, Острые и Копани.

В результате археографических работ 1966 г. в Отдел редких книг и рукописей библиотеки МГУ поступило 36 рукописных книг XVII—XX вв. (1 — XVII в.; 12 — XVIII в.; 17 — XIX в.; 6 — XX в.); 62 книги, напечатанные кириллицей (из них 3 — XVI в., 29 — XVII в., 15 — XVIII в. и 9 книг XVIII в. гражданской печати). Экспедицией 1967 г. было приобретено 38 рукописей (3 — XVI в., 2 — XVII в., 8 — XVIII в., 13 — XIX в. и 12 — XX в.) и 12 старопечатных книг (10 — XVII в. и 2 — XVIII в.)¹¹.

С точки зрения научного интереса, обилия и разнообразия материала первое место среди находок занимают 17 рукописных сборников (3 — датируются XVII в., 10 — переписаны в XVIII в. и 4 относятся к XIX—XX вв.). Наибольшую ценность представляет сборник (XVII в.) служб Иоанну Богослову, Успению Богородицы и русским святым (Кириллу Белозерскому, Иоанну Новгородскому, московским и казанским чудотворцам), а также рукопись, получившая условное название «Сборник выписок об антихристе». Она появилась во второй половине XVIII в., очевидно, в скриптории какого-то крупного поморского общинного хозяйства¹². Состав сборника отличается удивительной полнотой и широтой круга использованных источников (не только русских, но также польских и латинских в белорусских переводах), свидетельствует о высокой образованности его создателей, выходящей за рамки обычного старообрядческого уровня. Интересен сборник конца XVIII в., поступивший из Ржева, среди других материалов которого находятся полный текст «Пчелы» в расширенном позднем ее варианте, «Повесть о Белом Клобуке», «Сказание о росписи Храма Софии Новгородской», «Толкование неудобоназываемых... [слов] от греческого, сербского, болгарского и других языков».

В составе сборников можно отметить несколько интересных произведений житийной литературы, в том числе два списка XVIII в. жития Макария Желтоводского (один из них содержит также текст службы Макарию и описание его чудес), отрывок из жития Пафнутия Боровского, жития Петра и Февронии (в сборнике XVIII в.) и др.

В сборниках XVIII в. находится ряд списков древнерусских переводных и оригинальных повестей. Среди них редкий список повести «О старце, просившем руки царской дочери», два списка (XVIII и XIX вв.) «Повести о Белом Клобуке», повести «О Федоре купце», «О пьянстве», «Сказания о мерзком зелии, еже есть траве табаце», фрагмент «Слова о Тимофее Владимирском», «Беседа снискательная... о злых женах». В состав трех сборников вошли большие отрывки из «Пчелы» или компиляции на ее темы.

Из 37 рукописных книг церковно-служебного характера наибольшего внимания заслуживают пять. Это три рукописи XVI в.: Четвероевангелие в лист — первой половины XVI в., Апостол — середины и еще одно Евангелие — второй половины XVI в. Нарядность последней рукописи придают плетеные инициалы, изящная, писанная золотом вязь заголов-

¹¹ Подробное описание старопечатных книг будет опубликовано в «Сборнике трудов по фондам Отдела редких книг библиотеки МГУ за 1969 г.»; описание рукописей — в «Сборнике» за 1970 г.

¹² На протяжении 475 листов сборника смена почерка прослеживается 17 раз. Из них 14 раз она связана с началом новой тетради; 10 раз она сопровождается новой нумерацией листов, сделанной писцом. Во всех почерках наряду с индивидуальными особенностями строго сохраняется общая манера написания большинства букв и оформления листа.

ков и четыре прекрасных заставки неовизантийского стиля (первая со старопечатным клеймом), тонкий и живописный орнамент которых выполнен рукой первоклассного мастера, возможно, московской школы. Значительный интерес и ценность для университетской коллекции представляет приобретенный в списке XVIII в. иконописный подлинник святцев, которым пользовались четыре поколения старообрядцев-изографов Золотаревых¹³. К этой группе рукописей примыкает и полученный от П. П. Овчинникова (сына известного старообрядческого деятеля и издателя начала века П. А. Овчинникова) список Апокалипсиса Андрея Кессарийского, приписываемый руке Андрея Денисова¹⁴.

Из произведений, возникших в старообрядческих кругах, надо отметить один из ранних (конец XVIII в.) списков¹⁵ пространный редакции «Китежского летописца», полученный нами в г. Городце, и лицевую рукопись (конец XIX—начало XX в.), условно названную «О кресте и прочих священных предметах». Ее миниатюры выполнены в манере, близкой к поздней поморской живописной традиции.

Последнюю¹⁶ группу составляют 11 книг знаменного пения на крюковых нотах (XVIII—XX вв.; большинство имеет орнамент поморского и гуслицкого типа) и поздняя грамматика нотного пения.

Среди 68 книг XVI—XVIII вв., поступивших в Отдел редких книг в результате экспедиций, несколько очень редких ранних изданий. Назовем Напрестольное евангелие, напечатанное Петром Мстиславцем в 1575 г. в Вильне (Типография Мамоничей), обе части «Октоиха» Андроника Невежи (Москва, 1594), Минею Общую, напечатанную Никитой Фофановым (Москва, 1609 г.), «Октоих» 1618 г., изданный тем же Н. Фофановым и Федыгиным, Учительное евангелие В. Ф. Бурцова (Москва, 1639) и др. Особый интерес представляет находка в г. Ржеве второго экземпляра московской псалтыри 1624 г. (Московский печатный двор. 11.VI.1624 (28.XI—11.VI.7132) Михаил; Филарет. 1—370 л. 4°, строк 15, шрифт: 10 стр. = 88 мм; заст. 24, инициал. 20)¹⁷. Первый дефектный экземпляр находится в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Таким образом, с позиций «бухгалтерской» и узкобиблиотечной результаты экспедиции вполне удовлетворительны. С этих точек зрения и выбранные для проведения разведок районы и сложившаяся в ходе экспедиций методика работы оправдали себя. Отправляясь в экспедицию, мы думали в основном о том, как найти и получить (или зафиксировать) максимальное число памятников, но конкретная обстановка на местах заставила нас понять порочность и недопустимость сбора материала с единственной целью пополнения коллекций. Если прибегать к сравнению, то широко распространенная до сих пор, особенно в среде сотрудников библиотек, погоня за максимальным количеством (или, еще хуже, за качеством!) находок похожа на археологию XVIII—начала XIX в., чаще всего граничившую с кладоискательством. Как в археологии, так и в археографии найденный памятник (особенно поздний) может потерять большую часть своего научного значения, если его не сопровождает детальное описание всего стратиграфического окружения. Для

¹³ Книга получена в дар от изографа Г. И. Золотарева и имеет пометы его отца и деда. Пользовался ей и прадед Г. И. Золотарева иконописец Г. К. Золотарев.

¹⁴ Список не лицевой и никаких элементов иллюминации не имеет.

¹⁵ В. А. Комарович. Китежские легенды. М.—Л., 1936, стр. 15, 153. Наш список отличается от изученных В. А. Комаровичем несущественными деталями.

¹⁶ Кроме этого, в Ковернинском районе найдены два поздних (XIX в.) сборника духовных стихов, списки апокрифического «Сна Богородицы» и поздний «Травник».

¹⁷ А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. М., 1958, № 51.

археографии это понятие не менее сложное и многослойное, чем для геологии или археологии. Археографам еще только предстоит разработать и определить комплекс входящих в него проблем. Однако и сейчас уже совершенно ясна абсолютная необходимость подробнейшей фиксации всех разнообразных условий, в которых находился найденный материал. Нужно не только тщательно выяснить историю его происхождения и все остальные данные, связанные с местной рукописной традицией, но и стремиться понять и зафиксировать сегодняшние функции найденных памятников и отношение к ним окружающих. Важно также связать полученные сведения с определенным исторически сложившимся типом воззрений и судьбами его носителей в данном районе. Тщательное применение этого правила, даже при отрывочных и в большинстве случаев неполных данных, может помочь составить интересную общую картину, которая в комплексе с самими находками приобретает характер исторического источника. Описанный таким образом материал сохранит полноту своего значения не только для источниковедов, но и для историков (порой отнюдь не древних формаций), этнографов, диалектологов и даже социологов.

Такие цели экспедиции потребуют совершенно иной, сложной и тонкой, хорошо разработанной методики, более продолжительного времени и очень серьезной подготовки участников. Необходимо еще и правильное понимание задач и сознание ответственности со стороны учреждений, ведущих подобную работу. Большой интерес в этом плане представляют начатые несколько лет назад, но уже сейчас довольно широко проводимые Сибирским отделением Академии наук археографические исследования старообрядческих районов Сибири. В докладе о них Н. Н. Покровского на заседании Археографической комиссии (см. стр. 435—436 настоящего тома) впервые, пожалуй, были подняты вопросы о новых задачах и методике работы, превращающей поиск рукописей и книг в многоплановое продуманное исследование, зависящее от конкретных условий изучаемого района.

С точки зрения широко понимаемых задач археографической экспедиции, наши успехи, достигнутые в очень короткий срок, сами стали свидетельством недостатков работы¹⁸. Второй наш вывод из опыта проведенных экспедиций касается необходимости комплексного изучения наиболее интересных в археографическом отношении районов. Далеко не всегда, правда, рационально организовывать и проводить одновременно широкую комплексную экспедицию. Преимущественно лучше работать небольшими группами специалистов не более двух профилей, подобранных с учетом единства методов работы (например, нам во время экспедиции остро не хватало диалектолога)¹⁹. Очевидно, что такая развернутая во времени комплексная экспедиция должна иметь общие цели,

¹⁸ Сказанное вовсе не означает, что мы вообще против коротких (и тем более удачных!) экспедиций. Во-первых, конкретные условия многих районов, особенно в связи с расширением не всегда бескорыстного «машинного» туризма, требуют немедленного проведения в них археографической работы. Во-вторых, силы и средства, которые используются сейчас для археографической полевой работы, совершенно недостаточны и к тому же вследствие отсутствия координации и единого плана работ нередко затрачиваются впустую. В-третьих, далеко не все районы, которые должны быть обследованы, требуют сегодня систематической и длительной работы. (И чем дальше, тем их будет больше). Наконец, можно за короткий срок тщательно и правильно обследовать небольшой район внутри избранной для систематической работы территории.

¹⁹ Во время подготовки археографических экспедиций 1968 г. мы попытались провести этот принцип в жизнь. К сожалению, нам удалось привлечь только искусствоведа: в археографических экспедициях Научной библиотеки МГУ этого сезона принимала самое деятельное участие К. Г. Тихомирова — сотрудник Московского государственного музея им. А. Рублева. Наша совместная работа значительно расширила задачи и возможности экспедиции, результаты которой будут, очевидно, темой специальной статьи.

хорошо составленные маршруты, единый план и может быть успешно проведена только при условии четкой координации всех археографических работ²⁰.

Как показала практическая работа, авторитетный орган, во всесоюзном масштабе координирующий полевые исследования, совершенно необходим также для выработки определенного «юридического статуса» экспедиций на местах и при необходимости для установления официальных отношений с местными советскими культурными органами. Важность решения этих вопросов мы остро почувствовали в Горьковской области, когда возникла потребность обследования книг, хранящихся в закрытых церквях, старопечатных и рукописных коллекций в местных музеях²¹. Прodelать эту работу было нужно как с точки зрения сохранности материалов, долгие годы лежащих в сырых, плохо закрытых помещениях, так и для более полного знакомства с районом, но в этом случае наши университетские командировки оказались недостаточно «авторитетными».

Так, несмотря на командировки Московского университета и наличие в составе группы представителей Министерства культуры РСФСР, Горьковского художественного и даже Арзамасского краеведческого музеев, заместитель председателя Арзамасского горисполкома Н. А. Переводов (председателя исполкома в это время в районе не было) категорически запретил экспедиции работать на территории «его» района. А ведь мы ничего не собирались «вывозить»; у нас были все полномочия из центра и области; присутствие сотрудников заинтересованных организаций из Горького и Арзамаса должно было гарантировать экспедицию от каких-либо недоразумений, и тем не менее, когда мы начали работу, она была сорвана Переводовым, обещавшим немедленно с помощью милиции «выдворить» нас из Арзамасского района²².

Данный пример — только одно из проявлений доведенных до абсурда ложно понятых «местных» или «ведомственных» представлений о принадлежности памятников культуры. С другим, широко распространенным явлением этого же порядка мы столкнулись в Балахне при обследовании Троицкой кладбищенской церкви. Сначала все мужчины нашей экспедиции в течение двух часов под наблюдением ответственных за сохранность здания и находившихся в нем материалов товарищей из Балахны вскрывали церковные двери, забитые по всему периметру двадцатисантиметровыми гвоздями. Когда наши усилия, наконец, увенчались успехом, и мы вошли в церковь, то увидели десятки разбитых досок, искалеченную резьбу, листы порванных, сгнивших и сгоревших книг. Все это было покрыто толстым слоем мусора, веток и результатами деятельности полчищ голубей. Почти наощупь (окна церкви были забиты) в свете фонариков мы копались в этой грязи, собирая доски, на которых еще сохранились остатки живописи. О сюжете и времени найденных нами икон можно было говорить, только основательно поработав, счищая слежавшуюся грязь; книги же погибли все. Во время нашей работы в Горьковской области мы ежедневно сталкивались с фактами гибели десятков и сотен

---

²⁰ Инициативу в организации и проведении комплексных экспедиций могли бы взять на себя институты или высшие учебные заведения специального профиля. Естественно было бы ожидать осуществления комплексного изучения какого-либо района (например, того же Ковернинского в Горьковской области или Вельского в Калининской) силами Московского университета.

²¹ На проведении такой работы как обязательной для археографа настаивает и В. И. Малышев (Указ. статья, стр. 323).

²² Пользуясь случаем принести глубокие извинения товарищам из Арзамасского общества охраны памятников, так как мы обещали им во время обследования района составить аннотированный список памятников архитектуры, которые необходимо поставить на местный учет, но не смогли закончить эту работу по вышеизложенным причинам.

древних икон, рукописей, книг и т. п., но ни разу не слышали, чтобы кто-то понес за это ответственность²³. Такое положение удивительно и петербуржцам на фоне громадной работы по охране памятников истории и культуры, которая систематически проводится в общегосударственном масштабе.

Таким образом, разрешение как вышеизложенного, так и других важнейших вопросов археографической работы оказывалось фактически невозможным вследствие отсутствия авторитетного научного координационного центра. Цели и задачи такого органа, а также конкретный план его создания были сформулированы В. И. Малышевым еще в 1964 г.²⁴ Прошедшие годы показали жизнеспособность и актуальность как самой идеи, так и предложенных автором организационных форм.

Кроме составления единого плана археографических поисков, установления очередности исследования, необходимо разработать методику обследования различных районов и возможно быстрее составить специальную инструкцию, охватывающую все вопросы экспедиционной работы — от подготовки кадров до принципов хранения и описания полученного материала. При составлении единого плана работ было бы удобно выделить районы, требующие комплексного обследования с учетом всех особенностей археографической стратиграфии, и обратить на них особенное внимание. В задачи координационного центра войдет, очевидно, также деятельность по привлечению к полевой работе новых сил и новых учреждений. Для организации экспедиционной работы и контроля за ней можно было бы в какой-то мере воспользоваться опытом «Полевого комитета» Института археологии АН СССР. Очень важно как с точки зрения взаимоотношения экспедиций, так и статуса их на местах разработать форму обязательного документа типа «открытого листа», дающего право проводить археографические поиски на данной территории. Полезно было бы по методу того же «Полевого комитета» ввести и правило сдачи подробного отчета об экспедиции. Для оказания помощи при организации и проведении экспедиции нужно было бы систематически составлять детальную карту экспедиционной работы и публиковать сводную хронику обо всех экспедициях за год. Большое значение для дальнейшего расширения и улучшения археографических исследований могут иметь периодические отчетные или теоретические конференции. Важное место в будущей работе естественно должны занять и вопросы пропаганды. Очень хочется верить, что в той или другой организационной форме задачи, от решения которых в громадной степени зависят успехи полевой археографической работы, будут, наконец, решены.

---

²³ Было бы несправедливо, конечно, умолчать о громадной помощи десятков людей, без которой невозможна работа ни одной археографической экспедиции. Мы с благодарностью и глубоким уважением вспоминаем П. П. Овчинникова и его семью, председателя Митрофановского сельсовета Городецкого района И. С. Усова, Г. И. Золотарева, Ф. Н. Староверову, С. И. Охотникову, И. К. Харламову и многих других товарищей, помогавших нам в поисках или передавших экспедиции рукописи и книги.

²⁴ В. И. Малышев. Указ. статья, стр. 308—309.

*В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп,
Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская*

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР В 1965—1967 гг.

Наличие у старообрядческого населения Сибири древних рукописных и старопечатных книг отмечалось уже в конце XVII—XVIII вв. как церковными деятелями, боровшимися с расколом, так и участниками различных экспедиций, описывавших Сибирь и ее обитателей. О древних книгах у забайкальских семейских, у алтайских «поляков», в старообрядческих поселениях Бухтармы говорили авторы многих этнографических описаний и исследований, посвященных расколу в Сибири, в частности А. М. Селищев, А. Новоселов, Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова в отчетах об этнографических наблюдениях над жизнью сибирских старообрядцев¹.

Однако сколько-нибудь целенаправленного археографического изучения сибирских старообрядческих поселений до недавнего времени не производилось; не было известно даже, в какой мере и для каких именно районов могли сохранить свою ценность к середине XX в. прошлые наблюдения о наличии книг у сибирских старообрядцев. Понятно, что коренные социальные сдвиги нашего века, сопровождавшиеся сложными миграционными процессами и ликвидацией патриархальной замкнутости самых отдаленных уголков Сибири, решительным образом преобразовали жизнь и в районах компактного поселения сибирских «кержаков», описанных в научной литературе прошлого.

Лишь с осени 1959 г. по инициативе академика М. Н. Тихомирова В. Б. Павлов-Сильванский и А. И. Рогов начали экспедиционное обследование старообрядческих поселений Сибири. Эти экспедиции Археографической комиссии проводились в сезоны 1959—1962 гг. и охватывали старообрядческие поселения Забайкалья, а затем — Дальнего Востока². В ходе работ были подтверждены известия о наличии в обследованных районах рукописных и старопечатных книг, многие из которых были приобретены Археографической комиссией. Была доказана перспективность дальнейших археографических работ в Сибири. Незадолго до своей кончины академик М. Н. Тихомиров выдвинул план продолжения археографического обследования старообрядческих поселений Сибири силами Сибирского отделения АН СССР.

Летом 1965 г. Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской была произведена первая археографическая разведка в Западной Сибири, а в сезоны 1966 и 1967—1968 гг. из Новосибирска было отправлено несколько археографических групп в старообрядческие поселения бас-

¹ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; А. Новоселов. Отчет о поездке на Алтай. — «Известия Западносибирского отдела Русского географического общества», 1913, т. I, вып. 2; Е. Э. Бломквист. Н. П. Гринкова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.

² В. Б. Павлов-Сильванский, А. И. Рогов. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 216—221.

сейнов Оби и Енисея, в Забайкалье и Алтайский край³. Экспедиции были организованы Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР при участии Новосибирского государственного университета и Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. В состав экспедиционных групп входили В. Н. Алексеев, З. В. Бородина, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, а также студенты гуманитарного факультета НГУ.

С первых же шагов выяснилось, что далеко не все наблюдения прошлого о районах распространения раскола в Сибири сохранили свое значение для археографических поисков в наши дни. Многие традиционные районы полностью утратили свою старообрядческую специфику, в других местах она исчезает на глазах. Особенно важным для нашей работы оказался почти не отраженный в научной литературе факт значительных миграций старообрядческого населения в начале XX в. и позднее из традиционных центров сибирского раскола в новые, наиболее отдаленные горные и таежные уголки Сибири. В новых местах старообрядцы зачастую сохраняли больше элементов древней культуры и традиции, чем на родине; это иногда относится и к памятникам древнерусской письменности и печати, хотя сам факт далеких передвижений, часто по бездорожью, не мог не сказаться на характере подбора книг — в трудную дорогу брались в первую очередь служебные книги.

Некоторые из отдаленных старообрядческих поселений, заимок, скиотов представляют немалый интерес для археографии не только потому, что там встречаются древние книги, — здесь до сих пор сохраняются в памяти стариков многие подробности недавней широкой практики переписки книг. В нескольких местах удалось даже наблюдать последние остатки этой практики: переписку книг гусиными перьями, изготовление переплетов, ремонт книг и т. д. Интересно отметить, что и при переписке книг традиции сочетаются с новшествами: наряду с гусиными перьями здесь употребляют специально заточенные стальные; древние рецепты приготовления железистых чернил многие помнят очень хорошо, но из-за отсутствия дубовых орешков все чаще применяют черную тушь и даже канцелярские чернила; штампы для тиснения переплета чаще всего повторяют орнаменты переплетов XVII—XVIII вв., однако изготавливаются они не только из меди и бронзы, но и из алюминия. Известна и кое-где до сих пор применяется для линовки бумаги терекса (тиракса), но вместе с тем употребляется и линованная бумага, даже тетрадная, правда, не для переписки служебных книг.

Наши экспедиции ставили перед собой задачу не только выявления и приобретения древних книг, но и фиксации в путевых дневниках сведений о традиции их переписки у старообрядцев Сибири. Однако достаточно быстро выявилась необходимость еще более широкой постановки задач. Книги, вывезенные из какой-либо местности археографической экспедицией, помогают исследователю решить важный вопрос об особенностях того или иного района распространения древнерусской письменности и культуры, о специфике круга чтения в этом районе, о центрах и школах переписки книг и т. д. Примером подобного исследования является работа В. И. Малышева об Усть-Цилемских сборниках⁴. Характерно, что анализ самих сборников сочетается здесь с использованием различных сведений о письменной традиции, полученных от местного населения.

В условиях Сибири работа по выявлению и приобретению древних книг в районах старообрядческих поселений неизбежно должна допол-

³ Точные маршруты экспедиций указаны в отчетах и дневниках, хранящихся в архиве Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

⁴ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

няться сбором и фиксацией разнообразных данных, без которых невозможно полное и объективное использование самих книг как источника по истории культуры того или иного района. Поскольку речь идет о выяснении истории старообрядческих культурных центров XVIII—XIX вв., факт значительных миграций старообрядческого населения по огромным просторам Сибири приобретает в археографической работе большое значение: для правильного суждения о найденной книге, для осмысливания наблюдений о распространенности тех или иных древних книг в настоящее время в данном районе необходимо прежде всего знать, когда появилось здесь старообрядческое население, откуда оно пришло; в частности, когда и откуда пришла семья, хранящая интересующие археографа книги. Подобным путем удалось, например, выявить книги из традиционных старообрядческих районов Алтая, попавшие за много сотен верст в районы сравнительно новой русской колонизации (конца XIX—XX вв.) в бассейне среднего и верхнего Енисея. В какой-то части наблюдения, сделанные здесь, могут помочь исследователю истории письменности, книжной и фольклорной традиций алтайских старообрядческих поселений.

Необходимо обращать внимание не только на основные пути крестьянских миграций, характерные для данного района, но и на то, к какому старообрядческому согласию принадлежат (или принадлежали) семьи, обладающие интересными для археографа книгами. Специфика согласий накладывала немалый отпечаток на литературные вкусы и традиции, диктовала внимание или, наоборот, отсутствие интереса к определенным циклам исторической и полемической старообрядческой литературы XVII—XVIII вв. Для сибирских общин поморского согласия (различных толков) характерен повышенный интерес к произведениям Андрея Денисова, Ивана Филиппова, наличие определенной суммы знаний об Аввакуме и его произведениях. В то же время круг литературных интересов часовенного согласия заметно иной: это, в первую очередь, произведения, связанные с Керженцом и Уралом; «Поморские ответы» здесь почти неизвестны, однако житие Аввакума пользуется популярностью и в этой среде. Для поселений Томской тайги характерно резкое снижение интереса к «четьей» литературе у часовенного согласия по сравнению с поморским.

Мы стремимся поэтому возможно точнее выявить распространение того или иного согласия в обследуемом районе как в настоящее время, так и в прошлом. Однако при разрешении этого вопроса приходится встречаться с целым рядом серьезных трудностей. Они вызваны значительными и абсолютно неизученными изменениями в составе, географии, внутренней организации и догматике сибирских староверческих согласий в XX в., а также отсутствием обобщающих работ по сибирскому расколу XVIII—XIX вв. Ломка старых устоев и бурные социально-экономические процессы нашего века вызвали не только значительное изменение районирования различных староверческих толков, но и привели к перемешиванию согласий между собой, разрушению их старой организационной структуры и возникновению в отдельных местах новой структуры, приспособленной к новым условиям. Ликвидация старой иерархии открыла свободу неограниченного догматического и обрядового творчества перед рядовыми верующими, что немало способствовало деформации старых догматических и обрядовых границ между согласиями. Иногда это приводило даже к утрате памяти о традиционном названии своего согласия, так что ни названия, ни догматических отличий его нам сообщить не могли. Иногда бытующее в данной местности название (как, например, «безденежные», «непишущиеся», «чашечники») лишь указывает на какую-то догматико-обрядовую деталь, характерную для различных согласий прошлого, причем старообрядцы, усвоившие сейчас это

наименование, генетически могут и не быть связанными ни с одним из этих согласий. В ряде случаев нам еще предстоит выявить картину таких генетических связей, особенно для некоторых поселений среднего течения Оби. Даже традиционное, известное в XIX в. название согласия, если оно удержалось до наших дней, может ничего не говорить исследователю без анализа содержания нынешних догм и обрядов.

Таким образом, обследование возможно более широкого комплекса обрядово-догматических вопросов данного района старообрядческих поселений становится необходимой составной частью работы археографических экспедиций. В ходе экспедиционного обследования района при повторных продолжительных беседах в тех же семьях в течение ряда лет вполне возможно уточнение многих вопросов, связанных как с кругом традиционных литературных интересов, так и с деталями догматики, обрядов, быта⁵.

В качестве примера использования, с одной стороны, данных о выявленных в той или иной среде исторических и литературных произведениях, с другой стороны, полученных в беседах сведений о генетических связях старообрядцев исследуемого района (в географическом и догматическом планах) можно указать на экспедиционную работу в поселениях часовенного согласия юга Западной Сибири. Догматическая и полемическая литература здесь носит во многом смешанный характер, так как бытуют сочинения XVIII—XIX вв., встречающиеся как у поповцев, так и у беспоповцев (полемика о священстве, о чувственной или духовной природе антихриста, об Илье и Енохе и т. д.). Мало того, по одному из основных вопросов, разделяющих поповщину и беспоповщину — о природе антихриста, — часовенное согласие здесь явственно разбито на две полемизирующие одна с другой части; иногда они даже отказываются общаться между собой. Нет догматического единства и по другому вопросу, который уже в конце XVII в. разделял поповщину и беспоповщину: о таинствах, особенно о причастии. Вместе с тем нельзя говорить, что часовенные здесь распались на два согласия с различными догматико-обрядовыми системами. Эти противоречия находят очень четкое объяснение в сохранившихся до наших дней в этой среде традиционных взглядах на генезис часовенного согласия, его отделение в начале XIX в. от поповщины (точнее — от беглопоповщины) и переход в это время значительной части уральских поповских скитов к практике беспоповщины. Взгляды эти базируются на хорошо известных здесь (и до сих пор переписываемых) сборниках по истории согласия, состоящих из созданного на Урале во второй половине XIX в. «Родословия» согласия, списков его деятелей со времен Никона, постановлений уральских и сибирских соборов XIX—начала XX в. и т. д. Собранные экспедициями сведения о массовом переселении часовенных с Урала в Западную Сибирь в конце XIX—начале XX в. подтверждают полученную картину происхождения сибирских часовенных, которая хорошо объясняет отмеченные противоречия как в литературных интересах, так и в современных догматических взглядах.

Работа в специфической среде сибирских старообрядческих поселений требует терпения, упорства и времени; мы считаем желательным длительное, многолетнее изучение одних и тех же районов. Поскольку

⁵ Эти последние задачи требуют, однако, определенных навыков и затраты времени; не всегда еще наши экспедиции выполняют их успешно. Разрабатываются программы соответствующей подготовки студентов, участвующих в экспедициях; мы стремимся давать им необходимые лекционные курсы и практические занятия, позволяющие свободнее ориентироваться в вопросах, встающих во время экспедиционных работ. Наличие в Новосибирске богатого Тихомировского собрания древних рукописей и старопечатных книг значительно облегчает такую подготовку студентов к экспедициям.

во многих из этих районов археографические и этнографические экспедиции ранее не бывали, объяснить цели нашей работы и рассеять естественное недоверие трудно; районы надо «разрабатывать» годами экспедиционных работ; поспешные попытки взять, что лежит на поверхности, могут лишь испортить все дело. Практика показывает, например, что весьма оправдывается трата времени и сил на такую, казалось бы далекую от археографических задач, работу, как выяснение и заучивание переплетения родственных связей наиболее интересных старообрядческих семей района. Это позволяет не только лучше ориентироваться во время долгих предварительных бесед, перекидывать мостики от более освоенных поселений к менее освоенным, но и избегать возможных прочетов при установлении контактов с представителями сельской интеллигенции и администрации.

Завоеванное иногда с немалым трудом доверие в каком-либо районе старообрядческих поселений можно использовать не только для сбора древних книг; некоторые наши группы попутно собирают интересный этнографический материал. Подобные задачи мы будем ставить и в дальнейшем, хотя такая комплексность иногда не может не создать дополнительных трудностей: одно дело — интерес к древним (в том числе — служебным) книгам, к истории старообрядчества; интерес к бабкиным платьям и вышивкам расценивается старообрядцами иначе. Практика покажет, видимо, оптимальные варианты сочетания различных экспедиционных задач; мы, во всяком случае, не считаем правильным заниматься только сбором книг. К тому же этнографический материал подчас служит необходимым и органическим дополнением к письменным свидетельствам и прочим источникам о данном культурном районе. (Напомним хотя бы давно сделанные наблюдения об орнаментике бухтарминских старообрядцев.) Сочетание работы по выявлению и приобретению рукописных и старопечатных книг с многоплановым обследованием ряда районов старообрядческих поселений должно стать важным принципом наших археографических экспедиций.

Приводим предварительное описание рукописных книг, привезенных археографическими экспедициями в 1965—1967 гг.

1. Минея служебная с паремийными чтениями на июль. XV в. 26,9 × 20,1. 193 лл. Водяной знак: щит с лилией (Лихачев, № 1454; 1452—1514 гг.). Полуустав. Текст в два столбца. Киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. Включает паремийные чтения о Владимире (лл. 87—93), о Борисе и Глебе (лл. 147—160 об.).

2. Сборник. Перв. треть XVI в. 14,8 × 9,8. 539 лл. Водяной знак: кувшинчики нескольких типов (ср. Лихачев, № 1956—1957; Брик, № 12801—12802; 1549—1560). Скоропись. Киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. Состав: «Предисловие преписующего» к полемической части сборника (лл. 1—18 об.); «Написание обдержно главам настоящия сия книги» (лл. 21—24); «Аще кто хочет божественная писания прочитати» (лл. 25—27 об.); Сказание и 11 слов Проветителя Иосифа Волоцкого (лл. 28—418 об.); «Слово пребольшее» Ермолая-Еразма (лл. 419—504); Исповедание веры и побучение автора к христианам (лл. 505—509); «Наказание отец о пользе душевной всем православным христианом» (лл. 509—511); «Сказание, что ради именуется алилуия» (лл. 511—511 об.); Выписки из словарей разного типа (лл. 511 об. — 513 об.). Послание Иоанна Златоуста к Кирияку епископу (лл. 514—519 об.); «Сказание о Феофиле патриархе Александрийском и о смерти его» (лл. 519—523); «Повесть о храме Богородицы, в нем же родися» (лл. 523—527 об.); «Послание к брату столпнику» Илариона, отрывки (лл. 528—531 об.); «От старчества духовного врачевствия» (лл. 532—532 об.); О святом Антонии (лл. 532 об. — 533); «Палладия епископа к Лаусу препоситу отписание», из Египетского патерика (лл.

533—534 об.); «О имевшем имя велико, дела же не к тому, и о другом страшнем недужнем и добродетельном» (лл. 534 об. — 537); «Речи избранные» (лл. 537—539 об.).

3. Сборник крюковой (октоих, стихиры праздничные и постные). Вторая половина XVI в. 20,5×14,7. 932 лл. Водяной знак: сфера нескольких типов. Полуустав, Заставки нововизантийского стиля. Переплет — доски в коже.

4. Октоих на крюковых нотах. XVI в. 17,5×12,2. 102 лл., без окончания. Л. 2 написан в XIX в., лл. 1 и 3 — чистые. Водяной знак: перчатка с цветком (Лих. N 4072; 1549). Полуустав. Киноварные инициалы. Переплет картонный.

5. Ирмосы на крюковых нотах. XVI в. 13,9×9,1. 190 лл. без начала; л. 43 написан в XIX в. Водяные знаки: кувшинчики с буквами DP (Лих. № 1950; 1954), $\frac{ND}{R}$ (Лих. № 4069; 1588). Полуустав. Киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. На лл. 1—2 скорописью XVI в. фрагмент записи: «... Попов Федору Селиванову сыну из деревни Сполутова». На л. 170 об. скорописью XVI в. запись «тарабарщиной» (повторена дважды): «Анилас лию тпичю часоверую ирмосо ищпап нон ракциец лып нонощ арип (А писал книгу глаголемую ирмосо Иван поп Матвиев сын Попов Аминь)». Ниже: «Поце Матвиев». На переплетном л. нижней крышки скорописью XVIII в.: «Сия книга глаголемая певчая панотная».

6. Стихиры крюковые. XVI в. 18,7×14,3. 335 лл. Полуустав. Заставка нововизантийского стиля. Переплет — доски в коже. Филигрань: кувшинчик одноручный, литеры DM (ср. Тромонин № 809, 1589); в конце (с л. 286) попеременно с прежней бумагой бумага XVII в.; филигрань: шут с пятью бубенчиками.

7. Сборник крюковой. Нач. XVII в. 14,2×8,8. 412 лл., лл. 43—47, 131—133, 141, 249—255, 411—412 чистые; лл. 8—10, 17—18, 33—34, 57—58, 65, 140, 248—249, 410 написаны в XVIII в. Водяной знак: кувшинчик с буквами I B (типа: Геракл. № 780; 1625). Полуустав. Переплет — доски в коже. Состав сборника: Ирмосы (лл. 5—130 об.), Обиход (лл. 134—140 об.), Октай (лл. 142—248 об.), Обедница (лл. 256—410). По лл. 5—20 фрагменты записи скорописью начала XVII в.: «Сия книга глаголима ирмо... посадова человека Василея Дмитриева сына... а подписал аз Василей сам своєю рукою». На л. 412 скорописью XIX в. запись: «Ирмосы и Актай есаула Акима Смирнова куплена 13 июня у салдата Авсянникова в 1873 году за 5 руб. Воронежской губернии».

8. Триодь и стихиры крюковые. Первая половина XVII в. 18,5×14,0. 324 лл. Полуустав. Заставка и украшения на полях старопечатного стиля. Переплет — доски в коже. По листам фрагменты записи: «... и Триодь повсядненная и воскресная... 156-го году апреля в 6 день на великой реке Лене в Якутском остроге...»

9. Сборник крюковой (ирмосы, стихиры, всенощная) XVII в. 18,9×14,2. 232 лл., лл. 1, 64, 232 — чистые. Рукопись составная, из двух частей: 1) ирмологий и стихиры, лл. 2—63; водяные знаки: кувшинчик одноручный, с литерами PO, с розеткой на горлышке (общий тип: Геракл. № 712—719; 1644); кувшинчик с буквами I C типа Брик № 12746; 1646). 2) Всенощная, лл. 65—232; водяной знак — голова шута с пятью бубенчиками, типа Геракл, № 1227, 1649 г. Полуустав. Заставки старопечатного орнамента. Переплет — доски в коже. Запись скорописью XVII в. по лл. 2—59 (наполовину стертая): «Лета 71. 5-го (7185 — ?) декабря в 25 день сию книгу стихарал отдал Костромские съезжия избы подъячей Иван Григорьев сын Гря... в ... князя Федора Ивановича Волынского (?) в село... к церкви Преображения... сию книгу ради (?) ... книги стихаря... родичей...»; на л. 136 запись полууставом XVIII в. «1724».

10. Шестоднев. Кон. XVII в. 14,7×9,1. 445 лл. Водяной знак — шут с семью бубенцами (типа Геракл. № 1407; 1681). Полуустав. Заставки грубой работы, киноварные инициалы. Переплет — доски в коже; верхняя крышка утрачена.

11. Сборник. Кон. XVII и нач. XVIII в. 19,8×16. 302 лл., лл. 1,72, 89—91, 100—101, 301—302 — чистые. Рукопись составная. Водяные знаки: герб Амстердама с литерами IDB (Клеп. № 1111; 1705—1706), шут с семью бубенцами, герб Амстердама (типа Геракл. № 55; 1688), семь провинций, герб Амстердама без литер. Полуустав разных почерков. Заставки и инициалы. Переплет — доски в коже. Состав: Житие Симеона столпника (лл. 2—17), Житие Марка Афинейского (лл. 17 об.—32), Житие Евстафия Плакиды (лл. 32 об.—41 об.), Слово Кирилла Александрийского о исхождении души от тела и втором пришествии Христове (лл. 42—58 об.), Житие и подвизи св. праведного Алексея человека божия (лл. 59—68 об.), Мучение св. великомученицы Екатерины (лл. 68 об.—71 об.), выписки из книги Зерцало богословия (лл. 73—99 об.), Изложение правил св. апостолов (лл. 102—300 об.).

12. Октоих на крюковых нотах. Кон. XVII—нач. XVIII в. 19,8×15,3 176 лл., л. 176 чистый. Водяные знаки: герб Амстердама (Клеп. № 1197, 1703—1709), шут с семью бубенцами (тип Геракл. № 1382, 1383; 1680). Полуустав. Заставки, киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. На л. 115 об. киноварью рукою писца запись: «Слава совершителю богу аминь. Октай продать, а деньги...»

13. Стихиры праздничные. XVIII в. 23,5×19,2. 296 лл. Водяной знак Strasburg bend с литерами IV (Клеп. № 1184; 1742, 1757). Полуустав. Многочисленные заставки, инициалы, титульный лист в красках с золотом поморского стиля. Рукопись роскошная. Переплет — доски в коже.

14. Сборник старообрядческий XVIII в. 19,8×15,4. 201 лл. Водяной знак Pro Patria с литерами GR (Клеп. № 1044; 1762). Полуустав трех почерков. Киноварные инициалы, рисунки рук, крестов в красках, заставки в красках. Переплет — доски в коже. Состав: Слово Палладия мниха о втором пришествии Христове и о страшном суде (лл. 3—28); Житие Алексея человека божьего (лл. 29—38 об.); Поучение о еже чем спасались святые отцы (лл. 39—48); Вопросы и ответы (лл. 95—201); выписки из сочинений отцов церкви, из Звезды пресветлой.

15. Праздники на крюковых нотах с разводом демественного пения XVIII в. 20,2×16. 112 лл. Водяной знак Pro Patria с литерами GR под короной (Клеп. № 1044; 1762). Поморский полуустав. Заставки и инициалы в красках поморского стиля. Переплет — доски в коже. На л. 1 об. текст: «Свидетельство о святем пении ис книги летописи киевской часть 2 степень 2. Яко во время благочестиваго князя Ярослава Владимировича приидоша из Царяграда богом подвизаеми трие мужие, с роды своими, певцы гречестии и принесоша с собою книги певчия осмогласнаго пения и демественныя и троестрочное пресладкое гласование». Затем следует «Сказание демественному ключевому знамени. Зде положен развод столповым знаменем».

16. Псалтирь с воследованием. XVIII в. 20,5×15,8. 355 лл. Водяной знак: литеры РФ СЯ (Клеп. № 534; 1765). Полуустав. Две заставки в красках грубой работы. Переплет — доски в коже.

17. Сборник XVIII в. 20,3×17,1. 318 лл. Водяные знаки: ВФ СТ (Клеп. № 151; 1765—1776); лилия с литерами DEMR (типа Клеп. № 790; 60-е годы XVIII в.). Полуустав разных почерков. Переплет — доски в коже. Состав: Страсти христовы (лл. 1—64), глава из Великого Зерцала о видении некоего человека (лл. 64—71 об.). Повесть душеполезна о царе Аггеи (лл. 72—75), О рождении и отрочестве Ануфрия Великого (лл. 75—79), Книга Барония о антихристе, глава 15 (лл. 79

об. — 95 об.). Книга апокалипсис, напечатана повелением царя... Иоанна Васильевича (лл. 96—98). О богомерской и проклятой бесовской табаке (лл. 98—100), Правило Великого Василия (лл. 100—101 об.), Слово святого Иосифа Волоцкого на еретиков (лл. 101 об.—104 об.). Сказание о развращении богомерских новых книг и о ересех и плевелах насеянно на погибель душам христианским и на истребление веры (лл. 105—119), Поучение о смертной памяти, еже есть победа на уныние и леность и пренеомогание (лл. 120—124 об.), Чудо о трех иконах св. отца Николы (лл. 125—130 об.), Книга Патерик скитский, отрывок (лл. 131—132 об.), Мучение св. мученика Кирика и матери его Улиты (лл. 133—144); Статьи из Пролога: Память Герасима иже на Иордани (лл. 145—148), Благовещение богородицы (лл. 148—150), Память победоносца Георгия (лл. 150—155 об.), Слово о прении Петрове с Шимоном волхвом (лл. 155—159 об.), Слово о христианине вземшем злата у жедовина (лл. 159—163), Память великомученика Прокопия (лл. 163—165 об.), Слово о жидовине его же болна суца крестиша и бысть здрав (лл. 165 об. — 167 об.), Слово о богатем и безыменнем и убозем Лазаре (лл. 167—171), Страдание священномученика Харлампия (лл. 171—188 об.), Поучение к царям и князем к епископом и ко всем христианом еже не упиватися (лл. 188—191). Слово о велицем святителе Иоанне архиепископе новгородском како бысть во единой ноци из Нова града во Еросалиме граде и паки той же ноци возвратися в великий Нов град (лл. 191—198 об.), Слово о черноризце, давшем ризу свою нищему и яко самому Христу вдаде (лл. 199—200 об.). Память преподобного отца нашего Антония Римлянина (лл. 200 об. — 203), Повесть страшна и трепетна и умилительна о суде Божии и Удоне епископе Магдебургском, како он страшным и ужасным образом смерть прият и велми грозно осужден бысть (лл. 203—210 об.), Слово Кирилла архиепископа Александрийского о исходе души от тела и о втором пришествии Христове (лл. 210 об. — 227 об.), Повесть о некоей убозей девице (лл. 228—230 об.), Страсть св. великомученицы Екатерины (лл. 231—245 об.), Чудо о Христофоре попе, како св. Николай избавил от посечения меча (лл. 245 об. — 247), Чудо о некоем детище утопшем, его же св. Никола жива сохрани (лл. 247—254 об.), Чудо св. Николы об обнищавшем монастыре его же обогати златом (лл. 254 об. — 256), Сказание о трех девицах (лл. 256 об. — 259), Слово Иоанна Златоуста о умилении души (лл. 259—260 об.), Слово св. отец о умилении души (лл. 261—263), Память Николы Мирликийскаго чудотворца, и в наших русских странах весь род христианский память его празднуем (лл. 263—275), Слово о чудеси св. Николы о трех друзех (лл. 275—281), Житие Алексея человека божия (лл. 281—288 об.), Притча о трех друзех (лл. 289—293 об.), Катихисис, отрывки (лл. 293 об. — 311), Скитское покаяние (л. 311—316 об.), Новый праздник, стих (л. 317—317 об.). На л. 318 полууставом нач. XIX в.: «Сия книга Авксентья Венедиктова Ерофеева глаголемая цветник».

18. Служебник. XVIII в. 21×17,6. 342 лл. Водяной знак: литеры СТ в прямоугольном картуше (Клеп. № 151; 1765—1776). Полуустав. Заставки, рамки на полях грубой работы, киноварные инициалы. Переплет — доски в коже.

19. Ирмологий. XVIII в. 25,7×18,5. 234 лл. Водяной знак: Pro Patria и литеры GR в лавровом венке (точного соответствия у Клеп. нет; типа филиграней 80—90 годов XVIII в.: Клеп. № 1041, 1050—1052). Полуустав. Титульный лист, многочисленные заставки и инициалы поморского орнамента в красках с золотом. Рукопись роскошная. Переплет — доски в коже.

20. Сборник. XVIII в. 17,5×10. 157 лл. (без начала и конца). Водяной знак с белой датой 1788 г. Полуустав, переходящий в скоропись, разных почерков. Киноварные заставки грубой работы. Без переплета.

Состав: Проложное житие Кирика и Улиты (лл. 4—18 об.), Слово душеполезное о покаянии Иоанна Златоустаго (лл. 19—28 об.); выписки из Сборника о втором пришествии Христове (лл. 29—34 об.); О солнечном течении (лл. 35—37 об.); Поучение к царем, князем, епископом и попом ко всем христианом, еже не упиватися, без конца (лл. 37 об. — 38 об.); Стих Асафу (лл. 40—47); молитва за творящих милостыню (лл. 48—51 об.), Страдание Харлампия епископа Магнисийского и иже с ним пострадавших (лл. 52—89); Житие Агафии мученицы, без начала (лл. 90—101); Страдание мученицы Лукии девицы (лл. 101—111); Житие и страдание великомученицы Варвары (лл. 111—133); В неделю мясопустную преподобного отца нашего Палладия мниха о втором пришествии Христове и о страшном суде, без конца (лл. 134—156).

21. Поморские ответы. Кон. XVIII в. 21,8 × 16,7. 432 лл. Без окончания. На бумаге белая дата: 1790. Поморский полуустав. Киноварные инициалы. Переплет — доски в коже.

22. Канонник. XVIII в. 15,7 × 9,2. 330 лл., без начала. Лл. 69, 80, 116, 147—148 чистые. Водяной знак обрезан при переплете. Полуустав двух почерков. Заставки в красках геометрического стиля. Переплет — доски в коже, сверху — ткань.

23. Октоих на крюковых нотах. Нач. XIX в. 30,2 × 20,4. 146 лл. На бумаге белая дата: 1807. Полуустав. Многочисленные заставки и инициалы в красках с золотом поморского стиля. Переплет — доски в коже.

24. Торжественник. Нач. XIX в. 21,6 × 17. 616 лл. На бумаге белая дата: 1812. Поморский полуустав. Заставки в красках с золотом, киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. Роскошная рукопись.

25. Азбука. XIX в. 16,9 × 11,2. 8 лл. На бумаге белая дата: 181. Поморский полуустав. Без переплета.

26. Сказание о явлении ангела Макарию в пустыне и Слово Палладия мниха о втором пришествии Христове. XIX в. 21,4 × 17,2. 73 лл. На бумаге белая дата: 1831. Полуустав. Заставки грубой работы. Переплет — картон в коже.

27. Праздники на крюковых нотах, лицевые. XIX в. 33,2 × 21. 192 лл. На бумаге белая дата: 1837. Поморский полуустав. Многочисленные миниатюры, заставки, инициалы и украшения на полях в красках поморского стиля. Переплет — доски в коже.

28. Осьмогласник на крюковых нотах. XIX в. 34,7 × 21,5. 215 лл. На бумаге белая дата: 1837. Поморский полуустав. Многочисленные заставки, инициалы и украшения на полях в красках поморского стиля. Переплет — доски в коже.

29. Ответ старообрядца противу беседы глаголемому старообрядцу о стоглавном соборе и о истинном согласии с православною церковью. Около 1838 г. 21,3 × 17,3. 20 лл. На бумаге белая дата — 1837. Полуустав. Заставка старопечатного стиля, концовки, инициалы. Переплет — картонный. На л. 16 — Дополнение к ответу старообрядца.

30. Правильное доказательство (Старообрядческий сборник) 1838. 20,9 × 16,8. 104 лл. Л. 104 чистый. Бумага без филиграней и штемпелей. Полуустав, почерк писца рукописи 29. Заставки и концовки геометрического стиля. Переплет — доски в коже. Состав: вопросы Сергиевы: Предисловие (лл. 1—3 об.), Часть 1 Вопросов Сергиевых (лл. 4—6 об.), Первое омышление о восточной церкви Иосифа патриарха (лл. 6 об. — 7 об.), Второе омышление о России (лл. 7 об. — 9 об.), Третье омышление о российском падении (лл. 9 об. — 12 об.), О трехчинном священстве (лл. 12 об. — 17 об.), О нужной гонимой церкви кроме священства (лл. 17 об. — 21 об.), О гонительной церкви со священством от зла Никона патриарха московского (лл. 21 об. — 27 об.), О порочных епископах (лл. 27 об. — 29 об.), О ветковской церкви (лл. 29—36), о начатии на Дону первой православной церкви (лл. 36—39), О ветковской церкви

и о священниках кто и откуда в ней были и о населении Ветки (лл. 39—41 об.), О собрании в церковь от всех стран народа (лл. 41 об. — 42), О втором приеме священства в Керженце иже бысть (лл. 42 об. — 44), О клевете, наносимой на вышеписанных священничех, аки бы они из сана извержены и в каторгу сосланы (лл. 44—45 об.), Правильное доказательство о первых священниках (лл. 45 об. — 47 об.). О антиминоссе (лл. 47 об. — 54 об.); Показания Сергиевы (лл. 55—80); Предувещание любезному читателю о еже како подобает еретиков увещевати с кротостью и не подоблет учения их слушати от бога — послание св. Игнатия богоносца (лл. 80—85 об.); Ответ старообрядца (лл. 86—103 об., ср. № 29). Запись на л. 103 об. почерком писца рукописи: «Начата бысть писатися сия святая и богом собранная книга глаголемая Правильное доказательство в лето 7346 (1838) месяца июня 21 день. А совершена того же лета июля 4 тцанием и трудами многогрешнаго художника Константина Пиреплетчикова». Росчерк последней буквы подписи писца переходит в рисунок руки с гусиным пером.

31. Чин от ересей приходящих к православной вере. XIX в. 16,6 × 10,5. 15 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

32. Сборник старообрядческий полемический. Серед. XIX в. 21,6 × 17,4. 171 лл. Лл. 135—136 — чистые; л. 1 наполовину оборван. Бумага со штемпелем фабрики Аристархова (Клеп. № 9; 1850-е гг.). Полуустав. Заставки и инициалы грубой работы. Переплет картонный. Состав: Критический разбор сочинений против старообрядцев (лл. 1—30); выписки из Библии, сборника о антихристе бесовом Ипполита папы римского (лл. 30—37); К православным христианам, требующим слово разумно на пользу себе во спасение (лл. 37 об. — 124 об.); Причины, по которым странники принуждены к основанию своей церкви (лл. 125—134 об.); Сказание о происхождении страннического согласия (лл. 137—171). На полях л. 114 об. запись полууставом XIX в.: «Аввакум священный по позволению Граскому ходил на войну вере христове замучен бысть».

33. Служба богородичная XIX в. 21 × 17. 37 лл. Бумага со штемпелем «конд. фабр. № 6 г. Козловой» (Клеп. № 92; 1860, 1874). Полуустав. Переплет — картон. Верхняя крышка переплета подклеена листом с записями скорописью XIX в.

34. Служебник. XIX в. 19,8 × 16,8. 224 лл., лл. 1—3 чистые. Бумага со штемпелем «Фабрика № 6 Сергеева» (Клеп. № 181; 1862, 1866—1876). Полуустав трех почерков. Переплет — доски в коже.

35. Сборник (Сборная рукопись). XIX в. 22,2 × 17,5. 248 лл., лл. 1, 247—248 — чистые. Бумага со штемпелями фабрик Татаровской Протасьева (Клеп. № 161; 1865—1883); Сергеева (Клеп. № 181; 1862 и 1866—1876); Способина (Клеп. № 191; 1885—1886); Компании Углической (Клеп. № 98; 1862—1869, 1871, 1875, 1882); Уральской ф-ки Ятес (у Клеп.: ф-ка Яткес); наследников Сумкина (Клеп. № 202; 1869, 1909). Полуустав разных почерков. Заставки грубой работы. Переплет — доски в ткани. Состав: Каноны (лл. 2—123 об.), Книга глаголемая Цветник священноинока Дорофея (лл. 124—246 об.).

36. Цветник и другие сочинения. XIX в. Сборная рукопись 21,6 × 17,6. 685 лл. Бумага со штемпелями фабрик Говарда (Клеп. № 44; 1868—1870, 1888), Способина (Клеп. № 191; 1885—1886; 1893—1899), Щеколдина (Клеп. № 214; 1870 и 1878). Полуустав трех почерков. Заставки грубой работы, киноварные инициалы, рисунки на полях. Переплет — доски в коже. Состав: Цветник (лл. 1—348) (В него входят статьи: О имени Иисуса Христа, О крестном знамении и крестосложении перстов, О истинном кресте господнем, О порицании креста господни никонианами, О латышском крыже двучастном, О подножии креста господня, О самодумных толкованиях никонианских и обличение на них,

О истинном причащении, О спасении без священства и без причащения, О условности обещания господня и отнятий его, О бранех антихриста с царями земными), О Или и Енохе (лл. 351—614), О убиении антихриста (лл. 614 об.—619), Беседа с раскольниками (лл. 620—660), О духовном причащении (лл. 661—685).

37. Житие Кирика и Улиты. XIX в. 17,4×10,9. 27 лл. Бумага со штемпелем фабрики Рязанцевых (Клеп. № 175; 1887). Полуустав. Без переплета.

38. Часовник и азбука XIX в. 16,9×10,4. 193 лл. без начала. Бумага со штемпелем фабрики Рязанцевых (Клеп. № 175; 1887). Полуустав. Множество печатных заставок с двух досок; заставки и инициалы в красках. Переплет — доски в коже.

39. Октоих и обиход крюковой. XIX в. 35,2×22. 177 лл. Лл. 1—2, 64, 76, 166—168 — чистые. Бумага со штемпелем Успенской фабрики (Клеп. № 209; 188. . .). Полуустав. Многочисленные заставки и инициалы в красках. Переплет — доски в ткани.

40. Сборник старообрядческий. XIX в. 20×16,3. 188 лл. Бумага со штемпелем Успенской фабрики (Клеп. № 209, 188. . .). Полуустав разных почерков. Киноварные инициалы. Переплет — доски в коже. Состав: Канон пасхе (лл. 2—59 об.). Праздники крюковые (лл. 60—126 об.), На погребание мирян (лл. 127—135); Стихи избранные: Стих о изгнании Адама из рая (лл. 137 об.—140), Стих о мнихе (лл. 140—145), Стих на умиление души (лл. 145—147 об.), Стих нов на умиление души (лл. 147 об.—150 об.), Стих Иоасафа царевича (лл. 150 об.—155), Стих о исхождении инока в пустыню (лл. 155 об.—158 об.), Стих Иоасафа царевича в пустыню исходя (лл. 158 об.—162), Стих о блудном сыне (лл. 162 об.—164 об.), Стих про Иоасафа царевича индийскаго, весьма умиленный (лл. 164—167 об.), Стихи Адомантовы (лл. 168—169 об.), Стих о Борисе и Глебе (169—175 об.), Стих на умиление души (лл. 175 об.—177 об.), Стих о разорении соловецких (лл. 177—181).

41. Сборник старообрядческий. XIX в. 21,9×17,3. 274 лл. Лл. 1—2, 178, 226—229, 271—274 — чистые. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. На л. 230 об. миниатюра в красках — Спас Вседержитель. На л. 269 рисунок церкви карандашом. Переплет — доски в коже. Состав: книга Золотой бисер (лл. 23 об.—100 об.), отрывки из Пчелы (лл. 101—115), из книги Вопросов и ответов (лл. 115—119 об.), из книги Измарагд (лл. 123—131), из Шестоднева (лл. 131 об.—141 об.), из Старчества (лл. 169—172), из книги Духовное рассмотрение о нынешнем веке (лл. 175 об.—176), из книги Альфа и Омега (лл. 179—181) и др. На лл. 231—270 — таблицы (по две на каждом листе) с избранными местами из книг старопечатных и новоизданных; полемическое сопоставление основных догматов официальной церкви и старообрядческой.

42. Пролог годовой (содержит русские жития). Вторая пол. XIX в. 21,1×16,7. 359 лл., без конца. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Рукопись сохраняет многие палеографические особенности раннего оригинала (XV—нач. XVI в.) Без переплета.

43. Иоанн Дамаскин. Ирмологий на крюковых нотах. Вторая пол. XIX в. 35,9×22,3. 231 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Поморский полуустав. Многочисленные заставки, инициалы и украшения на полях в красках поморского стиля. Переплет — доски в коже.

44. Октоих на крюковых нотах. (Заготовка для рукописи). Вторая половина XIX в. 34,6×22,2. 22 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Поморский полуустав. Инициалы и украшения на полях (без раскраски). Ноты написаны над текстом только на л. 1. Без переплета.

45. Апокалипсис лицевой. Вторая половина XIX в. 22×18,3. 213 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. многочисленные миниатюры в красках, киноварные инициалы. Переплет — доски в коже.

46. Захарий Копыстенский. Книга о правдивой единости правоверных христиан и против апостатов и о их лживой унии. Вторая пол. XIX в. 25,6×17. 205 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Заставки в красках, киноварные инициалы.

47. Осьмогласник на крюковых нотах. Вторая половина XIX в. 32,5×21,2. 138 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Поморский полуустав. Многочисленные заставки в красках с золотом, киноварные инициалы поморского стиля. Переплет — доски в коже.

48. Азбука крюковая. XIX в. 24,5×16,6. 44 лл. Л. 1 чистый. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Переплет — картон. Состав: Азбука пению (лл. 2—37 об.), Азбука демественная (лл. 38—44).

49. Часовник. XIX в. 17,5×10,8. 91 лл. Бумага со штемпелем «ОП» (у Клеп. нет). Полуустав. Переплет — доски в коже. Внутренние стороны переплета подклеены листами с фрагментами записей скорописью второй половины XVIII в.

50. Избранные песнопения (крюковые) двенадцатым праздникам. Кон. XIX в. 26,6×19,2. 51 лл. Бумага без филигранных и штемпелей. Полуустав. Многочисленные инициалы и заставки растительного стиля. Переплет — картон.

51. Часовник. Кон. XIX в. 21,5×17. 170 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Заставки в красках, киноварные инициалы. Переплет — доски в бархате.

52. Беседа православного миссионера со старообрядцами австрийского согласия. Кон. XIX в. 16,8×10. 39 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

53. Скитское покаяние. Кон. XIX в. 17,6×11. 17 лл. Бумага без филигранных и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

54. Скитское покаяние. Кон. XIX в. 17,8×11. 13 лл. Без начала. Бумага без филигранных и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

55. Каноны и акафисты. Кон. XIX в.—нач. XX в. 20,3×16,2. 133 лл. без начала. Бумага со штемпелем фабрики Сумкина (Клеп. № 292; не датирован). Полуустав. Переплет — картон в ткани.

56. Апокалипсис лицевой. Кон. XIX—нач. XX в. 29,3×20. 122 разрозненных лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Многочисленные миниатюры в красках, киноварные инициалы. Без переплета.

57. Сборник духовных стихов. Кон. XIX—нач. XX в. 16,2×10,8. 57 лл. Без начала. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Без переплета. Содержит стихи: О умилении души, О старце некоем, живущем в пустыне, О последнем времени, О покаянии, О страшном суде Христове, О краткости жизни человекей, Похвала отцам, в пустыни пребывающим, Стих уныния, Стих Ефрема Сирина, Стих о антихристе, Стих о соловецких чудотворцах (начало: Что во славном было царстве, во московском государстве...) и др.

58. Азбука. Кон. XIX—нач. XX в. 16,8×10,9. 48 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Киноварные инициалы. Без переплета.

59. Сборник старообрядческий. Нач. XX в. 22×17,5. 137 лл. без начала. Лл. 7, 32—33, 57, 92—93, 100—101 — чистые. Бумага без филигранных и штемпелей. Полуустав. Переплет — картон в ткани. Содержит выписки из исторических сочинений Шапова, Беккера, Каптерева, из «Винограда российского», Проскинитария Арсения Суханова, описания путешествия московского священника Иоанна Лукьянова в Святую землю и др. Включает статью «О обличении великоросейской церкви пастырей Аввакумом протопопом и другими» (лл. 30—31 об.).

60. Панихидник. Нач. XX в. 26,6×17,8. 56 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Инициалы и заставки в красках геометрического стиля. Переплет — картон в ткани. На л. 1 запись ско-

рописью нач. XX в.: «Сей панихидник принадлежит Р. Я. Ведерникову собственного его написания».

61. Азбука. Нач. XX в. 17,9×11,3. 19 лл. Без начала. Лл. 18—19 чистые. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Заставка грубой работы, киноварные инициалы. Без переплета.

62. Азбука певчая на крюковых нотах. Нач. XX в. 22,3×17,4. 49 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Заставки и инициалы в красках. Переплет — доски в ткани.

63. Сказание о 12 снах царя Шахаиши и Повести из Великого Зерцала. Нач. XX в. 17,5×10,9. 22 лл. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

64. Краткое родословие пустынножителей. Нач. XX в. 17,6×11,2. 1 л. Бумага без водяных знаков и штемпелей. Полуустав. Без переплета.

В 1968 г. Археографический экспедиционный отряд Сибирского отделения АН СССР успешно продолжал начатое ранее обследование ряда старообрядческих поселений Сибири; экспедиционные группы отряда были отправлены и в новые районы. Большинство старых и новых районов нашей работы предполагается и далее держать в поле зрения сибирских археографов, закреплять созданные связи с этими районами для более или менее регулярной работы в будущем. Описание рукописных книг, приобретенных нашими экспедициями в 1968 г. (в том числе — трех рукописей XVI в.) будет дано в одном из следующих выпусков «Археографического ежегодника».

В 1965—1968 гг. Сибирским отделением АН СССР в экспедициях и отдельными покупками приобретались старопечатные книги, среди которых две книги печати Ивана Федорова, книги многих русских и украинских типографий XVI—XVII вв. Описание этих книг также готовится к печати.

В. П. Адрианова-Перетц

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ В. Н. ПЕРЕТЦА

Историк древнерусской и старинной украинской литературы академик АН СССР и УССР Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) с первых шагов своей научной деятельности проявлял исключительный интерес к источниковедению и археографии как основным вспомогательным наукам, дающим надежный фундамент для построения истории литературы того периода, когда источники для историко-литературного исследования сохранились почти исключительно в виде рукописей. Обе диссертации молодого ученого (1900 и 1902 гг.) целиком построены на свежем, в рукописных собраниях обнаруженном материале и сопровождаются образцовым описанием ряда сборников вирш, псалм и кантов. Собирая материал для своих исследований, В. Н. Перетц погуптно внимательно просматривал не описанную еще в те годы часть собрания рукописных сборников Погодина, отмечая наиболее интересные для историка литературы статьи, а иногда и делал копии с них. Такие же выписки он делал «про запас» и из рукописей других собраний. Ученикам В. Н. Перетца впоследствии стали хорошо знакомы толстые тетради в клеенчатых обложках, откуда он щедро раздавал материал для их работ, аккуратно вырезал нужные страницы.

В 1901—1904 гг. в «Литературном вестнике» стали появляться первые рецензии В. Н. Перетца на выходившие в свет печатные описания рукописных собраний и статьи об отдельных рукописях Тверских и Виленских собраний. Переезд в Киев, где В. Н. Перетц занял после проф. П. В. Владимиrowa кафедру древней русской литературы, значительно расширил и углубил его источниковедческие и археографические интересы. Взяв на себя в университете не только общий и специальные курсы истории русской литературы допетровского времени, но и занятия палеографией, и, главное, организовав «семинарий русской филологии», молодой профессор сразу стал приучать своих учеников не бояться работы «на черном дворе науки», как называли тогда поиски рукописных источников и их описание те медиевисты, кто привык работать только по готовым печатным материалам. В. Н. Перетц доказал своим ученикам, как увлекательно читать настоящие научные описания рукописей, сколько в них можно найти свежего материала, рождающего новые исследовательские мысли. И сам он показывал нам пример серьезного внимания к этому жанру научной работы¹. С 1905 до 1917 г. систематически выходили его обзоры²,

¹ Один из старших учеников В. Н. Перетца профессор МГУ Н. К. Гудзий, по воспоминаниям его ученика А. Н. Робинсона, прививал своим ученикам этот интерес к источниковедению и историографии. Принеся на занятия в 1940 г. только что выпущенную «Библиографию древнерусской повести», где перечислялись не только издания и исследования, но и рукописные списки повестей, Николай Калининвич, рекомендуя книгу, со свойственной ему непосредственностью признался: «Я вчера уснуть не мог, читал эту книгу, как роман!» («Воспоминания о Николае Калининвиче Гудзии». М., 1968, стр. 69).

² «Новые труды по источниковедению древнерусской литературы. Критико-библиографический обзор» (с 1906 г. заглавие было дополнено: «... и палеографии»).

в которых тщательно отмечались все достижения источниковедения и археографии, обращалось внимание исследователей на наиболее ценные материалы, обнаруженные при описании рукописных собраний. Важнейшим научным описаниям крупных коллекций В. Н. Перетц посвящал отдельные развернутые рецензии³.

Археографические интересы В. Н. Перетца особенно широко проявились в связи с его преподавательской деятельностью. Занятия студентов палеографией он считал совершенно необходимым введением в изучение литературы феодального периода — и русской и украинской. Проверка этих знаний проводилась не по обычным печатным альбомам снимков, где указывались даты рукописей и часто место их написания. Для практических занятий по палеографии у В. Н. Перетца была своя обширная коллекция фотоснимков с самых разнообразных и по времени и по месту написания рукописей. На снимках стояли лишь номера описи, в которой содержались подробные сведения об оригиналах; так, на богатом материале отрабатывались навыки чтения старинных рукописей, датировки почерков, определения «извода» текста по языку. Особо требовательным был В. Н. Перетц к будущим участникам «семинария русской филологии». На примере лучших печатных описаний рукописей обсуждались и устанавливались наиболее рациональные приемы их описания и раскрытия содержания.

С 1910 г. основательно подготовленная к археографической работе группа членов «семинария русской филологии» во главе с его руководителем начала ежегодно, а иногда и по два раза в год выезжать в разные города, где имелись не описанные еще научно собрания рукописей и старопечатных книг или не использованные рукописные источники для исследований, которые входили в научные планы отдельных участников экспедиций. В. Н. Перетц работал рядом со своими учениками, проверяя, редактируя их работу и выполняя свою часть описаний. Научные результаты таких поездок публиковались в «Университетских известиях» Киевского университета с 1910 по 1915 г. под общим заглавием «Отчет об экскурсиях семинария русской филологии» с указанием места и времени поездки.

Во время экскурсий в Петербург (Петроград) и Москву работа сосредоточивалась преимущественно на углубленном палеографическом и текстологическом изучении отдельных рукописей или старопечатных изданий, но В. Н. Перетц уделял большое внимание и собственно археографической практике. Им были просмотрены в 1910 и 1911 гг. *de visu* коллекции рукописей Михайловского и Тиханова, имевшие в то время лишь краткие описи. В «Отчетах» отмечены наиболее интересные по содержанию рукописи этих коллекций и уточнены палеографические определения некоторых из них. В отличие от центральных древлехранилищ, в периферийных городах, где зачастую не доставало опытных археографов и многие рукописи хранились лишь под номерами инвентарных описей, с самым приблизительным, а иногда и прямо неверным определением содержания и без палеографической характеристики, участникам экскурсий приходилось большую часть времени отдавать археографической работе. В отчете

Первая серия обзоров (46 глав) и вторая (55 глав) до 1914 г. выходили в Киеве в «Университетских известиях», третья серия (после переезда В. Н. Перетца в Петроград) начала печататься в «Журнале Министерства народного просвещения», но закончилась на 9-й главе вследствие его закрытия в 1917 г. Полный список печатных трудов В. Н. Перетца см. в приложении к посмертно изданной его работе: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.—Л., 1962, стр. 234—253.

³ Так, в 1905 г. были отрецензированы книги: А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905; Д. И. Абрамович. Описание рукописей СПб. духовной академии. — «Софийская библиотека», вып. 1. СПб., 1905.

тах о поездках в Полтаву, Екатеринослав, Житомир, Нежин, Новгород и Киев помещены описи ряда рукописных коллекций, правда, краткие из-за недостатка времени, но с точными палеографическими характеристиками. Остался неопубликованным отчет о последней экскурсии в Новгород в 1916 г., во время которой было описано около 500 рукописей новгородских древлехранилищ. В подготовленном к печати виде он хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома АН СССР; благодаря ему можно установить, хотя бы частично, что погибло или было вывезено оккупантами в годы Великой Отечественной войны⁴. Так археографические интересы прочно вошли в научный кругозор всей школы академика В. Н. Перетца, выросшей в его «семинарии русской филологии». В. Н. Перетц опубликовал краткое описание рукописей Московской епархиальной библиотеки (в настоящее время хранящихся в Государственном историческом музее)⁵.

С 1918 г., когда В. Н. Перетц принимал участие в организации в Самаре (ныне Куйбышев) первого высшего учебного заведения, он был утвержден председателем подотдела охраны культурных ценностей при Самарском отделе народного образования. В последующие годы при прямом участии В. Н. Перетца в местный музей и университетскую библиотеку было передано много ценных памятников искусства, старинных рукописей и старопечатных книг из особняков, брошенных владельцами — богатыми купцами, которые бежали в Сибирь «под защиту» Колчака. Местные коллекционеры, среди которых были и старообрядцы, жертвовали свои рукописи в университетскую библиотеку. Сразу после образования здесь рукописного фонда (в 1925 г. переданного Самарской публичной библиотеке) В. Н. Перетц взялся за научное описание поступивших рукописей. В предисловии к подробному — постатейному описанию этого собрания раскрыта история его образования и дана общая характеристика содержания 211 рукописей. В 1919—1920 гг. так же обстоятельно В. Н. Перетц описал рукописи собрания местного областного музея⁶.

В 1924 г. В. Н. Перетц поставил перед собой широкую источниковедческую задачу — уточнить сведения о литературном движении на Украине в XVI—XVIII вв., о памятниках, созданных в этот период и усвоенных из предшествующей литературной традиции. В течение ряда лет (до 1933 г. включительно) он вел систематические разыскания в различных библиотеках, архивах и музеях не только Украины, но и европейской части РСФСР. Так как решающими для локализации рукописей в каждом отдельном случае были почерк и язык, то все они, заносимые в картотеку как несомненно украинские, просматривались *de visu*, даже при наличии печатного или неопубликованного описания, где они имели помету «укр.»⁷

Работая в 1921—1933 гг. в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Н. Перетц особенно интересовался новыми поступлениями, не имевшими еще описаний, кроме

⁴ «Частично» потому, что в описание 1916 г. не вошли те рукописи, которые после 1917 г. были перемещены в Новгород из мелких областных древлехранилищ.

⁵ «Библиографическая летопись». Изд. Об-ва любителей древней письменности, вып. III, 1917, стр. 70—95.

⁶ Описания обеих рукописных коллекций опубликованы в кн.: В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний. Л., 1934, стр. 30—175 (серия «Описания рукописных собраний», вып. 3).

⁷ Основные сведения о некоторых из этих поездок были опубликованы в «Записках Историко-филологического відділу Укр. АН», кн. X, 1927; кн. XVIII, 1928; кн. XXIII, 1929. Краткие заметки об остальных археографических занятиях В. Н. Перетца с 1924 г. остались в его архиве.

инвентарных обзоров. В собраниях Колобова, Тиханова, Михайловского были выделены рукописи украинского происхождения, и карточки с их описанием сохранились в архиве В. Н. Перетца в составе незаконченной картотеки всех рукописей украинского письма.

Уже первые поиски в ленинградских древлехранилищах дали интересные для истории украинской литературы находки. Так, в рукописи Государственной публичной библиотеки Q.III. № 208 конца XVIII в. В. Н. Перетц обнаружил стихотворные и прозаические произведения неизвестного украинского писателя конца XVII в. — Онуфрия, архимандрита Харьковского Преображенского монастыря — частью переводные, частью оригинальные⁸. Среди рукописей библиотеки Ленинградского университета В. Н. Перетц нашел в списке конца XVII—начала XVIII в. украинский перевод поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим»⁹.

Первая археографическая поездка в 1924 г. в Москву была посвящена просмотру сборников Исторического музея, рукописей собрания Барсова, Уварова и Вострякова. Проверяя данные каталожных карточек просмотром самих рукописей, В. Н. Перетц установил, что в некоторых из них отсутствуют и украинские и белорусские черты; в других, написанных на Украине, кроме записей и почерка не заключается ничего специфически украинского; в третьих — язык слегка окрашен фонетическими особенностями украинской речи, отразившимися в орфографии рукописей; наконец, немногочисленная четвертая группа дает новый материал для истории старинной украинской литературы.

Среди 27 рукописей украинского происхождения собрания Барсова В. Н. Перетц выделил материалы, представляющие особый интерес для истории украинской литературы. В рукописи № 510 1721 г. — панегирик под заглавием «Благодарствие І. Романовичу, судье полка Сумского», поднесенное его сыном Андреем по случаю окончания семилетнего курса наук «в училищах киевских». Рукопись конца XVII в. № 524 содержит не «Апофегмата», как отмечено было в каталоге, а неизвестное сочинение на украинском языке о символическом значении 12 «знаков» небесных. Рукопись № 1777 XVIII в. содержит один из редких списков переделки «Хождения» игумена Даниила XII в., принадлежащей Даниилу Курсунскому, а рукопись XVIII в. № 1778 — возможно, автограф иеромонаха Сильвестра, путешествовавшего в 1722 г. в Палестину и подготовившего этот подносный экземпляр для своего епископа. В собрании Барсова В. Н. Перетц обнаружил также украинские списки ряда славянских произведений религиозно-учительного характера. В сборнике № 1501 часть статей такого содержания даже переведена на украинский язык, а не только переписана украинской скорописью; в сборнике № 1676, озаглавленном «Цветник духовный», читаются «Главы поучительные» Нила Синайского (переписаны с московского издания 1660 г.), причем одна из глав переведена на украинский язык¹⁰; в сборнике № 375 XVIII в. на украинском языке изложена «История о Сусанне» Иоанна Хрисостома.

Пересматривая рукописи коллекции Барсова, В. Н. Перетц обнаружил в списке XVIII в. № 2518 неизвестную историкам русского театра пьесу, отнесенную им к петровскому времени, — «Акт о преславной палестинских стран царице, всюду славою сияющей Дияне, како от злобных

⁸ Исследование его трудов см. в кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв., т. I, вып. 1. Л., 1926, стр. 140—176.

⁹ Исследование и издание отрывков этого перевода в сопоставлении с польским оригиналом см. там же, т. I, вып. 2. Л., 1928, стр. 168—234.

¹⁰ Исследование текста «Цветника» см. там же, т. I, вып. 1, стр. 80—86.

ехидны, свекрови своей за истинную правду во изгнании разлучени многая и ужасная восприя бедствия и како всецедроу всемогущаго бога десницею, яко неповинно страждущая, паки от печали свободися»¹¹. Во время той же поездки 1924 г. В. Н. Перетц установил, что в рукописи собрания Уварова № 241 (852) конца первой или начала второй четверти XVII в. находится перевод на украинский язык «Просветителя» Иосифа Волоцкого¹².

В 1925 г. тяжелая болезнь прервала археографические поездки В. Н. Перетца, но уже в следующем году он едет в Псков, где работает в губернском музее. Сведения об этой поездке особенно ценны своими данными о количестве рукописей и составе Псковского древлехранилища в довоенные годы. Тогда собрание музея насчитывало 515 рукописей, без актов и документов. В отчете о поездке В. Н. Перетц перечислил 15 рукописей XV—XVIII вв. украинского происхождения и пять украинских списков памятников литературы домонгольского периода¹³.

В 1927 г. В. Н. Перетц продолжал выявление в фондах Государственного исторического музея рукописей украинского письма, ценных в историко-литературном и культурно-историческом отношении. Из опубликованного отчета¹⁴ видно, что на этот раз В. Н. Перетц сосредоточил внимание на той части собрания Уварова (около 400 рукописей), описание которой не вошло в четырехтомный труд арх. Леонида, но было подготовлено к печати акад. М. Н. Сперанским. Просмотр *de visu* позволил выделить 10 украинских рукописей XVI—XIX вв. В собрании проф. М. И. Соколова из девяти рукописей украинского происхождения особый интерес представляют, по оценке В. Н. Перетца, четыре сборника вирш (№ 45, 114, 133 и 196), а также сборник № 81 — автограф Дмитрия Ростовского. Среди не вошедших в печатное описание А. И. Яцимирского рукописей собрания П. И. Щукина (№ 489—906), позднее описанных М. Н. Сперанским, В. Н. Перетц обнаружил 15 украинских. Интересные в культурно-историческом отношении записи на некоторых из них опубликованы в отчете. В небольшой коллекции рукописей бар. Шодуара выявлено пять рукописей украинского письма.

В 1928 г. В. Н. Перетц закончил просмотр описанных М. Н. Сперанским рукописей собрания Щукина и в опубликованном отчете¹⁵ назвал еще четыре рукописи украинского письма. Занятия в Синодальной (Патриаршей) библиотеке выявили шесть сборников XVII—XVIII вв., не только по почерку, но и по языку явно принадлежащих к украинской письменности, и список «Палинодии» Захарии Копыстенского из библиотеки Дмитрия Ростовского. Два сборника Синодального собрания (№ 367 и 558) XV в. представляют памятники белорусской литературы.

В 1929 г. В. Н. Перетц занялся проверкой того рукописного материала, который после 1917 г. поступил в минские библиотеки — Университетскую и Академию наук БССР, а также в Государственный музей. В течение кратковременной командировки он просмотрел 182 славяно-русских рукописи XVI—XVIII вв. и составил обзор, опубликованный

¹¹ Сделанная В. Н. Перетцем копия этой пьесы была позднее передана для исследования и издания текста С. А. Щегловой: С. А. Щеглова. Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице. — «Труды комиссии по древнерусской литературе», т. I. Л., 1932, стр. 153—229.

¹² Исследование этого перевода см. в кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв., т. I, вып. 2, стр. 108—167.

¹³ «Археографічна подорож до Пскова 1926. VII». — «Записки Історично-філологічного відділу Укр. АН», кн. X, 1927, стор. 280—287.

¹⁴ «Археографічна подорож до Москви в листопаді 1927 р.» — Там же, кн. XVIII, 1928, стор. 193—201.

¹⁵ «Археографічна подорож до Москви у травні 1928 р.» — Там же, кн. XXIII, 1929, стор. 221—228.

в 1934 г.¹⁶ Обзор дает возможность установить, что погибло в тяжелые годы Великой Отечественной войны из материалов по истории русской и белорусской литературы, быта, музыкальной культуры феодального периода.

Продолжая работу в Московских древлехранилищах, В. Н. Перетц в 1930 г. сосредоточился на просмотре рукописей собрания б. Синодального училища церковного пения (свыше тысячи номеров), извлек из них ряд текстов «стихов умиленных» и памятников музыкально-бытового характера XVII в.¹⁷

В 1932 г. во время командировки в Москву В. Н. Перетц подготовил краткий обзор содержания 103 славяно-русских рукописей собрания Московского университета, среди которых он обнаружил пять пергаменных рукописей XIII и XIV—XV вв.¹⁸

Последний крупный археографический труд был выполнен В. Н. Перетцем во второй половине 1934—начале 1935 г., когда он жил в Саратове. Здесь в научной библиотеке Саратовского Государственного университета хранились большое собрание рукописей проф. И. А. Шляпкина, не имевшее научного описания, и значительная коллекция рукописей и старопечатных книг, принадлежавшая ранее А. Мальцеву. Собрание И. А. Шляпкина было полностью подробно описано В. Н. Перетцем. Это описание посмертно опубликовано при содействии акад. М. Н. Тихомирова в Приложении к «Археографическому ежегоднику» за 1959 и 1960 гг.¹⁹ Из рукописей собрания А. Мальцева В. Н. Перетц успел сделать лишь несколько выписок: тяжелая болезнь с апреля 1935 г. прервала его работу, и 24 сентября он скончался.

¹⁶ В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний, стр. 176—193.

¹⁷ Материал этого собрания использован в ст.: В. Н. Перетц. К истории древнерусской лирики. — «Slavia», 1932, R. XI, S. 3—4, стр. 474—479.

¹⁸ В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний, стр. 13—29.

¹⁹ В. Н. Перетц. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. — «Археографический ежегодник за 1959 г.» М., 1960. Приложение, стр. 363—466 и «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1961. Приложение, стр. 397—502.

Е. И. Каменцева

**РАБОТА Н. В. УСТЮГОВА
В ОБЛАСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН¹**

Работа Николая Владимировича Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин началась с чтения общего курса вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте. Свою первую лекцию в высшей школе он прочитал 1 сентября 1938 г. Так случилось, что эта лекция была первой, которую я услышала в институте. Очень хорошо помню, что она была посвящена общей характеристике вспомогательных исторических дисциплин. Лектор сразу же сумел овладеть вниманием аудитории. Большой интерес и понимание вызывали и последующие лекции.

Несколько лет спустя, в 1944 г., находясь на фронте, Н. В. Устюгов так вспоминал о своем первом выступлении в роли преподавателя вспомогательных исторических дисциплин: «Александр Николаевич Сперанский в то время заведовал кафедрой (вспомогательных исторических дисциплин. — *Е. К.*), у него явилась мысль расширить преподавание этих дисциплин. Его выбор пал на меня. До этого времени я никогда специально не занимался этими дисциплинами. 29 августа 1938 г. он мне звонит по телефону: „Заезжай вечером ко мне по срочному делу“. Я приезжаю. Он говорит: „Вот тебе два дня срока — 1 сентября ты начинаешь чтение курса вспомогательных исторических дисциплин“. 30 и 31 августа с утра до вечера я просидел в Ленинской библиотеке и 1 сентября начал курс. В течение всего семестра мне пришлось усиленно собирать и компоновать материал, так как никакого специального курса по этому предмету не было».

Выбор А. Н. Сперанского был не случайным. Он определился склонностью Н. В. Устюгова как исследователя, его знаниями и собранным им архивным материалом. К чтению курса он фактически готовился задолго до приглашения его в МГИАИ. И курс был основан в значительной своей части на неопубликованных или малоизвестных источниках.

Н. В. Устюгову было предложено разработать узко специальный курс, какого до того почти никто не читал, по крайней мере в таком объеме — свыше 50 часов. На лекторе зимой 1938 г. лежала большая ответственность. Каждую неделю следовало приготовить и прочитать две лекции. Слушатели — студенты МГИАИ — не только не знали, но и не чувствовали напряженной работы, которую выполнял Н. В. Устюгов. Лекции, всегда безупречные по содержанию и форме, стенографировались, сейчас же перепечатывались и к экзаменам, которые были в январе 1939 г., т. е. в первом семестре, студенты располагали уже размноженным курсом лекций по вспомогательным историческим дисциплинам.

¹ Статья написана на основании личных воспоминаний и писем Н. В. Устюгова к автору этих строк.

На основе этих стенограмм лекций в следующем 1939/40 учебном году был издан на стеклографе, на правах рукописи, общий курс вспомогательных исторических дисциплин, состоящий из шести частей — Хронология, Метрология, Сфрагистика, Геральдика, Нумизматика, Эпиграфика. Среди этих дисциплин особое предпочтение Н. В. Устюгов отдавал хронологии и метрологии. Впоследствии он говорил: «Лично я из своего курса больше всего любил хронологию и метрологию, особенно последнюю».

В один из предвоенных годов Н. В. Устюгов прочитал и курс палеографии. До 1944 г. в МГИАИ палеография читалась отдельно от курса вспомогательных исторических дисциплин. Отдельно проводился и экзамен. Обычно курс палеографии читал А. Н. Сперанский. Помимо лекций все довоенные годы Н. В. Устюгов вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам и палеографии. Надо отметить, что эти занятия студенты любили больше всего. Действовали обаяние Николая Владимировича и методика проведения этих занятий. Он не только обучал чтению памятников письменности XI—XVIII вв., но читал со студентами исторические источники, рассказывал об их значении. Вот как сам он определил задачи этих занятий: «Я уделял много внимания чтению и не только самому процессу чтения рукописей, а главным образом пониманию документов. Мне хотелось добиться того, чтобы студенты «чувствовали источник», умели ставить ему вопросы и получать на них ответы. Ведь к этому в основном сводились мои обширные комментарии к отдельным словам, а иногда и к документу в целом. Мне хотелось добиться понимания эпохи, понимания значения прочитанного документа».

Работать над курсом вспомогательных исторических дисциплин Н. В. Устюгов продолжал все предвоенные годы.

После окончания Великой Отечественной войны и возвращения с фронта Н. В. Устюгов приступил к научной и педагогической деятельности, продолжив свою исследовательскую работу в области вспомогательных исторических дисциплин, хотя к преподаванию их на первом курсе и не вернулся. Его захватили новые интересы — семинарская работа по курсу Истории СССР. Некоторое время в 1946—1947 гг. он вел семинар по дипломатике.

В 1946 г. был опубликован его «Очерк древнерусской метрологии»², а в 1958/59 г. он доработал и издал в виде учебного пособия совместно с автором этих строк курс сфрагистики и геральдики³. В учебное пособие по русской сфрагистике и геральдике им был включен новый архивный материал.

Особо следует рассказать о работе Николая Владимировича над учебным пособием по метрологии. Это одна из его последних работ в июле — августе 1963 г.⁴ Двадцать лет тому назад, находясь на фронте, он писал: «Метрологию хочется коренным образом переработать — сделать этот раздел более живым. Отдел важный и нужный, но обилие цифрового материала отпугивало студентов». Помимо общего просмотра всего материала Н. В. Устюгов для этого пособия написал заново для периода Русского централизованного государства разделы: «Орудия взвешивания и поверка мер», «Денежный счет» и совершенно новый параграф, не имеющий ранее своих предшественников: «Торговые мерные единицы», где он обобщил собранный им на протяжении всей своей деятельности архивный материал: из фондов Грамот коллегии экономии по Соликамску, Поместного приказа, Приказных дел старых лет, из городских книг по Новгороду и таможенных книг XVII в. В параграфе «Торговые мерные единицы» поставлена задача дать характеристику мер, которые встречались в произ-

² «Исторические записки», т. 19.

³ «Русская сфрагистика и геральдика». Учебное пособие. М., 1963.

⁴ «Русская метрология». Учебное пособие. М., 1965.

водственной и особенно торговой практике. Здесь рассмотрены мерные единицы для строительных материалов, дров, металлов, кожи, меха, тканей, канатов, мыла, клея, бумаги и т. д. Рассмотрены и счетные единицы. Исследователи статистики и экономики XVII в., исследователи таможенных книг не обойдутся без богатейших наблюдений, обобщенных здесь.

Н. В. Устюгов не признавал вспомогательных исторических дисциплин в отрыве от их целевого назначения — изучения истории нашей Родины или использования их для критики источников. В этой связи интересно остановиться на двух вспомогательных исторических дисциплинах — палеографии и дипломатике. Он считал, что «палеографическое, как и всякое научное исследование должно не только констатировать факты, но и давать соответствующее объяснение. Если этого нет, то есть лишь набор фактов, а самое исследование отсутствует». Он любил при этом ссылаться на один из афоризмов Козьмы Прутков: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, иначе такое бросание будет пустою забавою». Так, например, Николай Владимирович отмечал: «Конечно, если анализировать написание отдельных букв, то получится гоголевский Петрушка. Но можно поставить вопрос о школах письма... Знакомство со школами письма позволяет определить время и место написания недатированного документа. Можно найти и еще ряд тем, выясняющих методы внешней критики источников».

Дипломатику из всех исторических дисциплин Н. В. Устюгов выделял особо. Он считал, что можно очень удачно сочетать и дипломатический и исторический анализ. Семинарские занятия по дипломатике нужны, и их можно поставить очень интересно.

Н. В. Устюгов признавал необходимым и изучение формуляра актов, но при этом он считал, что «мало удовлетворительно составить формуляр документа. Надо объяснить различие формуляров однотипных документов. Изучение среды, в которой возник этот документ, имеет первостепенное значение. Здесь и нужно искать объяснение в первую очередь». Таким образом, палеографию и дипломатику Н. В. Устюгов не представлял себе в отрыве от разрешения определенных исторических проблем или в отрыве от критики исторических источников. Он резко отрицательно относился к разговорам «о методах работы» вообще. Необходимо «всестороннее и глубокое изучение и знание материала, а метод и способ изложения придет сам собой. Без глубокого знания получается одна пустая болтовня».

В курсе Н. В. Устюгова была дана схема изложения материала в соответствии с историческими периодами развития и сформулированы теоретические основы принципов их разработки. Курс был новым и по построению и по привлекаемым материалам. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин в значительной степени определила направление и дальнейшее исследование вопросов в этой области. Твердо вошло в историческую науку рассмотрение фактического материала вспомогательных исторических дисциплин в соответствии с общеисторической периодизацией, «в тесной связи с хозяйственным, социальным, политическим и культурным развитием Русского государства»⁵.

Характеристика работы Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин была бы неполной, если не остановиться на его взглядах об особенностях обучения в высшей школе вообще, преподавания вспомогательных исторических дисциплин в частности и его взглядах на труд педагога.

Н. В. Устюгов не считал, что следует расширять количество дисциплин, преподаваемых в высшей школе. Он часто говорил о принци-

⁵ Н. В. Устюгов [Рец.]. Л. В. Черепнин. Русская палеография. — «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 240.

пиальной разнице между средней и высшей школой. «Средняя — сообщает комплекс необходимых знаний, а высшая — на конкретном материале учит основным методам научной работы, знакомит с теми приемами, при помощи которых питомец высшей школы сможет научно обрабатывать любой материал в области своей специальности». Отмечая, что об этой разнице задач средней и высшей школы часто забывают, он говорил, что отсюда происходит «перегрузка плана, его многопредметность, а в конечном счете недостаточная подготовка студентов к самостоятельной научной работе . . . дело вовсе не в увеличении количества предметов, а в привитии у студентов навыков к самостоятельной научной работе. Это достигается лишь в специальных семинариях». И далее — «всей полноты знаний, конечно, не дает ни один вуз, да и не может дать. Собственно говоря это и не нужно. Но мы обязаны научить самостоятельной работе над источниками, самостоятельному приобретению знаний». Последнюю фразу Н. В. Устюгов подчеркивал особо.

Очень серьезно смотрел Н. В. Устюгов на труд преподавателя, отмечая, что «всякое преподавание есть творчество», «от педагога требуется очень много такта. Основных качеств, или, как древние римляне выражались, «*Conditio sine qua non*» — условие, без которого не может быть (точнее — нет), два — знание предмета, который преподаешь, и любовь к своим слушателям, искреннейшее желание поделиться с ними своими знаниями. Вот это основа. Эти качества нужно педагогу в себе воспитывать. Одним (их не так уж много) почти не приходится этим заниматься. Я имею в виду, главным образом, второе условие. Оно дано им само по себе. Другим приходится долго и упорно работать над собой в этом направлении — иногда это удается, а иногда нет. Последнее совсем уже плохо».

Таким, кому само по себе дано было быть педагогом, и был Н. В. Устюгов. Но этого мало, хочется отметить большую требовательность, которую предъявлял Н. В. Устюгов к себе как педагогу. Вот как он сам рассказывал об этом: «Во всей своей педагогической работе я всегда чувствовал огромную ответственность перед своими слушателями и учениками. Я никогда не искал популярности у студентов, но я всегда им старался дать все, что я при определенных условиях в состоянии дать». Интересно следующее его высказывание: «Нужно ли снижать научный характер лекции применительно к неподготовленности аудитории или наоборот поднимать аудиторию до уровня лекции? И теоретически и практически я решаю этот вопрос в последнем смысле. Разумеется, необходимым условием такого решения является простой и ясный язык лекции. Могу сослаться на собственную практику. За все время моей педагогической работы у моей аудитории ни разу „не трещали мозги“ от усилий понять то, что я читаю». И далее, говоря о чтении лекций, Н. В. Устюгов отмечал: «Рекомендуется один-два раза рассмешить слушателей в течение часа, т. к. такой короткий смех оживляет внимание. . . Лично мне больше нравится, когда слушатели чувствуют себя весело. Я, конечно, являюсь противником флиртства и поясничания лектора, но и не одобряю такой „серьезной“ лекции, от которой, как говорят, „мозги трещат“. Самый серьезный материал может быть изложен просто и вполне доходчиво. Это, конечно, не легкая задача, но и не невыполнимая».

Большая требовательность к себе это еще не все, что отличает Н. В. Устюгова как педагога. Он относился к своим ученикам с большой любовью, которая соединялась с требовательностью. Он говорил: «Студентов нужно учить настойчиво и терпеливо и притом с любовью к ним. Настоящая любовь не требует побряжек. Можно и поворчать и поругать и отчитать, но нужно добиваться своего». Н. В. Устюгов очень любил работать с молодежью. Очень много сил и времени он отдавал педагогической

работе в МГИАИ. Он действительно искренне желал поделиться со студентами своими знаниями, и студенты платили ему взаимной любовью и уважением.

Много внимания уделял Н. В. Устюгов руководству студенческим кружком в МГИАИ. В литературе утвердилось мнение, что студенческий кружок начал работать в 1947 г.⁶, на самом деле кружок начал работу еще в довоенном, 1939 г. и был возобновлен после войны уже в новом составе.

Замечательный педагог, обладатель разносторонних и глубоких знаний Н. В. Устюгов вырастил большую смену историков и историков-архивистов, оказал огромное влияние на определение исследовательских интересов многих своих учеников.

---

⁶ А. А. Преображенский. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова. — «Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова». М., 1966, стр. 20.

В. Д. Кузьмина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ КАК АРХЕОГРАФА, БИБЛИОГРАФА И ИСТОЧНИКОВЕДА

(К 80-летию со дня рождения)

Научная деятельность В. П. Адриановой-Перетц началась в 1907 г., когда девятнадцатилетней слушательницей Высших женских курсов в Киеве она стала принимать участие в семинарии по русской филологии, которым руководил проф. В. Н. Перетц. Одной из задач участников семинария было изучение литературных памятников на основе всех сохранившихся источников. Они много занимались в хранилищах Киева, а с 1910 г. начались поездки (экскурсии для работы над рукописями) в Полтаву, Екатеринослав, Житомир, Петербург и другие города. В отчетах об этих экскурсиях постоянно встречаются описания рукописей и старопечатных книг, выполненные В. П. Адриановой.

Не ограничив себя рамками узкой специальности археографа, историка книжного дела или библиографа, Варвара Павловна и смолоду и в последующие годы уделяла пристальное внимание этим областям знания. Она ясно понимала, что без библиографии, археографии, без истории рукописной и старопечатной книги невозможно правильно, с необходимой полнотой воссоздать русский историко-литературный процесс.

Владение так называемыми вспомогательными дисциплинами стало прочной основой историко-литературных и историко-театральных исследований Варвары Павловны¹. Она издала многие ранее неизвестные произведения от «Хожения» Даниила Корсунского (конец XVI в.) до рукописной сатиры и школьной драмы XVIII в. Огромное количество рукописного и старопечатного материала привлечено ею впервые в различных исследованиях, посвященных литературной истории оригинальных и переводных произведений русской литературы XV—XVIII вв. («Задонщина», «Житие Алексея Человека божия», басни Эзопа, легенды об Агасфере и др.). Общее признание получила ее филигранная текстологическая работа над всеми сохранившимися списками «Задонщины» для воссоздания как первоначального авторского текста, так и текстов позднейших редакций. Громадны заслуги Варвары Павловны в разработке обширного пласта демократической сатиры, пародии и юмористики XVII—XVIII вв., в раскрытии преемственной связи развития этих жанров.

Хронологическая широта охвата материала, тонкий анализ элементов художественной формы отличают книгу В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947 г.). В ней рассмотрены наиболее распространенные в древнерусской литературе метафоры-символы с их разновидностями (метафорические сравнения и эпитеты)

¹ О научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц см.: И. П. Еремин. Очерк научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц. — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIV, 1963, стр. 21—32; Д. С. Лихачев. Краткий очерк научно-исследовательской и преподавательской деятельности [В. П. Адриановой-Перетц]. — В кн.: «Варвара Павловна Адрианова-Перетц». (Материалы библиографии ученых СССР. Серия лит. и яз., вып. 4). М., 1963, стр. 6—17.

и лиро-эпические «плачи», иногда (в XVI—XVII вв.) развивавшиеся в самостоятельный жанр. В книге высказано много интересных суждений о происхождении этих элементов, о причинах их устойчивости и характере развития в связи с теоретической проблемой «древнерусская литература и и фольклор», многие годы привлекавшей пытливые внимание Варвары Павловны.

Особое место занимает цикл ее статей, посвященных разным аспектам изучения «Слова о полку Игореве». Итогом многолетней работы над литературой Киевской Руси является ее новая книга «Слово о полку Игореве и русская литература XII века» (1968 г.). Внимательный анализ лексики, фразеологии, стилистики произведения неопровержимо доказывает его органическую связь и неразрывную близость с литературной традицией XI—XII вв.

Идя непроторенными путями, решая сложные, актуальные проблемы науки, Варвара Павловна, всегда основываясь на точном знании всей совокупности сохранившегося материала, много и энергично работала в различных хранилищах рукописей и старопечатных книг.

Исчерпывающая библиография, тщательная археографическая работа, точное восстановление литературной истории произведений делают литературоведческие исследования Варвары Павловны ценными в историко-ведческом отношении. Не только историк литературы, но также библиограф, археограф, палеограф, историк книги и общественной мысли найдут в них богатый материал.

В 1912 г., сдав экстерном экзамены за историко-филологический факультет Киевского университета, В. П. Адрианова одновременно выпустила первую собственно источниковедческую монографию «Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVIII вв.»² По богатству собранного материала (526 записей) эта монография до сих пор сохраняет значение важнейшего первоисточника по истории книжного дела на Руси.

В 1917 г. Варвара Павловна защитила при Петроградском университете магистерскую диссертацию «„Житие Алексея Человека божия“ в древней русской литературе и народной словесности». Книга построена на основе тщательного исследования огромного количества источников, в частности, различных типов Жития Алексея, известных на Руси (редакция Торжественника XII в., Троицкая редакция по рукописи XIV в., редакция Великих Четьих-Миней XVI в.; редакция «Анфилогина» 1660 г., редакция Четьих-Миней Димитрия Ростовского; проложные жития), украинской школьной драмы «Алексей божий человек» (1672—1673 гг.), 74 записей духовных стихов об Алексее (великорусских, белорусских, украинских). Наконец, изучено также и изображение Алексея

В. П. Адрианова-Перетц

² В серии «Памятники древней письменности и искусства», т. 178. СПб., 1912.

в русской иконографии, связь с которой прослеживалась в некоторых деталях духовных стихов. В. П. Адрианова реконструировала греческий оригинал древнейшего русского текста, показала, что Троицкая редакция, взяв в основу старый перевод, частично исправила и дополнила его по другому, более распространенному греческому тексту, раскрыла сложную работу над источниками редактора Макарьевских Великих Четых-Миней и Димитрия Ростовского. Точный источниковедческий анализ совокупности всех материалов сделал неопровержимыми выводы В. П. Адриановой, и такой крупный историк древнерусской литературы, как В. Н. Перетц, пересмотрел свои прежние выводы о связи духовного стиха об Алексее с восточнославянской агиографией³.

Стремление создавать исследование на основе всего сохранившегося материала привело В. П. Адрианову к работе над тематической библиографией. Итогом ее многолетних занятий историей школьной драмы стала библиография, которая охватывает репертуар школьных театров Велико-россии и Украины XVII—XVIII вв.⁴ До сих пор это одно из ценнейших настольных пособий для историков ранней русской драматургии и театра.

Исследование повествовательных жанров (легенды об Агасфере, сатирической повести и др.), работа в Славянском отделении БАН и с 1934 г. в Пушкинском доме, а также участие в составлении картотеки «Комиссии по составлению библиографии древнерусской литературы» под руководством акад. Н. К. Никольского послужили толчком к созданию Варварой Павловной (совместно с В. Ф. Покровской) библиографии древнерусской повести. Библиография была задумана очень широко. В первый выпуск вошли переводные повести XII—XVIII вв., русские обработки заимствованных сюжетов XV—XVII вв., оригинальные русские повести XV—XVII вв.⁵ Второй выпуск должен был включать повести и сказания древнейших летописных сводов, «Слово о полку Игореве», цикл повестей о нашествии Батая, цикл повестей о Куликовской битве, повести и сказания московских летописных сводов, повести о взятии Казани, повести и сказания о крестьянской войне и польско-шведской интервенции начала XVII в., повести о взятии Азова, повести о крестьянских и городских восстаниях второй половины XVII в.

В третий выпуск должны были войти переводные сборники легенд (патерики, повествовательные части Пролога, сборники «Грешных спасение», «Великое зеркало», «Звезда пресветлая»), синодики и русские жития, сближающиеся то со сказкой («Житие Меркурия Смоленского», «Житие Петра и Февронии»), то с бытовой повестью («Житие Юлиании Муромской», «Сказание о Соломонии» и т. п.).

В связи с начавшейся войной этот обширный план удалось реализовать частично. В 1940 г. почти одновременно вышли в свет первый выпуск и часть второго, посвященные «Слову о полку Игореве»⁶. Обе эти книги — не просто справочные пособия. Они являются значительным шагом вперед в организации дальнейшего научного изучения древнерусской литературы. Пожалуй, особенно велико значение библиографии древнерусской повести, где впервые был систематизирован и введен в научный оборот огромный рукописный материал. Еще в 1923 г. Н. К. Пиксанов говорил о необходимости «привести в известность всю архивную наличность повестей»⁷ как о задаче первостепенной важности. В основном

³ В. Н. Перетц [Рец.]. «Житие Алексея Человека божия» в древней русской литературе и народной словесности. — «Известия ОРЯС Российской Академии наук», т. XXVI. Пг., 1923, стр. 253.

⁴ «Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. — В кн.: «Старинный спектакль в России». Сб. статей. Л., 1928, стр. 184—197.

⁵ «Древнерусская повесть», вып. 1. М.—Л., 1940.

⁶ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940.

⁷ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пг., 1923, стр. 39.

проблема была решена данной книгой. Один из крупнейших знатоков древнерусской литературы Н. К. Гудзий писал: «Не только начинающий литературовед, специализирующийся по древней русской литературе, но и уже сложившийся ученый поблагодарят составителей за их нелегкий труд, открывающий заманчивые перспективы работы над свежим, в большинстве еще не тронутым материалом, в таком большом количестве выявленным и систематизированным в книге. Она должна дать толчок для ряда самостоятельных исследований по старинной русской повести; отправляясь от нее, можно написать не один десяток полноценных не только кандидатских, но и докторских диссертаций»⁸.

За прошедшие 28 лет на основе этой книги созданы не только серия монографических исследований («Александрия», «Девгениево деяние», «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Прение живота и смерти», «Повесть о Дракуле», «Повесть о белом клобуке», рыцарский роман на Руси, фации, сатирические повести XVII в. и др.), но и антологии древнерусской повествовательной литературы для широкого читателя («Русские повести XV—XVI вв.», «Русская повесть XVII в.»). Не беда, что в этой библиографии оказались неизбежные на первом этапе пропуски. 12 лет спустя дополнения А. А. Назаревского⁹ составили небольшую книгу. Работа В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской и ныне имеет огромное значение и научную ценность, тем более что некоторые из использованных в ней источников (рукописные каталоги БАН, ГИМ, ГПБ) не изданы до сих пор.

Библиография изданий, переводов и исследований «Слова о полку Игореве» вышла одновременно с аналогичной работой О. В. Даниловой, Е. Д. Поплавской, И. С. Романченко под редакцией и со вступительной статьей проф. С. К. Шамбинаго. Обе книги дополняли друг друга и послужили прочной основой дальнейшего плодотворного и многопланового изучения «Слова о полку Игореве» (издания «Слова» в серии «Литературные памятники»; большая серия «Библиотека поэта»; монографии Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“», 1960; коллективные труды: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, 1950, «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века», 1962; «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла», 1966).

В послевоенные годы по инициативе Варвары Павловны ее ученица Н. Ф. Дробленкова составила «Библиографию советских русских работ по русской литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг.» Книга вышла в 1961 г. под редакцией и с предисловием В. П. Адриановой-Перетц. Работу по библиографированию исследований, посвященных древнерусской литературе, Н. Ф. Дробленкова продолжает и в последующие годы¹⁰.

Представляется необходимым, дополнив и объединив обе эти библиографии, реализовать план издания «Библиографии древнерусской литературы», задуманный еще в 1920-е годы.

Имя Варвары Павловны в изучении истории древнерусской литературы прочно связано с сатирой и демократической поэзией «бунташного» XVII в. Она ввела впервые в научный оборот целый ряд произведений либо совсем неизвестных, либо неверно оцененных в дореволюционной науке и литературе («Азбука о голом и небогатом человеке», «Лечебник на иностранцев», «Повесть о куре и лисице», «Праздник кабацких ярыжек», «Роспись о приданом» и др.). И дело не только в том, что ей удалось показать роль народных масс в создании и развитии национальной

⁸ Н. К. Гудзий [Рец.]. Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская, вып. 1. М.—Л., 1940. — «Литературное обозрение», 1941, № 7, стр. 63.

⁹ А. Н. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1952.
¹⁰ Н. Ф. Дробленкова. Библиография работ по древнерусской литературе, выпущенных в СССР за 1958—1959 гг. — «ГОДРЛ», т. XVIII, 1962, стр. 499—551.

литературы, что теперь разделы о русской демократической сатире и демократической поэзии XVII в. вошли в общие курсы древнерусской литературы. Изданные и исследованные ею произведения представляют новую ценную группу источников по истории русской общественной мысли XVII в. «Появление этой литературы тесно связано с недовольством посадского населения московскими правительственными порядками, нашедшим свое выражение в городских восстаниях 1648—1650 и 1662 гг.», — писал акад. М. Н. Тихомиров, включив первую обобщающую книгу В. П. Адриановой-Перетц «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.» (1937 г.) в список необходимых пособий по источникововедению истории СССР¹¹.

Говоря о работе В. П. Адриановой-Перетц в области археографии, нельзя обойти молчанием изданное под ее редакцией описание собрания рукописей И. А. Шляпкина, составленное В. Н. Перетцем¹². Собственно говоря, это обширная монография объемом более 20 печ. листов. Хотелось бы, чтобы Археографическая комиссия заинтересовалась судьбой этого замечательного собрания, ныне разделенного между тремя хранителями: Саратовским государственным университетом, ЦГАЛИ (ф. 1296) и ЦГАДА (ф. Рукописных книг 1338, переданный из ЦГАЛИ). Благодаря пометам Л. А. Дмитриева в описании В. Н. Перетца точно известно, какие именно рукописи собрания остались в Саратове. Статья Л. Н. Пушкарева содержит сведения о нескольких рукописях, ныне находящихся в ЦГАДА (Шляпкин, № 460/206, 412/164, 302, 399/150)¹³.

Обширный фонд И. А. Шляпкина в ЦГАЛИ не имеет до сих пор точного описания. Так, например, в «Путеводителе»¹⁴ отмечено, что он содержит 304 единицы хранения. На самом же деле, как видно из описей, имеющихся в ЦГАЛИ (оп. 1—304 ед. хр.; оп. 2—91 ед. хр.; оп. 3—53 ед. хр.), это материалы только первой описи, а 144 единицы хранения второй и третьей описи в «Путеводителе» не отражены. Не отмечено также, что в фонде И. А. Шляпкина имеются ценные списки повестей XVII в. («Повесть о Бове» — Шл., 476А/225; «Повесть о прекрасной Мелюзине» — Шл. 432/182 и 249). В результате разделения коллекции в настоящее время неизвестно местонахождение некоторых ценных рукописей этого собрания, описанных В. Н. Перетцем, например, раннего списка «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Хотелось бы, чтобы Археографическая комиссия продолжила дело, начатое В. П. Адриановой-Перетц, выявила полностью современный состав этой ценной коллекции и напечатала в «Археографическом ежегоднике» описи частей собрания И. А. Шляпкина, попавших в ЦГАДА и ЦГАЛИ.

Деятельность В. П. Адриановой-Перетц не только чрезвычайно многообразна и плодотворна в области вспомогательных дисциплин (истории книги, археографии, библиографии), тесно связана с успехами советской исторической и филологической науки, но и не раз открывала пути для новых исследований в различных областях истории русской культуры.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, стр. 160—161.

¹² В. Н. Перетц. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. Подгот. к печ. и ред. В. П. Адриановой-Перетц, [ч. 1—2]. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 361—466; «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 395—491.

¹³ Л. Н. Пушкарев. Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива СССР. — «ТОДРЛ», т. X, 1954, стр. 462—463.

¹⁴ «Центральный государственный литературный архив СССР». Путеводитель. Под ред. Н. Ф. Бельчикова. М., 1954, стр. 351.

Л. П. Жуковская

**РАБОТЫ Б. А. РЫБАКОВА
В ОБЛАСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

(к 60-летию со дня рождения)

Существен и весьма разносторонен вклад Б. А. Рыбакова в историко-ведческие дисциплины, обслуживающие историю, лингвистику, литературоведение и истории разных наук, имеющих в качестве одного из своих источников разнообразные памятники письменности. Интерес его к этим отраслям знания, по-видимому, связан с его глубокой убежденностью в том, что «изучение славяно-русских древностей, относящихся целиком к исторической эпохе, должно быть особенно неразрывно слито с изучением письменных источников»¹. Еще в тезисах своей докторской диссертации он писал о необходимости «комплексного привлечения всех доступных источников, как письменных, так и вещественных, а также данных этнографии и истории техники»².

Главное место в историко-ведческих исследованиях Б. А. Рыбакова занимает эпиграфика, особый интерес к которой проходит через всю его творческую жизнь. Еще в 1938 г. в одной из своих ранних работ он говорил: «Многие надписи богаты интересным историческим содержанием не в пример большинству надписей древних рукописей, почти сплошь канонического, богослужебного состава»³. И здесь же через 26 лет он дает очень высокую оценку эпиграфическому материалу: «В отличие от литературных, юридических и богослужебных текстов надписи на вещах или записи на стенах зданий непосредственно отражают повседневную жизнь разных слоев русского средневекового общества... Эпиграфическая запись — это живой голос древнерусского горожанина — гончара, ювелира, воина, князя, церковного певчего, паломника, девушки-пряжи, епископа, казначея или ловчего. Надписи удостоверяют имя мастера, изготовившего вещь, или владельца вещи, содержат заклинания, шутки, эпиграммы и даже летописные записи»⁴.

Для обобщающих работ Б. А. Рыбакова в области эпиграфики характерно то, что он снова и снова возвращается к этой проблематике, с которой начинал свою творческую деятельность. Еще в 1938 г. он дает глубокий и разносторонний анализ труда А. С. Орлова «Библиография русских надписей XI—XV вв.»⁵, исправляя и пополняя его. При этом Б. А. Рыбаков обнаруживает большие и разносторонние знания в об-

¹ Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. — «Советская археология», 1957, № 4, стр. 55. (Разрядка моя. — Л.Ж.).

² Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. (Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 5 июля 1942 г.). — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), вып. XIII, 1946, стр. 162. (Разрядка моя. — Л.Ж.).

³ Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XV вв. — «Исторические записки», т. 4, стр. 250.

⁴ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, стр. 5. (Серия: «Археология СССР. Свод археологических источников», Е I—44).

⁵ А. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936.

Б. А. Рыбаков

ласти эпиграфики вообще и библиографии эпиграфических публикаций, в частности. Эта небольшая, филигранно отделанная статья отразила эпиграфическое кредо ее автора и в какой-то степени наметила основные вехи развития советской эпиграфики на последующие 30 лет. «Если академик Орлов опубликует свод русских надписей, он этим создаст науку, до сих пор не имеющую прав гражданства, — русскую эпиграфику»⁶, — писал Б. А. Рыбаков и в заключение своей рецензии высказывал «предположение, что „Библиография русских надписей“ А. Орлова со временем перерастет в свод русских надписей, который охватит все изобилие таких редких и свежих для исторической науки источников, как надписи»⁷.

В дальнейшем Б. А. Рыбаков и создаст такую науку. При этом он не вполне осуществляет некоторые свои ранние установки об объеме материалов, составляющих объект эпиграфики (в указанной работе 1938 г. он считал несправедливым исключение монет и печатей из объектов внимания эпиграфики), но зато разрабатывает методы датировки буквенных начертаний надписей (см. ниже). Для создания науки это является гораздо более существенным вкладом, чем расширение объема ее источников.

«Русские датированные надписи» Б. А. Рыбакова входят в «Свод археологических источников» по археологии СССР и вполне соответствуют тому требованию, которое предъявлял к Своду его инициатор, считая, что Свод «должен стать первым в мире обобщающим изданием систематизированного, превращенного в исторический источник археологического материала»⁸. Сами же накопившиеся фонды археологических материалов Б. А. Рыбаков справедливо расценивал как «государственное сокровище»⁹.

«Русские датированные надписи» представляют собой фундаментальный обобщающий труд, в котором сведены воедино все известные датированные надписи (их 55). Согласно требованиям, предъявлявшимся Б. А. Рыбаковым ко всему корпусу археологических источников¹⁰, он даст краткую историю исследования, библиографию, воспроизводит надписи в фотографиях и прорисях, анализирует с разных точек зрения, но прежде всего палеографически и исторически. Здесь же Б. А. Рыбаковым разработана принципиально новая в палеографии и эпиграфике ме-

⁶ Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей, стр. 256.

⁷ Там же, стр. 257.

⁸ Б. А. Рыбаков. Издание свода археологических источников. — «Вестник АН СССР», 1962, № 8, стр. 51—52.

⁹ Там же, стр. 51.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. О корпусе археологических источников СССР. — «Тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.» М., 1957, стр. 6.

тодика составления хронологических графиков для наиболее характерных букв и установлен принцип датировки недатированных надписей (и рукописей) по наибольшему числу аналогий.

Созданный Б. А. Рыбаковым корпус русских датированных надписей XI—XIV вв. представляет собой важный шаг в развитии эпиграфики и становлении ее как самостоятельной науки, что заслуживает специального изучения и разбора разных сторон его. Причем значение его далеко выходит за рамки эпиграфики как таковой (о значении для истории мы не говорим), он необходим и для палеографии, для совершенствования и развития методики обеих наук.

Остановимся на некоторых работах Б. А. Рыбакова, относящихся к палеографии и эпиграфике и опубликованных в разное время.

Такова, прежде всего, статья «Надпись киевского гончара XI века»¹¹. Надпись выполнена по сырой глине на сосуде, обломки которого были найдены в Киеве еще в 1915 г., и была рассмотрена до Б. А. Рыбакова рядом ученых. Но Б. А. Рыбаков сумел идентифицировать не прочитанные ими буквы по сохранившимся элементам, убедительно установил последовательность чтения их и чтение надписи в целом. Сопоставив далее начертания букв с надписями на тмутараканском камне, софийских граффити, монетах, шиферных иконках, ювелирных изделиях и других предметах материальной культуры, Б. А. Рыбаков предложил свою датировку. Вторая часть этой статьи, как и обычно в подобных работах Б. А. Рыбакова, посвящена заключениям исторического порядка в самом широком смысле этого слова, что выходит за рамки настоящего обзора.

Б. А. Рыбаков первым в наше время начал анализировать надписи-граффити в киевском Софийском соборе¹². В процессе изучения их он проводит сопоставление с эпиграфическим и нумизматическим материалом, с начертаниями букв в памятнике пергаменной письменности — Юрьевском евангелии 1120—1128 гг., написанном, по мнению А. И. Соболевского и других ученых, в том числе и Б. А. Рыбакова, в Киеве. Палеографический анализ представлен в этой работе более развернуто, чем в статье о надписи киевского гончара и других, написанных позднее. Правда, здесь отсутствуют фотографии, но приведенные прорисы выглядят убедительными. Анализ содержания надписей проведен Б. А. Рыбаковым с точки зрения историка и, как всегда, мастерски.

В статье о раскопках в Любече¹³, как и в других аналогичных, Б. А. Рыбаков воспроизводит наиболее интересные надписи на предметах материальной культуры, датирует их, но датировку не аргументирует конкретными, использованными для сопоставления материалами эпиграфики и палеографии. Лаконичен Б. А. Рыбаков и при определении надписей на мощевиках¹⁴, причем приведены они лишь в извлечениях. Это объясняется, видимо, не только манерой подачи материала автором, но и необходимостью очень краткого изложения в тех печатных органах, где статьи публиковались. Также и в статье о записи смерти Ярослава Мудрого Б. А. Рыбаков только отмечает: «Палеографически надпись очень близка к Остромирову евангелию 1056—1057 гг.»¹⁵, но в чем конкретно выражается эта близость, не указывает.

¹¹ КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 134—138.

¹² Б. А. Рыбаков. Іменні написи XII ст. в кийівському софійському соборі. — «Археологія», т. 1. Київ, 1947, стор. 53—64.

¹³ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 году. — КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 27—34.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. — «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. 2. М.—Л., 1949, стр. 186—191. (Серия: «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12).

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого. — «Советская археология», 1959, № 4, стр. 245.

Само же прочтение надписи, анализ ее содержания выполнены блестяще.

Особо следует отметить значение исследования Б. А. Рыбаковым записи о смерти Ярослава Мудрого как труда по русской хронологии. Не будет преувеличением сказать, что этот лаконичный четкий хронологический анализ представляет собой жемчужину в этой области вспомогательных исторических дисциплин.

Ценные сведения может почерпнуть читатель в работах Б. А. Рыбакова и по сфрагистике. Их находим в названной выше статье «Именные надписи XII в. в киевском софийском соборе», «Печать Георгия и Софии»¹⁶, «Печатки чернігівських князів»¹⁷ и в некоторых других, особенно же в фундаментальном исследовании «Ремесло Древней Руси»¹⁸.

Впрочем, Б. А. Рыбаков в работах 40-х годов подчас не сам квалифицировал памятники письменности, а предоставлял слово специалистам в смежных областях науки. Например, в статье «Раскопки в Звенигороде»¹⁹ он воспроизводит надписи-граффити, но для датировки их предоставляет слово крупнейшему современному палеографу М. В. Щепкиной. Не стремится он дать собственное определение монетам из Черной могилы; это делают Ю. С. Крушколл и А. А. Сиверс²⁰. В процессе датировки надписи гончара XI в. Б. А. Рыбаков прибегает к помощи лингвиста С. Б. Бернштейна²¹. Очень важную в общеметодическом отношении статью, причем важную не только для нумизматики, но и для всех вспомогательных исторических дисциплин и даже для истории нашей письменности как таковой, Б. А. Рыбаков пишет вместе с В. Л. Яниным²².

Б. А. Рыбаков проявляет свое внимание к материалам, давно известным в археологии, причем умеет взглянуть на них под новым, собственным углом зрения. Таково Потворино пряслице, найденное еще в 1885 г. в Киеве близ Десятинной церкви. В статье об этой вещи Б. А. Рыбаков проводит не только археологическое и историческое, но и лингвистическое разыскание: современные чешское, болгарское, сербское, лужицкое и диалектные русские названия этой реалии позволили Б. А. Рыбакову восстановить древнерусскую форму слова — прасльнь. Внимателен к языку он и тогда, когда предлагает чтение *невесточь* и др.²³ Собственно палеографического анализа здесь нет, датировать пряслицу ему помогают исторические, археологические и географические источники. В то же время здесь содержится очень важный для понимания древнерусской письменности вывод: «По сравнению с деревенскими мы ясно ощущаем различие в способах пометы: крестьянки метили свои пряслица знаками, тамгами, изредка рисунками, а горожанки — рисунками, инициалами и надписыванием имен»²⁴.

Для всех занимающихся проблемами древнерусской письменности очень важны ценнейшие разыскания Б. А. Рыбакова в области книжного дела в Древней Руси. Надо прямо сказать, что эти лаконично изложен-

¹⁶ КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 106—108.

¹⁷ «Археология», т. 3. Київ, 1950, стор. 111—118.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945). — «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. 2. М.—Л., 1949, стр. 126.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. 1. М.—Л., 1949, стр. XXIX, примеч. 54.

²¹ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. — КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 136, примеч. 3.

²² Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин. По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энгватова. — «Советская археология», 1960, № 4, стр. 239—240.

²³ «Овручские пряслица». — «Доклады и сообщения исторического факультета [МГУ]», вып. 4. М., 1946, стр. 28, 29.

²⁴ Там же, стр. 30.

ные разделы в монографии Б. А. Рыбакова по древнерусскому ремеслу²⁵ еще много лет будут важным источником для самых разнообразных работ историков русской письменности.

Великолепен этюд Б. А. Рыбакова о «врагах игуменах» и Авраамии Смоленском, написанный на материале граффити, выявленного экспедицией Н. Н. Воронина при раскопках в 1962 г. руин храма XII—XIII вв. на восточной окраине Смоленска. Палеографически эта надпись была описана Н. Н. Ворониным²⁶, но Б. А. Рыбаков уточняет датировку на основании эпиграфических, палеографических, берестологических, дендрологических и исторических данных²⁷. Датировка Б. А. Рыбакова может быть подкреплена и лингвистически, так как из той же языковой области и с той же орфографией (полное смешение букв о — ъ и ъ — е — ѓ; правда, в граффити об игуменах примеров на ѓ нет) известна Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. Эта работа может послужить блестящим примером датировки древнеписьменных и средневековых письменных источников. Правда, Б. А. Рыбаков дает здесь частные определения лингвистического характера, в которых лингвист не может согласиться с некоторыми деталями: например, с определением «постоянное применение ъ и ъ для изображения глухих», когда речь идет о написании букв ъ и ъ для обозначения этимологических гласных о и е; с восстановлением буквы ъ в словах: вѣрагомѣ, игумнѣмѣ.

Статья, анализирующая надпись о «врагах игуменах», интересна еще и своим методом датировки недатированного эпиграфического материала при помощи датированных эпиграфических источников, которые, как говорилось выше, сведены Б. А. Рыбаковым в его корпусе датированных надписей XI—XIV вв. Действуя своим методом, Б. А. Рыбаков обнаруживает наибольшее количество аналогий к смоленским надписи в первой половине XIII в., точнее, в 4-й группе датированных надписей (1211—1240 гг.), и приводит этот материал как доказательство невозможности отнести рассматриваемую им запись ко времени митрополита Климента Смолятича (1147—1155 гг.).

В работе «Сбыт продукции русских ремесленников»²⁸ и особенно в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.»²⁹ Б. А. Рыбаков обозрел и изучил колоссальный материал знаков собственности на монетах, печатях, перстнях, подвесках, оружии, поясах, нагрудных знаках, воинских знаменах, пломбах на товарах, на инструментах и изделиях ремесленников (кирпичах, горшках, ювелирных изделиях и матрицах ювелиров), «пятна» на скоте и «знаменья» на бортиях, на границах разных угодий и земельных участков и т. п. Б. А. Рыбаков доказал существование двух разновидностей этих знаков (торжественно-декоративной и простой) и осветил эволюцию знаков собственности в процессе смены поколений.

Своими работами в этой области Б. А. Рыбаков заложил основы создания нового раздела источниковедческих дисциплин, выведя этот материал далеко за рамки узко нумизматических интересов и поставив его на службу исторической науки.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 405—407, 684—692.

²⁶ Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. — «Советская археология», 1964, № 2, стр. 176—178.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». — «Советская археология», 1964, № 2, стр. 179—187.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. — «Ученые записки МГУ», 1946, вып. 93. История, кн. 1, стр. 68—112.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — «Советская археология», 1940, № 6, стр. 227—257.

Б. А. Рыбаков активно участвует в создании коллективных обобщающих трудов. Для рассматриваемой здесь темы особенно важно иметь в виду его разделы в «Истории русского искусства»³⁰, особенно в первом томе этого издания. Ценнейшие идеи об источниках тератологического орнамента и сведения о предметах ювелирного и прикладного искусства, украшенных этим и другими типами орнамента, отразились в главах «Орнамент» и «Сюжеты прикладного искусства», дополненных здесь по сравнению с соответствующими частями монографии 1948 г. «Ремесло Древней Руси».

Б. А. Рыбаков устанавливает много точек соприкосновения орнамента рукописной книги с ювелирным производством. Например, он видит влияние техники перегородчатой эмали на миниатюры и инициалы Остромирова евангелия 1056—1057 гг. Отмечая, что «вертикальные основы букв состоят из многих мелких отрезков разного цвета, заключенных (как это полагается в эмали) в замкнутые золотые контуры»³¹, Б. А. Рыбаков находит, что Остромирово евангелие ближе всего к находящейся в Эрмитаже золотой диадеме XI—XII вв. из Сахновки с изображением вознесения Александра Македонского. Тот же «эмалевый» стиль Б. А. Рыбаков видит в Изборнике 1073 г. и Мстиславовом евангелии около 1117 г., которое «подражает Остромирову и замыкает собою ряд „финифтяных“ рукописей с их многоцветностью и золотыми контурами»³². Мастерски анализируя инициалы Юрьевского евангелия 1120—1128 гг., Б. А. Рыбаков отмечает выдающееся мастерство художника, который, «сохраняя единство стиля... изобретал новые формы, новые образы для каждой буквы; это требовало известного напряжения фантазии, так как набор букв был очень ограничен: Б, В и Р»³³. Б. А. Рыбаков отмечает здесь инициал, в котором изображен «сириин с ликом девы в короне, напоминающей диадемы, хорошо известные нам по археологическим находкам»³⁴. Он находит также, что «контурные киноварные инициалы 1120—1128 годов обнаруживают множество точек соприкосновения с изделиями других отраслей прикладного искусства этого столетия»³⁵ и называет при этом костерезное дело, кольчужное, плетение проволочных браслетов и гривен, чеканку ручек сосудов ризницы новгородской Софии, медное литье вщижских арок, широкие браслеты и владимирские рельефы.

Так, в написанных им главах о прикладном искусстве незаметно для себя самого и для читателя он подводит последнего к необходимости пересмотра типов древнерусского орнамента и их обозначения. Например, определение «эмальерный тип» инициалов Остромирова и Мстиславова евангелий представляется теперь правильным и гораздо более выразительным, чем привычное определение «византийский растительный орнамент». Б. А. Рыбаков вскрывает не только истоки этого орнамента, но и постоянно воздействовавшие на него и служившие образцами для подражания источники в виде разных форм ювелирного и прикладного искусства.

Эти разделы в монографии «Ремесло Древней Руси» и в «Истории русского искусства» являются, следовательно, существенным вкладом в палеографию как таковую.

В своих работах Б. А. Рыбаков плодотворно использует и собственно палеографический метод. Например, он убедительно отрицает проведенное до него отождествление двух мастеров, анализируя начертания букв,

³⁰ «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 39—92, 233—297, 505—522; т. III. М., 1955, стр. 215—234.

³¹ Там же, т. I, стр. 256.

³² Там же, стр. 257.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 257—258.

³⁵ Там же, стр. 259.

графику и орфографию (последние верно о ѣ, но неверно об оканье и аканье) надписей, выполненных ими, и их подписи³⁶.

Очень важен для палеографии и берестологии проведенный Б. А. Рыбаковым анализ берестяных грамот мальчика Онфима, особенно грамоты № 206 с датой³⁷. Это исследование является одним из аргументов для предложенного Б. А. Рыбаковым варианта хронологической шкалы берестяных грамот, но существенно оно и для уточнения палеографических датировок самих по себе.

Как всякому ученому, особенно много сделавшему для своей науки или, как в данном случае, создавшему ее, Б. А. Рыбакову свойственно пристрастное отношение к эпиграфике, известное преувеличение ее роли в ряду других наук. Так, в докладе на V Международном съезде славистов в Софии он говорил: «Отличие палеографии от эпиграфики состоит в том, что первая исследует лишь форму начертаний, не вникая по существу в содержание написанного, тогда как вторая имеет дело не только с характером подписей на разном материале, но и с содержанием их. Эпиграфика владеет самостоятельным разделом своеобразных исторических источников, исследуя их целиком, и палеографически и исторически: от особенностей почерка до исторических лиц или событий, упоминаемых в эпиграфической записи... Русская средневековая эпиграфика — раздел исторической науки, занимающийся формой и содержанием надписей, сделанных не на основном письменном материале (пергамен, воск, береста, бумага), а на различных предметах или случайных, не предназначенных для этого поверхностях»³⁸.

Кипучая деятельность, повседневный напряженный творческий труд, многообразные знания и дарования, а также выдающиеся способности охватить и обобщить новый материал позволяют Б. А. Рыбакову быстро вовлекать этот материал в орбиту своего исследования. Отсюда своеобразные рецензии Б. А. Рыбакова. Он настолько проникается материалами, мыслями и идеями рецензируемых трудов, что ощущает необходимость дополнить их своими наблюдениями и своими материалами. Таковы, например, статьи «Окна в исчезнувший мир» (по поводу выдающегося труда А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник»)³⁹ и упоминавшаяся выше статья о «Библиографии русских надписей» А. С. Орлова.

Эти же особенности исследовательского дара обнаруживаются и в других статьях, написанных в связи с публикациями новых материалов другими учеными. Даже редактируя, Б. А. Рыбаков не остается холодным ценителем, но с неукротимой энергией вторгается в построения и выводы автора, дополняет их собственными наблюдениями и гипотезами⁴⁰.

Не содержат непосредственного палеографического анализа, но важны для палеографии и истории русской письменности две работы Б. А. Рыбакова: «Берестяная грамота из Витебска» (статья написана в соавторстве с Н. Н. Дрочениной)⁴¹ и «Татарская кириллическая надпись из Полоцка»⁴².

³⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 657.

³⁷ Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. — «Советская археология», 1959, № 4, стр. 98—99.

³⁸ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). — «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 35—36.

³⁹ «Доклады и сообщения Исторического факультета [МГУ]», № 4. М., 1946, стр. 36—51.

⁴⁰ См., например, примечания и другие материалы от редактора в книге: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954.

⁴¹ «Советская археология», 1960, № 1, стр. 282—283.

⁴² «Советская археология», 1963, № 4, стр. 248—249.

К сожалению, не всегда в публикациях самих материалов письменных источников даются иллюстрации с одинаковой требовательностью. В одних случаях его статьи и исследования сопровождаются прекрасными фотографиями и сравнительно точными прорисями, в других — прорис не точны, а фотографий нет. Например, для лингвиста очень досадно отсутствие фотографии для указанной выше надписи из Любеча (раскопки 1957 г.), в которой, вероятно, надо читать не ю, а юе (если принять в целом предложенное Б. А. Рыбаковым чтение)⁴³.

В своих источниковедческих работах Б. А. Рыбаков применяет математические методы. Выдающимся в этом плане является его исследование о чертеже древних зодчих — «вавилоне», содержащем в себе многочисленные древнерусские основные линейные меры⁴⁴. Исследование это составляет основное звено в русской метрологии, причем оно отсутствовало, несмотря на более чем столетние наблюдения в этой области разных ученых. Впрочем, и сам Б. А. Рыбаков не сразу подошел к своей «Архитектурной математике древнерусских зодчих», анализирующей «вавилон». Ей предшествовала работа «Русские системы мер длины»⁴⁵.

Интересной для текстологии, палеографии и других наук, в которых выводы добываются путем многочисленных сопоставлений объектов наблюдения, является формула Б. А. Рыбакова для подсчета количества сопоставлений археологических материалов. В монографии «Ремесло Древней Руси» он пишет о ней: «Если мы обозначим через a количество вещей определенного типа, то количество необходимых сопоставлений (x) может быть определено по формуле:

$$x = \frac{(a-1)^2 + (a-1)}{2} \text{ » } ^{46}.$$

Эта формула, действительно, очень полезна для определения объема работы и планирования ее. Формулу можно упростить, тогда она сводится к известной формуле сочетаний из a элементов по два:

$$\frac{a^2 - 2a + 1 + a - 1}{2} = \frac{a^2 - a}{2} = \frac{a(a-1)}{2}.$$

(Ср. формулу сочетаний из a по два: $C_a^2 = \frac{a(a-1)}{1 \cdot 2}$).

В настоящее время нет единства между учеными в понимании источниковедческих дисциплин, их количества, методов, подлежащих их ведению материалов, разрешаемых ими задач и т. п. Так, с одной стороны, наблюдается тенденция расширять количество этих наук. Если подходить с этой позиции к работам Б. А. Рыбакова, то среди источниковедческих можно было бы назвать его труды по исторической географии: «Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв.»⁴⁷ и великодушное исследование «Русские земли на карте Идриси 1154 года»⁴⁸. Видимо, сюда же, т. е. к источник-

⁴³ Впрочем, издательские возможности подобного рода публикаций в последнее время вообще настолько снизились, что даже фундаментальные «Новгородские берестяные грамоты» А. В. Арциховского стали выходить в свет без фотографий.

⁴⁴ Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — «Советская археология», 1957, № 1, стр. 83—112.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков. (Из истории народных знаний). — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 67—91.

⁴⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 29.

⁴⁷ [Тезисы доклада]. — «Труды II Всесоюзного географического съезда», т. 3, 1949, стр. 281—282.

⁴⁸ КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 3—44.

ведческим дисциплинам, должна быть отнесена и «расшифровка символики прикладного искусства Древней Руси»⁴⁹ — новый, выдвинутый Б. А. Рыбаковым путь исследования язычества.

С другой стороны, ученые неодинаково решают проблему классификации источниковедческих дисциплин, причем одни видят большую степень самостоятельности у одних наук, другие — у других. Преданный прежде всего эпиграфике, Б. А. Рыбаков полагает, что «эпиграфика — очень своеобразная вспомогательная историческая дисциплина, которая в отличие от палеографии, действительно вспомогательной, обладает собственным материалом для тех или иных исторических выводов»⁵⁰.

Все изложенное показывает, что благодаря глубине научного обобщения, а также благодаря широте и разносторонности интересов Бориса Александровича Рыбакова⁵¹ вклад его в разные отделы источниковедения очень велик и весьма разнообразен.

---

⁴⁹ «Академик Б. А. Рыбаков отвечает на вопросы журнала „Вопросы истории“». — «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 112.

⁵⁰ Там же, стр. 112.

⁵¹ Библиографию работ Б. А. Рыбакова см.: «Борис Александрович Рыбаков. Библиография ученых СССР». Серия истории, вып. 9. М., 1968. В этом же издании указаны работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные многообразной научной деятельности Б. А. Рыбакова.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ¹

С. О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Решением бюро Археографической комиссии нового состава² отныне в течение года будет проводиться два пленарных заседания Археографической комиссии — традиционное заседание в конце года (годовое собрание) и «Тихомировские чтения» — поздней весной.

Первые «Тихомировские чтения» посвящаются 75-летию со дня рождения организатора и первого председателя Археографической комиссии академика Михаила Николаевича Тихомирова.

На днях как большой праздник нашей культуры отмечалось пятидесятилетие советского архивного дела, и имя М. Н. Тихомирова (ему в день подписания В. И. Лениным декрета об архивах исполнилось ровно 25 лет) называли среди имен тех деятелей культуры, которые внесли особенно большой вклад в развитие советского архивного дела и специальных (вспомогательных) исторических дисциплин.

Наше заседание не только дань уважения памяти Михаила Николаевича Тихомирова, это начало ежегодных «Тихомировских чтений», которые будут впредь посвящены значительнейшим вопросам археологии, источниковедения и специальных исторических дисциплин.

Археографическая комиссия, возникшая в 1956 г., постепенно превратилась в Научный совет по археологии, источниковедению, специальным историческим дисциплинам. Об итогах деятельности Археографической комиссии и перспективном плане ее дальнейшей работы (план этот обсуждался и был утвержден на заседании бюро Отделения истории АН СССР 14 мая 1968 г.) уместнее будет детально говорить на пленарном заседании в конце года. На сегодняшнем заседании остановлюсь на том, что сделано для увековечения памяти первого председателя Археографической комиссии.

Сразу же после кончины М. Н. Тихомирова по инициативе Отделения истории АН СССР был разработан план мероприятий по увековечению памяти ученого. 25 января 1966 г. состоялось совместное заседание Отделения истории и Археографической комиссии, посвященное памяти М. Н. Тихомирова³. Выступления на этом заседании стали основой статей академика Б. А. Рыбакова и С. О. Шмидта, помещенных в «Археографическом ежегоднике за 1965 год» и статьи В. А. Александрова в «Археографическом ежегоднике за 1968 год»⁴. Начиная с выпуска за 1968 год на титульном листе этого ежегодного издания будет напечатано «Основан академиком М. Н. Тихомировым».

12 мая 1967 г. в главной лекционной аудитории исторического факультета Московского университета была открыта доска с барельефом

¹ Статьи С. О. Шмидта, И. П. Старовой, Р. Ф. Хохлова, А. В. Муравьева, А. И. Рогова основаны на выступлениях 5 июня 1968 г. во время «Тихомировских чтений» 1968 г., посвященных 75-летию со дня рождения академика М. Н. Тихомирова.

² См. настоящий том, стр. 433.

³ См. об этом «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 378--380.

⁴ См. настоящий том, стр. 325.

М. Н. Тихомирова, и аудитория стала называться «Тихомировской». На заседании памяти М. Н. Тихомирова выступили А. В. Арциховский, И. А. Федосов, В. И. Шунков, ученики Михаила Николаевича — М. Т. Белявский и Е. В. Чистякова, а также студентка Л. Мосесова⁵.

В Архиве АН СССР, председателем Научного совета которого был М. Н. Тихомиров, создана постоянная фотовыставка о жизни и творчестве ученого. В Сибирском отделении АН СССР, в Академгородке под Новосибирском, куда М. Н. Тихомиров передал свою коллекцию рукописей, старопечатных книг и памятников изобразительного искусства, открыт кабинет имени М. Н. Тихомирова. Академией наук выделены средства на сооружение надгробного памятника на Новодевичьем кладбище в Москве⁶.

Президиум Академии наук СССР обратился с ходатайством в соответствующие инстанции об учреждении стипендий имени М. Н. Тихомирова на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и в Московском государственном историко-архивном институте для студентов, особенно отличившихся в области изучения отечественной истории и специальных исторических дисциплин, о присвоении имени М. Н. Тихомирова одной из новых улиц Москвы⁷ и об установлении памятной доски на доме (высотном здании на Котельнической набережной), где последние годы жил ученый⁸.

В день похорон Михаила Николаевича, 6 сентября 1965 г., возникла мысль подготовить сборник статей его учеников. М. Н. Тихомиров имел много учеников, был создателем научной школы; «тихомировцы» — так мы называли между собой друг друга. И к самому Михаилу Николаевичу вполне применимы слова, сказанные им об одном из своих любимых учителей — академике В. Н. Перетце. Приведу этот отрывок воспоминаний, характеризующий и отношение Михаила Николаевича к своим учителям и его представление о тех качествах, которыми должен обладать учитель по призванию: «В. Н. Перетц принадлежал к числу тех редких людей, вокруг которых всегда группировались ученики. Это был не просто крупный ученый, а преподаватель „божьей милостью“».

Не все знают, что такое воспитывать студенческие и вообще научные кадры. Большинству кажется это явление довольно простым и легким. На самом деле для этого надо обладать и своего рода способностями и, в первую очередь, определенной сердечностью к людям для того, чтобы видеть ростки их новых знаний, вовремя помочь. Ведь без помощи очень

М. Н. Тихомиров,
г. Каменец-Подольский, октябрь 1962 г.

⁵ См. об этом в газете «Московский университет», 26 мая 1967 г.

⁶ Памятник установлен на могиле 17 июня 1969 г.

⁷ Именем М. Н. Тихомирова названа новая улица в Москве.

⁸ Доска установлена 3 июня 1969 г.

трудно бывает для всякого начинающего ученого. Тут и вопросы чисто бытового характера, и вопросы о том, где поместить ту или иную статью, к кому обратиться за помощью, и т. д. и т. д.

В. Н. Перетц был очень строгим преподавателем и в то же время довольно любящим учителем. Для меня он на всю жизнь остался незабвенным учителем и другом. О характере его преподавания, о его строгости дает представление то слово, которое я у него заимствовал и потом повторял своим ученикам. Однажды как-то я принес рукопись (а рукописи для просмотра он давал из своей библиотеки) и на вопрос Владимира Николаевича, к какому времени относится эта книга, сказал: „Начало XVII века“. Владимир Николаевич сжал свои губы и спросил: „А подумавши?“ А подумавши оказалось, что рукопись конца XVI в. Нечего и говорить, что никакой обиды на это я к нему не питал, наоборот, почувствовал еще большую любовь и уважение». Выражение «а подумавши?» мы не раз слышали от Михаила Николаевича и могли на себе проверить его значение.

У нас, особенно у тех, кто познакомился с М. Н. Тихомировым еще на первом курсе, именно с Михаилом Николаевичем, с его методикой преподавания, с его приемами обращения к ученикам, связано представление об учителе в высшей школе. И в жизнь нашу Михаил Николаевич вошел не только как авторитетнейший исследователь и знаток прошлого, но как близкий, родной человек. Естественно, что ученики М. Н. Тихомирова посвятили его памяти свои книги, опубликованные вскоре после кончины учителя.

М. Н. Тихомиров, долго преподававший в вузах, был учителем очень многих бывших студентов — слушателей его лекций, участников его семинаров, историков-профессионалов (в том числе и старших поколений) и историков-любителей, которые учились по его работам. Круг тех, кого можно было бы назвать учениками М. Н. Тихомирова, очень велик. Поэтому решили, что участниками сборника станут лишь те, кто непосредственно был учеником Михаила Николаевича, писал под его руководством дипломные сочинения и диссертации.

Тематика сборника памяти ученого в определенной мере отражает широту и многообразие научных интересов М. Н. Тихомирова. «Темы публикуемых статей, постановка вопросов, пути и методы исследования, положения и выводы так или иначе сложились под влиянием его советов, замечаний, предложений, его идей, наблюдений, работ», — отмечено в предисловии к сборнику. В книге оказались недостаточно отраженными сюжеты по истории славянства, так как статья И. Б. Грекова поступила в редакцию слишком поздно и не могла быть уже включена в издание, а В. Д. Королюк (ученик В. И. Пичеты, писавший под руководством М. Н. Тихомирова докторскую диссертацию) вовсе не представил статью. Сборник памяти М. Н. Тихомирова был назван «Новое о прошлом нашей страны. Учителю — ученики» и благодаря содействию Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» уже в апреле 1967 г. был подписан в печать. В нем опубликованы и небольшие статьи М. Н. Тихомирова, написанные в последнее десятилетие его жизни. В статьях этих он делился волновавшими его мыслями о пути в науку, о призвании ученого и методах его работы, о месте историка в строительстве нового общества. В сборнике помещена и библиография о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова, в том числе библиография опубликованных в связи со смертью ученого материалов в нашей стране и за рубежом.

Издательством «Наука» подготовлено издание «Описание Тихомировского собрания рукописей»⁹, сделанное в значительной части еще самим Михаилом Николаевичем.

⁹ М. Н. Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

Личный архив М. Н. Тихомирова поступил в Архив Академии наук СССР, и первичная обработка его завершена. В план изданий Архива включен специальный том «Описание фонда академика М. Н. Тихомирова». Изучением, описанием и пополнением этого фонда занимается сотрудник Архива АН СССР И. П. Староверова.

Материалы, связанные с жизнью и творчеством М. Н. Тихомирова, особенно с его научно-организационной работой, находятся и в архивах различных учреждений (отзывы на научные работы, письма, фотографии), в архивах отдельных лиц. Сейчас подобные документы (в подлинниках или копиях) постепенно сосредоточиваются в фонде М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. Крайне желательно, чтобы обо всех материалах, имеющих отношение к деятельности М. Н. Тихомирова, сообщали бы в Архив АН СССР.

Ведется большая работа по подготовке к печати трудов М. Н. Тихомирова. Создана редакционная коллегия «Избранных трудов» М. Н. Тихомирова, деятельностью которой первое время руководил ныне покойный председатель Археографической комиссии Виктор Иванович Шунков. На заседаниях редколлегии тогда были согласованы и состав изданий в целом и — уже более детально, вплоть до уточнения оглавления — состав первых его томов. Научное наследие М. Н. Тихомирова, если даже судить только по перечням изданных его трудов, очень велико. Решено было в первую очередь подготовить к печати неопубликованную часть научного наследия ученого, особенно научные труды последних лет жизни М. Н. Тихомирова, в том числе и те, которые он не успел завершить. Решено было также прежде всего издавать статьи и рецензии М. Н. Тихомирова, разбросанные в различных, часто малотиражных, изданиях, печатать научно-популярные журнальные и газетные статьи, тем более что Михаил Николаевич не только придавал особое значение популяризации научных знаний, но сам был мастером этого дела.

Несомненный интерес представляют отзывы М. Н. Тихомирова на труды других ученых (среди них и отзывы на диссертации), которые также предполагается опубликовать (большей частью во фрагментах, содержащих оригинальные высказывания, имеющие самостоятельную научную ценность) и использовать в комментариях. Из монографических трудов решено переиздавать прежде всего те, которые стали уже библиографической редкостью.

Недавно вышла из печати первая книга работ М. Н. Тихомирова «Русская культура X—XVIII веков». И этим мы особо обязаны редакции «История СССР» издательства «Наука». В книге собраны прежде не публиковавшиеся труды М. Н. Тихомирова (о философии в Древней Руси, о «Слове о полку Игореве» и др.), статьи, рецензии и отзывы, появившиеся в печати в 1930—1960-е годы. К сожалению, как выяснилось уже теперь, оказалось, что при подготовке книги к печати не все цитаты из первоисточников были выверены (прежде всего, в статье «Историко-географический кругозор „Слова о полку Игореве“ как произведения XII в.»); редакционная коллегия впредь будет обращать особое внимание на тщательность подготовки научного аппарата издания.

Михаил Николаевич не имел привычки сохранять рукописи своих опубликованных работ, поэтому издавать эти работы, как правило, приходится по позднейшим их публикациям, используя, конечно, если только это возможно, первоначальные фрагменты работ и подготовительные материалы к ним, а также авторские пометы в печатных экземплярах работ. Неизданные труды М. Н. Тихомирова последних 10—15 лет сохранились лишь в машинописи. Этим в первую очередь и объясняется то, что в опубликованной (по хранящейся в фонде М. Н. Тихомирова машинописи в 116 страниц с его правкой) в книге «Русская культура X—XVIII веков» большой работе «Философия в Древней Руси» параграф

«Философские переводные сочинения на Руси» оказался принадлежащим перу другого автора — покойного профессора М. В. Соколова. Это выяснилось при знакомстве с вышедшим почти одновременно с книгой М. Н. Тихомирова первым томом «Истории философии в СССР», подготовленным к печати Институтом философии АН СССР, где также опубликована работа М. Н. Тихомирова, но в сильно искаженном виде. В архиве М. Н. Тихомирова сохранилось его письмо редакторам этого издания, в котором он выражает протест против изменения подготовленной им работы и отказывается от напечатания текста в таком виде под его именем.

В настоящее время в издательстве находятся еще две книги трудов М. Н. Тихомирова «Классовая борьба в России XVII в.» и «Исторические связи России со славянскими народами и Византией»¹⁰. Готовятся к печати сборники работ М. Н. Тихомирова по истории Древней Руси, Российского государства конца XV—XVII вв., по истории летописания.

Работу по подготовке к печати сочинений Михаила Николаевича предполагается завершить в 1970 г. Тогда же, очевидно, можно будет и поставить вопрос об издании новой полной библиографии трудов академика М. Н. Тихомирова.

М. Н. Тихомиров, как известно, был не только крупнейшим исследователем прошлого, первооткрывателем и публикатором исторических источников, выдающимся педагогом, воспитателем ученых, но и незаурядным организатором науки. Это был очень инициативный и деятельный человек, чуждый равнодушия, глубоко веривший в действительную силу науки, человек высокого общественного долга. М. Н. Тихомирову обязаны мы многими начинаниями, имевшими особое значение для исследования отечественной истории и истории славянских народов, для разработки специальных исторических дисциплин, для охраны и изучения рукописных богатств¹¹.

Очень многим обязана Михаилу Николаевичу и Археографическая комиссия. И если Комиссия сделала что-то полезное для нашей советской науки, то в этом заслуга прежде всего М. Н. Тихомирова. Это его предначертания, его советы, его личный вклад. Можно говорить в этом плане о тихомировских традициях. И наш долг, долг продолжателей дела Михаила Николаевича Тихомирова, быть достойными этих традиций, всячески способствовать дальнейшему развитию нашей культуры.

И. П. Староверова

ФОНД М. Н. ТИХОМИРОВА В АРХИВЕ АН СССР

Рассказать в небольшом сообщении о фонде академика Михаила Николаевича Тихомирова — задача нелегкая.

Жизнь Михаила Николаевича — долгая, плодотворная, деятельная и чрезвычайно многоплановая — не могла не наложить отпечатка и на его документальные материалы. Отсюда и те трудности, которые возникли при систематизации материалов фонда, т. к. научная, научно-организационная, педагогическая деятельность, личные и общественные интересы тесно переплетены между собой.

¹⁰ Обе книги вышли в свет в 1969 г.

¹¹ Об этом М. Н. Тихомиров писал еще в 1954 г. в статье «Сохранить рукописные богатства» («Литературная газета», 24 апреля 1954 г.).

Раскрыть весь состав и содержание фонда в одном сообщении невозможно. Поэтому буду обращать внимание лишь на некоторые документы и группы документов.

Документальные материалы фонда М. Н. Тихомирова редко кого могут оставить равнодушным, даже людей мало знавших его при жизни или не знавших его совсем. Говоря о документах, невольно начинаешь говорить и о самом Михаиле Николаевиче.

Михаил Николаевич начал сдавать свои материалы в Архив АН СССР еще при жизни. В декабре 1963 и в декабре 1964 г. была сдана юбилейно-поздравительная корреспонденция (приветственные адреса, письма, телеграммы). Основная часть фонда поступила в архив в сентябре 1965 г., согласно завещанию Михаила Николаевича.

В процессе обработки фонда архив проводил его докомплектование, т. е. сбор материалов Михаила Николаевича, находившихся у его учеников, друзей, знакомых. В результате фонд пополнился более чем 130 документами — письмами, отзывами на труды других авторов, фотографиями и другими материалами.

В общей сложности фонд М. Н. Тихомирова содержит 1700 единиц хранения и охватывает период с 1900 по 1968 г.

Фонд состоит из пяти больших групп материалов, соответственно которым разделен на пять описей:

I. Научные, научно-популярные работы, литературные произведения, отзывы

II. Биографические материалы

III. Материалы о деятельности

IV. Переписка

V. Материалы других лиц.

Первая группа материалов включает около 300 единиц хранения, из них статей, докладов, выступлений, речей, черновых набросков к ним, фрагментов — немногим более 100 единиц хранения.

Это, конечно, очень и очень мало.

Дело в том, что Михаил Николаевич не имел привычки хранить автографы тех своих работ, которые были уже опубликованы. А таких работ, как известно, большинство. Поэтому автографы и авторизованные машинописи опубликованных работ в фонде случайны и малочисленны. Причем некоторые (автографы и машинописи) присоединены к фонду после его поступления в архив.

Сохранились машинописи и тех работ Михаила Николаевича, которые увидели свет уже после его кончины. Это: «Средневековая Россия на международных путях»¹ (в фонде есть два варианта этой книги); «О чем рассказывает древняя рукопись»², «Страницы из жизни Ивана Пересветова»³.

Такая работа, как «Город Дмитров», изданная в 1925 г., сохранилась в типографском издании с дополнениями и правкой Михаила Николаевича, готовившего ее к переизданию.

Среди неопубликованных работ большой интерес представляет автограф статьи [К истории борьбы русского народа с немецкими интервентами XII—XV вв.]. Все знают, как много было написано Михаилом Николаевичем о героической борьбе народов нашей страны с иноземными захватчиками. Но статья, сохранившаяся в фонде, далеко выходит за рамки того, что было напечатано в годы войны. Как видно из

¹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966.

² М. Н. Тихомиров. Послание белорусского Пимена. — «Неделя», № 36, 29 августа — 4 сентября 1965 г., стр. 19.

³ «Русско-европейские литературные связи». Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. М., 1966, стр. 399—402.

примечания, начало этой статьи было положено докладом Михаила Николаевича на сессии МГУ в Апхабаде в 1942 г., а продолжал он работать над ней и в 1958 г.

Уже после выхода в свет книги «Средневековая Москва» Михаил Николаевич начал писать статью «Итальянцы в России XIV—XV столетий». Это значительно расширенный вариант соответствующего раздела книги. К сожалению, статья осталась незаконченной.

Фундаментальное исследование о философско-социологических взглядах в Киевской Руси (XI—XIII вв.), написанное для «Истории философии», опубликовано в первом томе трудов Михаила Николаевича⁴. Опубликовано и статья «Историко-географический кругозор „Слова о полку Игореве“ как произведения XII века», предложенная Михаилом Николаевичем в качестве доклада на VI Международном съезде славистов⁵. Сохранились в фонде и две редакции «Описания Тихомировского собрания рукописей»⁶, а также «Описание архива семьи Аксаковых» — самая ранняя из находящихся в фонде научных работ Михаила Николаевича.

Одной из крупных тем, которой Михаил Николаевич посвятил последние годы своей жизни, было исследование о начале русского летописания. В фонде сохранились три редакции его книги «Начало русской историографии».

Среди подготовительных материалов можно назвать фрагменты неоконченной (скорее даже начатой) книги об Иване Грозном, черновые наброски и выписки к работе по истории русско-казанских отношений, план неосуществленной работы «Посадская литература XVII в.».

Несомненно, большую ценность представляют имеющиеся в фонде доклады Михаила Николаевича по русской и славянской истории, по специальным историческим дисциплинам: «Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей», «О сводном каталоге уникальных рукописей», «Начало славянской письменности и Древняя Русь», «Русский летописец в „Истории Польши“ Яна Длугоша» (два последних доклада вошли в один из томов трудов М. Н. Тихомирова).

В фонде есть описание окрестностей Звенигорода, Коломны с окрестностями, материалы по истории села Ольявидово. Краеведческий характер носят и дневниковые записи поездок Михаила Николаевича в Новгород, Устюг, Соль-Вычегодск и Архангельск.

Небольшое количество сохранившихся материалов не дает полного представления о прочитанных Михаилом Николаевичем лекциях и проведенных им семинарских курсах. Архив располагает лекциями о социально-экономической истории России XIV—XV вв. (читанными в Сорбонне), о Новгороде, о приказном делопроизводстве XVII в., тезисами лекций «Изучение источников и его методы (на примере источников Киевской Руси)» и «Вопросы изучения классовой борьбы и народных восстаний в XVII в.», читанных во Владивостоке; материалами семинарских занятий по палеографии, дипломатике и источниковедению.

Крупнейший специалист в области источниковедения, Михаил Николаевич всегда в первую очередь обращался к изучению источников. Свидетельством такой тщательной работы могут служить многочисленные копии документов и выписки из них из фондов ГИМ, ЦГАДА, Рукописных отделов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Значительная часть выписок еще окончательно не разобрана. Можно только сказать, что они имеют отношение к истории Древней Руси,

⁴ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков М., 1968, стр. 90—172.

⁵ Там же, стр. 70—79.

⁶ М. Н. Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

России XVI в., русской культуры, городов Москвы и Дмитрова. Эти выписки требуют дальнейшего определения и систематизации, т. к. они очень важны для изучения той документальной базы, на основе которой создавал свои труды Михаил Николаевич.

К этой же группе материалов относятся литературно-художественные произведения Михаила Николаевича — область его творчества, известная лишь очень немногим. Михаил Николаевич писал исторические повести, пьесы, стихи.

Сохранились фрагменты романа «Третий Рим» (из эпохи Ивана III), пьеса «Великое смятение. Картины из эпохи восстания 1648 г. в Москве», исторические повести «Соломонида», «Пан Твардовский», «Месть Петра Волынца», «Даниил и Андрей», много стихотворений, в том числе шуточных, переводы Гейне. О своем отношении к созданию такого рода произведений Михаил Николаевич писал Н. П. Кончаловской в ответ на ее отзыв о повести «Соломонида»: «Основное мое желание заключалось в том, чтобы создать краткие повести по истории, а вовсе не делаться писателем. Быть ученым — это не меньше, чем быть писателем. В 70 лет писателями не делаются, а автором очерков быть возможно»⁷.

Особое место занимают отзывы на труды других лиц. Всем известно, как серьезно относился Михаил Николаевич к своим обязанностям рецензента, сколько обобщающих мыслей и конкретных наблюдений заключено в этих его работах, не предназначавшихся для печати. В фонде сохранились отзывы на работы, очень разнообразные по тематике и по хронологическим рамкам: от торгово-промышленной деятельности Калмыковых во второй половине XVII в. до исторической живописи Сурикова, от «Эклоги» — византийского законодательного свода VIII в. до крестьянского вопроса в России накануне восстания Пугачева, от реформационного движения в России в XIV—первой половине XVI в. до исследований об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию второй половины XVIII—начала XIX в., от материальной культуры и быта населения Москвы XI—XVI вв. до внешней политики России в последние годы Северной войны, от болгарской миниатюры XIV в. до Земли Донской в XVIII в.

Надо отметить, что большинство отзывов, имеющих в фонде — отзывы на докторские диссертации. Это становится понятным, когда прочитаешь одно из писем Михаила Николаевича, где он пишет, что «привык смотреть на докторские диссертации как на праздник в науке, а не как на очередную регистрацию»⁸.

Вторую группу документов фонда составляют биографические материалы М. Н. Тихомирова за 1901—1967 гг. (367 ед. хр.).

Среди них личные документы Михаила Николаевича, документы о прохождении воинской службы.

Сохранились в фонде: членский билет члена Общества изучения Московской губернии от 1925 г., книжка ударника за 1934 г., выписки из протоколов заседаний Президиума АН СССР, ВАКа об утверждении Михаила Николаевича в ученых степенях и званиях и соответствующие дипломы; почетные грамоты, диплом лауреата Ломоносовской премии, присужденной за работу «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», диплом действительного члена Польской академии наук; извещение Американского исторического общества об избрании Михаила Николаевича почетным членом общества; благодарственный адрес председателя Сибирского отделения АН СССР академика М. А. Лаврентьева за ценнейший дар отделению — собрание древнейших рукописей

⁷ Архив АН СССР, ф. 693 (Тихомиров Михаил Николаевич, академик, историк), оп. 4, д. 24а, л. 1.

⁸ Там же, оп. 3, д. 46, л. 1.

и старопечатных книг. В связи с последним документом может быть уместно привести выдержку из письма Михаила Николаевича, где он высказывает отношение к своей деятельности по собиранию рукописей. Он писал о своем ценнейшем собрании: «Оно не частное, оно государственное, а я только его временный владелец»⁹.

К биографическим относятся и приветственные адреса, поздравительные письма, телеграммы от многочисленных учреждений, коллективов и отдельных лиц. Эти материалы содержат не только общую оценку деятельности Михаила Николаевича, но и конкретные отзывы об отдельных работах. И если учесть, что отзывов и рецензий на его сочинения было не так уж много, значение указанных документов заметно возрастает. Это следует иметь в виду и при изучении писем, о которых будет сказано ниже.

Приведем только один пример поздравительной корреспонденции. В фонде сохранились замечательные по своей непосредственности и теплоте приветственные адреса юных краеведов Новгорода. По случаю 70-летия Михаила Николаевича они написали ему: «Из Новгорода Великого от краеведов юных академику сильному Тихомирову Михаилу Николаевичу поклон низкий, поздравления сердечные, пожелания добрые»¹⁰. Причем, как видно из письма одного из новгородских знакомых Михаила Николаевича, ребята сами выбрали такую форму приветствия и ни под каким видом не желали от нее отказываться.

К этой же группе относятся и иллюстративные материалы, состоящие, в основном, из фотографий. По сравнению с другими фондами их довольно много. Мы имеем около 250 фотографий Михаила Николаевича за 1900—1964 гг.

Здесь детская и юношеские фотографии Михаила Николаевича, фотографии, где он снят среди работников по внешкольному образованию Дмитровского союза кооперативов в 1918 г. (полученная из Дмитровского музея), в Президиуме I Самарского съезда по внешкольному образованию в 1920 г. (переданная Н. А. Булгаковой-Земской), среди слушателей Внешкольных курсов с. Екатериновки Самарской губ., со студентами рабфаков, школьниками, со съемочной группой в Подмоскovie во время съемки фильма «Московский край» и многие, многие другие.

Большой интерес представляют фотографии многочисленных поездок Михаила Николаевича в разные города нашей Родины: в Новгород и Ереван, Псков и Нальчик, во Львов и Владивосток, Ясную Поляну и Ташкент, в Старую Руссу и Нижнюю Ореанду, в Каменец-Подольский и Сухуми. Одним из учеников Михаила Николаевича было предложено нанести на карту те города, в которых побывал Тихомиров, создать карту его поездок. Как могли бы помочь фотографии фонда в создании такой карты!

Интересны воспоминания М. Н. Тихомирова, где он описывает быт семьи, свое детство, учебу в Коммерческом училище и Московском университете, работу в Дмитрове, Богородске, Самаре, Москве, с теплотой пишет о своих учителях, о людях, с которыми ему довелось работать — о Б. Д. Грекове, В. Н. Перетце, М. Н. Сперанском и др.

Среди материалов о М. Н. Тихомирове — статьи к 60- и 70-летиям со дня рождения, отзыв академика И. Э. Грабаря о научной деятельности Михаила Николаевича в связи с избранием его в академики. «Едва ли можно назвать другого ученого, — писал Игорь Эммануилович о Михаиле Николаевиче, — который так знал бы не только фактическую сторону истории Древней Руси, но и ее внутренний дух, ее нравы, быт, обычаи. Он знает всю подноготную Руси, но не как сторонний зритель и

⁹ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, ч. 2, л. 45 об.

¹⁰ Там же, оп. 2, д. 118, л. 2.

исследователь, а как кровный сын своей Родины, беззаветно ее любящий»¹¹.

Среди материалов по увековечению памяти Михаила Николаевича протоколы заседаний Комиссии по научному наследию, материалы по подготовке выставки в Архиве АН СССР и ее открытию, по подготовке и проведению расширенного заседания Ученого совета истфака МГУ, посвященного открытию мемориальной доски и переименованию Большой исторической аудитории в Тихомировскую, статьи, посвященные памяти Михаила Николаевича.

Третья группа материалов отражает всеобъемлющую и плодотворную научно-организационную, редакционно-издательскую и педагогическую деятельность Михаила Николаевича. Здесь материалы почти за 40 лет — с 1917 по 1965 г. в количестве 245 ед. хр.

Следует особо сказать о документах начального периода деятельности Михаила Николаевича — его работе в Дмитрове, Богородском уезде и в Самаре. Этих материалов сохранилось очень мало: протокол заседания [культурно-просветительной] Комиссии Дмитровского союза кооперативов по докладу Михаила Николаевича об устройстве выставки в с. Надеждино для привлечения интереса населения к краеведению; отчет районного библиотекаря М. Н. Тихомирова по Ильинской библиотеке за второе полугодие 1918 г.

Сюда же следует отнести и доклад Михаила Николаевича о поездке в Иргизские монастыри в июне 1919 г. Михаилу Николаевичу было предоставлено право осмотра и регистрации рукописных и старопечатных книг, икон, облачений и других ценностей в этих монастырях. В своем докладе Михаил Николаевич дает подробное описание монастырских ценностей и состояния самих монастырей. Но важно другое: этот документ является подтверждением того, что еще с первых шагов своей деятельности Михаил Николаевич был твердо убежден, что нельзя все ценности сосредоточить в двух—трех центральных музеях, что на местах есть тоже научные и культурные силы и поэтому там также необходимо создавать научные учреждения.

Высказывая в докладе свою мысль о том, что ценности Иргизских монастырей должны быть сосредоточены в Пугачевском музее, Михаил Николаевич писал: «Конечно, в большом музее эти рукописи будут, может быть, в большем порядке и доступны большему числу лиц, чем в уездном Пугачеве, но зато расклассифицированные среди других рукописей они потеряют основное — перестанут быть собранием Иргизских монастырей. И даже сохраненные как целое собрание, они потеряют всякую связь с местом, станут тем безличным для историка материалом, какой он с равным успехом может изучать и в Москве, и в Киеве, и в каком угодно другом городе. Да, этот материал будет удобен для изучения приносящих историков-сидней, с многотрудными усилиями пишущих у себя в кабинете истории стран, где они никогда не были и не побывают. Но они погибнут для историков местного края, для тех, кто пишет не о далеком, а о близком, любимом и родном.

Конечно, скажут, что это моя фантазия, что такие местные историки еще не родились и не известно, когда они будут, что пока наука развивается в больших центрах. Но разве это такая уж неоспоримая истина, разве только культурным силам центра на роду написано создавать музеи. Думается, что нет...»¹²

Основная масса материалов этой группы фонда относится к 50—60-м годам. Это материалы о работе Михаила Николаевича в качестве ака-

¹¹ Там же, оп. 2, д. 306, л. 1.

¹² Там же, оп. 3, д. 3, л. 6.

демика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР, его доклады о работе Отделения за 1954—1956 гг.

Много материалов о тесных связях Михаила Николаевича с Академиями наук Украинской, Армянской, Грузинской, Литовской, Узбекской республик, о его помощи научным учреждениям на местах. Замечательным примером заботы Михаила Николаевича о развитии науки на местах являются материалы Объединенной выездной сессии Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала, посвященной истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Сохранились записи выступлений Михаила Николаевича на открытии и закрытии сессии, отчет о ее проведении, благодарственные письма из Владивостока за проведение сессии и чтение лекций.

Михаил Николаевич говорил на сессии о громадном значении вопросов истории Дальнего Востока для истории СССР и мировой истории, о том, что разработка этих вопросов не может быть проведена только силами ученых Москвы и Ленинграда, отмечал, что залогом дальнейшего развития исторической науки на Дальнем Востоке является активное участие в сессии историков Хабаровска, Благовещенска, Читы, Магадана, Владивостока, Сахалина, Камчатки. Во время своего пребывания во Владивостоке Михаил Николаевич не ограничился участием в сессии. Своей лекцией он открыл Дальневосточный университет, прочитал лекцию для слушателей Советско-партийной школы, выступал по радио, телевидению, рассказывал о своей работе на встрече с моряками в Доме офицеров и на одном из крейсеров Тихоокеанского флота.

О тесной связи с местными научными учреждениями свидетельствуют и материалы о пребывании Михаила Николаевича в Каменец-Подольском во время своего отпуска. Там он выступил с докладом «К вопросу о происхождении и начале г. Каменец-Подольского» на сессии, посвященной 900-летию города, прочитал две лекции для студентов историко-филологического факультета Педагогического института по теме «Древнерусское государство», провел ряд консультаций с сотрудниками института по вопросу научной работы в области истории.

О внимании к русской военной истории свидетельствует докладная записка, составленная Михаилом Николаевичем совместно с профессором ЛГУ П. М. Горциковым о составлении и издании «Альбома-атласа и карт полей русских битв от начала Русского государства до наших дней», а также материалы об участии Михаила Николаевича в комплексной экспедиции для археологических изысканий на месте Ледового побоища 1242 г. Среди этих материалов постановление Президиума АН СССР об организации экспедиции, карты, схемы и планы Чудского озера и Пскова, газетные вырезки со статьями о ходе экспедиции, запись беседы Михаила Николаевича с местными жителями, «Дневник поездки на Чудское озеро» и другие материалы.

Редакционно-издательская деятельность Михаила Николаевича представлена в фонде довольно широко: несколько десятков издательских договоров и соглашений на написание и редактирование книг, статей, переписка с Госполитиздатом о написании, издании и переиздании учебников и учебных пособий, многочисленные письма из различных редакций с просьбой написать статьи на ту или иную тему. Будучи главным редактором или членом редколлегии различных изданий, журналов, сборников, Михаил Николаевич уделял очень много внимания редакторской и издательской деятельности. Большое количество изданий вышло только благодаря трудам и заботам самого Михаила Николаевича. Частично это нашло отражение в фонде. Сохранилась также небольшая переписка о работе журналов «История СССР», «Вопросы истории», «Научные доклады высшей школы. Серия исторических наук».

Количество материалов фонда о многолетней и плодотворной педагогической деятельности Михаила Николаевича очень незначительно.

О преподавании в Самарском государственном университете сохранилось лишь два документа: справка о том, что Михаил Николаевич с января 1921 г. по сентябрь 1923 г. состоял на службе в университете в качестве ассистента по кафедре палеографии социально-исторического факультета и выполнял следующие работы: «в весеннем триместре 1921 г. вел практические занятия по русской скорописи XV—XVIII вв.; в академическом 1921—1922 и 1922—1923 гг. вел практические занятия по славяно-русской палеографии (для словес[ников]) и занятия по чтению и объяснению русских актов XV—XVII вв. (для исторического отделения); кроме этого оставался заведующим кабинетом рукописей и старопечатных книг»¹³. И второй документ — «Программа занятий по русским грамотам XV—XVII вв.» 1923 г.

К деятельности в МГУ относятся «Программы курса и практических занятий по палеографии и дипломатике» 1934 г., спецкурсов «Историческая география России в XVI в.» 1948 г. и «Общественно-экономическая история России в XIV—XV вв.», тезисы «К докладу о работе аспирантов», прочитанного на комсомольском собрании аспирантов истфака 15 марта 1952 г.

Имеются составленный самим Михаилом Николаевичем список его учеников, в том числе докторов и кандидатов исторических наук, многочисленные письма из научных учреждений Москвы, Киева, Тарту, Казани, Фрунзе, Ташкента и других городов с просьбой взять на себя консультирование и руководство работами аспирантов и докторантов.

Михаил Николаевич никогда не забывал о том, что он был учителем средней школы, о том значении, какое имеет преподавание истории именно в средней школе. И в последние годы своей жизни он готовил подборку подлинных документов по истории России XVII—XIX вв. из своей личной коллекции для устройства передвижной выставки в школах Москвы. Эта подборка документов сохранилась в фонде.

Наиболее полное отражение в фонде получила деятельность Михаила Николаевича в области научных связей с зарубежными странами. Эти связи, судя по документам, начинаются вскоре после войны: в январе 1947 г. Михаил Николаевич получил приглашение Академического совета Софийского государственного университета прочитать несколько лекций в университете; в 1948 г. Болгарская академия наук обратилась к нему с просьбой написать статью для юбилейного сборника, посвященного специалисту по античной истории академику Г. И. Кадарову. Отдельные документы свидетельствуют о связях Михаила Николаевича с научными учреждениями США, Англии, с Международным комитетом исторических наук в Париже, с Польской, Немецкой, Румынской академиями наук, о поездке в Венгрию для подготовки издания «Венгерской хроники» Яноша Туроци.

Очень любопытно письмо руководителя русского семинара Восточного института в Неаполе профессора Л. Пачини (июнь 1964 г.) в Институт языкознания АН СССР с приглашением профессоров В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского и М. Н. Тихомирова для чтения лекций о русской литературе или о русском языке.

Большой интерес представляют материалы о поездке Михаила Николаевича в Париж для чтения лекций по русской истории в Ecole Pratique des Hautes Etudes (в Сорбонне) в марте—апреле 1957 г. Сохранились приглашения в Париж, извещение о лекциях в газете «L'Humanité», выполненное расписание пребывания в Париже, отчет Михаила Николае-

¹³ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 2, д. 4, л. 8.

вича о поездке, постановление Бюро Отделения исторических наук АН СССР по его отчету.

Оценку значения этой поездки Михаила Николаевича дал профессор Фернан Бродель, президент VI секции Ecole Pratique в своем письме академику-секретарю Отделения исторических наук акад. Е. М. Жукову: «Мы действительно считаем, что приезд в Париж г-на М. Н. Тихомирова явился наиболее плодотворным как в отношении установления искренних и дружеских связей между учеными Советского Союза и Франции, так и в отношении лучшего понимания проблем, связанных с историей Вашей страны. Лекции г-на М. Н. Тихомирова, которые были проведены на исключительно высоком научном уровне, как и многие консультации, которые он лично любезно проводил, бесспорно способствовали поднятию уровня изучения истории России во Франции и дали направленность молодым французским ученым»¹⁴.

Четвертая и самая большая по объему группа материалов — переписка Михаила Николаевича с многочисленными корреспондентами. В этой группе около 700 единиц хранения за 1907—1965 гг. Общее количество писем — более 3500. Среди них 185 писем Михаила Николаевича к 64 адресатам (156 писем получены путем докомплектования).

Это письма акад. А. А. Губеру, чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц, проф. ЛГУ П. М. Горшкову, научному сотруднику Пушкинского дома В. И. Малышеву, писателю А. А. Морозову, ученикам: Е. В. Чистяковой, А. П. Пронштейну, С. О. Шмидту, немецкому академику Э. Винтеру, датскому ученому А. И. Стендеру-Петерсену и др.

Среди корреспондентов — крупные ученые академики В. И. Пичета, Б. Д. Греков, Р. Ю. Вишпер, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, И. Э. Грабарь, В. В. Струве, Б. А. Рыбаков, чл.-корр. А. В. Арциховский, С. В. Бахрушин, чл.-корр. АН Армянской ССР Л. С. Хачикян, доктора исторических наук Б. Б. Кафенгауз, В. К. Яцунский, деятели литературы и искусства — И. Л. Андроников, Н. П. Кончаловская, В. Г. Ян-Янчевецкий, П. И. Березов, иностранные ученые: польские — Г. Ловмянский, А. Поплэ, югославские — Г. А. Острогорский, Дж. Сп. Радоичич, болгарские — Н. П. Мавродинов, И. С. Дуйчев, Н. М. Дылевский, румынский ученый Д. П. Богдан, английские ученые Роберт Смес, Альфред Коббан, Джон Симмонс, ученики Михаила Николаевича и др.

В письмах Михаил Николаевич ярко предстает как ученый и человек, из них узнаем его взгляды на жизнь и ее смысл, на назначение ученого, на качества, которыми он должен обладать, о его отношении к историческим событиям, к явлениям в научной жизни, о его неутомимости и требовательности к себе и к другим.

Так, в одном из писем Михаил Николаевич писал: «Начали занятия в университете, со 2-го числа читаю лекции на факультете международных отношений. Нельзя сказать, что я этому чрезмерно рад, но чувствую, что без лекций и без молодежи было бы очень скучно; чем больше живешь, тем сильнее понимаешь, что жизнь твоя тогда и хороша, пока ты кому-то нужен и полезен»¹⁵.

С точки зрения полезности для других и рассматривал Михаил Николаевич всю свою деятельность, всю свою жизнь. Многочисленные письма свидетельствуют о том, что Михаил Николаевич не отказывал в помощи, в консультации. Под угрозой издание корпуса Боспорских надписей — и Михаил Николаевич включается в эту работу; студент V курса ЛГУ сомневается в правильности выбора профессии — и Михаил Николаевич пишет ему большое серьезное письмо; из далекой Японии аспирант по древнерусской литературе обращается к Михаилу Николаевичу за по-

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 2, д. 308, л. 1.

¹⁵ Там же, оп. 4, д. 6, л. 1 об.

мощью: «Конечно, очень трудно изучать древнерусскую литературу в Японии,— пишет он.— Но великолепная красота и гуманная искренность древнерусской литературы всегда ободряют меня»¹⁶. Михаил Николаевич дает ему консультацию в письмах, посылает книги, и Иошикадзу Накамура называет себя учеником Михаила Николаевича. Надо ехать проводить сессию во Владивостоке — и Михаил Николаевич, не смотря на свой преклонный возраст, едет. «Скажите, зачем поехал,— пишет он одному из своих учеников,— затем, отвечу, чтобы и на нашем русско-украинском Дальнем Востоке что-нибудь сделать. Не трудно ездить на Кавказ и произносить тосты в Баку и Эривани, а приехать в запущенное место, да так далеко, согласится не каждый»¹⁷.

Эта неутомимость удивляла людей, знавших Михаила Николаевича. «Я прямо удивляюсь Вашей кипучей деятельности и Вашим новым знаменитым трудам»,¹⁸ — писал Михаилу Николаевичу польский акад. Г. Ловмянский.

Сам Михаил Николаевич с грустным юмором писал о своей загруженности большому другу Н. А. Булгаковой-Земской в 1964 г.: «Расписание моей жизни построено с учетом моего возраста и болезней. Например, 12-го я был председателем на докладе Герасимова, 13-го утром на заседании редакции древнерусского словаря, вечером в Большом театре на книгопечатании, 14-го читал статью о М. Н. Покровском, завтра 16-го делаю научный доклад, 17-го выступаю оппонентом по докторской диссертации»¹⁹.

С большим вниманием и заинтересованностью ученого относился Михаил Николаевич к чужим трудам и был удивительным читателем. Об этом свидетельствует, в частности, переписка Михаила Николаевича с датским ученым-норманистом А. И. Стендером-Петерсеном, где развернулась настоящая полемика по русско-варяжскому вопросу. Интересно в этом отношении и письмо немецкого академика Э. Винтера, похвалившего Михаилу Николаевичу свою книгу «Россия и папство». «Я исключительно ценю Ваш интерес к моей работе „Россия и папство“, — писал он.— Один такой читатель как Вы стоит труда, чтобы написать такую книгу»²⁰.

Михаил Николаевич — человек исключительной скромности — писал в одном из писем: «Самое главное — избежать в науке думы о том, что я — такой-то, слишком высоко думать о себе. В конечном итоге мы имеем так много от государства, что нам сторицею воздано не по грехам нашим»²¹.

Как было сказано выше, отзывов и рецензий на труды Михаила Николаевича в фонде очень мало. И этот пробел могут восполнить именно письма к Михаилу Николаевичу. В них — отклики ученых на общие концепции, высказанные Михаилом Николаевичем, на его монографии, статьи, доклады, оценка его деятельности, признательность за всегда действенную помощь и поддержку, а иногда и за своевременную и суровую критику.

Вот несколько высказываний.

«Будущие историки русского средневековья ни на кого не будут так часто ссылаться, как на Вас. Вы столько обобщили и столько открыли!»²² — писал чл.-корр. А. В. Арциховский. «В моем самообразовании по истории Древней Руси я очень многим обязан Вашим трудам.

¹⁶ Там же, д. 420, л. 2.

¹⁷ Там же, д. 41, л. 20.

¹⁸ Там же, д. 347, л. 9.

¹⁹ Там же, д. 16, л. 22.

²⁰ Там же, д. 147, л. 2.

²¹ Там же, д. 30, ч. 1, л. 41 об.

²² Там же, д. 91, л. 17.

В этом деле Вы фактически мой учитель, и я этого не забываю»²³, — писал польский ученый Анджей Поппэ. В связи с тем, что Михаил Николаевич отказывался дать для напечатания в сборнике Института византиноведения в Белграде свою работу «Россия и Византия в XIV—XV вв.», потому что она была написана в форме доклада, а он хотел полнее развернуть свои взгляды на отношения Руси и Византии, акад. Г. А. Острогорский писал ему: «Мне кажется, что Вы слишком строги к себе и к своей работе. Она дает очень интересную, ясную и широкую картину русско-византийских отношений в XIV—XV веках, и ее напечатание ведь нисколько не помешало бы опубликованию Ваших дальнейших, специальных исследований на ту же тему»²⁴.

Очень хорошо написал о научных заслугах Михаила Николаевича в своем письме к нему И. А. Голубцов: «Ваше изумительное трудолюбие, не смотря на постигающие Вас недуги, Ваша благородная и негибкая научная упряжка зовут к работе и учат работать всех, кто соприкасается с Вами. Ваши научные работы всегда посвящены назревающим в науке запросам, изложены просто и доходчиво, обильно вносят в науку новые данные. Ваши искания и устремления искренни и научно полезны. Вы опытный и добрый руководитель многих Ваших учеников и учениц. Вы инициатор и первый работник во многих научных начинаниях: здесь и возобновление Полного собрания русских летописей, и сводный каталог рукописей, и воссоздание Археографической комиссии, и собрание и охрана исторических источников и памятников, и многое, многое другое. В 70 лет Вам есть на что взглянуть, на кого указать, что за честь себе как доброе дело для науки при всей Вашей скромности»²⁵.

Последняя группа документов — материалы других лиц. Это отски подаренных Михаилу Николаевичу работ с дарственными надписями и материалы брата Михаила Николаевича, — историка Бориса Николаевича Тихомирова: автографы его статей, докладов, подготовительные материалы к работам, отдельные отски, а также некоторые личные документы, письма из редакций об издании его работ, его рисунки.

Таково в самых общих чертах содержание личного фонда Михаила Николаевича Тихомирова.

Архив приносит благодарность друзьям, знакомым и ученикам Михаила Николаевича, оказавшим помощь при обработке фонда и сдавшим материалы, находившиеся у них, в его фонд: Д. А. Авдусину, В. П. Адриановой-Перетц, В. А. Александрову, М. Т. Белявскому, Л. Г. Бескровному, Н. А. Булгаковой-Земской, С. Д. Воронову, П. М. Горшкову, В. В. Зеленину, В. М. Кабузану, И. Э. Клейнбергу, В. А. Кучкину, В. В. Лукьянову, А. Д. Люблинской, А. Л. Монгайту, А. А. Морозову, А. В. Муравьеву, А. П. Пронштейну, М. Г. Рабиновичу, Н. Н. Розову, В. Г. Фоменко, Н. Г. Хотюну, Е. В. Чистяковой, С. О. Шмидту, В. Л. Янину.

В настоящее время работа над фондом продолжается — готовится к изданию его научное описание. Но нельзя считать комплектование фонда законченным. Письма Михаила Николаевича, отзывы, фотографии, стихотворения, может быть даже статьи, записи лекций еще не сданы в архив.

Мы надеемся, что все рукописное наследие Михаила Николаевича будет собрано в его личном фонде.

²³ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 496, л. 7.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 456, л. 8.

²⁵ Там же, оп. 4, д. 178, л. 4.

М. Н. ТИХОМИРОВ И ДМИТРОВСКИЙ МУЗЕЙ

Если говорить о работе М. Н. Тихомирова в Дмитрове, то она охватывает небольшой отрезок его биографии — меньше года, но ее значение этим периодом отнюдь не исчерпывается. М. Н. Тихомиров начал работать в г. Дмитрове с октября 1917 г. в качестве практиканта по внешкольному образованию при культурно-просветительном отделе Дмитровского союза кооперативов. Вскоре он назначается, по совместительству, инструктором по краеведению и заведующим музеем, который еще не был открыт. Одной из главных задач М. Н. Тихомирова в Дмитрове явилось собирание материалов и подготовка к открытию Дмитровского музея.

Сохранились два отчета Михаила Николаевича о его работе в Дмитрове: первый отчет — с 5 октября 1917 г. по 1 января 1918 г. и второй — с 1 января по 1 июля 1918 г. 15 июля 1918 г. М. Н. Тихомиров уехал из Дмитрова.

Отчеты и другие документы, сохранившиеся в архиве Дмитровского музея, рассказывают о работе Михаила Николаевича Тихомирова по собиранию материалов и экспонатов для музея. В частности переписка, связанная с тем, что М. Н. Тихомирову было поручено готовить к печати справочный «Ежегодник» по Дмитровскому уезду на 1918 г. Тихомиров должен был стать автором исторической части этого «Ежегодника».

Интересно отметить, какие методы применялись в этот период Михаилом Николаевичем при собирании исторических материалов. Они весьма показательны для работы М. Н. Тихомирова как ученого.

Кроме знакомства с источниками и документальными материалами, Михаил Николаевич широко использует переписку, а самое главное, — личные поездки в интересующие его места. В архиве Дмитровского музея имеется несколько заметок М. Н. Тихомирова, относящихся к этому времени: о селах Надеждине, Труневках и других. Эти заметки — своеобразные эссе, в которых даются не только исторические сведения, почерпнутые из уже известных источников, но и предания, бытующие среди местного населения, а также личные впечатления их автора, полученные в результате поездок его в эти места.

В декабре 1917 г. тот же Дмитровский союз кооперативов снимает помещение для музея. Это был небольшой дом на Московской улице г. Дмитрова, в котором и пришлось работать М. Н. Тихомирову. Делать приходилось все: топить печь, собирать экспонаты для музея и готовить их к показу и т. п. (впрочем, в практике работы небольших провинциальных музеев — это не исключение). Однако уже к весне 1918 г. создается временная экспозиция музея, первыми экскурсоводами которого были М. Н. Тихомиров и работник уездного отдела народного образования А. В. Янковская.

Что же за экспонаты были в этом музее? Самые разнообразные: много фотографий, в том числе и снятые специально, по указанию М. Н. Тихомирова, фотографом Борисенко в апреле 1918 г. виды г. Дмитрова (фотографии эти сохранились и представляют большой интерес, так как в 1918 г. никто Дмитрова, по-видимому, не снимал); диаграммы, карты и другие материалы, поступившие из бывшего уездного земства, а также вещественные экспонаты, собранные Михаилом Николаевичем во время его поездок и пожертвованные жителями города и уезда. В отчете М. Н. Тихомирова с 1 января по 1 июля 1918 г. приводятся факты, свидетельствующие о трудностях, с которыми приходилось

сталкиваться в этот период при собирании экспонатов: некоторые граждане отказывались давать что-либо в музей (ввиду плохого помещения, им занимаемого), заявляя при этом: «Пускай лучше у меня стогит, чем у вас», а одна старая крестьянка наотрез отказалась продать в музей вышитые старинные рубахи — «на позор», как она выразилась.

Но, несмотря ни на какие трудности, музей жил, пополняясь новыми экспонатами.

Экспонаты, собранные М. Н. Тихомировым во время его работы в г. Дмитрове, и сейчас хранятся в Дмитровском музее: это медные складни, старинная крестьянская одежда, документы и фотографии.

Среди документальных материалов, поступивших в этот период в музей, наибольший интерес представляют документы семейного архива крупных вотчинников Лужиных, занимавших в XVII—XVIII вв. ряд важных должностей в управлении Дмитровом и уездом, — грамоты Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей, хозяйственные документы.

М. Н. Тихомирову в его работе по организации музея оказывали содействие такие талантливые представители местной интеллигенции, как М. В. Муратов и Н. Д. Шаховская, а несколько позднее музеем заинтересовался и П. А. Кропоткин, поселившийся в г. Дмитрове весной 1918 г. 1 мая он осмотрел только что открывшуюся временную экспозицию музея и расписался в книге посещений, но начало его более тесной связи с музеем относится уже к осени 1918 г., когда М. Н. Тихомирова уже не было в Дмитрове.

Необходимо остановиться, безусловно, на работе М. Н. Тихомирова над исторической географией Дмитровского края и историей г. Дмитрова, начатой им уже во время пребывания в Дмитрове и продолженной в дальнейшем. В своем письме из Самары, присланном в адрес Дмитровского музея в августе 1921 г., М. Н. Тихомиров просит выслать карту Дмитровского уезда, которая была необходима ему для работы по исторической географии Дмитровского края, а в 1922 г. он присылает в Дмитров написанный им в это время очерк «Князь Юрий Иванович Дмитровский».

Этот интересный, еще не опубликованный исторический очерк Тихомирова характеризует его, в частности, как превосходного стилиста.

Во время работы в Обществе изучения Московской губернии — было такое Общество в 20-х—начале 30-х годов — Михаил Николаевич Тихомиров сделал на его заседаниях несколько докладов по истории г. Дмитрова и Дмитровского края: «Движение населения в городе Дмитрове в XVII в.» (декабрь 1925 г.), «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.», «Место битвы на реке Веле» (1928 г.), «Топография Ольявидовской вотчины» (1929 г.). На выставке III Всероссийской конференции по краеведению, проходившей в Москве 11—14 декабря 1927 г., экспонировалась историческая карта Дмитровского уезда, составленная М. Н. Тихомировым.

Два из этих докладов легли в основу опубликованных в эти годы работ М. Н. Тихомирова: «Население Дмитрова в XVII и начале XVIII в.» и «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.».

Еще раньше, в 1924 г., М. Н. Тихомиров возобновляет связь с музеем Дмитровского края и принимает участие в деятельности исторической комиссии при музее. Это связано, в частности, с его работой над очерком истории г. Дмитрова, который заслушивается на заседаниях комиссии и в январе 1925 г. утверждается к печати. Примечательно, что М. Н. Тихомиров сам составил карты для этого очерка. Эти карты, вычерченные по эскизам М. Н. Тихомирова чертежником А. П. Любимовым, приложены к изданию 1925 г. В архиве Дмитровского музея со-

хранились наброски карт, составленных М. Н. Тихомировым, и два клише для книги о Дмитрове.

В этот же период сотрудники Дмитровского музея и краеведы решили издать коллективную работу о Дмитрове. К ней привлекается в качестве одного из авторов и членов редколлегии М. Н. Тихомиров. На заседании исторической комиссии при музее 10 мая 1925 г. заслушивается доклад М. Н. Тихомирова «Географическая среда», который принимается в качестве историко-географического введения к сборнику. К сожалению, эта работа так и не была напечатана, а судьба статьи М. Н. Тихомирова мне неизвестна.

Очерк М. Н. Тихомирова «Город Дмитров. От основания города до половины XIX в.» выходит в качестве второго выпуска трудов музея Дмитровского края. Эта книга М. Н. Тихомирова, напечатанная в 1925 г., и по настоящее время остается единственной монографией по истории Дмитрова. На выставке в Архиве Академии наук показана работа М. Н. Тихомирова над ее текстом с позднейшей правкой. Исправления были, по-видимому, внесены в 1958 г. или около этого времени в связи с неосуществленным замыслом переиздания книги о Дмитрове, инициатива которого исходила, по-видимому, от работников Дмитровского музея.

Когда в 1958 г. сотрудники музея готовили выставку, посвященную 40-летию Дмитровского музея, они решили связаться с М. Н. Тихомировым и попросить его представить материалы для выставки. Михаил Николаевич с готовностью отозвался на эту просьбу и написал в своем ответном письме: «Я с большой охотой помогу музею, с которым был связан в юные годы». Приехать на празднование 40-летия музея М. Н. Тихомиров, к сожалению, не смог и прислал в адрес коллектива Дмитровского музея приветственную телеграмму. К этому же времени относится и замысел переиздания книги М. Н. Тихомирова по истории Дмитрова, о котором я упоминал.

Говоря о деятельности М. Н. Тихомирова, нельзя не остановиться еще на одном ее аспекте — вопросе охраны памятников истории и культуры. Приведу здесь факты, связанные непосредственно с г. Дмитровом.

Один из них относится к 1925 г., когда М. Н. Тихомиров активно участвовал в работе исторической комиссии при музее Дмитровского края и подготовке сборника статей о г. Дмитрове, где им должны быть написаны главы об истории города и его памятниках. Живя и работая в это время в Москве, М. Н. Тихомиров не раз приезжал в Дмитров. И вот в один из своих приездов, решив осмотреть состояние одного из интереснейших памятников гражданской архитектуры города Дмитрова — «Тугариновского дома», — Тихомиров столкнулся с фактом «ремонта» здания, при котором ему как памятнику архитектуры был нанесен серьезный ущерб. Об этом факте М. Н. Тихомиров написал с возмущением и горечью в музей Дмитровского края. Но, к сожалению, исправить положение оказалось уже невозможно.

Другой случай относится уже к концу 50-х—началу 60-х годов, когда возникла угроза уникальному историческому памятнику — земляному валу г. Дмитрова. В это время в Дмитрове было начато строительство нового крупного швейного предприятия, и какой-то очень ретивый администратор решил расположить его в самом центре города, рядом с валом. Не довольствуясь этим, сей же администратор решил «прихватить» для размещения фабрики и часть территории кремля, поставив, таким образом, вопрос о сносе части земляного вала. В судьбе исторической святыни г. Дмитрова горячее участие принял М. Н. Тихомиров, и благодаря вмешательству Академии наук угроза ее разрушения была предотвращена.

Заканчивая сообщение, хочется отметить, что научная и общественная деятельность Михаила Николаевича Тихомирова может служить замечательным примером для молодых ученых — историков и для музейных работников. Привлекает его замечательная целеустремленность в научных поисках, его завидное постоянство и в то же время широта интересов. Но мне думается, что через все его научное творчество проходила одна большая общая тема — становление Руси — в широком понимании, и она (эта тема) нашла блестящее отражение во многих его работах.

А если говорить об увековечении памяти академика Тихомирова, то г. Дмитров, с которым связано начало его научной деятельности, должен стать одним из тех мест, где необходимо это сделать: или назвать в честь М. Н. Тихомирова одну из новых улиц города, или присвоить его имя Дмитровскому краеведческому музею, одним из организаторов которого он являлся.

А. В. Муравьев

СПЕЦКУРС М. Н. ТИХОМИРОВА «ПРИКАЗНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В XVII в.»

М. Н. Тихомиров всегда подчеркивал необходимость тесной связи научной работы с преподаванием, выступал против наметившегося на практике деления ученых на работников научных учреждений и вузовских преподавателей. Понятно поэтому то большое внимание, которое уделялось им работе над учебниками, его стремление довести содержание своих научных трудов до самых широких кругов читателей.

Не меньшее значение уделял М. Н. Тихомиров и непосредственному общению ученого-педагога с аспирантами, студентами как средству передачи накопленных исторических знаний, способу вооружения нового поколения марксистско-ленинской методологией познания истории человеческого общества, обучению методике работы над многообразными и сложными историческими источниками. При этом особое место М. Н. Тихомиров отводил спецкурсам, считая, что касаясь определенных, относительно узких тем, они должны показать студентам исследовательские методы, поставить спорные вопросы, сделать историографические экскурсы, критически разобрать литературу и источники.

Можно назвать целый ряд работ М. Н. Тихомирова, которые прямо или косвенно связаны с прочитанными им в разное время спецкурсами: «Исследование о „Русской Правде“» (1941), «Древнерусские города» (1946, 1956), «Древняя Москва» (1947), «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» (1955), «Средневековая Москва в XIV—XV вв.» (1957), «Средневековая Россия на международных путях» (1966), «Русская палеография» (1966) и др.

Исследования М. Н. Тихомирова — выдающегося ученого-историка — представляют собой умелое использование всех методов исторического анализа. Глубокое знание исторических дисциплин, которые обычно называют вспомогательными, владение славянскими, западными и древними языками позволяли ему проникать в сокровенные тайны источников, видеть в них подчас то, что ускользало от наблюдения других. Поэтому его научные работы никогда не были простой суммой исторических фактов, заключениями «на примерах». Они являлись результатом

тщательного, всеобъемлющего и всестороннего анализа всех источников, всех, без исключения, фактов всеми доступными методами. Почти каждая работа М. Н. Тихомирова связана с другими его исследованиями, дополняет, расширяет представление о том или ином явлении, позволяет углубить сделанные ранее обобщения.

В последние годы жизни М. Н. Тихомиров работал над рядом проблем. Не все исследования были закончены автором. Однако их материалы представляют несомненный интерес для научной общественности. Некоторые из этих работ («Историко-географический кругозор „Слова о полку Игореве“ как произведения XII в.» и «Философия в Древней Руси») опубликованы в недавно вышедшей книге М. Н. Тихомирова «Русская культура X—XVIII веков» (М., 1968). Другие работы, видимо, выйдут в свет в очередных выпусках трудов М. Н. Тихомирова или в иных изданиях.

К числу неопубликованных и не полностью завершенных работ М. Н. Тихомирова относится сохранившийся в стенограмме спецкурс «Приказное делопроизводство в XVII веке», который в октябре—ноябре 1956 г. он прочитал для студентов IV курса кафедр истории СССР и источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ.

Те, кто слушал М. Н. Тихомирова, хорошо знают, что он не пользовался предварительно написанными текстами лекций. Обычно он составлял лишь перечень лекций, а для каждой лекции — краткий, на одной-двух страничках, проспект. Сохранились авторские проспекты второй, четвертой и пятой лекций этого спецкурса. К счастью, спецкурс стенографировался, и стенограммы всех пяти составлявших его лекций в настоящее время обрабатываются и готовятся к публикации.

Первая «Вводная» лекция рассматривает вопросы, касающиеся классификации письменных источников XVI—XVII вв., вопросы формирования приказов и приказного делопроизводства, а также делопроизводства, примыкающего к нему или сформировавшегося под его влиянием. Вторая лекция посвящена выяснению характера приказного делопроизводства, внешней форме и особенностям документов. Третья и четвертая лекции сосредоточивают внимание на видах приказного делопроизводства и, наконец, последняя — пятая — лекция содержит палеографические наблюдения о деловом письме XVII в. и археографические замечания.

В дальнейшем лекции были намечены к публикации в виде небольшого учебного пособия. Обработку стенограммы М. Н. Тихомиров, к сожалению, провести не успел. Лишь две страницы первой лекции и одна страница последней имеют правку, сделанную рукой автора. Кроме того, ряд положений, наблюдений, обобщений, сделанных в спецкурсе, получил отражение в некоторых опубликованных после его прочтения работах¹.

Как можно судить по имеющимся материалам, в данном спецкурсе М. Н. Тихомиров помимо опубликованных документов и литературы по отдельным вопросам (изданий духовных и договорных грамот, летописей, писцовых и других книг и т. д.; работ Б. Д. Грекова, Н. П. Лихачева, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Б. Веселовского, В. О. Ключевского, Н. Д. Чечулина, Н. А. Рожкова и др.) широко использовал архивные материалы, в том числе и из собранной им коллекции, переданной в дар Сибирскому отделению АН СССР. Эти материалы позволили М. Н. Тихомирову во время лекций знакомить студентов с внешним видом докумен-

¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. «С древнейших времен до конца XVIII в.». М., 1962 (гл. XIII «Актовые материалы XVI—XVII вв.»; гл. X «Писцовые, таможенные, разрядные и другие книги»); М. Н. Тихомиров, А. В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966 (раздел «Основные черты актовых документов»).

тов приказного делопроизводства, обращать внимание на характерные их особенности и черты, проводить сравнения на конкретном подлинном материале.

Конечно, полное представление об этом труде М. Н. Тихомирова может дать лишь его публикация. Пока же целесообразно ознакомить научную общественность с некоторыми основными его положениями.

Большой интерес, в частности, представляет раздел спецкурса о приказной системе, ее месте и значении в формировании приказного делопроизводства.

Останавливаясь на общепринятом делении письменных исторических источников на повествовательные и актовые, определяя значение актового материала, М. Н. Тихомиров в то же время делает, на наш взгляд, весьма важные замечания об актах приказного делопроизводства и связанных с ними других актах. Резкое увеличение числа актов, сохранившихся от XVII в., он связывает не только с окончательной централизацией государства, но и с московским пожаром 1626 г., в огне которого погибло большое число материалов, в том числе актовых. М. Н. Тихомиров считает, что число дошедших до нас актов приказного делопроизводства до 1626 г. недостаточно для изучения самого этого делопроизводства. Петровское время, когда меняются учреждения, вводится новая система делопроизводства, появляются новые виды актов, он также расценивает как рубеж для изучения актов приказного делопроизводства. Поэтому хронологические рамки своего спецкурса он ограничил XVII в., хотя и считал вполне естественным выходить за его пределы, привлекать материалы как предшествующего, так и последующего времени.

Определяя круг актового материала, М. Н. Тихомиров высказал критические замечания относительно принятого в литературе деления актов на государственные и частные. С виду удобное, это деление, по его мнению, не учитывает ряда моментов. По этой схеме к числу частных актов должно отнести все, что выходило, например, из земских изб, в то же время, какая-нибудь царицына мастерская, занимавшаяся пошивкой платья, пришивкой пуговиц к кафтанам, оказывается учреждением, оставившим документы, относящиеся к разряду государственных актов. М. Н. Тихомиров предлагает делить документы на акты государственных и земских учреждений, акты монастырские, церковные, боярские и частные. Считая такую классификацию далекой от совершенства и способной вызвать сомнения, критику, М. Н. Тихомиров все же кладет ее в основу своего курса и при изложении материала стремится показать ее рациональность.

Не ставя перед собой при создании спецкурса задачу разыскания и привлечения новых источников, М. Н. Тихомиров показал на уже известном материале, что в XVII в. сложившаяся приказная система охватывала не только сферу центральных учреждений, но и породила себе подобную организацию в сфере местного, в том числе земского, управления, в монастырских и церковных учреждениях, в боярских вотчинах и дворянских поместьях.

Наблюдения М. Н. Тихомирова над организацией приказной системы сводятся, во-первых, к установлению двух групп приказов (территориальных и отраслевых), во-вторых, к определению штата приказов, их внутренней структуры, в-третьих, к выявлению местных приказных учреждений — воеводских канцелярий (приказных изб) в городах, или, как их иногда называют, «съезжих изб», и их структуры. Эти наблюдения позволили сделать вывод о громоздкости системы управления страной в XVII в., когда структура низовых организаций во многом дублировала сами приказы.

Изучение монастырских, церковных, боярских актов показало, что делопроизводство здесь велось в основном так же, как и в государственных учреждениях. Практически при монастыре, епископском доме, боярине были своего рода канцелярии, построенные по образцу и подобию приказных учреждений. Разница была лишь в размерах, несколько иных функциях и иногда в других должностных названиях. Сами названия документов в большинстве были заимствованы из практики приказного делопроизводства.

Несколько особое положение занимали земские избы. Имея определенные функции управления посадскими общинами в городе, они соединяли как бы два начала. С одной стороны, земские избы исполняли, в некотором роде, функции государственных учреждений, с другой стороны, на их деятельности и порожденных ими материалах не могли не сказаться выборность изб и сама специфика посадского мира.

Специально останавливается М. Н. Тихомиров на особой системе фиксации актов, породившей институт так называемых площадных подьячих — представителей своеобразного нотариата, деятельность которых имеет большой интерес, но, к сожалению, еще недостаточно изучена. Из-под пера площадных подьячих, как подчеркивается в лекциях, вышла громадная масса актов частного характера (вкладные, дашные, кулчие, порядные и т. д.).

В спецкурсе специально выделен вопрос о форме приказного делопроизводства. Речь идет о характеристике двух главных внешних форм документов: столбцов и книг, т. е. тех форм, в которых и дошло до нас делопроизводство.

Как известно, в специальной литературе вопрос о времени возникновения столбцов остался нерешенным. По мнению Михаила Николаевича, столбцы появляются рано, в XIV в., причем они тогда довольно сильно отличались от столбцов XVI—XVII вв. По сути дела это были листы-граммоты, возможно, больших размеров, склеенные между собой и свернутые. Первоначальное название столбцов («свертки» или «свитки») больше отвечало их характеру. М. Н. Тихомиров придерживается мнения, «что наши столбцы, если не были заимствованы, то во всяком случае принадлежат к восточной традиции. Ведь мы не знаем ничего о таких документах, хотя бы византийских, болгарских. Характерно, что подобного рода столбцы были во всеобщем употреблении на Востоке и у нас. Это, следовательно, какая-то общая традиция, которая позволяет думать о том, что столбцы не появились как-то внезапно. Может быть, это связано с тем, что на Востоке бумага хлопчатная употреблялась раньше, чем в Западной Европе» (II, 5—6)². Обращая внимание на постепенную унификацию размеров бумажных листов в приказном и связанном с ним делопроизводстве, М. Н. Тихомиров отмечает особенности некоторых столбцов сибирского происхождения XVII в., имевших несколько иную форму, а главное характер записей. Эта форма сохранилась в Сибири и позже, после официального запрещения писать дела в столбцах.

Специальные наблюдения посвящает Михаил Николаевич характеру самого письма на столбцах: сствам, скрепам, пометам и т. д., выяснению их роли, назначения. Возражая отдельным исследователям, придающим преувеличенное значение скрепе, М. Н. Тихомиров указывает, что более важны для исследования документов пометы. В них мы находим датирующие приметы, сведения, указывающие на время составления того или иного документа, передачи его в канцелярию. Особенно важны пометы на документах, становившихся предметом внимания, рас-

² Здесь и далее в скобках римские цифры означают номер лекции, а арабские — ее страницы.

смотрения Боярской думы, а иногда и самого царя. Путем их изучения больше всего можно узнать о деятельности Думы.

Давая характеристику другой формы фиксации документов приказного делопроизводства — книг, М. Н. Тихомиров подчеркивает общее и отличное в двух основных формах фиксации — в столбцах и книгах. «... Книга, — говорит он, — могла быть превращена в столбец и наоборот — столбец в книгу» (IV, 1). Примером этого служит история Соборного уложения 1649 г. В предисловии к нему сказано, что иерархи церкви, весь освященный собор, бояре и другие люди «к тому Уложению на списке руки свои приложили. И с того Уложенья списан список в книгу, слово в слово, а с тое книги напечатана сия книга». «И тем не менее, — отмечается в лекции, — несмотря на отсутствие различия в содержании, несмотря на то, что книга могла быть превращена в столбец и наоборот — столбец в книгу, все-таки мы находим между тем и другим видом документов различие [по форме] и некоторое различие в содержании» (IV, 2).

Система записей документов в книге отвечала потребности в постоянных справках. Столбцы же, особенно большие, для этой цели были неудобны. Этим, в первую очередь, и объясняется составление в приказах специальных указных книг, куда записывались царские указы «для скорейшего приискания отдельных указов» (IV, 2).

Рассматривая посольские, разрядные, родословные книги, десятные списки служилых людей как виды исторических источников, прямо или косвенно связанных с приказным делопроизводством, М. Н. Тихомиров ставит ряд вопросов о характере, системе составления, особенности формирования каждого из этих видов; истории их изучения и методов использования в исторических исследованиях.

В этом плане, на наш взгляд, особенно ценна та часть лекций, которая содержит небольшой, но целенаправленный историографический обзор изучения писцовых книг. Ставя вопрос: «Что можно найти в писцовых и переписных книгах, а что нельзя и какие ошибки может сделать исследователь?» (IV, 14), М. Н. Тихомиров предупреждает как от недооценки этих книг, так и от переоценки их возможностей, призывает осторожнее сводить материалы писцовых книг в статистические таблицы, ибо сейчас у нас изучаются не столько писцовые книги, сколько экономическая история на основании писцовых книг (IV, 14). Вопрос об историковедческом анализе писцовых и других книг выдвигается как одна из главных задач изучения актового материала. Известно, что М. Н. Тихомиров ставил задачу создания сплошного обзора сохранившихся материалов писцового дела, предпринимал в этом направлении практические шаги, ставил источниковедческие проблемы, связанные с изучением писцовых книг.

Останавливаясь на вопросе о соотношении черновика (отпуска) и беловика, М. Н. Тихомиров подчеркивает необходимость, где это возможно по условиям сохранности, их сопоставления, отмечает особую ценность черновых материалов, позволяющих проследить ход работы по составлению того или иного документа, отражающих работу как самого приказа, так и правительства.

Самостоятельный раздел курса посвящен рассмотрению видов документов приказного делопроизводства. Оформление этих видов М. Н. Тихомиров относит к XVI в., считая для XVII в. их уже вполне сложившимися.

Специальное внимание уделяется определению понятия «грамота». Считая неточной бытующую терминологию, по которой грамотой именуется всякую бумагу XVII в., вышедшую от имени царской власти, М. Н. Тихомиров под грамотой в приказном делопроизводстве XVII в. понимает жалованные царские грамоты на поместья, вотчины и т. д.

Он считает необходимым отличать их от указов, актов, также дававшихся от имени царя, но из приказов. «... Путаница в терминологии происходит главным образом потому, что целый ряд документов, исходивших от имени царя, были практически документами, исходившими от приказов» (III, 3). Сложность выделения этого вида актов заключается прежде всего в том, что они очень близки к грамотам по формуляру. И те и другие начинались одним и тем же титулом: «От царя, государя и великого князя...» Поэтому одним из признаков, отличающих грамоту от указа, М. Н. Тихомиров считает конец текста указа, где дается запись типа: «Писан на Москве, лета 7181, сентября в 21 день». Впрочем, это заключение М. Н. Тихомирова требует дополнительного изучения, так как в жалованных грамотах второй половины XVI в. подобные записи встречаются. Но сам факт наличия разницы между грамотой как царским документом и указом, выданным из приказа по распоряжению царя, оспаривать, видимо, не приходится. Не случайно в начале XVIII в. сложилась система царских указов и указов сенатских, данных от имени царя.

М. Н. Тихомиров детально разбирает другие виды столбцового делопроизводства: отписки, памяти, наказы, росписи, годовые сметы, доклады и докладные списки, статейные списки, расспросные и пыточные речи, изветные челобитные, обращающая внимание не только на форму этих документов, но и устанавливая методику их датировки, выясняя взаимосвязь между отдельными видами и разновидностями этих документов. Особое внимание уделяется вопросу достоверности приводимого в актах материала. М. Н. Тихомиров неоднократно предостерегает от распространенного некритического использования актов. На примере черновиков царских указов, связанных с восстанием в Пскове в 1650 г., он показывает, как сами черновики по 5—6 раз переделывались, как существенно отличались друг от друга их варианты. Убедительно показано, как искажались порой события в отписках, когда преследовались цели показать действия того или иного лица в выгодном или невыгодном свете, как преуменьшалось или преувеличивалось в них значение совершившегося.

Приказное делопроизводство, подчеркивал М. Н. Тихомиров, требует к себе не менее критического отношения, чем другие виды исторических источников. По его образному замечанию, разница между историей России XVII в. по приказным документам и действительностью «примерно такая же, как между чтением учебника Иловайского, [с одной стороны], а с другой стороны — „Истории города Глухова“ Салтыкова-Щедрина» (III, 16).

Особо рассматриваются в курсе вопросы палеографии — деловое письмо XVI—XVII вв. и археографические принципы издания документов.

Палеографические наблюдения касаются прежде всего выяснения наиболее характерных черт скорописи документов XVI—XVII вв. М. Н. Тихомиров подчеркивает, что процесс развития скорописи являлся результатом расширения делового письма, что он характеризовался формированием индивидуального почерка, сокращением в значковых обозначениях, выделением тех палеографических признаков, которые могут рассматриваться как датирующие. К сожалению, система стенографирования неспособна передать выводы на этот счет М. Н. Тихомирова, который на лекциях знакомил слушателей с графикой письма, типами сокращений, изменениями отдельных буквенных элементов.

М. Н. Тихомиров в данном курсе не ставил своей задачей изложить археографические принципы издания документов во всем их многообразии. Однако ряд замечаний, высказанных им, имеют как практическое значение, так и наводят на теоретические размышления.

1. Как издавать документы? Печатать ли документ целиком, давать ли выдержки, делать купюры?

М. Н. Тихомиров выступает последовательным противником сокращения, членения документов. Научное издание должно давать полное представление о документе, весь документ должен быть перед исследователем.

2. Как издавать сам текст? Следует ли сохранять все особенности написания источника?

М. Н. Тихомиров выступает **решительным** поборником бережного обращения с текстом, он приводит примеры так называемых правленных публикаций, когда под видом «исправления» описок, ошибок и т. д. искажаются существенные особенности документа.

3. Вопрос о знаках препинания, о разбивке текста, о передаче его смыслового значения.

М. Н. Тихомиров относит его к одной из труднейших проблем археологии, предлагая некоторые пути осмысления текста.

Все вышеизложенное не исчерпывает, конечно, богатства материалов курса М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.». Скорейшая публикация этого труда принесет несомненно большую пользу развитию советской исторической науки.

А. И. Рогов

ТРУДЫ М. Н. ТИХОМИРОВА ПО СЛАВЯНОВЕДИНИЮ¹

Интерес к славяноведению у М. Н. Тихомирова определился еще в самый ранний период его научной деятельности. Учителями покойного академика были крупнейшие слависты — М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц, А. И. Соболевский. Работа в рукописных собраниях нашей страны, являющихся истинной сокровищницей славянской, в том числе и южнославянской, письменности, давала М. Н. Тихомирову богатейшую источниковедческую базу. Это были в большинстве своем неопубликованные источники, над изданием и изучением которых покойный академик трудился всю свою жизнь. «Закон Судный людем», «Мерило Праведное», «Именник болгарских князей» — все эти важнейшие памятники славянского законодательства и культуры были не только изданы, но и глубоко и всесторонне изучены М. Н. Тихомировым. Ученым было прослежено бытование славянских памятников на Руси, их связь с русскими произведениями.

В последние годы жизни М. Н. Тихомиров уделил большое внимание по существу новому виду славянских источников, до сих пор мало привлекавшемуся славистами, — южнославянским записям на рукописных книгах. Этим записям присущи черты как актового, так и нарративного источника. Подготовленная М. Н. Тихомировым большая публикация южнославянских записей на рукописях Государственного исторического музея не увидела свет при жизни ученого и будет опубликована в выходящем в скором времени томе его трудов «Исторические связи России со славянскими странами и Византией»².

По инициативе М. Н. Тихомирова, по его замыслу и под его руководством была начата систематическая публикация славянских и византий-

¹ «Советское славяноведение», 1969, № 2.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

ских источников под общим заглавием «Памятники средневековой истории Центральной и Восточной Европы». Выпуски этой серии продолжают выходить и сейчас и завоевали широкое признание научной общественности.

В области славяноведения, как вообще в своем научном творчестве, М. Н. Тихомиров сочетал тонкие источниковедческие исследования с большими историческими обобщениями. Характерным примером такого рода является опубликованный в 1947 г. в «Славянском сборнике» труд «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до середины XVII в.». М. Н. Тихомировым был привлечен для этого исследования широчайший круг источников, включая и памятники искусства. Ученый особенно подчеркивал взаимность связей России со славянами.

Изучая русское летописание, М. Н. Тихомиров углубился в исследование польских исторических хроник, в первую очередь замечательного труда Яна Длугоша. Им было установлено, что Длугош пользовался не дошедшей до нас повестью о русских князьях X в. — одним из краеугольных камней русского летописания. М. Н. Тихомировым были рассмотрены и взгляды выдающегося историка польского средневековья, испытывавшего симпатию к Руси.

Говоря о вкладе М. Н. Тихомирова в славяноведение, никоим образом нельзя ограничиваться трудами, непосредственно посвященными зарубежному славянству. Такие капитальные его труды, как «Исследование о Русской Правде», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», безусловно, являются достоянием не только русской истории, но и славистики. Многие закономерности социально-экономической истории восточнославянских земель оказались общими для всех славянских народов.

Патриот своей Родины, он всегда с большим интересом и симпатией говорил и писал о славянах. Строжайшая точность и объективность в его славяноведческих исследованиях сочетались с большой любовью к братским славянским народам, исторические судьбы которых столь тесно переплелись с историей родного народа.

В. А. Александров

ПРИНЦИПЫ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТИХОМИРОВА¹

Научное творчество Михаила Николаевича Тихомирова с 30-х годов стало привлекать внимание специалистов и любителей отечественной истории. Каждая выпущенная им книга — монография, публикация, учебное пособие — быстро находила своего читателя, покидала книжный рынок и получала разнообразные, но, как правило, неизменно благоприятные отзывы. С 50-х годов имя Михаила Николаевича прочно и по праву заняло свое место среди имен крупнейших деятелей науки и культуры.

Прошло четыре года со дня кончины Михаила Николаевича. Его смерть вызвала многочисленные отклики в печати; создалась целая библиогра-

¹ В основу статьи положено выступление на заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии при ОИ АН СССР, посвященном памяти академика М. Н. Тихомирова, 25 января 1966 г. (см. «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 379).

фия о его жизни и деятельности, пополняющаяся с каждым годом. Сам факт ее образования — свидетельство не только глубокого уважения к покойному ученому и чувства благодарности к нему, но и стремления отдать самим себе отчет о путях развития отечественной науки, ради которой Михаил Николаевич жил и для истории которой многое оставил. На публичном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии 25 января 1966 г., посвященном памяти М. Н. Тихомирова, академик Б. А. Рыбаков призвал учеников Михаила Николаевича синтезировать его творчество, по своему объему представляющее целую библиотеку. «Для того чтобы в будущей истории нашей исторической науки имя М. Н. Тихомирова было охарактеризовано вполне правильно, мне кажется, нужно на основе многочисленных работ создать очерк общей исторической концепции Михаила Николаевича. Нам она ясна, мы ее знаем, мы ее чувствуем, мы ее разделяем как концепцию. Но ее нужно дать в обобщенном виде, потому что это концепция патриота, убежденного демократа, концепция „посадского человека“», — завершил свою речь Б. А. Рыбаков². Справедливость этих слов бесспорна.

Довольно долго о Михаиле Николаевиче в некоторых частных отзывах говорилось как о знающем источниковеде, но не больше. Сам Михаил Николаевич считал бесполезным спорить о неисследованных проблемах. Он не любил принимать участие в официальных дискуссиях по поводу тех или иных мало аргументированных научных построений концепционного порядка, но это вовсе не означало, что теории исторического процесса он уделял второстепенное внимание. Весьма примечательны в этом отношении слова Михаила Николаевича о значении «Курса русской истории» в творчестве В. О. Ключевского: «Если бы В. О. Ключевский не издал своего курса, он не был бы Ключевским». Сам Михаил Николаевич неоднократно выступал публично и в печати против исследований на узкие, теоретически неопределенные темы. Свои основные труды он посвящал очень широким темам и на конкретно-историческом материале предоставлял читателям судить о своих общетеоретических взглядах.

Нам, современникам Михаила Николаевича, очевиден его жизненный путь, очевидны основные этапы и вехи этого пути. Они осознавались при жизни самого Михаила Николаевича и в общих чертах были описаны в последние годы его жизни и сразу же после его смерти. Тогда же были предприняты первые попытки охарактеризовать значение трудов Михаила Николаевича и его хлопотливой деятельности для отдельных отраслей исторической науки — истории Древней Руси, славистики, археологии и источниковедения. Прошло немного времени после смерти Михаила Николаевича, и острое чувство скорби по навсегда ушедшему человеку сменилось ощущением его необходимости для ныне живых. «Если бы был жив Михаил Николаевич» — эти слова звучат или подразумеваются постоянно, по разным поводам, но особенно тогда, когда возникает вопрос о направлении научной работы или когда предстоит какое-либо сложное решение. Как ни реальна невосполнимость потери яркого ученого и человека оригинального, целеустремленного и житейски мудрого ума, его творческая лаборатория в ее становлении и развитии, система и техника работы, взгляды на жизнь в целом, на других людей и их поступки остаются тем богатым наследием, без которого нельзя не только обобщить научную концепцию Михаила Николаевича, но и раскрыть причины, обусловившие успех его разносторонней деятельности и многообразных начинаний.

---

² Б. А. Рыбаков. Михаил Николаевич Тихомиров. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 6.

В духовном облике Михаила Николаевича сливались и ученый и человек; в своих повседневных поступках он опирался на мудрость истории, а свои лучшие человеческие качества отдавал познанию этой, нужной народу, мудрости. Михаила Николаевича всегда привлекали конкретно-исторические исследования. Ему в высшей степени была свойственна дисциплина ума в науке, и его собственные человеческие слабости не отражались в его работах. Это качество имело огромное значение в выработке взглядов Михаила Николаевича на историю как науку. Они утверждались у него в сложный период становления советской исторической науки, когда при овладении марксистской методологией возникали и отвлеченно-социологические построения, приводившие к неизбежным заблуждениям.

Михаил Николаевич в своих творческих исканиях любил непроторенные и в тоже время необходимые пути в науке; находить их ему помогало блестящее, выработанное годами умение видеть в источниках глубоко скрытые возможности для исследования. Даже тогда, когда Михаил Николаевич брался за исследование проблем, по которым существовала огромная историография (как, например, «Русская Правда»), он умел по-новому подойти к их решению. До настоящего времени его труды, даже созданные в 30-х годах, не устарели, и сейчас нет оснований думать, что это может произойти. Разумеется, на протяжении почти полувековой научной деятельности Михаил Николаевич уточнял и расширял свои взгляды, неизбежно ставил новые задачи, систематически совершенствовал приемы источниковедческого анализа. М. Т. Белявский, характеризуя монографию М. Н. Тихомирова «Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв.», совершенно справедливо писал, что она показывает, «как нужно искать и находить источники там, где, казалось бы, никаких шансов на это нет»³.

Развитие творческой мысли, расширение и углубление источниковедческой основы в трудах М. Н. Тихомирова относительно нетрудно заметить, сличая отдельные его произведения. Такая работа позволит проследить и становление общей проблематики и ее составных частей; достаточно хотя бы сопоставить исследования о восстаниях в Пскове и Новгороде, ряд статей по истории Москвы и истории городской культуры на Руси, первое и второе издания «Древнерусских городов» и «Древней Москвы», чтобы увидеть, на основе каких материалов, в какой последовательности и взаимозависимости у Михаила Николаевича создавались и развивались взгляды на историю древнерусских городов.

Широкий успех исследований М. Н. Тихомирова свидетельствовал о неизменных удачах творческого процесса, но за этим более внешним впечатлением нелегко разглядеть лабораторию ученого, понять, как возникали у Михаила Николаевича те или иные вопросы, на которые он затем давал ответ, почему он умел ставить эти вопросы, искать то, что надо, и там, где надо. Эта лаборатория складывалась, конечно, постепенно, и ее становление определялось многообразием творческого процесса ученого. В своем творческом процессе он неизменно сочетал исследование сущности исторических явлений с источниковедческими изысканиями, археографической обработкой источников и изданием памятников.

Занимаясь параллельно исследованием нескольких вопросов, Михаил Николаевич одновременно глубоко оценивал значение изучаемых источников и всесторонне их рассматривал с точки зрения палеографии, дипломатики, эпиграфики, хронологии. Эти исторические дисциплины, к которым М. Н. Тихомиров обращался постоянно в своей повседневной ра-

³ М. Т. Белявский. Памяти большого ученого. — «Вестник Московского университета», серия IX. «История», 1966, № 1, стр. 10.

боте, он признавал специальными отраслями исторических знаний, но никак не «малыми» или «вспомогательными». По праву Михаил Николаевич считается одним из создателей советского источниковедения, в частности, первой в истории отечественных учебных заведений кафедры источниковедения истории СССР на историческом факультете МГУ, а также другой отрасли исторической науки — исторической географии.

Постоянное чтение специальных курсов и ведение специальных семинаров весьма помогало Михаилу Николаевичу выявлять неизученные или малоизученные исторические явления. Именно в процессе таких занятий, по его же собственным словам, зародились его монографии о «Русской Правде» и России XVI столетия. «Спецкурсы чрезвычайно важны для повышения научной активности как профессоров, так и студентов. Они касаются определенных, относительно узких тем, и их задача — показать студентам исследовательские методы, поставить спорные вопросы, сделать историографические экскурсы, критически разобрать литературу и источники. Одним словом, спецкурс — это серьезное испытание для вузовского преподавателя, показатель его научной и методической подготовки. Иногда спецкурс может составить основу какого-нибудь исследования. То же самое надо сказать о спецсеминарах...», — писал Михаил Николаевич⁴.

Творческие принципы М. Н. Тихомирова наиболее конкретно можно проследить в системе его педагогической работы, так как при подготовке молодых ученых он опирался на собственный опыт и методику исторического исследования. Всю свою трудовую жизнь Михаил Николаевич преподавал, первоначально в средних учебных заведениях, а с 30-х годов в крупнейших в стране высших учебных заведениях — Московском государственном университете, Институте философии, литературы и истории, Историко-архивном институте. Он гордился этой стороной своей деятельности, хорошо знал ее особенности и отдавал ей много времени и внимания. Михаил Николаевич считал ее необходимым условием успешной научной работы, отлично знал то, о чем говорил своим ученикам, избегал преподавать «в кредит» их доверию и неизменно стремился найти все ценное, что могли ему самому дать ученики. Все это в нескольких фразах он обобщил в статье «Дорога в историческую науку», опубликованной 7 мая 1955 г. в газете «Московский университет»: «Моя работа на факультете была неразрывно связана с молодежью. Некоторые из моих научных работ первоначально возникли в виде курсов лекций и только позже оформились в монографии... Ничто так не мобилизует ученого, как вопросы студентов, их неудовлетворение поверхностным или непродуманным ответом... Для учителей, — а я в своей жизни был не только преподавателем высшего учебного заведения, но и учителем средней школы, преподавателем рабфака, техникума и т. д., — для учителей нет большей радости, чем видеть, как их ученики входят в жизнь и трудятся на благо нашей Родины»⁵.

С 1930 г. и до конца своих дней Михаил Николаевич создавал — сначала по географии, а затем по истории — учебники и учебные пособия для классных, внеклассных, семинарских занятий (хрестоматии, книги для чтения и т. п.). Всего, не считая переизданий, им было выпущено 14 таких изданий, среди которых выделяются единственное поныне учебное пособие по источниковедению истории СССР (до конца XVIII в.), пособия для изучения «Русской Правды», Соборного уложения 1649 г.,

⁴ М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 12—13.

⁵ М. Н. Тихомиров. Дорога в историческую науку. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова», стр. 7—8.

русской палеографии, «Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до конца XV в.)».

М. Н. Тихомирова неизменно заботили различные вопросы постановки исторического образования в нашей стране; он не раз выступал в периодической печати и делился с читателями своим опытом и наблюдениями, накопившимися на протяжении десятилетий.

К концу жизни Михаил Николаевич насчитывал среди своих учеников десятки кандидатов и несколько докторов исторических наук. Михаил Николаевич создал свою научную школу в советской исторической науке со свойственным ей исследовательским подходом к решению целого ряда проблем. Михаил Николаевич относительно поздно стал руководить подготовкой молодых ученых. Только тогда, когда ему было под 50 лет, под его руководством стали готовиться к научной деятельности аспиранты. С годами их количество быстро увеличивалось. В это время Михаил Николаевич считался видным ученым, автором больших исследований о Псковском восстании 1650 г. и о «Русской Правде», готовящихся к печати знаменитых «Древнерусских городов» и «Древней Москвы». К этому же времени у Михаила Николаевича сложилась определенная методика научной подготовки молодых ученых. О ее продуманности и обоснованности могли судить не только ученики Михаила Николаевича, убеждавшиеся на собственном опыте в справедливости и целенаправленности советов и предъявлявшихся к ним требований. Михаил Николаевич не скрывал своих взглядов на систему и принципы подготовки научных кадров.

Кажется, в 1946 г., будучи деканом исторического факультета МГУ, на общем собрании аспирантов всего факультета он раскрыл перед ними всю сложность работы над диссертацией. В начале 1952 г. Михаил Николаевич вновь выступал перед аспирантами на ту же тему. Сохранившийся в личном архиве М. Н. Тихомирова подробный план этого выступления («К докладу о работе аспирантов») ⁶, а также статьи в периодической печати о подготовке научных кадров, существенно облегчают систематизацию его взглядов на принципы творческой работы. Если во время занятий со студентами М. Н. Тихомиров знакомил их с методами и приемами исследовательской работы, проверял свои научные наблюдения и выводы, получал новые впечатления, приглядывался к способностям и возможностям своих учеников, то в работе с аспирантами он уже видел прямые перспективы развития науки.

Сам Михаил Николаевич в новизне исследования видел основной смысл научной работы и хотел видеть то же самое в трудах своих учеников. Богатый собственный опыт и научная интуиция помогали ему намечать для своих учеников темы, бесспорно нуждавшиеся в разработке. «Диссертация всегда должна дать что-то новое, быть необходимым звеном в науке», — писал он ⁷. В этом стремлении Михаил Николаевич следовал нескольким правилам — он очень внимательно учитывал проявлявшиеся желания своих учеников, их интерес к определенной проблематике и их возможности. Определяя темы будущих работ учеников, Михаил Николаевич стремился к тому, чтобы их исследования проблемно были связаны с его собственными исследованиями, расширяли и дополняли их. В результате создавалась действительно преемственная связь в разработке отдельных проблем между руководителем и его учениками.

М. Н. Тихомиров был решительным врагом «сенсационных» открытий, подгонки материала под «модные» концепции и с большим сарказмом вспоминал печально-анекдотические попытки доказать существование

⁶ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 3, д. 182.

⁷ Там же.

книгопечатания в Киевской Руси, фантастические «решения» готской и хазарской проблем и т. п.

Он считал необходимым точно определить тему будущей диссертации уже в начале первого года пребывания своего ученика в аспирантуре и затрачивал на это много собственного времени. Такой подход к самому началу подготовки молодого ученого сразу же дисциплинировал процесс обдумывания темы диссертации, которая, в свою очередь, надолго определяла дальнейший творческий путь молодого исследователя. Предлагая аспиранту ту или иную тему, Михаил Николаевич исходил из интереса к возможным результатам исследования и наличия источниковедческой базы. Однажды он, по его собственным словам, целую ночь раздумывал над направлением будущей научной деятельности одного из своих учеников.

Хорошо известно, что в работе над историей древнерусских городов Михаил Николаевич особенно большое внимание уделял таким крупнейшим городам средневековой Руси, как Москва, Новгород и Псков. Обусловленность этого интереса была настолько закономерна, что не требует объяснения. Заслуживает внимания другое — история этих городов стала предметом специальных исследований и многих учеников Михаила Николаевича. М. Г. Рабинович написал кандидатскую диссертацию, посвященную новгородскому войску в X—XV вв.; Е. В. Чистякова — кандидатскую диссертацию, посвященную реформам А. Л. Ордина-Нащокина в Пскове в середине XVII в.; А. Л. Хорошкевич в своей диссертации исследовала торговлю Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV—XV вв.; А. П. Пронштейн посвятил свою кандидатскую диссертацию исследованию социально-экономической истории Новгорода в XVI в. после его вхождения в состав Русского государства. В частности, эта работа А. П. Пронштейна может служить хорошим примером взаимосвязи творчества учителя и ученика, в результате которого углублялись выводы обоих исследователей. В предисловии к этой работе, изданной в виде отдельной книги, сам М. Н. Тихомиров высоко оценил ее основной вывод: «Книга А. П. Пронштейна впервые показывает, что присоединение Великого Новгорода к России отнюдь не привело к падению его экономического значения. Наоборот, после присоединения к Российскому государству Новгород поднялся на новую, высшую ступень своего экономического развития»⁸. Опираясь на этот вывод, вытекавший из содержания книги, М. Н. Тихомиров в том же предисловии более широко трактовал значение присоединения Новгорода: «История Новгорода XVI в. показывает не только дальнейшую централизацию Российского государства, но и глубокие процессы в области складывания русской народности»⁹. В дальнейшем в книге «Россия в XVI столетии» М. Н. Тихомиров уже в свою очередь подытожил собственные наблюдения по истории Новгорода в рассматриваемое время и в ряде случаев внес существенные коррективы в трактовку отдельных явлений А. П. Пронштейном¹⁰.

Отдельные обоснованные М. Н. Тихомировым положения или выдвинутые тезисы в трудах по истории Москвы получили дальнейшее развитие в работах его учеников. Своими многолетними исследованиями, обобщенными в 1964 г. в книге «О древней Москве», М. Г. Рабинович еще более углубил, особенно археологическим материалом, точку зрения М. Н. Тихомирова о многообразной хозяйственной деятельности горожан древней Москвы и разносторонних культурных запросах жителей этого средневекового города, вырвавшегося не из боярской усадьбы, а в про-

⁸ А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, стр. 3.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 303, 304, 306, 312, 313.

цессе неуклонного развития ремесла и обмена. В прямой связи с обосновывавшимися М. Н. Тихомировым взглядами на Москву как центр общерусской и международной торговли возникли монографии М. В. Фехнер («Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке». М., 1952; изд. 2. М., 1956) и Д. И. Тверской («Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка». М., 1959).

Та же преемственная связь с проблематикой книги М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» прослеживается в подготавливаемых в настоящее время исследованиях Н. Б. Шеламановой («Формирование западной территории Российского государства в XVI в. в связи с отношениями России с Великим княжеством Литовским») и Б. Н. Флоря («Русско-польские отношения в конце XVI—начале XVII в. и Балтийский вопрос»).

Общеизвестно, что М. Н. Тихомиров пристальное внимание уделял в своих трудах историческим судьбам славянских народов, в частности, украинского и белорусского. Эти проблемы также изучались его учениками. Безвременно скончавшийся один из самых близких учеников Михаила Николаевича А. Н. Мальцев написал работу о войне 1654—1656 гг. за воссоединение Белоруссии с Россией, И. Б. Греков написал работу о «Вечном мире» 1686 г. между Россией и Польшей, А. И. Рогов исследовал Хронику Стрыйковского как исторический памятник России, Украины, Белоруссии и Литвы.

С течением времени М. Н. Тихомиров расширял и специализировал проблематику, разрабатываемую его учениками. Без преувеличения можно сказать, что хронологически работы его учеников охватывали весь огромный период истории феодальной России вплоть до XVIII в. включительно. Кроме того, М. Н. Тихомиров активно расширял источниковедческое направление в подготовке аспирантов и в конце своей жизни начал подготовку источниковедов даже по советскому периоду.

В статье «О молодых ученых и исследовательской работе» (1956 г.) М. Н. Тихомиров решительно выступил против тех руководителей, которые выбирают для аспирантов крайне узкие темы, имеющие ограниченную датировку: «„в первой четверти XVII века“, „... в начале XIX века“ и т. д.»¹¹. Сам он стремился привить своим ученикам широкий взгляд на исторический процесс. Основным критерием при выборе темы для исследования у М. Н. Тихомирова была ее существенность для науки. Так, например, свои работы он нередко посвящал отдельным деятелям далекого прошлого, оставившим большой след в истории (Юрий Долгорукий, Александр Невский) и особенно в истории культуры и науки (А. Рублев, И. Федоров, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, В. О. Ключевский и др.). Не возражал М. Н. Тихомиров против подобных тем, привлекавших его учеников, но был категорически против изучения деятельности временщиков и царских фаворитов и не считал возможным тратить на это время. В частности, резко отрицательно он отнесся к мысли одного ученика написать монографию об А. Д. Меншикове. В письме к другому ученику он вновь обращался к этому же вопросу: «Остановитесь на вопросе, как началось возвышение Адашева. Кто он? Фаворит вначале или с самого начала государственный деятель, и здесь не идите за обычным шаблоном, а исследуйте вопрос».

Михаил Николаевич стремился, чтобы его ученик сам «доходил» до выводов, но затрачивал массу времени, особенно на первых этапах работы, чтобы научить аспиранта системе и технике творческой работы.

¹¹ М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе, стр. 11.

Дисциплина личной работы у Михаила Николаевича была железной. В часы, отведенные на нее, он никогда не отрывался, но по их истечении аккуратно складывал и убирал все с письменного стола. Я часто вечерами бывал у него, но никогда не видел разложенных на столе бумаг, раскрытых книг, выписок и т. п.

После того как диссертационная тема была определена и выяснена ее обеспеченность материалом, Михаил Николаевич начинал добиваться плановости в работе ученика. С карандашом в руках он доказывал невозможность написания диссертации в короткий срок. Его примерный расчет времени был таков: «15 печ. листов — 330 страниц на машинке. Средняя производительность 3 страницы — 110 дней рабочих или с выходными днями — 130 дней; добавить дни, занятые подбором материала, — 20 = 150 дней — 5 месяцев. Оформление и поправки после просмотра руководителем — 2 месяца. Окончательное оформление — 1 месяц. [Итого — В. А.] — 8 месяцев. В действительности надо больше времени для написания диссертации. Собираение материалов и чтение литературы; в среднем в день с просмотром и выписками 3 страниц рукописных — 5—6 месяцев работы... Год на написание диссертации мало, 1½ года — относительно достаточно, но не вполне». Этот расчет Михаил Николаевич завершал общим суждением: «Скоропелость диссертаций и их неподготовленность к печати — знак недостаточной работы над диссертацией»¹². Поэтому он был далек от формального отношения к примерному рабочему плану аспиранта и в случае необходимости требовал своевременно его перерабатывать и вносить изменения.

Михаил Николаевич работал и писал быстро, но эти индивидуальные качества он дополнял систематичностью и разнообразием в работе, что, по его мнению, еще более ускоряло ее процесс. Он всегда подчеркивал трудность и невыгодность непрерывной однообразной работы. Поэтому он настаивал на том, чтобы соби́рание материала, его систематизацию и написание отдельных фрагментов проводить одновременно, и категорически требовал как можно быстрее начинать работу над источниками, в частности, в архивах. «Причина отставания диссертации — разделение процесса соби́рания материала и письма», — отмечал М. Н. Тихомиров¹³. Особенно тщательно, до мелочей, он наставлял аспирантов относительно работы над архивными источниками. Залог успеха он видел в их изучении, выявлении доказательного материала, требовал не бояться «черной» работы над ним и не брать на веру, без проверки, сообщения из вторых или третьих рук. Помимо обязательного соблюдения общепринятых правил работы над архивным источником он, делясь собственным опытом, рекомендовал внимательнейше относиться прежде всего к описям, стремиться к изучению документов разных фондов, добиваться их взаимопроверки, полностью копировать важнейшие документы, тотчас записывать свои непосредственные впечатления, возникшие при чтении источников, и даже соблюдать наиболее рациональный регламент работы в архиве — не более четырех часов в день, в случае необходимости — с перерывом, утром и вечером, причем, опять же чередуя формы работы (просмотр, копировка и т. п.).

Глубина диссертации и существенность выводов исследования, по мнению Михаила Николаевича, зависели от темы самой диссертации, степени разработки материала и творческого подхода аспиранта.

Как-то в последние годы жизни Михаила Николаевича после выхода в свет очередной книги его соболезнующе спросили: «Зачем Вы так трудитесь и не бережете свое здоровье?» Михаил Николаевич усмехнулся и сдержанно ответил: «Это доставляет мне удовольствие». Каждый его уче-

¹² Архив АН СССР, ф. 693, оп. 3, д. 182.

¹³ Там же.

ник, проявивший органическую любовь к науке как свое неотъемлемое качество, мог рассчитывать на поддержку и полное внимание Михаила Николаевича. Он считал, что без активности и самостоятельности творчество невозможно. Еще в средней школе, где Михаил Николаевич охотно проводил внеклассные занятия, у него сложилось твердое убеждение в том, что уже «школьники старших классов чрезвычайно любят самостоятельно разрабатывать отдельные темы по истории и другим общественным дисциплинам и не уважают учителей, „нахватавшихся“ знаний в объеме учебников и общедоступных пособий»¹⁴. С еще большим основанием он внедрял принцип самостоятельности в своей работе со студентами, а тем более с аспирантами. Однако долго господствовавшая система сдачи аспирантского минимума вступала в противоречие со взглядами М. Н. Тихомирова на систему подготовки молодых ученых. По его мнению, сдача минимума является не творческой, а пассивной формой подготовки; «нет ничего творческого в сдаче экзамена по рекомендованному списку книг: это просто ответы на вопросы о том, кто что написал»¹⁵. Действительно, подготовка к сдаче минимума надолго отвлекала аспирантов от индивидуального исследования; в их сознании она представлялась чуть ли не основной целью, и Михаилу Николаевичу стоило больших усилий «усадить» своих учеников сразу же за занятия в архивах.

Михаил Николаевич не нарушал самостоятельно складывавшейся методики работы учеников, если она, конечно, не шла вразрез с его понятиями, а в самом процессе исследования в основном стремился выработать у них умение думать и наблюдать. В самый напряженный период исследовательского труда — в момент «писания» — сам Михаил Николаевич, бывало, уходил в себя. В такое время можно было видеть, как он, гостеприимный и радушный хозяин, принимая у себя дома гостей, становился задумчивым, рассеянным, занятым своими мыслями. В письме к одному ученику он однажды шутливо писал: «На меня особенно не сердитесь за неаккуратность в письмах. Я кончал одну большую не по объему, а по содержанию работу, а в это время я бываю несколько не в себе». Эта же мысль сквозила в его статье о подготовке молодых ученых: «Опытные люди великолепно знают, как иногда трудно точно и ясно изложить свою мысль»¹⁶. Своим ученикам М. Н. Тихомиров также рекомендовал настойчиво и постоянно думать над отдельными положениями диссертации, причем не только за письменным столом, но и на прогулке, в трамвае, метро. Первоначально такой совет казался странным, выработать такое умение оказалось вовсе не легко, но постепенно оно прививалось. Сейчас, попадая на одну из станций московского метрополитена, я с удовольствием вспоминаю, что именно тут однажды меня осенила одна весьма существенная постановка проблемы, до того доставившая трехнедельные муки...

В процессе осмысления Михаил Николаевич стремился создать для самого себя зрительные образы и считал необходимым побывать в тех местностях, историей которых он занимался, не только увидеть памятники архитектуры или урочища, но и составить представление о местном рельефе, гидрографии и т. п. Он с недоумением говорил об ученых, пишущих историю за своим столом только на основании впечатлений и наблюдений, почерпнутых в источниках. Сам он изъездил всю страну, повидал многие десятки городов и часто привлекал к таким поездкам своих учеников, развивая у них принцип наглядности в истории. В этой связи он писал: «Иной аспирант-историк просидит в Москве три года и за

¹⁴ М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе, стр. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

это время ухитрится ни разу не повидать московские исторические памятники; например, пишет о 1905 годе и не побывает на Красной Пресне»¹⁷.

В целом взаимоотношения научного руководителя и аспиранта Михаил Николаевич формулировал следующим образом: «Чего не должен делать руководитель — захваливать или чернить, работать за аспиранта, отказывать в помощи. Руководитель следит за работой, особенно в процессе написания диссертации. Внимательно следит за тезисами, решительно указывает недостатки. Ни в коем случае не заставляет подчиняться своим взглядам, но решительно борется с извращением в аспирантской работе. Аспирант доверяет своему руководителю. В технических вопросах целиком следует его советам. Ведет большую работу, немедленно исправляет допущенные ошибки. Руководитель видит в аспиранте будущего работника, аспирант видит в руководителе мастера, передающего ему свои знания»¹⁸.

Форма общения с учениками и передачи им знаний была весьма примечательна. Михаил Николаевич, по его же собственным словам, не был особенно «добрым» учителем¹⁹. Но он умел привлекать к себе учеников еще со студенческой скамьи своими знаниями, оригинальным умом, большим, но не афишируемым остроумием, житейскими советами и бесспорно душевной чуткостью, часто скрытой и тем не менее интуитивно улавливаемой людьми. В своей частной жизни Михаил Николаевич был окружен молодежью; где бы он ни жил — в маленькой комнатке на улице Герцена, на Беговой улице или в большой квартире на Котельнической набережной, — в редкий вечер у него не бывало гостей, и среди них значительно реже, чем учеников, можно было встретить знакомых и друзей Михаила Николаевича одного с ним поколения. Добрый и снисходительный по природе, Михаил Николаевич не смешил эти качества с попустительством человеческим слабостям, а тем более низменным чувствам, особенно задевавшим интересы науки. Впрочем, и в этих случаях он не был лишен внутреннего чувства сострадания и старался понять побудительные причины чужих «греховных» поступков.

Михаил Николаевич был отзывчив на просьбы о советах по самым разнообразным поводам; много раз и разным людям он давал удивительно по-житейски мудрые ответы, причем сам радовался, что тем самым оказал помощь. Известный востоковед профессор Н. А. Смирнов рассказывал, что как-то Михаил Николаевич сказал ему: «С чем только ко мне не обращались! А вдумайся, и интуиция поможет... Оказывается, нужен!» Эти черты характера, столь органичные для Михаила Николаевича, естественно проявлялись и в его отношениях с учениками. Когда аспирант втягивался в свою работу и, так сказать, «пусковой» период завершался, Михаил Николаевич не считал нужным часто вести «официальные» беседы по теме диссертации или докучать деловыми отчетами. Исключение делалось лишь в том случае, если Михаил Николаевич чувствовал, что у ученика дело не клеится по не вполне зависящим от него причинам. Повторяться Михаил Николаевич не любил и, чтобы заставить ученика активнее работать и думать, просто уклонялся от разговоров, когда считал, что сказанного им ранее до поры до времени достаточно и направлять далее аспиранта преждевременно, тем более если тот еще топтался на месте и дальше поверхностных рассуждений не шел.

Впрочем, этот прием вовсе не означал, что Михаил Николаевич не следил за ходом работы аспиранта. Он любил обмениваться научными взглядами, обсуждать их или спорить в домашней непринужденной обста-

¹⁷ М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе, стр. 11.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 3, д. 182.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Дорога в историческую науку, стр. 8.

новке и часто сожалел, что ученые редко прибегают к этой форме научного общения. Большинство аспирантов были Михаилу Николаевичу близкими людьми. В своем учителе они видели средоточие своих интересов, любили в одиночку или компаниями проводить у него вечера и, где-либо встречаясь друг с другом, часто начинали разговор вопросом: «Как давно ты был у Михаила Николаевича?» Такие встречи с Михаилом Николаевичем часто проходили в оживленных и очень интересных разговорах в гостиной или за чайным столом, во время которых сам хозяин исподволь мог судить о развитии творческих взглядов учеников.

Сплошь и рядом, затрагивая те или иные темы, Михаил Николаевич высказывал свои взгляды в надежде, что они будут восприняты учениками. Так, например, он часто говорил о своем нелегком пути в дореволюционной средней и высшей школе со всеми присущими ей недостатками, самотеком в подготовке научных кадров, социальными рогатками, кастовой ограниченностью и нередко проявлявшейся отчужденностью преподавателей и профессоров, их нетерпимостью к взглядам, которые они не разделяли, а тем более к «опасной» проблематике. Но в то же время Михаил Николаевич с благодарностью вспоминал своих лучших учителей, так много ему давших, глубоко уважал их преданность науке, интересные формы их работы и многолетний творческий труд. В таких характеристиках М. Н. Тихомиров не только объективно оценивал их значение в науке; в них отражались его более общие взгляды, которых он придерживался при создании трудов, посвященных крупным представителям культуры России прошлого. Михаил Николаевич с большим уважением говорил о Р. Ю. Випере, М. М. Богословском, В. И. Пичете, Ю. В. Готье и гордился своими учителями С. В. Бахрушиным и Б. Д. Грековым. Поэтому Михаил Николаевич всегда одергивал учеников, пытавшихся нигилистически относиться к крупным ученым прошлого и замалчивать их достижения. Однажды он сказал одному такому хулителю: «А Вы что же хотите, чтобы после Вашей смерти и о Вас говорили так же?!»

Михаил Николаевич не любил афишировать свои антипатии к тем или иным историческим персонажам, что, однако, отнюдь не спасало их от отрицательных и едких характеристик с его стороны как в печатных работах, так и в устных отзывах. Не без иронии он говаривал и о тех исторических деятелях, кто забывал о суде истории.

В своих беседах с учениками порой неожиданно и как бы между делом Михаил Николаевич обращался к тематике диссертации одного из своих гостей, и легковесный или необдуманый ответ мог вызвать «ядовитую» вспышку экспансивного хозяина. Если Михаил Николаевич был серьезно недоволен своим учеником, то с глазу на глаз следовала встреча, завершавшаяся знаменитой «проработкой». Она не была приятна для обоих собеседников; нагоняй оставлял у ученика, конечно, неприятный осадок, запоминался надолго, но всегда достигал цели — работа явно улучшалась...

В процессе тесного общения Михаил Николаевич хорошо изучил сильные и слабые стороны своих учеников, знал глубину их знаний по отдельным вопросам и навыков исследовательского труда и в дальнейшем охотно привлекал к совместным работам. При их участии он осуществил выпуск в свет таких интересных изданий, как «Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до конца XV в.)», «Закон Судный людем» краткой редакции, «Русская палеография», 8-томное собрание сочинений В. О. Ключевского и др. О своих научных планах Михаил Николаевич не любил предварительно говорить, но иногда, когда выводы были ему уже ясны или когда исследование было завершено, он сам рассказывал о них ученикам, просил прочитать рукопись и интересовался скорее всего производимым впечатлением.

Исследования своих аспирантов Михаил Николаевич читал внимательно. Годы деканства на историческом факультете МГУ были для Михаила Николаевича особо напряженным периодом деятельности. Свободного времени у него почти не было, и диссертации, написанные его старшими учениками, он читал, проводя заседания Ученого совета факультета. Тем временем автор работы присутствовал в зале и, беспокойно ерзая на стуле, пытался по выражению лица и произвольным жестам Михаила Николаевича угадать возможный характер дальнейшего разговора.

Михаил Николаевич всегда возмущался, когда портили русский язык, и стремился к изобразительности исторического повествования. «Неряшливое, скучное изложение недопустимо вообще, а в исторических сочинениях — в особенности ... Единство содержания и формы так же обязательно для историка, как и для художника. Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк это и писатель. Иначе ему нечего братья за свой труд. Забота о выразительности исторических сочинений не должна отбрасываться в сторону, ей следует отвести одно из первостепенных мест», — писал он в 1962 г.²⁰

Михаил Николаевич требовал безукоризненного технического оформления диссертации, четкого деления на главы, точности в ссылках и т. п. Необработанные фразы, несоответствие падежей, злоупотребление иностранными терминами, выпященный стиль — все это беспощадно вышучивалось или попросту объявлялось «шляпой» (имелась в виду одна из записей, приведенная А. П. Чеховым в рассказе «Жалобная книга»: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа»). Однажды один ученик получил от Михаила Николаевича весьма высокую оценку по существу исследования и тут же был награжден таким выговором за почерк, что запомнил его на всю жизнь...

Всякие воспоминания о событиях и людях в какой-то степени всегда несколько субъективны. Но вспоминая об учителе и его школе, каждый ученик невольно думает прежде всего о том лучшем, что дал ему учитель. Нередко требования, предъявлявшиеся Михаилом Николаевичем, первоначально казались необычными и даже непонятными; только потом они принимались как естественные, входили в привычку и становились жизненным правилом. Михаил Николаевич как человек входил в жизнь своих учеников, как преподаватель определял их творческий путь, воспитывал неиссякаемый интерес к науке. Он создал свою школу учеников, и в этом одна из самых славных и примечательных страниц, вписанных им в историю отечественной науки.

---

²⁰ М. Н. Тихомиров. Летопись нашей эпохи. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова», стр. 16, 17.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Э. Гранстрем, И. П. Медведев

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ В СОБРАНИЯХ ЛЕНИНГРАДА

Как известно, документы, относящиеся к аграрной истории Византии, к поземельным отношениям, к истории мелкого крестьянского и крупного феодального землевладения, немногочисленны. Архивы империи большей частью погибли. Исключение в этом отношении составляют архивы афонских и некоторых других монастырей. Большая часть этих сокровищ, а именно, акты Меникейского монастыря и афонских монастырей Ватопедского, Филофейского, Хиландарского, Эсфигменского, Кутлумушского, Лавры, Иверского, Зографского, Дохиарского, Ксиропотамского и других, уже увидела свет как в более старых изданиях (в частности, в приложениях к «Византийскому временнику»), так и в новейших публикациях, осуществленных Ф. Дэльгером, П. Лемерлем, А. Гийю, Ж. Бомпером, А. Соловьевым, В. Мошиным, Ж. Руйяр и др.

Однако при систематическом издании этих актов и при издании регест документов византийских императоров не учитывался и не учитывается обширный архивный материал, накопившийся в архивохранилищах Советского Союза. В частности, в различных собраниях Ленинграда хранится большое число оригинальных документов, копий, фотоснимков, негативов, целых рукописных сборников, содержащих всевозможные земельные акты, переписи монастырских имений, межевые описи, акты отчуждения, грамоты и т. п. Даже если многие из них изданы, все же эти рукописные материалы представляют собой значительный интерес, поскольку содержат множество разночтений, обилие вариантов, ценные палеографические особенности по сравнению с изданными текстами.

Особенно много подобных материалов хранится в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь находится рукопись в двух томах (под шифром Греч. 508, 1—2), представляющая собою копию двух греческих рукописей Венской придворной библиотеки (*codices theologici graeci*, № 47—48). Эта копия озаглавлена «*Acta Patriarchatus Constantinopolitani e codicibus manuscriptis Bibliothecae Palatinae Vindobonensis*» и переписана в 50-х годах прошлого века Иосифом Мюллером, позднее издавшим вместе с Францем Миклошичем «*Acta et Diplomata graeca Medii Aevi*». Она содержит некоторые документы, интересные с точки зрения поземельных отношений: (в первом томе) тяжба монахов Ватопедского и Эсфигменского монастырей из-за ἀγρος ἐλαϊκός (*continuatio et finis*, как помечено в рукописи)¹, решение синода по делу о приданом, в состав которого входили и земельные владения, в частности, ζευγηλατειών², спор из-за хорафия, который переходил от одного собственника

¹ Греч. 508, 1, лл. 16—19. Ed. F. Miklosich—J. Müller. *Acta et Diplomata graeca Medii Aevi*, I. Vindobonae, 1860, p. 6—10 (далее — MM).

² Греч. 508, 1, лл. 24—25; MM, I, p. 32—33.

к другому (причем один из них превратил хорафий в виноградник)³, и т. д.; (во втором томе): Συγγίλλιον τοῦ μεριμοῦ τῶν κτημάτων καὶ τῶν μοναστηρίων τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου⁴, сигиллий патриарха Антония IV о владениях монастыря Пантократора на Афоне (июнь 1392 г.)⁵, патриарший питтакион, разрешающий спор о наследстве⁶, письмо патриарха по поводу спора между монахами монастырей Козиницы и Ватопедиу⁷, пожалование Матфею Палеологу⁸ и др. Иногда эти копии содержат любопытные отклонения от печатного текста, а некоторые документы, напечатанные в извлечениях, в этой рукописи переписаны полностью.

Собрание греческих актов епископа Чигиринского Порфирия Успенского, содержащее в копиях, в выписках, в переводах и пересказах самого Порфирия огромное количество афонских актов, императорских хрисовулов, патриарших сигиллий, договорных грамот и т. д. и завещанное им в 1885 г. Российской Академии наук, хорошо известно. П. Сырку, описавший бумаги Порфирия Успенского, насчитал около 500 актов в этой уникальной коллекции⁹. Однако мы вынуждены констатировать, что нам не известно нынешнее местонахождение этой коллекции. В Архиве Академии наук СССР (г. Ленинград), где хранятся описанные П. Сырку бумаги Порфирия Успенского (ф. 118, оп. 1), именно афонские акты отсутствуют. Помечено, что четыре книги, содержащие афонские акты, отсутствовали при поступлении. Разумеется, установить их местонахождение необходимо^{9а}. В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится другая часть архива Порфирия Успенского, поступившая сюда еще в 1883 г., — замечательное собрание палеографических снимков, образцы почерков, выполненные на кальке. Сам Порфирий рассказывает, что, находясь на Афоне (11 августа 1845 г.—1 июля 1846 г.), он посетил все 20 монастырей, 7 скитов и некоторые кельи, где «успел не только перечитать, переписать частью в целости, частью сокращенно, и выметить большое число актов, но и сделать точнейшие снимки (facsimile) с весьма многих из них, с некоторых древних икон и рукописей греческих и славянских, накладывая на них тонкую, прозрачную бумагу, которую приготавливали русские инок, пропитывая ее деревянным маслом и высушивая на солнце»¹⁰.

Собирание этих прорисей производилось Порфирием с той же целью, что и подбор фрагментов из греческих и славянских рукописей, а именно — подобрать

³ Греч. 508, 1, л. 38; ММ, I, р. 38—39.

⁴ Греч. 508, 2, лл. 67—68; ММ, II, р. 80—83.

⁵ Греч. 508, 2, лл. 174—175; ММ, II, р. 216—220.

⁶ Греч. 508, 2, лл. 178—179; ММ, II, р. 221—223.

⁷ Греч. 508, 2, л. 190; ММ, II, р. 240—241.

⁸ Греч. 508, 2, л. 203; ММ, II, р. 257—258.

⁹ П. Сырку. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского. СПб., 1891, стр. 263—274. Что касается рукописей Порфирия Успенского, то они, как известно, хранятся в ГПБ (см. Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Восточный сборник», II (V). Л., 1957). Фотографии афонских актов имеются также в собрании П. И. Севастьянова, находящемся в трех хранилищах: Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (ф. 269), Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 680) и Архиве Академии художеств СССР в Ленинграде. Поскольку разрозненные части этого собрания должны быть рассмотрены в одном обзоре, мы сочли нужным посвятить собранию П. И. Севастьянова особое сообщение.

^{9а} Когда настоящий том был уже в наборе, С. Г. Каучипивили на VIII Всесоюзной конференции византистов в г. Свердловске (21—23 октября 1969 г.) сообщил, что три тома с афонскими актами находятся среди старопечатных книг, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР (г. Ленинград).

¹⁰ Порфирий Успенский. Указатель актов, хранящихся в обителях св. горы Афонской. СПб., 1847, стр. 3. Этот первый систематический указатель афонских актов, не потерявший своего значения до настоящего времени, к сожалению, очень мало известен зарубежным исследователям. Достаточно сказать, что в трех первых томах фундаментального издания регест императорских документов Ф. Дальгер не использовал этот, казался бы, совершенно необходимый для его работы указатель (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München und Berlin, 1. Teil, 1924; 2. Teil, 1925; 3. Teil, 1930 (далее — F. Dölger. Regesten...))

материал для сравнительной славяно-русской палеографии, но, поскольку оригиналами, с которых делались факсимиле, были документы, касающиеся поземельных отношений, эти снимки представляют не только палеографический интерес. Вдобавок, некоторые подлинники документы в настоящее время затеряны, в частности, документы монастыря св. Павла, который сгорел в конце XIX в. В собрании, хранящемся в ГПБ, содержатся фрагменты следующих документов (прорисы карандашом или чернилами на кальке, наклеенной на картон): № 1 — Судебное дело, подписанное Ксифилином, IX в., архив Дохиарского монастыря, 5 строк текста; № 4 — Грамота афонскому монастырю Колову, 996 г., архив Иверского монастыря; № 5 — Дарственная запись из архива Иверского монастыря, 1008 г., 10 строк; № 6 — Межевая опись Константина Спифарокандидата, 1038 г., архив Дохиарского монастыря, 5 строк; № 7 — Хрисовул Константина Мономаха, 6560 (1052) г., архив Лавры, 9 строк¹¹; № 10 — Хрисовул Никифора Вотаниата, 1079 г., архив Иверского монастыря, 12 строк¹²; № 12 — Хрисовул «деспотицы» Ангелины монастырю св. Павла на Афоне, 7004 (1496) г., архив монастыря св. Павла, 12 строк; № 17 — Хрисовул Михаила Комнина Палеолога, 1276 г., архив Ксиропотаму, 3 строки¹³; № 19 — Акт о продаже, подписанный писцом и табулларием Серрской митрополии Фалакрасом, 1301 г., архив Эсфигмену¹⁴; № 20 — Хрисовул Андроника II Палеолога монастырю Ксиропотаму, 1302 г., архив Ксиропотаму¹⁵; № 21/1 — Хрисовул Андроника Комнина Палеолога Ватопедскому монастырю, 1303 г., архив Ватопеду, 8 строк; № 21/2 — Хрисовул того же императора от 1313 г., архив Иверского монастыря, 5 строк; № 22 — Хрисовул того же императора от 1324 г. из архивов монастырей Ватопедского и св. Павла (две кальки, наклеенные на картон); № 23 — Хрисовул Иоанна VI Кантакузина Иверскому монастырю, 1351 г., архив Иверского монастыря¹⁶; № 24 — Хрисовулы Иоанна V Палеолога от 1343, 1356, 1365 гг. из архивов монастырей Дохиариу, Лавры и Дионисия (4 листа кальки, наклеенные на один картон); № 25а — Подтверждение дарения метоха Париакоса Эсфигменскому монастырю Езивонским и Стефанианским епископом Матфеем, 1358 г., архив Эсфигмену, 4 строки¹⁷; № 25в — Дарственная запись монастырю св. Павла на Афоне, 1385 г., архив монастыря св. Павла, 6 строк; № 26 — *Δικαιωτήριον γράμμα* Саввы, митрополита Серр, по поводу метоха Эсфигменского монастыря, 1365 г.¹⁸; № 27 — Неизвестный хрисовул из архива Эсфигменского монастыря, 11 строк; № 29 — императорские документы (в том числе и хрисовулы) от 1407¹⁹, 1408²⁰, 1409 и 1414 гг. из архивов монастырей Ксиропотамского и св. Павла (7 листов кальки, наклеенной на картон); № 30 — Хрисовул Иоанна VIII Палеолога о четырех зевгарях земли на о. Лемнос, 1436 г., архив монастыря св. Павла, 4 строки²¹; № 32—33 — Практики из архива Эсфигмену, нач. XIV в.; № 34 — Дарственная севастократора Никифора из архива Ксиропотаму (без даты)²².

Из других рукописных памятников, хранящихся в ГПБ, наибольшую ценность для характеристики поземельных отношений в Византии представляет хорошо известный сборник 190 документов XIII—XVIII вв., касающихся земельных владений монастыря Иоанна Предтечи Вазелон или Завулон (шифр — Греч. 743).

¹¹ Ed. J. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, N 26.

¹² Ср. F. Dölger. Regesten..., N 1078.

¹³ Ed. J. Bompaire. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, N 40; ср.: Regesten..., N 2023.

¹⁴ Ed. L. Petit — W. Regel. Actes d'Esphigmenou. — «Византийский временник», XII, 1906, прилож. № 3.

¹⁵ Ed. J. Bompaire. Actes de Xéropotamou, p. 230—235.

¹⁶ Ср. F. Dölger. Regesten..., N 2980, 2981.

¹⁷ Ed. L. Petit — W. Regel. Actes d'Esphigmenou, N 16.

¹⁸ Ibid., N 18.

¹⁹ Ed. F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, N 45/6, I und II; ср.: J. Bompaire. Actes de Xéropotamou, N 28.

²⁰ Там же.

²¹ F. Dölger. Regesten..., N 3455.

²² В систематическом издании актов Ксиропотамского монастыря (J. Bompaire. Actes de Xéropotamou) такой акт не значится.

Несмотря на капитальное издание этих актов Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем²³ и статьи Ф. И. Успенского²⁴ и Ф. Дзельгера²⁵, посвященные им, работа над рукописью, по нашему мнению, далеко не закончена, тем более что в ГПБ встречаются другие акты этого монастыря, в частности, неизданный и неизученный вазелонский акт из рукописного сборника 1706 г. (Греч. 722, лл. 28—29).

Помимо вазелонских актов, в ГПБ хранятся еще два подлинных земельных акта, до сих пор не привлекавшихся для изучения аграрной истории: 1) акт о продаже 1246 г. земельного участка (Греч. 389), расположенного поблизости от Дирахия; этот акт был уже опубликован²⁶, но никогда не становился предметом исследования; 2) неизданный и неисследованный земельный акт, которому ниже мы уделим особое внимание (Греч. 122). Следует, наконец, упомянуть и те данные об аграрных отношениях, которые обычно в этом смысле не используются, — пометы на многочисленных рукописях (номоканах, типиках, списках Синтагмы Матфея Властаря). Например, чрезвычайно любопытным нам представляется отмечавшееся уже ранее толкование византийским писцом XIV в. термина Βενερίχιον: Βενερίχιον λ(έ)γ(ε)τ(αι) κατὰ Λατίνοϋς πανδώραμα και εὐεργέτημα, содержащееся на поле л. 17 канонического рукописного сборника XIV в. (ГПБ, Греч. 123)²⁷.

Из других ленинградских хранилищ, содержащих рукописные материалы по аграрной истории Византии, нужно назвать Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР и Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. В первом из них под шифром F № 3 хранится интересный рукописный сборник XVIII в., подаренный Академии наук известным русским ученым-славистом В. И. Григоровичем и содержащий десять византийских документов, непосредственно касающихся поземельных отношений в Византии XIV в.: 1. Простагма Андроника II Палеолога относительно метохов монастыря Ксиропотаму (л. 1); 2. Другая простагма Андроника II относительно одного из метохов этого монастыря Сисику (л. 1 об.); 3. Хрисовул Андроника II Палеолога Лавре св. Афанасия, январь 1329 г. (лл. 5—9); 4. Хрисовул этого же императора Монеувасийской митрополии, май 1302 г. (лл. 11—14); 5. Хрисовул этого же императора Ксиропотамскому монастырю, август 1302 г. (лл. 15—17); 6. Духовное завещание (Διάταξις) великого примикерия Иоанна монастырю Пантократора, август 1384 г. (лл. 18—19 об.); 7. Сигиллий патриарха Нила, подтверждающий предыдущий документ, май 1386 г. (лл. 20—21); 8. Хрисовул Мануила II Палеолога монастырю Пантократора, январь 1396 г. (лл. 22—23 об.); 9. Неизданный Хрисовул Иоанна VI Кантакузина Монеувасийской митрополии, октябрь, 9 индикт, 68. (1341 г.?) ; 10. Хрисовул Иоанна VIII Палеолога о четырех звгарях земли на о. Лемнос, принадлежавших монастырю св. Павла, сентябрь 1436 г. (л. 26—26 об.)²⁸.

Что касается Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде, то в нем хранится важный для нашего обзора архив В. Э. Регеля (ф. 1033), в котором содержатся выписки и фотокопии следующих земельных документов

²³ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927.

²⁴ Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон. — «Известия Российской Академии наук», 1919, стр. 1007—1022.

²⁵ F. Dölger. Zu den Urkunden des Vazelonosklosters bei Trapezunt. — «Byzantinische Diplomantik». Ettal, 1956, S. 350—370.

²⁶ G. Zereteli et S. Sobolewsky. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum, vol. 2. Codices Petropolitani. М., 1913, tab. XXXV; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, III. М.—Л., 1948, стр. 480—481 (здесь ошибочно указано, что документ печатается впервые).

²⁷ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 6. «Рукописи XIV века». — «Византийский временник», XXVII, 1967, стр. 288.

²⁸ Более подробно характеризуется эта рукопись и издается Хрисовул Иоанна Кантакузина в статье И. Медведева «Поздние копии византийских документов в собрании БАН СССР», находящейся в печати.

монастырей Патмоса и Афона²⁹: л. 1, № 1 — Купчая келлии Феодула, игумена монастыря Ксилургу, 1030 г.; л. 1, № 2 — Акт о продаже двух мест игумена Кацари, 1034 г.; л. 2, № 5 — Разрешение спора о границах между обителями Ксилургу и Скорпиона, 1071 г. (список и подлинник); л. 3, № 4 — Разрешение спора о границах обителей св. Пантелеймона и св. Никона, 1051 г.; л. 4, № 19 — Обмежевание Иоанном Асикритом обители св. Пантелеймона на Кассандрии, XI в.; л. 5, № 6 — Опись имущества монастыря Ксилургу, 1143 г.; л. 6, № 7 — Дело о передаче русским монахам обители Фессалоникийца, 1169 г.; л. 7 — копия предыдущего документа; л. 8, № 8 — Разрешение спора о границах между Ватопедским и Веррийским монастырями, 1312 г.; л. 8, № 9 — Дело о передаче монастыря Кацари Русику, 1363 г.; л. 9, № 20 — Хрисовул Андроника II Палеолога афонскому монастырю Русику, сентябрь 1311 г. (у Регеля — 1312 г.)³⁰; л. 9, № 21 — Хрисовул афонскому монастырю Русику, сентябрь 1353 г. (у Регеля — 1354 г.)³¹; л. 10, № 22 — Завещание Анны Торникины шинкериссы, 1358 г.; л. 10, № 11 — Акт о передаче Русику протом Дорофеем келии Корпилиевой, 1366 г. (снимки подлинника и копии); л. 11 — Хрисовул Стефана Душана об имениях, XIV в. (3 снимка); л. 12, № 23 — Дарение Алексея Палеолога Русику, 1375 г.; л. 12, № 27 — Передача чиновником Николаем Промундиным Русику в Равенники земли и нескольких семейств (акт без даты; должно быть два снимка, сохранился один); л. 13, № 13 — Акт о границах владений Русика и Кутлумуша, 1430 г.; л. 14, № 24 — Простагма Мануила II об отводе земли Русику на Лемносе, 1407 г.³²; л. 14, № 25 — Практик апографевсов Георгия Ягуписа и Антония Калофета для Русика, 1407 г. (список и подлинник); и другие, более поздние акты Русика.

Необходимо, на наш взгляд, в настоящем обзоре упомянуть и материалы сохранившихся архивов русских ученых-византистов, по какой-то причине не использованные в их печатных трудах и не вышедшие в свет, но имеющие значение для аграрной истории империи. В Архиве Академии наук СССР хранятся материалы Византийской комиссии Академии наук по переизданию словаря среднегреческого языка Дюканжа и материалы по словарю (ф. 126, оп. 2). В частности, представляют интерес карточки с терминами, постоянно встречающимися в земельных актах (№ 25, 26): *μονόδριον* (190), *ἐξουσία* (516), *ἀσφάλεια ἐγγράφου* (543, 567), *ὕπερπυρον* (575, 587, 1074, 1170), *λίτρα* (590), *ὕπερπυρα — λίτραι* (588, 595), *ζευγηλατεῖον* (620, 629), *ζευγάριον* (633), *συμφωνία ἐγγράφου* (637), *νομή* (641), *οἰκονομία* (719), *χωράριον* (729), *παροιμία* (731), *κεφάλαιον* (818), *κληρονομία* (593, 830, 850), *δίκαια καὶ πρόνοια μονῆς* (1401) и др., хотя приходится, к сожалению, констатировать, что работа прервалась в самом начале. В этом же архиве хранится касающийся нашей темы фонд В. Н. Бенешевича (ф. 192, оп. 1, № 22), который содержит материалы к подготавливавшемуся Бенешевичем изданию известного Фиванского кадастра, или Беотийской писцовой книги, по терминологии Бенешевича³³: снимки с документа из ватиканского собрания (*Vaticanus grecus* 215), полученные Бенешевичем в 1933 г. от Д. Меркати (лл. 1—8); описание рукописи, из которого видно, что Бенешевич считал *Vaticanus grecus* 215 «отрывком из описи земельных владений, скопированной почерком века (!) на пергаменных листах довольно большого формата» (лл. 9—12); текст документа, написанный рукой Бенешевича (лл. 14—21); машинописный греческий текст документа (лл. 25—36); указатель имен, названий и предварительные примечания

²⁹ Все нижеперечисленные документы изданы («Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона». Киев, 1873), причем приведенная нами нумерация документов в архиве Регеля полностью совпадает с нумерацией издания. Возникает вопрос: были ли документы пронумерованы в соответствии с печатным изданием или же эта нумерация — результат подготовки документов к изданию?

³⁰ Ср. F. Dölger. *Regesten...*, N 2333.

³¹ Там же, N 3001.

³² Там же, N 3314.

³³ Кадастр издан только в 1959 г.: N. G. Svoronos. *Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes* (далее — N. G. Svoronos. *Recherches...*). — «Bulletin de Correspondance Hellénique», t. 83, 1, p. 1—145.

(лл. 37—49). Вполне естественно, что В. Н. Бенешевичу, имевшему в своем распоряжении только снимки документа, хотя и довольно отчетливые, удалось прочесть не всё, даже меньше, чем Н. Звороносу, но некоторые наблюдения его над текстом весьма интересны.

Упомянутые материалы В. Н. Бенешевича интересны еще в том отношении, что они связаны с одной любопытной легендой, возникшей в связи с подготовкой к изданию Фиванского кадастра. Дело в том, что четыре бомбидинных листа, на которых написан текст кадастра и которые были присоединены (может быть, при понтификате Павла V, как полагает Н. Зворонос³⁴) к окончанию рукописи XIV в. (Vatic, gr. 215), представляют собою только фрагмент без начала и конца. С. Ламброс, первым заговоривший об этом документе, намеревался издать его в приложении к своему переводу «Истории Афин» Ф. Грегоровиуса, но отложил эту публикацию после того, как А. Пападопуло-Керамевс известил его, что он нашел два листа подобного кадастра, относящегося к Афинам. Ламброс считал их принадлежащими к той же рукописи, к которой первоначально относились и четыре ватиканских листа, но отказался от своего мнения вследствие нового сообщения Пападопуло-Керамевса, уточнившего, что два найденные им листа — пергаменные³⁵.

Однако Н. Вейс, опубликовавший несколько фрагментов из Фиванского кадастра, воспроизвел отрывок письма В. Н. Бенешевича от 12 марта 1935 г., из которого можно было заключить, что русский ученый занимался документом, упоминавшим те же имена и названия³⁶. Разумеется, речь при этом шла о подготовке Бенешевичем публикации Фиванского кадастра, или Беотийской писцовой книги, как назвал он этот документ, по снимкам, полученным от Меркати. Новейший издатель Фиванского кадастра, Н. Зворонос, не зная о существовании вышеуказанных материалов Бенешевича (которые, кстати, должны были бы найти отражение в его публикации), снова стал относить сообщение Н. Вейса к тем двум листам, о которых сообщал Ламбросу Пападопуло-Керамевс, предполагая, хотя и очень колеблясь, что Бенешевич имел в руках другой фрагмент того же самого Фиванского кадастра³⁷.

В свете изложенных фактов недоразумение полностью снимается, но остается вопрос о двух пергаменных листках, о которых сообщал Ламбросу Пападопуло-Керамевс. Речь шла, несомненно, о фрагменте земельного акта, упоминавшегося выше, — о Греч. 122 из ГПБ³⁸. Этот документ чрезвычайно своеобразен, а в некоторых отношениях даже уникален, поэтому мы считаем нужным опубликовать его, несмотря на весьма серьезные трудности, связанные с прочтением текста.

Несколько замечаний относительно палеографических особенностей рукописи: это фрагмент какого-то документа, состоящий из двух отдельных листов, размером 32,2×23,8; размер текста: 25,5×17,0, число строк различно, пергамен. Листы использовались в качестве переплета какой-то книги, в результате чего они во

³⁴ N. G. Svoronos. Recherches..., p. 2.

³⁵ F. Gregorovius — Sp. Lambros. 'Ιστορία τῆς πόλεως τῶν Ἀθηνῶν, Ἀθήναι, 1904, I, p. 396, n. 2; II, p. 675; N. G. Svoronos. Recherches..., p. 3.

³⁶ N. Вέϊс. Τα ἀποσπάσματα βυζαντινῶν κτηματολογίων τοῦ Βατικανοῦ καὶ τῆς Πετροπολέως. — «Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», 20. Ἀθήναι, 1949, p. 180—182; ср.: N. G. Svoronos. Recherches..., p. 3.

³⁷ N. G. Svoronos. Recherches..., p. 3. Как свидетельствует письмо А. П. Каждана к Е. Э. Гранстрем от 28 января 1959 г., проф. Ж. Гуйар в письме на имя А. П. Каждана также сделал предположение, что в руках Бенешевича была не копия с ватиканской рукописи, а два пергаменных листка, содержащих фрагмент кадастра в Афинах, которые находились прежде в руках Пападопуло-Керамевса.

³⁸ Краткие сведения об этой рукописи см.: E. Muralt. Catalogue des Manuscrits grecs de la Bibliothèque Imp. Publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg, 1864, p. 70; Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 228; она же. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 200 (с публикацией снимка того листа, который мы в настоящей публикации намерены обозначать «В»).

многих местах разорваны, повреждены червями, текст загрязнен клеем, читается (да и то не полностью) только на одной стороне. По-видимому, первоначально листы входили в состав кодекса, о чем свидетельствуют поля и проколы у сгиба переплета. Следов разлиновки не обнаружено. Лист «А» имеет на верхнем поле латинскую помету CCLXI, лист «В» — такую же помету — CCLXII. По-видимому, они должны были означать нумерацию страниц. Так что последовательность этих разрозненных листов по отношению друг к другу устанавливается четко. На л. «А» на левом поле имеется также латинская помета, не поддающаяся прочтению. По мнению Т. П. Вороновой, которая любезно согласилась проконсультировать нас, эти латинские пометы могут быть датированы XIV в.

Раньше мы были склонны весь документ датировать XIV в.³⁹, но более внимательное рассмотрение палеографических особенностей памятника заставляет изменить эту датировку и отнести памятник к XIII в. Обилие в тексте подобного рода документов (межевых описей, кадастров, практиков и т. п.) технических сокращений является их особенностью. Тем не менее склонность писца нашего документа к сокращениям слов и их окончаний просто поразительна, и это создает дополнительные трудности для чтения. Кроме того, не всегда понятно употребление писцом тех или иных падежей, в частности, нагромождение винительных падежей. По-видимому, писец попросту опускает предлоги, и все эти винительные падежи означают направление границы (*ὄρος* или *περιοριζμός*), которая, как и в других аналогичных документах, мыслится как самостоятельно действующее живое существо, «идет» (*πoreύεται*), «пересекает» (*περᾶ*), «прочной удерживает направление» (*κρατεῖ*), «проходит прямо» (*ὄρθοι*), «отклоняется» (*κἀμπτεῖ*) или «склоняется» (*κλίνει*), «примыкает» (*ἀγκυρομβίζει*) и т. д.⁴⁰ И все же иногда просто напрашивается родительный падеж, например, в обозначении владельцев участков, квалифицируемых техническим термином *ἀρετή*, но палеографически опять-таки можно прочесть только винительный. По-видимому, это тот профессиональный жаргон, которым пользовались апографевсы при составлении подобного рода документов.

Не меньшую трудность представляет расшифровка идеографических сокращений, знаков, примененных писцом для обозначения некоторых единиц измерения. Например, знак χ χ χ мы читаем как *λίτρα* (очевидно, здесь литр является мерой урожайности), найдя аналогичные или похожие знаки в Глоссарии Дюканжа⁴¹: χ χ . Такое чтение подтверждается сравнением нашего документа с некоторыми аналогичными документами, в частности, с практиками из архива Иверского монастыря, изданными Ф. Дальгером⁴². Зато другой идеографический знак χ так и остался нерасшифрованным, поэтому везде, где он встречается, мы ставим знак вопроса <...?...>.

ἀνατολὴν τὸν ποταμόν. δούσιν τὸν [.....] ἀρετὴν [.....] πλάτος ὄργ(υῖων)ς' **л. А**
 μῆκος ὄργ(υῖων) β' λίτρων ἰδ' ὄργ(υῖων) β' χ .² Εἰς χωράφιον Πέροσαι. ἀνατολὴν «Πέροσαι»
 [.....] ὄργ(υῖων). ἀρετὴν τὴν μονὴν τοὺς Καρέας. μέρος τὸ γάμμα καὶ
 τὴν [.....]³ ὄργ(υῖων) λ'. τὸ πρὸς μέρος γάμμα πλάτος ὄργ(υῖων) ἰδ' μῆκος
 ὄργ(υῖων) ἰδ', μὸδ(ῖων) ἡ λίτρων ἰθ' ὄργ(υῖων) α' <...?...>. ἐλαίας ἰ' χ .⁴ Εἰς χωρά- «Δρεμὸς»
 φιον Δρυμὸς [.....] τοῦ Μαρα... ἀνατολὴν Μαρουσιτ. ὄργ(υῖων) ξδ'. δούσιν τὸν
 ἀργύριον καὶ τὸν [.....]⁵ [.....] .....
 .....] μὸδ(ῖων) ζ' λίτρων ἰς' ὄργ(υῖων) α' α[.....]⁶ ἐν τῷ. Εἰς τὸ χωρά- [латин-
 φιον [.....] ἐν τῇ γείτορῃα τοῦ Τζο.ανιτζηροῦ ... χωράφιον ἀνατολὴν τοῦ οἰκίματ. «мета»

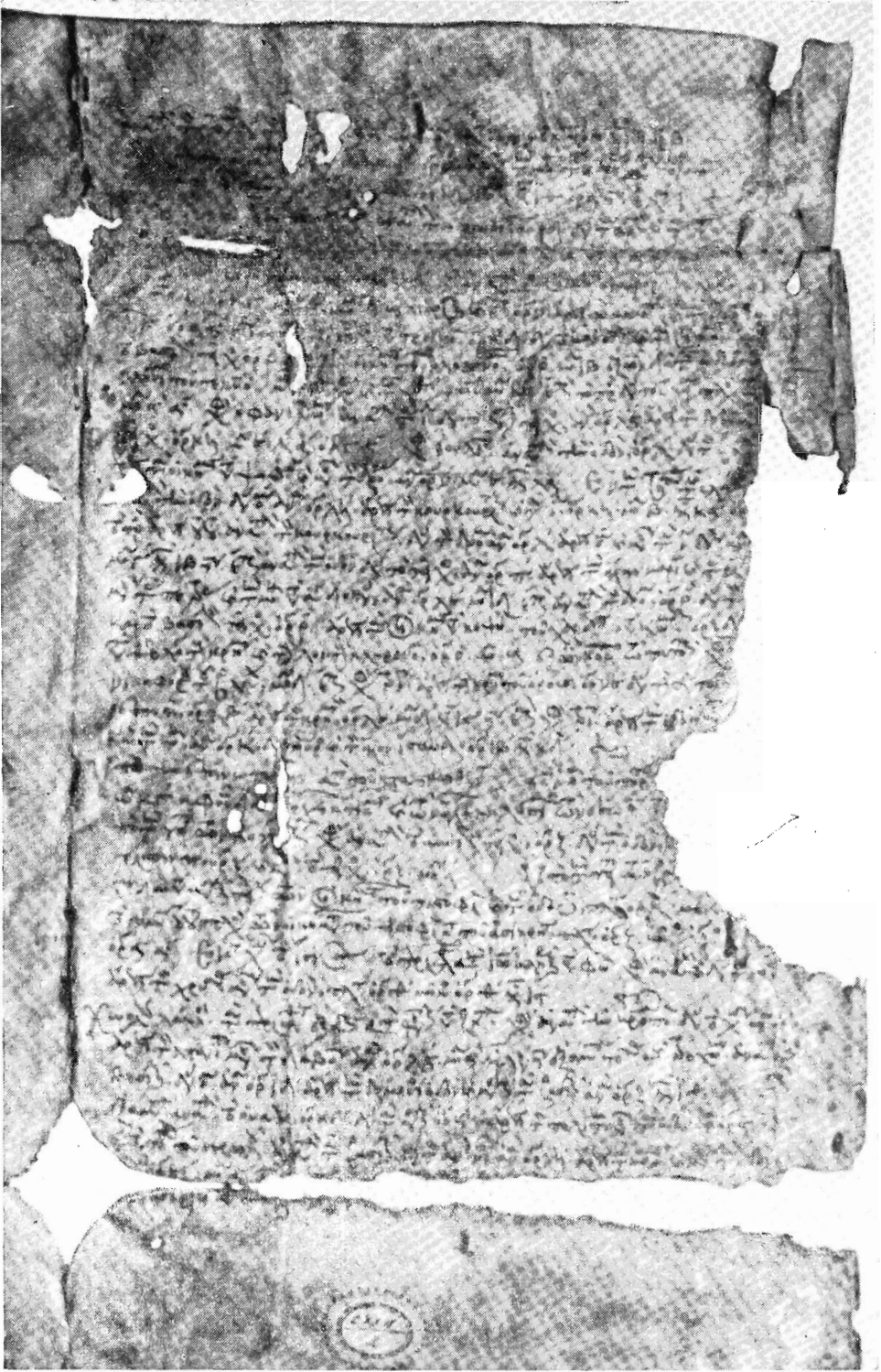
³⁹ Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде, стр. 200.

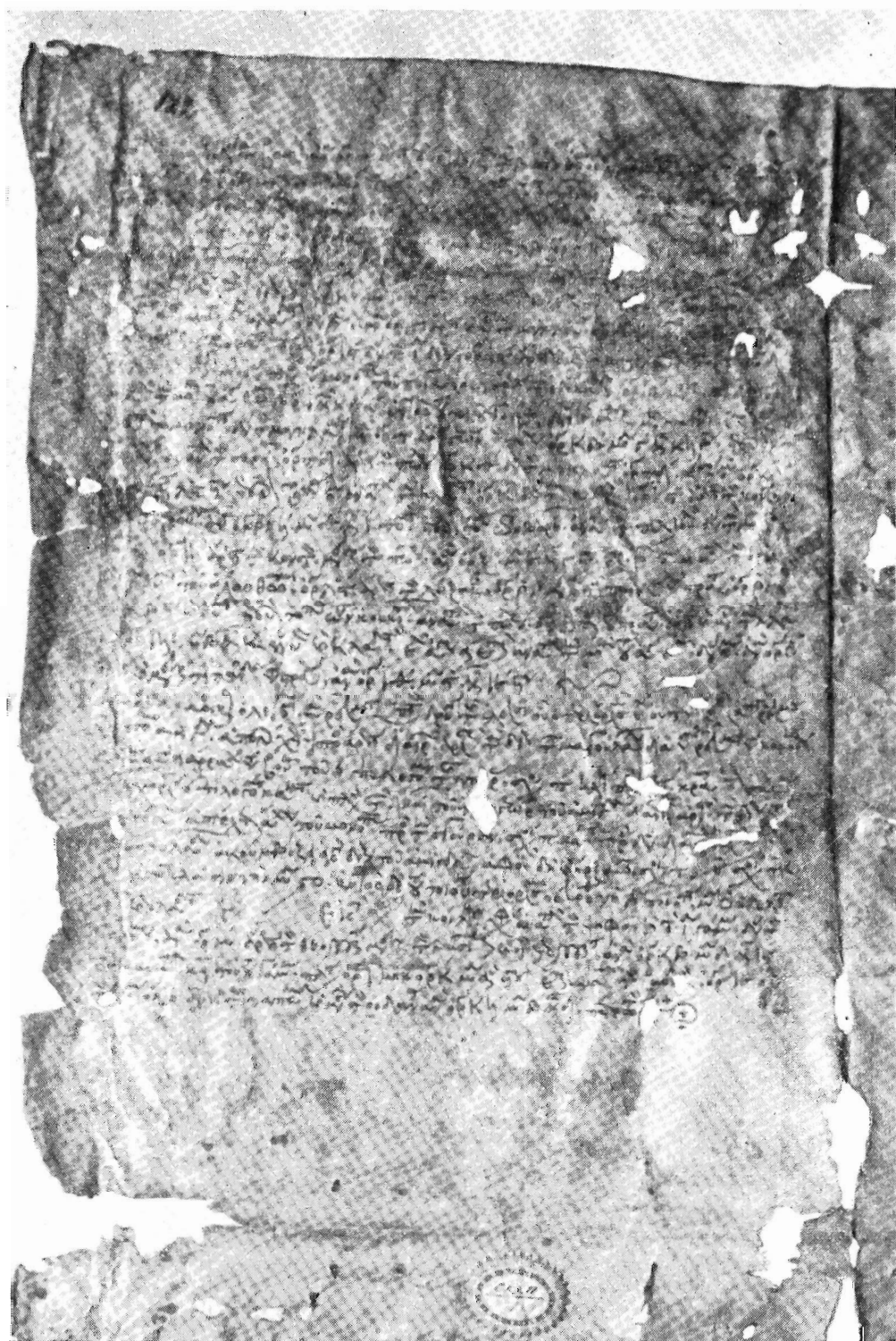
⁴⁰ Cp. F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 186.

⁴¹ Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Bratislaviae, 1891, Notae sententiarum, p. 12.

⁴² Фрагменты напечатаны в работе: F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 184—206; полностью — в другой работе: F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhundert für das Athoskloster Iheron. — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», N. F., 28. München, 1949.

.....] τοῦ Κοφοῦ δρυός. ἀνατολὴν τὸν Ἀνάμιαγ⁴ [.....] ὄργ(υιάς) κγ' . ἀρετὴν καὶ μετὰ τὸν διαβο. . . ἀνά ὄργ(υιάς) x ζ' / μόδ(ιον) ἐν λίτρας λβ' ὄργ(υιάς) γ' β. . . Εἰς χωράφιον τοὺς Θρομένους δρ. . .] ⁵ ἀφιέρωσιγ τουτ παιδ. . . πλευρι [.....] ⁶ [.....] κλάσματα μέρος τὰ ἴδια δικαιώματα ἀνά ^{«Θρομένοι»} ὄργ(υιάς) κε' / μόδ(ια) β' / λίτρας γ' . . . ἐλαια. . . β' . ἕτερον τόπον τὰ Ρεύματα. Τῶν σὺν τὴν ο[. . . .]των. . .] ⁷ [.....] ματα ἀντι ἀνατολῆς κλαδι, δ. . . τὰ ἴδια, ἀνά ὄργ(υιάς) γ' . ἀρετὴν καὶ μέρος τὸν Μαγκλα.τ. ἀνά ὄργ(υιάς) ιδ' / λίτρας λ ζ' / ὄργ(υιάς) α| ⁸ δ. . . ἤμι. ἕτερον ἀνατολὴν τὸ ρῶσιν ὄργ(υιῶν) ις' . δύσιν τὰ ἴδια δικαιώματα ὄργ(υιῶν) ις' . ἀρετὴν καὶ μέρος τὸν Μαγκλαβατον ἀνά ὄργ(υιάς) ξ' / μόδ(ια) δ| ⁹ λίτρας λβ' . . . ἕτερον, οὗ ἢ δύσιν πλη. . . τοῦ μονοπατ. . . τοῦ πηγαδίου, ἀρετὴν τὴν ἴδιαν καθήδραν ὄργ(υιῶν) ιγ' / μοδ(ιῶν) ζ' . τὸ ρεῦμα ὄργ(υιῶν) ι' / ¹⁰ ἀνατολὴν τὴν μονὴν τοῦ ἁγίου Θωμᾶ ὄργ(υιῶν) ι' / λιτρῶν κδ' α' . ἐντὸς τοῦ τοιοῦτου χωραφίου ἐστὶ καὶ καθέδρα μετὰ πατητηρίου . ἕτερον χωράφιον τρίγωνον] ¹¹ ἀνατολὴν τὸ μονοπατ. δύσιν τὸν Μαγκλαβατον ἀνά ὄργ(υιάς) π' . ἀρετὴν Γεώργιον τὸν Πωλαρ . . . ὄργ(υιῶν) κβ' / μοδ(ιῶν) γ' / λιτρῶν κγ' . ἕτερον τοποθεσίαν] ¹² τοῦ Λευχοῦ ἀνατολὴν τὸν σορει . . . ὄργ(υιῶν) πδ' . ἀρετὴν τὸν Πωλαρ. . . ὄργ(υιῶν) κθ' . δύσιν τὸν Μαγκλαβατον ὄργ(υιῶν) πδ' με . ρ ὀμοῦ ὄργ(υιῶν) κδ| ¹³ [.....] ¹⁴ λιτρῶν λς' < . . . ? . . . > . ἕτερον τοποθ [.....] ὀμοῦ ἀνατολὴν τὰ κλαδ.τ ὄργ(υιῶν) κ' . δύσιν τὸν κολ. ἄρον ὄργ(υιῶν) ις' / ἀρετὴν τὸν Κονταν. . .] ¹⁴ [.....] μεσημβριαν ἀνά ὄργ(υιάς) ρνή / μόδ(ια) θ' / λίτρας ι' / θύματον . ἕτερον τοποθ[. . . .]των Βαρέων ἀνατολὴν τὸν πιλιουλον . δύσιν τὴν μονὴν τοῦ ἁγίου] ¹⁵ Θωμᾶ ἀνά ὄργ(υιάς) ιη' . ἀρετὴν τὸν Κοντον : μεσημβριαν τὸν Πωλαρ. ἀνά ὄργ(υιάς) ξ' / μόδ(ια) ε' / λίτρας γ' < . . . ? . . . > . ἕτερον τοποθ[. . . .] ὀμοίως . ἀνατολὴν τὸν ορ. . . β.] ¹⁶ δύσιν τὰ θύματα τοῦ ἁγίου Θωμᾶ ὄργ(υιῶν) λς' . ἀρετὴν τὸν Λυφακας ὄργ(υιῶν) ρν' . μεσημβριαν τοὺς παῖδας τοῦ στρατοῦ ὄργ(υιῶν) ρμ| ¹⁷ [.....] κβ' . . καὶ θύματα . ἕτερον τοποθεσίαν τῶν Κοκκιτάδων ἀνατολὴν τὸν Πωλαρον. δύσιν τοὺς παῖδας τοῦ στρατοῦ . ἀρετὴν καὶ μέρος τὰ κλαδα] ¹⁸ [.....] ὄργ(υιάς) ιη' / μόδια β' / λίτρας κ' . ἐν υλ. . . καὶ κλαδατον ἔλαιον ἄγγιον α' . ἕτερον ἀνατολὴν τὴν μονὴν τοῦ ἁγίου Θωμᾶ . δύσιν ὀμοῦ ἀνά ὄργ(υιάς) ο| ¹⁹ [.....] καὶ μεσημβριαν τοὺς παῖδας τοῦ στρατοῦ ἀνά ὄργ(υιάς) ιδ' / μόδ(ια) ς' / λίτρας ιε' < . . . ? . . . > †.] ²⁰ Τόπος α. . . αοικο ὁ λεγομένος τὰ Ρεύματα ὑπὸ τὸν Δρόγγιλον τοὺς Ελευσίνους, οὗ ὁ περιορισμὸς ἔχει οὕτως . 'Ερχεται ἀπὸ τῶν 'Ρευμάτων] ²¹ οὗ λέγομεν 'Αμιγδαλάν . ἀπέρχεται πρὸς ἀρετὴν, διαιρῶν ἀριστερὰ τὰ δίκαια ^{«τὰ Ρεύματα»} τῶν Μαγουλάδων διὰ τοῦ 'Ρεύματος τοῦ Κοκκι[. . .] ²² Φύττεμμα εἰς τὴν διαραχὴν τοῦ βουνοῦ τοῦ ἐπιλεγόμενου τοὺς γο.ρας, σχοινία π', κλίνει πρὸς ἀρετὴν, κρατῶν πρὸς κτα. . .] ²³ ἐγγχωριῶς ἐπιλεγόμενον Καντ . καὶ πλησίον τῶν δικαίων τοῦ ἁγίου Γεωργίου τοῦ Αμιγδαλᾶ, διαιρῶν ἀριστερὰ τὰ δίκαια τοῦ] ²⁴ Αμιγδαλᾶ, ἀπέρχεται ἄχρι τοῦ μονοπ(ετρου) πρὸς τὴν Σγούραν σχοινία π', κάμπτει πρὸς δύσιν, διαιρῶν . . . τὰ δίκαια] ²⁵ Μαγουλάδων, ἀκουμβίζει εἰς τὰ δίκαια τοῦ 'Αμιγδαλᾶ, ἀφ' οὗ δὴ καὶ ἤρξατο σχοινία π' ≠ σχοινία τκ| ²⁶ . . . ἀποτελοῦσιν γῆν μοδ(ιῶν) ςσ' . 'Εντὸς δὲ τοῦ τοιοῦτου περιορισμοῦ εὐρέθη γῆ β' ποιότητος μοδ(ιῶν) ο', ἢ δὲ λοιπὰ] ²⁷ ὀρίσματα καὶ κλάδατα † . Εἰς τὸ χωράφιον τὴν Κοίλην . χωράφιον ἀνατολὴν τὸν φήρρα καὶ τὸν ^{«Κοίλη»} ἴδιον γάμμα . δύσιν τοῦ] ²⁸ Κ.λημερ. ἀνά ὄργ(υιάς) μ' . ἀρετὴν τὸν Θεολόγγ μεσημβριαν τὸν βασιλικὸν καὶ τὸν Θεολόγγον ἀνά ὄργ(υιάς) κβ' / μόδια δ' / λίτρας ις| ²⁹ τὸ πρὸς ἀνατολᾶς . . . τούτου γάμμα πλάτος ὄργ(υιῶν) ι' / μήκος ὄργ(υιῶν) κ' / μοδ(ιῶν) α' < . . . ? . . . > . ἕτερον ἀνατολὴν τὸν βασιλικὸν ὄργ(υιῶν) ιε', οἱ] ³⁰ τὸν δρόμον ὄργ(υιῶν) ιε' . ἀρετὴν τοῦ παπᾶ Δημητρίου καὶ μέρος τὸν Ροδάνθον ἀνά ὄργ(υιάς) κη' / μόδ(ια) β' / λίτρας δ' . πέτρος τῶν [.....] † † † .

Реальный комментарий вряд ли возможен к нашему документу. Среди изданных земельных актов аналогичного не встречается. В сущности, мы имеем лишь саму процедуру описи земель с оценкой их производительности, но с какой целью это было сделано, остается неясным. Интересно, что при обмере столь значительных пространств применяется, правда, господствующая в Византии единица земельной меры — ὄργια, соответствующая русской сажени и входящая в образование всех других землемерных терминов ⁴³, но очень редко встречающаяся

⁴³ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. Одесса, 1888, стр. 9 и др.; он же. Наблюдения по сельско-

в земельных актах именно из-за неудобства при обмежевании больших пространств⁴⁴. В некоторых случаях измерение земли в нашем документе производится с помощью более крупной меры — *σχοίνιον*, чаще называемой в Византии *σολάριον*⁴⁵. И все же обычно значительные площади в большинстве земельных актов обозначаются модием, который фигурирует и в нашем акте, но, как и *λίτρα*, по-видимому, совсем в другом значении — в значении меры урожайности земли.

Чрезвычайно любопытной представляется нам и техническая терминология акта, в частности, столь широко употребленный в этом акте и почти не встречающийся в других актах термин *ἀρετή*. Видимо, здесь он означает квалификацию какого-то владения, несомненно, земельного, поскольку выражается в единицах земельных мер, и бесспорно, повышенного качества.

Однако, несмотря на такое своеобразие этого памятника, представляется возможным сделать некоторые положительные наблюдения. Во-первых, о характере и типе документа. То, что это другой тип документа, нежели Фиванский кадастр, бесспорно. Фиванский кадастр — это классический палоговый кадастр, где есть все компоненты такого рода документов: поименное перечисление налогоплательщиков, статьи их имущества (без детального обмера земельных владений), сумма подати (в помисмах). Отличается он и по композиции, будучи разделен на главы (*κεφάλαια*). Скорее всего, наш документ относится к другому весьма распространенному типу византийских земельных документов — к типу писцовых книг, практиков. Последние, как известно, также неоднородны⁴⁶. Означая всякие, чаще всего очень обширные (до 600 и более строк в оригинале) описи имений, одни практики содержат подробный список дворов крепостных крестьян с поименным перечислением членов отдельных крестьянских семей, состава их имущества и размеров подати⁴⁷, другие же (к которым как раз и может быть отнесен наш документ) не содержат поименных списков крестьян с указанием их имущества и повинностей⁴⁸, но только указывают *περιουσιῶς* и размеры земли.

Представляется возможным ответить на вопрос, кому принадлежал этот практик. Не говоря уже о всемирно известном Пирее (*Πειραιεύς*), и другие названия мест, упомянутые в документе, свидетельствуют, что документ происходит из Афин: достаточно просмотреть хотя бы Бэдкера, чтобы встретить в окрестностях Афин «заброшенные» монастыри Кареи, св. Фомы, Иоанна Богослова, св. Марины и др., названия рек — Ревмата, Коккинарас (приток Кефисса к северо-востоку от Афин) и даже названия некоторых хорафиев — Коккинос, Никифора Влаха и др. Το βασιλικὸν τεῖχος, по-видимому, является не чем иным, как линией укреплений, соединявшей Афины с Пиреем. Таким образом, подтверждается то, что А. Пападопуло-Керамевс, сообщая С. Ламбросу о кадастре из Афин, имел в виду именно этот документ. Все владения, перечисленные в этом документе, являются церковной и монастырской собственностью. Если принять во внимание частое упоминание митрополии, то можно сделать вывод о том, что мы имеем дело с фрагментом практика, принадлежащего Афинской митрополии, типа известного и недавно изданного критически практика латинской епископии Кефаллинии 1264 г.⁴⁹

хозяйственной истории в Византии. Основные приемы измерения земли в Византии (отд. оттиск), стр. 234—240.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ О практиках см.: Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Одесса, 1883; он же. Следы писцовых книг в Византии. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, январь, стр. 1—44; Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. — «Byzantinoslavica», IX, 2, 1948, p. 203—306; он же. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 259; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 184—206; он же. Sechs byzantinische Praktika; Ив. Дуйчев. Славянски местности и лични имена във византийските списни книги. — «Известия на Института за български език», VII, 1962, с. 197—215; он же. Contribution à l'étude praktikà byzantins. Études historiques, III. Sofia, 1966, p. 111—125.

⁴⁷ Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 203.

⁴⁸ Там же, стр. 207.

⁴⁹ Th. St. Zannetatos. Το πρακτικὸν τῆς λατινικῆς ἐπίσκοπῆς Κεφαλληνίας τοῦ 1264 καὶ ἡ ἐπιτομὴ αὐτοῦ. Ἐν Ἀθήναις, 1965.

В. И. Буганов

МАТЕРИАЛЫ ЦГАДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИБАЛТИКОЙ В ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В историографии Ливонской войны 1558—1582 гг. источниковедческую базу исследований составляли в основном источники нерусского происхождения (немецкая, польско-литовская официальная документация, ливонские хроники и др.). Гораздо меньше привлекались данные русских источников, в частности летописей, разрядных книг и др. И соответственно ряд вопросов истории Ливонской войны освещен в историографии недостаточно подробно; некоторые из них остаются до сих пор почти совсем неисследованными. К их числу принадлежит вопрос об организации управления на завоеванной в ходе войны территории Прибалтики.

В Центральном государственном архиве древних актов имеются приказные документы по этому вопросу за 1577—1579 гг. Они сохранились в фондах «Приказные дела старых лет» (ПДСЛ)¹, «Приказные дела новой разборки» (ПДНР)² и «Лифляндские и Эстляндские дела»³. Среди документов, сохранившихся в этих фондах, имеются челобитные русских служилых людей (дворян и детей боярских) о наделении их поместьями в уездах и дворовыми местами в городах, переписка московских приказов между собой (памяти) и с местными властями (грамоты, отписки, челобитные), различные справочные данные (выписки из писцовых книг, различных списков, грамот, памятей и т. д.).

Из числа этих документов Е. В. Барсов издал в 1886 г. память из Разрядного в Поместный приказ от 30 сентября 1578 г. о придаче земельного жалованья Б. Д. Уварову⁴. Она использована в исследовании Н. П. Лихачева о разрядных дьяках⁵. С. В. Рождественский анализирует ряд документов о наделении русских помещиков земель в Ливонии⁶. Наиболее детально содержание указанных документов было рассмотрено в работе Г. А. Новицкого о русском феодальном землевладении в Прибалтике⁷. Автор настоящего обзора привлек эти материалы для характеристики Городового приказа⁸. Однако большая часть указанных источников не учтена в исторической литературе.

Рассматриваемые материалы можно разделить на две основные группы:

- 1) Документы о русском феодальном землевладении в Лифляндии и Эстляндии.
- 2) Документы о снабжении русских служилых людей низших категорий (стрельцов, пушкарей и др.) хлебными запасами, денежным жалованьем, артиллерией с припасами, о постройке и ремонте городских укреплений.

¹ ЦГАДА, ф. 141 (ПДСЛ), д. 2, 1577 г.; д. 1—6, 1578 г.

² Там же, ф. 159 (ПДНР), д. 1—24, 243—246, 248—249, 450, 1578 г.

³ Там же, ф. 64 («Лифляндские и Эстляндские дела»), д. 7, 1578 г.

⁴ «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских Московского университета», 1886, кн. 1, гл. V, стр. 5—6 (документ из ф. ПДСЛ, 1578 г., д. 4).

⁵ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 232—233.

⁶ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, стр. 264—265 (документы из ф. ПДСЛ, д. 2, 4, 9—11).

⁷ Г. А. Новицкий. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558—1582). — «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 134—138 (документы из ф. ПДНР, д. 1—7, 9—11, 16).

⁸ В. И. Буганов. О Городовом приказе в России XVI в. — «Вопросы истории», 1962, № 10, стр. 211—214.

Обе эти группы документов и содержат ценные сведения об управлении завоеванной к концу 1570-х годов территорий. Оно, судя по этим документам, было довольно сложным и запутанным, складывалось постепенно, по мере успехов русских армий в Прибалтике. Уже в начале Ливонской войны к России перешла восточная часть Эстляндии, примыкающая к Чудскому озеру: Нарва (Ругодив), Дерпт (Юрьев) с Дерптской областью и др. Во время кампании 1575—1576 гг. была захвачена западная часть Эстляндии (за исключением Таллина — Колывани с окрестностями). Результатом ливонского похода 1577 г. явился захват значительной территории Эстляндии и Лифляндии с 27 городами (за исключением Риги, Трейдена и Динамюнде). Большая часть территории Прибалтики оказалась под русским контролем (Курляндия не была взята русскими войсками).

В разряде ливонского похода 1577 г. приводится интересный приговор царя Ивана от 25 августа относительно управления завоеванными землями: «А х Куконосу приговорил государь быти по тому ж, что Юрьев и Пернов, с пригороды». Здесь же говорится, что царь велел «быти х Куконосу городом и ведоти их х Куконосу»: Борзунь (Берсон), Чествин (Зессвеген), Круцборх (Крейцбург), а пригородами Пскова велел быть городам: Влех (Улиг, Мариенгаузен), Лужа (Лудза, Люцен), Резица (Розигтен, Резекне), Невгин (Динабург) ⁹.

Следовательно, из многих ливонских городов особо были выделены три: Юрьев (вероятно, еще в конце 1550-х—начале 60-х годов), Пернов (вероятно, в 1575—1576 гг.) и Кокенгаузен, воеводам которых подчинили воевод ливонских городов, считавшихся их «пригородами». На Ливонию была распространена давно бытовавшая в России система управления в виде нескольких крупных городов с подчинявшимися им более мелкими городами («пригороды» имели Новгород, Псков, Казань и др.).

Четыре указанных в приговоре Грозного города (Юрьев, Пернов, Кокенгаузен и Псков) были как бы средним звеном управления Прибалтикой, низшим звеном являлись воеводы основной массы ливонских городов (их было несколько десятков), высшим — центральные учреждения в Москве.

Из документов выясняется, что делами по управлению Прибалтикой занимались несколько московских приказов.

Разрядный приказ был связан как будто с районом восточной Эстонии с центром в Юрьеве. Так, юрьевские воеводы И. Плещеев, кн. М. Тюфякин и дьяк Н. Перфирьев о посылке свинца из Вильяна во Владимирец писали в Разрядный приказ (отписка была получена 21 января 1578 г.) ¹⁰. Однако большинство сохранившихся документов Разрядного приказа связано с земельными пожалованиями и отводом дворов в Перновском районе (Западная Эстония) ¹¹. Челобитные служилых людей по поместным делам направлялись, как обычно, в Разрядный приказ. Последний обращался с памятями в Поместный приказ и в Приказ Казанского и Мещерского дворца с просьбой отдать соответствующие распоряжения или учесть в соответствующих документах те или иные распоряжения властей по этому вопросу (Боярской думы, самого Разрядного приказа). Таким образом, функции Разрядного приказа по руководству русскими служилыми людьми распространялись по существу на всю захваченную территорию.

Управление Юрьевского района имело, судя по источникам, весьма интересные особенности. В этом городе в начале 1578 г. служили воеводы кн. А. Шейдяков, И. Плещеев, кн. М. Тюфякин и дьяк Н. Перфирьев. Между тем в Юрьев тогда же была послана грамота к дьякам М. Зубову и В. Бундову с повелением передать в Лиговерь колокол «для осадного времени». Следовательно, помимо воеводского управления (несколько воевод и дьяк Н. Перфирьев), в Юрьеве были еще два дьяка, занимавшие какое-то особое положение.

⁹ Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрм. собр., № 390, л. 428 об.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 141, 1577 г., д. 2, лл. 9—10; см. также: ф. 159, д. 24, лл. 4—5.

¹¹ Там же, ф. 141, 1577 г., д. 2, лл. 14—15; 1578 г., д. 5, л. 1; ф. 159, 1578 г., д. 1, лл. 1, 3—5; д. 8, лл. 1—2; д. 2, лл. 1—2 и сл.: д. 3, л. 1; д. 4, лл. 2—5; д. 5, лл. 1—2; д. 6, лл. 1—4; д. 13, л. 9.

Любопытные данные приводятся в отписке Б. Дундина (конец декабря 1577— начало января 1578 г., получена 17 января), посланного в Ругодив и Юрьев за хлебными запасами, которые он должен был отвезти в Кесь (Венден). Дундин имел дело в обоих городах не с воеводами, а с дьяками: в Ругодиве с И. Андреевым, в Юрьеве — с теми же М. Zubовым и В. Буиновым, которые отдали распоряжение о выдаче ему «запасов» из государевых житниц юрьевскому городовому приказчику А. Ширяеву. В челобитной юрьевского подьячего П. Боборыкина прямо говорится о «дьячьей избе» в Юрьеве и ее функциях: в прошлом 86-м (т. е. в 1578 г.) «велели мне... государевы юрьевские дьяки Михайло Zubов да Нечай Перфирьев быти в Юрьеве у твоих государевых дел в дьячьей избе в подьячих у хлебных, стрелецких да и у пушечных дел». В отписке юрьевских воевод И. Плещеева, кн. М. Тюфякина и дьяка Н. Перфирьева, полученной в Москве 22 января 1578 г., они сообщают, что в полученной в Юрьеве 9 января того же года грамоте из Москвы им предписывалось: «а велел ты, государь, диаком своим государевым с нами заодин хлебом и запасы промышляти, которые велел ты, государь, с Юрьева с посаду и съ Юрьевского уезда и с юрьевских пригородов послати в... новые немецкие города...»¹² Как видно, дьячья изба, в которую входили дьяки, подьячие, имела самостоятельное значение и в то же время должна была действовать совместно с воеводской избой. Дьячьей избе подчинялся городской приказчик; она могла отдавать распоряжения служилым людям (в той же отписке Б. Дундина говорится, что юрьевские дьяки велели выделить людей и лошадей для провожання хлебных запасов сыну боярскому Б. Кропотому)¹³. Как видно из документов, к делам по управлению Юрьевским районом имели отношение приказы: Разрядный, Казанского и Мещерского дворца, возможно Посольский, а также Городовой (см. ниже). «Пригородами» Юрьева были Вильян, Владимирец, Гбъве, Алыст, Ерль, Трекат и, вероятно, другие¹⁴.

Роль Разрядного приказа в управлении всей захваченной территорией несомненна; менее ясна его связь с определенным районом — Юрьевом с пригородами. Возможно, эта часть Прибалтики, захваченная в самом начале войны, управлялась, как и внутренние русские земли, обычным путем, т. е. совместно рядом приказов.

Это наблюдается в известной степени и по отношению к Западной Эстонии, к управлению которой имели отношение приказы Разрядный, Посольский, Казанского и Мещерского дворца; но здесь ведомство знаменитого А. Я. Щелкалова явно выдвигается на первый план.

Так, в памяти из Разрядного приказа дьяку А. Щелкалову от 20 сентября 1578 г. говорится: «И дьяку Ондрею Щелкалову в Апсле (пригороде Пернова. — В. Б.) Григорьева поместья Шишкина дати Григорью Калитину в оклад в двести четьи». В отписке перновского воеводы П. Кутузова и дьяка В. Алексеева, полученной в Разрядном приказе 14 октября того же года, упоминается присланная в Пернов грамота «за приписью дьяка Ондрея Щелкалова» по земельному делу и т. д.¹⁵

Впрочем, не совсем ясно из этих данных, в какой роли выступает здесь знаменитый дьяк: в качестве руководителя Посольского приказа или Приказа Казанского и Мещерского дворца, который он также возглавлял в эти годы. В этом приказе его помощником долгое время служил дьяк Кирей Горин¹⁶. Так, в грамоте в Юрьев писцу И. Нарманскому и дьяку Н. Перфирьеву, которые «писали»

¹² Там же, ф. 141, 1577 г., д. 2, лл. 1—6, 9—10; 1578 г., д. 3, лл. 1—2; ф. 159, 1579 г., д. 17, лл. 1—2; д. 243, л. 1. В документах упоминается также городской приказчик Коловерн К. Лихарев (ф. 159, д. 13, л. 10; д. 22, л. 4 об.).

¹³ Там же, ф. 141, 1577 г., д. 2, л. 4; ф. 159, 1579 г., д. 450, л. 1.

¹⁴ Помимо дел, указанных в прим. 10, см. также ф. 159, 1578 г., д. 9, лл. 3—4; 1579 г., д. 19, лл. 3—4; д. 20, л. 1; д. 23, лл. 3—5; д. 24, лл. 1—5; ф. 64, д. 7, лл. 130—132, 40—42, 103—104.

¹⁵ Там же, ф. 159, 1578 г., д. 1, л. 1; д. 2, л. 4; см. также д. 7, лл. 2, 6 об., 8; д. 13, л. 2; д. 15, лл. 3—4; д. 20, лл. 1—3; д. 21, лл. 2, 6—7.

¹⁶ П. А. Садииков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 369—371.

Полчев с уездом, от 28 января 1579 г. предписывается поместному и «дворцовых сел строению» книги прислать «к нам к Москве в приказ дьяка нашего Ондreja Щелкалова». Между тем имеется в виду не Посольский приказ, а Приказ Казанского дворца, поскольку в этом же деле приводится память из Поместного приказа, адресованная А. Щелкалову и К. Горину¹⁷.

В делах по истории феодального землевладения в Прибалтике приводится ряд документов, исходивших из Приказа Казанского и Мещерского дворца. Большинство их связано с управлением Западной Эстонии (Пернов с пригородами).

Таким образом, в компетенцию Приказа Казанского и Мещерского дворца, а также, вероятно, Посольского приказа входило управление Западной Эстонией, причем посредствующим звеном выступает здесь город Пернов, а его пригородами — Апсел, Лиговерь, Коловерь, Каркус и другие окрестные города. Правда, ведомство Щелкалова и Горина занималось и делами другого района — Юрьева, но это было в первую очередь связано с верстанием служилых людей соседнего Вильянского уезда в районе, входившем в орбиту управления Перновского района. С другой стороны, Пернов получал распоряжения из других приказов, в частности из Разрядного. Так, руководитель последнего думный дьяк В. Щелкалов подписал грамоту от 30 октября 1578 г. перновским воеводам с распоряжением дать двор в Пернове апсельскому помещику кн. А. И. Андомскому¹⁸.

Наконец, третий район — район Лифляндии (нынешней Латвии в районе Западной Двины, восточнее Риги) — был подведомствен малоизвестному в настоящее время Городовому приказу¹⁹. Главным городом этого района стал Кокенгаузен, к которому были отнесены, по известным данным, в качестве пригородов только три города: Борзунь, Чествин, Круцборх. Часть городов этого района стала пригородами Пскова (Влех, Лужа, Резица, Невгин), о других данные неизвестны.

В Кокенгаузене, как и в Юрьеве, помимо воеводского управления было особое ведомство, называвшееся, как и центральное московское учреждение, Городовым приказом. Об этом говорит в своей челобитной, присланной из Кокенгаузена в Москву в январе 1578 г., С. Головин: «... А мне ты, государь, холопу своему, приказал быти в Городовом приказе»²⁰. В кокенгаузенском Городовом приказе служили С. Пуцци и С. Головин, в отписке которых, полученной в Разрядном приказе 19 января 1578 г., говорится, что им велено быть «на... службе... в Куканасе, и велел ты, государь, нам, холопом своим, ведати город и наряд и хлебной приход». Как видим, их функции сходны с компетенцией дьячьей избы в Юрьеве — это снабжение русских гарнизонов хлебными запасами, деньгами, артиллерией, наблюдение за состоянием городов, укреплений.

Документы Городового приказа (грамоты из него, отписки воевод) касаются прежде всего группы «новых немецких городов», взятых во время похода 1577 г. и приписанных в качестве пригородов к Кокенгаузену и Пскову, а также других городов этого района, относительно которых неизвестны данные об их подчинении какому-либо местному центру, и, наконец, самих местных центров, именно Кокенгаузена и Юрьева (грамоты в Пернов и Псков в сохранившейся документации Городового приказа отсутствуют). В них говорится о присылке в ливонские города служилых людей (пушкарей, воротников и др.), денежного жалованья, хлебных припасов, артиллерии с припасами и т. д.²¹

Помимо этих основных приказов в делах по управлению Прибалтикой, по налаживанию нормальной жизни русских гарнизонов в ливонских городах прини-

¹⁷ ЦГАДА, ф. 159, д. 23, лл. 2—5.

¹⁸ Там же, ф. 141, св. 1, 1578 г., д. 5, л. 1.

¹⁹ В. И. Буганов, Указ. соч., стр. 212—214.

²⁰ ЦГАДА, ф. 64, д. 7, л. 133.

²¹ Там же, ф. 141, 1577 г., д. 2, лл. 1—6, 9—13; ф. 159, д. 243, лл. 1—4; д. 244, лл. 1—4 и др.; ф. 64, д. 7, лл. 3—11, 13—42, 45—70, 73—77, 138, 137, 136, 130—132, 134—135, 128—129 и др.

мали участие и другие центральные учреждения (Поместный, Большой дворец, Большой приход)²².

Всю эту сложную и довольно запутанную систему управления возглавляла в качестве высшей инстанции Боярская дума. В документах приводятся справки, составленные в различных приказах (Разрядном, Городовом и др.), в которых помещены приговоры Боярской думы во главе с кн. И. Ф. Мстиславским (в одном случае — с боярином Г. В. Морозовым) с участием одного из Щелкаловых или обоих одновременно.

Таким образом, сохранившиеся документы свидетельствуют, что завоеванными в Прибалтике землями управляли из центра Боярская дума и ряд приказов. Причем, в первую очередь нужно назвать приказы Разрядный, Казанского и Мещерского двorca, Городовой и, вероятно, Посольский. Относительно некоторых из них можно предполагать связь их компетенции с определенной территорией. Так, Городовой приказ в основном отвечал за Лифляндию. Средним звеном управления являлись несколько местных центров, которым подчинялись пригороды, причем, помимо воеводского управления, в них существовали дополнительные органы под названием дьячих изб или городских приказов. Всей системе свойственна, как и русскому управлению в XVI в. в целом, сложность и запутанность, неясность в разграничении функций, переплетение последних. Деятельность московской и местной администрации по ливонским делам расширялась по мере завоевания новых земель в этом районе и была свернута к концу Ливонской войны.

Таким образом, рассмотренные материалы ЦГАДА, несмотря на их неполноту, имеют исключительно важное значение в качестве источника. Они дают представление не только о русском феодальном землевладении на завоеванных в Ливонии землях, но и о складывании системы управления ими. Эти документы раскрывают новую страницу в изучении истории Ливонской войны, рассказывают о том, как мероприятия военного характера сопровождалась гражданскими мерами по освоению и управлению завоеванными территориями, налаживанию на них обычной, текущей работы.

²² Там же, ф. 141, 1577 г., д. 2, лл. 14—15; 1578 г., д. 4, л. 1; ф. 159, д. 3, лл. 1—4; д. 5, лл. 2—3; д. 8, л. 3; д. 9, л. 2; д. 19, л. 2; ф. 64, д. 7, лл. 23, 76, 78, 89, 91.

А. С. Красавин

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ КРУЖКА «БЕСЕДА» В ФОНДЕ В. А. МАКЛАКОВА

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве среди фондов личного происхождения значительный интерес представляет фонд русского политического и государственного деятеля, одного из лидеров партии кадетов Василия Алексеевича Маклакова (1872—1957). Наряду с личными и служебными документами фондообразователя здесь хранятся материалы центра либерального движения — кружка «Беседа» (д. 142, лл. 1—344), потому что Маклаков, как явствует из протокола совещания кружка «Беседа» от 31 августа 1904 г., взялся исполнять «обязанности секретаря и архивариуса»¹. В своих воспоминаниях Маклаков указывает, что архив кружка «Беседа» хранился у него².

О составе и содержании архивных материалов этого кружка имеются сведения в научно-справочных изданиях³. О «Беседе» сообщается в работах дореволюционных⁴ и советских⁵ авторов.

Документы кружка «Беседа», существовавшего с 1899 г. по октябрь 1905 г., раскрывают процесс идейно-организационного оформления помещичье-буржуазного либерализма, идейного размежевания среди его деятелей, в то же время показывая сущность политической консолидации всех его группировок перед растущим революционным движением в стране.

Социальный состав участников кружка в большинстве своем однороден⁶. Это средние и крупные помещики, чаще всего губернские или уездные предводители дворянства или председатели и гласные губернских и уездных земских управ.

По крайней мере три политических направления были представлены в кружке. Наиболее «левые» (будущие кадеты) выступали сторонниками конституционной монархии. За небольшое ограничение самодержавной власти законосовещательным представительным учреждением выступали будущие октябристы. Были здесь и ярые монархисты — впоследствии черносотенцы. Были среди участников и «коллабирующие».

¹ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (далее ГИМ, ОПИ), ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 158 об.

² В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. (Воспоминания современника.) Рига, 1936, стр. 296.

³ «Письменные источники в собрании Государственного исторического музея». М., 1958, стр. 93; «Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного исторического музея». М., 1967, стр. 150.

⁴ Д. И. Шаховской. Союз освобождения. — Сб. «Зарницы», [б. м.], 1909; И. П. Белоконосский. Земское движение. М., 1914, и др.

⁵ Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. — «История СССР», 1965, № 5, стр. 41—60; Э. П. Михеева. Несколько дополнений к истории «Беседы». — «История СССР», 1966, № 2, стр. 241—243; «История СССР», т. VI. М., 1968, стр. 55—62 (автор I главы К. Н. Тарновский).

⁶ На заседании 25 августа 1903 г. при обсуждении вопроса о превращении кружка в руководящий орган всероссийской земской организации один из членов кружка, кн. П. Д. Долгоруков, так характеризовал его состав: «Мы для того слишком тесный кружок, слишком одностороннего, так сказать, состава: все более или менее крупные помещики с определенным положением по нашему имени, люди исключительно одной среды» (ГИМ, ОПИ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 92).

Ввиду неполноты материалов «Беседы» сейчас трудно выяснить, были ли на первом заседании сформулированы основные направления деятельности и задачи кружка. Во всяком случае вопросы эти не раз становились поводом для дебатов. Одни члены кружка на протяжении всех заседаний предлагали принять определенную программу, другие выступали против этого, ссылаясь на «недоговоренность» между его членами в отношении конечной цели.

На собраниях кружка обсуждались проблемы внутренней деятельности кружка и темы, связанные непосредственно с общественно-политической жизнью страны. «Беседа» с течением времени все больше осознает свою политическую значимость, претендуя на роль межпартийного центра либерального движения.

Наиболее важными и интересными источниками для исследователя являются протоколы заседаний «Беседы». Из 15 сохранившихся протоколов 14 составлены на московских заседаниях, а один — на петербургском. Иногда один протокол составлялся на два заседания кружка⁷. К ряду протоколов имеются приложения; некоторые проекты, записки и другие материалы, обсуждавшиеся на заседаниях кружка, к протоколам не приложены, хотя сохранились в фонде⁸. В то же время имеются приложения к протоколу заседания, а самого протокола нет. Например, на заявлении частного комитета по устройству чествования 200-летия русской периодической печати, отношении кн. Д. И. Шаховского в Угличский уездный комитет для обсуждения вопросов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, на записях выступлений студентов на сходках, бюллетенях текущей жизни Петербургского университета и т. д. карандашом сделана пометка: «К материалам „Беседы“ от 6 февраля 1903 г.».

В фонде кружка «Беседа» сохранились также другие материалы, прямо или косвенно относящиеся к его деятельности: список⁹ членов кружка (с добавлениями), записка неустановленного лица на имя царя о необходимости проведения реформ в России от 1902 г., записка кн. С. Н. Трубецкого о проведении коренных политических реформ, ответ на эту записку одного из монархистов с оправданием существующего политического строя и другие документы. Можно полагать, что не все материалы кружка отложились в фонде Маклакова. Из документов этого фонда узнаем о целом ряде заседаний кружка, протоколы которых разыскать пока не удалось¹⁰. Выявлены документы «Беседы» в другом фонде¹¹, но большинство важнейших материалов «Беседы» находится в фонде В. А. Маклакова.

Форма составления протоколов в основном однообразна. В заголовке указывается делопроизводственная форма документа (журнал, запись, протокол; далее протокол. — А. К.) или форма собрания (заседание, беседа, совещание), или оба элемента вместе, дата. Далее перечисляется состав прибывших на заседание членов кружка, председатель и секретарь совещания. Записывались фамилии выступавших и резюме их выступлений. Затем помещался текст постановления. В конце протокола фиксировались фамилии рекомендованных и принятых в кружок членов и лиц, их рекомендовавших, а также примерная дата следующего собрания.

⁷ Протоколы от 11 января 1904 г. и от 8 января 1905 г. составлены на утреннее и вечернее заседания.

⁸ На заседании 30 октября 1904 г. ходил по рукам участников проект конституции. Бюро «Беседы» было поручено его отпечатать и раздать членам кружка к следующему совещанию. Этот проект сохранился в бумагах кружка, но как приложение к протоколу заседания от 30 октября 1904 г. он не значится.

⁹ См. приложение.

¹⁰ Так, в протоколе кружка от 11 января 1904 г. читаем: «Прочитан журнал „Беседы“ от 11 ноября 1903 г. и утвержден» (ГИМ, ОПИ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 130 об.). Данного журнала в материалах «Беседы» нет.

¹¹ В фонде Ю. А. Новосильцева — активного участника «Беседы» — обнаружено постановление «Беседы» от 14 мая 1904 г. в семи пунктах, которое было ему прислано для сведения и исполнения (ГИМ, ОПИ, ф. 385, оп. 1, д. 2, лл. 6, 7). Данного протокола «Беседы» в фонде В. А. Маклакова нет. Постановление касается в основном тех же вопросов, по которым было принято постановление кружка от 31 августа 1904 г.

Текст протоколов или писался от руки, или печатался на машинке¹². Протоколы вели секретари, которые выбирались на заседаниях, поэтому протоколы написаны разными почерками. В ходе прений текст подвергался различного рода исправлениям, вероятно, с целью более точной передачи мысли выступавшего. Сравнительно редко текст редактировали после заседания¹³. На поля иногда заносились дополнительные сведения о выступлениях, наиболее важные положения выступавших в тексте отчеркнуты.

Задача настоящего обзора — дать информацию о вопросах, обсуждавшихся на заседаниях «Беседы», с тем, чтобы облегчить исследователям использование этих материалов.

А¹⁴. Протокол от 13 января 1901 г. Петербург (лл. 1—16 об.).

1. О подготовке предводителей дворянства к съезду при учебном округе деятелей по народному образованию в марте 1901 г. в Москве. 2. О проекте «Наказа» училищным советам.

Б. Протокол от 1902 г. Москва (лл. 17—62).

1. Обсуждение доклада Н. Н. Львова «О причинах современного „смутного положения“ в России и мерах к улучшению его». Дискуссия.

В. Протокол от 25 августа 1903 г. (лл. 90—98).

1. П. Д. Долгоруков подвел итог ранее принятым решениям о тактике членов «Беседы» на земских собраниях. 2. Пав. Д. Долгоруков сообщил о ситуации, возникшей в связи с намерением московского земского собрания издавать свой печатный орган. 3. Два предложения А. А. Стаховича: а) организовать «Беседу» в г. Харькове, б) увеличить состав кружка по губерниям. Дискуссия. 4. Делопроизводственные вопросы. 5. О сборнике «Крестьянский строй». 6. Рекомендации и прием новых членов. Следующее заседание намечено на 15—20 ноября 1904 г. у П. Д. Долгорукова или Ю. А. Новосильцева.

Г. Протокол от 11 января 1904 г. (лл. 137—142).

Дневное заседание. 1. Об организации «Бюро» кружка. 2. Зачтаны: а) письмо А. Ф. Русинова с просьбой выслать резолюции «Беседы»; б) адрес смоленского дворянства царю; в) номер газеты «Русская земля»¹⁵; г) журнал комиссии при МВД о губернской реформе. 3. Информация: а) о письме директора департамента полиции А. А. Лопухина к гр. А. П. Баранову; б) об инциденте в тульском земском собрании; в) о постановлении исковского собрания предводителей и депутатов дворянства — снять надпись с бюста Александра III; г) о несогласии курского дворянского собрания с позицией некоторых гласных, выступивших за всесословность земства; д) о том, как проходили III съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию и IX съезд в память Н. И. Пирогова в Петербурге; е) об инцидентах в харьковском и смоленском губернских земских собраниях (снятие с обсуждения общеполитических вопросов). 4. О беседах Г. Е. Львова с В. К. Плеве летом и в октябре 1903 г. 5. Рекомендация и прием новых членов.

Вечернее заседание. 1. Прочитан журнал «Беседа» от 11 ноября 1903 г., и П. Д. Долгоруков взялся составить программу аграрной политики «земских людей». 2. О тактике «Беседы» по отношению к другим организациям. Дискуссия.

Д. Протокол от 12 января 1904 г. (лл. 142—145 об.).

1. О филиале кружка в Петербурге. 2. Об издательских делах «Беседы». 3. Обсуждение тактики «земских людей» по поводу указа от 8 января 1904 г. о пересмотре положения о крестьянах. Дискуссия. 4. Следующая «Беседа» 17 февраля 1904 г. в Петербурге.

¹² Иногда встречаются в одном протоколе и рукописный и перепечатанный тексты. Протоколы от 20 февраля и 27 мая 1905 г. написаны карандашом.

¹³ Протокол от 13 января 1901 г. имеет исправления текста синим, красным и черным карандашами.

¹⁴ Протоколы, отложившиеся в фонде в хронологической последовательности, условно обозначены нами буквами русского алфавита.

¹⁵ На четвертый день существования ее закрыли.

Е. Протокол от 15 февраля 1904 г. Продолжение¹⁶ (лл. 146—151).

1. О подведении итогов дискуссии по вопросу об отношении земских собраний к Русско-японской войне. 2. О влиянии войны на разработку крестьянской реформы. 3. Прочитаны: а) копия письма воронежского земского деятеля С. О. Мартынова в связи с предложением о поступлении на военную службу; б) ответ Л. Н. Толстого американскому журналу об отношении его к войне России с Японией. 4. Д. И. Шаховской изложил содержание своей беседы с В. К. Плеве. 5. О взносах на издание сб. «Крестьянский строй». 6. О филиале кружка в Петербурге. 7. Прием и рекомендация новых членов (положительно решен вопрос о приеме женщин). Следующее собрание — 17 февраля 1904 г. в Петербурге.

Ж. Протокол от 31 августа и 1 сентября 1904 г. Дневное заседание (лл. 152—169).

1. Об общем положении. 2. О положении на предстоящих земских собраниях. 3. О выкупных платежах. 4. Об аграрной политике. 5. Организационные. По первым двум вопросам развернулась дискуссия. Остальное нашло отражение в постановочной части протокола из 7 пунктов, затрагивающих вопросы о выкупных платежах, ревизии земских учреждений, взаимоотношении земских органов с местной администрацией, организации петербургской «Беседы».

З. Протокол от 30 октября 1904 г. (лл. 170—172 об.).

1. Прием новых членов и уплата членских взносов. 2. О недоразумении между А. А. Стаховичем и Н. Н. Львовым по поводу статей В. В. Хижнякова по аграрным вопросам в сб. «Нужды деревни (по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности)». 3. Сообщение П. М. Толстого о недавно образованном «совещании» в Петербурге. 4. Прочитаны тезисы, которые должны быть обсуждены на земском съезде 6 ноября 1904 г. в Петербурге. 5. Ознакомление с проектом конституции.

Вечернее заседание. 1. Об участии кружка в движении за реформу общественной и государственной жизни. 2. Ознакомление с кружками, подобными «Беседе». 3. О тактике «Беседы» на предстоящих земских собраниях (перенесли на заседание 11 ноября 1904 г. в Москве). 4. Прием новых членов.

И. Протокол от 1 ноября 1904 г. (лл. 173—176 об.).

1. О связи «Беседы» с другими кружками. Дискуссия. 2. Зачитан список лиц, направляемых на земский съезд 6 ноября 1904 г. в Петербурге. 3. Информация: а) о письме «японца» о Л. Н. Толстом; б) о возникновении по инициативе газеты «Русь» фонда народного просвещения; в) об образовании в Петербурге Пушкинского кружка для распространения народного образования; г) о письме члена совета Министерства финансов М. П. Кашкарова по поводу снижения выкупных платежей для крестьян. Дискуссия. 4. Об издании журнала «Крестьянское дело» и подготовке сведений к земскому съезду 6 ноября 1904 г. в Петербурге.

К. Протокол от 8 января 1905 г. (лл. 228—233).

Дневное заседание. 1. Сообщено об обстоятельствах разработки и принятия указа 12 декабря 1904 г. и о состоявшихся губернских земских собраниях. 2. О тактике «земских людей» в случае приглашения их в качестве «сведущих» лиц в Комитет министров.

Вечернее заседание. 1. Информация: а) о реакции жителей Курской губ. и земского собрания Орловской губ. на постановления земского съезда 6 ноября 1904 г.; б) о том, что «в Петербурге войска стреляли в толпу»; в) об издательских делах; г) об отношении к московскому сельскохозяйственному обществу.

2. Прочитаны: письмо доктора Мартынова из Харбина к С. Ю. Вите и доклад петербургского филиала, составленный П. М. Толстым.

Л. Протокол от 9 января 1905 г. (лл. 234—237 об.).

1. О тактике членов кружка на предстоящих земских и дворянских собраниях и содержании адресов собраний на имя царя. Дискуссия. 2. Обсуждение

¹⁶ Продолжение какого заседания — не указано, можно предположить, что продолжение протокола заседания от 12 января 1904 г., т. к. оба протокола указывают следующее заседание — 17 февраля 1904 г.

докладов Г. Е. Львова и Пав. Д. Долгорукова о Русско-японской войне¹⁷. Суть докладов: характеристика военных действий и оценка их военачальниками.

М. Протокол от 20 февраля 1905 г. (лл. 238—241).

1. Об избении полицией учащихся средних учебных заведений в Курске.
2. О пропаганде либеральных идей среди крестьян. Дискуссия.

Н. Протокол от 21 февраля 1905 г. (лл. 242—252).

1. Отношение кружка к опубликованным 18—19 февраля 1905 г. манифесту, указу, рескрипту. Дискуссия. Прения были прерваны рассказом Н. Н. Львова «о беспорядках» в его имени. Дискуссия.

О. Протокол от 27 мая 1905 г. (л. 253).

1. О дальнейшей деятельности «Беседы». 2. О финансовом положении издательских дел.

П. Протокол от 10 октября 1905 г. (л. 254).

1. Ввиду неявки многих членов заседание перенесено на ноябрь 1905 г.
2. П. Д. Долгоруков прочел программу вопросов будущего заседания.

Приложение

Список участников кружка «Беседа»

Список составлен на основании перечней (рукописного и машинописного), находящихся в материалах кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова (ГИМ, ОПИ, ф. 31, оп. 1, д. 142, лл. 1—4). Как правило, в перечне указываются полностью фамилия, имя, отчество (дополнения, внесенные нами, даны в квадратных скобках). В перечне рядом с фамилиями обычно указывались и адреса, которые также воспроизводятся в данном списке (при этом ограничиваемся указанием города или же почтовой станции). Адреса помогают составить представление о местных связях этих лиц, принимавших, как известно, участие в деятельности земских и дворянских центральных и местных учреждений. В скобках буквами (соответственно протоколам) дополнительно указываются заседания, на которых присутствовали эти лица. Как нетрудно убедиться, некоторые члены кружка «Беседа» не участвовали ни в одном из заседаний, протоколы которых сохранились в бумагах кружка «Беседа».

В перечнях, находящихся в архиве, фамилии только 29 членов «Беседы» (с В. А. Бобринского до Н. А. Шишкова) расположены по алфавиту, остальные лица записаны в перечне по мере вступления в члены «Беседы».

Бобринский Владимир Алексеевич, граф — Богородицк Тульской губ. (г—е, з—л)	Котляревский Сергей Андреевич — Москва (з, и, м, о)
Всеволожский Михаил Владимирович — Тверь (г)	Львов Георгий Евгеньевич, князь — Тула (г—е, к—п)
Гейден Петр Александрович, граф — ст. Звоны Псковской губ. (г—и, м, п)	Львов Николай Николаевич — ст. Романовка Тамбовско-Царицынской ж. д. (б, в, ж, з, и, н, о)
Голицын Михаил Владимирович, князь — Клетотка Тульской губ. (г—ж, и—л)	Маслов Сергей Николаевич — Орел
Головин Федор Александрович — Москва (б, ж, м, н)	Мейендорф Александр Феликсович, барон — Петербург
Долгоруков Павел Дмитриевич, князь — Москва (б—е, к—о)	Новосильцев Юрий Александрович — Москва (б, г—о)
Долгоруков Петр Дмитриевич, князь — Суджа Курской губ. (а—и, м—п)	Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф — Саратов
Жокошкин Федор Федорович — (в, с)	Олсуфьев Михаил Адамович, граф — Дмитров Московской губ. (г)

¹⁷ Ход дискуссии не запротоколирован.

- Орлов Михаил Николаевич — Балашов Саратовской губ. (г—з, к, м, н)
 Петрово-Соловово Василий Михайлович — Тамбов (б, в, ж, м, н)
 Писарев Рафаил Алексеевич — Москва (б, г—е, з—н)
 Скобельцин Петр Александрович — Москва (б)
 Стахович Александр Александрович — Елец Орловской губ. (д, ж, з, и, к, л)
 Стахович Михаил Александрович — Орел (а, б)
 Татаинов Федор Васильевич — Орел
 Толстой Сергей Львович, граф — Чернь Тульской губ. (в—л, н, о)
 Трубецкой Сергей Николаевич, князь — Москва (н, м)
 Шаховской Дмитрий Иванович, князь — Ярославль (б, д—н)
 Шереметев Павел Сергеевич, граф — Москва (а, б)
 Шинов Дмитрий Николаевич — Москва (б, д, е, н)
 Шишков Николай Александрович — Симбирск (г, е—и, м, н)
 Хомяков Николай Алексеевич — Москва
 Волконский Николай Сергеевич, князь — ст. Зимарово Рязанско-Уральской ж. д. (г—е, к)
 Ершов Михаил Дмитриевич — ст. Волово Сызрань-Рязанской ж. д. (в—ж, к, м, н)
 Толстой Павел Михайлович, граф — Петербург (в, ж, з, м, н)
 Демидов Игорь Платонович — Москва (в—ж, к)
 Челноков Михаил Васильевич — Москва (г—е, з—к, м—о)
 Свечин Александр Алексеевич — г. Чернигов
 Смирнов Георгий Александрович — Владимир (ж, з, о)
 Мазарович Николай Иванович — г. Красный Смоленской губ. (г—е, з, п)
 Демидов Лев Платонович — ст. Кустаревка Московско-Казанской ж. д. (г—е, з)
 Енгальчев Николай Николаевич, князь — ст. Ермишь Темниковского у. Тамбовской губ.
 Маклаков Василий Алексеевич — Москва (ж—н, п)
 Мейендорф Юрий Феликсович, [барон] — г. Умань Киевской губ.
 Муханов Алексей Алексеевич — г. Чернигов
 Трубецкой Евгений Николаевич, князь — Киев
 Колокольцов Василий Григорьевич — Харьков
 Глебов Николай Николаевич — Петербург (к, л, п)
 Каминский [Павел Валериевич] — Мариуполь
 Ковалевский Николай Николаевич — Лебедин (г—е, м)
 Русинов Александр Федорович — г. Лохвица Полтавской губ.
 Бяратинский Виктор Викторович, князь — г. Сумы
 Булыгин Петр Павлович — Владимирская губ. управа (к, м)
 Унковский Семен Александрович — г. Балашов (о)
 Бобринский А [лексей] А [лександрович], [граф] — Москва
 Гучков Н [иколай] И [ванович] — Москва

Кроме того, на первом и втором заседаниях кружка «Беседа» присутствовали лица, которые в дальнейшем не упоминаются среди участников заседаний «Беседы»:

- Арсеньев [Константин Константинович] (а)
 Корнилов [Александр Алексеевич] (а)
 Милюков [Павел Николаевич] (а)
 Ольденбург [Федор Федорович] (а)
 Поленов [Александр Дмитриевич] (б)
 Фальборк [Генрих Адольфович] (а)

М. С. Бастракова

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАУКЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (По материалам Архива АН СССР)

Создание и развитие государственной системы руководства научной деятельностью — одна из интереснейших проблем истории социалистического государства. Особенно важным представляется изучение процесса становления этой системы в первые послеоктябрьские годы, так как в этот период были заложены ее основы и начали формироваться те традиции, которые получили название ленинских.

Социалистическое государство в первые же месяцы своего существования создало специальные органы по руководству наукой, начало консолидацию научных сил, оказало финансовую и организационную помощь старым научным учреждениям, начало формировать сеть новых. Все это уже на первых порах составило систему мер, которую можно считать проявлением научной политики в современном значении этого слова.

Формирование основ советской научной политики в послеоктябрьские годы до сих пор остается малоизученной проблемой. Касаясь этой темы, исследователи, как правило, уделяют внимание частным вопросам, преимущественно таким, как создание кадров научно-технической интеллигенции¹ или начало исследования естественных ресурсов². Вопросы, связанные с общей оценкой политики государства в области науки, освещались нашей исторической литературой сравнительно мало³.

При этом исследователи, касавшиеся вопросов организации науки в первые годы Советской власти, обращались, главным образом, к документам центральных архивохранилищ — ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР и ЦГА РСФСР. Круг источников, которые они использовали в своих работах, ограничивался, в основном, материалами руководящих государственных органов, таких, как СНК, ВСНХ, Наркомпрос, и т. п. Документы научных учреждений и организаций, как правило, оставались за пределами их внимания. Материалы Академии наук, университетов и научных обществ привлекались чаще всего лишь для написания их собственной истории⁴. Заключение в них информация практически не использова-

¹ См., например, И. Е. Круцко. Борьба КПСС за создание кадров советской интеллигенции в первые годы Советской власти (1917—1920). Л., 1955; В. А. Ульяновская. Из истории формирования советской научной интеллигенции (1917—1929). М., 1964; С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965, и др.

² А. Д. Педосов. О первых мероприятиях Советской власти в области технического прогресса. — «Труды Московского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева», сб. 28, вып. 1, М., 1957; С. К. Кончев. К истории КМА. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 7, М., 1959, и др.

³ Общим вопросам организации науки посвящены: статья Ю. Осноса «Из истории советской науки (1917—1920)». — «Исторический журнал», 1943, № 5—6; Е. Н. Городецкой. Рождение Советского государства. М., 1962; М. П. Ким. 40 лет советской культуры. М., 1957; И. С. Смирнов. В. И. Ленин и советская культура. М., 1960.

⁴ См., например, Г. А. Князев и А. В. Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., 1964; А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969; В. Л. Варсанюфьева. Московское общество испытателей природы. М., 1965; «Из истории Московского университета». Сб. ст. М., 1965.

лась для исследования процесса формирования советской научной политики в целом. Между тем для изучения этой проблемы материалы научных учреждений представляют первостепенный интерес.

Наука — сложное и многогранное явление. Управление ею — не менее сложный процесс, обусловленный множеством факторов, как социально-экономических, так и духовных. Среди разнообразных вопросов, связанных с изучением государственного руководства научной деятельностью, на одно из первых мест неизбежно выдвигается вопрос о соотношении политики государства и внутренних процессов развития самой науки. Для разработки проблемы формирования советской научной политики исследователь должен наряду с материалами директивных органов привлекать документы самих научных учреждений. Если Совнарком, Наркомпрос, специальные отделы ВСНХ и другие учреждения были главным образом орудиями государственной политики, то Академия наук, университеты, научные общества и т. п. в значительной степени были ее объектами. Их материалы не только существенно дополняют документы государственных органов, но и являются основным источником для изучения некоторых специальных вопросов. Они дают ценные сведения о закономерностях развития науки и ее организационных тенденциях, об эволюции научных учреждений и их перестройке на новых началах, о реакции научных коллективов на те или иные государственные мероприятия, и, наконец, позволяют судить о результатах научной политики, ибо ее успех или неуспех сказывается прежде всего на эффективности исследовательской работы.

В предлагаемой статье будет сделана попытка выяснить, какие сведения для истории формирования основ советской научной политики в 1918—1920 гг. дают документы Архива Академии наук СССР^{4*}.

Архив АН СССР — одно из богатейших собраний источников по этой теме. Его основой являются документы самой Академии — протоколы общих собраний и собраний отделений (ф. 1), фонд канцелярии (ф. 2), фонды лабораторий и институтов, а также различных комиссий и комитетов, многочисленные личные фонды ученых. Чрезвычайно важно, что в Архиве хранятся материалы неакадемических учреждений, главным образом тех, которые были в то время так или иначе связаны с Академией наук, — Пулковской обсерватории (ф. 703), Докучаевского почвенного комитета (ф. 183), Ассоциации для развития и распространения положительных наук (ф. 167) и др.

Материалы академических лабораторий и комиссий, а также личных фондов ученых рассказывают не только о самой Академии, но и о других учреждениях, работавших как в Петрограде, так и вне его. Так, академическая Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) объединяла большой коллектив ученых — представителей крупнейших исследовательских учреждений Петрограда. Обширный фонд этой комиссии (ф. 132) содержит данные о таких учреждениях, как Сельскохозяйственный ученый комитет, Геологический комитет, Русское географическое общество, и др. В этом фонде имеется богатый материал о создании и первых шагах общегосударственных научных институтов, рожденных Октябрьской революцией, так как многие из них возникли на базе соответствующих подразделений КЕПС.

Комплекс материалов архива, повествующих о первых шагах научного строительства в РСФСР, очень сложен по своей структуре. Использование составляющих его документов затруднено не столько их спецификой, сколько своеобразием и внутренней организацией всего комплекса. Как правило, сведения по отдельным вопросам темы рассыпаны по десяткам фондов и сотням документов, зачастую не связанных один с другим. Трудно указать источник, который касался бы только одного вопроса изучаемой темы, и в то же время нельзя назвать вопрос, который отразился бы достаточно полно в какой-либо одной группе документов. Так, для характеристики политики государства в области формирования сети исследовательских институтов следует обращаться практически ко всем

^{4*} Некоторые из этих документов см. в сб. «В. И. Ленин и Академия наук». М., 1970.

фондам, содержащим документы этого периода, — к протоколам Академии, материалам канцелярии, КЕПС, академических и неакадемических учреждений, к личным фондам ученых. То же следует сказать и об организации конкретных исследований. Структура документального комплекса Архива АН СССР объективно отражает одну из ведущих тенденций развития науки XX в. — интеграцию отдельных научных отраслей и дисциплин. Так, об истории исследования Кара-Богазы рассказывают не только материалы Соляного отдела КЕПС, который в основном вел эту работу в 1918—1920 гг., но и документы других подразделений Комиссии — Глиняного, Почвенного и Платинового отделов, Института физико-химического анализа (ф. 427) и др. С изучением этой проблемы были связаны специалисты различного профиля — химики Н. С. Курнаков и Л. А. Чугаев, минералог А. Е. Ферсман, почвовед Н. М. Тулайков и др. Точно так же рассредоточены по фондам смежных учреждений и личным фондам ученых разных специальностей источники по организации радиевых исследований, изучению Курской магнитной аномалии и другим вопросам.

Кратко охарактеризуем основные категории материалов Архива АН СССР по изучаемой теме.

Одной из групп материалов официального характера являются протоколы общих собраний Академии наук и собраний ее отделений (ф. 1, оп. 1). Они наиболее четко отразили повседневную жизнь Академии в 1918—1920 гг. Именно протоколы дают первое и самое общее представление о политике Советского государства по отношению к науке. Здесь содержится информация о наиболее крупных мероприятиях, связанных с перестройкой работы Академии, а в официальных сообщениях С. Ф. Ольденбурга⁵ — об организационных планах руководящих государственных органов и о заданиях, которые они давали Академии.

Сами по себе протокольные записи очень кратки. Как правило, они называют докладчика, вопрос и формулируют текст решения. Они не фиксировали ни возникшие дискуссии, ни разного рода неофициальные сообщения. Лишь в отдельных случаях, в виде приложений к протоколам печатались особо важные документы — докладные записки, проекты, избранная переписка. В частности, в приложениях к протоколам общих собраний за 1918 г. были напечатаны материалы о переговорах, которые Наркомпрос вел с Академией весной 1918 г.⁶

Существенным дополнением к протоколам служат так называемые протокольные бумаги (ф. 1, оп. 2). Здесь сконцентрированы материалы, связанные с отдельными решениями собраний, — докладные записки, отзывы, переписка по обсуждавшимся вопросам.

Очень важным источником по истории государственной научной политики являются документы канцелярии (ф. 2). Здесь сосредоточена переписка Академии с СНК, Наркомпросом и ВСНХ, с научными учреждениями и организациями, докладные записки и проекты новых учреждений; общеакадемические планы работ, сметы, отчеты и т. п. Большое место в этой группе материалов занимают решения и постановления органов государственной власти, определявшие задачи научных учреждений. В фонде хранится постановление СНК от 12 апреля 1918 г. о финансировании работ Академии⁷, копии решений коллегий Наркомпроса и ВСНХ, проекты общегосударственных организационных мероприятий и т. п. Эти документы, а также текущая переписка живо рассказывают о формах и методах государственного руководства научной деятельностью⁸.

Материалы исследовательских учреждений, академических и неакадемических, по составу и характеру в основном однотипны: уставы, регламентирующие работу учреждений, протоколы заседаний советов, планы, сметы, отчеты, организационная переписка и т. п.

⁵ С. Ф. Ольденбург с 1904 по 1929 г. занимал пост неперемного секретаря Академии наук.

⁶ ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 99—125, Приложения, стр. 70—90.

⁷ Выписка из постановления с пометкой Л. А. Фотиевой: «В Академию наук». — Там же, ф. 2, оп. 1—1918, ед. хр. 36.

⁸ Там же, оп. 1—1917, ед. хр. 40—42.

Особую ценность представляют материалы фонда КЕПС. По протоколам Совета этой организации можно проследить постепенное расширение работы комиссии, создание новых подразделений, рождение первых в республике специализированных институтов.

Протоколы Совета КЕПС очень подробны. В текст протоколов, как правило, включались даже официальные документы, которые докладывал Совету ученый секретарь. К сожалению, сохранились они не полностью, а за первую половину 1918 г., до 3 июня, они вообще отсутствуют.

Картину работы КЕПС весной и летом 1918 г. помогают воссоздать материалы ее специальных отделов. Это в основном протоколы научных дискуссий и организационных совещаний, сметы, заявки на оборудование, отчеты об экспедициях, текущая информация о ходе исследований и др. Материалы отделов, подкомиссий и проблемных групп позволяют установить, когда КЕПС начала работать по непосредственным заданиям ВСНХ. Судя по документам Радиевого отдела, ВСНХ дал Академии наук первое поручение еще в начале апреля 1918 г. Протокол совещания специалистов-радиологов, собранного КЕПС 12 апреля 1918 г., знакомит с предложением, «сделанным Академией наук со стороны Высшего Совета Народного Хозяйства, взять в свои руки организацию завода для извлечения радия» из сырья, секвестрованного у анонимного «Общества для добычи редких металлов»⁹. Секвестр был произведен 29 марта 1918 г.¹⁰, а 10 апреля А. Ф. Иоффе уже послал в Академию наук свой ответ на приглашение принять участие в совещании радиологов¹¹. Следовательно, ВСНХ обратился к Академии между 29 марта и 10 апреля. Совещание 12 апреля 1918 г. приняло решение взять на себя это задание, а 16 апреля КЕПС уже вступила в активную переписку с Химотделом ВСНХ об организации работы¹².

Изучая процесс становления советской системы организации науки, нельзя не обратиться к материалам, отложившимся в личных фондах ученых. Здесь хранятся делопроизводственные материалы, черновики выступлений ученых по организационным вопросам, заявления, докладные записки, отзывы и т. п. Особенно интересны в этом отношении фонды руководителей Академии — С. Ф. Ольденбурга (ф. 208) и В. А. Стеклова (ф. 162), а также таких крупных организаторов науки, как В. И. Вернадский (ф. 518), Н. К. Кольцов (ф. 450), А. Н. Крылов (ф. 759), Н. С. Курнаков (ф. 701), П. П. Лазарев (ф. 459), Д. С. Рождественский (ф. 341), и др. В этих фондах часто можно встретить информацию, которая не нашла места в официальных документах. Так, в дневнике В. А. Стеклова имеются записи, существенно дополняющие протоколы — сообщения о дискуссиях на общих собраниях, о беседах с руководством Академии и представителями Наркомпроса и т. п.¹³

Личные фонды ученых не только дополняют и расширяют информацию официальных источников, но и дают богатый материал для характеристики психологической стороны проблемы. Они помогают воссоздать атмосферу тех трудных лет, рассказывают о реальных условиях работы, передают непосредственную реакцию ученых на те или иные события, вводят в круг волновавших их проблем.

Ценным источником являются мемуары ученых. Особенно интересны воспоминания тех, кому довелось встречаться с В. И. Лениным. В Архиве хранятся воспоминания акад. П. П. Лазарева о беседе с В. И. Лениным по делам КМА в апреле 1922 г.¹⁴, заметки акад. В. А. Стеклова о встрече с В. И. Лениным в январе 1921 г. и о помощи, оказанной главой Советского государства Академии наук¹⁵; черновики и наброски воспоминаний акад. С. Ф. Ольденбурга о встречах с В. И. Лениным.

⁹ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 282, л. 103.

¹⁰ Там же, ед. хр. 283, л. 2. Копия.

¹¹ Там же, ед. хр. 181, л. 45.

¹² Там же, ед. хр. 182, 183, 281, 283.

¹³ Там же, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 170—174.

¹⁴ Там же, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 71, лл. 1—15. На полях помета Н. А. Семашко, подтверждающая достоверность сообщенных сведений.

¹⁵ Там же, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 13, 46, 146.

Дневники, воспоминания и заметки мемуарного характера, хранящиеся в личных фондах, помогают выяснить некоторые вопросы истории Академии наук послереволюционных лет, в частности, вопрос о том, когда состоялась первая беседа руководителей Академии наук с В. И. Лениным.

Опубликованные воспоминания С. Ф. Ольденбурга, а также черновики, хранящиеся в его фонде, рассказывают только о двух встречах с В. И. Лениным — в 1891 и 1921 гг.¹⁶ Между тем известно, что С. Ф. Ольденбург посетил В. И. Ленина в Смольном еще 9 ноября 1917 г. вместе с делегацией петроградских профессоров по поводу ареста Временного правительства¹⁷. Кроме того, В. Д. Бонч-Бруевич, вспоминая о встречах В. И. Ленина с учеными, сообщает о его беседе с непреходящим секретарем Академии наук по академическим делам, которая состоялась, очевидно, в конце ноября—декабре 1917 г. или в январе 1918 г.¹⁸ В частности, В. Д. Бонч-Бруевич отмечал огромное впечатление, которое произвела на С. Ф. Ольденбурга эта встреча. Документы, которые бы официально фиксировали это событие, пока не найдены. Косвенно рассказ В. Д. Бонч-Бруевича подтверждает краткая запись в бумагах В. И. Вернадского, сделанная им со слов С. Ф. Ольденбурга в 1942 г.: «Сергей Федорович отправился к Ленину по своей инициативе. Он сказал об этом Карпинскому, который дал ему „carte blanche“. Бородин (вице-президент) совсем растерялся». Далее В. И. Вернадский отметил: «Ленин произвел на Сергея огромное впечатление»¹⁹.

Записанный В. И. Вернадским рассказ С. Ф. Ольденбурга не мог касаться его визита к В. И. Ленину 9 ноября 1917 г. в составе делегации петроградской профессуры. О предмете беседы В. И. Вернадский ничего не сообщает, однако, судя по тому, что С. Ф. Ольденбург испрашивал разрешение у руководства Академии, очевидно, она должна была касаться академических дел. Сам Вернадский относил эту встречу к апрелю 1918 г. и связывал рассказ Ольденбурга с «Наброском плана научно-технических работ». Однако в апреле правительство уже находилось в Кремле, а С. Ф. Ольденбург, судя по академической переписке и записям дневника В. А. Стеклова, часто встречавшегося с непреходящим секретарем, в апреле не выезжал из Петрограда²⁰. Можно предположить, что В. И. Вернадский, сделавший эту запись через много лет, перепутал и отнес к началу 1918 г. рассказ о событии 1921 г. Это подтверждают некоторые детали самой записи и прежде всего упоминание о И. П. Бородине, который был вице-президентом Академии до 1919 г. Кроме того, характерно указание, что инициатива исходила от С. Ф. Ольденбурга, а в 1921 г. инициатором встречи ученых с В. И. Лениным был, по словам самого Ольденбурга, А. М. Горький²¹. Остается допустить, что беседа, о которой упоминает в своих заметках В. И. Вернадский, имела место в конце 1917 г. или в самом начале 1918 г. Очевидно, В. Д. Бонч-Бруевич и В. И. Вернадский рассказывают об одной и той же встрече. Любопытно отметить одну общую деталь — в обоих случаях говорится об огромном впечатлении, которое произвела на С. Ф. Ольденбурга встреча с В. И. Лениным.

Материалы Архива АН СССР в сочетании с документами других хранилищ могут дать ответ на многие вопросы, связанные с формированием ленинской научной политики. Рамки статьи позволяют остановиться лишь на некоторых из них. Наиболее существенными представляются такие вопросы, как привлечение научных сил к социалистическому строительству, отношение пролетарского государства

¹⁶ ААН СССР, ф. 208, оп. 1, ед. хр. 241, 242, 383.

¹⁷ «Петроградский военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. II, М., 1966, стр. 230, 268, 253.

¹⁸ В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Еще в Петрограде в Смольном В. И. Ленин принял ак. С. Ф. Ольденбурга, два часа беседовал с ним о нуждах Академии, высказал мысль, что совершенно необходимо, чтобы академики в своих работах стали бы ближе к жизни». — В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. М., 1966, стр. 34.

¹⁹ ААН СССР, ф. 518, оп. 4, ед. хр. 45, л. 12.

²⁰ Там же, ф. 2, оп. 1—1918, ед. хр. 1, 40; ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171.

²¹ «Ленинградская правда», 21 января 1927 г.

к старым научным учреждениям, принципы определения ведущих направлений исследовательской работы и формирование государственной сети исследовательских институтов.

Привлечение научных сил к решению важных народнохозяйственных задач было одним из узловых вопросов научной политики пролетарского государства. Основным источником для характеристики этой стороны деятельности Советского правительства являются материалы, связанные с переговорами, которые велись по поручению В. И. Ленина зимой — весной 1918 г. с Академией наук и другими научными организациями.

История переговоров с Академией достаточно известна²², так же как и основные документы, в которых они отразились, — постановление СНК, доклады А. В. Луначарского на заседаниях Государственной комиссии по просвещению и ВЦИК, а также официальные материалы к переговорам, опубликованные Академией наук в 1918 г. в «Известиях РАН»²³.

Материалы Архива АН СССР дают возможность внести некоторые дополнения в освещение этой темы.

Прежде всего они разъясняют вопрос о позиции Академии наук по отношению к Советской власти в конце 1917 — начале 1918 г. Судя по протоколам ноябрьских собраний, Академия встретила Октябрьскую революцию очень сдержанно, но не заняла непримиримой позиции²⁴. Известно, что уже в первые послеоктябрьские месяцы состоялись встречи руководителей Советского государства с представителями Академии²⁵. Не исключено, что эти встречи повлияли на изменение настроений академической среды, которое можно проследить по протоколам Общих собраний зимой 1917—1918 гг.²⁶

Протоколы подразделений Академии и ее внутренняя канцелярская переписка за ноябрь 1917 — январь 1918 г. передают атмосферу напряженной, ни на один день не прекращающейся работы. Об этом свидетельствует, например, переписка о научных экспедициях, многочисленные заявки на средства и оборудование, составлявшиеся академическими учреждениями в декабре—январе. Среди них заявки на нужды КЕПС и библиотеки, на радиевые экспедиции, на палеонтологические северодвинские раскопки, на археологические раскопки в городище Ани и т. п. Документы говорят и о том, что уже в начале января ученые Академии начали задумываться об установлении деловых контактов с органами Советской власти. На экстраординарном общем собрании 10 января 1918 г. обсуждался вопрос о форме обращения «к власти» по вопросам финансирования и организации науки²⁷.

Все это дает основание предположить, что Академия стояла в стороне от «бушевавших» среди некоторой части интеллигенции «волн злобного бойкота», о котором так ярко писал впоследствии А. В. Луначарский²⁸. Возможно, это обстоятельство было одной из причин, побудивших Советское правительство обратиться к Академии наук раньше, чем к другим научным учреждениям страны.

Протоколы, материалы канцелярии, а также личные письма и дневники ученых свидетельствуют о том, что примерно с начала января 1918 г. Наркомпрос начал завязывать с Академией наук прочные деловые связи. Об этом говорят пе-

²² См. указанные работы Е. Н. Городецкого, И. С. Смирнова, Г. А. Князева и А. В. Кольцова.

²³ «Известия Российской Академии наук» (далее — «Известия РАН»), 1918, VI серия, № 14, стр. 1387—1399.

²⁴ ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1917—1918 гг.

²⁵ По словам А. В. Луначарского, он встретился с президентом Академии наук А. П. Карпинским вскоре после назначения на пост наркома по просвещению («Правда», 8 сентября 1925 г.). Очевидно, примерно тогда же имели место встречи В. И. Ленина с академиками А. А. Шахматовым и С. Ф. Ольденбургом (В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин в Петрограде и в Москве, стр. 30—34, см. также ф. 518, оп. 4, ед. хр. 45, л. 12).

²⁶ ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1917 г.; см. также речь С. Ф. Ольденбурга на годовичном собрании 29.XII—1917 г. — «Отчеты РАН». Пг., 1918, стр. 5.

²⁷ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, л. 4 об.

²⁸ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. — «Новый мир», 1925, № 10, стр. 109.

реписка о кредитах, новых штатах, командировках и научных изданиях, которую руководство Академии вело с представителями наркомата²⁹.

В фонде акад. П. П. Лазарева хранится письмо акад. А. Н. Крылова от 2(15) февраля 1918 г. Оно ярко характеризует и первые шаги Наркомпроса и настроение ученых. А. Н. Крылов, судя по содержанию письма, уже в январе вел с Научным отделом Наркомпроса переговоры по делам Сейсмического комитета, Физического института и т. п. и получил поддержку. Он сообщал о намерении комиссариата «всячески поддерживать деятельность научных и просветительных обществ, научных изданий». «Как бы то ни было, — делал вывод А. Н. Крылов, — жизнь теперь будет строиться на новых началах, и способствовать ее скорейшему устройению следует всем, и надо стремиться к тому, чтобы наука заняла должное положение, а это прежде всего достигается взаимным содействием, а не чужаением. Кажется, теперь и Академия приходит к этому...»³⁰

Таким образом, к концу января, когда начались официальные переговоры о мобилизации научных сил на исследование природных ресурсов страны, контакты представителей науки с органами Советской власти были уже в основном налажены.

Приведем несколько малоизвестных документов, позволяющих вкратце проследить ход переговоров. Начало переговоров зафиксировал известный протокол экстраординарного собрания Академии наук от 24 января 1918 г.: «Непременный секретарь доложил, что его посетил представитель Комиссариата по народному просвещению по вопросу о возможной научной работе Академии в связи с различными государственными задачами настоящего времени»³¹. Это сухое протокольное сообщение несколько дополняет запись в дневнике акад. В. А. Стеклова: «В четыре часа было экстраординарное собрание Академии наук. Ольденбург доложил, что к нему явился комиссар по просвещению Шапиро³² с вопросом, откажется ли Академия наук при сохранении ее полной самостоятельности (разрядка моя. — М. Б.) и проч. помочь нынешнему правительству в разработке некоторых вопросов самостоятельного характера, если оно обратится к Академии»³³. Упоминание о сохранении самостоятельности Академии многое дает для понимания политики партии и правительства по отношению к науке, и в частности, к самой Академии наук.

Во время беседы Л. Г. Шапиро с С. Ф. Ольденбургом вопрос ставился, очевидно, в той общей форме, которая отразилась и в протоколе и в дневниковой записи В. А. Стеклова. Это, по-видимому, определило формулировку решения общего собрания: «Ответ Академии наук может быть дан по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии, и от наличности тех сил, которыми она располагает»³⁴. Дневник В. А. Стеклова разъясняет существо принятого решения. Судя по его записям, большинство участников собрания признало, что «отказаться а priori нет оснований». Далее, излагая постановление, ученый особо отметил общее мнение о том, что Академия «может согласиться или отказаться единственно по научным соображениям, но принципиально не отказывается, не может отказаться»³⁵.

Таким образом, уже тогда Академия наук по существу выразила принципиальное согласие сотрудничать с Советской властью.

Дневник В. А. Стеклова помогает установить примерную дату беседы Л. Г. Шапиро с С. Ф. Ольденбургом. Судя по содержанию предшествующих записей, она, вероятно, состоялась во второй половине дня 23 или утром 24 января. Не ис-

²⁹ ААН СССР, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 40, лл. 50, 58; ф. 1, оп. 2 — 1918, ед. хр. 18, лл. 23—26; ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, лл. 43, 51.

³⁰ Там же, ф. 459, оп. 4, ед. хр. 68, лл. 6—8.

³¹ Там же, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 22.

³² Л. Г. Шапиро возглавлял в начале 1918 г. Отдел мобилизации науки Наркомпроса. В апреле 1918 г. этот отдел был включен в состав Научного отдела Наркомпроса.

³³ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, л. 15 об.

³⁴ Там же, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 22.

³⁵ Там же, § 16.

ключено, что на следующий день С. Ф. Ольденбург уже передал представителю Наркомпроса решение ученых и, возможно, беседовал с ним более подробно о задаче, ставившейся перед Академией. Во всяком случае, 26 января Л. Г. Шаширо при «срочном письме» переслал в Академию «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», а в препроводительном письме указал, что они посылаются в дополнение к «предмету устных переговоров», и «должны были бы очертить ту задачу, которую имеет в виду Народный комиссариат по просвещению»³⁶. Эти сведения делают понятным, почему А. В. Луначарский 29 января на заседании Государственной комиссии по просвещению смог уже с достаточной уверенностью сообщить о готовности Академии сотрудничать с Наркомпросом и ВСНХ³⁷.

Присланные Л. Г. Шаширо «Положения к проекту мобилизации науки» ставили перед Академией конкретную задачу — стать центром работ по изучению природных ресурсов республики³⁸. Протоколы общих собраний говорят о том, с какой серьезностью ученые отнеслись к предложению Наркомпроса. Для его изучения и выработки резолюции общее собрание 16 февраля избрало специальную комиссию под председательством С. Ф. Ольденбурга, в которую вошли Н. И. Андрусов, Н. С. Курнаков, В. Н. Ипатьев, А. Н. Крылов, Н. Я. Марр, В. А. Стеклов, А. А. Шахматов и др. Кроме того, в протоколе общего собрания было указано, что «всем членам конференции предоставлено право войти в состав комиссии»³⁹. Состав комиссии был весьма знаменательным: ее ядро составили те, кто еще до революции ставил вопрос о необходимости планомерного и централизованного изучения производительных сил России⁴⁰.

Общее собрание 20 февраля 1918 г. приняло предложенную комиссией резолюцию о том, что Академия готова «по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»⁴¹.

Таким образом, Академия наук не только официально заявляла о своем принципиальном согласии, но и принимала на себя определенные и достаточно серьезные обязательства.

В марте 1918 г. переговоры об организации изучения производительных сил перешли в стадию обсуждения конкретных форм и методов ведения работы. Этот этап переговоров нашел отражение в переписке А. В. Луначарского с академиками А. П. Карпинским и С. Ф. Ольденбургом, в докладных записках КЕПС⁴², в протоколах Академии наук. Эти документы публиковались и неоднократно использовались в исторической литературе⁴³.

Логическим завершением официальных переговоров с Академией было постановление СНК от 12 апреля 1918 г. о финансировании работ Академии наук по исследованию естественных ресурсов страны. Постановление Совнаркома указало Академии «как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблемы правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное ис-

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 2 — 1918, ед. хр. 4, § 31.

³⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 19, ед. хр. 3, л. 86—86 об.

³⁸ ААН СССР, ф. 1, оп. 2 — 1918, ед. хр. 4, § 31, л. 1; «Известия РАН», 1918, VI серия, № 14, стр. 1391—1392. Содержание «Положений» подробно анализируется в книге И. С. Смирнова «В. И. Ленин и советская культура».

³⁹ ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 31.

⁴⁰ См., например, выступления Н. И. Андрусова, Н. С. Курнакова, В. Н. Ипатьева, С. Ф. Ольденбурга и других академиков на заседаниях КЕПС 1915—1916 гг. — Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 6—8.

⁴¹ Там же, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 47. Приложения, стр. 31—32.

⁴² См. отпуски писем А. П. Карпинского и С. Ф. Ольденбурга к А. В. Луначарскому — там же, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 40, лл. 75—80, 82—84; подлинники записок КЕПС — ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, лл. 26—38.

⁴³ «Известия РАН», 1918, VI серия, № 14, стр. 1387—1396; «Организация науки в первые годы Советской власти». Л., 1968, стр. 109—121. См. указанные работы Е. Н. Городецкого, А. Г. Князева и А. В. Кольцова, И. С. Смирнова, а также публикации А. В. Кольцова («Вестник АН СССР», 1957, № 4; 1965, № 4; 1967, № 8).

пользование ее хозяйственных сил»⁴⁴. Как свидетельствуют материалы Архива, Академия наук уже в апреле и мае 1918 г. активно работала по заданиям ВСНХ. Она начала серию исследований, близко связанных с задачей, поставленной правительством. В апреле 1918 г. по заданию Химотдела ВСНХ она начала радиевые исследования, работы по оптотехнике и составлению почвенной карты РСФСР, наметила планы изучения огнеупоров, глин, калийных солей, бокситов и т. п.⁴⁵ В мае начали работать первые академические институты — Физико-химического анализа и Платины⁴⁶.

История привлечения Академии наук к участию в хозяйственной жизни страны представляет отнюдь не частный интерес. Путь, который она прошла в течение первого послереволюционного полугодия, прошли в то время многие старые научные учреждения. Об этом тоже рассказывают документы Архива АН СССР. Например, протоколы Ассоциации для развития и распространения положительных наук, а также некоторые материалы личного фонда акад. В. А. Стеклова передают историю переговоров Наркомпроса с этой организацией⁴⁷. В личных фондах академиков Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, Д. С. Рождественского и В. А. Стеклова хранятся документы, рассказывающие о том, как менялось направление работы исследовательских подразделений Петроградского университета и т. п.

Анализ материалов Архива АН СССР в сочетании с материалами ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР дает возможность выделить некоторые характерные черты и методы политики мобилизации науки на нужды государственного строительства. В частности, они позволяют наметить последовательность, в которой Советское правительство вступило в переговоры с отдельными научными учреждениями. Начало переговоров с Московским обществом сельского хозяйства относится ко второй половине февраля 1918 г.⁴⁸, с Ассоциацией положительных наук — к концу марта⁴⁹, переписка с Московским научным институтом — к началу апреля⁵⁰.

Следовательно, Советское правительство начало переговоры с этими организациями лишь после того, как получило принципиальное согласие Академии наук. Это было проявлением государственной мудрости и большого политического такта. Дело не только в том, что Академия была признанным центром работы по изучению производительных сил. Она была наиболее авторитетным научным учреждением России. В ее составе работали ученые, которые были известны не только как крупные специалисты, но и как общественные деятели, много сил отдавшие борьбе за науку в царской России. От позиции Академии наук во многом зависела позиция других научных учреждений и организаций.

Очень интересна в этом отношении переписка между С. Ф. Ольденбургом и А. И. Стебутом — вице-президентом Московского общества сельского хозяйства. А. И. Стебут в письме от 19 февраля сообщил, что его посетил представитель Наркомпроса и предложил принять участие в изучении природных ресурсов России. «Одно могу положительно утверждать, — писал А. И. Стебут, — что явно отрицательной позиции Совет общества по вопросу о научных исследованиях в контакте с новой властью не займет, и особенно, если работа будет вестись под общим руководством Академии наук. Так как г. Шапиро указывал на принципиальное согласие Академии и так как участие в продолжении или, точнее, развитии уже организованной Академией работы по изучению производительных сил России определяется не только для Московского общества, но, думается, и для многих других московских учреждений ролью Академии наук, то позвольте просить Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, не отказать уведомить меня обо всем известном Вам по затронутому здесь вопросу»⁵¹. В ответ, сообщая А. И. Сте-

⁴⁴ ААН СССР, ф. 2, оп. 1 — 1918, ед. хр. 36.

⁴⁵ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 182, 281—283, 196, лл. 6—8; ф. 427, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5—5 об.

⁴⁶ Там же, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 2—3.

⁴⁷ Там же, ф. 172, оп. 1 — 1918, ед. хр. 6, 11, 13; ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171—173.

⁴⁸ Там же, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 40, л. 49.

⁴⁹ Там же, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, л. 47.

⁵⁰ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 19, ед. хр. 11, лл. 12—13.

⁵¹ ААН СССР, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 40, л. 49.

буту резолюцию общего собрания Академии от 20 февраля, С. Ф. Ольденбург добавил от себя: «Академия считает, что она не вправе отказываться от выполнения конкретных задач на пользу государственную»⁵².

Судя по данным протоколов общеакадемических собраний и материалам КЕПС, весной и летом 1918 г. вместе с Академией по заданиям государства уже работало значительное количество крупных научных коллективов. Среди них были такие учреждения, как Главная физическая обсерватория, Главная палата мер и весов, Физический институт Петроградского университета, Докучаевский почвенный комитет, и др.

Таким образом, социалистическое государство сумело за сравнительно короткий срок привлечь и направить в русло государственного строительства ведущие научные учреждения страны.

Анализ документов по истории Академии наук дореволюционных и послереволюционных лет позволяет понять причины, определившие успех политики мобилизации науки. Протоколы собраний Академии конца XIX—начала XX в., докладные записки и журналы заседаний КЕПС 1915—1917 гг. рассказывают о тщетных попытках Академии организовать централизованное и планомерное изучение природных богатств в дореволюционной России. В 1918 г. пролетарское государство впервые предоставило ученым реальную возможность развернуть эту работу, и передовая наука не могла не откликнуться на это. Одна из важнейших причин успеха состояла в том, что Советская власть поставила перед Академией задачи, разрешение которых было для России объективной и давно уже осознанной учеными необходимостью. Недаром поэтому общее собрание Академии наук 20 февраля 1918 г. с удовлетворением подчеркнуло в своей резолюции, что «большинство задач ставится самой жизнью». На это указывали в своих письмах к А. В. Луначарскому А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург, об этом писал в своей записке А. Е. Ферсман, это отмечал в своем дневнике А. В. Стеклов⁵³.

Успеху политики вовлечения старых научных учреждений в социалистическое строительство немало способствовали методы, указанные В. И. Лениным. Ученые привлекались к решению народнохозяйственных задач настойчиво, но осторожно, и всей логикой событий втягивались в сферу хозяйственной жизни.

С проблемой привлечения науки к хозяйственному строительству был неразрывно связан вопрос об отношении пролетарского государства к традиционным формам организации науки, о роли и месте старых научных учреждений в жизни Республики. Новое здание науки нельзя было строить на пустом месте. Социалистическое государство должно было использовать уже сложившиеся научные центры и, опираясь на самые жизнеспособные из них, развернуть свою организационную работу. Бережное отношение к исторически сформировавшимся научным коллективам обеспечивало преемственность и бесперебойность их исследовательской работы, а именно это и было непременным условием ее эффективности.

Политику партии и правительства по отношению к старым научным учреждениям раскрывают материалы, связанные с вопросом о реорганизации Академии наук, намечавшейся в 1918—1919 гг. Научным отделом Наркомпроса.

Советское правительство считало Академию жизнеспособным и сильным научным коллективом, который во многом сумеет помочь социалистическому строительству. В. И. Ленин придавал большое значение использованию ее научного потенциала. Он требовал от руководителей Наркомпроса бережного отношения к Академии наук и настаивал на том, чтобы ее перестройка происходила постепенно, без болезненной ломки сложившихся традиций и привычных организационных форм.

⁵² Там же, л. 53. См. также «Организация науки в первые годы Советской власти». Сб. документов. Л., 1968, стр. 106—107.

⁵³ См. письма А. П. Карпинского от 18/II—1918 г. и С. Ф. Ольденбурга от 2/IV—1918 г. — ААН СССР, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 210, лл. 75—80, 82—84; запись в дневнике В. А. Стеклова от 20/II—1918 г. — Там же, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, лл. 27, 47; записка А. Е. Ферсмана «О положениях к проекту мобилизации науки», несколько отличающаяся от опубликованной в «Известиях РАН» за 1918 г., хранится в фонде Ф. Ю. Левинсона-Лессинга (ф. 347, оп. 1, ед. хр. 34).

По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин «не расходился в этом вопросе с Наркомпросом»⁵⁴. Однако иная точка зрения сложилась у группы руководящих работников Научного отдела комиссариата — Д. Н. Артемьева, М. Н. Покровского, В. Т. Тер-Оганесова и др. Они рассматривали Академию наук лишь как консервативную кастовую организацию и считали, что только полная и немедленная реорганизация может сделать ее полезной Республике. Более подходящей «по духу», более «демократической» была, на их взгляд, петроградская Ассоциация для развития и распространения положительных наук — организация, неоднородная по составу и рыхлая по конструкции, которая уже в конце 1919 г. практически перестала существовать.

Материалы Ассоциации, хранящиеся в Архиве АН СССР, а также документы личного фонда акад. В. А. Стеклова, которому весной и летом 1918 г. приходилось неоднократно беседовать с В. Т. Тер-Оганесовым по делам Ассоциации, дают некоторые сведения о планах Научного отдела Наркомпроса на этот счет. Судя по записям в дневнике В. А. Стеклова, в беседах с ним В. Т. Тер-Оганесов развивал планы создания федерации научных учреждений и обществ под эгидой Ассоциации. Именно петроградская Ассоциация должна была стать «ядром сплочения научных сил» и превратиться в «парламент научного мнения». Кроме того, высказывались планы широкого ассоциирования научных учреждений и создания «всероссийской федерации» научных обществ⁵⁵.

Когда именно в Научном отделе возникла мысль превратить Академию наук в «ассоциацию наук», судить по известным пока источникам трудно. Во всяком случае на заседании Государственной комиссии по просвещению 24 апреля 1918 г. она была уже сформулирована М. Н. Покровским, а план реорганизации Академии наук был назначен к разработке⁵⁶.

В. И. Ленин считал идею немедленной реорганизации Академии наук не только неоправданной, но и опасной. Ломка этого крупного исторически сформировавшегося учреждения могла надолго задержать важные работы, начатые ею, и грозила сорвать осуществление общего плана мобилизации науки на социалистическое строительство.

Известным свидетельством об отношении В. И. Ленина к предполагавшимся реформам являются воспоминания А. В. Луначарского. «Я прекрасно помню, — писал А. В. Луначарский, — две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг Академии»⁵⁷. Эти воспоминания А. В. Луначарского существенно дополняют материалы Архива АН СССР — протоколы общих собраний Академии и заседаний Уставной комиссии, переписка с Научным отделом Наркомпроса, письма и дневники ученых.

В частности, в дневниковой записи акад. В. А. Стеклова говорится о том, что С. Ф. Ольденбург на общем собрании 14 июля 1918 г. рассказал о позиции В. И. Ленина, А. В. Луначарского и Н. П. Горбунова, которые настаивали на том, «что высшие учебные заведения и Академию трогать не следует»⁵⁸.

А. В. Луначарский не сообщает, когда именно имели место его «две-три беседы» с В. И. Лениным о проектах реформы. Одна из них, первая, состоялась, очевидно, в начале апреля 1918 г., после доклада наркома по просвещению Председателю СНК о переговорах с Академией. Об этом А. В. Луначарский упомянул в одной из своих более поздних статей⁵⁹.

Время второй беседы помогают установить материалы Архива АН СССР. С лета 1918 г. в записных книжках и письмах ученых все громче начинает звучать тре-

⁵⁴ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук, стр. 110.

⁵⁵ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 171, лл. 47, 51 об., 56. См. также дискуссию на заседании Государственной комиссии по просвещению (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 35, лл. 94—95 об.).

⁵⁶ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 35, лл. 91—97 об.

⁵⁷ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук, стр. 110.

⁵⁸ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 172, л. 43. В официальных протоколах записи об этом сообщении нет.

⁵⁹ А. В. Луначарский. Академия наук в Москве. — «За коммунистическое просвещение», 21 июня 1931 г.

вога за судьбу Академии. Осенью тревога еще более нарастает, вопрос о «реформах извне» проникает в официальные документы Академии, в частности, в протоколы⁶⁰. Зимой 1918—1919 гг. разговоры о предполагаемом «уничтожении» Академии становятся почти открытыми. Об этом рассказывают записи дневника В. А. Стеклова о беседах с заведующим научными учреждениями Петрограда П. М. Кристи в декабре 1918 г., о неофициальных сообщениях С. Ф. Ольденбурга по вопросу о реформах и т. п. Вопрос о реорганизации Академии Научный отдел связывал с начатой ею переработкой академического устава. В конце ноября 1918 г. в Академии начала работать Уставная комиссия. Материалы этой комиссии, а также разрозненные заметки в записных книжках и дневниках ученых позволяют в какой-то степени представить проекты Научного отдела⁶¹. Если суммировать все эти сведения, окажется, что Академия наук должна была превратиться во всеобъемлющую ассоциацию, объединяющую автономные союзы специалистов — физиков, химиков, астрономов и т. п. Существовавшую систему выборов предполагалось заменить всероссийскими конкурсами. Такие планы действительно были гибельными для Академии и не могли не внушать ученым серьезных опасений.

27 января 1919 г. Академия наук направила в Наркомпрос от имени президента А. П. Карпинского отношение о предполагавшихся изменениях в ее организационном устройстве. Этот документ, адресованный непосредственно народному комиссару по просвещению, предупреждал об опасности, которую могут принести непродуманные реформы. А. П. Карпинский напоминал, что Академия — «учреждение научное и потому, по самому существу своему, чрезвычайно сложное». К реформам следовало отнестись с большим вниманием и с большой осторожностью, «дабы эти реформы либо не являлись чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными, вместо того чтобы быть созидательными»⁶². Одновременно Академия предлагала некоторые изменения своего внутреннего строя — демократизацию выборов, введение публичности собраний, значительное расширение разрядов Академии за счет введения новых специальностей и т. п. Предложения Академии не удовлетворили Научный отдел. 22 июля 1919 г. он направил в Академию наук письмо, в котором сообщалось, что «ввиду возбужденного Комиссариатом вопроса о реформе Академии» находит предложения Академии «неудовлетворительными ввиду несоответствия духу времени»⁶³.

Очевидно, это заставило ученых, знавших о позиции В. И. Ленина, обратиться за помощью лично к нему. 15 августа 1919 г. С. Ф. Ольденбург отправил П. П. Лазареву полное тревоги письмо, в котором попросил связаться с В. И. Лениным: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемьев и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке. Науку, конечно, никто и ничто никогда не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть»⁶⁴. Обращение к посредничеству акад. Л. Б. Красиного было далеко не случайным. В конце 1918 г. и в 1919 г. Л. Б. Красин не раз помогал Академии советом и делом, когда она испытывала финансовые или организационные затруднения, а акад. П. П. Лазарев в этот период часто встречался с Л. Б. Красиным по делам Курской магнитной аномалии.

Не исключено, что именно после того, как Л. Б. Красин довел до сведения В. И. Ленина опасения Академии наук, и произошла та беседа А. В. Луначарского с Владимиром Ильичем, о которой впоследствии он вспоминал особенно подробно: «В. И. Ленин очень обеспокоился, вызвал меня и спросил: „Вы хотите реформировать Академию? У Вас там какие-то планы пишут?“»⁶⁵ Глава Советского пра-

⁶⁰ См., например, Протокол общего собрания от 26/XI—1918 г. — ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1918 г., стр. 207—208.

⁶¹ См. материалы Уставной комиссии (там же, ф. 2, оп. 1—1916, ед. хр. 41), а также записи В. А. Стеклова (там же, ф. 162, оп. 3, ед. хр. 173, лл. 43, 44, 73 об.).

⁶² ААН СССР, ф. 2, оп. 1—1916, ед. хр. 41, л. 56.

⁶³ Там же, Протоколы ОС РАН, 1919 г., § 174.

⁶⁴ Там же, ф. 459, оп. 4, ед. хр. 36, л. 3—3 об.

⁶⁵ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук, стр. 110.

вительства серьезно предостерег Наркомпрос от неоправданных реформ. В. И. Ленин указал, что вопрос об Академии — «это важный общегосударственный вопрос» и для его решения «нужны осторожность, такт и большие знания»⁶⁶.

Эта ленинская директива была выполнена Наркомпросом. Во всяком случае, с осени 1919 г. мотив беспокойства, связанный с предполагавшейся реформой, исчезает из бумаг Академии, дневников и писем ученых.

Не внешние реформы, а задачи, поставленные перед Академией государством, новые перспективы, открывшиеся перед ней, и постоянная поддержка социалистического государства постепенно трансформировали былую «затворницу самодержавия», как назвал ее А. В. Луначарский. В самые тяжелые для Советской республики годы пролетарское правительство не жалело средств на развитие ее исследовательских работ. Об этом свидетельствуют хранящиеся среди материалов канцелярии и академических учреждений копии постановлений СНК о сверхместных ассигнованиях, копии решений ВСНХ о финансировании специальных работ, сметы на оборудование лабораторий, организацию экспедиций и т. п.⁶⁷ Документы учреждений Академии рассказывают о том, как менялись содержание и формы ее работы, как расширялся круг интересовавшихся ее проблем, как неуклонно росло число ее исследовательских подразделений.

Уже в 1918—1920 гг. Академия развернула большую организационную и экспедиционную работу. Она выступила активной помощницей государства в деле создания сети научных институтов, вела исследование Кара-Богаза, соликамских калийных месторождений, тихвинских бокситов, редких металлов; начала планомерное изучение северных и восточных районов страны; развернула исследования, направленные на создание научной основы оптической, платиновой, керамической промышленности и др. Судя по документам, именно в эти годы были сделаны первые шаги к превращению Академии наук в один из подлинных центров советской науки.

Анализ материалов Академии наук позволяет понять, как благодаря принципиальной, но гибкой ленинской политике старые научные учреждения изменялись внутренне, по существу, и постепенно находили свое место при новом строе.

Перейдем теперь к рассмотрению документов Архива АН СССР, характеризующих принципы, которыми руководствовались партия и правительство при определении и выборе ведущих направлений исследовательской работы.

Основой научной политики Советской власти было максимальное использование имеющегося в ее распоряжении научно-технического потенциала для подъема народного хозяйства. Концентрированное выражение задания государства науке получили в постановлении СНК от 12/IV—1918 г. о финансировании работ Академии по изучению естественных ресурсов и в ленинском «Наброске плана научно-технических работ». Оба эти документа ставили перед научными учреждениями задачу всемерно приблизить свою работу к нуждам народного хозяйства. В. И. Ленин предусматривал в своем «Наброске» разработку плана «реорганизации промышленности и экономического подъема России»⁶⁸ и в связи с этим намечал целую серию исследований, связанных с обеспечением промышленности сырьем и энергией, с ее рациональным размещением и организацией, с работами по электрификации транспорта, промышленности и земледелия. Впервые развертывание научно-технических работ неразрывно связывалось с общим планированием народного хозяйства.

Социалистическое государство обращало внимание прежде всего на развитие тех научных направлений, которые были особенно важны для подъема экономики страны. О задачах, которые ставились перед научными учреждениями, и о том, как регулировалось направление их исследований, можно судить по финансовой и организационной переписке Академии наук и ее учреждений. Анализ директив и заданий специальных отделов ВСНХ и Научного отдела Наркомпроса, постанов-

⁶⁶ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук, стр. 110.

⁶⁷ ААН СССР, ф. 1, оп. 2—1918, ед. хр. 9, § 142; ф. 2, оп. 1—1917, ед. хр. 40, лл. 92, 107, 142; ед. хр. 41, л. 229; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, л. 23; ед. хр. 55—57; ед. хр. 283, л. 6.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228.

лений о финансировании конкретных работ позволяет сделать вывод, что государство в первую очередь стимулировало исследования в области изучения естественных производительных сил — рудных и нерудных ископаемых, удобрительных туков, почв, гидроресурсов и т. п.⁶⁹

В то же время внимательное изучение источников говорит о том, что планирование исследовательской работы определялось не только конкретными требованиями момента. Оно было неразрывно связано с общим ходом научно-технического прогресса. Об этом свидетельствует прежде всего «Набросок плана научно-технических работ». Его содержание указывает на глубокую связь ленинской программы с величайшими достижениями естествознания и техники того времени. В этой связи весьма важно и интересно было бы проанализировать материалы, послужившие В. И. Ленину источником, — научные труды ученых и инженеров, их докладные записки, технические проекты и т. п.⁷⁰ Остановимся лишь на материалах Академии наук, которые могли быть одним из таких источников.

Прежде всего, следует указать на труды КЕПС, публиковавшиеся в 1916—1917 гг., с которыми В. И. Ленин был хорошо знаком⁷¹. В период работы над оперативным планом социалистического строительства В. И. Ленин, очевидно, ознакомился с находившимися в распоряжении СНК материалами Академии наук, которые послужили основанием для принятия постановления о финансировании ее работ. Речь идет прежде всего о записке КЕПС от 24/III—1918 г. и об «Объяснительной записке КЕПС к смете на организацию и выполнение работ на 1918 г.» от 1/IV—1918 г.⁷² Они содержали детальные планы исследования природных ресурсов в связи с развитием основных отраслей народного хозяйства, а также подробное и хорошо аргументированное обоснование необходимости этих работ.

Сравнивая записки КЕПС с ленинским «Наброском плана научно-технических работ», можно установить некоторую связь этих документов, которая проявилась в постановке отдельных вопросов.

Так, записка от 24/III предусматривала изучение белого угля «как крупной отрасли народного хозяйства», разработку мер «к подъему использования сил воды», а также намечала программу исследований по использованию силы ветра: «ветер, как двигательная сила и, малоиспользуемый источник энергии в промышленности и сельском хозяйстве. Техническое и экономическое освещение вопроса о ветряных двигателях»⁷³. В «Наброске плана научно-технических работ» В. И. Ленин лаконично сформулировал связанный с этими работами пункт: «Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию»⁷⁴.

Обе записки КЕПС затрагивали глубоко интересовавший В. И. Ленина вопрос об исследованиях, связанных с созданием сырьевой базы отдельных отраслей промышленности — редких металлов, туковой, керамической и т. п.

Сравним постановку вопроса о форме организации работы. «Объяснительная записка к смете» КЕПС от 1/IV—1918 г. предлагала поручить разработку конкретных вопросов специальным комиссиям, «коллегиям видных специалистов» и намечала создание 15 таких коллегий — по редким металлам, по платине, по белому углю, по солям и т. п.⁷⁵ В. И. Ленин в «Наброске плана научно-технических ра-

⁶⁹ См., например, выписки из решений сметных комиссий при ВСНХ, отзывы Химотдела и НТО на сметы КЕПС (ААН СССР, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 11—18; ед. хр. 56, лл. 280—304).

⁷⁰ Этот вопрос выходит за рамки статьи и является предметом самостоятельного исследования.

⁷¹ В библиотеке В. И. Ленина в Кремле имеется, в частности, выпуск серии КЕПС «Естественные производительные силы России», т. 4. Полезные ископаемые. Пг., 1917.

⁷² В Архиве АН СССР хранятся копии этих записок в составе фондов Н. С. Курнакова (ф. 701) и В. И. Вернадского (ф. 518). Подлинник — ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, лл. 26—38.

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, л. 36—36 об.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 231.

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, л. 27.

Бот» прямо рекомендовал ВСНХ дать Академии наук поручение «образовать ряд комиссий из специалистов»⁷⁶.

Не исключено, наконец, что именно с запиской от 1/IV—1918 г. было связано примечание В. И. Ленина об издании материалов КЕПС, сделанное им в «Наброске плана научно-технических работ». Записка была первым документом Академии, попавшим в СНК, где говорилось об изданиях комиссии вообще и ставился вопрос о необходимости их опубликования. К ней, как сообщалось в тексте, был приложен список тем 14 рукописей и более чем 70 очерков, уже готовых к печати⁷⁷.

Материалы КЕПС, разумеется, далеко не исчерпывают всех проблем, поставленных В. И. Лениным в «Наброске плана научно-технических работ». В данном случае они важны для нас как одно из свидетельств о том, что В. И. Ленин, разрабатывая общегосударственную программу научно-технических исследований, прислушивался к голосу самой науки. Об этом говорят и другие материалы Архива АН СССР. В частности, в протоколах Отделения истории и философии Академии есть запись о том, что 9 апреля 1918 г. «Академию посетил секретарь Совета Народных Комиссаров Николай Петрович Горбунов по поручению Совета Народных Комиссаров и его Председателя». Н. П. Горбунов от имени СНК попросил Академию сообщить «об имеющихся предположениях эксклюзии, предприятий и изданий», а также поручил ей связаться по этому вопросу с учреждениями и организациями, работавшими с ней в контакте⁷⁸.

Судя по материалам КЕПС, в течение 1918 г. пролетарское правительство неоднократно обращалось в Академию при разработке общегосударственных научных мероприятий. Второй запрос СНК относится к июню 1918 г. Его точная дата пока неизвестна. Во всяком случае в протоколе заседания Совета КЕПС от 14 июня 1918 г. записано: «Ученый секретарь доложил пожелание Председателя Совнаркома выяснить те взгляды, которых придерживаются представители науки и научные общества по вопросу о ближайших задачах русской науки»⁷⁹. Ученые по достоинству оценили важность поднятого Совнаркомом вопроса, и не случайно выступавшие на заседании Совета академики Н. И. Андрусов, П. С. Курнаков и С. Ф. Ольденбург подчеркнули его тесную связь «с современными принципами и устоями науки». Было решено детально обсудить предложение Совнаркома, связаться с научными обществами и доложить этот вопрос не только на общем собрании Академии, но и на совещании «высших ученых учреждений»⁸⁰. Обнаруженные документы не позволяют судить, было ли действительно обсуждение организовано так широко, как это было намечено. Академия, судя по протокольным записям, готовила свой ответ правительству очень тщательно. Составленная ею «Записка о задачах научного строительства»⁸¹ неоднократно перерабатывалась, дважды обсуждалась Советом КЕПС, общим собранием, и, наконец, 29 июня был принят ее окончательный вариант⁸².

С осени 1918 г. вопросами планирования науки в связи с запросами народного хозяйства стал заниматься Научно-технический отдел ВСНХ. НТО ВСНХ начал разработку перспективного планирования научно-прикладных работ с детального изучения общего состояния науки в России. В связи с этим Научно-технический отдел в конце ноября наметил составление общей сводки по обширной теме — «Современное состояние науки в России и работы научно-технических учреждений в связи с новыми начинаниями, масштабами, перспективами и задачами, выдвигаемыми строительством социалистического народного хозяйства»⁸³. К участию в этой работе ВСНХ привлек ведущие коллективы ученых, в том числе Академию наук и КЕПС. Ученые с большой готовностью приняли участие в этой работе. «Комиссия, — говорилось в резолюции Совета КЕПС от 2 декабря 1918 г., — не пре-

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228.

⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, л. 27. Список рукописей не найден.

⁷⁸ ААН СССР, Протоколы ИФ РАН, 1918 г., § 128.

⁷⁹ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 17—18.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, ед. хр. 55, лл. 47—58.

⁸² Там же, лл. 22, 25; Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 160.

⁸³ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, л. 59.

минет приложить особенное старание к правильному освещению тех путей, по которым наука должна прийти на помощь современному строительству народного хозяйства»⁸⁴.

Таким образом, с первой половины 1918 г. — с первых запросов, адресованных Академии наук по поручению В. И. Ленина, Советское государство начало обращаться к ученым при составлении перспективных хозяйственных и научно-технических планов.

Докладные записки Академии, составленные в ответ на обращения Совнаркома и Наркомпроса весной—летом 1918 г., содержали глубоко продуманные рекомендации по организации научной работы и развертыванию конкретных исследований. Круг затронутых в них проблем говорит о том, что в работе над ними участвовали многие ученые — сотрудники Академии наук и специалисты, группировавшиеся вокруг КЕПС.

В первую очередь ученые намечали организационные мероприятия, которые должны были, по их мнению, не только обеспечить координированный характер исследовательской работы, но и связать ее с нуждами народного хозяйства. Они предлагали наладить учет научно-технических сил, централизовать статистику, принять меры к охране природы, объединить работы по геологии, картографии и гидрологии, которые до Октябрьской революции велись разрозненно и бессистемно, наладить централизованный учет месторождений полезных ископаемых и т. п. Записки ставили важный вопрос о создании центра экономического изучения страны, который, «опираясь на работу существующих научных органов» и «правильно налаженный государственный статистический механизм», обрабатывал бы всю «сумму знаний о стране и взаимоотношении ее элементов»⁸⁵.

Содержавшиеся в записках организационные идеи отражали те тенденции развивающейся науки, которые не могли быть воплощены в дореволюционной России. Корнями своими рекомендации ученых уходят к известной записке В. И. Вернадского 1916 г. «О государственной сети исследовательских институтов»⁸⁶. Это был первый проект, который намечал создание общенациональной координированной системы научных работ. Он не мог осуществиться ни в царской России, ни при Временном правительстве. Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия, необходимые для его воплощения. В течение 1918—1919 гг. Советское правительство провело ряд организационных мероприятий, связанных с централизацией статистики, с объединением научно-технических промышленных исследований и созданием специального координационного органа — НТО ВСНХ, с налаживанием общего учета научных сил и их консолидацией, с охраной природы и т. п. История разработки и осуществления многих из этих мероприятий отразилась в материалах Архива АН СССР. Среди документов канцелярии Академии и личных фондов таких ученых, как Н. С. Курнаков, А. Н. Крылов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, и других можно найти сведения о том, как создавался НТО ВСНХ и как постепенно он превращался в мощный центр, направляющий научно-технические исследования в Республике⁸⁷. В фондах научных учреждений Академии и КЕПС есть данные о первых шагах к объединению гидрологических, географических и сейсмических работ, о мерах по охране природы и т. п.⁸⁸

Записки КЕПС предлагали развернутую программу конкретных исследований — изучение горючих ископаемых, редких и благородных металлов, удобрительных туков, глин, солей, почв, гидроресурсов, лесного дела, сельскохозяйственных культур и т. п. Очень интересны докладные записки, поданные в 1918—1919 гг. отдельными учеными. Н. М. Тулайков и Л. И. Прасолов представили проект составления почвенной карты республики; А. Е. Чичибабин выступил с предложе-

⁸⁴ Там же, л. 60.

⁸⁵ Там же, ед. хр. 55, л. 52.

⁸⁶ См. записку В. И. Вернадского (ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1916 г., Приложение). См. также отдельный оттиск. Пг., 1917 г.

⁸⁷ ААН СССР, Протоколы ОС РАН, 1918 г., § 188; ф. 1, оп. 2 — 1918, ед. хр. 30, § 292; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 55, 56; ф. 347, оп. 2, ед. хр. 34.

⁸⁸ ААН СССР, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 117—117 об., 119; ед. хр. 28, лл. 45—46; ед. хр. 55, 56.

нием об изучении алкалоидов и лекарственных растений; В. Д. Глушков подал записку об организации гидрологических исследований и т. п.⁸⁹

Предложения по развертыванию тех или иных работ говорят о том, что многие научные отрасли, на развитие которых указывали ученые, были выдвинуты всем ходом развития науки. Они были генетически связаны с планами исследований — по радио, гидрографии, прикладной химии, металлосведению, воздухоплаванию и т. д., — которые выдвигались еще в 1909—1916 гг. на собраниях Академии наук и в 1915—1917 гг. на заседаниях КЕПС⁹⁰.

В первые же годы после победы Октябрьской революции начали успешно развиваться направления, которые искусственно тормозились в условиях царской России. Протоколы общих собраний и КЕПС, материалы канцелярии и учреждений Академии наук, а также многочисленные документы, связанные с деятельностью таких ученых, как Г. О. Графтио, И. М. Губкин, А. Н. Крылов, П. П. Лазарев, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман, В. Г. Хлопин, М. А. Шателен, и других дают возможность проследить, как под руководством Советского социалистического государства развернулись радиовые исследования, изучение Курской магнитной аномалии, работы по электрификации страны, как началась разработка физико-химического и спектрального анализов и их практических приложений, развернулись исследования почв, полезных ископаемых, растительных богатств и т. д.

Документы Архива АН СССР позволяют коснуться еще одного важного направления государственной научной политики тех лет — создания сети исследовательских институтов. Только четко и рационально организованная система научных учреждений могла обеспечить эффективность государственного руководства научной деятельностью и планомерность исследовательской работы. Наряду с сохранением и расширением старых традиционных центров научной работы важным направлением деятельности руководящих советских органов было создание специализированных научных институтов.

Институты стали на рубеже XIX—XX вв. наиболее рациональной и прогрессивной формой ведения исследовательской работы. Вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России их практически не существовало, хотя потребность в создании институтов была чрезвычайно велика. Об этом свидетельствуют материалы, в которых отразилась эволюция старых учреждений, доклады ученых на академических собраниях и заседаниях научных обществ, черновики их выступлений в печати, а также многочисленные проекты, которые они составляли.

В Архиве Академии наук хранится большое количество проектов и докладных записок о создании институтов и общегосударственных лабораторий. Следует указать на проект Института кристаллографии, выдвинутый Е. С. Федоровым еще в 1901 г.⁹¹, а также на серию докладных записок 1911—1916 гг., связанных с проектом Ломоносовского института, который должен был объединить теоретические исследования в области физики, химии и минералогии⁹². Необходимость создания институтов вызывалась не только потребностями теоретического знания. Они должны были стать, по мысли ученых, орудием подъема национальной экономики. Среди материалов КЕПС и в фондах ученых, связанных с этой организацией, имеются интересные проекты прикладных институтов. С 1915 до весны 1917 г. Совет КЕПС рассмотрел около 20 проектов научно-технических институтов, но ни один из них не был осуществлен.

Советская власть восприняла эту ведущую организационную тенденцию развития науки и впервые воплотила ее в конкретную форму. Институты должны были мобилизовать природные ресурсы страны и дать методы их эффективного использования, разработать новую технологию для промышленности, дать средства

⁸⁹ ААН СССР, ф. 687, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 1—6; ф. 174, оп. 2, ед. хр. 25; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 209, лл. 1—2.

⁹⁰ Там же, Протоколы ОС и ФМ РАН, 1909—1916 гг.; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 7—8.

⁹¹ Там же, ф. 1, оп. 1 — 1901, ед. хр. 21, § 390.

⁹² Там же, ф. 2, оп. 1 — 1911, ед. хр. 41—42.

для подъема сельскохозяйственного производства. В 1918—1919 гг. создание исследовательских институтов стало основным принципом формирования сети научных учреждений. Только в течение 1918 г. в стране было создано 18 крупных по тому времени институтов, а в 1919 г. их было уже более 30.

Судя по переписке Академии наук с Научным отделом Наркомпроса, создание институтов начиная с весны 1918 г. стало одним из основных направлений его деятельности, во всяком случае именно с этим было связано в 1918—1919 гг. подавляющее большинство обсуждавшихся в переписке вопросов⁹³.

Протоколы собраний Академии наук, журналы заседаний организационных комитетов, материалы отделов КЕПС и другие документы позволяют проследить процесс формирования не только сети академических учреждений, но и становление всей государственной системы исследовательских институтов в целом. Дело в том, что многие ведущие научные учреждения того времени были созданы при непосредственном участии Академии наук и по ее проектам. Документы об этом в виде приложений к протоколам, отпусков, копий или черновиков хранятся среди ее материалов или материалов связанных с ней учреждений. Кроме того, в Академию наук присылали на отзыв свои проекты различные ведомства, научные общества и краеведческие организации. Эти проекты и связанная с ними переписка дают ценные сведения о характере планировавшихся учреждений и об отношении к ним государства.

Для характеристики выдвигающихся учеными предложений представляется целесообразным остановиться прежде всего на проектах Академии наук. Эти проекты наиболее типичны, они составлялись крупными учеными и представлены от имени наиболее авторитетного научного коллектива. В течение 1918—1919 гг. Академия представила проекты институтов Платины, Физико-химического анализа, Оптического, Керамического, Гидрологического, Металлографического⁹⁴, Физико-технического института «для усовершенствования средств техники и прикладной механики»⁹⁵, Почвенного, Сельскохозяйственного, Прикладной химии, Экономического изучения России, Биофизики и др.⁹⁶ Интересно отметить, что среди предлагавшихся в 1918—1919 гг. проектов нет Ломоносовского института, создания которого Академия наук тщетно добивалась с 1911 по 1916 г. Этот институт предназначался для исследования сугубо теоретических проблем. В январе 1918 г. об организации института беседовал в Наркомпросе акад. А. Н. Крылов⁹⁷, однако в дальнейшем эта идея в переписке с Наркомпросом уже не поднималась. Состав учреждений, намеченных Академией весной и летом 1918 г. к организации, был всецело подчинен задаче возрождения экономики России. Эти институты должны были помочь выполнить задание, которое поставило перед Академией наук постановление СНК от 12 апреля. В то же время анализ уставов и программ этих учреждений показывает, что они отнюдь не мыслились как исключительно прикладные. Институт физико-химического анализа должен был вести теоретическую разработку нового метода исследования вещества; в задачи Оптического института входило исследование всех вопросов, касающихся лучистой энергии; проект Физико-технического института предусматривал изучение молекулярной физики, физико-химии, рентгенологии, биофизики и т. п.⁹⁸

Для общей характеристики разрабатывавшихся в то время проектов следует привлечь планы институтов, представленные другими учреждениями и организа-

⁹³ См. переписку Академии за 1918—1919 гг. — Там же, ф. 2, оп. 1 — 1917, ед. хр. 40—42; оп. 1 — 1918, ед. хр. 1; протоколы и переписку КЕПС. — Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, 9, 55, 56.

⁹⁴ Там же, Протоколы ФМ РАН, 1918 г., § 426—430; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 54—55; ед. хр. 55, лл. 12—13; ед. хр. 203, л. 76.

⁹⁵ Там же, ф. 1, оп. 2 — 1918, ед. хр. 165, лл. 95—97.

⁹⁶ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 28; 55, лл. 12, 19; Протоколы ФМ РАН, 1918 г., § 301.

⁹⁷ Там же, ф. 459, оп. 4, ед. хр. 68, л. 7.

⁹⁸ Там же, Протоколы ОС и ФМ РАН, 1918 г., Приложения, стр. 95—97; ф. 132, оп. 1, ед. хр. 175, лл. 11—15.

циями, в частности, проекты Ассоциации для развития и распространения положительных наук⁹⁹. Ассоциация предложила создать институты Экспериментальной биологии, Экспериментальной зоологии, Ботаническую лабораторию в природных условиях, Радиотехническую и Анатомо-гистологическую лаборатории, Лабораторию генетики и др. Очень интересен проект Г. А. Тихова «О необходимости учреждения высокогорных научных станций». Он обосновывал необходимость их создания задачами, которые выдвигают перед учеными такие новые отрасли науки, как астрофизика и физика атмосферы¹⁰⁰. В отличие от проектов, предложенных Академией наук, институты, проектировавшиеся Ассоциацией, должны были развивать теоретические исследования главным образом в области биологии и нести значительно меньшую прикладную нагрузку.

Анализируя поданные проекты независимо от того, какое место занимали в них прикладные задачи, нужно сказать, что все они предусматривали развитие наиболее важных отраслей современного естествознания. Если мы обратимся к истокам этих проектов, то увидим, что многие из них разрабатывались еще задолго до революции, и, намечая их, ученые предлагали развивать те отрасли знания, которые выдвигались самой логикой развития науки.

Процесс создания институтов был отнюдь не стихийным. Социалистическое государство регулировало формирование сети исследовательских учреждений в соответствии с экономическими задачами, которые перед ним стояли. Об этом рассказывает обширная переписка Академии по поводу проектов постановления о создании институтов, положения, регламентирующие их работу, и т. п. Судя по этим материалам, в первую очередь создавались институты, которые могли помочь решить проблему использования естественных ресурсов или дать разработки, необходимые для промышленности. В 1918 г. были созданы институты Платины, Физико-химического анализа, Оптический, Керамический; в начале 1919 г. начали работать Гидрологический институт и Институт прикладной химии.

Обращает на себя внимание живой интерес, с которым государство встречало проекты учреждений этой группы, и быстрота, с которой они воплощались в жизнь. Так, 2/IV—1918 г. в Наркомпрос были направлены докладные записки Академии о создании ее первых институтов — Платины и Физико-химического анализа, а в мае того же года эти институты уже начали работать¹⁰¹.

Проект создания Оптического института был выдвинут учеными в октябре 1918 г. На заседании Совета КЕПС 25 ноября Д. С. Рождественский доложил, что проект института «был встречен весьма сочувственно Народным Комиссариатом по просвещению, обещающим пойти навстречу этому делу широкими ассигнованиями»¹⁰². В середине декабря проект был уже утвержден, и институт приступил к работе¹⁰³.

Научно-исследовательские институты с первых же дней своего существования превратились в руках социалистического государства в мощное средство возрождения и переустройства народного хозяйства.

Платиновый институт занимался изысканием методов аффинажа платины и разработкой основ платиновой промышленности¹⁰⁴. Оптический институт ставил целью создать научную базу отечественного оптического производства¹⁰⁵. Институт

---

⁹⁹ Проекты Ассоциации для развития и распространения положительных наук хранятся частично среди материалов ее фонда в Архиве АН СССР (ф. 167), частично в составе фонда Наркомпроса в ЦГА РСФСР. Представляется целесообразным дать их общую характеристику независимо от места хранения.

¹⁰⁰ ААН СССР, ф. 167, оп. 1, ед. хр. 12.

¹⁰¹ См. Протокол первого заседания Института физико-химического анализа от 11/V—1918 г. — Там же, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 5.

¹⁰² Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, л. 56.

¹⁰³ См. выступление Д. С. Рождественского на годовичном собрании института 15/XII—1919 г. — Там же, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 67, лл. 1—2.

¹⁰⁴ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 175, 176; ед. хр. 180, л. 5, 6; ф. 426, оп. 1, ед. хр. 1.

¹⁰⁵ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 196; ф. 341, оп. 2, ед. хр. 67.

физико-химического анализа исследовал сплавы металлов для нужд различных предприятий, изучал русское химическое сырье¹⁰⁶.

Советское правительство понимало важность развития фундаментальных исследований и даже в тяжелые годы гражданской войны, когда республике не хватало самого необходимого, находило средства, чтобы поддержать теоретические работы. В 1918 г. в составе институтов, предназначенных для решения прикладных задач, создавались специальные подразделения, где разрабатывались фундаментальные проблемы современного знания. В составе Рентгенологического института в 1918 г. был создан Физико-технический отдел, который занялся изучением физических свойств радия¹⁰⁷. При Московском отделе КЕПС разрабатывались вопросы молекулярной физики и биофизики. В конце 1918 г. начала работать Радиевая ассоциация, в состав которой вошли представители учреждений, занимающихся этой проблемой¹⁰⁸. В Оптическом институте велись исследования атомных спектров и разрабатывался метод спектрального анализа. В стенах этого института в 1919 г. было сделано важное открытие — Д. С. Рождественский с группой сотрудников установил строение атома лития¹⁰⁹. При поддержке Наркомпроса при институте была создана Атомная комиссия, задачей которой было исследование строения сложных атомов¹¹⁰.

Во второй половине 1919 г. стали создаваться научные учреждения, для которых теоретические работы были уже профилирующими, — Рентгенологический институт, Научный химический и др. Начали воплощаться проекты, выдвинутые Ассоциацией. В Москве открылся Институт экспериментальной биологии, где под руководством Н. К. Кольцова началась разработка вопросов генетики; был создан Петергофский естественно-научный институт (ботаническая лаборатория в природных условиях), а при Естественно-научном институте им. П. В. Лесгафта начала работать астрофизическая лаборатория, которую возглавил Г. А. Тихов.

Материалы Архива АН СССР дают ценные сведения для изучения самых разнообразных проблем, связанных с формированием советской научной политики. Кроме вопросов, затронутых выше, они могут быть использованы для характеристики таких ее аспектов, как внедрение плановых начал в работу научных учреждений, создание системы научной информации, и т. п. Они существенно дополняют документы фондов центральных государственных учреждений — СНК, СТО, ВСНХ, Наркомпроса и др. Особенно большое значение имеют материалы Архива АН СССР для изучения состояния и основных тенденций развития науки, ибо эффективность государственных мероприятий во многом зависит от того, насколько они соответствуют ее назревшим потребностям.

Документы архива ярко характеризуют активную роль В. И. Ленина, возглавившего в трудных условиях первых послеоктябрьских лет руководство научным строительством.

¹⁰⁶ Там же, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 118—119; ед. хр. 10, 172.

¹⁰⁷ Там же, ед. хр. 282, л. 6.

¹⁰⁸ Там же, ед. хр. 181, лл. 14—16; ед. хр. 282, лл. 65, 66.

¹⁰⁹ В Архиве АН СССР хранится текст радиосообщения об этом открытии, адресованного в Голландскую академию наук Г. Лорентцу и П. Эренфесту. Текст подписан Д. С. Рождественским и В. К. Фридериксом (там же, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 67, лл. 24—25).

¹¹⁰ Там же, ф. 341, ед. хр. 67, лл. 1—27.

С. П. Б у т ь к о

**МАЛОИЗВЕСТНОЕ ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
МОСКОВСКОГО ГЛАВНОГО АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ,
СОСТАВЛЕННОЕ А. Ф. МАЛИНОВСКИМ**

Алексей Федорович Малиновский (1762—1840) — начальник Московского главного архива Министерства иностранных дел — известен как архивист и археограф. Будучи преемником Н. Н. Бантыш-Каменского, он явился продолжателем его методов систематизации и описания документальных материалов. Малиновский проявил себя как неутомимый археограф. Будучи секретарем-редактором Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров, он приложил много сил и энергии для издания сборников этой комиссии. В работах, посвященных архивному делу и археографии, отмечено большое значение деятельности А. Ф. Малиновского¹. Из наследия его широко используются «Портфели Малиновского», хранящиеся в ЦГАДА (ф. 197).

В фонде кн. М. А. Оболенского — преемника А. Ф. Малиновского по должности в архиве (ф. 332 Отдела письменных источников Государственного исторического музея) — имеется рукопись А. Ф. Малиновского под названием «Записка о достопамятнейших актах, хранящихся в Главном московском архиве Министерства иностранных дел»².

«Записка» составлена в последние годы жизни А. Ф. Малиновского. Хотя она и не датирована, но по упоминаемым в ней событиям, а именно Польском восстании 1831 г., можно заключить, что она написана не ранее этого года. Более того, само название «Записки», где Московский архив назван архивом Министерства иностранных дел, дает основание считать ее написанной после 1832 г., так как такое название архив получил в 1832 г.³

«Записка» начинается кратким вступлением А. Ф. Малиновского: «Дела, хранящиеся в Московском главном архиве, столь же многочисленны, как и разнообразны. Разделяясь на внутренние и внешние, они начинаются 1265, а оканчиваются 1801 годом. До времени императора Петра Великого в Департаменте иностранных дел, называвшемся тогда Посольским приказом, сосредоточивались важнейшие акты по всем частям государственного управления и потому содержат в себе много любопытного для истории и прежнего хода государственных дел»⁴. «Записка» написана на 17 листах большого формата, на обеих сторонах; это черновик с вычеркиваниями, приписками и вклейками А. Ф. Малиновского. В «Записке» имеется 23 пункта описания групп документов:

¹ И. Ф. Токмаков. Обзор библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1879; он же. Библиотека МГАМИД. Каталог рукописям, относящимся до Москвы, Московской губернии, их церквей и монастырей. М., 1879; П. Г. Софинов. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957, гл. III; «Советская историческая энциклопедия», т. 8. М., 1965, стр. 974.

² В фонде М. А. Оболенского имеются и другие материалы А. Ф. Малиновского. В частности, подготовительные материалы к истории города Москвы, Китай-города, Мясницкой части, Кремля.

³ ЦГАДА, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 143, л. 25.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ), ф. 332, ед. хр. 94, л. 1.

- «I Подлинные договорные Великого Новгорода грамоты с великими князьями Тверскими.
- II Духовные грамоты, или завещания, великих князей Московских.
- III Подлинное дело о убийении царевича Димитрия Иоанновича.
- IV Подлинные письма и акты Самозванца Гришки Отрепьева.
- V Грамота утвержденная о избрании на Всероссийский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьева 1613 г.
- VI Книга в лицах, изображающая избрание на царство царя Михаила Федоровича, коронование его и свидание с отцом своим митрополитом Филаретом.
- VII Бракосочетание в лицах государя царя Михаила Федоровича с царицею Евдокиєю Лукьяновною.
- VIII Собственноручные письма Петра Великого.
- IX Союзный договор в подтверждение прежних постановлений великого князя Василия Иоанновича с цесарем Максимилианом, заключенный в 1514 г.
- X Английские грамоты.
- XI Грамоты французских королей.
- XII Наступательный и оборонительный договор великого князя Василия Иоанновича.
- XIII Подлинные с Швециею акты.
- XIV С Датским королевством.
- XV Грамоты к российским государям от принцев Оранских и Голландских Статов.
- XVI Польское королевство.
- XVII Шертные [клятвенные] грамоты крымских ханов.
- XVIII Грузия, Карталиния, Имеретия.
- XIX Трактаты персидские.
- XX Мирные договоры с Портою Оттоманскою.
- XXI Два мирных договора китайских.
- XXII Индейская грамота.
- XXIII Собственные письма и проекты знаменитого Лейбница.

Далее следуют две небольшие главы: «Архивская библиотека» и «Комиссия печатания государственных грамот и договоров». В конце стоит подпись: «Управляющий архивом А. Малиновский».

Первое описание материалов, хранящихся в Московском архиве МИД, составленное А. Ф. Малиновским, относится к 1800 г. В этом году он представил Коллегии иностранных дел «Выписку о установлениях бывшего Посольского приказа, о чиновниках, управлявших иностранными делами, и о хранящихся в Московском архиве делах»⁵.

В 1818 г., как явствует из письма императрицы Елизаветы, Малиновский составил еще одно обозрение исторических памятников, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел, и направил его императрице⁶.

Издаваемый с 1800 г. «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел» поместил в своем первом выпуске статью под заглавием «Один из Каталогов времен А. Ф. Малиновского»⁷. Директор архива Министерства иностранных дел барон Ф. Бюлер излагает историю «Каталога», который был предложен для печати И. П. Хрущевым, а найден в архиве Д. В. Поленова. По предположению Бюлера, «Каталог» был написан рукой столоначальника, служившего под началом А. Ф. Малиновского, и являлся приложением к одному из писем В. Д. Поленову (отцу Д. В. Поленова). По имеющемуся указанию в пункте XXII «Каталога» о том, что вторая часть «Собрания государственных грамот и договоров» тогда не была издана, Бюлер считает, что «Каталог» был написан до 1819 г. Он напечатан был под названием «Взгляд на Московский Иностранной коллегии архив, или записка нескольким из множества выбранным бумагам»⁸. Можно пред-

⁵ ЦГАДА, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 143, л. 3.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Далее — «Каталог».

⁸ «Сборник Московского главного архива МИД», вып. 1. М., 1880, стр. 57.

полагать, что «Каталог», напечатанный в первом выпуске «Сборника Московского главного архива МИД», был списком с обозрения, посланного Малиновским императрице Елизавете в начале 1818 г.

При сравнении «Записки» с «Каталогом» можно заключить, что «Записка» написана на основе известного «Каталога». Пункты I—VII совпадают по содержанию и по очередности. В дальнейшем в «Записке» изменена очередность изложения и введены новые описания групп материалов. С другой стороны, в «Записку» включены некоторые пункты «Каталога», например, пункт VIII, в котором сообщается о книгах с портретами царей, пункт IX «Царские письма» включает в себя сообщение не только о письмах Петра I, как в «Записке», но и о письмах великого князя Василия Иоанновича к супруге Елене Васильевне. Нет в «Записке» и пунктов, в которых Малиновский дает описание государственным печатям и трем знаменам.

Пункт IX «Записки» совпадает по содержанию с пунктом XIII «Каталога», но еще содержит сведения о том, с какого времени иностранные государи стали именовать русских великих князей и царей императорским титулом⁹.

К пункту XI, где рассказывается об отношениях с Францией, Малиновский делает сноску, в которой сообщает о том, что им написана специальная работа (рукопись), посвященная отношениям России с Францией с 839 по 1690 г. Работа эта написана им для Александра I, но из-за смерти его не была поднесена и хранится в библиотеке архива.

В сноске к пункту, посвященному описанию отношений с Пруссией, Малиновский сообщает, что в 1818 г. во время посещения архива Фридрихом-Вильгельмом III он намеревался поднести ему свою работу «Дипломатические сведения о взаимных отношениях между Россией и Пруссией с 1516 по 1701 г.», но этого не произошло, так как работа не была переведена (впоследствии ее перевели на французский язык).

Интересен по содержанию пункт XIV «Записки», в котором говорится об отношениях с Данией и Шлезвиг-Гольштинским герцогством. Здесь ярко проявляется неприязнь автора к Борису Годунову. Он пишет: «По воцарении Бориса Феодоровича прибыл в 1602 г. в Москву предназначенный в женихи дочери его, царевне Ксении, датский королевич Иоанн, родной брат Христиана IV. Ненасытный честолюбец Годунов хотел чрез сей союз с королевским домом придать более важности при упрочивании российского престола потмовству своему; но правосудие всевышнего совершится тому не судило. Болезнь, вскоре по прибытии в Москву приключившаяся королевичу Иоанну, повергла его во гроб»¹⁰. В сноске к этому пункту Малиновский указывает на специальную свою работу «Историческое и дипломатическое собрание дел, между Московским и Шлезвиг-Гольштинским герцогством происходивших».

Большое место уделяет Малиновский отношениям с Польшей. Почти весь этот пункт (XVI) основан на его работе «Исторические доказательства о давнем желании Польского государства присоединиться к России», написанной в 1815 г.

⁹ К пункту IX «Записки» А. Ф. Малиновский делает сноску: «Римский император именовал обладателя России по-немецки *Kauser*. С тех пор английские короли: Филипп и королева Мария [в] 1557, королева Елизавета — с 1561, король Иаков I — с 1616, Карл I — с 1625, английский парламент — [с] 1646, Карл II — с 1649, королева Анна — [в] 1711 [г.] в грамотах своих титуловали царей наших *Empereur, Imperial Majesty*. Испанский король Карл II в грамоте к царям Иоанну IV (надо Ивану V. — С. Б.) и Петру I писал *toda la lierra Septentrional Emporado*; Голландские статьи писали в 1614 г. к царю Михаилу Федоровичу: *Aller Russen Kayser*. Датские короли Фридрих II и Христиан IV в 1574 и 1617 гг. давали титул *Kauser aller Russen*. Прусский владетель маркграф Бранденбургский Альбрехт в договоре 1517 г., заключенном на латинском языке с государем Василием Иоанновичем, поместил слова: *Dei gratia Imperatoris ac Dominatoris totius Russiae*. Французский король Людовиг XIII при переписке его с царем Михаилом Федоровичем титуловал его *Empereur des Russies*; шведский король Эрик XIV в договоре 1561 [г.] именовал царя Иоанна Васильевича *Kauser aller Russen*» (ОПИ ГИМ, ф. 332, ед. хр. 91, л. 4).

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 332, ед. хр. 91, л. 8.

и изданной потом в VI части «Трудов имп. Общества истории и древностей Российских». В «Записке» Малиновский доводит описание отношений с Польшей до современных ему событий, т. е. до Польского восстания 1831 г.

В пункте о шерстных [клятвенных] грамотах крымских ханов Малиновский пишет: «Преимники Хана Менглигирея, бывшего верным союзником Великому князю Иоанну III, продавали свою дружбу за деньги попеременно то России, то Польше»¹¹. К этому пункту Малиновский делает сноску, в которой сообщает, что сокращенную историю Тавриды с древнейших времен и сведения о прежних сношениях России с Крымом он поднес в 1793 г. Екатерине II¹².

В конце «Записки» А. Ф. Малиновский пишет о Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров, указывая, что к тому времени вышло четыре части и готовится к изданию пятая, в которую войдут грамоты и договоры с Европейскими и Азиатскими державами.

Обнаруженная «Записка» представляет интерес как для изучения архивного дела в России первой половины XIX в., так и для определения общественно-политических взглядов А. Ф. Малиновского.

---

¹¹ Там же, л. 12 об.

¹² Там же, л. 13.

М. А. Рашковская, Е. Б. Рашковский

**О МЕМУАРАХ Н. И. КАРЕЕВА «ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ»
КАК ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ КОНЦА XIX в.**

Жизнь и творчество Н. И. Кареева (1850—1931) — одного из крупнейших русских историков последней четверти XIX—начала XX в., автора трудов по всеобщей истории, по философско-методологическим проблемам исторической науки, по историографии и социологии, философии, культуроведению и педагогике, не могут быть охарактеризованы однозначно. Николай Иванович Кареев был писателем чрезвычайно плодовитым: количество названий его научных, научно-популярных и публицистических печатных работ превышает, по всей видимости, четыре сотни¹. Некоторая часть его неопубликованного наследия хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Его дебют в большой науке — монография об экономическом и идейном генезисе французской революции² заслужил положительный отзыв К. Маркса³. Не случайно, что в февральские дни 1918 г., когда решалась судьба русской революции и самой России, В. И. Ленин конспектировал страницы четвертого тома кареевской «Истории Западной Европы», повествующие о судьбах немецкого народа в период наполеоновского нашествия, о том, что скороспелые победы захватчиков чреваты крушением их империй⁴.

Задачей настоящей работы является рассмотрение неопубликованных мемуаров Н. И. Кареева «Прожитое и пережитое», хранящихся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в фонде Н. И. Кареева⁵, — рассмотрение не во всем их объеме, но лишь постольку, поскольку они касаются истории интеллектуальной жизни России конца прошлого века. Мемуары Кареева информируют нас прежде всего об истории русской интеллигенции, об истории идей. В этом — их первостепенная ценность; по сравнению с ней чисто фактологическую ценность мемуаров едва ли можно признать столь же значительной.

Над воспоминаниями историк работал с перерывами с 1921 г. вплоть до самой смерти — почти десять лет. Первые одиннадцать глав, т. е. большая часть воспоминаний, были написаны летом 1921 г. в Аносове, куда Кареев переехал с семьей во время голода в Петрограде⁶. Пожелания, высказанные на чествовании

¹ В библиографии кареевских работ за 1869—1923 гг. учтено 339 названий («Из далекого и недавнего прошлого. Сб. этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева». Пг.—М., 1923, стр. 7—18). Кроме того, в персональной библиографии Кареева, хранящейся в секторе истории Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР им. В. П. Волгина, учтено шесть названий публикаций 1924—1929 гг. и шесть крупных статей из «Энциклопедического словаря» Гранат. Однако существующие донные библиографии не учитывают, во-первых, его юношеских журнальных заметок, подписанных криптонимами, во-вторых, его газетных статей и, в-третьих, его неопубликованных произведений.

² Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.

³ «Сочинение г-на Кареева превосходно...» (Письмо М. М. Ковалевскому, апрель 1879 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 286).

⁴ См. «Ленинский сборник», XI. М.—Л., 1931, стр. 49—51. Работа В. И. Ленина над кареевской книгой нашла косвенное отражение в тексте «Политического отчета ЦК VII съезду РКП(б)» — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 20—26.

⁵ РО ГБЛ, ф. 119 (Н. И. Кареев), п. 44, ед. хр. 1—13.

⁶ В конце одиннадцатой главы стоит дата: 9.VIII.1921 г.

по поводу 50-летия научной деятельности Кареева в Петроградском университете 14 июля 1923 г., по словам ученого, побудили его вернуться к работе над мемуарами, прерванными в 1917 г.⁷

Летом 1923 г., судя по авторской датировке, были написаны двенадцатая и тринадцатая главы и предисловие к мемуарам. Четырнадцатая глава была написана в 1928 г. в санатории «Узкое», под Москвой⁸.

Рукопись представляет собой автограф с авторской правкой и авторской пагинацией. Текст написан бледными чернилами на отдельных листах неформатной бумаги. При повторных обращениях к мемуарам, при чтении их родным и близким⁹ Кареев неоднократно дополнял и исправлял первоначальный текст. Листы пестрят исправлениями и вставками, сделанными различными чернилами на полях и между строк; имеются вставки и на отдельных листах.

В конце 1930 г. у автора возникла надежда напечатать воспоминания при содействии В. Д. Бонч-Бруевича¹⁰, и он обратился к составлению примечаний к тексту. Примечания собраны отдельно от основного текста; они обширны и разнообразны по характеру: здесь примечания и библиографические, и биографические, и фактологические, существенно дополняющие основной текст¹¹. Содержательны примечания, в частности, о Н. Ф. Анненском, А. Л. Блоке (отце поэта), И. И. Иванукове, С. А. Муромцеве. Кареев умер, так и не докончив работы над примечаниями: об этом говорит прежде всего незавершенность их библиографического аппарата.

Воспоминания Кареева охватывают всю его жизнь, с раннего детства до глубокой старости. Об этом говорят и авторские названия глав: I. Муравишники. II. Гжатск и Сычевка. III. «Благородный пансион для девиц обоого пола». IV. Москва и гимназия. V. В Московском университете. VI. Годы моего учительства в гимназии. Первые заграничные поездки и встречи. VII. Профессорство в Варшаве. VIII. В Петербурге на исходе XIX в. IX. Новые заграничные поездки и встречи. X—XI. В Петербурге в начале XX в. XII. Трудные годы. XIII. Вставная глава о революции¹². XIV. Закатные годы¹³.

Столь широкие хронологические рамки работы не могли не отразиться на характере воспоминаний. Автор не придерживается в тексте строгой хронологической последовательности: описывая что-либо, он зачастую забегает вперед или же возвращается к более ранним событиям. Как пишет Кареев в предисловии, создание мемуаров было актом «непосредственного воспроизведения беглого переживания прошлого... во время самого процесса занесения своих отдельных припоминаний на бумагу»¹⁴.

Какие причины побудили старого ученого к созданию обширных воспоминаний? Вероятно, в данном случае было бы уместно воспроизвести мысль из рукописных мемуаров учителя Кареева — В. И. Герье: «Если средневековые монахи,

⁷ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 9, л. 60.

⁸ Там же, ед. хр. 11, л. 7.

⁹ «В 1929 г. Н[иколай] И[ванович] снова гостил у нас и по вечерам читал нам свои воспоминания „Прожитое и пережитое“. Мы с напряженным вниманием и глубоким интересом слушали историю долгой разнообразной трудовой жизни русского ученого», — вспоминала Н. П. Корелина, вдова известного русского историка-медиевиста, в своем рукописном очерке «Моя полувекковая дружба с Н. И. Кареевым» (ЦГА г. Москвы, ф. 2202 (М. С. Корелин), оп. 4, ед. хр. 3, л. 5).

¹⁰ См. переписку Н. И. Кареева и В. Д. Бонч-Бруевича (РО ГБЛ, ф. 119, п. 6, ед. хр. 5—7; ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), к. 159, ед. хр. 6; к. 282, ед. хр. 41).

¹¹ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 12, 13.

¹² «Вставная глава» представляет собой историко-философское рассуждение о природе революционных событий 1917 г. В этом смысле она тяготеет не столько к мемуарному наследию Кареева, сколько к наследию философско-историческому (п. 44, ед. хр. 10, лл. 4—16).

¹³ Рукопись мемуаров пронумерована автором таким образом: первые одиннадцать глав — нумерация валовой постраничная (392 страницы); в остальных главах нумерация отдельная (полистная): гл. XII — 58 листов, XIII — 16, XIV — 17 листов. (Ссылки в тексте данной статьи на нумерацию РО ГБЛ).

¹⁴ РО ГБЛ, ф. 119, п. 4, ед. хр. 1, л. 2.

уходившие в монастырскую келью от суеты мирской, нередко становились наблюдателями и повествователями того, что происходило вокруг них, то тем более естественно человеку, проводившему жизнь в изучении и преподавании истории, под конец своей жизни оглянуться назад и попытаться набросать очерк того, что ему пришлось видеть и испытать самому»¹⁵.

Мемуары историков — неотъемлемый элемент русской культурной традиции. Достаточно указать среди историков-мемуаристов имена ученых второй половины XIX в. — С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, П. Л. Лаврова, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера и наших старших современников Н. Л. Рубинштейна, Н. М. Дружинина и др. Рассказ историка «о времени и о себе» — явление весьма специфическое в мемуарной литературе. Временная перспектива мемуаров историков многопланова: историк-мемуарист повествует не только о том времени, которое он физически пережил, но и о проблематике и динамике своих исследований; таким образом, в мемуары косвенно проникают иные века, иные эпохи, иные пласты исторического времени.

Круг проблем, могущих быть выделенными при чтении воспоминаний Кареева, широк и разнообразен. Первые главы описывают жизнь семьи Кареевых в смоленском захолустье, разложение предреформенного помещичьего быта, духовное оскудение и материальное обнищание последних представителей поместного дворянства; эти главы помогают нам глубже уяснить те процессы эрозии социальной структуры и бытового уклада крепостнической России, благодаря которым появился на свет интеллигент-разночинец 60-х годов XIX в., отчужденный от традиционных ценностей и верований «святой Руси»; мемуары повествуют о влиянии народнических идей и философского позитивизма на формирование гуманитарной интеллигенции 70-х годов (главы «Москва и гимназия», «В Московском университете»). Глава «Профессорство в Варшаве» дает существенный фактический материал о том, как отражалась русификаторская политика царизма в Польше на университетской жизни, каково было отношение различных групп русской интеллигенции к «польскому вопросу». Главы, повествующие о петербургском периоде жизни Кареева (конец XIX — начало XX в.), могут представить определенный интерес для историков, занимающихся такими проблемами, как влияние общей реакции 80-х годов на академическую жизнь, условия формирования либерального народничества, борьба марксистских и народнических воззрений в идейной жизни России на рубеже двух веков.

Немало места в мемуарах уделено и деятельности интеллигенции в первой русской революции, в частности, описанию известной депутации группы общественных деятелей к С. Ю. Витте, которая была предпринята с целью предотвращения кровопролития накануне 9 января 1905 г., образованию Академического союза, работе I Государственной думы и ее роспуску. Крах русского либерализма в Февральской революции, неспособность буржуазных партий наметить скольконибудь позитивные пути преодоления охватившего страну социального кризиса, нервная обстановка Государственного совещания в августе 1917 г. в Москве — все эти события и процессы в той или иной мере запечатлены во внешне бесстрастном тексте кареевских воспоминаний.

Своему отношению к революционным событиям 1917 г. мемуарист посвятил специальную XIII главу воспоминаний; все последние главы говорят о том, как сложно переживалась революционная эпоха старым ученым.

Мемуары Н. И. Кареева неоднократно использовались в советской исторической литературе¹⁶, однако до сих пор к ним обращались для извлечения факто-

¹⁵ РО ГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), п. 32, ед. хр. 12, л. 1.

¹⁶ Б. Г. Вебер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в. — В кн.: «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 643—663; Г. Г. Мошковиц. Русская высшая школа общественных наук в Париже. — «Труды Краснодарского ГПИ», вып. 33, 1963, стр. 135—160; В. В. Золотарев. Н. И. Кареев — историк-методист. Автореф. канд. дисс. М., 1965; Е. Б. Рашковский. О становлении двух тенденций культурной ориентации русской либеральной интеллигенции в семидесятые годы XIX века (Н. И. Кареев

гических сведений и теоретических суждений по тем или иным конкретным проблемам.

Рассмотрим проблемы и события последней трети XIX в., поднятые Кареевым в мемуарах, а изучение взглядов историка на события XX столетия — дело особого исследования.

В первых главах своих воспоминаний Кареев повествует о годах детства и отрочества — о жизни в захолустных уездах Смоленской губернии, о переезде в 1865 г. в Москву и о поступлении в третий класс московской V гимназии, считавшейся одной из лучших в городе. Глава, посвященная учению в гимназии, дает немалую пищу для размышлений относительно условий формирования интеллигента-разночинца второй половины 60-х—начала 70-х годов XIX в. Особенно интересны в этой связи страницы, посвященные гимназической дружбе Н. Кареева с Вл. Соловьевым¹⁷. Соловьев, ставший со временем знаменитым религиозным философом, оказал немалое влияние на Кареева, бывшего в свои 15 лет полупровинциальным, набожно-застенчивым подростком: не без влияния Соловьева Кареев сделался крайним нигилистом в вопросах религии и политики. И лишь на исходе 60-х годов увлечение Писаревым и Бюхнером сменилось увлечением О. Конттом, Боклем, Михайловским и Лавровым.

Глава «Москва и гимназия», повествующая об отношениях между Кареевым и Соловьевым, о круге чтения Кареева-подростка заставляет серьезно поразмыслить о судьбах русского нигилизма 60-х годов. Механистический материализм шестидесятников сыграл в духовной истории России, без сомнения, существенную роль. Однако, дав сильнейший толчок развитию умственной жизни страны, он в скором времени оказался позади основного потока разбуженного им интеллектуального движения: он изжил себя к концу 60-х годов, не будучи в состоянии ответить на те вопросы естественно-научного, социологического и нравственного порядка, которые сам некогда поставил перед русской интеллигенцией.

В 1869 г. Кареев поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Глава воспоминаний «В Московском университете» рисует обстановку академической жизни московских гуманитариев тех лет. Автор дает характеристики профессоров, лекции которых он слушал: С. М. Соловьева, М. С. Куторги, В. И. Герье, Ф. И. Буслаева. Подобно другим мемуаристам и исследователям (М. М. Ковалевскому, С. М. Лукьянову), Кареев считает первую половину 70-х годов относительно спокойным периодом в жизни университета, не ознаменованным сколько-нибудь серьезными конфликтами между студентами и профессурой. То обстоятельство, что в период, когда в стране назревала революционная ситуация, Московский университет жил преимущественно научными и академическими интересами, в какой-то мере объяснимо и либеральным ректорством С. М. Соловьева и становлением либеральной «молодой профессорской партии», к которой причисляли Н. И. Стороженко, А. И. Чупрова, Ю. С. Гамбарова, С. А. Муромцева, позднее М. М. Ковалевского. Сам Ковалевский так оценивал этот кружок: «...Они стояли в самом центре того умственного и общественного движения, которое ставило себе задачей сближение с народом, тесное знакомство с его бытом, посильное удовлетворение его нужд и одновременно воспитание руководящих кругов в сознании их долга перед крестьянской и рабочей средой»¹⁸. Освободительные устремления этого кружка, либерально-народнического по своим взглядам, не простирались особенно далеко, но вклад его в дело воспитания русской интеллигенции значителен. Прогрессивно настроенные молодые профессора привлекли к себе и Кареева. Вот что читаем мы об этом в его мемуарах: «...По-

и В. С. Соловьев). — В сб.: «Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика, история литературы, лингвистика». Тарту, 1967, стр. 79—84.

¹⁷ Взаимоотношениям Н. Кареева и Вл. Соловьева в гимназический период их жизни уделено немало внимания в исследовании С. М. Лукьянова «О Вл. Соловьеве в его молодые годы» (кн. 1. Пг., 1916). Некоторые документы и беседы с Кареевым оказали Лукьянову большую помощь в его работе.

¹⁸ М. М. Ковалевский. Московский университет в конце 70-х—начале 80-х годов прошлого века. — «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 179.

литическое их направление более либеральное, чем у старой профессуры, конституционализм, дополненный социальным реформаторством, более соответствовали моим политическим идеям, не бывшим, впрочем, особенно отчетливыми»¹⁹.

В этой главе дается наиболее подробная характеристика В. И. Герье — крупного ученого, пионера академического изучения новой истории в России, исследователя и одаренного педагога, приучавшего студентов к работе с источником. Герье одним из первых в университете сделал семинарские занятия основным видом работы со студентами. Кареев писал: «... В студенческие мои годы Герье был самым полезным, более других для студентов работавшим профессором, и в чем бы я с ним ни не соглашался, его работы ценил и ценю. Он расположил меня к занятиям историей, научил как следует работать»²⁰. Отношения между учителем и учеником не были идилличны: идеалист-гегельянец по своим философским и умеренный консерватор по своим политическим взглядам, В. И. Герье оказался идейным антагонистом Кареева²¹. Герье безуспешно настаивал на том, чтобы Кареев занялся разработкой истории немецкого либерального католицизма XVIII в.; радикально-народнические же идеи Кареева склоняли его к разработке иной проблематики — проблем генезиса Великой французской революции²². Однако, несмотря на разногласия, Герье продолжал покровительствовать ученику, а после сдачи им магистерского экзамена добился для него годичной доцентуры в университете по курсу истории Западной Европы. После защиты Кареевым магистерской диссертации контакты между учителем и учеником сошли на нет²³.

Шестая глава мемуаров — «Годы моего учительства в гимназии. Первые заграничные поездки и встречи» — повествует в основном о создании и защите на магистерском диспуте монографии «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Материал главы — чисто фактологический. Попутно Кареев рассказывает о своих тогдашних отношениях с учеными (В. И. Герье, В. О. Ключевским, М. М. Ковалевским, М. С. Корелиным, Фюстель де Куланжем, предостерегавшим Кареева «от всяких generalités, рекомендуя все основывать на текстах источников»²⁴. Интересны сообщения Кареева о его встре-

¹⁹ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 4, л. 11 об.

²⁰ Там же, л. 2.

²¹ О мировоззренческой подоплеке расхождений между Кареевым и Герье рассказывается в статье Б. Г. Могильницкого «Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х годов XIX—начала XX в.» («Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», 1963, т. 166, серия историческая, стр. 62—63).

²² См. РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 3, л. 33 об. В своих мемуарах Кареев так пытается задним числом объяснить исследовательский интерес к Французской революции, зародившийся у него в юности и не покидавший его вплоть до самой смерти: «... Просто в силу своего характера я не мог замыкаться от влияний со стороны окружающей жизни в своих научных интересах. Историей крестьянского вопроса во Франции я занялся ввиду того важного значения, какое имел тот же вопрос для России и после освобождения крестьян, а вообще интерес к Французской революции не может не быть вполне понятным ввиду того, что, как не я один думал, рано или поздно и у нас должна была произойти революция» (ед. хр. 8, л. 36).

²³ Следует отметить, что почти всё написанное о Герье в мемуарах было опубликовано Кареевым в следующих статьях: «В. И. Герье. (Некролог)». — «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 220—223; «Памяти двух историков. В. И. Герье и И. В. Лучицкий». — «Анналы». Пг., 1922, № 1, стр. 155—174. Вероятно, одной из причин размолвки между Н. И. Кареевым и В. И. Герье было и то, что последний воспрепятствовал Карееву занять искомую им вакансию штатного доцента в Московском университете, заранее предназначив ее для П. Г. Виноградова. Это предположение основывается на данных письма Кареева П. Л. Лаврову от 19 января—1 марта 1879 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1762 (П. Л. Лавров), оп. 4, ед. хр. 207, л. 4—4 об. Приведенные выше данные стали известны нам благодаря указанию С. Н. Валка. — *М. Р., Е. Р.*).

²⁴ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 4, л. 17 об. Более подробные, чем в мемуарах, сведения о встречах Кареева с Фюстель де Куланжем содержатся в письмах Кареева М. С. Корелину из Парижа за 1877 год (ЦГА г. Москвы, ф. 2202, оп. 3, ед. хр. 3, ч. 2, лл. 30—33 об., 37).

чах с деятелями освободительного движения — П. А. Кропоткиным, П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, М. П. Драгомановым, французскими гадистами; наиболее дружественные отношения сложились у Кареева с Лавровым (преимущественно на почве чисто научных интересов²⁵); Кареев поддерживал связи с Лавровым вплоть до кончины последнего. «Я не без волнения, — писал Кареев в своих воспоминаниях, — еще до знакомства с Лавровым читал его „Вперед“, негодовал на деспотизм русского правительства, преклонялся перед героическим самопожертвованием тех же Кропоткина, Лопатина, Веры Засулич и др., но от этого было еще далеко, чтобы сделаться деятельным революционером»²⁶. Кареев был либералом, но тем не менее близость с социально-революционной средой оказала несомненное влияние на его труд по истории французских крестьян. И не случайно 20 лет спустя после написания этого труда его переводчица на французский язык польская марксистка Ц. В. Войнаровская писала о его актуальности в тематическом и методологическом плане²⁷.

Глава седьмая кареевских мемуаров — «Профессорство в Варшаве» — одна из самых содержательных. Не получив кафедры в Москве, Кареев вынужден был профессорствовать в Варшавском университете в 1879—1884 г. В этот период в Польше происходили важные внутренние процессы. Однако в мемуарах Кареева почти не отразились ни польское рабочее движение, создавшее в 1882 г. партию «Пролетариат», ни другие события польской общественной и культурной жизни. Ценность мемуаров в другом: они информируют нас о жизни того узкого слоя «варшавских россиян», чьей обязанностью было ревностное служение «престолу-отечеству» в главнейших административных учреждениях и учебных заведениях порабощенной страны.

В Варшаве Кареев лицом к лицу столкнулся с миром шовинистически настроенной царской бюрократии. Кареев рассказывает, что при представлении его попечителю Варшавского учебного округа полонофобу А. Л. Апухтину последний заявил: «... Мне, скажу вам, до вашей учености дела мало, а русского направления я от всех буду требовать»²⁸. То «русское направление», которого придерживался Кареев, коренным образом отличалось от ретроградно-шовинистического «направления» Апухтина: кареевское направление было либерально-интеллигентским, оппозиционным по отношению к казенному обскурантизму. Мемуары Кареева, равно как и печатные материалы его лекций в Варшавском университете²⁹, а также его эпистолярное наследие³⁰ свидетельствуют о том, что свое «русское направление» он отстаивал довольно последовательно в духе передовой русской науки: идеи прогресса как основного содержания исторического процесса, идеи всеобщности гуманистических ценностей, идеи правомерности социальных конфликтов и освободительных движений (последнее, правда, высказывалось Кареевым

²⁵ Известно, что П. Л. Лавров выступил одним из самых обстоятельных рецензентов магистерской диссертации Кареева («Дело». СПб., 1879, № 4, стр. 1—39). Кареев же, будучи поклонником философской системы Лаврова, посвятил ей, в частности, следующие работы: «Теория личности П. Л. Лаврова» (М., 1907); «П. Лавров как социолог». — В сб.: «П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы». Пг., 1922, стр. 193—248.

²⁶ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 4, л. 21 об.

²⁷ C. W. Wojnarowska. Préface de la traductrice. — In: N. Karéiew. Les paysans et la question paysanne en France... Paris, 1899, p. XIII—XVI. О революционной и научной деятельности Войнаровской см. статья Ю. Мархлевского («Z pola walki». Warszawa, 1926, N 1, str. 65—68) и Д. Ваврыковской-Верцёховой («Z pola walki». Warszawa, 1963, N 4, str. 180—208).

²⁸ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 5, л. 3 об.

²⁹ См. тексты следующих варшавских лекций Кареева, опубликованных в виде отдельных брошюр: «Введение в курс истории древнего мира» (Варшава, 1880); «Пушкин как поэт европейский» (Воронеж, 1880); «Введение в курс истории новейшего времени» (Варшава, 1881); «Введение в курс истории средних веков» (Варшава, 1883).

³⁰ Особое значение имеют в этой связи письма Кареева М. С. Корелину из Варшавы (ЦГА г. Москвы, ф. 2202, оп. 2, ед. хр. 12, лл. 1—2 об., 48—59; ед. хр. 3, ч. 2, лл. 21—149).

в завуалированной форме), доносимые до аудитории с немалым ораторским мастерством, привлекали на лекции Кареева толпы польских студентов³¹.

Жизнь Кареева в Варшаве протекала в условиях непрекращающейся травли. Главным гонителем Кареева выступал филолог А. С. Будилович, которому со временем предстояло стать «теоретиком» черносотенного движения; закулисным вдохновителем травли оказался сам Алухтин. В таких условиях Кареев работал, собирал материалы для своих будущих трудов по политической и религиозной истории Речи Посполитой в Варшавском архиве древних актов, в таких условиях создавалась Кареевым его докторская диссертация — одно из самых монументальных произведений русской философской и историко-методологической мысли прошлого века: «Основные вопросы философии истории»³².

«Польская» глава кареевских мемуаров подробно рассказывает о жизни русско-польской профессуры Варшавского университета. Здесь рассказывается, в частности, и о А. Л. Блоке, одном из близких историка в Варшаве людей. Кареев описывает А. Л. Блока как чрезвычайно интересного человека, серьезного и глубокого собеседника³³.

Из польских знакомых Кареева интересен Александр Свентоховский, публицист, прозаик и философ, глава литературной партии «варшавских позитивистов». По словам историка, Свентоховский пользовался не меньшей популярностью среди польской молодежи, чем в России Н. К. Михайловский³⁴.

Глава дает немалые сведения и о том, какие впечатления и переживания обусловили появление польской проблематики в историческом и публицистическом творчестве Кареева³⁵.

Последующие главы посвящены петербургскому периоду жизни Н. И. Кареева. В главе восьмой — «В Петербурге на исходе XIX в.» — повествуется об академической и общественной жизни после введения реакционного университетского устава 1884 г. Мемуарист пишет о строгом полицейском и административном надзоре за студентами, ставшем в это время нормой университетских порядков. Середину 80-х годов он называет «временем жесточайшей реакции» в жизни университета³⁶.

Кареев рассказывает о тех людях, чьими усилиями реализовалась политика реакции в области высшего образования, — о министрах народного просвещения И. Д. Делянове и Н. П. Боголепове, о декане историко-филологического факультета Петербургского университета, а позднее ректоре — М. М. Владиславлеве. Боголепову Кареев был обязан своим изгнанием из Петербургского университета в связи со студенческими волнениями 1899 г.

По данным мемуаров, отношение Кареева к студенческим волнениям было, вероятно, двойственным. С одной стороны, он не мог не сочувствовать попыткам молодежи добиться более сносных условий жизни и учебы. Это подтверждается той благожелательной по отношению к студенчеству позицией, которую он занял в Ученом совете и в попытках посредничества между молодежью и властями³⁷.

³¹ О популярности Кареева среди варшавского студенчества писал в своих мемуарах видный польский социалист Б. Лимановский (B. Li m a n o w s k i. Pamiętniki (1870—1907). Warszawa, 1958, str. 214). Интересно отметить, что у Лимановского есть отсутствующие в мемуарах Кареева сведения о его встрече с этим профессиональным революционером в Кракове в 1900 г.: «Мы беседовали по-польски. Я ему подарил с надписью экземпляр к тому времени вторично изданной своей книги „Столетняя борьба польского народа за независимость“. Кареев мне также подарил, подписавши, одну из своих работ» (Ibid., str. 531).

³² Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Критика исторических идей и опыт научной теории исторического процесса, т. 1—2. М., 1883.

³³ РО ГБЛ, ф. 119, л. 44, ед. хр. 5, л. 13 об.

³⁴ Там же, л. 2.

³⁵ Публицистические произведения Кареева на польские темы и библиографию его трудов по польской истории и историографии см. в книге: Н. И. Кареев. Polonica. СПб., 1905.

³⁶ РО ГБЛ, ф. 119, л. 44, ед. хр. 6, л. 10.

³⁷ Там же, ед. хр. 14, лл. 43—44; данные кареевских мемуаров подтверждаются документальными материалами Департамента полиции: ЦГАОР СССР, ф. 102 (ДП), ОО, 1899, д. 3, ч. 1, литера Б, т. I, лл. 207—208. О контактах Кареева

С другой стороны, будучи либералом-постепеновцем, Кареев не считал целесообразным для освободительного движения провозглашение студентами политических требований: «... Я никогда не мог вполне согласиться с теми, которые смотрели на эти волнения как на проявления общественного протеста против деспотизма. По моему мнению, они демонстрировали не силу, а слабость этого протеста, раз за авангардом „детей“ не шла сплошная масса „отцов“ — общество в настоящем, а не в будущем... Положение дел, при котором вся тяжесть борьбы с правительством падала на юношей 18—24-летнего возраста, казалось мне ненормальным», — писал он³⁸.

Немалое место в мемуарах Кареев уделяет общественной жизни 80—90-х годов и своему в ней участию. Он был основателем Исторического общества при Петербургском университете (1889 г.), активным членом Союза взаимопомощи русских писателей и Литературного фонда³⁹. Среди петербургской интеллигенции на исходе XIX в. шла теоретическая борьба между либеральным народничеством и марксизмом, причем последний, будучи взят на вооружение частью буржуазных мыслителей (П. Б. Струве и др.), трансформировался в теорию «экономического материализма». Мемуары Кареева наряду с его неоднократно издававшимися «Этюдами об экономическом материализме» — ценнейший исторический источник для изучения либерально-буржуазного восприятия марксизма и истории полемики вокруг марксизма в России на рубеже двух веков. Известно, что в спорах с легальными марксистами Кареев, сам определявший свои воззрения как «либеральные и западнические»⁴⁰, официально выступал на стороне народников. Последнее обстоятельство, изложенное довольно подробно в мемуарах Кареева, позволяет уяснить некоторые проблемы генезиса русского либерального сознания начала XX в., идейными истоками которого оказался, с одной стороны, «легальный марксизм», а с другой стороны, — субъективно антибуржуазное либеральное народничество, либеральное в сфере политики, но критически настроенное по отношению к либеральным доктринам «экономической свободы личности» в сфере политической экономии.

Те разделы мемуаров Н. И. Кареева, которые касаются конца XIX в., дают богатый материал для изучения формирования русского либерализма как идейного течения; разделы мемуаров о событиях XX в. повествуют о периодах расцвета и последующего упадка этого течения.

со студенческим научно-литературным обществом (1880-е годы) см.: Р. А. Казакевич и С. З. Мандель. Научная и культурно-просветительная деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX в. Л., 1967, стр. 24, 42.

³⁸ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 6, лл. 35 об., 36.

³⁹ Материалы, относящиеся к работе Кареева в Литературном фонде, были выделены им в особый фонд и переданы Пушкинскому дому (ПД, ф. 422).

⁴⁰ РО ГБЛ, ф. 119, п. 44, ед. хр. 6, л. 8 об.

А. С. Букалов, Н. С. Трусова

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА М. Н. ПОКРОВСКОГО¹

Выдающийся советский историк академик Михаил Николаевич Покровский (1868—1932) прошел долгий и сложный творческий путь. Не касаясь в настоящей статье содержания трудов М. Н. Покровского и развития его взглядов как историка-марксиста, следует подчеркнуть, что деятельность этого ученого была удивительно многогранной.

Член КПСС с апреля 1905 г., принимавший активное участие в революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции в Москве, М. Н. Покровский с ноября 1917 г. по март 1918 г. был первым председателем Моссовета. С мая 1918 г. и до конца своей жизни он бессменно занимал пост заместителя народного комиссара по просвещению РСФСР. Наряду с этим М. Н. Покровский в разные годы являлся руководителем Коммунистической академии, ее Института истории, Общества историков-марксистов, Центрархива, возглавлял Институт красной профессуры, был редактором журналов «Историк-марксист», «Борьба классов», «Вестник Комкадемии» и др.; неоднократно избирался в состав ЦИК СССР и ВЦИК. Таким образом, документы и материалы, связанные с деятельностью М. Н. Покровского и отложившиеся в его личном архиве, представляют, несомненно, ценный исторический источник не только для исследователей, занимающихся изучением научного наследия ученого, но и для историков, специализирующихся в области изучения проблем строительства Советского государства, создания советской системы народного образования и социалистической культуры.

Фонд академика М. Н. Покровского создан на основе материалов, переданных Институту истории АН СССР сыном ученого — П. М. Покровским — в 1947 г., и представляет важную часть документального наследия М. Н. Покровского, хранящегося также в ЦПА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в Центральном музее революции СССР и Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР.

Ценность данного фонда определяется его сравнительной полнотой, разнообразием имеющихся материалов, а также наличием весьма значительного числа рукописных трудов историка (204 ед. хр.), относящихся в основном к советскому периоду его творческой деятельности. Кроме того, следует отметить наличие большого числа документов и материалов с правкой, пометками и примечаниями М. Н. Покровского.

Документальные материалы фонда, сгруппированные по тематико-хронологическому принципу в семь описей, ярко отражают широту и многогранность деятельности ученого. Здесь наряду с научными трудами М. Н. Покровского находятся материалы к биографии, общественно-политической и научно-педагогической деятельности историка, его корреспонденция, библиографические карточки и копии архивных документов по различным вопросам истории.

Материалы научной, педагогической и государственной деятельности М. Н. Покровского содержатся в первых двух описях фонда, насчитывают 397 единиц хра-

¹ Институт истории СССР АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. 5, 1064 ед. хр.

нения и относятся к периоду 1906—1932 гг. Это монографии, статьи, заметки, доклады, предисловия к различным сборникам, а также документы тех учреждений, в организации и работе которых М. Н. Покровский принимал деятельное участие. Из работ, написанных в дореволюционное время, в фонде хранятся рукописи некоторых статей для монографии Покровского «Очерк истории русской культуры» (оп. 1, ед. хр. 9—15), «Энциклопедического словаря Гранат» (оп. 1, ед. хр. 4), материалы к сборнику «История России в XIX веке» (оп. 1, ед. хр. 5, 8). Наиболее крупным и известным трудом историка, созданным после Октябрьской революции и получившим положительную оценку В. И. Ленина, является его книга «Русская история в самом сжатом очерке». В фонде имеется рукописный текст этой работы и его машинописная копия с многочисленными авторскими пометками и исправлениями (оп. 1, ед. хр. 36—39). Из рукописей М. Н. Покровского в фонде хранятся также крупные работы, как «Очерки по истории русского революционного движения XIX—XX вв.» (оп. 1, ед. хр. 110), «Борьба классов и русская историческая литература» (оп. 1, ед. хр. 92), и некоторые другие.

Среди статей историка, находящихся в фонде, имеются автографы таких важных работ, как «Классовая борьба и идеологический фронт» (оп. 1, ед. хр. 263), «К вопросу об особенностях исторического развития России» (оп. 1, ед. хр. 166), «Ленин и Маркс как историки» (оп. 1, ед. хр. 224), «Чем был Ленин для нашей высшей школы» (оп. 1, ед. хр. 116), «Советская глава нашей истории» (оп. 1, ед. хр. 114), «О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем» (оп. 1, ед. хр. 117), «Маркс как историк» (оп. 1, ед. хр. 86 — машинописный текст с правкой М. Н. Покровского). Очень полно представлены статьи и заметки (рукописи или машинописные копии) по истории Октябрьской революции, первой мировой войны, работы по методологии истории и пропаганде марксистско-ленинского теоретического наследия, по народному образованию и многим другим проблемам.

Следует отметить наличие в фонде значительного числа рецензий и отзывов М. Н. Покровского на труды историков, в том числе на труды С. Б. Веселовского, Р. Ю. Виппера, А. М. Зайончковского, Н. А. Рожкова, А. И. Яковлева (оп. 1, ед. хр. 79, 161, 249, 178).

В целом материалы первой и второй описей фонда содержат большинство наиболее важных и капитальных трудов Покровского, созданных в советское время. Опубликованные работы отмечены в описи.

Огромная общественно-политическая, педагогическая и научно-организационная деятельность М. Н. Покровского нашла свое отражение главным образом в документах и материалах Наркомпроса (оп. 2, ед. хр. 1—6), Академии наук (оп. 2, ед. хр. 18), Комакадемии (оп. 2, ед. хр. 7—17), Института красной профессуры (оп. 2, ед. хр. 19—24), Истпарта (оп. 2, ед. хр. 25), РАНИОНа (оп. 2, ед. хр. 5). Это протоколы заседаний, резолюции и постановления различных комиссий, коллегий, обществ, материалы научных дискуссий, планы, отчеты и т. п. Эти документы хронологически охватывают 1918—1933 гг. и насчитывают свыше 7200 листов (33 ед. хр.).

В фонде также хранится большой и ценный эпистолярный материал, характеризующий научные и общественные интересы М. Н. Покровского (оп. 4; 408 ед. хр.).

167 ед. хр. — письма М. Н. Покровского (автографы и машинописные копии) в Центральный Комитет Российской Коммунистической партии, Совет Народных Комиссаров, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в Наркомпрос, Наркоминдел, Институт Ленина, Академию наук СССР, Коммунистическую академию, в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина, Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦекУБУ) и ряд других учреждений. Из переписки М. Н. Покровского с отдельными лицами следует отметить большую группу писем, адресованных В. П. Волгину, К. Е. Ворошилову, А. М. Горькому, С. К. Гусеву, Ф. Э. Дзержинскому, А. П. Карпинскому, А. М. Коллонтай, М. Е. Кольцову, Г. М. Кржижановскому, Н. К. Крупской, М. М. Литвинову, А. В. Луначарскому, Б. И. Лященко, Н. Я. Марру, И. И. Минцу, Ф. Нансену, В. И. Невскому, К. О. Овсянникову, Д. М. Петрушевскому, Н. А. Семашко, И. И. Степанову-Скворцову,

И. П. Товстухе, Г. С. Фридлянду, В. М. Фряче, М. В. Фрунзе, А. Д. Цюрупе, Г. В. Чячеряну, О. Ю. Шмидту, А. Эйнштейну, Е. М. Ярославскому.

В фонде сохранились письма корреспондентов М. Н. Покровского, среди которых почти все вышеперечисленные лица и учреждения и ряд других лиц, в том числе такие видные советские ученые и государственные деятели, как В. В. Адоратский, В. Д. Бонч-Бруевич, Е. С. Варга, Б. Д. Греков, М. В. Нечкина, С. Ф. Ольденбург, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, М. Н. Тухачевский. Особо отметим копию письма В. И. Ленина, написанного по поводу выхода книги М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (оп. 4, ед. хр. 240). Письма М. Н. Покровского и его корреспондентов охватывают послеоктябрьский период его жизни и деятельности (1918—1932 гг.) и широко восполняют коллекцию писем личного фонда М. Н. Покровского, хранящуюся в ЦПА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Важной составной частью фонда являются документы и материалы, относящиеся к биографии Покровского (оп. 3; 79 ед. хр.). Они позволяют более полно и ярко осветить основные этапы жизни и деятельности ученого.

Биографические материалы представлены документами как личного, так и служебного характера: это автобиографические заметки М. Н. Покровского, удостоверения, приглашительные билеты, постановления о назначении его на тот или иной государственный пост, договоры с издательствами, фотографии и т. д.

Один из разделов фонда составляет небольшая, но довольно ценная и интересная часть творческой лаборатории ученого (оп. 6; 17 ед. хр.). Здесь сосредоточены копии архивных документов по истории России XVII—XX вв., многочисленные библиографические материалы, выдержки из научно-исторических работ и т. п. Наибольшей полнотой отличаются копии архивных документов по истории революции 1905—1907 гг., первой мировой войны, а также гражданской войны и интервенции.

Среди материалов фонда значительное место занимают монографии, статьи и доклады, не принадлежащие перу М. Н. Покровского (оп. 5; 115 ед. хр.). Часть этих работ была прислана историку для рецензирования, на что указывают сопроводительные записки и пометки на полях и в тексте, сделанные рукой М. Н. Покровского (ед. хр. 7, 8, 15, 17, 20, 75, 78, 90 и др.).

Ряд статей и докладов был предоставлен ученому в целях информации. Многие из авторов являлись в разное время слушателями Института красной профессуры, Комакадемии и других вузов, где протекала научно-педагогическая деятельность М. Н. Покровского.

Материалы пятой описи включают работы многих известных историков — Н. Н. Ванага, Н. М. Дружинина, С. М. Дубровского, Е. А. Косминского, В. Ф. Малаховского, И. И. Минца, В. И. Невского, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой, В. И. Пичеты, Ф. А. Рогштейна, Н. Л. Рубинштейна, А. Л. Сидорова, Г. С. Фридлянда, А. В. Шестакова. Имеется несколько работ видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства — Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского. Даты написания и издания работ, сгруппированных в пятую опись фонда, — 1904—1931 гг. Авторство некоторых трудов установить не удалось.

В заключение отметим, что документы и материалы, находящиеся в личном фонде академика М. Н. Покровского, неоднократно использовались исследователями и, учитывая их научно-историческую ценность, останутся и в дальнейшем объектом глубокого и внимательного изучения со стороны советских историков.

Н. Г. Михайлова

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА Н. В. УСТЮГОВА

Доктор исторических наук Николай Владимирович Устюгов¹ (1896—1963) был видным советским историком, крупным педагогом, активным организатором, о чем свидетельствуют и материалы архивного фонда, хранящегося в Архиве Академии наук СССР. В октябре 1966 г. его вдова, Александра Николаевна Устюгова, передала в архив более 1000 единиц хранения. Архив АН СССР со своей стороны предпринял шаги по розыску документальных материалов Н. В. Устюгова, имевшихся у друзей, учеников и знакомых. В результате было получено более 200 писем Н. В. Устюгова, воспоминания, фотографии, отзывы о работах и другие документальные материалы. Таким образом, можно предположить, что архивный фонд Н. В. Устюгова собран в ААН СССР достаточно полно².

Фонд Н. В. Устюгова представляет собой комплекс документальных материалов за 1898—1967 гг. в количестве 1149 единиц хранения. Ценность его заключается в большой сохранности документального наследства и значительном количестве неопубликованных работ.

В фонде Н. В. Устюгова пять описей, которые соответствуют следующим группам материалов:

- 1) Научные труды и рабочие материалы к ним.
- 2) Биографические материалы.
- 3) Материалы о деятельности.
- 4) Переписка.
- 5) Материалы других лиц.

Сохранилось более 150 рукописей различных научных трудов, лишь 50 из них опубликованы.

Н. В. Устюгов был непревзойденным знатоком позднефеодального периода истории СССР. Особенно его привлекал XVII в. Примерно треть работ, хранящихся в архиве, касается проблем XVII в., например вариант кандидатской диссертации «Очерки по истории преобладающих видов труда в посадах восточной части Поморья в первой половине XVII в.»³, опубликованная монография, защищенная в качестве докторской диссертации, — «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности XVII в.».

К этой группе относятся также многочисленные неопубликованные работы: «Московское государство в XVII в. (Основные линии исторического процесса)», «Скорняки», «Гости гостинной и суконной сотни, торговые люди и тяглецы московских сотен и слобод и их взаимоотношения с посадами», «Московское восстание 1682 г.», «Записные ремесленники г. Москвы», «Соляной промысел Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в Соликамском уезде в последней четверти

¹ Материалы о жизни и деятельности Н. В. Устюгова и список его опубликованных работ см.: А. А. Преображенский. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова. — В кн.: «Города феодальной России». М., 1966, стр. 7—22, 26—33.

² Архив АН СССР пользуется случаем поблагодарить всех товарищей, передавших на хранение в архив документальные материалы Н. В. Устюгова.

³ Опубликован раздел «Транспортные рабочие» («Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 167—194) под названием «Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.».

XVII в.» и др. Большая группа материалов представлена статьями по истории России XVII в., опубликованными в «Очерках истории СССР» и «Истории Москвы», в которых использованы в известной степени и материалы перечисленных выше работ.

Особый интерес представляют работы Н. В. Устюгова по истории крестьянства и сельского хозяйства. Эту тему исследователь не оставлял со студенческой скамьи до последних дней. В фонде сохранились неопубликованные работы молодого ученого: «Юридическое положение крестьян, вышедших из крепостной зависимости (Положение, разд. 1, гл. 1—2)», «Повинности крестьян по Положению 19 февраля 1861 г.», «Вопрос о землевладении и землепользовании в Мясном уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности», «Земские повинности в России в первую половину XIX века по законодательным данным» и др.

К более зрелому периоду относятся опубликованные работы: «К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.», «Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.», «К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.» и неопубликованная: «Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в.» и ряд других.

Н. В. Устюгов был крупнейшим специалистом по истории народов нашей страны. Его работы внесли большой вклад в изучение народов Поволжья, Приуралья, Белоруссии, Литвы, Молдавии, Северного Кавказа и др. Многочисленные труды ученого посвящены истории Башкирии. Его интересовали социально-экономические отношения в XVII—XVIII вв., характер башкирских восстаний XVII—XVIII вв., культура башкир и другие вопросы. В фонде представлено более 40 работ по этой тематике. Это «Башкирские восстания XVII в.» (1939 г.), «Башкирия во второй половине XIX в.» (1941 г.), «Башкирское землевладение в первые годы XX в.» ([1941 г.]), «Башкирское восстание 1662—1664 гг.», «Башкирское восстание 1737—1739 гг.» и др.

Для большой коллективной работы «Очерки истории Башкирской АССР» им написан ряд глав. В «Очерках по истории СССР. Период феодализма. XVII в.» раздел об истории Башкирии также написан Устюговым. Н. В. Устюгов принимал активное участие в обсуждении различных вопросов по истории Башкирии. С этой целью он написал ряд докладов и выступлений, имеющих самостоятельное научное значение: «Башкирское восстание 1737—1739 гг.», «Общий характер восстаний XVII в.», «К вопросу о характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в.», «Спорные вопросы в трактовке характера башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в.»

В фонде хранятся опубликованные работы по истории других народов нашей страны XVI—XVIII вв.: лопарей, коми, калмыков и неопубликованные работы: «История народов Средней Азии и Приуралья в XVII—XVIII вв.», «О вхождении Удмуртии в состав Русского централизованного государства», «Историческая справка о добровольном присоединении Марийской земли к Русскому государству» (Соавтор Л. В. Черепнин), «Историческая справка о добровольном вступлении правителя и населения территории современной Тувынской АССР в русское подданство в 1616 г.»

В последние годы Николай Владимирович проявлял большой интерес к истории Украины. Об этом свидетельствуют его отзывы о работах по этой тематике и переписка с украинскими историками.

В архивном фонде Н. В. Устюгова хранятся конспекты курса лекций по вспомогательным историческим дисциплинам: «Хронология», «Палеография», «Метрология и нумизматика», «Сфрагистика», «Геральдика», «Метрология», «Нумизматика».

В годы Великой Отечественной войны на фронте Николай Владимирович Устюгов готовил и читал лекции о русских полководцах, об истории русской армии, об освободительных движениях народов Украины, Белоруссии, Прибалтики, о русской литературе, живописи, музыке и т. п. В фонде сохранились конспекты и планы этих лекций.

Значительную часть научного наследия Н. В. Устюгова составляют отзывы на работы других лиц. Их сохранилось более 200, и лишь 26 из них опубликованы. С одинаковой тщательностью писались отзывы на монографию маститого ученого и на студенческую работу. Очень часто к отзывам приложены постраничные замечания. Отзывы и рецензии представляют собой самостоятельные исследования по конкретной проблеме. Только простое перечисление некоторых отзывов о докторских и кандидатских диссертациях, монографиях, статьях и дипломных работах свидетельствует о широчайшем диапазоне научной эрудиции ученого: В. А. Александров «Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край)», Н. Г. Аполлова «Присоединение Казахстана к России», Н. А. Барсуков «Соловецкое восстание 1668—1676 гг.», И. А. Бульгин «Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (на примере владений А. М. Полянского)», С. М. Васильев «Припущенники на Башкирских землях в первой половине XVIII в.», А. А. Введенский «Торгово-промышленный дом тотемских Строгановых в XVI—начале XVII в.», С. Б. Веселовский «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926), Ф. А. Грекул «Аграрные отношения в Молдавии в XVI—первой половине XVII в.» (Кишинев, 1961), О. П. Дьяконов «Ярославский посад во второй половине XVI—первой половине XVII в. (Очерки социально-экономической истории русского города позднего средневековья)», И. Я. Златкин «История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.)», И. М. Ионенко «К вопросу об исторических условиях превращения Курско-Орловского диалекта в основу русского национального языка», Е. И. Каменцева «Новгородские порядные и ссудные записи XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения», М. Л. Кичиков «Образование калмыцкого ханства в составе России», Е. С. Компан «Города Левобережной и Правобережной Украины в XVIII в.», Я. Ю. Конкс «Эстляндское феодально-крепостническое сельское хозяйство и положение крестьянства в конце XVIII и первом десятилетии XIX в.», Ф. Н. Мильков «Рычков Петр Иванович (1712—1777). Жизнь и географическая деятельность», Н. И. Павленко «Берг-коллегия в 1719—1742 гг. (Организация управления металлургической промышленностью в первой половине XVIII в.)», А. М. Панкратова «История рабочего класса в России», т. 1; М. Н. Шобухов «Системы и методы описания документальных материалов в архивах дореволюционной России (XIX—начало XX в.)», «История БССР (с древнейших времен до конца XVIII в.)», ч. 1; «История армянского народа». Учебник для VIII—IX классов средней школы, ч. 1; рукопись «История Киргизии» и многие другие.

В фонде хранится 60 работ различных авторов, отредактированных и подготовленных к печати Н. В. Устюговым. Это в основном разделы первой части первого тома «Очерков истории Башкирской АССР», «Очерков истории СССР. Период феодализма. XVII в.», первого тома «Истории Москвы», а также труды некоторых крупных советских ученых, вместе с которыми Н. В. Устюгов работал длительное время: К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, С. К. Богоявленского, С. Б. Веселовского, А. И. Заозерского, П. П. Смирнова, А. Н. Сперанского, Н. С. Чаева.

Н. В. Устюгов придавал огромное значение работе в архивах, работе с источниками. «Конечно, без архива — не работа», — писал он в одном из писем с фронта Е. Н. Кушевой. Он был, бесспорно, одним из лучших знатоков архивных материалов по истории России XVII—XVIII вв. Огромное количество выписок, хранящихся в фонде, свидетельствует о его постоянной работе в архивах. Это выписки из фондов ЦГАДА: Приказные дела старых лет, Поместный приказ, Писцовые и переписные книги, Приказные дела новой разборки, Городовые книги, Сибирский приказ, Сенат, Приказные дела, Дела Посольского приказа по сношениям с народами, вошедшими в состав СССР, Коллегия иностранных дел, Оружейная палата, Грамоты Коллегии экономии, Экономические примечания к генеральному межеванию, Исетская провинциальная канцелярия, Таможенный сборный, Строгановы. Особый интерес представляют выписки из фонда Воскресенского Новоерусалимского монастыря, хранившегося в архиве Московского областного музея г. Истры и очень пострадавшего в годы Великой Отечественной войны. Понятно, как велико значение этих выписок.

Завершают этот раздел отзывы и рецензии о трудах Н. В. Устюгова, их сохранилось в фонде 35. Среди них отзывы С. Б. Веселовского, Н. М. Дружинина, В. И. Пичеты, С. Г. Струмилина, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черешнина и др.

Во втором разделе архивного фонда Н. В. Устюгова собраны биографические материалы. Это сочинения и конспекты, написанные Н. В. Устюговым во время учебы: тетради по истории и истории философии, конспекты лекций по методологии истории и др. Значительный интерес представляют протоколы заседаний семинаров В. И. Пичеты за 1923—1924 гг. Устюгов был секретарем этого семинара и самым тщательным образом вел эти протоколы. Они интересны и постановкой тем и методикой проведения этих занятий. В своей последующей педагогической деятельности и особенно в руководстве научным студенческим кружком Н. В. Устюгов не раз обращался к опыту работы этого семинара. Среди материалов биографического характера — свидетельства об окончании учебных заведений, аттестаты, дипломы, удостоверения к наградам, Почетная грамота заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, поздравительные адреса, письма и телеграммы в связи с юбилеями и др.

Иллюстративный материал представлен в фонде очень небольшим количеством фотографий самого Николая Владимировича за 1918—1963 гг., а также фотографии Н. В. Устюгова с близкими, коллегами, учениками, друзьями.

В этом же разделе находятся материалы мемориального характера: газетные вырезки со статьями о Н. В. Устюгове, воспоминания. Большой интерес представляют воспоминания подполковника запаса М. И. Кременецкого, с которым Н. В. Устюгов служил в годы Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии и, раненого, вынес его с поля боя.

«... Своими остроумными шутками, мудрыми советами, всегда с хорошим веселым настроением он помогал всем и в работе и на отдыхе»⁴, — таким запомнился Н. В. Устюгов автору воспоминаний.

Устюгов никогда не был оторванным от жизни кабинетным ученым. Мы знаем его как педагога, редактора, крупного организатора. Этой многосторонней деятельности и посвящены документальные материалы следующего раздела.

Работа сессий межреспубликанских симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы не мыслилась без Устюгова. Он много времени уделял их подготовке. Во время работы симпозиумов Николай Владимирович был постоянным руководителем II секции (XVII век). В фонде хранятся материалы II—VI сессий симпозиумов: программы, записи выступлений, замечания, проекты резолюций и т. п. Среди записей Вильнюсского симпозиума имеются наброски проекта резолюции II секции, сделанные Н. В. Устюговым за два часа до смерти.

Н. В. Устюгов много сил и времени отдавал помощи историкам союзных и автономных республик. В течение многих лет он был бессменным секретарем Башкирской комиссии Института истории АН СССР. В фонде сохранилось 33 единицы хранения, характеризующие эту деятельность. Среди них стенограммы и протоколы совещаний и обсуждений по подготовке «Очерков по истории Башкирии», переписка с сотрудниками Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и издательством о подготовке к изданию «Очерков по истории Башкирской АССР», заметки и отзывы о работе Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

Н. В. Устюгов был активным и деятельным членом Совета по координации научной деятельности союзных республик. Большую помощь он оказывал историкам Коми АССР, Калмыцкой АССР, Казахской ССР. В фонде хранятся отзывы об отчете о научно-исследовательской работе отдела языка, литературы и истории Коми филиала и Калмыцкого филиала. Материалы конференции по истории Сибири и Дальнего Востока свидетельствуют о большой заинтересованности Н. В. Устюгова деятельностью сибирских историков.

---

⁴ Архив АН СССР, ф. 1535, оп. 2, ед. хр. 89, л. 3.

Педагогическая деятельность Н. В. Устюгова связана с Московским историко-архивным институтом. Там в 1938 г. он начал вести занятия по вспомогательным историческим дисциплинам, туда вернулся в 1945 г. после фронта, там принимал вступительные экзамены незадолго до смерти. Большое внимание уделял Николай Владимирович разработке программ лекционных курсов, выбору тематики студенческих работ, подбору источников и литературы. В фонде хранятся программы курса лекций по вспомогательным историческим дисциплинам, спецкурсов «Экономическая и социальная история Московского государства в XVII в.», «Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема образования всероссийского рынка», «История народов Средней Азии и Казахстана (Приуралья)», «Русская культура XVII в.».

Н. В. Устюгов с большой ответственностью относился к семинарским занятиям со студентами всех курсов. На протяжении многих лет он подробно записывал тему, основные положения докладчика, вопросы к нему, замечания оппонентов и руководителя, ответы докладчика. В фонде сохранилось восемь таких тетрадей.

Наиболее точно основной принцип педагогической деятельности Николая Владимировича выражен в его словах: «Основная задача высшей школы — научить самостоятельной работе в области избранной специальности»⁵. Этому же учил Николай Владимирович студентов и на занятиях научного студенческого кружка по истории СССР периода феодализма. В фонде хранятся тетради записи заседаний кружка за 1948—1963 гг., планы работы за 1951—1962 гг., материалы о 15-летнем юбилее кружка.

Значительную часть фонда составляет переписка Николая Владимировича (283 ед. хр.), которая охватывает большой период времени (1920—1963 гг.). Каждое из этих писем представляет интересный документ. Николаю Владимировичу писали очень многие; среди его корреспондентов были видные советские историки Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик: А. И. Андреев (3 письма), Н. Г. Бережков (6), И. У. Будовниц (12), С. Н. Валк (6), С. Б. Веселовский (5), Б. Д. Греков (2), Ю. М. Гроссман (5), Н. М. Дружинин (5), Я. С. Исаевич (7), З. Г. Карпенко (4), Е. С. Коман (16), Е. Н. Кушева (22), М. В. Нечкина (2), А. М. Панкратова (2), К. Н. Сербина (63), А. Н. Усманов (34), Ф. Т. Шевченко (5), С. В. Шостакович (12), В. И. Шунков (25), В. К. Яцунский (45) и др.; ученики всех рангов от студента до доктора наук: К. А. Заболоцкая (20), Л. А. Зевакина (6), В. Н. Иванов (4), Е. И. Каменцева (222), П. А. Колесников (72), А. Н. Копылов (16), Т. Д. Либеровская (37), А. А. Преображенский (10), Г. С. Хомякова (5) и др.; краеведы: Л. М. Белоруссов (6), М. И. Романов (15) и многие другие.

Корреспонденты Устюгова делились с ним научными открытиями, просили совета, выясняли у него круг источников и литературу по интересующей проблеме, писали о своих сомнениях, возникающих в процессе научной работы. Письма полны подробностей повседневной жизни, которыми живо интересовался Николай Владимирович.

В фонде имеются также письма самого Н. В. Устюгова. Их немного — всего 25 единиц хранения. Это в основном письма, полученные архивом непосредственно от адресатов.

Большого внимания заслуживает фронтовая переписка Устюгова (более 60 корреспондентов). В ней отражен важный период в жизни нашей страны, жизнь людей с ее трудностями и надеждами, их интересы и склонности.

Корреспонденция Устюгова дает нам представление о нем, как о человеке необыкновенно обаятельном, мягком, жизнерадостном. Он был чутким другом, интересным собеседником, внимательным ко всем делам коллег-историков и никогда не переставал быть учителем. Он консультировал в письмах студентов, аспирантов, давал советы своим коллегам, был всегда в курсе дел исторической науки.

⁵ Там же, оп. 3, ед. хр. 183, л. 1.

К последнему разделу архивного фонда отнесены брошюры, оттиски и авторефераты диссертаций разных лиц с дарственными надписями. Сюда включены и некоторые работы советских историков, которые по тем или иным причинам не были в свое время опубликованы: монографии М. И. Романова «История Устьянских волостей», А. Н. Сперанского «Торговля Устюжны Железнопольской в первой половине XVII в.», С. И. Тхоржевского «Уход калмыков из России в Китай в 1771 году и участие калмыков в восстании Пугачева в 1773—1774 годах» и «Башкиры и восстание Пугачева».

Архивный фонд Н. В. Устюгова интересен не только для историков, занимающихся разработкой тем XVII—XVIII вв. Вне всякого сомнения, материалы этого богатого наследия окажутся очень полезными для ученых, занимающихся историей исторической науки. В нем собраны материалы, дающие представление о том большом вкладе в науку, который внес Н. В. Устюгов.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ С. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО

Предлагаемая вниманию читателей библиография трудов академика Степана Борисовича Веселовского по отечественной истории была составлена в связи с их изучением и публикацией, начатой по инициативе академика М. Н. Тихомирова. В 1957 г. при Отделении истории АН СССР была создана комиссия во главе с М. Н. Тихомировым с целью отбора и подготовки к печати многочисленных трудов С. Б. Веселовского, оставшихся неопубликованными после его смерти. Богатое собрание рукописей С. Б. Веселовского, поступившее в Архив АН СССР, явилось базой для этого издания, которое продолжается и в настоящее время и в общей сложности составит до десятка интереснейших исследований по истории нашей страны.

Естественно, что начинать подобное капитальное издание трудов С. Б. Веселовского нужно было с выяснения того, что уже напечатано. Наиболее полным из имевшихся списков работ С. Б. Веселовского являлся опубликованный в 1930 г. («Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 янв. 1929 г.» Л., [1930], стр. 18—19). Настоящая библиография, пополненная последующими изданиями работ С. Б. Веселовского, частично использована во вводимом биографическом очерке к I тому его трудов (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963)¹.

Библиография составлена на основании материалов, сохранившихся в фонде С. Б. Веселовского в Архиве АН СССР, с учетом изданий последних лет, проверена по каталогам ГБЛ, ФБОН, ГПИБ и библиографическим справочникам. Названия работ расположены в хронологическом порядке их опубликования.

Б. В. Левшин

1905

О Земском соборе. — «Русь», 18 февраля (3 марта) 1905 г.

1906

Рец. на кн.: Б. Спиноза. Богословско-политический трактат. Перев. с лат. М. Лопаткин. (Казань, 1906). — «Вопросы философии и психологии», кн. 85, 1906, стр. 482—487.

1907

К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. — «Чтения ОИДР», 1907, кн. 3, IV. Смесь, стр. 17—47; отд. изд. М., 1907, 31 стр.

¹ После выхода в свет этой книги указания на ряд печатных работ С. Б. Веселовского (и на списки его трудов) были даны в кн. «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография». М., 1965; Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина. Труды Института истории АН СССР. 1936—1965 гг. Библиография, вып. I—IV. М., 1968 (в первой — 6, во второй — 12 названий его работ).

Подгот. к печ.: Несколько документов Московского главного архива Министерства иностранных дел [среди них новая земская уставная грамота]. — «Чтения ОИДР», 1907, кн. 1, IV. Смесь, стр. 30—47; отд. изд. М., 1907, 18 стр.

1908

Рец. на кн.: Ю. Готье. Замосковский край в XVII в. (М., 1906). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, № 2, стр. 413—431.

1909

Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в. — «Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 291—316.

Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. — «Чтения ОИДР», 1909, кн. 1, III, стр. 1—234; отд. изд. М., 1908, 234 стр.

1910

Подгот. к печ. и ред.: Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. (1608 и 1612 гг.). — «Чтения ОИДР», 1910, кн. 3, I, стр. V+284; отд. изд. М., 1910, V+284 стр.

Посадская соха в первой половине XVII в. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1910, № 5, стр. 1—42; № 7, стр. 1—48.

1911

Подгот. к печ. и ред.: Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. — «Чтения ОИДР», 1911, кн. 4, I, стр. XIV+228; отд. изд. М., 1911, XIV+228 стр. — В серии «Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг.», вып. 5.

Две заметки о Боярской думе. — «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911, стр. 299—310.

Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. — «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, I, стр. 1—60; отд. изд. М., 1911, 59 стр.

1912

Приказный строй управления Московского государства. — «Русская история в очерках и статьях», под ред. М. В. Довнар-Запольского. Учебное пособие, т. 3. Киев, 1912, стр. 164—198; отд. изд. Киев, 1912, 35 стр.

Подгот. к печ.: Приходо-расходные книги Московских приказов, кн. 1. М., 1912, 1012 стр. — «Русская историческая библиотека», т. XXVIII.

1913

Подгот. к печ. и ред.: Акты шисового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, т. I. Акты 1587—1627 гг. — «Чтения ОИДР», 1913, кн. 2, I, стр. XII+320; кн. 3, I, стр. 321—448; кн. 4, I, стр. 449—668; отд. изд. М., 1913, 667 стр.

Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. — «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. III. М., 1913, стр. 167—192; отд. изд. М., 1913, 42 стр.

Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском. — «Нумизматический сборник», т. II. М., 1913, стр. 135—144; отд. изд. М., 1912, 12 стр.

Рец. на кн.: Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1 (Киев, 1913). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1913, № 10, стр. 358—380; отд. изд. СПб., 1913, 23 стр.

1914

Кабатная реформа 1652 г. — «Ежемесячный журнал», 1914, апрель, стр. 59—66.

Подгот. к печ.: Памятники первых лет русского старообрядчества. II. Документы о постройке Пустоозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григории Яковлеве. — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 год», вып. 26. СПб., 1914, стр. 1—28; отд. изд. СПб., 1914, 28 стр.

Рец. на кн.: М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. (СПб., 1913). — «Голос минувшего», 1914, № 5, стр. 264—268.

1915

Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства, т. I. М., 1915, XVI+442 стр.

1916

Подгот. к печ. и ред.: Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, т. II, вып. 1. Акты 1627—1649 гг. — «Чтения ОИДР», 1916, кн. 3, стр. 1—490; отд. изд. М., 1917, 490 стр.

Подгот. к печ. и ред.: Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). — «Чтения ОИДР», 1916, кн. 1, стр. XVI+736; отд. изд. М., 1915, XVI+736 стр.

Ответ проф. М. М. Богословскому [на рецензию о «Сошном письме»]. — «Исторические известия», 1916, № 3—4, стр. 158—175.

Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства, т. II. М., 1916, VII+716 стр.

1917

Заметка по истории бюджета Московского государства XVII в. — «Сб. статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1917, стр. 181—190.

К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения царя Алексея Михайловича. — «Русский исторический журнал», 1917, № 1—2, стр. 27—45.

1918

Подгот. к печ.: Приходо-расходные книги Московских приказов, кн. 2. М., 1918 [издание погибло, единственный экземпляр 27 листов верстки хранится в архиве ЛОИИ].

1926

К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., изд. Ин-та истории РАНИОН, 1926, 128 стр.

1928

Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня). — «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. 5, 1928, стр. 204—217.

1929

Ред.: Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I. М., изд. Центрархива РСФСР, 1929, VI; 397 стр. (совместно с А. И. Яковлевым).

1936

Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.—Л., Соцэкгиз, 1936, 166 стр. — «Известия ГАИМК», вып. 139.

1939

Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. — «Исторические записки», т. 5, 1939, стр. 31—47.

1940

Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. — «Проблемы источниковедения», т. 3. М.—Л., 1940, стр. 245—366.

1941

Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII столетий. — «Архивное дело», 1941, № 1, стр. 20—35.

Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 95—116.

1944

Рец. на кн.: А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. (М.—Л., 1943). — «Исторический журнал», 1944, кн. 10—11, стр. 114—119.

1945

Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном. — «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 57—69.

Топонимика на службе у истории. — «Исторические записки», т. 17, 1945, стр. 24—52.

1946

Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы). — «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 56—91.

Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. — «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 86—104.

1947

Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник. — «Известия АН СССР», серия истор. и филос., 1947, т. 4, № 6, стр. 505—520.

Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — «Исторические записки», т. 22, 1947, стр. 101—131.

Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, ч. 1—2. М.—Л., изд-во АН СССР, 1947, 496 стр.

1951

Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. — «Исторический архив», т. 7, 1951, стр. 300—396.

1952

Сост. и автор примеч.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, 804 стр. (примеч. стр. 590—637).

1955

Государственный строй в XVII в. Местное управление. — В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 384—393 (ч. 1, гл. 3, § 5. Совместно с С. К. Богоявленским).

Очерки: «Заселение Подмосковья в XIV—XVI вв.», «Древний ландшафт», «Древнейшие пути сообщения», «Городки, погосты, села и деревни»; *приложение:* «О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья». — В кн.: «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв.» М., изд-во «Моск. рабочий», 1955, стр. 13—44, 369—393.

1962

То же в кн.: «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв.», изд. 2-е, доп. М., изд-во «Моск. рабочий», 1962, стр. 13—42, 521—544.

1963

Исследования по истории опричнины. М., изд-во АН СССР, 1963, 539 стр.

1969

Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., изд-во «Наука», 1969, 583 стр.

Род и предки А. С. Пушкина в истории. — «Новый мир», 1969, № 1, стр. 170—203.

М. В. Кукушкина

О НОВОМ АЛЬБОМЕ ФИЛИГРАНЕЙ

В конце 1967 г. в Вильнюсе из печати вышла двухтомная монография Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках» на литовском языке с резюме на русском и английском языках. Эта книга, второй том которой представляет собой атлас, содержащий рисованные воспроизведения 4277 филигранных, является хорошим подарком всем палеографам и исследователям недатированной рукописной и печатной книжности.

За последние годы советские ученые достигли в изучении филигранных больших успехов, что позволяет поставить вопрос о выделении этой дисциплины, до сих пор служившей лишь разделом палеографии, в самостоятельную — филигранологию. Труды советских ученых в настоящее время более или менее обстоятельно изучены филигранные на бумаге русского, украинского, латышского, грузинского, а теперь и литовского происхождения.

Однако атлас Э. Лауцявичюса отличается от всех предшествующих справочников прежде всего числом изученных и воспроизведенных в нем знаков, а также их хронологическим охватом. Такое большое число филигранных, представленных в одном справочнике, вводится в научный оборот у нас в стране впервые. Правда, многие из них были воспроизведены другими исследователями и раньше. К сожалению, автор не указывает, какие и сколько знаков публикуются впервые. Но все они взяты только из новых источников и дают много уточняющих сведений о филигранных и бумаге, используемой как в Литве, так и в России.

Все знаки в атласе расположены тематически, по алфавиту названий, в натуральную величину. Справочный аппарат к атласу помещен в I томе книги. Здесь приведена дата, указано, где находится архивный документ или печатная книга, на бумаге которых была обнаружена филигрань. Большинство литературных знаков литовских мануфактур расшифровано, а изображения подробно описаны. Помимо перечисленных сведений, необходимых для атрибуции филигранных, в I томе имеются указатели (на русском и английском языках) предметных изображений, список литературных знаков в алфавитном порядке, список филигранных по годам и др. Все эти данные не только предельно облегчают исследователям поиски нужной филигранны, но и дают исчерпывающие сведения о ней.

Большая часть первого тома представляет собой исследование по истории возникновения и развития бумажного производства в Литве в XV—XVIII вв. Автором обстоятельно изучены многие центральные и местные архивы. В приложении вводится в научный оборот много новых документов по истории литовских бумажных мануфактур. Но, к сожалению, эта часть работы менее доступна читателям, ибо краткое резюме на русском и английском языках не может дать о ней полного представления.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ГРАМОТЫ XIV—XV вв. ИЗ АРХИВА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Подготовленный таким замечательным знатоком русских документальных источников XIV—XV вв., как покойный Иван Александрович Голубцов, второй том «Актвов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (М., 1958) включил более трехсот грамот конца XIV—начала XVI в. из архива крупнейшего феодального собственника русского севера — Кирилло-Белозерского монастыря. Прделанная составителем и его помощниками работа является ценнейшим вкладом в дело создания корпуса источников по истории русского феодализма. Вместе с тем при такой огромной работе неизбежны и некоторые пропуски документов. Часть из них была выявлена уже к моменту выхода в свет завершающего публикации третьего тома¹. Удалось обнаружить несколько актов, случайно пропущенных составителями.

Публикуемые грамоты извлечены из копияной книги актов Кирилло-Белозерского монастыря 30-х годов XVII в., хранящейся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде². Указанная копияная книга была использована при подготовке к печати второго тома АСЭИ, но, вероятно, из-за огромного объема рукописи (около 1700 листов фоллио, исписанных мелкой скорописью) публикуемые акты были пропущены составителями и не попали в издание³. Часть из них непосредственно примыкает к уже опубликованным актам и касается тех же сюжетов.

Древнейший из публикуемых актов — докладная купчая П. Харитонова — относится к 1340-м—1370-м годам (до 1380 г.)⁴ и является, таким образом, наиболее древним из дошедших до нас актов кирилловского архива. Обращает на себя внимание достаточно сложившийся формуляр акта, присутствие в грамоте отвода. Интересно, что пополюк называется в тексте грамоты «установной». В памятной записи, располагавшейся в подлиннике на обороте и относящейся ко времени княжения Михаила Андреевича Верейского, важно упоминание о споре между светским феодалом Н. Горбовым и черными крестьянами, решенном князем в пользу феодала. Входящая в формуляр клаузула «куды топор ходил, куды коса ходила, куды соха ходила» не часто, но встречается в актах конца XIV—начала XV в.⁵

Из пяти публикуемых актов четыре не связаны непосредственно с монастырским землевладением и пополняют ограниченное число источников по истории

¹ «Актвы социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. III, М., 1964, разд. VIII, стр. 463—502.

² ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии (ф. 573), А.1/16.

³ Описание рукописи см.: АСЭИ, т. II, М., 1958, стр. 7.

⁴ Обоснование датировки см. при тексте грамоты.

⁵ См. АСЭИ, т. I, М., 1952, № 8, 10; т. II, № 11, 17, 29, 33, 34, 40, 41; т. III, № 33, 54, 121, 131, 295.

светского землевладения XIV—XV вв. Акты также уточняют наши представления о составе землевладельцев и исторической географии Белозерского края, сообщают сведения о служивших людях последнего белозерского удельного князя Михаила Андреевича (см. док. № 4).

Меновная кн. Михаила Андреевича с А. Внуковым тесно примыкает к двум документам, опубликованным во втором томе АСЭИ, — отводной и жалованной грамотам, выданным А. Внукову на выменные земли⁶.

Публикация текстов осуществляется по принципам, принятым в АСЭИ для списков XVII в.

В. Б. Кобрин

№ 1

[Ок. 1340—1370-х годов — до 1380 г.]. — *Купчая докладная Павла Харитоновна на купленную у Ильи Краковля вотчину — село Вашки, с отводом*

Доложа князя Федора Романовича^{1*}, се яз, Павел Харитонов^{**}, купил л. 1067
есми у Ильи у Краковля село Вашкеи², его вотчиную землю боярскую, со всем с тем, что к тому селу потяглу и [с] старины, куды топор ходил, куды коса ходила, куды соха ходила. А купил есми себе и своим детям. А дано на том селе десять рублей новгородских да кобылку уставную пополнка.

А отвод землям и пожням: от Белоозера по Толстой наволоку прямо через мох на Солмас на Великой, и от Солмаса на великой мох, от великого мху на березов мошек, от березова мошку прямо через Вашкицу малую речку на круглой мошек х Кимасу мху, от Кимаса мху по ручью к Вашкеце речке Городищу прямо через бор по Палму по конец Иванковы пожни к Белоозеру.

А на то послуши: Павел Черкасов, Петр Лопоть, Нефёдей Черной да Микула Лапоть.

А грамоту писал Матфей Кокин.

Лет у грамоты, ни печати нет.

А позади грамоты пишет:

По сей грамоте князь Михайло Ондреевич Микифора Горбова³ справил, а Митю Горкина, старосту городцкого, обвинил, а землю присудил Микифору Горбову.

А подписал // дьяк княж Михайло Андреевича Кулдарь⁴.

л. 1067 об.

Примечания: ¹ Погиб на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. (см. АСЭИ, т. II, стр. 15, прим. к док. № 1; «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 37; Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В сб. «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966, стр. 493). Время вступления его на престол достоверно неизвестно, однако А. И. Копанев установил, что брак Федора Романовича и дочери Ивана Калиты, Федосьи, относится ко времени княжения Ивана Калиты, но не ранее 1339 г. и что именно в это время терпит поражение в борьбе с Москвой и, вероятно, лишается престола отец Федора Романовича — Роман Семенович (А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 36—37). ² Село Вашки перешло в состав кирилловских владений в первой половине XVI в. Часть села, принадлежавшая Горбовым, была куплена в 1540/41 г. (А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 130—133). ³ См. о нем в настоящей публикации док. № 3. Упоминается как муж на отводе ок. 1455 г. (АСЭИ, т. II, № 165), как участник земельного спора в 1455—1470 гг. (там же, № 167), как вкладчик Кирилло-Белозерского монастыря — владелец пожень ок. 1474—1480 гг.

⁶ АСЭИ, т. II, № 164, 165. Пропуск этой грамоты тем более удивителен, что она была известна А. И. Копаневу, ссылающемуся именно на публикуемый список (А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 131).

* Писано поверх зачеркнутого Ивановичу.

** В дальнейшем лица, в других источниках, кроме публикуемого акта, не упоминаемы, остаются без комментариев.

(там же, № 226). Вероятно, вместе с документами Н. Горбова публикуемая купчая попала в монастырский архив. ⁴По обоснованному предположению И. А. Голубцова, Иван Кулударь Владимирович Ирежский — бывший дьяк Василия II и Ивана Андреевича Можайского (АСЭИ, т. II, Пояснительное примечание к акту № 167, стр. 553).

Датируется по времени княжения кн. Федора Романовича Белозерского.

№ 2

[1400—1430-е годы]. — *Меновная Ивана Андреевича на пожни у устья реки Смердьи, вымененные им у Федора Ивановича на наволоки на реке Шексне*

а. 1153 об. Список с подлинные.

Се аз, Иван Андреевич¹, менял есмь с Федором с Ивановичем. Дал есмь Федору Ивановичу наволоки на реце на Шексне, что есмь купил у Андрея у Кормилицына², от Федоровы пожни отступы вверх по Шексне до Черной речки по бор. А взял есмь у Федора противу того пожни от устья Смердьи реки вверх по Ковже до родников по Мотомьский путь.

а. 1154 А на то послуши: Юрье Васильевич Согорсково, сын Васильев³, Григорей Иванович Монастырев⁴, Семен Лыков⁵, Дмитрий Васильев сын Монастырев⁶, Григорей Дедерка, Яков Осиев.

А подлинная за печатью.

Примечания: ¹В Арбужевской волости на границе Пошехонья и Белоозера 20 марта 1453 г. Новинский митрополичий монастырь продал И. П. Поцолутову села Спаское и Борок с деревнями, ранее данные монастырю вдовой Ивана Андреевича Ефросиньей («Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее — АФЗХ), ч. I. М., 1951, № 307). Это как раз район, отстоящий, судя по картам, приложенным к книге А. И. Копанева, недалеко от устья реки Смердьи и от реки Ковжи. ²Упоминается в актах ок. 1397—1427 гг. как послух (АСЭИ, т. II, № 28) и держатель-опекун деревень в Каргободе (там же, № 29), как получивший жалованную грамоту кн. Андрея Дмитриевича, умершего в 1432 г. (там же, № 90), причем, так как грамоту на те же владения получил от того же князя сын А. Кормилицына — Никита, ясно, что сам А. Кормилицын умер до 1432 г. ³Упоминается в актах ок. 1397—1410 гг. (АСЭИ, т. II, № 2—7). ⁴В свое время продал Д. И. Хромому часть своей вотчины в Белозерском уезде (АФЗХ, ч. I, № 300), упоминается в актах ок. 1397—1427 гг. (АСЭИ, т. II, № 33, 34), ок. 1428—1434 гг. (там же, № 52, 56, 58—61, 63), ок. 1435—1447 гг. (там же, № 71—73, 83). ⁵В актах конца XV—начала XVI в. упоминается отводчик Иван Голова Семенов сын, являющийся, по вероятному предположению И. А. Голубцова, сыном С. Лыкова (АСЭИ, т. II, Пояснительное примечание к акту № 259, стр. 555). ⁶В 1435—1447 гг. продал наволоки Кирилло-Белозерскому монастырю (АСЭИ, т. II, № 82).

Датируется по упоминаниям в актах участников сделки.

№ 3

[1420—1430-е годы — до 1434 г.]. — *Купчая Григория Ивановича [Монастырева] на купленные у кн. Ивана Васильевича [Карголомского] Копановские пожни*

а. 1151 Список с подлинными с купчие.

Се аз, Григорей Иванович¹, купил есми у князя у Ивана Васильевича² пожни Копановские и с островом. Дал есми на них десять рублей да овцу пополнка.

А на то послуши: Костянтин Нестеровичь, да Захарья³, да Ивашко Ильин, да Микифор Горбов⁴.

Примечания: ¹Г. И. Монастырев — см. прим. 4 к док. № 2. ²Речь идет о кн. И. В. Карголомском — см.: А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 39; Ю. К. Бегунов.

Указ. соч., стр. 496; «Родословная книга по трем спискам» — «Временник Общества истории и древностей Российских», 1851, т. X, стр. 41. ³ Упоминается в актах ок. 1397—1428 гг. как муж на докладе (АСЭИ, т. II, № 31) и послух (там же, № 38), как умерший в данной его вдовы ок. 1428—1434 гг. (там же, № 57).
⁴ См. прим. 3 к док. № 1.

Датируется на основании того, что З. Ильин умер не позднее 1434 г., а также упоминания Н. Горбова начиная с середины XV в. и Г. И. Монастырева в первой половине XV в.

№ 4

[Ок. 1455 марта 12]. — *Меновная кн. Михаила Андреевича на половину Ворбозома, вымененную им у своего слуги Афанасия Внукова на Липник Боярский*¹

Се аз, князь Михайло Андреевичь, менял есми с своим слугою с Офонасом со Внуковыми землями. Выменил есми у Офонаса его купли половину Ворбозома Семеновскую сторону Онтономова, что купил у Семена Онтономова², и з деревнями и с лесы и с пожнями, со всем с тем, что к той половине к Семенове потягло и [с] старины, куды топор ходил, куды коса ходила, что было за Афонасом, за моим слугою. л. 1077 об.

А променил есми Афонасу, своему слуге, Липник Боярской Лукинской да Оверкиевской да Марозера з деревнями з живущими и с пустошми. А живущих деревень на Липнике: Лукинская деревня, да Оверкиевская деревня, да Микифоровская деревня. А в Марозерех живущих деревень: Одревская деревня Ильина, да Микифоровская деревня, что была за Насоном³, да Яковцов починок, да Деткин починок, да Шондуев починок, да Михалков починок, да две пусто//ши Васюковы Антонидина⁴ на Липнике: Власьевская пустошь да Микифоровская пустошь или которые иные пустоши на Липнике и в Марозерех. л. 1078

И я променил своему слуге Афонасу со всем — и з деревнями з живущими со всеми, со всеми пустошми, и с лесы, и с подельми, и с почики, и с пожнями, и с озеры, с Маро-озером, и со всем с тем, куда топор ходил и куда соха ходила и что к тому потягло и [с] старины.

Да придал есмь ему * Иторму, Ивановскую пустошь Ильина, что была за Насоном, да Саврасовскую пустошь⁵, да Микифоровскую пустошь и что к тем пустошам потягло и [с] старины.

А коли есми менял, туто были мои дети боярские: Василей Федорович Безнос⁶, Яков Иванович Рязанец, Иван Шимонов⁷.

А грамоту писал меновную Олферчик подьячей⁸.

А подлинная грамота за вислюю печатью. А позади подлинны грамоты пишет сам князь Михайло Андреевич. Подписал Иван Шимонов.

Примечания: ¹ Лица и местности, упомянутые в жалованной и отводной грамотах на вымененные земли (АСЭИ, т. II, № 164, 165), не комментируются. ² Упоминается как муж на отводе в купчей ок. 1397—1427 гг. (АСЭИ, т. II, № 16). ³ Вероятно, Насон Захарьин сын Ильин. Известны его данные грамоты ок. 1428—1434 гг. (АСЭИ, т. II, № 57), ок. 1448—1470 гг. (там же, № 118, 124), его духовная ок. 1455—1470 гг. (там же, № 168), участник отвода по той же мере (там же, № 165), упоминается в актах ок. 1448—1470 гг. (там же, № 144, 146). ⁴ Антонидины — род белозерских вотчинников. Григорий Алексеев сын Антонидин упомянут как послух в акте ок. 1500—1510 гг. (АСЭИ, т. II, № 304). ⁵ Пустошь принадлежала раньше Елизару Саврасову (АСЭИ, т. II, № 167). ⁶ В. Ф. Безнос-Монастырев, впоследствии боярин кн. Михаила Андреевича (см. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, ч. 1—2. М.—Л., 1947, стр. 180) отводил вымененные земли А. Внукову (АСЭИ, т. II, № 165). Упомянут как послух в актах ок. 1428—1434 гг. (там же, № 60, 61), ему адресована указная грамота второй половины XV в. (там же, № 154), подписал две грамоты великой княгини Марии Ярославны от 7 октября 1453 г. (АСЭИ, т. I, № 246, 247). ⁷ В ка-

* Слово написано над строкой.

честве дьяка кн. Михаила Андреевича подписал его жалованную грамоту от 5 февраля 1451 г. (АСЭИ, т. II, № 155) и грамоту А. Внукову на выменные земли (там же, № 164).⁸ Ему было приказано подписать грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю в 1459/60 г. (АСЭИ, т. II, № 171).

Датируется на основании жалованной льготной и несудимой грамоты кн. Михаила Андреевича на выменные земли от 12 марта 1455 г. (АСЭИ, т. II, № 164).

№ 5

[Ок. 1489—1492 гг]. — *Купчая*¹ Даниила Васильевича [Блина-Монастырева] на проданные Кирилло-Белозерского монастыря игумену Макарию деревни Кабачинскую, Старостинскую, Матфеевскую и Морозов починок

л. 40 об. Список с списка ж.

Се аз, Данило Васильевич², милости дела пречистые и святого ея Успения дал есми пречистой в дом в Кирилов монастырь игумену Макарию или хто у них иной игумен будет в Кирилове монастыре Кабачинскую деревню, да деревню Старостинскую, да деревню Матфеевскую, да Морозов починок со всем с тем, куда топор и коса ходила, и с лесы, и с пожнями, и с рыбными ловищи. А дал* есми на тех землях осмнатцать рублев да корову пополнка.

Да отвод тем землям от Кирсова по Бабию речку, от Гридкинские деревни по Старостинскую межу, а от двиц по враг, да врагом вверх в Хвоцо//вое болото, да на Великий камень, да врагом в Каргач речку, а от Михайловские пустоши по враг Мостовой да по великую колоду да на Ломовую деревню х Озинскому болоту.

А на то послуши: игумен Никольской Федосей, да Максим Климов сын, да Матюк Микулин сын.

А данную писал дьяк Лев Якушев сын Кобелева.

Примечания: ¹Формуляр соответствует данной, но говорится о деньгах и даже о пополнке, взятых за землю. ²Речь идет о Д. В. Блине-Монастыреве, упомянут в актах ок. 1450—1454 гг. (АСЭИ, т. II, № 153а) и ок. 1461—1464 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 287).

Датируется на основании игуменства Макария (см. АСЭИ, т. II, стр. 694) и упоминания земель в числе кирилловских владений в отводной записной книге 1492 г. (АСЭИ, т. II, № 290, стр. 235).

* Судя по контексту, вероятно, описка; надо взял.

ЗАПИСКА В. В. ПАССЕКА О ПРОГРАММЕ ИЗДАНИЯ «ОЧЕРКОВ РОССИИ»

Вадим Васильевич Пассек (1808—1842), рано умерший даровитый историк, этнограф и археолог, был одним из первых в России популяризаторов исторических знаний¹. Среди многочисленных трудов В. В. Пассека² центральное место занимают «Очерки России», изданные в пяти томах в 1838—1842 гг.³ Кроме В. В. Пассека — инициатора, организатора и редактора этого издания, в сборнике приняли участие А. Ф. Вельтман, А. И. Герцен, М. П. Погодин, брат В. В. Пассека Диомид, Т. П. Пассек (жена В. В. Пассека) и др.

Публикуемая «Программа предполагаемого (периодического) издания „Очерки России“» — любопытный памятник русской исторической мысли второй четверти XIX в. В «Программе» формулируются широкие задачи изучения отечественной истории. В. В. Пассек полагал необходимым исследовать не только письменные памятники, но и вещественные, этнографические, лингвистические источники, не только политическую историю, но и историю быта, не только историю русского народа, но и прошлое других народов нашей страны. В «Программе», так же как и в изданных вскоре «Очерках России», явственно заметны характерные для той эпохи черты романтического мышления, сближавшие Пассека со славянофилами. В то же время Пассек был убежденным сторонником демократических тенденций в отечественной исторической науке. «Программа» представляет несомненный интерес и в плане изучения русской историографии и в плане исследования творчества В. В. Пассека, общественное и научное значение которого до сих пор еще недостаточно оценены.

«Программа» написана 11 ноября 1836 г. в Харькове, где В. В. Пассек тогда служил в Статистическом комитете и ездил по южным губерниям страны для составления их статистического описания. Программа во многом предопределила характер и направление последующих трудов В. В. Пассека. «Программа» отослана была Дмитрию Павловичу Голохвастову, являвшемуся тогда главой Московского цензурного комитета, и сопровождалась письмами Голохвастову от В. В. Пассека и жены его, Татьяны Петровны (урожденной Кучиной) — знаменитой «корчевской кузины» Герцена и родственницы Голохвастова. «Программа» находится в фонде Д. П. Голохвастова (ф. 404) в Отделе письменных источников Государственного исторического музея⁴.

«Программа» публикуется полностью в соответствии с современными правилами издания документов XIX в.

С. Б. Филимонов

¹ Литературу о В. В. Пассеке см. в издании: «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография». М., 1965, стр. 344. О В. В. Пассеке писал в «Былом и думах» А. И. Герцен — близкий друг его в начале 1830-х годов, на руках которого и умер В. В. Пассек. См. также: Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. 1—2. М., 1963.

² Список трудов В. В. Пассека опубликован в журнале «Книговедение», 1894, № 4, стр. 20—24.

³ Многочисленные отзывы на это издание указаны в примечании 54 ко II тому Полного собрания сочинений В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова (СПб., 1900, стр. 523).

⁴ Фонд не обработан.

Программа
предполагаемого (периодического) издания под названием:
«Очерки России»

С успехами философии и открытиями, сделанными по всем отраслям наук, история заняла высокую ступень. С одной стороны, ее воззрение на законы жизни и судьбы народов стало глубже и религиознее; с другой — малейшие события, малейший оттенок в быте народном, один памятник, на который прежде или не обращали внимания или не придавали ему значительности, — все это при настоящем состоянии истории не только не отвергается, но часто имеет глубокий смысл, часто дополняет сохранившиеся письмена и нередко заменяет утраченные.

Так Шампольон читает в иероглифах минувшую судьбу Египта. Так Нибур и О. Мюллер читают по остаткам городов, обнесенных громадами ничем не связанным камней, и по другим немым памятникам Италии судьбу народов, отживших еще до эпохи нашей европейской истории, а в развалинах древнего Рима видят нравы, обычаи и характер жизни его жителей. Так в зданиях древней и новой архитектуры замечено различие не в одном наружном виде, но в глубине мысли, ими выражаемой, — и эта мысль совершенно соответствует характеру, религии и образу понятий тех и других народов. Так у нас открытием на Тамани только одного камня с надписью решился многолетний спор и кончились все недоумения о Тмутараканском княжестве. При таковых успехах и взгляде на жизнь народов история стала дорожить каждым зданием, одною развалиною, даже одним камнем, завещанным нам древностию, стала вникать в каждый обычай, преданье, поверье, песню, в малейшее выражение жизни, чтобы полнее и глубже понять эту жизнь.

К сожалению, доселе невозвратно погибали многие из наших исторических памятников: сколько соборов и монастырей, разрушенных временем и варварами, не оставили ни малейшего следа, сколько монет и различных вещей, отрываемых в земле, погибали безызвестными в руках невежества! Сколько и в новейшее время потребно усилий, чтобы увенчались успехом ученые предположения главных деятелей и покровителей отечественного просвещения! Но оставим сетование на прошедшее: погибшего не возратить. Лучше порадуемся тому высокому вниманию, какое обращено на преобразование нашей ученой части — на исследование древностей Крыма, на открытие и сохранение остатков древнего Киева, на происхождение кавказских племен, на памятники дербентские и на самые исследования нашей природы. Как благотельно может быть действие и влияние вновь устроенных статистических комитетов, в круг занятий которых входят, между прочим, и отечественные древности и правописание жителей.

При столь благотельных действиях самого правительства, конечно, и частное усилие и частный труд не будут отвергнуты, не будут бесполезны как для самой науки, так и для наших соотечественников.

К счастью истории, наши памятники не совсем утрачены и составят не одну букву в целой азбуке памятников.

Россия еще богата остатками прошедшего: по всем частям явится много не только занимательного, но и заключающего в себе глубокий смысл. Еще много преданий древности, и религиозных, и собственно исторических, сохранилось в памяти народа. Еще Киев и Новгород откроют нам свои Софийские храмы; ученые мужи покажут остатки Десятинной церкви с ее надписями, мозаическими изображениями и ее альфреско; Грановитая палата, Кунсткамера и некоторые монастыри откроют каждому драгоценности царства Русского: у нас есть и латы Донского, и меч Минина, и жезл Грозного Иоанна, есть целые груды золота и серебра в столовых приборах наших царей и жив кабинет Великого Петра со всем

разнообразием предметов его дивной всеобъемлемости. Все это разве не выражает характера прошедших веков, разве не дополняет летописей или лучше разве одни летописи без этих пособий, сильны выразить характер времени и жизнь народа?

Но это не единственные источники наших исторических богатств: у нас тысячи городищ разбросаны по всему пространству России; огромные валы растянуты на многие сотни верст, и один из них доселе идет чрез губернии Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую и другие. Разве это не наша Китайская или Римская стена, воздвигнутая в защиту от набегов полудиких соседей? А наши стены прежней Слободской Украины, усеянные гранитными статуями, которыми в иных местах заваливают плотины, об которых ни в истории, ни в памяти народа почти нет ни слова, на исечение которых нет теперь на дальнее расстояние подобного камня? Какому народу принадлежали эти статуи, какие племена прошли их неколебимое существование — все потеряно — и все может быть найденным! А курганы? Одни из них своим расположением, своей системой, вероятно, объяснят не одну черту из жизни кочевых племен, а другие откроют нам свои сокровища, скрытые в отдаленные времена. Быть может, даже иные из них служат доселе единственными хранилищами, тайными, не тронутыми музеумами русских древних монет? Находятся же в них римские и греческие монеты и медали, — недаром говорится и в «Слове о полку Игореве», что девы половецкие пели у синего моря, звеня русским золотом! Почему же не надеяться найти это золото и серебро и не обогатить им наших русских кабинетов: быть может, оно нередко гибнет, открытое руками невежества; по крайней мере нередко можно слышать об этом в нашей южной России.

Кроме сего, не богатый ли, не занимательный ли источник для исторических соображений составят надписи, сохранившиеся на берегах Енисея, ванны, курганы и статуи, разбросанные по Южной Сибири; закавказские здания, надписи на некоторых из них и развалины греческих городов по берегам морей Черного и Азовского?

Но есть еще почти не тронутый, не введенный в историю источник богатства — это очертание лиц каждого племени, живущего в России, его одежда и нравы.

Высокая покровительница наук, императрица Екатерина II, уделявшая от царственных забот время для занятия русскою историей, обратила на сей предмет особенное внимание.

Самая природа России, раскинувшейся на целом полушарии, как разнообразна в своих видах действий, в произведениях. У нас есть свои горы, преграждающие течение облаков, есть тундры и степи, растянутые на тысячи верст. Наша Таврида, объятая морем, с ее пленительными долинами, с ее ужасными пропастями, с ее Чатыр-дагом — опасная соперница Италии и Швейцарии! Наш грозный Кавказ, этот исторический Арарат, к которому приставали почти все племена земные, — кипит живой и мертвой водою. Урал приносит железо и золото; Сибирь — и золото, и серебро, и драгоценные камни. Как еще много нетронутого и неизвестного то от чрезмерности богатства, то от ограниченности потребностей! Одним словом, государство, которое вмещает и новую землю, с ее мхами, едва оживающими на два месяца, и страны, почти всегда цветущие, и закавказские области, изобильные богатствами Востока, и Сибирь, где живут целые десятки полудиких племен; где в долинах, на одном крае страны, в ноябре нередко зеленеет трава и живы цветы, а на другом в сентябре начинаются метели и гаснущее солнце сумрачно блестит полярных *, — такое государство может доставить неистощимые сокровища для наблюдений и описаний.

* Так в тексте.

Действительно, русский смело может поставить противу каждого предмета, составляющего гордость иностранца, предмет из отечественной истории и природы. Нам указывают на соборы Кельна и Вены — и нельзя не дивиться их величию, но у нас есть свои храмы в Киеве и Новгороде — будем судить их не по высоте, но по мысли, с какою они воздвигнуты, по форме, которою они равно говорят о своем времени, о понятиях и обычаях народов. Нам указывают на развалины Парфенона — у нас есть свои развалины Десятинной церкви, где и от времени и от насилия половецкого уцелели и мозаики, и альфреско, и остатки зодчества; у нас есть развалины целых городов, разбросанные по южной России. Нам говорят о Тассе, Рубенсе, Леонардо Винчи, Валленштейне, и мы воздаем великому достойное, но у нас есть свои Державин, Ломоносов, Брюлов *, Румянцев, Суворов. Нам изображают праздник швейцаров, — у нас есть свои народные празднества, достойные кисти и пера.

Нам представляют растения, животных и другие произведения природы, но и у нас на пространстве, занимающем значительную часть земного шара, верно, найдется для изображения много редких и новых произведений природы и ее явлений!

Нам занимательно разнообразие корон, венчавших в средние века главы королей, баронов, виконтов и проч., какое же чувство должны возбудить в нас короны Астраханская, Крымская, Казанская и Сибирская, напоминающие падение целых царств и славу России! Какое чувство возбудят эти короны, слившиеся в единой русской короне самодержавного царя!

При таком богатстве природы и значительном количестве преданий, поверий, обычаев, различных памятников, уцелевших от народов иноплеменных и перешедших собственно от наших предков, невольно рождается мысль о пользе (периодического) издания, которое бы, вмещая в себе и описания и картины всего отечественного, вместе с знанием вливало в сердца русских еще большую любовь к нашей великой Родине; которое бы в живых, еще существующих предметах, показывая давно миновавшие века, привязывало русского к его прошедшему, — без чего он не может истинно любить своего отечества, не может и радоваться его прекрасной будущей судьбе. Для кого ничтожно минувшее и не лестно будущее, тот ничтожен и в душе и в жизни! Пробудить эту душу к жизни и любви, раскрывая пред нею всю могучесть и прелесть нашего прошедшего, со всеми его радостями и бедствиями; показать их в живых памятниках, которые история или прошла молчанием, или не почла нужным приобщить к своим сокровищам, или не могла ими воспользоваться, оживить, таким образом, душу и обогатить знанием — есть дело, достойное верного сына отечества.

На сем основании я предполагаю выдавать (периодическое издание под названием) «Очерки России». Ближайшая цель и содержание сих очерков очевидны из предыдущего, а именно: описание всего достопримечательного в нашем отечестве, как-то: 1) различные памятники, соборы, церкви, монастыри, кремни, художественные произведения, монеты и вещи, заключающие в себе историческую важность курганы, валы и проч.; 2) образ жизни народа, предания, исторические песни, пляски, очертание лиц и проч.; 3) жизнеописание русских знаменитых людей; 4) доселе неизданные исторические летописи; 5) замечательнейшие виды России, как-то: местоположения Крыма, Кавказа, Урала, Сибири и других мест; а также замечательные явления природы и редкие или малоизвестные произведения оной по всем ее трем царствам.

---

* Так в тексте.

Сверх сего будут помещаться: 1) некоторые предметы, уже составляющие достояние истории, и отрывки из прежних и новейших путешествий по России с картинами, планами, снимками и проч.; 2) открытия ученых людей по всем отраслям наук касательно нашего отечества; 3) некоторые предметы, не принадлежащие собственно России, но непосредственно объясняющие ее историю.

Таким образом, ознакомивши, сблизивши каждого русского с его Родиною, быть может, «Очерки России» привлекут не одно дарование к содействию в открытии и сохранении столь важных для истории памятников древности и будут служить хотя слабыми представителями могущества и величия России.

Издаваться будет книгами, с картинами, литографированными возможно лучшим образом. Каждая книга будет заключать не менее 10 печатных листов. Время издания неопределенно; впрочем, издатель надеется выдавать каждый месяц по одной книге, цена которой полагается 5 р. ас[сигнациями]. На годовое издание принимается безденежная подписка.

РАБОТА А. Е. ПРЕСНЯКОВА ПО ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929), выдающийся русский историк, известен также как замечательный источниковед и археограф, успешно изучавший русское летописание¹, и как глубокий историограф, автор ряда очерков, посвященных крупным русским ученым². Однако до сих пор малоизвестна еще одна сторона творчества А. Е. Преснякова — его занятия историографией русского летописания. Основательно приступив к изучению летописей еще в студенческие годы, — такое начало научной деятельности было, по мнению С. Н. Валка, во многом традиционно для историков петербургской школы³, — А. Е. Пресняков продолжил это изучение и после окончания университета, одновременно обращаясь к летописеведческой литературе⁴.

В конце 1899 г. под руководством А. А. Шахматова и С. Ф. Платонова он начал работу над диссертацией «О московских летописных сводах», причем, чтобы дать ему возможность написать диссертацию, А. А. Шахматов добился для него стипендии Академии наук на 1900 г.⁵ Вскоре А. Е. Пресняков опубликовал большую статью «Московская историческая энциклопедия XVI века»⁶ и ряд других. Значительный материал по изучению московского летописания сохранился в его архиве. Работа над диссертацией продолжалась до середины 1903 г., но доведена до конца не была. В 1900 г. А. Е. Пресняков писал об исключительной трудности вставшей перед ним задачи: «Для изучения московских летописных сводов надо много разобрать нетронутого, разбросанного материала, даже больше: надо разыскать его... В результате может [получиться] ряд археографических этюдов, отрывочных, не обобщенных»⁷. Однако сделано было очень много. На основании тщательного изучения летописеведческой литературы, которое А. Е. Пресняков вел параллельно с исследованием летописей, он попытался обобщить опыт, накопленный историографией летописания. В его архиве сохранился комплекс материалов, возникших в результате этой попытки.

¹ Библиографию его работ о летописях см. в кн.: Р. П. Дмитриева. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962.

² А. Е. Пресняков. Труды М. А. Дьяконова по русской истории. — «Русский исторический журнал», 1921, № 7; он же. В. О. Ключевский. — Там же, 1922, № 8; он же. А. С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922; он же. К. Н. Бестужев-Рюмин. (К 25-летию со дня кончины). — «Дела и дни», 1922, т. 3; он же. А. А. Шахматов в изучении русских летописей. — «Известия ОРЯС РАН», т. 25, 1922; он же. С. М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии. — «Труды ЛОИИ», вып. 5, 1963, и др.

³ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук». Л., 1948, стр. 56.

⁴ Так, в 1896 г. появился его отзыв на работу И. А. Тихомирова «Обозрение состава московских летописных сводов» («Журнал Министерства народного просвещения», 1896, № 9, стр. 153—160).

⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 5, письмо А. Е. Преснякова к матери от 23 января 1900 г.

⁶ «Известия ОРЯС АН», т. 5, кн. 3, 1900, стр. 824—876.

⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 5, письмо А. Е. Преснякова к матери от 31 января 1900 г.

В фонде А. Е. Преснякова в Архиве ЛОИИ СССР имеются конспекты книг и статей историков, изучавших летописи⁸. Сохранились заметки, содержащие изложение основных моментов истории летописеведения, с подробными ссылками на литературу⁹. Основным итогом ее изучения явилось упоминавшееся в работах советских историков¹⁰ исследование по историографии летописания¹¹, которое должно было, видимо, составить введение к будущей диссертации. Труд этот представляет собой рукопись, написанную чернилами на 374 листах форматом в четверть, спитую в три тетради неравного объема. Написана она, как видно, начисто, в несколько приемов и носит следы последующей правки карандашом. «Основным из вышедших до сих пор» трудов А. А. Шахматова в рукописи названа работа «Общерусские летописные своды XIV—XV веков», опубликованная в 1900—1901 гг.¹² Карандашом приписана некоторая литература, вышедшая в 1903 г., когда рукопись, видимо, редактировалась. Следовательно, написана она была в течение 1902 г.

Это исследование содержит историю изучения русских летописей учеными с XVIII до начала XX в. В соответствии с содержанием рукописи разделена на главы, хотя это деление не доведено до конца. В I гл. (лл. 1—23) после краткого очерка культурной и научной жизни XVIII в. рассмотрены труды В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина; во II гл. (лл. 23—44) — А. Л. Шледера; в III гл. (лл. 45—59) — Н. М. Карамзина; в IV гл. (лл. 59—69) содержится описание деятельности Румянцевского кружка и Московского общества истории и древностей Российских, публикаторской работы Р. Ф. Тимковского и Х. А. Чеботарева, сочинений Н. С. Арцыбашева; в V гл. (лл. 69—84) рассмотрены работы И. Добровского, Г. Эверса и И. Лелевеля; в VI гл. (лл. 85—105) — М. Т. Каченовского, П. М. Строева и С. М. Строева. В VII гл. (лл. 106—117) после обзора издательской деятельности Археографической комиссии рассмотрены сочинения Д. М. Перевощикова; в VIII гл.¹³ — С. В. Руссова (лл. 118—120), П. Г. Буткова (лл. 120—123), А. М. Кубарева (лл. 123—126), М. П. Погодина (лл. 127—144), И. Д. Беляева (лл. 145—161), П. С. Казанского (лл. 162—167), С. М. Соловьева (лл. 168—179), И. И. Срезневского (лл. 180—211), М. И. Сухомлинова (лл. 211—221), А. Белёвского (лл. 222—229) и Н. И. Костомарова (лл. 230—243). Вторая тетрадь рукописи посвящена трудам К. Н. Бестужева-Рюмина (лл. 1—39) и И. А. Тихомирова (лл. 39—45); третья тетрадь (86 лл.) — А. А. Шахматова.

Ко времени окончания этого исследования — к концу 1902 г. — и относится, вероятно, решение А. Е. Преснякова придать работе по историографии летописания самостоятельное значение и обнародовать ее результаты. 16 апреля 1903 г. на заседании русской секции Исторического общества при Петербургском университете А. Е. Пресняков сделал доклад «Об изучении русских летописей»¹⁴. В прениях по докладу выступили Н. П. Павлов-Сильванский, А. С. Лаппо-Данилевский, С. А. Андрианов, Н. В. Кораблев, обратившие основное внимание, как явствует из протокола, на терминологические вопросы, затронутые докладчиком.

Публикуемая работа А. Е. Преснякова¹⁵ представляет собой рукопись его доклада в Историческом обществе; это ясно из ее заголовка и сравнения ее содержания с протокольной записью в «Историческом обозрении»¹⁶. Рукопись написана

⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 63, 102.

⁹ Там же, д. 63.

¹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания. М., 1940, стр. 10; С. Н. Валк. Указ. статья, стр. 56; Л. В. Черепнин. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. — «Исторические записки», т. 33, стр. 210.

¹¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 55.

¹² «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 9, 11; 1901, № 11.

¹³ После VIII гл. (л. 118) в рукописи главы не выделены.

¹⁴ А. Е. Пресняков предложил русской секции Исторического общества сделать этот доклад 16 февраля 1903 г. Протокольная запись о заседании опубликована в кн.: «Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при С.-Петербургском университете», т. 15. СПб., 1909, стр. 109—110. На заседании под председательством А. С. Лаппо-Данилевского присутствовали 23 члена Общества.

¹⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 54.

¹⁶ Возможно, что автором протокольной записи также является А. Е. Пресняков: он был секретарем русской секции Общества.

мелким разгонистым почерком в два или три приема чернилами на шести листах (и их оборотах, кроме последнего) бумаги форматом в полулист. Она явно не предназначалась для постороннего глаза — об этом говорит значительное число сокращенных слов. Рукопись подвергалась правке: несколько отрывков текста перечеркнуто простым карандашом, ряд слов, главным образом фамилий, подчеркнут. Возможно, что эта правка проводилась непосредственно перед чтением доклада для сокращения его текста и выделения ключевых моментов.

Доклад является кратким изложением исследования по историографии русского летописания. В нем А. Е. Пресняков выделил основные моменты развития летописеведения и остановил внимание на трудах тех историков, вклад которых в эту отрасль источниковедения, очевидно, представлялся ему наиболее значительным. При общем совпадении основных положений исследования и доклада некоторые аспекты историографии в последнем опущены, например, история публикации летописей, подробно разработанная в исследовании. Главное внимание в докладе уделено изучению изменения взглядов историков на развитие летописания, в связи с которыми возникали и менялись исследовательские задачи. Методика летописеведения, изучению которой отведено много места в обширном исследовании, в докладе лишь кратко затронута. Видимо, в связи с ограниченностью задачи доклада А. Е. Пресняков не мог отразить в нем все богатство содержания обширного исследования. Возможно, впрочем, что дошедший текст доклада служил лишь тезисами для устного, более распространенного изложения. Хотя доклад и дает представление о направлении работы, ее результатах и научной ценности, он не может явиться заменой исследования. Поэтому для ознакомления читателей с работой А. Е. Преснякова представляется желательной публикация в будущем и исследования.

Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания, результаты которой нашли выражение в публикуемом докладе, представляет интерес в нескольких планах. Прежде всего знакомство с ней имеет большое значение для изучения творческой биографии А. Е. Преснякова. Работа над докладом проходила параллельно с его трудами по изучению и изданию летописей, оказала влияние как на его исследовательскую, так и на педагогическую деятельность, придав им большую основательность и научную ценность. Творческий облик А. Е. Преснякова дополняется новыми чертами создателя систематического историографического труда. Эта работа дает основание по-новому судить о роли А. Е. Преснякова в становлении отечественной историографии. Кроме того, А. Е. Пресняков выступает как один из первых русских историков, сознательно воспринявших методику Шахматова и разработавших его систему. Созданная А. Е. Пресняковым цельная картина изучения летописей, в которой на огромном материале обобщены достижения науки на каждом этапе этого изучения, намечены интересные оценки работ ученых, много дает исследователю летописания. Проблемы, поднятые в работе, в частности вопрос о терминологии летописеведения, волнуют историков и в наше время¹⁷. Попытка исследовать историографию летописания за полуторавсковой период ее развития (XVIII—XIX вв.) в столь обширном объеме была первой в русской науке и до сих пор осталась единственной¹⁸. Известные узкому кругу специалистов результаты ее, вероятно, все же оказали влияние на развитие изучения русской исторической науки. Новый материал для суждения о путях ее развития дает публикуемая работа.

Работа А. Е. Преснякова публикуется в соответствии с требованиями современной орфографии и пунктуации; сокращенные слова приводятся полностью. Зачеркнутые карандашом части текста заключены в квадратные скобки.

С. В. Чирков

¹⁷ Ср. В. И. Буганов. Русское летописание в советской историографии. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 155.

¹⁸ Позднейшие исследователи, например М. Д. Приселков, С. Н. Валк, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров и др., ограничивались краткими очерками дореволюционной историографии летописания.

[Изучение русской старины как пережитого прошлого начинается в XVIII в. К первым десятилетиям этого века относится начало забот о сохранении памятников старины; с конца XVII в. начинаются записи народной поэзии. Привычные формы народного творчества, замирая и перерождаясь в XVIII в., становятся предметом интереса и изучения. Предание еще сильно, но уже подтачивается работой личной критической мысли. Содержание созданий духовной работы целых поколений становится если не чуждым, то чужим и может быть предметом изучения. Главная трудность была в необходимости понять коренную разницу между условиями и приемами старинного творчества и нового, народившегося в XVII и особенно XVIII в. На первых порах эта трудность оказалась непреодолимой, тем более что для ее разрешения ничего не дала новая школа умственной работы: отсутствие понимания психических особенностей жизни прошлых веков — отличительная черта западной культуры XVIII в. Условия эти сильно отразились на отношении русских историков XVIII в. к летописям. Летописцы для них — такие же приблизительно историки, как они сами, что не могло не повлиять на запросы, с какими они приступали к изучению летописей.]

Нестор — для Татищева — древнейший между явными нам русскими историками. Только труд его не сохранился в подлинном виде, и это потому, что некоторые нерассудные дерзнули в середину его летописи нечто внести, а иное растеряли; самый слог его искажен переменами и переправками списывателей. Варианты разных списков трактуются как искажения, происшедшие от нерассудности и дерзкого неуважения к чужому труду. Примером злонамеренных искажений служит для Татищева Никоновская летопись; в ней Никон многое сам перечеркнул, выкинув или изменив все, что было вписано к унижению духовной власти, например, где было сказано: «посла князь митрополита» или «повелел князь митрополиту», там он писал: «и моли князь отца своего митрополита». Раньше его митрополит Макарий начал такую же интерполяцию. В этом смысле и поправлял Татищев летописи, выкуривая из них клерикальный дух.

С представлением о летописи как продукте сознательного личного творчества связана постановка главных вопросов изучения: об авторе и источниках его труда. Надо восстановить с помощью тех мест «Повести временных лет», где речь идет в первом лице, биографию Нестора и составить список его продолжателей. Главное внимание сосредоточено на древнейшем «историке» Несторе; надо знать подлинный и цельный текст его. Татищев надеется, что полнейший и исправнейший* список сыщется. [Конечно, автор первого обширного летописного труда пользовался письменными источниками. Но отчего же у добросовестного Нестора нет ссылок? Может быть, они и были, да переписчики в течение веков перестали их понимать и потому выкинули, или же сам Нестор считал свои источники общеизвестными и не ставил ссылок, не предполагая, что одна его летопись сохранится. Что существовала целая летописная литература, для Татищева ясно из того, что в разных «историях разное заключается, и одна перед другою прибавку или яснейшее сказание имеет».]

Круг вопросов относительно летописей как памятников древнерусской письменности надолго остался в главных чертах таким, каким представлялся Татищеву. Только Щербатов, объяснив, что на Руси произошел крутой переход «из самой грубости, каковую кочевой народ может иметь», к «гораздо великому просвещению» с принятием христианства, так что могли явиться писатели, подобные преподобному Нестору и его продолжа-

* Слово подчеркнуто карандашом.

телям, — близко, однако, подошел к понятию *свода*, говоря о переписчиках, что они, списывая летописи, прибавляли, что до их сведения дошло, и продолжая их, и настаивая на том, что у Нестора были для прежних лет «некоторые, хотя непорядочные, записки, писанные на лоскутках или тетраджах», чем предвосхитил позднейшую гипотезу о «монастырских записках». В полемике Щербатова с Болтиным вообще поднято немало частных вопросов по изучению летописей.]

а. 1 об. В трудах Татищева, Щербатова *, Болтина мы имеем результат изучения летописей, // на котором еще не отразилось влияние Шлецера. Было изучено некоторое количество списков и выяснено значительное разнообразие текстов. Подлинного текста Нестора не оказалось, и пришлось считать за тем, что многого в имеющихся текстах нельзя свести к одному источнику, Нестору. Этим ставился вопрос о различных источниках тех летописей, какие были в руках исследователей. Пришлось отказаться от первоначального отношения к вариантам и дополнениям как к простым искажениям. Вопрос о происхождении этих отличий решался различно и приводил 1) к изысканиям о письменных памятниках донесторовской эпохи; 2) к вопросу о культурном состоянии Древней Руси. Нестор и для Щербатова, и для Болтина остается несомненным «историком», но изучать его оказалось невозможным, не решив сперва других ** ставших на очередь вопросов. Наконец, существенно сознание недостаточности материала, необходимости новых поисков и систематического изучения, особенно отчетливо выраженное Болтиным. Отмечал он и отсутствие лиц, которые могли бы наладить дело выяснения и изучения источников русской истории.

Ответом на эту потребность шире поставить дело научной исторической работы и внести в нее определенный научный метод было для следующего поколения появление трудов Шлецера. Известна сила влияния Шлецера. Но главное, плодотворное значение его не в тех результатах, к которым привело его изучение летописей, а в строгости и широте требований, какие он предъявлял к исторической науке, воспитывая младшее поколение ученых в духе новой научности. И это естественно: общие исторические понятия Шлецера не только не вели к разумению глубокого различия в складе духовной жизни и литературной деятельности разных эпох, но его рационалистический индивидуализм, можно сказать, исключал возможность такого разумения. И для него Нестор — писатель, который «должен предстать теперь на суд критики». И суд этот строг: «Нестор есть монах XI столетия, подобный всем европейским монахам своего времени: неучен, как и тогдашние его византийские учителя, которых он взял себе за образец; наполнен предрассудками и монастырским легковерием, противным здравому рассудку XVIII столетия». Такая исходная точка лишила Шлецера возможности отнестись к летописи, как к такому предмету изучения, свойства и характер которого еще требуют определения. С новыми приемами и большей эрудицией Шлецер идет к тем же целям, какие стояли перед Татищевым, и слишком часто оказывается он в зависимости от строго осуждаемого предшественника. С критическими приемами классической филологии Шлецер *** пробует изучить древнего писателя Нестора и приготовить критическое издание его труда. Лишь в конце долгой упорной работы он приходит к сознанию, что цель недостижима, но и тогда не дает себе отчета в коренном недоразумении, которое было главной причиной неудачи. Усердное собиранье списков, тщательное изучение вариантов, пропусков и вставок должно было помочь «добраться до того смысла и до тех самых

* В тексте ошибочно: Шлецера.

** Далее зачеркнуто чернилами: поднявшихся.

*** Фамилия подчеркнута карандашом.

слов, какими летописец повествование свое написал», — устраняя все, что внесено позднее, «частью умышленно, частью по небрежности, частью по невежеству». Как и Татищеву*, составитель Никоновской летописи представлялся Шлецеру писателем, который имел под руками подлинное сочинение Нестора и сознательно переделывал и дополнял его, по личным соображениям искажая чужой труд, а также монахом, который помогал подобным Гильдебранду митрополитам интерполировать летопись ради возвышения церковной власти над светской.

В начале своего большого труда Шлецер считает цель до//стижимой л. 2 и даже достигнутой: «Если можно что-нибудь в сей книге назвать важным, то, конечно, восстановление первоначальных несторовых слов». Но, дойдя до начала хронологической сети, он пришел в отчаяние. Разница списков, не распределенных на редакции, оказалась столь сложной, что Шлецер проникся негодованием против «новых переписчиков», безнадежно искаживших труд Нестора. Не допуская, чтобы были кроме Нестора древние источники, он уверен, что имеет дело**, что летописи переполнены «мнимыми происшествиями», выдумками писцов, ибо как им было знать, что деялось за 450 и более лет и чего не дал единственный бывший тогда летописатель? Крушение первоначального замысла Шлецер объяснял тем, что у него «было слишком мало списков», надо их сотнями собрать со всех стран государства и сличить с ученою точностью — тогда завоюем себе Нестора. А пока на него и ссылаться нельзя; цитируя тексты, надо просто ссылаться на названия рукописей, так как мы еще совсем не знаем, что принадлежит Нестору и что его писцам — поддельщикам.

Своими выводами и указаниями Шлецер дал толчок археографическим разысканиям, тщательному изучению и сличению текстов, углубил требования от разработки источников. Но в понятиях о летописи его влияние вернуло нас к Татищеву, и вера в то, что в основе всего русского летописания лежит единоличный труд определенного писателя, была надолго укреплена его влиянием.

Положение русского исследователя перед вопросом о летописях стало крайне затруднительным. Попытки их критического обследования привели к безотрадным результатам. Как пользоваться ими историку, если они переполнены искажениями, выдумками — либо невежественными, либо злонамеренными? Как относиться к поздним редакциям, если они — по выражению Шлецера — плод «ученого мошенничества»? Вопрос о том, что такое летопись, не был и поставлен, а господствовавшее понятие о ней не давало возможности понять особенности летописной традиции в том виде, в каком она являлась в изучаемых рукописях. Настроения «скептической школы» были естественным продуктом этих обстоятельств.

[Карамзина от скептического уныния перед задачами исторического изучения спасли особенности его настроения и его цели. Последняя была литературно-художественной, но соединялась с мечтой о правдивом синтезе прошлого России. «Я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках, искал духа и жизни в тлеющих хартиях». И хоть он приносил «дух и жизнь» хартий в жертву манерному стилю изложения, но в примечаниях он относился к старым текстам с большим тактом и пониманием, чем его предшественники, вносил меньше произвола в их оценку. Выход из затруднений, угнетавших Шлецера, был им самим указан: ссылаться прямо на рукописи, оценивая их данные независимо от общего изучения целых летописей. Кроме

* Далее зачеркнуто: Ник. летопись.

** Так в тексте.

того, Карамзин пользовался * списками, ценность которых значительно превышала достоинства прежних материалов: сличая Лаврентьевский, Троицкий, Ипатьевский, он ссылается на «Нестора». Новостью были не заметки Карамзина о летописях, а его практическое отношение к ним. Уже самый прием ссылки на летописи по рукописям, а не по летописцам-авторам обращал их в нечто безличное, не зависимое в целом от определенной авторской индивидуальности. Сличение богатого материала выясняло сложность состава летописей и ценность их отличий для задачи восстановить возможно полнее картину древней русской жизни. Карамзин, ища красок в древних памятниках, не боялся «всего летописного», как Арцыбашев, следовавший Шлецеру в сортировке летописного предания на элементы разумные и неразумные; для него «самые басни древние любопытны, изображая обычаи и дух времени». Этим намечались новые задачи при изучении обширного материала, но они не были методически выяснены, и «развитие науки пошло не через „Историю Государства Российского“, а мимо нее».]

а. 2 об. Те, кто не останавливался на пользовании летописным материалом, а пытался оценить его критически как исторический источник и в то же время не ставил // вопроса о летописи как особом историко-литературном явлении, не могли избежать скептических выводов, как только их покинула шлецеровская надежда, что новые археографические находки разрешат все затруднения. Ценные методологические замечания отчасти Эверса и Лелевеля, удивительно проникательная программа изучения Добровского — прошли без влияния. Независимо от них выработал П. М. Строев ** свою первую попытку определить характер русских летописей в знаменитом предисловии к «Софийскому временнику» *** и в позднейших статьях ***.

До нас, по Строеву, дошли только сборники, из которых древнейший — так называемая Лаврентьевская летопись. Они составлялись из летописей монастырских, областных, летописей разных веков и разных княжений, сказаний, причем составители соединяли, сокращали и располагали материал по усмотрению. Эти «громады исторических материалов известны у нас под общим названием летописей, летописцев». Характерно, что поясняет свое понятие о летописных сборниках Строев сравнением с одним сборником Толстовского собрания, который состоит из грамот, посланий и **** отрывков разного содержания. Как исторический материал подобные сборники, хотя их элементы и носят печать истины как достоверные повествования, в целом — бытописания неверные, запутанные и несогласные между собой. Впечатления от хаотичности этих сборников и привели Строева в лагерь скептиков. Сперва он не хотел верить, чтобы «по разобрании всех библиотек не нашлось где-либо если не подлинников, то хотя отдельных списков Нестора или его продолжателей, по чем больше изучение разных книгохранилищ убеждало его в неосуществимости этой мечты, тем скептичнее делалось его настроение. Для надежной критической истории нужны достоверные и полные материалы. Идеал «полноты» и «достоверности», очень прямолинейный, был легко разрушен археографическим опытом: в итоге — скептическое отношение к задачам исторического изучения. Не следует преувеличивать влияния на Строевых Каченовского, — скепсис последнего вытекал ***** наваян течениями западной историографии; у братьев

* Далее зачеркнуто чернилами: пергаменными.

** Фамилия подчеркнута карандашом.

-* Вставлено над строкой чернилами.

**** Далее зачеркнуто чернилами: разных.

***** Так в тексте.

Строевых он — следствие археографических разочарований Павла Михайловича.

Для развития понятия о летописи существенно установленное П. Строевым отличие понятий «летопись» и «летописный сборник». С. Строев в первом значении употреблял термин «монастырские записки»: «Монастырские записки должно отличать от ныне нам известных летописей — сборников». Сборники дают сведения относительно всех княжений, а круг «монастырских записок» теснее и ограничивался одним городом, много-много княжеством. За Нестором С. Строев соглашался признать только значение автора записок Печерского монастыря. А сборники составлялись из разного материала — летописных записок, житий, отдельных повестей и посланий. Эти компиляции энергично обесценивались скептиками как продукт произвольных переделок и перестановок и, наконец, «подлогов», рассматривались как сборники, лишенные всякой цельности. Впрочем, нельзя не пожалеть, что П. Строев не осуществил своего плана издавать «Полное собрание русских летописей», выяснив все списки, какими можно располагать, и «наперед разложив по родам», и не * развил своего понятия о «родах», т. е. редакциях, которое, очевидно, заменило бы понятие о «сборниках» иным, более плодотворным.

Мнения «скептиков» вызвали целую полемическую бурю. И хоть эта полемика вначале исходила из желания отстоять священное имя Нестора и высокое достоинство его труда, систематический пересмотр поднятых скептиками вопросов, потребовавший детального изучения материалов, накопленных быстро развивавшейся русской археографией, и выводов, опиравшихся на археографические наблюдения П. М. Строева, привел к ценным результатам.

В работах Погодина ** можно признать отправной точкой различие между летописными сборниками и летописями, как они вышли из рук летописцев. Причем Погодин сперва боролся против распространения понятия сборника на начальную русскую летопись, доказывая, что эта, по преимуществу киевская, летопись дошла до // нас в том виде, в каком н. з она вышла из рук первого сочинителя. Так что начало нашего летописания имеет один характер, а продолжение — другой. Нестор обрабатывал, однако, «какие-нибудь прежние записки, церковные или монастырские, хронографические отметки и тому подобное», вставляя, что знал сам, слышал по преданию, придав целому вид греческих хронографов. Полнота и непрерывность летописания заставляет Погодина признать, что оно было делом не случайным, а официальным. Но дальнейшее изучение привело к признанию, что ни в одном списке нет чистой Несторовой летописи, нет *** следов отдельного списка и, наконец, «едва ли он и существовал». Признав, что родоначальником летописания был список не единоличного труда, а компиляция из разных источников, Погодин следит за дальнейшим развитием летописания. В разных городах свои происшествия описывались по официальным запискам, чужие — по местным летописям и особым сказаниям. У всех «летописей» — слово, под которым Погодин разумет обширные труды, отличая их от «хронографических записей», — общая основа (Сильвестровский список). Но судить о ней дает возможность лишь тщательное изучение и сличение всех летописей, которое должно иметь целью восстановить летописи, например, Киевскую, Суздальскую, выяснить, что такое «начальная летопись», что такое Софийский временник XIII в., когда и как составлены позднейшие сборники... «Тогда откроются живые следы летописей потерянных». По нашим спискам можно судить об их оригиналах и источниках,

* не в тексте отсутствует.

** Фамилия подчеркнута карандашом.

*** Далее зачеркнуто чернилами: и.

которыми были не сырые материалы, а уже целые «летописи» значительного объема: велись записки, из них составлялись периодически летописи, входившие позднее в состав все новых и новых предприятий того же характера.

[На задаче восстановить летописи в собственном смысле путем сравнения дошедших до нас обширных сборников-компиляций настаивал и Беляев*, также отличавший летописи от записок. Беляев пытался и определить виды летописей: государственные официальные летописцы, частные фамильные, монастырские и, наконец, литературные или летописные сборники, из которых первый — приписываемый Нестору. Мы знаем почти** только последние, но разложение их на источники не представляет неодолимых затруднений, а кроме того, они важны по отличиям изложения и взгляду на события, так как их составители, имея под руками несколько источников, соображали, выводили свои заключения и сообщали рассказу новый смысл, которого не было в местных первобытных летописях.]

Еще отчетливее выражает новое понятие о летописях Соловьев: он отрицает надобность для вопроса о происхождении «первоначальной краткой летописи, первоначальных кратких записок» — гипотезы Погодина об официальном летописании; начатки летописания — монастырские, возникшие одновременно в Киеве и Новгороде. В XII в. летописи распространились по всем княжествам, причем летописцы записывали и свои местные и чужие события независимо друг от друга, и потому нельзя выделить Киевскую, Суздальскую и т. д. летописи — все они были княжескими, т. е. общерусскими. А брали у разных летописцев известия, списывали, сокращали позднейшие составители списков. До нас дошли только списки сборников, составленных из разных летописей. По характеру известий и тенденции рассказа можно, однако, определить источники сборников и получить некоторое представление о первоначальных местных летописях. Но для этого древнейшие списки имеют лишь весьма относительные преимущества; все списки одинаково сборники, и позднейшие, хотя бы XVII в., могли пользоваться списками древнейшими, для нас потерянными. Историк остается всякое новое известие поздних сборников подвергать критике само по себе, без отношения к позднему составлению, а для изучения начальной летописи — рассматривать ее как по древним спискам, так и по позднейшим, более полным.

Так постепенно изучение летописи как исторического источника привело к постановке вопроса об ее свойствах как памятника литературного. Только тогда попала она в круг вопросов историко-литературных. Заслуга историко-литературного изучения летописей принадлежит Из. Ив. Срезневскому. Вопрос об их источниках, составе и происхождении был для него 1) средством отыскать следы исчезнувших памятников и 2) выяснить приемы литературной работы древних русских книжников и находящиеся в летописях данные для характеристики их мировоззрения. При этом Срезневский «Повесть временных лет» характеризует, как *свод**** разных других летописей, более древних, отчасти довледи//мирова времени; они имели форму «погодных записок», подобно западным анналам, на хронологической канве «пасхальных таблиц». Вторая стадия в развитии летописания — отделение исторических заметок от пасхальных таблиц. Только позднее стали заботиться о подробностях описания. Таков путь от погодных заметок до «повестей временных лет», сводов. Но самые подробные своды не полны и, в то же

* *Фамилия подчеркнута карандашом.*

** *Слово вставлено над строкой.*

*** *Далее зачеркнуто чернилами:* записей разного времени. Ему принадлежит введение термина свод. Работа летописца представлялась ему так:

время, сильно изменяли материал. В этих литературных предприятиях сравнительно сложного характера виден след разных источников, книжнических приемов работы, определенного освещения изложения. «Тут часто не к годовой цифре приложено описание событий, а к описанию событий — годовая цифра». Такой характер летописных сводов заставляет отказаться от полного восстановления их источников — летописей; подобная задача может увенчаться успехом только в частностях.

К схеме летописания, намеченной Срезневским, примыкает характеристика летописи у Сухомлинова и Костомарова. По Сухомлинову, начало летописания — в кратких погодных заметках на пасхальных таблицах; потом постепенно содержание летописей усложнялось, описания стали подробнее, число событий под одним годом стало больше, вошли выдержки из византийских хроник, изложения народных преданий и повествования о тех же предметах, которые кратко упоминались в погодных записях: летопись стала сложным явлением и приобрела такой вид, в котором является она в древнейших списках, что и доставило этим спискам название не летописей собственно, а летописных сборников.

Костомаров признает двоякую форму первоначального летописания: сказания и записки. Сказания — подробные и связные повествования о событиях или лицах. Записки — краткие известия, сделанные с практической целью в церквях или монастырях и касались, например, построения и освящения церквей, назначения и смерти владык, о событиях семейной жизни князей, по поводу крестин, погребения, вкладов etc.; о военных событиях по поводу поминания убиенных и т. п. Из таких материалов составлялись летописи, для чего собирались сказания, разбивались по годам, может быть, с помощью пасхальных таблиц, дополнялись записками. Так возникла новая форма письменности — летописный рассказ, — соединение формы сказания с формой записок. Наконец, последняя редакция наших летописей состоит из летописей уже составленных со включением разных отдельных сочинений и грамот, — «это уже скорее сборники, чем летописи».

Итог предыдущему развитию изучения летописей подвел К. Н. Бестужев-Рюмин. Его цель — «изучить летописи, т. е. не дошедшие до нас исторические записи, поскольку они сохранились в дошедших до нас сводах, а также отдельные сказания, более обширные записи и повести, вошедшие в их состав». Пределом своего исследования Бестужев-Рюмин поставил XIV век на том основании, что с образованием Московского государства «летопись начинает становиться официальной и переходит в разрядные книги». Понимать это, по-видимому, надо так, что летописи, по мнению Бестужева-Рюмина, позднее представляют уже явление иного порядка, перерождаются, поглощаемые записями приказного характера. Самые своды также заменяются «компиляциями, имеющими свои цели», как Никоновская летопись и Степенная книга. Из двух вышедших в свет глав первая имеет целью установить, что «Повесть временных лет» — летописный свод, составленный в начале XII в., письменные источники которого можно определить и даже отчасти восстановить.

Метод работы Бестужева-Рюмина следующий: его внимание прежде всего останавливается на тех частях текста, которые носят «достаточно заметные следы отдельности». При этом текст распадается на множество отдельных отрывков: либо более или менее обширных статей, либо кратких известий. К попытке распределить эти атомы свода на группы, из которых каждую можно было бы рассматривать как след особого источника, Бестужев переходит лишь с крайнею осторожностью и множеством оговорок. При выяснении понятия «свод» в приложении

к «Повести временных лет» Бестужев основывается на том, что указывает в тексте разнородные элементы, посящие характер «вставок». Но во что эти вставки вставлялись? По-видимому, в «летопись»? Бестужев действительно замечает: «Не все то летопись, что заключается в дошедших до нас сводах». За исключением отдельных сказаний, цитат, поучений остается собственно летописный элемент свода — «летописные заметки». Но и по летописным записям «Повести» видно, что она составлена из различных источников, писанных в разных местах. «Но главным источником „Повести“, кажется, надо считать записи, веденные в Киеве». Считать ли это указанием Бестужева на Киевскую летопись? Нет, и в Киеве «известия записывались не в одном месте, но, вероятно, в разных, смотря по тому, кого или чего известия касались». Известия о семейных событиях разных князей записывались, вероятно, в разных княжеских монастырях. Кроме того, немало киевских записей попало в первый свод, а сохранились они в других. Разнообразны и не-киевские записи в своде. Иногда иногороднее известие Бестужев признает записанным в Киеве «по отсутствию подробностей», но подробности, которые «киевлянина едва ли могли заинтересовать», точные даты (день, число), топографические указания, особая симпатия к местному деятелю показывают, что мы имеем дело с иногороднею записью. След ли это местных летописей? Бестужев не решается ответить утвердительно. «Известия о разных событиях, знамениях, походах и т. п., то в виде отдельных сказаний, то в виде кратких заметок, могли записываться для памяти или самими участниками событий, или по рассказам любознательными людьми» — и только.

Понятие летописи, которая «велась», при анализе «Повести» так и не устанавливается. Перед читателем остаются только отдельные записи — краткие либо пространные — и составленные из них своды; хотя Бестужев и употребляет иногда выражения: «записи, веденные», «летопись», разумея нечто отличное от сводов, говорит: «велась летопись епископов» и указывает «остаток такой летописи», показывающий, что дело идет не о погодном перечне епископов, а о ряде сказаний о них.

Дело в том, что Бестужеву недоставало *прямых* доказательств в пользу общего происхождения разных летописных записей из одного источника, из рук одного автора или из одного места, — ни указания на местность, ни общность приемов изложения он не считал достаточными. Только при изучении позднейших частей «южнорусского свода» нашел он признак, позволивший ему определить, что такое «летопись». Источники южнорусского свода — отдельные сказания и летописные заметки. Сперва и тут говорится, что, переходя от сказаний «к рассмотрению погодной летописи, мы будем указывать на известия, записанные в разных местах, но никак не можем сказать, составляли ли прежде эти известия погодные летописи разных мест, были ли они сведены в местные своды или впервые свел их составитель того свода, которым мы теперь пользуемся». Но в конце концов летописи XII в. победили строгое учение недоверие, и Бестужев нашел основание связать в представление летописи единой и длительной некоторые группы записей путем широкого применения критики тенденций. Главное основание против предположения, что наши своды составлены прямо из отдельных записей, это — «что в большей части известий видно благоволение к тому или другому князю, к тому или другому городу». Так восстанавливаются жизнеописание Изяслава Мстиславича*, сказание об Игоре, где слышится голос сторонника Ольговичей, и тому подобное. Но и то Бестужев колеблется, назвать ли такие источники свода «сказаниями» или «летописи».

* Далее зачеркнуто чернилами: (По Бестужеву — отдельное сказание).

сями». Только по поводу некоторых частей свода (борьба Юрия Долгорукого с Изяславом Киевским, описание событий полоцких 1159 г., известия об Игоре Северском и т. п.), Бестужев замечает, что они «наводят на мысль об особенных летописях, веденных при княжеских дворах или в монастырях известного княжеского рода».

Труд К. Н. Бестужева-Рюмина надолго определил и метод изучения летописных сводов, и основные понятия об их составе. Но и тот, и другие применимы и полезны лишь в известных и, надо признаться, довольно узких пределах. Особенно недостаточен этот путь изучения для* более сложных по составу памятников. Если разложить свод хотя бы Лаврентьевского списка или Софийского временника на отдельные сказания и погодные заметки и даже удачно составить из них «летописи», местные и княжеские, — то это не дает многого. При такой работе можно подумать, что вообще составители сводов, тех, которыми мы пользуемся, имели каждый раз под руками различные // источ- а. 4 об.
ники — сказания, записи, летописи — и из них составляли свод. При таких условиях не получится никаких данных для объяснения взаимной зависимости разных сводов, то тождественных в целых частях сложного состава, то сходных, хотя с заметными отличиями, то пополюющих друг друга, то противоречащих один другому. Едва ли случайность, что работа Бестужева-Рюмина остановилась на древнейших текстах: идти тем же путем к памятникам позднейшим было бы слишком трудно и бесплодно.

Тут любопытно припомнить, что еще в 1812 г. знаменитый аббат Добровский предлагал иной путь изучения летописных сводов, путь, который вел** бы от позднейших памятников назад, к более древним. Сам Шлецер, так рассуждал Добровский, заметил, что Никоновский и Патриарший списки, с одной стороны, а Воскресенский и Алатырский, — с другой, дают параллельные тексты и содержат не 4, а только 2 рецензии. Из них рецензии В. А.*** древнее, чем Н. П.**** Но в обеих имеются явные и грубые интерполяции рядом с древними элементами. При попытке восстановить древнейшую рецензию заслуживает внимания только общий текст, лежащий в основе общих рецензий, В. и Н.; если затем сравнить очищенный текст, основной одинаково для В. и Н. с другими рукописями, то выяснится поразительное совпадение Никоновского списка со списком Полетики и Воскресенского с Софийским и другими сходными. Но, кроме того, выяснится и близость Воскресенского к Радзивилловскому и Архангелогородскому, хотя эти последние принадлежат к совершенно различным фамилиям. Наконец, списки Софийский, Новгородский, оба Полетики, несмотря на все их отличия, во многом восходят к одной общей главной древней рецензии. Когда тексты всех этих рукописей совпадают, то это ведет к восстановлению древнейшего текста. Какой же может оказаться результат всех этих сличений? Можно восстановить текст XIV в. Текст Софийского и Полетики списков идет, хотя бы посредственно, из рукописи XIV в.: это показывают последние имена в перечне князей, а также предисловие к Софийскому временнику, сохранившееся в Софийском, Воскресенском и Полетики списках, указывающее на 1203 г. как на конец какого-то списка. Другая фамилия списков — Радзивилловский и Ипатьевский — имеет в основе текст тот же, что в первой, хотя первая ***** в общем ***** лучше его сохранила, но иногда и вторая его лучше отражает. Путем такого сравни-

* Далее зачеркнуто чернилами: позднейших.

** Вставлено над зачеркнутыми чернилами: начинался.

*** В. — Воскресенский список, А. — Алатырский.

**** Н. — Никоновский список, П. — Патриарший.

***** Вставлено над строкой.

тельного изучения можно дойти до первоначальной рецензии 1203 г. Дальше мы, по-видимому, идти не можем.

Таков смелый план Добровского, знавшего только выписки Шлецера да 2—3 печатных издания. План этот остался, да и до сих пор остается неизвестным нашим ученым и никакого влияния не имел. Но о нем невольно вспоминаешь по поводу трудов А. А. Шахматова. Рассматривая отдельные летописные своды как самостоятельные целые, Шахматов путем сравнительного изучения выясняет и отчасти восстанавливает их протографы, утраченные, но отразившиеся в дошедших, своды и редакции. Такая работа имеет целью выяснить общую картину непрерывно развивавшегося летописания и должна, доведенная до желательной полноты, лечь в основу «исторического, точнее, сравнительно-исторического исследования», которое свяжет судьбы летописного дела с общим ходом исторического развития, например, «проследит рост Москвы и развитие ее летописания в их процессе». Перед исследователем летописи — не исторический источник, а крупное и своеобразное культурно-историческое явление, отражавшее на себе разные моменты русской исторической жизни. Вместо вопроса, когда, где и как записаны первоначально те или иные известия об исторических событиях, ставится на очередь другой: как шла летописная работа, как редактировались своды, каким потребностям исторического воспоминания они отвечали в разные эпохи. Выделение в составе свода сказаний и погодных летописных записей представляется Шахматову произвольным: «„Погодные записи“ не могут быть признаны особым литературным родом; под этим термином нельзя не понимать и сказаний о современных летописцу событиях, записанных им рядом с каким-нибудь кратким известием о несложном и маловажном событии; под этот же термин подойдут и сказания, составленные самим летописцем-сводчиком на основании личных своих впечатлений, слухов и устных преданий». Исследователь имеет дело только со сводами и источники их понимает прежде всего как другие своды; путь изучения — от позднейших сводов и редакций к более ранним, от дошедших до нас к утраченным. Только на основании изучения русских летописных сводов, только определивши эти следовавшие друг за другом своды, размотав сложный клубок русского летописания, можно ставить и разрешать вопрос о цвете и доброте отдельных ниток клубка, о первоначальном виде летописных источников.

а. 5 В центре трудов Шахматова стала гипотеза об // общерусских сводах XIV—XV вв. Как ни сильна, например, московская окраска в московских летописных сводах, и в них находим «обильные данные для истории Руси вообще и отдельных русских княжеств, в частности». Притом этот общерусский характер сводов — старше общерусского политического значения Москвы. «Он как будто отражает события и свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей».

Когда же был составлен в Москве первый общерусский свод? Сравнение летописных памятников XV и XVI вв. показывает: 1) что все они отражают общерусскую летопись, появившуюся в Москве (общерусские известия с явным преобладанием московских); 2) что содержание ни одного из них не может быть возведено целиком ни к какому из дошедших летописных сводов. Поэтому общие между ними места, сходное, а местами и тождественное содержание раскрывают общий для всех их источник — «общерусский летописный свод, возникший в Москве в первой четверти XV века». Вывод этот устанавливается совпадающими в конечном результате несколькими исследованиями, которые посвящены изучению разных памятников. 1) Если выделить из Новгородской IV все, что роднит ее с Новгородской I, то останется обширный и раз-

нохарактерный материал, который можно объяснить или тем, что составитель пользовался многочисленными летописными материалами из разных концов России, или влиянием сложного общерусского свода. Второе подтверждается сравнением с Софийской I: у нее с Новгородской IV был общий источник — обширный свод, в котором преобладали новгородские известия, чуждые Новгородской I, и в котором было указание на 1448 г. Этот источник Шахматов назвал «сводом 1448 г.» Но в нем заметно, что новгородские известия шли до 1428 г., а общерусские только до 1418—1420 гг., что дает право противопоставить в нем новгородские известия общерусским как взятым из двух разных источников. Некоторые списки Софийской I (второй редакции ее) дают указание на то, что великокняжеская родословная доходила только до сыновей Василия Дмитриевича, а общерусские известия — до 1422—1423 гг. Одним из источников этих летописей был общерусский свод, составленный в княжение Василия Дмитриевича.

Это предположение получает особую силу, когда указание на особое значение 20-х годов XIV в.* в истории летописания подтверждается также изучением целого ряда других памятников, в которых также отражился источник Новгородской IV и Софийской I, доведенный до 1422—1423 гг. и состоящий из известий общерусских. Изучение некоторых из них показывает, что один из источников покидал их на 1423 г. Изучение других приводит к предположению, что они пользовались сокращенной редакцией свода 1423 г., но зато продолженной дальше этого года. Таких редакций Шахматов устанавливает 3: 50-х годов XV в., 1499 г. и 20-х годов XVI в., но основной свод служил подспорьем для дополнений и поправок к сокращенной редакции в позднейших сводах.

Что же это за свод первой четверти XV в.? Он составлен в Москве (непрерывный и обильный известиями рассказ о московских событиях, повести московского происхождения) и составлен на основании огромного материала (летописные материалы, древние и новые, разных городов, много повестей и сказаний, юридические памятники), что наводит на мысль о сознательном собирании для составления общерусского свода, но при том это не создание московских князей (ряд статей, резко осуждающих иные моменты московской политики). Остается признать в своде 1423 г. труд митрополичьего двора. Митрополитом был тогда Фотий, борющийся за сохранение единства русской церкви. В Тверском сборнике Шахматов нашел и название для своего памятника: «Русский транограф по великому изложению» или «Владимирский полихрон».

Изучение состава и источников Владимирского полихрона привело к признанию существования общерусских сводов уже в XIV в. Так, сравнение Троицкой летописи начала XV в. с летописью Симеоновской показывает, что у них был общий источник, кончавшийся 1390 г. — годом, когда в Москве утвердился митрополит Киприан. Но Киприановская редакция не основная; она только продолжила свод начала XIV в., который восстанавливается опять-таки сличением целого ряда памятников.

Первое основание для суждения об этом старшем своде дает сравнение Полихрона с Лаврентьевской и Новгородской I: оно вскрывает общий для них источник не местного, а общерусского характера, который, вероятно, кончался 1305 г., отчего и Лаврентьевская остановилась на этом годе, хотя писана в 1377 г. Обилие известий о Руси Северо-Восточной указывает на Суздальское (Вл) [адимирское] происхождение свода состав известий — на его цель: «собрать в одно целое летописные записи Владимира, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и других русских городов», т. е. это была первая попытка составить общерусский

* Так в тексте, вероятно, нужно: XV.

летописный свод. 1305 г. — год кончины митрополита Максима, и на нем остановилось // предпрятие его преемника митрополита Петра.

Значение этого первого общерусского свода раскрыто в исследовании Шахматова о Радзивилловском списке. Тут гипотеза о существовании общерусского свода 1305 г. связана с изучением суздальского источника южнорусского летописного сборника, известного по Ипатьевскому и другим спискам. Два наблюдения: 1) что в «Повести временных лет» Ипатьевская часто сходна с Радзивилловской там, где отлична от Лаврентьевской, и 2) что в редакции суздальских известий она то совпадает с Лаврентьевской, то с Радзивилловской, то отличается от обеих, указывая на пользование всех трех общим материалом в виде свода, соединявшего особенности разных суздальских летописей. А таким и был свод 1305 г. Впрочем, при ближайшем рассмотрении приходится поставить вопрос сложнее. Радзивилловская, по-видимому, не прямо вышла из свода 1305 г. Если сравнить ее с Переяславской летописью, которая дошла до нас только с 1138 по 1214 г., то окажется между ними полное тождество, если не считать тех мест, где Радзивилловская пользуется Лаврентьевской. Этим выясняется значение Переяславской летописи. Основной источник Радзивилловской, она была источником и для свода 1305 г., ибо ее особенности и особенно наглядная — именно путаница в изложении событий 1203—1205 гг. — отразились во всех памятниках, связанных с сводом 1305 г., как непосредственно (Лаврентьевская, Новгородская I), так и посредственно, через Владимирский полихрон. Так выделяется один из источников общерусского свода 1305 г. — Переяславская летопись, доступная к изучению по Радзивилловской и летописцу Переяславля Суздальского.

Значительные отличия Лаврентьевской от общерусского свода указывают на другую северную летопись, в которой преобладали ростовские известия, точнее, известия, относящиеся к ростовскому князю Константину Всеславовичу, его семье и потомству. Составителем Шахматов предположительно считает Кирилла, епископа Ростовского, но продолжена она была и после него. Сравнение Ростовской летописи с Переяславской вскрывает их общий летописный источник, занятый в частях, современных его составителю, рассказом о событиях владимирских. С 1157 г. и в Лаврентьевской и в Переяславской суздальские события излагаются не ростовцем, не переяславцем, а владимирцем. На Владимирскую летопись указывает и Ипатьевская — в ней есть владимирские известия, которых нет ни в Лаврентьевской (Ростовская), ни в Переяславской; то же и в Полихроне. В одной из редакций Владимирского летописного свода играло роль счисление годов до Юрьевой рати, т. е. Липицкой битвы, — свод доходил до 1216 г., хотя выписки из него можно проследить только до 1214 г. Другие два момента владимирского летописания отмечаются годами 1192 и 1185. Конец изложения редакции 1185 г. отмечен словом «аминь», что получает значение ввиду отличий изложения в летописях до и после этого года, а 1193 г. отмечен непрерывностью изложения до него и пропусками, отрывочностью за 1193—1195 гг.

Предположение о разных (3-х) редакциях владимирских сводов подсказано отличиями в суздальских известиях Лаврентьевской (Ростовская), с одной, и Переяславской (Радзивилловская) — с другой стороны. Но если эти отличия могут быть объяснены редакционными поправками свода 1192 г., которым пользовалась Переяславская Радзивилловская, то отличия в «Повести временных лет» заставили Шахматова допустить, что Владимирский свод 1192 г. наряду со сводом 1185 г. имел и другой, несудальский источник. Особый список «Повести временных лет» владимирский сводчик 1192 г. нашел, вероятно, в том же источнике, из которого взял обширные повести о южнорусских событиях 1185 и 1186 гг.,

а в этих повестях обнаруживается автор — житель Южного Переяславля. Отсюда следует, что одним из источников Владимирского свода 1192 г. была летопись Южного Переяславля, характеризующаяся, между прочим, особой редакцией «Повести временных лет», отличавшаяся значительно от той, вероятно Киевской, редакции, которая через Владимирский свод 1185 г. и Ростовский попала в Лаврентьевский.

Все это приводит к характеристике первых моментов суздальского летописания. Первая попытка составить во Владимире летописный свод относится к 1185 или 1186 г. В основу положен южный, Киевский свод обширный, начинавшийся Сильвестровской редакцией «Повести временных лет» и объединивший несколько других южных летописей: Переяславскую, Черниговскую, может быть, и Волынскую. Суздальские материалы свода начинаются со времен Юрия Владимировича, хотя Шахматов предполагает, что летопись Владимира Суздальского началась во времена Андрея Боголюбского. Но кроме записей владимирских были и записи суздальские начиная с 1152 г. Такие записи, предшествующие сводам, отмечаются и в других случаях — с 1213 г. начинаются переяславские записи». Иногда к этим «записям» применяется термин «летопись» — речь идет о «владычной летописи», примкнувшей к новгородскому своду XII в., о «непрерывных продолжениях» полных и сокращенных редакций общерусского свода, о «тверской летописи» при повести о князе Михаиле Александровиче — рядом с погодными записками московскими, которыми продолжена Троицкая летопись. Особенно останавливался Шахматов на «московской летописи» и на «выписках из местных летописей», как одном из источников Владимирского полихрона.

Московские записи заметны в сводах уже за первую четверть XIV в., «но, кажется, мы имеем основание думать, что Московская летопись началась в 1328 г.» На это указывает заметка под 1343 г., что пожар 1343 г. был в 15-е лето — уже четвертый пожар великий на Москве. Этот счет с 1328 г. можно объяснить тем, что Калита, став великим князем, «позаботился об основании самостоятельной московской летописи, которую и начали вести с этого года дьяки московского князя». Эта княжеская летопись, вероятно, примкнула к своду не московскому, а владимирскому общерусскому. В 1390 г. появилась обработка этой московской летописи в свод (Троицкая—Симеоновская), и к нему примкнуло, по-видимому, дальнейшее княжеское летописание. Известие о Стефане Бородатом и другие подтверждают, что летописание московское велось при княжеском дворе княжескими дьяками.

Кроме летописей митрополичьей, княжеской, владычной, Шахматов называет «выписки из местных» летописей. Относительно многих известий общерусского свода можно сомневаться, удастся ли возвести их целиком к источникам — сводам. Шахматов приводит «ряд данных, свидетельствующих о пользовании составителя Полихрона тверскими, нижегородскими, смоленскими, рязанскими, ростовскими записями». Они черпались из местных летописей, «доходивших до митрополичьей канцелярии, быть может, не в целом составе, а в виде выписок, отрывков из местных летописных сводов». И в других случаях термины «летопись» и «летописный свод» употребляются Шахматовым как синонимы, хотя иногда «летопись» означает погодные записи. Отличие сводов, которые составлялись, и летописей, которые велись, остается не вполне отчетливым.

Существенный недостаток метода, который сводил изучение сводов на «исследование отрывков, остатков местных летописей»*, был указан Шахматовым в том, что такой метод «оставляет в тени те действитель-

* Далее зачеркнуто чернилами: в том, что он.

ные источники, определение которых составляет прямую задачу исследования». Эти «действительные источники» — более древние своды, где уже заключался весь материал, т. е. как погодные записки, так и сказания. Задача изучения — «определить следовавшие друг за другом своды». «Наши летописи не были официальными актами, памятными записками, механической сшивкой разнородного материала — это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному творчеству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала — предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам». Для характеристики сводов и сказаний у нас достаточно материала, но что такое «летописи»? Считать ли их «особым литературным родом» или это только случайные датированные записи? Или это черновые листки, «что писати в летописец», т. е. в свод, по нашей терминологии?

IV. ХРОНИКА

СОСТАВ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР*

Бюро Археографической комиссии

Шмидт Сигурд Оттович	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР) — председатель
Александров Вадим Александрович	— д. и. н. (Ин-т этнографии АН СССР)
Белявский Михаил Тимофеевич	— д. и. н. (Московский гос. ун-т)
Бем Юрий Оттович	— (изд-во «Наука»)
Бескровный Любомир Григорьевич	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Дорошенко Василий Васильевич	— д. и. н. (Ин-т истории АН ЛатвССР)
Кузнецова Клавдия Степановна	— к. и. н. (ГАУ при СМ СССР)
Левшин Борис Венедиктович	— к. и. н. (Архив АН СССР)
Литвак Борис Григорьевич	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Носов Николай Евгеньевич	— д. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
Покровский Николай Николаевич	— к. и. н. (СО АН СССР)
Удальцова Зинаида Владимировна	— д. и. н. (Ин-т славяноведения и балка- нистики АН СССР)
Чистякова Елена Викторовна	— д. и. н. (МГИАИ)
Чугаев Дмитрий Агеевич	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)

Члены Археографической комиссии

Автократов Владимир Николаевич	— к. и. н. (ВНИИДАД)
Адрианова-Перетц Варвара Павловна	— чл.-корр. АН СССР
Андроников Ираклий Луарсабович	— д. ф. н. (Союз писателей СССР)
Арциховский Артемий Владимирович	— чл.-корр. АН СССР
Барахов Владимир Сергеевич	— к. ф. н. (секция общ. наук Презид. АН СССР)
Безносиков Яков Николаевич	— д. и. н. (Коми филиал АН СССР)
Белов Геннадий Александрович	— к. и. н. (ГАУ при СМ СССР)
Бовыкин Валерий Иванович	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Бояршинова Зоя Яковлевна	— д. и. н. (Томский гос. ун-т)
Бугаев Виктор Иванович	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Валк Сигизмунд Натанович	— д. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
Вульфсон Григорий Наумович	— к. и. н. (Казанский гос. ун-т)
Гапоненко Лука Степанович	— д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Гафуров Бободжан Гафурович	— академик
Голиков Георгий Назарович	— д. и. н. (ИМЛ при ЦК КПСС)
Горовой Федор Семенович	— д. и. н. (Пермский гос. ун-т)
Гранстрем Евгения Эдуардовна	— д. ф. н. (ГПБ)
Гуржий Иван Александрович	— чл.-корр. АН УССР
Губер Александр Андреевич	— академик
Далин Виктор Моисеевич	— д. и. н. (Ин-т всеобщ. истории АН СССР)
Данилов Александр Иванович	— действ. член. Акад. пед. наук СССР
Данилов Виктор Петрович	— к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Даниялов Гаджи-Али Даниялович	— д. и. н. (ИЯЛИ Даг. филиала АН СССР)
Дербов Леонард Адамович	— к. и. н. (Саратовский гос. ун-т)
Димитриев Василий Дмитриевич	— д. и. н. (Чувашский НИИ языка, лите- ратуры, истории и экономики)
Дризулис Александр Арвидович	— академик АН ЛатвССР
Дружинин Николай Михайлович	— академик
Дьяков Владимир Анатольевич	— д. и. н. (Ин-т славяноведения и бал- канистики АН СССР)

* Утвержден постановлениями Президиума АН СССР от 25 декабря 1968 г. и 11 августа 1969 г.

- Елпатъевский Андрей Валерьянович — к. и. н. (ВНИИДАД)
 Житомирская Сарра Владимировна — к. и. н. (ГБЛ)
 Жуковская Лидия Петровна — д. ф. н. (Ин-т русск. яз. АН СССР)
 Зимин Александр Александрович — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Ивницкий Николай Алексеевич — к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Каргер Михаил Константинович — д. и. н. (ЛО Ин-та археологии АН СССР)
 Кажх Юхан Юханович — чл.-корр. АН ЭстССР
 Каштанов Сергей Михайлович — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Кинкулькин Альберт Тимофеевич — чл.-корр. Акад. пед. наук СССР
 Ковальченко Иван Дмитриевич — д. и. н. (МГУ)
 Колесников Петр Андреевич — к. и. н. (Вологодский пед. ин-т)
 Копанев Александр Ильич — к. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
 Косов Игорь Сергеевич — (изд-во «Наука»)
 Котков Сергей Иванович — д. ф. н. (Ин-т русск. яз. АН СССР)
 Кудрявцев Илья Михайлович — к. ф. н. (ГБЛ)
 Кузев Раиль Гумерович — к. и. н. (Башкирский филиал АН СССР)
 Кузьмин Аполлон Григорьевич — к. и. н. (ж-л «Вопросы истории»)
 Лавров Ростислав Александрович — (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС)
 Лебедев Геннадий Павлович — (ГАУ при СМ СССР)
 Лиги Херберт Мадисович — д. и. н. (Тартуский гос. ун-т)
 Лихачев Дмитрий Сергеевич — чл.-корр. АН СССР
 Луцкий Евгений Алексеевич — проф. (МГИАИ)
 Люблинская Александра Дмитриевна — д. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
 Малышев Владимир Иванович — д. ф. н. (ИРЛИ АН СССР)
 Марков Дмитрий Федорович — чл.-корр. АН СССР
 Месхиа Шота Амбакович — чл.-корр. АН ГрузССР
 Метревели Елена Павловна — д. ф. н. (Ин-т рукописей АН ГрузССР)
 Милов Леонид Васильевич — к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Мухамедьяров Шамиль Фатыхович — к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Мыльников Александр Сергеевич — к. и. н. (ГПБ)
 Набиев Рашид Набиевич — чл.-корр. АН УзбССР
 Никифоров Леонид Алексеевич — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Окладников Алексей Павлович — академик
 Павленко Николай Иванович — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Подобедова Ольга Ильинична — д. иск. н. (Ин-т истории искусств)
 Понов Владимир Иванович — Министерство культуры СССР
 Поспелов Петр Николаевич — академик
 Пронштейн Александр Павлович — д. и. н. (Ростовский гос. ун-т)
 Пугачев Владимир Владимирович — д. и. н. (Саратовский гос. ун-т)
 Рогов Александр Иванович — к. и. н. (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР)
 Романовский Виктор Александрович — д. и. н. (Ставропольский пед. ин-т)
 Рутенбург Виктор Иванович — д. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
 Рыбаков Борис Александрович — академик
 Самсонов Александр Михайлович — чл.-корр. АН СССР
 Селезнев Михаил Степанович — к. и. н. (МГИАИ)
 Сербина Ксения Николаевна — д. и. н. (ЛОИИ СССР АН СССР)
 Скаба Андрей Данилович — академик АН УССР
 Сказкин Сергей Данилович — академик
 Соловьев Александр Арсентьевич — к. и. н. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС)
 Стрельский Вячеслав Ильич — д. и. н. (Киевский гос. ун-т)
 Султанов Мамедага Султан оглы — д. ф. н. (Республиканский рукописный фонд АзССР)
 Тверитинова Анна Степановна — к. и. н. (Ин-т востоковедения АН СССР)
 Улащик Николай Николаевич — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Усманов Мир-Касим Абдулахатович — к. и. н. (Казанский гос. ун-т)
 Федюкин Сергей Алексеевич — к. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Фруменков Георгий Георгиевич — д. и. н. (Архангельский пед. ин-т)
 Хачикян Левон Степанович — чл.-корр. АН АрмССР
 Хоропиллов Георгий Трифонович — к. и. н. (Ин-т военной истории)
 Хренов Иван Александрович — д. и. н. (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР)
 Черешнин Лев Владимирович — д. и. н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Шабуня Константин Иванович — чл.-корр. АН БССР
 Шапиро Александр Львович — д. и. н. (Ленинградский гос. ун-т)
 Шевченко Федор Павлович — чл.-корр. АН УССР
 Шерстобитов Виктор Павлович — д. и. н. (Ин-т истории АН КиргССР)
 Шепкина Марфа Вячеславна — д. и. н. (ГИМ)
 Юргинис Юозас Матович — академик АН ЛитССР
 Яковлев Леонид Иванович — д. и. н. (ГАУ при СМ СССР)
 Янин Валентин Лаврентьевич — чл.-корр. АН СССР

ЗАСЕДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

25 февраля Археографическая комиссия приняла участие в заседании, посвященном памяти ее председателя — члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова¹.

5 марта 1968 г. на заседании Археографической комиссии (совместно с группой теоретического источниковедения сектора методологии истории Института истории АН СССР) был заслушан доклад к. и. н. Н. Н. Покровского (Ин-т истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР) «Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири».

Археографические работы в Сибири, начатые по инициативе академика М. Н. Тихомирова Археографической комиссией в 1959 г. (А. И. Роговым и В. Б. Павловым-Сильванским), с 1965 г. продолжены и ныне ведутся В. Н. Алексеевым, З. В. Бородиной, Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. Н. Покровским, Е. К. Ромодановской с привлечением студентов НГУ. В результате разведок 1965 г. и полевых работ нескольких групп в 1966—1967 гг. была подтверждена перспективность археографических работ в Сибири. У населения обнаружено большое количество старообрядческих культовых книг XVII—XX вв. Некоторые удалось купить или получить в качестве дара. Однако по наблюдениям экспедиций Сибирского отделения, рукописных книг в Сибири по сравнению с Европейской Россией значительно меньше; ценятся они дороже, имеют практическое культовое применение. Особенно интересны для археографа наблюдения о современных (или недавнего прошлого) функциях древней книги в старообрядческих поселениях, о сохранении, возрождении или наоборот умирании многих традиций, связанных с древней книжностью. Так, например, уникальной явилась возможность наблюдать работу небольшой мастерской по переписке и ремонту древних книг в одном из горных скитов; экспедицией были здесь зафиксированы многие важные детали: рецепты чернил, методы и скорость работы, выполнение заказов на ремонт книг, принадлежащих старообрядцам соседних сел, взимание иногда «платы» за такой ремонт другими старыми книгами, пополняющими книжную коллекцию скита, и т. д. Были сфотографированы инструменты этого скриптория от гусяных перьев и тираксы до большого набора штампов для тиснения кожи переплета; рисунок штампов зачастую скопирован с древних переплетов, но есть и новые мотивы (эти материалы публикуются в «Трудах Отдела древнерусской литературы»).

Вместе с тем вскрылась определенная специфика археографической работы в сибирских старообрядческих поселениях, что заставляет думать об изменении понимания задач археографических экспедиций. Особая психологическая замкнутость и традиционность старообрядчества в некоторых таежных и горных уголках Сибири приводят к тому, что характер важного исторического источника приобретают не только находимые здесь рукописные и старопечатные книги, но и данные о догматике, современной полемике, путях миграции и связях с другими центрами старообрядческой книжности в прошлом и т. д., а также особенности быта старообрядческого населения, во многом и сейчас определяемые книжной традицией.

Как для планирования археографических работ, так и для более полного изучения района экспедиционного обследования необходима поэтому большая научная подготовка сотрудников экспедиций, знание законов бытования тех или иных типов литературы в различных историко-культурных центрах сибирского раскола и в рамках различных его согласий. Знание книжной догматики должно дополняться историческими, лингвистическими и этнографическими познаниями в исследовании путей миграции, выявлении нынешней местной обрядово-догматической картины сибирского раскола и установлении генетических связей интересных в археографическом отношении районов с традиционными центрами старообрядчества XVIII—XIX вв.

¹ Материалы заседания опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1967 год». М., 1969, стр. 347—364.

Так вырисовываются контуры более широких и общих задач археографических экспедиций, целесообразность проведения совместных историко-археографическо-этнографических экспедиций в Сибири. Подобное расширение целей и методов археографической экспедиционной работы в Сибири диктуется также еще одним соображением. Психологическая замкнутость и традиционность сибирского старообрядчества в ряде районов резко усиливают хорошо известные археографам Европейской России трудности завоевания в этой среде минимального доверия, необходимого для успеха экспедиционной работы. Хорошее знание палеографии, древнерусского языка, служебных и четких книг, догматики и истории старообрядчества достаточно высоко ценится в этой среде, что позволяет археографическим экспедициям глубже и прочнее устанавливать связи со старообрядческим населением; с другой стороны, было бы крайне нерационально использовать это обстоятельство лишь для выявления и сбора древнерусских книг, забывая о всех перечисленных выше аспектах исследования экспедиционного района. Постановка комплексных задач перед археографическими группами является поэтому весьма целесообразной; конечно, это потребует налаживания сотрудничества археографов с другими специалистами—диалектологами, лингвистами, этнографами как в полевых условиях, так и при обработке материала. Сейчас новосибирские археографы лишь начали поиск в этом интересном направлении комплексности; сложность многих проблем еще только начала вырисовываться, однако целесообразность работы именно в этом направлении несомненна.

Бесспорной является также необходимость установления более прочных, стационарных связей с некоторыми экспедиционными районами. Археографы Академгородка стремятся поэтому к многолетним экспедициям в одни и те же перспективные районы (в первый год степень доверия еще минимальна), к проведению небольших зимних поездок в такие районы между летними сезонами, к налаживанию постоянной переписки с отдельными интересными семьями и т. д. Хотя сил для полного проведения такой программы пока еще недостаточно, важные шаги для ее выполнения делаются Сибирским отделением и сейчас.

К. и. н. А. И. Рогов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) отметил большое значение археографической экспедиционной работы Сибирского отделения. Он особенно подчеркнул комплексный характер экспедиций, изучающих не только книжные традиции сибирского старообрядческого населения, но и широкий круг вопросов культурного, социального и этнографического развития Сибири, что позволяет вскрывать за книжными традициями явления исторические и социальные. Было высказано пожелание, чтобы результаты археографических экспедиций Сибирского отделения были опубликованы, так как опыт комплексного изучения истории, культуры и этнографии может быть полезным в условиях археографической работы не только в Сибири, но и в районах Поволжья, Севера, Дальнего Востока.

К. и. н. В. Б. Кобрин (Московский пед. ин-т им. В. И. Ленина) также приветствовал общестороннюю направленность в работе сибирских археографических экспедиций, отметив, что в практике московских и ленинградских экспедиций наблюдается пока более утилитарный подход к делу, сбор рукописных книг и их изучение.

К. и. н. И. В. Поздеева (Отдел редких книг и рукописей Научной б-ки МГУ) подчеркнула важность разработки методики археографических экспедиций, предпринятых Сибирским отделением. Практика археографических поездок МГУ показала, что из-за неподготовленности и несогласованности в деятельности многих научных учреждений, ведущих сбор рукописей у населения, многие районы Европейского центра оказались надолго закрытыми для научной работы, происходит разобщение исторически сложившихся территориальных коллекций, нарушаются исторически сложившиеся культурные комплексы. Поздеева поставила вопрос о необходимости координировать работу археографических экспедиций в пределах страны.

В заключение председательствующий д. и. н. С. О. Шмидт сказал, что опыт археографической экспедиционной работы Сибирского отделения отражает новую современную стадию в этом деле, показывает необходимость выработки методики полевого изучения письменных источников и координации деятельности историков—палеографов и этнографов, а также целесообразность организации совместных археографическо-этнографических экспедиций в отдаленные области страны. Следует продолжать традицию собирания территориальных коллекций рукописей и печатных книг. Материалы совместных археографических и этнографических экспедиций позволяют, как это ярко прозвучало в докладе, выяснить психологию и быт наших предков в далеком прошлом и их влияние на современность. Работа Сибирской археографической экспедиции вносит большой вклад в освоение культурного наследия нашей Родины. Археографический опыт Сибирского отделения подсказывает, что методику археографических экспедиций надо разрабатывать применительно к особенностям районов страны.

4 апреля под председательством д. и. н. С. Н. Валка состоялось заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии, обсудившее планы и перспективы работы комиссии. С сообщением о задачах и планах Археографической комиссии и ее филиалов выступил председатель комиссии С. О. Шмидт. В прениях приняли участие д. и. н. Д. П. Калинин, д. и. н. А. Г. Маньков, д. и. н. И. П. Шаскольский (ЛОИИ СССР АН СССР), к. и. н. Д. Н. Альшиц, к. и. н. А. С. Мыльников, к. ф. н. Н. Н. Розов (ГПБ), к. и. н. А. И. Копанев (БАН).

Выступавшие поставили вопросы о плановом изучении материалов, отложившихся в фондах историков, научных учреждений и обществ, в том числе в архиве старой Археографической комиссии, о необходимости более регулярной публикации пофондовых сборников документов, а также фототипического издания лицевых летописей, о продолжении издания «Корпуса Боспорских надписей», о составлении сводных каталогов публикаций. Признавалось целесообразным обратить особое внимание на вопросы методики описания рукописных собраний, организации археографических экспедиций и учета рукописных богатств, находящихся в частных собраниях. Была достигнута договоренность с Ленинградским отделением о специфике проблематики московских и ленинградских периодических изданий комиссии. «Археографический ежегодник» будет публиковать материалы в основном археографического, архивоведческого и источниковедческого характера, ленинградский сборник «Вспомогательные исторические дисциплины» — освещать вопросы других вспомогательных исторических дисциплин (метрологии, хронологии, сфрагистики, исторической географии и др.). Так как работа по описанию рукописей на греческом и латинском языках, а также западноевропейских рукописей XVI—XVIII вв. ведется под руководством ученых Ленинграда, материалы по источниковедению истории стран Западной Европы решено публиковать в ленинградском сборнике.

В этом году Археографическая комиссия начала проведение заседаний, которые она намерена сделать традиционными, — ежегодных «Тихомировских чтений». Первые «Тихомировские чтения» были посвящены творчеству основателя и первого председателя комиссии академика М. Н. Тихомирова, приуроченные к 75-летию со дня его рождения (1 июня 1893 г.).

На заседании 5 июня были заслушаны доклады И. П. Старовойтовой «Фонд академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР», Р. Ф. Хохлова «М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей», к. и. н. А. В. Муравьева «Спецкурс М. Н. Тихомирова „Приказное делопроизводство в XVII в.“», к. и. н. А. И. Рогова «Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению»².

Архив АН СССР организовал к заседанию выставку, посвященную академику М. Н. Тихомирову; на выставке были представлены рукописи трудов М. Н. Тихомирова, документы, освещающие его жизнь и деятельность, биографические материалы.

31 октября был заслушан доклад к. и. н. Ю. Ф. Кононова (МГИАИ) «Частное коллекционирование рукописных материалов как общественное явление (в до-революционной России)». Докладчик показал большое значение частного коллекционирования в собирании рукописей в России.

Спасение архивных материалов и других видов исторических источников стало, особенно с первых лет XIX в., заметным явлением в культурной жизни России. В XIX — начале XX в. работали 200 научных обществ, которые много сил отдавали собиранию исторических документов. В этой работе общества опирались, главным образом, на частных коллекционеров. Докладчик полагает, что частное собирательство рукописных материалов зародилось на Руси в XI в. С того времени и до начала XX в. сложилось 896 известных в научном мире коллекций документальных источников, а дошло до 1917 г. 682; 366 коллекций находились в рукописных отделах библиотек и музеев, частично в ведомственных архивах; 316 — в частных руках.

Коллекционеры собирали древние египетские папирусы, греческие, латинские, восточные, славянские рукописи; памятники русской письменности XI—XVII вв.; значительную часть творческого и эпистолярного наследия великих и выдающихся людей; много дворянских и отдельные купеческие архивы; фонды ряда научных обществ, издательств, газет, журналов; документы различных социальных и профессиональных слоев населения.

В практике работы коллекционеры заложили и некоторые методические основы, значительно расширили круг объектов собирательства. Одной из ведущих форм собирательской работы коллекционеров становятся в XIX в. экспедиции. В XI—XIII вв. их было две, в XVII — одна, в XVIII — двенадцать, в XIX — начале

² Материалы «Тихомировских чтений» 1968 г. печатаются в настоящем томе «Археографического ежегодника» (стр. 300—336).

XX в. их уже насчитывается сорок. Они охватывают в это время помимо России территории и других стран.

Коллекционеры обогатили документальную базу исторической науки такими видами источников, которые или совсем не встречались в архивах учреждений, или их там было очень мало. Это частная переписка, мемуары, дневники, записи устных воспоминаний и бесед с интересными людьми; расчетные книжки и другие документы рабочих; различные объявления, комплекты старинных газет и журналов; миниатюры, гравюры, рисунки, карикатуры, ноты, афиши, плакаты, альбомы; фото-фоно-кинодокументы и пр.

Частные коллекции документальных источников легли в основу комплексов рукописных материалов 150 музеев и ряда библиотек России.

Достаточно назвать рукописные отделы Библиотеки Академии наук, Петербургской публичной библиотеки, Румянцевского и Исторического музеев Москвы, Пушкинского дома, Театрального музея А. А. Бахрушина, Библиотеки Томского университета и др.

Сохранившиеся до Великой Октябрьской социалистической революции 682 коллекции тематически можно разделить примерно так: 369 касались русской истории преимущественно до второй половины XIX в.; 80 содержали источники по краеведению; 293 заключали документы и рукописи по истории иностранных государств; в 102 преобладали бумаги, касающиеся истории отечественной культуры, главным образом, литературы и искусства; основу 102 коллекций составляли изобразительные материалы (миниатюры, гравюры, рисунки, фотографии, карты, планы), а также старопечатные книги, редкие и совсем уникальные периодические, ведомственные и запрещенные издания. Благодаря деятельности коллекционеров в России сложилась вторая, менее обширная, чем архивы государственных учреждений, но очень ценная для исторической науки источниковедческая база в виде Рукописных отделов библиотек и музеев. Она была зачастую более доступной для исследователей, чем архивы. В этом заключается тот большой вклад, который внесло в развитие исторической науки, общественной жизни и культуры нашей страны частное коллекционирование в дореволюционной России.

Доклад вызвал оживленные прения.

К. и. н. Н. В. Бржостовская (МГИАИ) указала, что докладчик несколько принизил собирательскую деятельность государственных архивов, музеев и библиотек в дореволюционное время, когда эти государственные хранилища, не в той мере, конечно, как сейчас, но для своего времени являлись крупнейшими центрами хранения рукописей. Она обратила внимание на необходимость уточнения понятий «коллекция», «фонд», «собрание» и т. п.

К. и. н. Б. Г. Литвак (Ин-т истории СССР АН СССР) отметил, что у докладчика хорошо была охарактеризована психология коллекционирования, но связь коллекционеров с общественно-политической средой в докладе не получила отражения. Высказано было пожелание, чтобы докладчик продолжил свои занятия этой темой вплоть до наших дней.

К. и. н. А. В. Муравьев (МГУ, истфак) высказался за более четкое разграничение понятий «архив», «коллекция» в частных собраниях. Отмечая, что необходимость наблюдения за современными личными коллекциями рукописей очевидна, он высказал пожелание научным учреждениям, имеющим архивы, следить за судьбой частных коллекций рукописей, произведений искусств, библиотек, пытаться препятствовать их распадению.

И. А. Желвакова (Гос. литературный музей) обратила внимание докладчика на публикаторскую сторону деятельности коллекционеров, на издание документов частными лицами и издательствами в дореволюционное время.

К. и. н. А. В. Елпатьевский (ВНИИДАД) предложил автору разрабатывать тему дальше в двух направлениях: уточнения общественного значения частного коллекционирования, определения объема (процента) вклада его в дело сохранения, изучения и публикации рукописей; уточнения содержания того культурного материала, который был собран частным коллекционированием (рукописные и печатные книги, акты, автографы, редкие печатные издания и пр.).

И. С. Назин (ГАУ) указал, что в практике ГАУ и его архивов существует четкое разграничение в понимании «архива» и «коллекций», что нашло отражение в «Кратком словаре архивных терминов», изданном ГАУ, справочниках и путеводителях по архивам страны. Докладчику, по мнению И. С. Назина, следовало бы более ясно подчеркнуть общественное значение частного коллекционирования и в наше время, не умаляя тем, конечно, значения государственных архивов в деле сохранения и, главное, научного изучения и издания памятников истории и культуры.

К. и. н. С. В. Житомирская (Отдел рукописей ГБЛ) высказала мнение, что докладчик говорил о частном коллекционировании как о явлении скорее общественно-психологическом, чем общественно-политическом. И в этом случае, конечно, следовало бы подчеркнуть разницу в психологии коллекционеров дореволюционного и советского времени. Следовало бы дать более определенную положительную оценку частному коллекционированию как общественному явлению в дореволю-

ционное время, когда его значение в сохранении достояния культуры прошлого было больше, чем теперь с нашей централизованной государственной системой архивов. Коллекционеры спасли в дореволюционное время большую часть неофициальных документов, создали прекрасные собрания рукописных и старопечатных книг, автографов деятелей культуры, тематические коллекции по различным областям культуры, науки и искусства, которые теперь составляют основу многих государственных музеев, библиотек, архивных фондов. С. В. Житомирской было высказано пожелание, чтобы докладчик проследил историю создания и современные судьбы крупнейших частных коллекций.

В заключение председательствующий С. О. Шмидт отметил, что автор сосредоточил свое внимание на психологической стороне вопроса. Было бы очень желательно, чтобы дальнейшая работа Ю. Ф. Кононова, как предлагалось выступающими, проходила в плане изучения истории частного коллекционирования. Необходимо выяснить судьбу еще многих крупных дореволюционных и советских коллекций, наметить пути поисков разобщенных собраний. В интересах науки следовало бы составить перечень частных коллекций с указаниями на известную их судьбу в настоящее время. Учет культурного наследия, спасенного благодаря частному коллекционированию, помог бы более точно оценить тот большой вклад, который оно внесло в развитие истории, науки, культуры, в развитие общественной жизни страны в дореволюционное время. Интересно было бы заняться и психологией собирательства в наше время.

На заседании 3 декабря был заслушан доклад члена Археографической комиссии д. и. н. А. Д. Люблинской (ЛЮИИ СССР АН СССР) об «Изучении вспомогательных исторических дисциплин в современной Франции». Основываясь на личном знакомстве (в результате научной командировки) с работой научных учреждений, А. Д. Люблинская обрисовала систему обучения по вспомогательным историческим дисциплинам, в частности латинской палеографии, во Франции. Она отметила характерную для современного развития науки борьбу старой традиции в изучении исторических документов с новыми веяниями и потребностями. Представителем старой традиции является «национальная» школа («Школа хартий» — «Ecole des chartes») — государственное учреждение, готовящее архивистов для государственных архивов и учреждений, дающее глубокие, но узкоспециальные знания в области источниковедения, палеографии, архивного дела и т. п. Школа выпускает ежегодно 25—27 специалистов. Эта система подготовки научных кадров вызывает возражения во Франции уже давно, и в среде самих преподавателей и студентов школы наметились тенденции к расширению объема знаний и сферы применения труда выпускников (в области истории искусств, истории общественной мысли, общественной истории и др.).

Подлинным научным центром в области изучения вспомогательных исторических дисциплин стал в настоящее время Институт разыскания и истории текстов (L'institute des recherches et de l'histoire des textes). Институт ведет изучение и учет документов по истории Франции во всех странах мира. С этой целью институт создал фильмотеку, где собраны микрофильмы документов, находящихся вне пределов Франции. В институте ведется учет рукописей на разных языках в мировом масштабе, в том числе создается картотека латинских рукописей мира.

Научно-исследовательская работа этого учреждения определила его большие международные связи. Институт собирается издавать латинские рукописи мира, имеющие точную дату. Институт проводит международные совещания по вопросам выработки терминологии. Ко второму международному совещанию по терминологии в 1966 г. институт подготовил проект словаря терминов, встречающихся в рукописях до конца XV в. Проект вызвал большие споры специалистов. Институт готовит специальные словари сокращений по лингвистике, юрисдикции, астрономии, медицине и т. д. Институт имеет прекрасно разработанные справочные каталоги. В развитии современной палеографии во Франции наметился процесс выделения палеографии восточных языков — древнееврейской, индийской и др. В институте применяется современная методика изучения текстов с использованием счетных машин.

А. Д. Люблинская отметила, что научные связи нашей страны с Францией в области изучения вспомогательных исторических дисциплин еще недостаточно развиты, односторонни. Советские ученые больше осведомлены о научном развитии Франции, чем их французские коллеги о работах наших ученых. Со стороны французских палеографов Маллона, Самарана и других она встретила большую заинтересованность в более тесных научных связях с советскими историками.

Археографическая комиссия приняла участие в конференции по историографии и источниковедению Европейского Севера СССР, организованной ею совместно с Комиссией по истории крестьянства и сельского хозяйства Института истории

СССР АН СССР, Вологодским педагогическим институтом и Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера (Вологда, 17—18 декабря)³. На конференции были освещены многие вопросы источниковедческого и историографического изучения истории Севера, широкий круг проблем культурного и этнографического развития этого края с древнейших времен до наших дней, вопросы археологии и краеведения. Были поставлены 7 пленарных и 46 секционных докладов и сообщений, в том числе об основных направлениях работы Археологической комиссии и ее филиалов.

Конференция привлекла докладчиков не только из центральных научных учреждений (Архив АН СССР, Ин-т истории СССР АН СССР, Ин-т этнографии АН СССР, ГИМ, МГИАИ, МГУ, Московский пед. ин-т, НИИ культуры при Совете Министров РСФСР, Всесоюзный заочный машиностроительный институт, ЦГАДА, БАН, ЛОИИ СССР АН СССР и др.), но и, что особенно важно, большой актив научной общественности из архангельских пединститута, лесотехнического ин-та и областного архивного управления; вологодских пединститута, областного архива, краеведческого музея, Северо-Западного книжного издательства; Коми пединститута, Мурманского пединститута, Череповецкого пединститута, преподавателей средних школ Вологодской области, студентов Вологодского пединститута и местных краеведов Вологды, Архангельска, Великого Устюга, Красноборска.

Конференция приняла решение, в числе пунктов его — предложение об организации Северного отделения Археологической комиссии в Вологде⁴.

20 декабря было проведено пленарное заседание Археологической комиссии по итогам изучения и преподавания археологии и вспомогательных исторических дисциплин в основных научных центрах страны. Были заслушаны доклады: председателя Археологической комиссии С. О. Шмидта «Деятельность Археологической комиссии в 1968 г. и планы дальнейшей работы на 1969—1970 гг.»; директора ЛОИИ СССР Н. Е. Носова «Работа ЛОИИ в области археологии и специальных исторических дисциплин»; заведующего Отделом рукописной и редкой книги БАН А. И. Копанева «О работе БАН в области изучения, описания и публикации рукописей»; зам. директора ВНИИДАДа В. Н. Автократова и начальника отдела архивоведения А. В. Елпатьевского «Состояние и перспективы разработки проблем архивоведения и археологии во ВНИИДАДе при ГАУ СССР»; проректора Московского государственного историко-архивного института по научной части М. С. Селезнева «О перспективах разработки специальных исторических дисциплин в МГИАИ в предстоящем пятилетии», заведующего кафедрой источниковедения истории СССР МГУ И. Д. Ковальченко «О подготовке учебника по источниковедению отечественной истории».

Председательствующим собрания был д.и.н. Д. А. Чугаев. В докладе С. О. Шмидта были подведены итоги работы Археологической комиссии в 1968 г. и сформулированы ближайшие задачи деятельности комиссии как научного совета по археологии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. Докладчик отметил возрастающий интерес научной общественности к этой тематике. Сказываются результаты деятельности в этом направлении Института истории АН СССР, Ленинградского филиала Археологической комиссии, учреждений ГАУ СССР, кафедр Московского государственного историко-архивного института, Московского, Киевского, Ростовского, Томского университетов, Сибирского отделения АН СССР. Этой проблематике уделяется все большее внимание в деятельности научных учреждений и вузов Закавказья, Прибалтики. Соответственно расширяются возможности и обязанности комиссии как научно-координационного совета. Весной 1968 г. вопросы о перспективном плане работы комиссии обсуждались на заседании ее Ленинградского отделения, совещании с сотрудниками ВНИИДАДа при ГАУ СССР, в беседах с крупнейшими специалистами (В. П. Адриановой-Перетц, Н. М. Дружининым, Н. В. Пигулевой, Б. А. Рыбаковым и другими учеными), работниками архивов и вузов. Специально изучались в этом плане материалы, отложившиеся в архиве организатора Археологической комиссии М. Н. Тихомирова.

14 мая 1968 г. был заслушан отчет Археологической комиссии на заседании Бюро Отделения истории АН СССР и утвержден перспективный план ее работы. Существенно расширен состав Археологической комиссии, в основном за счет привлечения сотрудников неакадемических организаций — работников архивов, периферийных вузов и других научных учреждений. На Археологическую комиссию как на научный совет возлагаются обязанности: анализа современного состояния работ в области вспомогательных исторических дисциплин, координации перспективного планирования исследовательских работ научных учреждений и кафедр вузов в этой области, осуществления научно-методического руководства их дея-

³ Краткую хроникальную заметку см.: «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 183—184.

⁴ См. «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологический сборник». Вологда, 1970.

тельностью, а также деятельностью археографических экспедиций, осуществления контроля за сохранностью памятников письменности (прежде всего находящихся вне системы ГАУ и Архива АН СССР), организации их научного описания и информации о письменных богатствах страны; научной публикации письменных источников и выработки правил публикации документов, составления справочных пособий (терминологических, библиографических и пр.), необходимых для работы археографа и источниковеда.

Археографическая комиссия призвана координировать деятельность не только в области изучения источников на русском языке, но и источников на языках других народов Советского Союза; задачей ее является и изучение вспомогательных исторических дисциплин в области всеобщей истории. Успешная работа в этом направлении может вестись только при согласованных действиях с Институтом истории СССР, с Институтами востоковедения, всеобщей истории, славяноведения и балканистики АН СССР.

В 1968 г. Археографическая комиссия провела ряд координационных заседаний. Помимо упомянутых уже — заседание в Институте истории АН БССР в октябре, в результате которого было принято решение об организации в институте сектора источниковедения; совещание в Пермском университете с учеными Перми. Комиссия была одним из организаторов конференции по историографии и источниковедению Европейского Севера СССР, проходившей в декабре в г. Вологде. Предполагается издавать периодические региональные сборники типа «Археографического ежегодника» (совместно с вузами и научными учреждениями). В настоящее время готовятся к печати «Материалы по истории Приуралья» (отв. ред. Ф. С. Горовой). Имеется договоренность и об организации Сибирского отделения Археографической комиссии. На осень 1969 г. намечена конференция в Тбилиси (совместно с Институтом рукописей АН ГрузССР), посвященная вопросам изучения и издания древних рукописей. Следует отметить, однако, что у комиссии еще слабо налажены научные связи с некоторыми регионами РСФСР, с Украиной, с республиками Средней Азии. Установление и упрочение таких связей — важная задача комиссии.

Археографической комиссии предстоит продумать вопросы координации деятельности археографических экспедиций, вопросы методики проведения их и составления перспективного плана археографических экспедиций по стране (с подобными предложениями обрабатывались в комиссию председатели Сибирского отделения АН СССР и МГУ). Совместно с Главным архивным управлением следует продумать принципы планирования археографическо-издательской работы. Археографическая комиссия предполагает провести на протяжении ближайших лет несколько пленарных заседаний и конференций, посвященных изучению археографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, на которых можно было бы получить информацию о состоянии изучения этих дисциплин и определить перспективы их развития.

Это определит и возможности комиссии в организации научных мероприятий в связи с предстоящими в СССР всемирными конгрессами историков (1970 г.) и архивистов (1972 г.).

На нынешнем пленарном заседании комиссии выступают с докладами представители научных учреждений и вузов Москвы и Ленинграда. Тематика этих выступлений ограничивается преимущественно вопросами археографии и источниковедения. В июне 1969 г. предполагается провести «Тихомировские чтения», посвященные, главным образом, изучению других вспомогательных исторических дисциплин. Местом для этой всесоюзной конференции избран Ленинград, где сосредоточены старые научные центры, работают крупнейшие специалисты, продолжающие традиции нашей отечественной науки в области вспомогательных исторических дисциплин, издаются сборники Ленинградского отделения комиссии «Вспомогательные исторические дисциплины» (отв. ред. С. Н. Валк).

Насущная задача, в решении которой должна принять участие Археографическая комиссия, — создание кадров специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. Имевшие недавно место дискуссии в журналах о преподавании источниковедения истории КПСС, новой и новейшей истории явно свидетельствуют о недостатке специалистов в области вспомогательных дисциплин и о неотложной необходимости подготовки кадров. Эта задача была поставлена перед историками в статье вице-президента АН СССР А. М. Румянцева⁵, в выступлении академика-секретаря Е. М. Жукова и в речи акад. Б. А. Рыбакова при организации Института истории СССР. Археографическая комиссия должна содействовать со своей стороны включению в программы исторических вузов курсов по вспомогательным дисциплинам, подготовке пособий, а также дипломных работ и кандидатских диссертаций по этой тематике. Этим вопросам должно уделить особое внимание и на ее предстоящих научных конференциях.

⁵ «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 3—15.

Первостепенной важности задача — подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ленинской тематике предполагается посвятить специальную конференцию. Статьи и сообщения по ленинской тематике займут значительное место в изданиях комиссии и прежде всего в «Археографическом ежегоднике».

Следует различать понятия «Археографическая комиссия» как научный совет со всеми характерными для него функциями научно-методического и координирующего органа и «Археографическая комиссия» как небольшой коллектив научных сотрудников, хотя взаимосвязь и иногда совмещение их функций несомненны. Сотрудники Археографической комиссии провели за это время трудоемкую научно-редакционную и научно-описательскую работу. В осуществлении некоторых плановых начинаний комиссии принимает деятельное участие широкий актив сотрудников учреждений Академии наук СССР, архивов, библиотек, вузов. Продолжается работа, начатая еще по инициативе М. Н. Тихомирова, по созданию «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XV в. включительно)» и хронологического обзора писцовых книг.

В плане комиссии работа по выявлению и изданию неопубликованного творческого наследия историков (этой тематике отныне будет уделяться большое место в «Археографическом ежегоднике»), по подготовке к изданию сборников материалов по отечественной истории. Регулярно ведется работа по подготовке к печати «Археографического ежегодника» и других изданий комиссии. На комиссию возложено издание сочинений М. Н. Тихомирова и частично В. И. Шункова. Комиссия регулярно на своих заседаниях заслушивает научные доклады.

Н. Е. Носов подчеркнул, что работа в области вспомогательных исторических знаний занимает большое место в деятельности ЛОИИ, профиль этой работы уже давно стал традиционным в силу особо благоприятных условий: в ЛОИИ собраны прекрасные кадры специалистов, которые, в свою очередь, подготовили и готовят смену; в архивах Ленинграда сосредоточена большая источниковедческая база по отечественной (1/3 всех архивных фондов страны) и всемирной истории (больше половины документальных материалов по западноевропейской, американской истории и истории народов Востока). Докладчик высказал твердое убеждение, что плодотворные результаты в работе достигаются только при органическом сочетании исследовательской работы в области источниковедения и вообще вспомогательных дисциплин с археографической деятельностью. Из этого принципа исходит в своей деятельности и Ленинградское отделение Археографической комиссии.

По плану Ленинградского филиала, готовится монография С. Н. Валка «Советская археография», в принципе новое исследование, подводящее итоги развития археографии за 50 лет Советской власти и намечающее ряд больших проблем ее ближайшего развития.

Начата подготовка издания двухтомной серии летописных сводов. Первый том — холмогорские летописи — подготовлен и сдается в издательство. Завершено издание «Истории» В. Н. Татищева (под руководством и редакцией С. Н. Валка). Намечается публикация еще двух дополнительных томов, куда войдут неизвестные ранее работы Татищева.

В планах работы Ленинградского филиала сейчас стоит много новых тем. Такая проблема, как «Крестяне северо-запада Русского государства XVI—XIX вв.» (коллективная монография), потребовала применения новых методов исследования документов.

Впервые использована счетно-вычислительная техника при обработке массовых материалов (писцовых книг) и т. п. При издании публикаций по истории капитализма и советской эпохи остро встали вопросы о способах издания массовой документации, о методе выборочной публикации, о значении метода «широких комментариев» при издании тематических публикаций по большим проблемам.

В области всеобщей истории в ЛОИИ вспомогательные дисциплины изучаются более активно, чем где-либо в стране. Сейчас ведется подготовка IV-й книги «Истории» Геродота с русским переводом, комментариями, справочным аппаратом. Планируется публикация обзора (в двух томах) источников по истории Западной Европы, хранящихся в СССР (руководители А. Д. Люблинская, Е. Ч. Скржинская); издание документов по истории Франции XV—XVIII вв. в ГИБ; «Акты Падуи» (из архива ЛОИИ); новое комментированное издание путешествий Барбаро и Контарини в Россию.

Ленинградский филиал располагает теперь сборником по проблемам вспомогательных дисциплин. Первый том его, посвященный итогам развития источниковедения, исторической географии и т. д. в СССР за 50 лет и некоторым вопросам источниковедения советского периода, уже вышел в свет. В следующем сборнике будут помещены обзорные статьи по истории развития других вспомогательных дисциплин за 50 лет — нумизматики, эпиграфики, картографии, греческой палеографии и др. Центральное место в нем займет серия статей источниковедческого плана с анализом ленинского наследия.

Докладчик указал также на срочную необходимость готовить молодые кадры специалистов в области вспомогательных дисциплин, пока еще есть старые прекрасные знатоки, которые могут обучить молодежь в Москве и Ленинграде.

А. И. Копанев отметил специфику работы Отдела рукописной и редкой книги БАН, в котором находится сейчас большое Рукописное собрание книжной письменности (около 16 тыс. единиц хранения, из них 2 тыс. рукописей западноевропейских), — изучение, описание и издание рукописных фондов. Отдел также имеет большие традиции в описании и изучении рукописей. БАН запланировала завершить описание исторических рукописей выпуском описания сборников летописей. Затем будет издано описание трудов русских и иностранных авторов о России XVI—XX вв. Ведется также описание греческих рукописей, каталог которых намечено сдать в печать в 1970 г. В перспективе описание латинских рукописей. Одновременно БАН считает целесообразным составлять обзоры на все фонды Рукописного собрания. Издано три тома обзора фондов. В Библиотеке ведется работа по изучению филиграней русской бумаги. Издан указатель филиграней XVIII в. (авторы М. В. Кукушкина и С. А. Клепиков), ведется работа над дополнениями к нему.

Докладчик высказал пожелание Археографической комиссии скорее выработать окончательный вариант карточки по описанию рукописей для сводного каталога.

В планы издательской деятельности БАН желательно было бы включить фототипическое издание лицевых рукописей, в первую очередь Лицевого свода, в котором имеется 16 тыс. миниатюр. Так как издание всего свода — вещь очень дорогая, возможно издание тематических частей свода, например, части, посвященной Куликовской битве. В этом издании БАН просит содействия Археографической комиссии. БАН также ставит вопрос об издании записей на старопечатных книгах и просит помощи комиссии и в этом начинании.

В докладе В. Н. Автократова и А. В. Елпатьевского задачи ВНИИДАДа в области архивоведения сформулированы как комплексное исследование проблем экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов, разработка теоретических основ единой системы научно-справочного аппарата (НСА) госархивов, изучение экономических основ рационализации архивного труда и всей постановки архивного дела в целом. В плане этих задач институт в 1968 г. завершит издание «Перечня документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы» (в 1968 г. подготовлен IV выпуск «Перечня»). В 1969 г. институт приспосабливает к объединению четырех выпусков в один свод, имея в виду устранить при этом ошибки и неточности и внести необходимые дополнения. Частным результатом работы в этой области явилась «Рекомендация по отбору на государственное хранение дублетных документальных материалов». Для улучшения существующей методики экспертизы ценности документальных материалов ВНИИДАД намеревается исследовать интенсивность и направленность использования различных видов документов советского периода историками.

При совершенствовании НСА институт придерживается дифференцированного подхода. В 1967—1968 гг. были разработаны инструкции по составлению описей различных видов документальных материалов, начата работа по методике их каталогизации. В 1969 г. начнется работа над справочными пособиями по делопроизводству различных учреждений и ведомственных архивов.

Археографическая работа после завершения в 1967 г. новых «Правил издания исторических документов в СССР» направлена на разработку отдельных, наиболее спорных или малоразработанных тем. Исследуется методика сокращенной передачи содержания документов при публикации массовых источников. Разрабатывается методика издания мемуаров. ВНИИДАД работает над аннотированным каталогом археографической литературы, изданной за 50 лет. В соответствии с планом госстандартизации ВНИИДАД приступил к подготовке терминологического стандарта «Архивное дело, документоведение и делопроизводство» (завершается в 1970 г.).

М. С. Селезнев познакомил с перспективным планом научных работ МГИАИ. Докладчик охарактеризовал преподавание и научную разработку специальных исторических дисциплин в институте, который обладает необходимыми кадрами и является в настоящее время одним из немногих вузов, готовящих специалистов по вспомогательным дисциплинам. В перспективном плане научных работ института предусмотрено создание монографий, учебников и учебных пособий по всем специальным дисциплинам. Особое внимание уделяется тематике специальных дисциплин советского периода, изучению ленинского наследия с этой точки зрения. Большое место в исследованиях и учебных пособиях отведено вопросам методологии, теории и методики специальных дисциплин. В области археографии М. С. Селезнев будет продолжена работа над «Очерками по истории, теории и методике советской археографии»; цикл работ посвящается истории археографической деятельности в 1956—1969 гг. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (И. И. Корнева), Института истории СССР АН СССР (Е. М. Тальман), ГАУ и центральных архивов (Д. М. Эпштейн). Предусмотрено издание учебных пособий по археографии: учебника «Теория и методика советской археографии» (переработанное издание 1958 г.), «Методического пособия по археографии»; «Лекций по методике издания специальных видов исторических источников»

(коллектив кафедры археографии); работы Д. М. Эпштейн «Вопросы методики публикации мемуарных и эпистолярных источников» и спецкурсов.

По источниковедению запланировано издание учебников и пособий М. А. Пережогина «Источниковедение истории КПСС» и И. А. Мироновой «Источниковедение истории СССР XIX в.», в котором как исторический источник анализируются произведения В. И. Ленина и приемы работы Владимира Ильича над историческими и экономическими источниками. М. Н. Черноморский готовит новое издание пособия «Источниковедение истории СССР (Советский период)». Истории развития советского источниковедения посвящена монография О. М. Медушевской «Развитие советского источниковедения (1917—1967 гг.)». Будут изданы пособия по истории источниковедения в России дореволюционного периода (А. Т. Николаевой) и некоторые другие работы.

Дальнейшее развитие получат и такие специальные дисциплины, как теория, практика и история архивного дела, история и организация делопроизводства, история государственных учреждений. Среди работ этого плана особый интерес представляет учебник «Организация архивов КПСС» (авторы Н. А. Ивницкий и И. П. Козлитин), где будет показана роль В. И. Ленина и его соратников в истории создания партийных архивов с дореволюционного времени в нашей стране, а также заграничных партийных архивов, и спецкурсы этих же авторов «В. И. Ленин и организация архивов КПСС» (И. П. Козлитин), «Источники по истории колхозного строительства в госархивах СССР» (Н. А. Ивницкий). Впервые выйдут учебники «Архивы и архивное дело в зарубежных странах» (Н. В. Бржостовская) и «Общее документоведение» (К. Г. Митяев).

И. Д. Ковальченко осветил положение с учебными пособиями по источниковедению истории СССР. Хотя существует четыре хороших учебных пособия по отечественному источниковедению (М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина для периода феодализма, В. И. Стрельского — для империализма и М. Н. Черноморского — для советского периода), объем этих пособий (100 п. л.) исключает возможность освоения их студентами, курс источниковедения читается лишь в течение одного учебного года. Поэтому Министерство высшего образования поручило подготовку единого учебника по источниковедению по программе университетского курса историческому факультету МГУ.

Истфак МГУ принял решение создать учебник общеобразовательного характера, рассчитанный на один учебный год, объемом не более 40 п. л. Для студентов, специализирующихся по источниковедению, и студентов Историко-архивного института могут быть рекомендованы уже существующие пособия, монографии и статьи по отдельным вопросам. В связи с тем что учебник охватывает весь исторический процесс с древнейших времен до наших дней, при создании его встает вопрос уточнения периодизации. На истфаке МГУ пришли к мнению, что разделение источников периода капитализма и империализма неоправдано. Предлагается другая периодизация, которая также может вызвать ряд возражений. Выделяются четыре хронологических периода: феодальный (по XVIII в.); первая половина XIX в., капитализм и империализм, советский период (источники по древнейшему периоду истории выносятся во вводную часть). Учебник будет давать, с одной стороны, краткий обзор источников по периодам и более развернутую характеристику основных типов источников; с другой — излагать основы источниковедения как науки: принципы внутренней и внешней критики источников, определение их достоверности и т. д. Сейчас часть глав учебника получена от авторов и обсуждена, остальные должны быть обсуждены в первой половине 1969 г., с тем чтобы окончательно доработать текст к концу 1969 г.

Докладчик остановился и на состоянии преподавания специальных исторических дисциплин в вузах, оценив его как безотрадное. Только в четырех-пяти университетах преподается более или менее полный цикл этих дисциплин: источниковедение, палеография, археография, историческая география, архивоведение. В педагогических институтах читается только одна археография. Вопрос о подготовке кадров по специальным дисциплинам требует быстрых и решительных мер. Во-первых, необходимо добиться введения обязательных курсов по источниковедению, архивоведению и исторической географии во всех университетах. Ввести специализацию по вспомогательным дисциплинам для студентов и аспирантов. В педагогических институтах на истфаках должен быть обязательен курс источниковедения. Какие-то элементы вспомогательных дисциплин в дальнейшем могут быть внесены в школьное преподавание.

Археографическая комиссия могла бы на своих заседаниях, в печати, в обращениях к вышестоящим организациям указать научной общественности и государственным учреждениям на неудовлетворительность преподавания вспомогательных исторических дисциплин в высшей школе.

В прениях проф. Е. А. Луцкий (зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ) отметил большое значение для развития вспомогательных дисциплин создания таких научных центров, как Ленинградский филиал Археографической комиссии и ВНИИДАД, которые своей целью имеют исследование именно этих проблем. По мнению Е. А. Луцкого, следует обратить особое

внимание на некоторые конкретные вопросы практики архивного дела, в частности, на принципы отбора документов для сохранения в государственных архивах. У него вызывает возражение как субъективистский существующий в ГАУ принцип сохранения «наиболее ценных источников». Он выдвигает принцип представления всех типов источников. Следует предать более широкому обсуждению научной общественности правила публикации мемуаров, разрабатываемые ВНИИДАД. В адрес Археографической комиссии высказывается пожелание возглавить и усилить источниковедческое изучение трудов В. И. Ленина, разработку текстологического и графологического анализа ленинских текстов. Следует поставить перед ИМЛ вопрос о фототипическом издании некоторых работ Ленина.

А. А. Зимин (Ин-т истории СССР АН СССР) оценил работу Археографической комиссии в истекшем году как нужную и полезную в области развития специальных исторических дисциплин, особенно в плане координационной деятельности комиссии, создания филиалов комиссии, установления связей с другими научными организациями, которые будут заниматься вопросами археографии, источниковедения и других специальных дисциплин на периферии. Выступающий отметил и недостатки, которые, по его мнению, имеются в деятельности комиссии за последние годы. Наблюдается задержка в выходе в свет «Ежегодников», прекращена деятельность археографических экспедиций, задерживается издание каталога древних славянских рукописей до конца XIV в., предварительный список которых был опубликован комиссией. Комиссия сейчас ведет учет славянских рукописей XV в., что можно приветствовать, но это не снимает вопроса о завершении подготовки выпуска славянских рукописей до конца XIV в. В подготовке издания первого тома трудов акад. М. Н. Тихомирова, предпринятого Археографической комиссией, А. А. Зимин находит существенные недостатки (отбор материалов для публикации по тематике, связанной со «Словом о полку Игореве», и подготовка этих публикаций).

А. И. Разгон (НИИ культуры при Совете Министров РСФСР) обратил внимание комиссии на необходимость изучения историками-источниковедами памятников материальной культуры, которые до сих пор обычно исключаются из круга объектов источниковедческого исследования. Археографическая комиссия могла бы принести большую пользу, включившись в работу музеев, подведомственных Министерству культуры, по созданию сводного каталога памятников материальной и духовной культуры, хранящихся в музеях. Задача составления такого каталога сейчас только поставлена перед музеями. В музеях имеется большое количество и письменных источников, вопросы описания которых входят в сферу деятельности Археографической комиссии. От комиссии потребуются методическая и организационная помощь в составлении сводного музейного каталога.

Е. В. Чистякова (МГИАИ) высказалась также за необходимость дальнейшего расширения координационной деятельности комиссии в целях развития вспомогательных дисциплин на местах. Она остановилась также на тех неблагоприятных условиях, в каких приходится работать преподавательскому составу МГИАИ. Министерство высшего образования препятствует поздам преподавателей на межзональные конференции, уменьшает количество мест в аспирантуре и т. п. Археографической комиссии следует обратиться в Министерство высшего образования с разъяснением необходимости стимулировать подготовку специалистов в области специальных дисциплин.

М. Т. Белявский (МГУ, истфак) также сосредоточил свое внимание на неблагоприятном положении с подготовкой кадров в вузах. Он предложил более конкретные меры для улучшения преподавания вспомогательных исторических дисциплин: создание кафедр источниковедения или вспомогательных дисциплин в университетах, введение обязательного курса источниковедения в педагогических институтах. Следует добиться у Министерства высшего образования возможности преподавателям вузов участвовать в межвузовских и межведомственных научных мероприятиях. М. Т. Белявский, так же как и Е. В. Чистякова, признал неосновательными замечания А. А. Зимина, относящиеся к первому тому трудов М. Н. Тихомирова.

Е. П. Подъяпольская (Ин-т истории СССР АН СССР) поддержала предложение Е. А. Лудкого о целесообразности фототипического издания произведений В. И. Ленина, особенно дореволюционного периода, когда ради конспирации приходилось пользоваться шифрами, писать зэповским языком. Фототипическое воспроизведение рукописного текста будет способствовать изучению почерка Владимира Ильича.

З. Ю. Копысский (Ин-т истории АН БССР) указал, что отставание в развитии вспомогательных дисциплин характерно и для БССР. Интерес к ним только пробуждается, свидетельством чего является создание сектора вспомогательных дисциплин в Институте истории Белорусской Академии наук. В организации сектора большую роль сыграла Археографическая комиссия. В планах сектора — участие в общегосударственной коллективной работе над многоотомной историей городов и сел Белоруссии, ряд историографических и демографических тем. Копысский предложил в качестве формы привлечения к разработке тематики вспомога-

тельных исторических дисциплин на местах проведение теоретических региональных конференций или симпозиумов.

А. Л. Хорошкевич (Ин-т истории СССР АН СССР) предложила возобновить практику фототипических изданий уникальных памятников истории. Было бы очень желательно, чтобы Археографическая комиссия обратила внимание на фонды дореволюционной комиссии — своей предшественницы, хранящиеся в ЛОИИ, где сосредоточены и богатые документальные материалы, и неопубликованные труды крупнейших дореволюционных историков. Описание этих фондов хорошо было бы осуществить в «Археографическом ежегоднике». Она выразила сожаление, что возможности публикации документов в «Археографическом ежегоднике» сокращаются. А. Л. Хорошкевич обратилась в адрес белорусских товарищей с предложением продолжать изучение и публикацию материалов Литовской Метрики, возможно совместно с историками Литвы. Литовская Метрика является одним из основных комплексов источников по феодальной истории не только литовского, но и белорусского и украинского народов. Изучение и издание Литовской Метрики повлечет за собой занятие целым рядом вспомогательных дисциплин — источниковедением, палеографией, дипломатикой и др. В связи с изданием первого тома сочинений акад. М. Н. Тихомирова А. Л. Хорошкевич отметила, что выявилась острая необходимость разработки правил издания трудов виднейших историков. В разработке таких правил должна принять участие Археографическая комиссия.

В заключительном слове председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт выразил удовлетворение по поводу того, что развитие вспомогательных исторических дисциплин встречает все большую поддержку у научной общественности не только Москвы и Ленинграда, но и других городов, и заверил, что предложения выступавших комиссия постарается учесть в своей будущей работе.

Председательствующий Д. А. Чугаев, подводя итоги заседания, поддержал наиболее настоятельные требования, касающиеся подготовки специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, координации вгряде в большей степени научной работы центральных и местных учреждений (в совместных научных изданиях, проведении конференций и сессий). Особое внимание следует обратить на источниковедческое изучение трудов В. И. Ленина, посвятив этому специальную сессию комиссии. Ждет своего научного руководства и бурно развивающееся в последние годы краеведение. Работа Археографической комиссии по всем этим направлениям будет лучшей формой продолжения «тихомировских» традиций, связанных с именем ее основателя — акад. М. Н. Тихомирова.

Н. Б. Шеламанова

СОСТАВЛЕНИЕ «СВОДНОГО КАТАЛОГА РУКОПИСЕЙ, ХРАНЯЩИХСЯ В СССР»

В 1960 г. Археографическая комиссия по инициативе и под руководством акад. М. Н. Тихомирова приступила к работе по составлению «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Идея создания сводного каталога древнейших рукописей нашей страны встретила горячую поддержку широкой научной общественности.

Известно, что Советский Союз является мировой сокровищницей письменности. Археографическая комиссия взяла на себя общее научное и организационное руководство; хранилища, научные учреждения и специалисты-палеографы согласились сделать описания рукописей для каталога.

Археографической комиссией были выработаны общие принципы и предварительный проект инструкций-карточек для описания славяно-русских, греческих и латинских рукописей. В настоящее время в комиссии ведется работа по подготовке трех выпусков сводного каталога: славяно-русского, греческого и латинского.

В 1965 г. был завершен в основном учет древнейших славяно-русских рукописей нашей страны. Результаты его опубликованы в «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (составитель Н. Б. Шеламанова)¹.

В этой работе приняли участие 38 хранилищ страны. Составление предварительного учетного списка показало, по каким направлениям следует строить работу над сводным каталогом. Определилось число рукописей, требующих еще научного изучения. Выявился тот круг хранилищ, в основном местных, которым для углубленного изучения и описания рукописей потребуется помощь специалистов. А главное, подтвердилась справедливость мнения М. Н. Тихомирова о том, что создание сводного каталога не только необходимо, но и возможно. Из 1494 славяно-русских рукописей до конца XIV в. 1309 сосредоточено в пяти крупнейших хранилищах — БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ЦГАДА, где они уже достаточно изучены и где имеются специалисты, способные завершить описание фондов; 185 рукописей находятся в других хранилищах, где большая часть их также может быть описана.

Опыт составления предварительного списка показал необходимость внести некоторые уточнения в карточку по описанию рукописей для сводного каталога, вопросники по карточке были посланы специалистам Москвы, Ленинграда, в Институты рукописей Армянской и Грузинской ССР и др. Получены ответы от акад. Б. А. Рыбакова, чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц, чл.-корр. Д. С. Лихачева, от специалистов ГИМ (д. и. н. М. В. Щепкиной, Т. Н. Протасьевой, к. и. н. Л. М. Костюхиной), ГБЛ (к. и. н. И. М. Кудрявцева, Н. Б. Тихомирова) и БАН (к. и. н. А. И. Копанева, В. Ф. Покровской и др.), из Института рукописей Грузинской ССР. От д. и. н. А. Д. Люблинской и д. и. н. Е. Э. Гранстрем получены рекомендации по карточке для описания греческих и латинских рукописей, общие положения которой применимы и для славяно-русских рукописей.

В настоящее время в комиссии начат учет славяно-русских рукописей XV в.

Н. Б. Шеламанова

¹ «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ПИСЦОВЫХ КНИГ И СОТНЫХ ВЫПИСЕЙ XV—XVI вв.

Мысль о создании силами Археографической комиссии каталога писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв., хранящихся в архивах, музеях и книгохранилищах страны, была высказана впервые акад. М. Н. Тихомировым в конце 1964 г. М. Н. Тихомировым были выработаны общие принципы и программа каталога, и тогда же под его руководством Археографическая комиссия приступила к осуществлению этого начинания.

Актуальность проблемы полного учета и научного описания писцовых и переписных книг отмечалась уже давно¹.

В отечественной историографии мы имеем примеры описаний писцовых и переписных книг (отчасти и сотных выписей). Их можно условно разделить на две группы: 1) описания, составленные архивами (учет всех выявленных книг или книг в составе отдельных фондов); 2) описания, составленные исследователями в качестве приложений к монографиям.

Из архивных описаний в первую очередь следует назвать выполненное под руководством Н. В. Калачева «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», которое, по словам С. Б. Веселовского, «составило эпоху в развитии исторической науки»². В нем была напечатана «Опись книгам писцовым, переписным, дозорным, перечневым, платежным и межевым»³, охватившая фонды Поместного приказа, некоторых разделов Вотчинной коллегии и книги, поступившие в архив из упраздненных судебных учреждений. В числе недостатков описи отмечались: непоследовательность составителей (учет не всех собственно писцовых книг указанных фондов и в то же время включение многих документов, не подходящих под понятие писцовых книг); отсутствие писцовых книг из других фондов (в частности, Дворцовых архивов, Печатного приказа и Печатной конторы, Грамот Коллегии экономии, дел уездных судов и др.); недостаточный источниковедческий анализ при датировке книг и установлении фамилий писцов (отсюда ряд существенных ошибок); часто произвольное наименование книг, ограниченность сведений о книгах, так что опись, по существу, представляет собой перечень книг, и т. д. Нужно учитывать еще, что уже после ее составления в архив поступили материалы многих учреждений, имевших в своих фондах и писцовые книги (например, бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел).

Некоторые из отмеченных недостатков можно отнести и к описаниям, составленным другими научными учреждениями, хранящими писцовые книги. Часто эти книги не выделены в особые разделы, а помещены под рубрикой «Документы по экономической истории» (иногда просто указано, что среди документов есть писцовые книги); до сих пор не опубликованы некоторые описи, фиксирующие наличие писцовых книг.

Укажем основные труды ученых, содержащие перечни с элементами описаний писцовых книг.

В работе К. А. Неволлина «Об успехах государственного межевания в России до царствования Екатерины II» намечено пять этапов в истории межевания и соответственно каждому помещены перечни известных автору описаний уездов (указаны места хранения и номера документов)⁴.

¹ Наиболее полно проблема рассмотрена С. Б. Веселовским в статье «Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII ст.». — «Архивное дело». М., 1941, № 1, стр. 20—35, а также А. Ц. Мерзюном в кн. «Писцовые и переписные книги XV—XVII веков». М., 1956.

² С. Б. Веселовский и др. Указ. статья, стр. 20.

³ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1872.

⁴ К. А. Неволлин. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1859, стр. 429—517.

Во введении к книге Н. Д. Чечулина «Город Московского государства в XVI веке» (СПб., 1889) дается перечень выявленных автором 44 описаний 39 городов (главным образом из рукописей Публичной библиотеки в Петербурге). Но уже В. О. Ключевский в отзыве на книгу отметил неполноту списка и указал еще несколько описаний городов в XVI в.⁵

Работа Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (М., 1899), хотя и не имеет особого перечня писцовых книг (а это основной источник исследования), содержит массу указаний на книги и их архивные данные.

В труде П. Н. Милокова «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» (СПб., 1892) помещен перечень 309 описаний XV—XVI в. (из них 159 сохранившихся). Это писцовые книги и сотные выписи. Автором было просмотрено множество документов, где упоминаются не дошедшие до нас описания, которые включены им в общий список с особыми примечаниями. Принцип расположения материала — хронологический, указываются архивные данные документов или источники сведений о них.

Особое место занимают работы Ю. В. Готье⁶ и С. Б. Веселовского⁷. Ю. В. Готье в главе «Основные источники исследования» дает перечень описаний 37 уездов так называемого Замосковского края. Исследуя явления XVII в., автор пишет, что «из описаний XVI в. в изучение были вводимы лишь такие, известия которых имеют интерес и значение для времени смуты и ближайших годов после нее, или же такие, которые при составлении описаний 10—30-х годов XVII столетия служили в качестве приправочных документов»⁸.

С. Б. Веселовский дает перечень описаний XV—XVII вв. по 109 «городам», кроме Москвы и Великого Новгорода, так как описания этих «городов», по его мнению, требуют особого исследования, которого он не мог тогда предпринять, и, кроме того, «обзор их, хотя далеко и не полный, по Москве дан Ю. В. Готье (стр. 7—36), а по Новгороду [они] указаны в I т. „Описания Московского архива Министерства юстиции“ и во II т. архивного материала, изданного Д. Я. Самоковским»⁹.

Оба историка не ограничились только перечислением архивных данных о книгах, ими отмечено множество известий о пропавших описаниях; целый ряд книг подвергнут анализу, который представляет собой блестящий образец источниковедческого исследования.

Таким образом, архивами и исследователями сделано очень многое, что в значительной степени облегчает задачу, взятую на себя Археографической комиссией. Но сопоставление всех предшествующих перечней показывает, что есть еще существенные пробелы и недостатки. Так, ни одно из описаний нельзя считать более или менее полным; все они в известной мере повторяют сведения об одних и тех же книгах (причем по поводу некоторых из них существуют различные точки зрения); нет единого принципа описания (или перечисления) книг; книги описаны весьма неравномерно; данные о книгах обычно ограничиваются указанием дат, названий, имен писцов, архивных номеров и количества листов.

В качестве первого этапа работы Археографической комиссии в этом направлении М. Н. Тихомиров предложил создание каталога писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв. Хронологически эти рамки полностью оправданы, так как, несмотря на существовавшую преемственность древнерусских описаний, книги XV—XVI вв. знаменуют собой определенный этап описательно-межевого «дела» в России, имеют свои существенные особенности и связанные с ними трудности в изучении.

М. Н. Тихомиров предполагал, что работа должна носить исследовательский характер: 1) не представлять собой только механическое сведение воедино данных предшествующих описаний; 2) значительно расширить круг сведений, сообщаемых о писцовых книгах и сотных выписях; вводить ряд пунктов, существующих в классических описаниях других видов рукописей (водяные знаки бумаги, переплет, чернила, количество почерков, скрепы должностных лиц, пометы, приписки, указания на перебивку листов, имена переписчиков копий и т. д.); 3) включать обязательную проверку наличия книг и выписей, а также сведений документов и литературы о пропавших книгах и выписях; 4) в случаях изменения архивной нумерации давать указания на новые и прежние номера, а также на архивные шифры, употребившиеся в научной литературе; 5) при датировке книг и выписей, определении степени их полноты и составителей, принимая во внимание данные прежних перечней и точки зрения ученых, по мере возможности, проводить источниковедческое исследование, естественно, обращаясь при этом за помощью и консультациями к специалистам научно-исследовательских учреждений и архивов.

⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII. М., 1959, стр. 185—186.

⁶ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., изд. 1. М., 1906, стр. 1—75.

⁷ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 569—643 (прилож.).

⁸ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 5.

⁹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 570.

Такая перепроверка вытекает не из принципа недоверия к предшественникам, а из самой специфики исследований, связанных с писцовыми книгами и сотными выписями. В большинстве работ, использовавших эти источники, исследуются кардинальные вопросы отечественной истории. Вполне понятно, что детальный источниковедческий анализ каждой писцовой книги и сотной выписи для авторов таких исследований физически невозможен — он дается часто попутно, несистематически, в примечаниях приложений, так же обычно приводятся и перечни (хотя следует повторить, что именно в этой форме мы не раз встречаем блестящие образцы анализа документов). В ряде случаев более пристальное внимание к каждой книге (выписи) позволит конкретизировать наше представление о ней. Для XV—XVI вв. такую работу тем более необходимо проделать, что в своем большинстве книги и выписи дошли до нас в списках, часто в виде приправочных книг, представлявших, как широко известно, совсем не точную копию оригиналов, с которых они переписывались. К тому же у многих списков не сохранилось дат и названий, которые проставлялись в соответствующих учреждениях значительно позднее, нередко без надлежащей проверки.

Археографической комиссией намечен предварительный проект карточек для описания писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв. Целесообразно изложение материала вести по уездам (городам) в алфавитном порядке. Внутри каждого уезда (города) в хронологическом порядке. Нумерация порядковая — двойная: общая и внутритерриториальная.

Дата книги (выписи), вид, название, территория, которая описывается, имена писцов и переписчиков определяются составителями каталога путем источниковедческого анализа всей совокупности имеющихся сведений. Точки зрения архивов и исследователей в обязательном порядке отмечаются.

Архивный номер проставляется по ныне действующей нумерации, отмечаются все номера предшествующих нумераций, количество листов или листы в сборниках; каждая книга из сборника описывается отдельно с отметками в соответствующих местах.

Далее последовательно приводятся сведения о материале письма, переплете, чернилах, почерках (наличие одного или нескольких), пометах, скрепах, приписках, сохранности книги (выписи).

В конце дается перечень описаний, где зафиксированы документы, вся литература о них и работы, где они использованы, с кратким изложением точек зрения исследователей, а также публикации.

Материалы каталога намечается расположить по четырем разделам: книги сохранившиеся, книги утраченные или не обнаруженные, о которых имеются известия в документах, сотные выписи сохранившиеся, сотные выписи, о которых имеются известия в документах.

Разделы об утраченных или пока не обнаруженных книгах и выписях представляют известную трудность, ибо упоминания могли сохраниться в очень многих документах, в том числе до сих пор не исследованных. Однако часть такой работы уже проделана исследователями, поэтому было бы жаль отказываться от включения в каталог этого поистине бесценного материала. Следует, конечно, оговорить возможность значительных пробелов. Выполнение этой части работы облегчит замеченное нами явление, что в основном книги и выписи XVI в. упоминаются в документах до 40—50-х годов XVII в. Позднее ссылки обычно даются на книги только этого столетия. (Документы монастырских архивов придется просматривать по иной системе.)

На сегодняшний день Археографической комиссией на основании обеих групп описаний книг и выписей составлена своего рода сводная картотека. В ней учтены не только данные о документах, но и в значительной степени мнения исследователей о них, литература, где книги использовались, публикации. Источниковедческие исследования проводились пока над книгами 14 уездов, входивших в Замосковский край. Методика, основанная на достижениях отечественной науки, а также выработанные приемы работы, впервые применяемые составителями каталога, видимо, позволят ускорить процесс научной обработки писцовых книг и сотных выписей.

Известие о том, что Археографическая комиссия приступила к составлению каталога писцовых книг и сотных выписей, вызвало большой интерес у научной общественности. Так как пока обследованы в основном хранилища Москвы и Ленинграда (причем и здесь предстоит еще большая работа по выявлению и исследованию документов), Археографическая комиссия надеется на благожелательное отношение и помощь ученых в этом большом, трудном, но крайне нужном начинании.

В. Б. Павлов-Сильванский

О РАБОТЕ УЧЕНОГО СОВЕТА АРХИВА АН СССР

В связи с реорганизацией Архива Академии наук и перенесением центра руководства из Ленинграда в Москву Бюро Отделения истории АН СССР утвердило в декабре 1963 г. новый состав Ученого совета, в который вошли академики Н. М. Дружинин, Ю. А. Орлов, К. В. Островитянов, Н. В. Сукачев, Б. М. Кедров, чл.-корр. М. П. Ким, д. и. н. Б. О. Долгих, д. т. н. П. М. Лукьянов, д. ф.-м. н. А. П. Юшкевич, д. т. н. С. В. Шухардин и др. В последующие годы в работе Ученого совета в качестве его членов стали принимать участие акад. П. Н. Поспелов, председатель Археографической комиссии д. и. н. С. О. Шмидт, д. и. н. И. И. Костюшко, и. о. директора Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела к. и. н. Д. Д. Голованов, зав. кафедрой Московского государственного историко-архивного института д. и. н. К. И. Рудельсон. Деятельностью Ученого совета архива после смерти акад. М. Н. Тихомирова руководит акад. Н. М. Дружинин. Ленинградскую секцию Совета бессменно возглавляет акад. В. И. Смирнов.

Ученый совет направляет исследовательскую и публикаторскую работу архива, оказывает помощь в организации собирания, хранения и всестороннего использования личных фондов академиков и других ведущих ученых, а также документальных материалов академических учреждений. С 1963 по 1968 г. было проведено 10 расширенных заседаний, на которых были рассмотрены важнейшие итоги и намечены перспективы деятельности архива.

Рассмотренный и одобренный Ученым советом перспективный план работы Архива АН СССР на 1966—1970 гг. включает два основных традиционных направления: первое — обеспечение научных исследований документальной базой и второе — научная разработка документальных материалов и организация их использования.

Особое внимание Ученого совета было уделено подготовке мероприятий, связанных с 50-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летним юбилеем со дня рождения В. И. Ленина.

Большой интерес представила выставка «Академия наук за 50 лет», которая включила уникальные документы из фондов архива, рассказывающие о становлении и выдающихся достижениях советской науки на разных этапах ее развития. Были подготовлены также сборник документов «Организация науки в первые годы Советской власти 1917—1925 гг.» (совместно с ИО Института истории естествознания и техники) и ряд публикаций в периодических изданиях, в том числе в юбилейном номере «Вестника АН СССР» — календаря основных событий из истории Академии наук СССР за советский период, в юбилейном номере журнала «Природа» — документов и фотографий об участии ученых в строительстве Волховской и Днепровской гидроэлектростанций, в создании Урало-Кузнецкого комбината, в освоении природных ресурсов Кольского полуострова и Курской магнитной аномалии.

К ленинскому юбилею вышел сборник документов «Ленин и Академия наук», который является первой попыткой собрать воедино документы о роли и участии В. И. Ленина в изменении работы Академии наук СССР в направлении научного обслуживания социалистического строительства.

Пятилетний план предусматривает также издание научного наследия академиков С. Б. Веселовского, В. И. Вернадского, Д. Н. Прянишникова и ряда сборников по истории отечественной науки и справочных изданий.

Подготовленные архивом работы, основанные на хранящихся в нем документальных материалах, были обсуждены и утверждены к печати Ученым советом: это труды академика С. Б. Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»¹ (куда вошли его ранее не известные работы о форми-

¹ Книга вышла в свет в 1969 г.

ровании боярства, истории, роли и значении в государственной жизни России XV—XVII вв. отдельных боярских родов) и «Ономастикон (Имена, фамилии и прозвища Руси XV—XVII вв.)»; ранее не публиковавшаяся работа академика В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление»; «Рукописные материалы Леонарда Эйлера», содержащие неопубликованные работы великого математика и механика; научные описания фондов академиков А. Н. Крылова, В. Ф. Шишмарева, К. Э. Циолковского. На заседаниях совета было подчеркнуто большое значение для истории отечественной науки и популяризации архивных материалов публикации самостоятельных научных исследований — монографий к. и. н. Б. В. Левшина «Академия наук в годы Великой Отечественной войны» и к. и. н. Э. Г. Чумаченко «В. О. Ключевский — источниковед», а также отдельных статей д. и. н. Н. М. Раскина «Юбилей фотографии», «Первые русские во Фрейбургской горной академии», к. и. н. Е. С. Кулябко «Н. К. Крупская и И. П. Павлов» и других.

Ученый совет содействует расширению международных научных связей Архива АН СССР. Одним из главных мероприятий в этом плане наряду с взаимными командировками сотрудников по обмену опытом было II совещание представителей архивов Академий наук ряда социалистических стран, проходившее 4—10 сентября 1968 г. в г. Ленинграде. В докладе ученого секретаря Совета по комплектованию и использованию документальных материалов АН СССР Г. В. Мамоновой по итогам этого совещания были рассмотрены проблемы комплектования академических архивов итоговой научной документацией.

Специальное заседание Ученого совета было посвящено выработке мероприятий по реализации постановления ЦК КПСС от 18 декабря 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук» в области улучшения системы научной информации, дальнейшего расширения документальной базы советской науки и обеспечения архивов современной техникой.

Н. М. Митрякова, Э. Г. Чумаченко

В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ ОТДЕЛА РУКОПИСНОЙ И РЕДКОЙ КНИГИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Рукописное собрание Библиотеки Академии наук СССР (БАН) в настоящее время насчитывает свыше 16 тыс. единиц хранения. Описание рукописей БАН проводилось и проводится по систематическому принципу¹. Последовательно осуществляя такое описание уже свыше 60 лет, библиотека еще в дореволюционные годы привела в известность рукописи первых пяти систематических разделов. В двух томах были описаны книги церковного характера². Последующие два тома предназначались для описания рукописей исторических и литературных.

В 1930 г. вышел I выпуск III тома, посвященный рукописям историческим³, а в 1951 г. — I выпуск IV тома, включавший рукописи литературные⁴. В 1959 г. было напечатано второе издание I выпуска III тома⁵. Это переиздание было вызвано тем, что, во-первых, прежнее издание, выпущенное в 500 экземплярах, стало библиографической редкостью, и, во-вторых, за последние 30 лет библиотека приобрела более 100 исторических рукописей, которые значительно дополнили ряд материалов летописной традиции, подлежащих описанию в I выпуске III тома.

В 1965 г. был напечатан II выпуск III тома, посвященный описанию исторических сборников XV—XVII вв. (сборники хронографические, исторические и исторических документов)⁶. В настоящее время ведется работа по подготовке III выпуска III тома описания, охватывающего сборники XVIII—начала XIX в. Одновременно собирается материал для IV выпуска, который будет включать описания исторических авторских сочинений XVII—XVIII вв. (сочинения А. Курбского, А. И. Манкиева, А. А. Матвеева, историков XVIII в. и др.).

С 1968 г. составляется каталог старообрядческих рукописей, имеющих в различных коллекциях и собраниях библиотеки. Это описание охватит, вероятно, около 1500 рукописей, в том числе более 600 собрания В. Г. Дружинина, около 100 собрания Ф. А. Каликина, около 100 каргопольского собрания, свыше 300 рукописей собрания текущих поступлений и др.

В настоящее время в отделе осуществляется научное описание древнегреческих рукописей, которых насчитывается около 300. Каталог греческих рукописей намечено сдать в печать в 1970 г.

Отдел принимает участие в коллективной работе по подготовке сводного каталога славяно-русских рукописей до XV в. включительно, проводимой под руководством Археографической комиссии. В предварительный список славяно-русских

¹ Суть его заключается в том, что рукописи описываются не по коллекциям, составляющим собрание, а по систематическим разделам, в которые группируются по содержанию рукописи разных коллекций. Подробнее см.: А. И. Копанев. Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР. — «Труды БАН и ФБОН», т. III. М.—Л., 1958, стр. 129—141.

² В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Описание Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук, т. I (I. Книги священного писания; II. Книги богослужебные). СПб., 1910; т. II (III. Творения отцов и учителей церкви; IV. Богословие догматическое и полемическое; V. Богословие учительное). Пг., 1915.

³ В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. 1. Л., 1930.

⁴ А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. IV, вып. I. М.—Л., 1951.

⁵ В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанаова. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. I (Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги), изд. 2, доп. М.—Л., 1959.

⁶ А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. Исторические сборники XV—XVII вв. М.—Л., 1965.

рукописей XI—XIV вв., опубликованный Археографической комиссией в 1966 г., вошло около 150 рукописей БАН СССР. По поручению Археографической комиссии в настоящее время в отделе составляется предварительный учетный список латинских рукописей до XV в.

Поступающие в Библиотеку АН СССР новые рукописи, приобретенные археографическими экспедициями, как правило, кратко описываются в печатных отчетах этих экспедиций. Однако выход ведомственных отчетов иногда задерживается. В связи с этим было бы желательно организовать в рамках Академии наук СССР издание ежегодно выходящего бюллетеня, в котором рукописные собрания и архивы системы Академии наук могли бы оперативно сообщать о новых поступлениях в их фонды. Возглавить такое издание могла бы Археографическая комиссия.

А. И. Копанев

ПЕЧАТНЫЕ КАТАЛОГИ И ОБЗОРЫ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Рукописные фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде принадлежат к числу крупнейших мировых собраний памятников письменности, поэтому раскрытие содержания фондов Отдела рукописей * всегда имело исключительно важное научное значение.

Работа эта велась в отделе с начала его существования и связана с именами А. И. Ермолаева, А. Х. Востокова, А. Ф. и И. А. Бычковых, О. А. Добиаш-Рожественской и других крупнейших археографов. Основные этапы археографической деятельности Отдела рукописей освещены в выпущенной в 1964 г. книге «История Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», посвященной 150-летию библиотеки.

Археографическая деятельность нашей библиотеки активно продолжается и в настоящее время. Она охватывает собирание памятников письменности, их научную обработку и публикацию, создание методических правил научно-технической обработки и описания документов, выпуск специальных инструкций и т. д.

Периодическая публикация каталогов и научных описаний фондов отдела, прерванная Великой Отечественной войной, была возобновлена в 1950—1952 гг. изданием «Краткого отчета о новых поступлениях за 1939—1946 гг.» и серии описаний архивных фондов. Научные описания и обзоры выходили не только отдельными выпусками, но и помещались на страницах «Трудов» библиотеки (первые три именовались «Сборниками»), ряд томов которых с 1954 по 1958 г. были почти полностью посвящены раскрытию и описанию рукописных материалов.

Подготовка к печати каталогов и обзоров материалов по отечественной и всеобщей истории и истории культуры — одно из ведущих направлений научно-археографической деятельности. Результатом многолетней научной обработки так называемого Эрмитажного собрания явились обзорная статья Д. Н. Альшица и каталог, подготовленный им совместно с Е. Г. Шапот¹. Описанию рукописей из собрания А. А. Титова было посвящено несколько работ Н. Н. Розова². Наряду с этим продолжалась работа и по изданию описаний древнерусских грамот³.

Обзор поздней русской (и западноевропейской) рукописной книги содержится в статье А. С. Мыльников⁴.

Усиливается внимание к наиболее ценным историческим фондам XVIII—XX вв., изданы тематические каталоги и обзоры по проблемам военной истории и общественно-политического развития России⁵. Совершенно новой в практике

* В настоящее время объединен с Отделом редких книг.

¹ Д. Н. Альшиц. Обзор русских рукописей XI—XVII вв. в Эрмитажном собрании. — «Труды ГПБ», т. V. Л., 1958, стр. 167—184; Д. Альшиц и Е. Шапот. Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960 (отпеч. на множит. аппарате).

² См., например, Н. Н. Розов. Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. — «Сборник ГПБ», т. II. Л., 1954; он же. Новые поступления из собрания А. А. Титова. — «Сборник ГПБ», т. III. Л., 1955.

³ В. Г. Гейман и Е. Э. Гранстрем. Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей ГПБ в Ленинграде. Л., 1960, 248 стр. (отпеч. на множит. аппарате).

⁴ А. С. Мыльников. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», сб. IX. М., 1964, стр. 37—53.

⁵ Л. А. Мандрыкина. Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова. Л., 1955, 304 стр.; Л. А. Мандрыкина, Т. П. Воронова и С. О. Вялова. Каталог рукописных материалов о войне 1812 года. Л., 1961, 170 стр.; М. Я. Стецкевич. Каталог фонда М. М. Сперанского. Л., 1962, 423 стр. (все

стала подготовка описаний материалов по социально-экономической истории России периода капитализма и империализма⁶.

Немаловажное место принадлежит обзорам и описаниям материалов по славистике, в области которой Публичная библиотека издавна вела значительную собирательскую и публикаторскую деятельность. Весьма примечательно, что в числе первых археографических трудов Публичной библиотеки, появившихся в начале 50-х годов, было описание болгарских, молдавлахийских и сербских рукописей⁷. К составившемуся в 1958 г. в Москве IV Международному съезду славистов в V томе «Трудов» библиотеки были помещены обзоры хранящихся в ней южнославянских, чешских, словацких и польских рукописей (написаны Н. Н. Розовым, А. С. Мильниковым и Т. Н. Кошреевой). Ряд обзорных материалов был опубликован в советской и зарубежной печати к Софийскому (1963 г.) и Пражскому (1968 г.) международным съездам славистов.

Особую группу составляют обзоры и каталоги, содержащие описания рукописных материалов литературоведческого и искусствоведческого профиля и посвященные наследию деятелей отечественной культуры. Несмотря на специальный характер, часть этих работ непосредственно сопрягается с проблематикой истории общественной мысли и культуры. Таковы, например, каталоги фондов русских революционных демократов, отдельных писателей и ученых-литературоведов, описания и обзоры документов по истории отечественной архитектуры, искусства, библиотековедения⁸.

В послевоенный период была продолжена научно-археографическая работа в области всемирной истории. Раскрытию западноевропейских рукописных фондов, прежде всего по истории средневековой Франции и западноевропейских стран нового времени, были посвящены источниковедческие обзоры и каталоги Е. В. Бернадской, Т. П. Вороновой, Т. В. Луизовой и А. Д. Люблинской⁹. Нельзя не упомянуть об изданном в 1965 г. на множительном аппарате II выпуске каталога латинских рукописей VIII—начала IX в. О. А. Добиап-Рождественской (I выпуск увидел свет еще в 1934 г.).

Ознакомление с уникальными коллекциями восточных рукописей ввиду их значительного языкового своеобразия осуществляется посредством издания «Вос-

отпечат. на множит. аппарате); Е. П. Федосеева. Описание рукописных материалов по истории движения декабристов. Л., 1954, 99 стр.

⁶ М. Я. Стецкевич. Каталог фонда ревизи сенатора А. А. Половцова Киевской и Черниговской губерний 1880—1881 гг. Л., 1960, 376 стр.; она же. Каталог рукописных материалов по социально-экономической истории империализма в России. Л., 1960, 60 стр. (отпечат. на множит. аппарате); она же. Обзор материалов по истории крестьянства Украины периода второй революционной ситуации. — «Труды ГПБ», т. XII. Л., 1964, стр. 219—228.

⁷ Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, 133 стр.

⁸ Э. Э. Найдич. Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя. — «Сборник ГПБ», т. III, стр. 89—103; Р. Б. Заборова. Рукописи В. Г. Белинского. Л., 1952, 32 стр.; Э. Э. Найдич. Архив Н. А. Добролюбова. Л., 1952, 36 стр.; он же. Рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954, 32 стр.; Р. Б. Заборова. Рукописи Ф. М. Достоевского. Л., 1963, 72 стр.; она же. Рукописные материалы, относящиеся к Л. Н. Толстому. Л., 1966, 64 стр.; И. А. Коноплева. Каталог рукописей А. И. Герцена. Л., 1966, 41 стр.; Р. Б. Заборова и В. Ф. Петрова. Каталог фонда А. Н. Пыпина. Л., 1962, 259 стр.; Н. А. Дворецкая. Каталог собрания автографов М. П. Погодина. М., 1960, 128 стр.; Е. П. Федосеева. Каталог материалов по архитектуре СССР, т. 1—3. Л., 1960 (все, кроме первых двух, отпечатаны на множит. аппарате); Е. П. Федосеева. Описание архитектурных материалов. Москва и Московская область. Л., 1956, 88 стр.; «История Ленинграда. Каталог рукописей». Л., 1954, 124 стр.; З. И. Фомичева. О некоторых работах русских художников в фондах Отдела рукописей ГПБ. — «Труды ГПБ», т. XII, стр. 199—214; А. В. Сиротова. Обзор материалов по библиотековедению, хранящихся в русских фондах Отдела рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Труды ГПБ», т. XII, стр. 145—156, и др.

⁹ Т. В. Луизова. Раннеготические рукописи Публичной библиотеки. — «Труды ГПБ», т. I. Л., 1957, стр. 237—264; она же. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154; Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1963, 111 стр.; Е. В. Бернадская. Итальянская рукописная книга в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — «Средние века», вып. 30. М., 1967, стр. 251—260; Т. П. Воронова. Французские средневековые рукописные книги в собрании Государственной публичной библиотеки. — «Средние века», вып. 22. М., 1962, стр. 258—266; А. Д. Люблинская. Документы из Бастильского архива. Аннотированный каталог. Л., 1960, 328 стр.

точных сборников»; последний такой сборник вышел в 1957 г. в качестве II тома «Трудов» библиотеки. Он содержал описание и обзоры рукописей на персидском, арабском, курдском и других языках, подготовленные как сотрудниками, так и читателями Отдела рукописей — чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской, Г. И. Костыговой, К. Б. Старковой, А. Л. Троицкой и другими видными ленинградскими востоковедами¹⁰. Здесь же был опубликован обзор греческих рукописей Публичной библиотеки, написанный Е. Э. Гранстром. Он составляет часть сводного каталога греческих рукописей ленинградских хранилищ, публикуемого Е. Э. Гранстром на протяжении ряда лет в «Византийском временнике».

К сожалению, большая часть упомянутых выше трудов издавалась малым тиражом, поэтому намечено типографское переиздание наиболее важных описаний и подготовка к печати новых описаний отдельных частей фонда. В издательстве «Книга» вышел краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за минувшие 15 лет (с 1952 по 1966 г.)¹¹, что продолжает установившуюся традицию ознакомления читателей ситогами собирательской деятельности отдела. До сих пор текущие отчеты, подготовленные А. Н. Михалевой, помещались в «Трудах ГПБ» и ежегодных «Отчетах» Публичной библиотеки. В издательстве «Книга» вышло из печати научное описание памятников русской письменности XI—XVII вв. Эрмитажного собрания¹², готовятся описание Бастильского архива и каталог исторических мемуаров.

В издательстве «Наука» находится в производстве очередной том «Восточного сборника», содержащий описания и обзоры восточных рукописных фондов. В перспективный план отдела включены выпуск I тома сборника научных описаний, обзоров и публикаций «Рукописи Публичной библиотеки», подготовка научных описаний Кирилло-Белозерской, Новгородско-Софийской библиотек, а также отдельных тематических описаний, например, каталога рисунков и акварелей русских художников. Предполагается осуществить ряд справочных трудов по западноевропейским фондам, подготавливается каталог автографов государственных деятелей Западной Европы из собрания П. П. Дубровского.

А. С. Мильников

¹⁰ Совместно с АН СССР выпущены также альбомы: Г. И. Костыгова. Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV—XIX вв. М., 1963, 24 стр.; 37 л. илл.; «Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв.». М., 1964, 36 стр., 48 илл.

¹¹ «Новые поступления в Отдел рукописей. 1952—1966. Краткий отчет». Под ред. Р. В. Заборов и А. С. Мильникова. М., 1968, 200 стр.

¹² Д. Н. Альшиц. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968, 160 стр.

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР

В Институте истории Академии наук Белорусской ССР 10 октября 1968 г. выступил председатель Археографической комиссии д. и. н. С. О. Шмидт с докладом «О перспективах развития вспомогательных исторических дисциплин».

Доклад вызвал большой интерес. Выступавшие единодушно поддержали мысль докладчика о важности разработки вспомогательных исторических дисциплин как настоятельной задаче, решение которой будет способствовать дальнейшему развитию советской исторической науки. Зав. сектором истории Белоруссии досоветского периода д. и. н. К. И. Шабуня отметил, что полезно было бы в этой связи организовать сектор вспомогательных дисциплин. Уже много лет в республике не разрабатываются вопросы источниковедения, археографии, нумизматики и других вспомогательных дисциплин. Создание сектора позволит вести подготовку кадров, наметить круг важнейших вопросов, освещение которых составит первостепенную задачу. Создаваемому сектору необходимо придать исключительный характер, охватив как проблемы досоветской истории, так и истории советской эпохи.

Ст. науч. сотр. института к. и. н. Е. М. Карпачев указал на первостепенное значение решения историографических проблем. Разработку вопросов источниковедения и других вспомогательных дисциплин необходимо предусмотреть в плане научно-исследовательской работы института. Большую пользу в осуществлении поставленной докладчиком задачи может принести выпуск периодического издания (например, ежеквартального) по вопросам истории Белоруссии.

Ст. науч. сотр. института к. и. н. П. Г. Козловский отметил живой интерес к источниковедению среди сотрудников института и указал на ряд статей, разделов монографий, в которых решаются источниковедческие задачи. Важнейшим условием успешной разработки источниковедения, считает П. Г. Козловский, является координация работы исторических архивов БССР и Литовской ССР. К сожалению, такой координации пока нет. Архивное управление Литовской ССР возражает против микрофильмирования для ЦГИА БССР фамильных фондов Огинских, Радзивиллов и др., хотя в действительности, как в этом убедились наши сотрудники, подобные фонды уже вполне подготовлены. Козловский высказал пожелание, чтобы Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР оказала помощь в решении этой задачи.

Ст. науч. сотр. института д. и. н. З. Ю. Копыцкий обратил внимание на то, что забвение важнейших вопросов вспомогательных дисциплин начинает отрицательно сказываться на научном уровне разработки проблем истории Белоруссии. Особенно документальной базы по истории Белоруссии является крайняя разобщенность актовых материалов, относящихся к ранним периодам истории белорусского народа. Это весьма затрудняет их поиск, ведет к большой потере времени и значительному расходованию средств на командировки. Все меньше используются древние акты, так как число историков, владеющих белорусской и польской палеографией, очень невелико, а специалисты в этой области не готовятся.

По мнению директора института чл.-корр. АН БССР Н. В. Каменской, изменить сложившееся положение вещей можно, создав научный коллектив, внимание которого будет сконцентрировано на вопросах источниковедения и других вспомогательных дисциплин. Необходимо привлечь к решению этой задачи молодежь, помочь ей овладеть предметом. Следует серьезно заняться систематизацией и публикацией наиболее важных источников. Организация сектора источниковедения в Институте истории АН БССР открывает новые возможности для института. Координируя свою работу с этим сектором, историки Белоруссии, можно полагать, сумеют наверстать упущенное и развернуть работу, необходимость которой давно назрела.

З. Ю. Копыцкий

**«АЛЬБОМ-УКАЗАТЕЛЬ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ
БУМАГИ XVII в. ПО РУКОПИСЯМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ»**

В Отделе рукописей Государственного исторического музея ведется работа по выявлению, собиранию и изучению водяных знаков бумаги XVII в.

Идея создания «Альбома-указателя филиграней XVII в.» принадлежала известному палеографу профессору В. Н. Щепкину. В 1917—1920-х годах В. Н. Щепкиным был создан макет альбома, который включал водяные знаки XVII в. из опубликованных к тому времени специальных работ по филиграноведению Ш. Брике, Н. П. Лихачева, К. Я. Тромонина и И. П. Лаптева, а также небольшое количество филиграней из фонда Спасо-Прилуцкого монастыря и архива Алябевых по материалам Отдела письменных источников ГИМ.

В те же годы был создан карточный каталог точно датированных рукописей, из которых предполагалось извлекать новые филигранные, но в связи со смертью В. Н. Щепкина в 1920 г. работа была прервана на долгие годы.

В 1959 г. работа по выявлению филиграней была возобновлена сотрудниками Отдела рукописей ГИМ. Ими подготовлен «Альбом-указатель водяных знаков бумаги XVII в. по рукописям ГИМ». Данный альбом является первой частью работы, посвященной выявлению и изучению филиграней точно датированных рукописей, книг старой печати и документов XVII в. Вторая часть, посвященная водяным знакам старопечатных книг XVII в., находится в процессе работы.

В «Альбом-указатель» включены также филигранные XVII в. из коллекций Н. П. Тихомирова, находящихся в Отделе рукописей ГИМ. В книге «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» Н. П. Лихачев указывал на большую научную ценность этой коллекции.

«Альбом-указатель» состоит из введения, атласа рисунков филиграней (около 1300), а также хронологического указателя, в котором кроме года указаны название рукописи, место ее написания (если оно обозначено в самой рукописи), формат, количество листов и характер почерка.

«Альбом-указатель» рассчитан на широкий круг специалистов, изучающих памятники XVII в., а также на работников краеведческих музеев, где особенно чувствуется отсутствие датирующих определителей для документов, рукописных книг и иного бумажного материала (географических карт, изобразительного материала и т. п.).

Т. В. Дианова

ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР

При Вологодском проблемном объединении по аграрной истории Европейского Севера действует секция источниковедения и историографии.

Известно, что по истории Европейского Севера сохранилось огромное количество источников, собранных в центральных государственных и местных областных архивах и музеях. За последние годы местные архивы провели значительную работу по классификации документов и публикации наиболее ценных из них. Изданы три выпуска «Вологодского архива» (последний вышел в 1968 г.), три выпуска «Вологодский край» (1959—1962 гг.), а также тематические сборники¹. Подготовлен к печати путеводитель по Вологодскому государственному областному архиву. Работники Архангельского областного архива ряд лет занимаются тематической разработкой фондов. Проводится микрофильмирование наиболее ценных документов.

Очень большое количество материалов хранится в центральных архивах Москвы и Ленинграда. Для того чтобы сделать эти документы доступными большему числу исследователей, особенно учителям, студентам и специалистам сельского хозяйства, при кабинете истории Вологодского педагогического института создаются фильмотека и фонд машинописных и рукописных копий. Уже имеются микрофильмы с 25 писцовых, переписных и дозорных книг XVII в. северных посадов, уездов и отдельных волостей, в том числе с писцовых книг 20-х годов XVII в. Вологодского уезда, которые никем еще не введены в научный оборот. В 1885 г. А. Е. Мерцаловым по писцовой книге 1627 г. был опубликован очерк г. Вологды, но до сих пор неизвестны даже итоговые данные по уезду о составе и категориях крестьян в начале XVII в. в поместно-вотчинном и монастырском землевладении.

Писцовые книги и переписные книги по другим поморским уездам были известны М. М. Богословскому, в монографии которого «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» (т. I, 1909; т. II, 1912) использованы итоговые поволостные и поуездные данные этих источников о числе дворов различных категорий крестьянства. Но им не исследованы богатейшие данные социально-экономического характера, имеющиеся в писцовых книгах. Микрофильмы с этих документов по Тотемскому, Великоустюжскому, Сольвычегодскому уездам и особенно с ранее неизвестных писцовых книг Важского уезда представляют значительную ценность для советских исследователей социально-экономической истории Европейского Севера XVII в. Имеются фотокопии с хранящихся в Москве (в ЦГАДА) дозорной книги по Тотемскому уезду 1619 г., нескольких писцовых книг по Тотемскому уезду, писцовой книги 1628—1630 гг. станов Устюжно-Железопольского уезда, а также с перечневой выписи из Ландратской книги этого же уезда 1716 г. с сопоставимыми данными по материалам переписей 1678, 1709—1710 гг. Машинописными копиями, изготовленными в архиве ЛОИИ, представлены сотные г. Устюжны Железопольской 1567 и 1597 гг., а также переписная книга Важского уезда 1709—1710 гг., которая пока еще также не была введена в научный оборот.

В ГИМ выполняются заказы на изготовление микрофильмов с хранящегося в собрании Уварова редкого списка Вологодского летописца XVII в., а в ЦГАДА будут сделаны фотокопии с писцовых книг Вологодского уезда 1589—1591 гг., переписных книг 1678 г., документов Генерального межевания и ревизских материалов по нескольким северным уездам.

Совместно с Вологодским областным государственным архивом и областным краеведческим музеем секцией источниковедения и историографии разрабатываются тематика и план пополнения фонда копиями важнейших документов по истории Севера, хранящихся в центральных архивах. Получено согласие руко-

¹ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Архангельск, 1964.

водства ЦГИА СССР принять от Проблемного объединения заказ на изготовление тематических путеводителей-справочников о документах по истории различных категорий северного крестьянства и истории сельскохозяйственного производства. Мы надеемся, что такого рода работа будет вестись в Архангельске и Сыктывкаре. Многие микрофильмы, фото- и машинописные копии переданы в создаваемый фонд историками, собиравшими документы по темам своих диссертаций.

Существование такого фонда в Вологодском пединституте приносит большую пользу. Учитель истории Н. И. Баландин работает в Великом Устюге. Пользуясь микрофильмами и машинописными копиями, он выполнил интересное исследование по истории родного ему Верховажья в XVII—XVIII вв. и продолжает изучение этого края, ставя своей задачей проследить историю крестьянства и сельского хозяйства Верховажья с древнейших времен до наших дней. Заслуженный учитель РСФСР А. А. Угрюмов также использует копии документальных материалов, что позволяет ему, не выезжая из далекой Тарноги в Москву, работать по истории одного из интереснейших районов Севера — древней и современной Кокшеньги.

Значительную роль играют материалы фонда в учебном процессе. Уже несколько лет изучение палеографии сочетается с практическими работами по подготовке документов к публикации и изготовлению машинописных копий с микрофильмов и фотокопий.

Более 50 студентов института систематически изучают материалы создаваемой коллекции и архивов. На Всесоюзном конкурсе на лучшую студенческую работу по общественным наукам в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции были отмечены дипломами 12 студенческих работ. Рукописные копии с документов, составленные студентами, таблицы и карты также передаются ими в фонд при кабинете истории.

Секцией источниковедения и историографии Вологодского проблемного объединения разработана и подготовлена к печати примерная программа сбора сведений по истории сел и деревень, отдельных колхозов и совхозов. Намечено проведение с начинающими исследователями семинаров по методике работы над источниками. Секция при содействии Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР провела в 1968 г. симпозиум, где, кроме научных докладов и сообщений, обсуждался план сбора и публикации материалов по истории Севера². Намечено издание ежегодника «Материалы по истории Европейского Севера СССР»³, который будет издаваться Археографической комиссией, Вологодским, Архангельским пединститутами и Коми филиалом АН СССР. В числе авторов не только местные историки и архивисты, краеведы и студенты, но и ученые Москвы и Ленинграда.

П. А. Колесников

² См. настоящий том, стр. 439—441.

³ Выпуск 1 вышел в свет в 1970 г.

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ НОВОСЕЛЬСКИЙ

(1891—1967)

29 октября 1967 г. скончался доктор исторических наук профессор Алексей Андреевич Новосельский, выдающийся советский ученый, историк СССР периода феодализма, специалист по источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам и архивоведению, педагог советской высшей школы.

А. А. Новосельский родился 16 октября (н. ст.) 1891 г. в г. Тамбове в семье учителя, окончил в 1915 г. Московский университет, где был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Магистерские экзамены А. А. Новосельский сдавал, когда уже рухнула отжившая Российская империя, когда шли бои между буржуазным Временным правительством и Советами, когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Будущему ученому и коммунисту предстояло преодолеть нелегкий путь от идеалистической философии, господствовавшей в высшей школе царского времени, к философии марксизма-ленинизма.

В 1918 г. А. А. Новосельский начал службу в Древлехранилище (ныне Центральный государственный архив древних актов). Для советских архивистов навсегда останется памятной дата декрета В. И. Ленина об архивах 1918 г., декрета, широко распахнувшего двери педоступных царских хранилищ. А. А. Новосельский пронес через свою долгую жизнь исследователя (50 лет — полвека) верность и любовь к Архиву древних актов, где он работал как сотрудник с 1918 по 1930 г. и как исследователь — до конца своих дней. Посетители архива, приезжавшие с разных концов Советского Союза, товарищи и ученики Алексея Андреевича, нередко пользовались консультациями большого ученого. Незадолго до смерти, будучи тяжело больным, он выступил с последней речью на юбилейном заседании ЦГАДА.

В 1919 г. А. А. Новосельский начал преподавательскую деятельность в Московском университете. Именно тогда, надо думать, стал выковываться и сложился тот вдумчивый педагог, учитель в лучшем смысле этого слова, каким был А. А. Новосельский. И так же, как неотделима была жизнь Алексея Андреевича от интересов Архива древних актов, так и с педагогической деятельностью он не расставался до последних дней.

Перечислим институты, где работал А. А. Новосельский как педагог: Московский университет (1919—1921 гг.), Московский институт истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1939—1941 гг.), Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской (он был там научным консультантом), Московский государственный историко-архивный институт (1943—1956 гг.). Последние годы Алексей Андреевич вел научный исторический кружок с сотрудниками ЦГАДА (1963—1967 гг.). Следует назвать очень содержательные, на высоком теоретическом уровне семинары марксизма-ленинизма, которыми руководил А. А. Новосельский в Институте истории АН СССР: в секторе феодализма (1950—1951 гг.) и в секторе источниковедения (1953—1963 гг.).

Необходимо отметить большую организационную работу Алексея Андреевича по созданию источниковедческих кадров. Сектор источниковедения Института истории, который возглавлял А. А. Новосельский, состоял, за небольшим исключением, из молодежи. Алексей Андреевич щедро отдавал ей свой педагогический талант, ревниво следил за ростом каждого сотрудника, с большим тактом и неизменной доброжелательностью помогал любому. Многие ученики А. А. Новосельского и сотрудники сектора источниковедения защитили диссертации, стали учеными, издают научные труды и достойно служат делу советской исторической науки.

В 1922 г. А. А. Новосельский из университета перешел в Институт истории РАНИОНа, где оставался до 1929 г. С 1942 г. до конца жизни А. А. Новосельский связал свои научные интересы с Институтом истории АН СССР.

Творческий путь А. А. Новосельского как историка России XVII в. — исследователя крестьянства, вотчинного хозяйства, исследователя внешней политики России — неоднократно освещался в советской печати¹.

Все исследования А. А. Новосельского всегда прочно стоят на архивном фундаменте — на источниках, большим знатоком которых он являлся. Уже первую свою монографию «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.» (1929 г.) Алексей Андреевич построил на открытом им вотчинном архиве стольника А. И. Безобразова. Материалы этого редкостного фонда (частных вотчинных фондов помещиков средней руки почти не сохранилось, тем более с такой полнотой, как данный) А. А. Новосельский подготовил для публикации «Хозяйственная переписка стольника Безобразова XVII в.» (работа была принята к печати Институтом истории и Институтом русского языка АН СССР, но Алексей Андреевич так и не дождался ее выхода).

В последние десять лет пребывания в Институте истории АН СССР (1953—1963 гг.) А. А. Новосельский широко развернул работу в области источниковедения — по публикации источников, по созданию источниковедческих кадров и по разработке проблем источниковедения.

Первоначальная задача сектора публикации источников дооктябрьского периода, руководителем которого стал А. А. Новосельский с 1953 г., была скромной: ввести в плановое русло публикаторскую работу разных секторов института, подобрать и готовить кадры. За короткий срок А. А. Новосельскому удалось сделать много. Появились крупные публикации: трехтомник «Воссоединение Украины с Россией» (М., 1953), серия сборников материалов по истории революции 1905—1907 гг. (М., 1955—1963), «Крестьянская война под предводительством Степана Разина»

¹ «Историк-марксист», 1929, т. 13; «Новый мир», 1949, № 3; «Советская книга», 1949, № 5; «Известия АН СССР», серия ист. и фил., 1949, т. 6, № 3; «Вопросы истории», 1950, № 1; «Ученые записки МГУ им. Жданова», № 128, вып. 3; «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 3—10 (стр. 11—16 — Список научных работ А. А. Новосельского); «Исторический архив», 1961, № 6; «Вопросы истории», 1962, № 1; «Вопросы истории», 1968, № 3; «История СССР», 1968, № 2; «Исторические записки», т. 81.

(М., 1954—1962); небольшие тематические публикации по важным вопросам отечественной истории публиковались в специальных сборниках «Материалы истории СССР» (т. I—VI, М., 1955—1959). Кадры источниковедов росли. Одновременно шла и методико-теоретическая работа. Итоги ее частично были отражены в специальном издании «Проблемы источниковедения» (т. IV—XI, М., 1955—1961) и в отдельных выпусках: «Правила публикации источников» (М., 1955, 1956).

Постепенно сектор начинает разработку общих вопросов источниковедения (соответственно меняется и название сектора, он именуется сектором источниковедения). А. А. Новосельский задумал коллективный труд «Очерки теории источниковедения», и работа в этом плане уже велась.

В неупорядоченном машинописном тексте проекта намечены главы предполагавшегося труда: Методология истории и источниковедения. Терминология источниковедения. Источниковедение и специальные исторические дисциплины; вспомогательные источниковедческие дисциплины. Определение и классификация исторических источников; тематическая систематизация и эвристика. Изучение происхождения источника. Источниковедческий анализ. Вопрос о внешней и внутренней критике. Внешняя критика источника. Работа над текстом источника. Описание и сравнение списков. Интерпретация текста. Внутренняя критика текста. Источниковедческий синтез. Исторический синтез (построение).

А. А. Новосельский должен был написать первую и последнюю главы: «Методология истории и источниковедения» и «Исторический синтез». В первую главу входили два раздела: а) методология и методика, б) источниковедение и историография. Глава «Исторический синтез» включала ряд разделов: обобщение гипотез о фактах, полученных в результате исследования многих источников; установление формально-логической связи между фактами; выяснение недостающего звена (лакун) в собранном ряду фактов; попытка ликвидации таких лакун путем создания аналогий научных гипотез на базе диалектической логики; объединение гипотез в систему; историческое построение; построение и социология; историческое предвидение.

К сожалению, имеются только проспект работы и фрагменты отдельных ее частей.

И в теоретической и в практической работе А. А. Новосельский опирался на широкие круги специалистов как из состава Института истории, так и других учреждений Москвы и Ленинграда и союзных республик. Многие публикации сектора выходили при участии других научных организаций. За работой сектора источниковедения и его изданиями следили специалисты из зарубежных стран, как показывают рецензии, появившиеся в Варшаве, Праге, Берлине и др.

Смерть А. А. Новосельского — большая утрата для советской исторической науки. Остались незаконченными вторая часть монографии «О русско-крымских отношениях в XVII в.» (фрагменты семи глав этой работы и материалы к ним) и «Очерки теории источниковедения». А товарищи и ученики А. А. Новосельского потеряли крупного ученого, талантливого педагога, отзывчивого, всегда охотно делившегося своими большими знаниями и опытом с теми, кто обращался к нему за помощью.

Е. П. Подъяпольская

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ АБУЛАДЗЕ

(1901—1968)

Советская наука понесла тяжелую утрату — 9 октября 1968 г. скончался профессор Илья Владимирович Абуладзе, крупный ученый-востоковед, директор Института рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР, член-корреспондент Академии наук Груз-ССР, заслуженный деятель науки.

И. В. Абуладзе был достойным представителем той плеяды советских ученых, которые способствуют движению нашей науки вперед, создают ей славу не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

Замечательный знаток грузино-армянской филологии, чуткий воспитатель молодежи, самоотверженный хранитель древнейших грузинских рукописей, влюбленный в свое дело специалист — таким знала его наша общественность.

И. В. Абуладзе родился 24 ноября 1901 г. в с. Зеда-Сакара Зестафонского района в семье учителя. Среднее образование получил в Кутаисской первой гимназии. В 1922 г. он поступил в Тбилисский государственный университет и с отличием окончил его по двум специальностям: литературе и языкознанию. По окончании университета он был оставлен в аспирантуре по армяно-грузинской филологии, науке, которой впоследствии посвятил много труда и энергии. Его перу принадлежат более ста печатных трудов, значительная часть которых является крупными монографиями.

Блестящее знание древнегрузинского и древнеармянского языков дало ему возможность тщательно изучить и подготовить к изданию древнейшие памятники литературы. Его докторская диссертация «Взаимоотношения грузинской и армянской литературы IX—X веков» является значительным вкладом в науку. Палеографический альбом профессора И. Абуладзе «Образцы грузинского письма» стал

настойной книгой всех, кто интересуется древнегрузинским письмом. Подготовленный им к изданию древнейший армянский перевод «Жизни Картли» имеет большое значение для изучения грузинского текста этого памятника. Замечательный памятник древнегрузинской литературы «Мудрость Балавара», греческий перевод которого приписывается Эквтиме Атонели, дважды был издан И. В. Абуладзе.

С 1953 г. Илья Владимирович возглавлял Отдел рукописей Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, на основе которого в 1958 г. по его же инициативе был создан Институт рукописей, бессменным директором которого И. В. Абуладзе оставался до конца жизни. Всей своей научной деятельностью И. В. Абуладзе был тесно связан с ним. Еще в 1939 г. по инициативе акад. И. А. Джавахишвили отдел приступил к описанию грузинских рукописей. Первый том был подготовлен под руководством И. В. Абуладзе и опубликован в 1946 г. С тех пор под его же руководством вышло в свет 16 томов описаний грузинских рукописей. Параллельно ориенталисты Института рукописей приступили к описанию восточных (персидских, тюркских, арабских) рукописей, подготовив I том описания к изданию. В контакте с сотрудниками Матенадарана под непосредственным руководством И. В. Абуладзе было составлено полное описание армянских рукописей института, которое в ближайшее время будет опубликовано.

Наряду с археографической и палеографической работой в институте широко развернулась филологическая работа. Под редакцией И. В. Абуладзе институт опубликовал ряд важнейших памятников древнегрузинской оригинальной и переводной литературы.

В период своей деятельности в Институте рукописей И. В. Абуладзе с удвоенной энергией взялся за организацию дела хранения и изучения фондов. Для этих целей были созданы специальные лаборатории: химико-микологическая, реставрационная и фотокабинет. Институт широко развернул работу по собиранию рукописей в селах и городах Грузии, а также микрофильмов и фотокопий грузинских рукописей из отечественных и зарубежных хранилищ.

Велики заслуги И. В. Абуладзе в деле воспитания молодежи. Он автор и соавтор многих учебников, значительное число молодых исследователей получило у него научную закалку. На протяжении ряда лет И. В. Абуладзе был деканом филологического факультета Тбилисского государственного университета. Он состоял членом многих ученых советов, был активным членом Археографической комиссии.

И. В. Абуладзе как человека, гражданина и ученого характеризовала скромность и простота. Таким он и останется в памяти своих многочисленных учеников и почитателей.

Е. П. Мегрели

ВЕРА ДМИТРИЕВНА КУЗЬМИНА

(1908—1968)

6 декабря 1968 г. на 61-м году жизни скончалась Вера Дмитриевна Кузьмина, видный филолог, театровед и археограф, один из крупных специалистов в области древнерусской литературы и культуры XVIII в.

Она родилась 7 марта 1908 г. в семье инженера-транспортника и прошла нелегкий путь, прежде чем смогла посвятить себя работе в избранной ею области. В 1925 г. она поступила на строительный факультет Московского института инженеров транспорта, который и закончила в 1930 г., а вслед за этим начала работать по специальности. Но, еще будучи студенткой, В. Д. Кузьмина почувствовала неудовлетворенность выбором профессии, стала исподволь готовиться к занятиям в области филологических наук, и в 1932 г. она поступила на заочное отделение литературного факультета Московского городского педагогического института им. Бубнова, который и окончила экстерном в этом же году. Один этот факт достаточно ярко характеризует необыкновенное трудолюбие, целеустремленность и страстную увлеченность В. Д. Кузьминой выбранной ею специальностью: она находила время для занятий, работая сначала техником, затем инженером, потом научным сотрудником Мостостроя, Центрального научного института путей сообщения и т. д.

С 1932 г. В. Д. Кузьмина преподает русский язык и литературу в вечернем комвузе им. М. Н. Покровского, в комсомольской школе Партиздата. В 1935 г. она поступает в аспирантуру Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. В 1938 г. В. Д. Кузьмина защищает диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук по теме «Повесть о Бове Королевиче». С 1936 г. В. Д. Кузьмина начинает преподавательскую деятельность

в высшей школе. Она читала курсы древнерусской литературы и литературы XVIII в. в МГПИ им. К. Либкнехта, в Московском полиграфическом институте, Литературном институте Союза советских писателей, долгое время работала редактором Учпедгиза, научным сотрудником Государственного литературного музея, Института истории искусств АН СССР, а с 1956 г. и до своей кончины — старшим научным сотрудником, руководителем группы по изучению древнерусской литературы в Институте мировой литературы АН СССР им. М. Горького. Докторская диссертация была защищена В. Д. Кузьминой 23 ноября 1956 г. на тему: «Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII в. (Исследование и тексты)».

Прекрасное знание языков (В. Д. Кузьмина владела французским, немецким, английским, итальянским, чешским, польским, сербо-хорватским, греческим, латинским, украинским и белорусским языками) позволило ей вести свою научно-исследовательскую работу в широком историко-сравнительном плане с привлечением западноевропейского материала. Глубокая эрудиция в историко-культурных связях народов России с зарубежными странами давала ей возможность сказать новое слово в этой сложной и трудоемкой области историко-культурных исследований. Она была неизменным участником международных съездов славистов начиная с 1958 г., совещаний специалистов по литературе XI—XVIII вв. в Москве, Ленинграде и Софии. Ее доклады и выступления на научных дискуссиях отличались высокой принципиальностью, широтой обобщений, глубиной литературоведческого анализа. Труды В. Д. Кузьминой публиковались в научных журналах Франции, Чехословакии, Польши.

Первые труды В. Д. Кузьминой, появившиеся 30 лет тому назад, были посвящены вопросам преподавания древнерусской литературы в средней школе. В дальнейшем научные интересы В. Д. Кузьминой сосредоточились главным образом вокруг изучения трех больших тем: судьба древнейшей повести («Девгениево деяние», 1962 г., и ряд блестящих статей, посвященных «Слову о полку Игореве»), переводной роман XVII и XVIII вв. («Рыцарский роман на Руси», 1964) и демократический театр переходной эпохи от средневековья к новому времени («Русский демократический театр XVIII в.», 1968 г.; «Памятники русской школьной драмы XVIII в. (по загребским спискам)». М., 1968 — совместно с югославским проф. И. М. Бадаличем). В последнее время Вера Дмитриевна возглавляла большую коллективную работу, посвященную ранней русской драматургии, готовя к 300-летию русского театра полное издание текстов пьес XVII—начала XVIII в.

Как исследователю В. Д. Кузьминой были свойственны глубокие теоретические обобщения, основанные на скрупулезном текстологическом анализе, неустанный творческий поиск, стремление раскрыть все своеобразие и неповторимость древнерусских произведений, показать их связь с современными явлениями в области культуры. Ею были найдены и впервые введены в научный оборот многие произведения ранней русской драматургии.

Воспитанная советской эпохой, Вера Дмитриевна в своей научной работе бережно сохранила связь с лучшими традициями русской классической науки. Она начала свою работу в области древнерусской литературы под руководством акад. М. Н. Сперанского и на всю жизнь сохранила светлую память о своем учителе и благодарность ему. Она подготовила к печати и посмертно опубликовала труды М. Н. Сперанского «Из истории русско-славянских связей» (1960), «Описание рукописей кремлевского Успенского собора» (1963), «Рукописные сборники XVIII в.» (1963). «Перевод „Слова о полку Игореве“ в бумагах Малиновского» (1967).

В. Д. Кузьмина проявила себя и как опытный и знающий археограф. Ее издания «Девгениева деяния», школьных драм XVIII в., материалов по истории русской журналистики, мемуарной литературы, эпистолярного наследия и т. д. стоят на высоком научном уровне, отвечают самым строгим требованиям и представляют собой несомненный вклад в практику и теорию археографии. Особенно высоко следует оценить ее публикацию научного наследия акад. М. Н. Сперанского: наряду с бережным отношением к авторскому тексту в этих изданиях

исправлены неточности, недомолвки и ошибки, пополнена и уточнена библиография, в примечаниях к публикуемым трудам добавлены те новые данные, к которым пришла наука уже после завершения издаваемых работ, и т. д.

В своих рецензиях В. Д. Кузьмина давала всегда точную и беспристрастную оценку анализируемым трудам. Особо следует отметить ее рецензии на зарубежные издания — французские, английские, американские, польские, чешские работы, информирующие советского читателя о наиболее интересных и важных с научной и политической точек зрения зарубежных изданиях.

Вера Дмитриевна была строга и требовательна и к себе, и к другим. Она страстно отстаивала свои взгляды в научных спорах, больше всего ее возмущало холодное безразличие к науке. Отдавая всю свою жизнь любимому делу, она не могла спокойно и безразлично пройти мимо безответственного и небрежного хранения рукописей, книг, культурно-исторических памятников. Ею были буквально спасены и переданы на государственное хранение многие рукописные собрания, материалы по истории театра и другие исторические источники. В. Д. Кузьмину хорошо знали и ценили работники центральных и местных архивов и музеев.

Много сил и времени отдавала Вера Дмитриевна научно-организационной и общественной работе. Она неоднократно избиралась депутатом районного Совета. Последние 12 лет она руководила группой по изучению древнерусской литературы, объединив вокруг себя большой сплоченный коллектив медиевистов-филологов, историков-театроведов, лингвистов, искусствоведов и археографов.

Сердечная, отзывчивая, готовая всегда прийти на помощь в самый ответственный момент — вот какой запомнят Веру Дмитриевну ее многочисленные товарищи по работе, друзья и ученики.

Л. Н. Пушкарев

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. Статьи и сообщения

<i>С. И. Кузьмин.</i> Розыск документов В. И. Ленина в государственных архивах СССР (1923—1967 гг.)	5
<i>А. М. Володарская.</i> В поисках ленинского наследия (Из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина)	14
<i>С. Н. Валк.</i> Регесты в их прошлом и настоящем	22
<i>А. В. Елпатьевский.</i> О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений	48
<u><i>Л. Н. Берков</i></u> , <i>Н. Д. Кочеткова.</i> Археографические разыскания как очередная задача изучения русской литературы XVIII в.	57
<i>В. А. Кондратьев.</i> Об издании документального фонда Московского военно-революционного комитета	62
<i>М. Х. Алешковский.</i> К датировке первой редакции Повести временных лет	71
<i>А. Г. Кузьмин.</i> Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом Ростовском»)	73
<i>Я. Н. Щапов.</i> Варсонофьевская кормчая	93
<i>В. Л. Янин.</i> К вопросу о датировке экземпляров D и K «Смоленской правды»	102
<i>А. А. Зимин.</i> Источники по истории местничества в XV—первой трети XVI в.	109
✓ <i>Е. С. Сизов.</i> Граффити в усыпальнице Ивана Грозного	119
<i>С. П. Мордовина.</i> К истории утвержденной грамоты 1598 г.	127
<i>Ю. А. Тихонов.</i> Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII—начала XVIII в.	142
<i>Б. Н. Миронов.</i> О методике обработки источников по истории цен (К исследованию проблемы образования всероссийского национального рынка)	154
<i>Л. В. Милов.</i> К истории создания «Географического словаря» Афанасия Щекатова	166
<i>Б. Н. Казанцев.</i> Журналы Московского отделения Мануфактурного совета (20—60-е годы XIX в.) как исторический источник	184
<i>А. С. Покровский.</i> Некоторые вопросы законодательной деятельности Советской власти (октябрь 1917—февраль 1918 г.) в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича	194
<i>Р. М. Савицкая.</i> Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича как источник для изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в период мирной передышки 1918 г.	213
<i>Е. В. Старостин.</i> О встречах В. И. Ленина и П. А. Кропоткина (К вопросу датировки)	225
<i>Р. В. Костина.</i> Центральные газеты 1918—1920 гг. как источник по истории деятельности Московского городского совнархоза	230

<i>В. П. Данилов.</i> Динамика населения СССР за 1917—1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса)	242
<i>И. В. Поздеева.</i> Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг.	254
<i>В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская.</i> Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг.	262
<i>В. П. Адрианова-Перетц.</i> Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца	275
<i>Е. И. Каменцева.</i> Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин	281
<i>В. Д. Кузьмина.</i> Деятельность В. П. Адриановой-Перетц как археографа, библиографа и источниковеда (К 80-летию со дня рождения)	286
<i>Л. П. Жукотская.</i> Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин (К 60-летию со дня рождения)	291

Тихомировские чтения

<i>С. О. Шмидт.</i> Вступительное слово	300
<i>И. П. Староверова.</i> Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР	304
<i>Р. Ф. Хохлов.</i> М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей	315
<i>А. В. Муравьев.</i> Спецкурс М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.»	318
<i>А. И. Рогов.</i> Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению	324
<i>В. А. Александров.</i> Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова	325

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Е. Э. Гранстрем, И. П. Медведев.</i> Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда	337
<i>В. И. Буганов.</i> Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны	349
<i>А. С. Красавин.</i> Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова	354
<i>М. С. Багракова.</i> Формирование основ государственной политики по отношению к науке в первые годы Советской власти (По материалам Архива АН СССР)	360
<i>С. П. Бутыко.</i> Малоизвестное описание документальных материалов Московского главного архива Министерства иностранных дел, составленное А. Ф. Малиновским	380
<i>М. А. Рашковская, Е. Б. Рашковский.</i> О мемуарах Н. И. Кареева «Прожитое и пережитое» как источнике по истории интеллектуальной жизни России конца XIX в.	384
<i>А. С. Букалов, Н. С. Трусова.</i> Обзор личного фонда М. Н. Покровского	392
<i>Н. Г. Михайлова.</i> Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова Библиография трудов С. Б. Веселовского	395
<i>М. В. Кужушкина.</i> О новом альбоме флиграней	401
	405

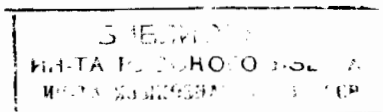
III. Публикации

Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря (подготовил <i>В. Б. Кобрин</i>)	406
Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России» (подготовил <i>С. Б. Филимонов</i>)	411
Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания (подготовил <i>С. В. Чирков</i>)	416

IV. Хроника

Состав Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР	433
<i>Н. Б. Шеламанова.</i> Заседания Археографической комиссии	435
<i>Н. Б. Шеламанова.</i> Составление «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»	447
<i>В. Б. Павлов-Сильванский.</i> Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв.	448
<i>Н. М. Мигрякова, Э. Г. Чумаченко.</i> О работе Ученого совета Архива АН СССР	451
<i>А. И. Копанев.</i> В рукописном собрании Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР	453
<i>А. С. Мыльников.</i> Печатные каталоги и обзоры рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	455
<i>Э. Ю. Копынский.</i> В Институте истории Академии наук Белорусской ССР	458
<i>Т. В. Дианова.</i> «Альбом-указатель водяных знаков бумаги XVII в. по рукописям Государственного исторического музея»	459
<i>П. А. Колесников.</i> Изучение материалов по истории Европейского Севера СССР	460
<u>Алексей Андреевич Новосельский</u>	462
<u>Илья Владимирович Абуладзе</u>	465
<u>Вера Дмитриевна Кузьмина</u>	467

Археографический ежегодник за 1968 год

Утверждено к печати
Археографической комиссией Отделения истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*. Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 29/I-1970 г. Подписано к печати 31/VII 1970 г. Формат 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 41,3.
Уч.-изд. л. 42,2. Тираж 1600. Т-12239. Бумага № 2. Тип. зак. 761.

Цена 2 р. 73 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62. Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

2р. 73к.

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1968